

**ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

На правах рукописи

Гутников Олег Валентинович

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В
ОТНОШЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С УПРАВЛЕНИЕМ
ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ**

Специальность: 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

**диссертация на соискание учёной степени
доктора юридических наук**

Москва

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Отношения, связанные с управлением юридическими лицами	41
§ 1. Отношения, связанные с управлением юридическими лицами, как составная часть предмета гражданского права	41
§ 2. Императивный метод регулирования отношений, связанных с управлением юридическими лицами	94
§ 3. Виды и субъектный состав отношений, связанных с управлением юридическими лицами	101
Глава 2. Ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, как вид гражданско-правовой ответственности	122
§ 1. Значение гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами	122
§ 2. Понятие и основные особенности гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами	134
§ 3. Субъекты гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами	172
§ 4. Виды гражданско-правовой ответственности, связанной с управлением юридическими лицами	188

Глава 3. Отдельные виды гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами	194
§ 1. Ответственность управляющих перед юридическим лицом и иными лицами за причиненные убытки	194
§ 2. Ответственность перед кредиторами юридического лица	253
§ 3. Субсидиарная ответственность перед кредиторами по обязательствам юридического лица	312
§ 4. Ответственность за причинение вреда правам кредиторов и участников (учредителей) юридического лица	359
§ 5. Ответственность за нарушение договоров, связанных с управлением юридическим лицом	394
§ 6. Ответственность в виде исключения участника из юридического лица	432
§ 7. Ответственность участников коммерческих корпораций	472
§ 8. Ответственность контролирующих лиц в законодательстве о несостоятельности (банкротстве)	509
Заключение	542
Список литературы	562

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования

В настоящее время в России продолжается масштабная реформа законодательства о юридических лицах, проходящая в контексте общей реформы гражданского законодательства, воплотившейся в том числе в принятии за последние годы существенных поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее также – ГК РФ).

Причины, вызвавшие необходимость реформ законодательства о юридических лицах, связаны в первую очередь с нарастающим массивом законодательных актов и стремлением законодателя навести порядок в регулировании соответствующих отношений¹. Наличие множества законов и подзаконных актов, огромное количество организационно-правовых форм юридических лиц с каждым годом все больше создавали ощущение хаоса в правовом регулировании, отрицательно сказывались на стабильности гражданского оборота, привлекательности для инвесторов отечественной экономики. Постепенно на государственном уровне пришло понимание необходимости кардинального совершенствования законодательства о юридических лицах.

Полномасштабный процесс модернизации законодательства о юридических лицах² начался после принятия Указа Президента РФ от 18

¹ Общий анализ и обзор развития законодательства о юридических лицах и его периодизацию см. в следующих работах автора: *Гутников О.В.* Глава 1 «Законодательство о юридических лицах и проблемы его совершенствования» // *Юридические лица в гражданском праве / Отв. ред. В.Н. Литовкин, О.В. Гутников. М., 2011. С. 32–124; Гутников О.В.* § 2 главы 1 «Развитие законодательства Российской Федерации о юридических лицах в современный период» // *Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 1. Общие положения о юридических лицах / отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М., 2015. С. 67–118.*

² О модернизации законодательства о юридических лицах см. также: *Гутников О.В.* § 1 главы 2 «Модернизация законодательства о юридических лицах» // *Право и*

июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»³, давшего начало продолжающейся по настоящее время крупной реформе всего гражданского законодательства.

В ходе реформы был подготовлен и проект Концепции развития законодательства о юридических лицах⁴, основные положения которого легли в основу соответствующих разделов Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации⁵, а впоследствии – в основу соответствующих поправок в ГК РФ.

Анализ развития реформы законодательства о юридических лицах уже сейчас позволяет сказать, что эта реформа не создает систему понятного, последовательного и непротиворечивого правового регулирования правового положения различных видов юридических лиц. Как отмечается в рекомендациях круглого стола Совета Федерации Федерального Собрания РФ «Совершенствование корпоративного законодательства»⁶, законодатель и правоприменитель еще не разработали полноценную систему последовательного и непротиворечивого правового регулирования корпоративных отношений. Необходимо определить правовую природу, содержание и структуру корпоративных отношений, а также какие общие нормы и правовые институты должны их регулировать⁷.

экономическая деятельность: современные вызовы: Монография / Отв. ред. А.В. Габов. М., 2015. С. 52–63.

³ СЗ РФ. 2008. № 29 (ч. 1). Ст. 3482.

⁴ Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 9–73.

⁵ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. ст. А.Л. Маковского. М., 2009. 160 с.

⁶ Состоялся 23 мая 2017 г. в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, организованный Комитетом СФ по конституционному законодательству и государственному строительству совместно с Комитетом СФ по экономической политике. URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/80498/>

⁷ См. также: *Суханов Е.А.* О достоинствах и недостатках новой редакции главы 4 Гражданского кодекса РФ // *Хозяйство и право.* 2014. № 9. С. 3–23; *Гутников О.В.* Развитие корпоративного законодательства // *Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб.* / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова и др.; отв.ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров; М., 2015. С. 451 – 463; *Он же.* Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о

В связи с этим ни в науке, ни в практике нет четкого представления о том, что представляет собой корпоративное право как подотрасль гражданского права: что такое корпоративные отношения, какова их правовая природа, содержание и структура, какие общие нормы и правовые институты должны их регулировать. Выявление и формулирование в законодательстве таких общих норм имеют важнейшее научное и практическое значение, а отсутствие четких представлений об этом в процессе реформы приводит и еще приведет к негативным последствиям.

Сказанное в полной мере относится и к гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, которая играет определяющую роль в развитии законодательства о юридических лицах.

В силу принципа отделения⁸ юридической личности и имущества юридического лица от личности и имущества его участников (учредителя), предполагающего также отдельную имущественную ответственность юридического лица и его участников (учредителя) по своим обязательствам, юридическое лицо как имущественная масса выступает в гражданском обороте в качестве своеобразного «источника повышенной опасности», создавая риски потери имущества и во внутренних отношениях (для инвесторов (участников), и во внешних отношениях для кредиторов, работников, потребителей, выгодоприобретателей юридического лица, что также предопределяет императивный метод регулирования отношений, связанных с управлением юридическими лицами, и требует особой защиты как частных, так и публичных интересов.

юридических лицах // Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 1. Общие положения о юридических лицах / Отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С. А. Сеницын. М., 2015. С. 119–162.

⁸См.: Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы современной цивилистики: сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева. М., 2013. С. 103.

Поэтому проблематика юридической ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, является центральной в законодательстве о юридических лицах. По существу ей охватывается весь смысл законодательства о юридических лицах, и от того, какие подходы сложатся в науке и правоприменительной практике, будет зависеть его эффективность в целом, а в конечном итоге – конкурентоспособность отечественной правовой системы.

Разработка общей категории гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, имеет важнейшее научное и практическое значение. Это наглядно можно проследить на примере ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве: последними поправками в законодательство⁹ предусмотрены чрезмерно широкие возможности привлечения к ответственности контролирующих лиц, что привело по существу к размыванию границ юридического лица и девальвации принципа отделения в корпоративном праве. Смещение ответственности, связанной с управлением юридическими лицами, с деликтной и отсутствие понимания их отличительных особенностей повлекли появление и дальнейшее развитие в законодательстве о банкротстве специфических видов гражданско-правовой ответственности контролирующих лиц, представляющих собой с теоретической точки зрения гибридные формы традиционных видов ответственности, а с практической – трудноприменимые правовые конструкции, не отвечающие признакам правовой определенности.

Другим наглядным примером может послужить судебное дело по иску компании «Роснефть» к ПАО «АФК «Система» о взыскании убытков, причиненных компании «Башнефть» ее бывшим контролирующим

⁹ См.: Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815.

акционером¹⁰, в котором обнаружилась полная неопределенность относительно правовой природы гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом, и ее соотношения с общегражданской деликтной ответственностью. Актуальность и нерешенность в законодательстве многих вопросов, связанных с привлечением к ответственности по долгам юридического лица его учредителей и работников, демонстрирует и Конституционный Суд Российской Федерации, сделавший попытку на уровне своей правовой позиции внести ясность в некоторые из них¹¹.

Следует отметить, что имеющиеся недостатки правового регулирования привели к тому, что в ходе реформы гражданского законодательства в ГК РФ приняты поправки, направленные на совершенствование различных видов гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Так, в ГК РФ существенно обновлены нормы об ответственности управляющих за убытки, причиненные их действиями юридическому лицу (ст. 53.1 ГК РФ).

Анализ проводимых законодательных реформ в сфере гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, позволяет заключить, что основная их тенденция заключается, с одной стороны, в унификации положений о такой ответственности для всех юридических лиц и закреплении их непосредственно в ГК РФ, а с другой стороны – в дифференциации различных видов ответственности за те или иные нарушения. Данная тенденция в целом является, на наш взгляд, правильной.

¹⁰ Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30.08.2017 г. по делу № А07-14085/2017.

¹¹ См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.А. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А.Н. Сергеева».

Однако этот процесс пока представляется далеко не завершенным, а дальнейшее совершенствование законодательства в этой сфере нуждается в теоретическом обосновании и разработке общих доктринальных представлений о гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами.

Теоретическая основа исследования и степень разработанности темы

Теоретическую основу исследования составляют, прежде всего, труды отечественных ученых-цивилистов дореволюционного, советского и современного периода, посвященные общей теории гражданско-правовой ответственности, а также рассматривающие теорию корпоративных отношений, включая вопросы отдельных видов гражданско-правовой ответственности в таких отношениях.

Из дореволюционных особо следует отметить труды Ю.С. Гамбарова, Л.Л. Гервагена, А.Х. Гольмстена, Н.Л. Дювернуа, А.И. Каминки, А.С. Кривцова, Д.И. Мейера, Л.И. Петражицкого, П.А. Писемского, И.А. Покровского, Н.С. Суворова, И.Т. Тарасова, П.П. Цитовича, Г.Ф. Шершеневича.

В советское время теория юридической ответственности и проблематика юридических лиц в разной степени развивались такими учеными, как М.М. Агарков, С.С. Алексеев, С.И. Аскназий, М.И. Брагинский, Ю.Г. Басин, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, А.Э. Вормс, А.Г. Гойхбарг, В.П. Грибанов, М.Н. Израэлит, О.С. Иоффе, С.Ф. Кечекьян, С.М. Корнеев, О.А. Красавчиков, М.И. Кулагин, О.Э. Лейст, Л.А. Лунц, Г.К. Матвеев, Н.С. Малеин, В.П. Мозолин, И.Б. Новицкий, В.А. Ойгензихт, В.А. Рахмилович, В.М. Семенов, В.Л. Слесарев, В.А. Тархов, Ю.К. Толстой, Е.А. Флейшиц, Р.О. Халфина, Б.Б. Черепяхин, В.Ф. Яковлев и др.

Из современных ученых разработкой соответствующей проблематики в разное время занимались Т.Е. Абова, Г.Е. Авилов, А.В. Асосков, В.К. Андреев, А.Б. Бабаев, Ю.В. Байгушева, С.А. Бабкин, В.А. Белов, Ф.О.

Богатырев, Т.С. Бойко, В.Г. Бородкин, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, С.Л. Будылин, А.В. Габов, А.А. Глушецкий, Б.М. Гонгало, Я.М. Гританс, В.В. Долинская, А.В. Егоров, М.А. Егорова, В.С. Ем, А.А. Зурабян, Ю.Л. Иванец, И.Л. Иванов, Б.Р. Карабельников, Ф.С. Карагусов, А.Г. Карапетов, Я.В. Карнаков, Д.Н. Кархалев, Т.В. Кашанина, Н.В. Козлова, В.С. Кононов, Е.А. Крашенинников, А.А. Кузнецов, Л.В. Кузнецова, А.В. Кулинская, В.А. Лаптев, В.В. Лаптев, Д.В. Ломакин, О.А. Макарова, А.А. Маковская, А.Л. Маковский, С.Д. Могилевский, Ю.Э. Монастырский, О.М. Олейник, Н.Н. Пахомова, Е.В. Пестерева, Ю.С. Поваров, В.Ф. Попондопуло, М.А. Рожкова, О.Н. Садиков, С.А. Сеницын, Т.В. Соيفер, Д.И. Степанов, П.В. Степанов, М.К. Сулейменов, Е.А. Суханов, О.Н. Сыродоева, М.В. Телюкина, К.А. Усачева, Р.Р. Ушницкий, И.Ш. Файзутдинов, С.Ю. Филиппова, Ю.С. Харитонова, Г.В. Цепов, В.Е. Чиркин, Г.С. Шапкина, И.С. Шиткина, В.В. Ярков и др.

Несмотря на огромную значимость гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, данная проблематика не получила должного внимания в научной литературе. В отечественной доктрине гражданского права вопросы юридической ответственности в данной сфере рассматриваются либо в контексте общей проблематики корпоративных отношений, либо применительно к тем или иным видам (конкретным составам) ответственности в аспекте соответствующих проблем, связанных с их применением на практике. При этом соответствующие виды ответственности исследуются с позиций традиционного правового инструментария деликтной или договорной ответственности, в то время как никакой общей теории гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами («корпоративной ответственности»), до сих пор не разработано. Сам термин «корпоративная ответственность» используется в литературе не в юридическом, а в экономическом значении, под которым понимается социальная ответственность бизнеса перед

обществом, своими работниками и населением за принимаемые решения¹². По существу «корпоративная ответственность» в таком понимании означает добровольное принятие на себя крупными корпорациями дополнительных социальных обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности.

Однако в юридическом смысле общая категория корпоративной ответственности до настоящего времени остается слабо разработанной в законодательстве, доктрине и правоприменительной практике. Ей очень мало уделяется внимания в специальных исследованиях. В основном речь в них идет о правовой природе корпоративных отношений, способах защиты корпоративных прав. При этом сами корпоративные отношения и соответствующие виды гражданско-правовой ответственности рассматриваются преимущественно лишь в отношении корпоративных коммерческих организаций (хозяйственных обществ и товариществ), и не охватывают соответствующие правовые явления в иных юридических лицах: некоммерческих корпоративных организациях и организациях унитарного типа.

Едва ли не единственной работой монографического плана, специально посвященной корпоративной ответственности применительно к акционерным обществам, является книга А.Е. Молотникова¹³. Лишь в некоторых научных работах корпоративная ответственность характеризуется как вид юридической ответственности, имеющий свои особенности¹⁴. Однако

¹² См. например: *Белоусов К.Ю.* Корпоративная социальная ответственность как социально-экономический институт // Проблемы современной экономики. 2015. № 4 (56). С. 87–90; *Тульчинский Г.Л.* Корпоративная социальная ответственность: технологии и оценка эффективности. М., 2013. 338 с.

¹³ *Молотников А.Е.* Ответственность в акционерных обществах. М., 2006. 240 с.

¹⁴ См. например: *Шиткина И.С.* Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право») // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2015. № 2. С. 2–26; *Она же.* Ответственность в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. 2015. № 6. С. 14–40. *Минина И.А.* Корпоративная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Законодательство и экономика. 2009. № 12. С. 33–35; *Она же.* Частноправовое

в соответствующих работах эта ответственность рассматривается не как гражданско-правовая, а как «полиотраслевая» юридическая ответственность, установленная нормами различных отраслей права (гражданского, административного, трудового, уголовного). В основном же ответственность в корпоративных отношениях рассматривается применительно к отдельным ее видам без какого-либо обоснования ее самостоятельного характера¹⁵. Напротив, корпоративную ответственность чаще всего относят к разновидности деликтной или договорной ответственности.

Диссертационные исследования, специально посвященные общей теории гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением любыми юридическими лицами, в отечественной правовой науке также отсутствуют. Имеющиеся в новейшее время работы либо затрагивают проблематику корпоративных отношений в целом и защиту гражданских прав их участников, либо касаются отдельных видов гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами.

регулирование корпоративной ответственности // Адвокат. 2009. № 11. С. 81–84; *Карабельников Б.Р.* Трудовые отношения в хозяйственных обществах. М., 2003. 328 с.; *Дзуцева Д.М., Кабалоева А.Т.* Особенности корпоративной ответственности // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1. С. 156–161.

¹⁵См. например: *Маковская А.А.* Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 329–371; *Кулинская А.В.* Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа акционерного общества // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 11 / Под ред. О.Ю. Шилохвоста. М., 2007. С. 119–220; *Богатырев Ф.О.* Ответственность директора за убытки, причиненные хозяйственному обществу // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 372–403; *Габов А.В.* Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 36–79.

Так, в диссертациях Михалева К.А.¹⁶ и Бойко Т.С.¹⁷ вопросы гражданско-правовой ответственности рассматриваются в контексте более общей проблематики защиты прав участников отношений, связанных с управлением хозяйственными обществами.

Диссертации, посвященные гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, ограничиваются лишь рассмотрением отдельных разновидностей такой ответственности, при этом охватывают не любые юридические лица, а только коммерческие организации (хозяйственные общества). Например, вопросам гражданско-правовой ответственности членов органов управления и контролирующих лиц в хозяйственных обществах посвящены работы М.А. Карташова¹⁸, Е.Н. Назаровой¹⁹, И.А. Турбиной²⁰, Хаддад Мажд Рияд Махамада²¹, И.Г. Касаева²².

¹⁶ *Михалев К.А.* Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 26 с.

¹⁷ *Бойко Т.С.* Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2017. 34 с.

¹⁸ *Карташов М.А.* Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству России и Германии: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 2014. 30 с.

¹⁹ *Назарова Е.Н.* Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 27 с.

²⁰ *Турбина И.А.* Гражданско-правовая ответственность исполнительных органов хозяйственных обществ в РФ, ЕС и США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016. 27 с.

²¹ *Хаддад Мажд Рияд Махамад.* Ответственность членов совета директоров акционерного общества: сравнительный анализ законодательства Сирии и России: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2015. 25 с.

²² *Касаев И.Г.* Ответственность лиц, имеющих возможность определять действия юридического лица: на примере хозяйственных обществ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2005. 26 с.

Проблематика гражданско-правовой ответственности основного общества по обязательствам дочернего общества перед кредиторами, связанная с исследованием доктрины «снятия корпоративных покровов», раскрывается в работах Д.Д. Быканова²³, А.Н. Захарова²⁴, Э.А. Нанаевой²⁵, В.В. Громова²⁶.

Ответственность за нарушение акционерного соглашения рассматривается в работе М.И. Иноземцева²⁷.

Однако специальных диссертационных или монографических исследований, которые бы наиболее комплексно и обобщенно рассматривали все виды гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением любыми юридическими лицами, до настоящего времени не имеется. В отечественной науке гражданского права корпоративная ответственность как отдельный вид гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, пока не выделяется среди иных видов юридической или гражданско-правовой ответственности.

Предмет и объект диссертационного исследования

Предметом диссертационного исследования являются выраженные в доктринальных источниках, нормативных правовых актах и

²³ *Быканов Д.Д.* «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2018. 28 с.

²⁴ *Захаров А.Н.* Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2015. 33 с.

²⁵ *Нанаева Э.А.* Гражданско-правовая ответственность основного общества (товарищества) по обязательствам дочернего общества в праве России и Германии: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2008. 28 с.

²⁶ *Громов В.В.* Правовой статус основного хозяйственного общества как субъекта гражданско-правовой ответственности по обязательствам дочернего общества: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.

²⁷ *Иноземцев М.И.* Ответственность сторон за нарушение акционерного соглашения по праву России и зарубежных государств: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2017. 24 с.

правоприменительной практике научные представления и нормативные положения о гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Объектом исследования являются гражданско-правовые отношения, связанные с управлением юридическими лицами и привлечением к гражданско-правовой ответственности участников этих отношений.

Работа основана на анализе российского гражданского законодательства и практики его применения, применении существующих в цивилистике научно-теоретических концепций гражданско-правовой ответственности к ответственности, возникающей в гражданско-правовых отношениях, связанных с управлением юридическими лицами.

Цель диссертационного исследования

Целью диссертационного исследования является обоснование существования в гражданском праве особого вида гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, установление отличительных особенностей данного вида ответственности, исследование отдельных видов такой ответственности и исходя из их существа определение основных направлений совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Задачи диссертационного исследования

Достижение указанной цели диссертационного исследования предполагает необходимость решения следующих основных задач:

1) провести анализ правовой природы гражданско-правовых отношений, связанных с управлением юридическими лицами, и установить их основные особенности, включая метод правового регулирования и субъектный состав;

2) определить общее понятие гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, и установить ее отличительные особенности, вытекающие из правовой природы

соответствующих отношений, в том числе провести отграничение данной ответственности от иных видов гражданско-правовой ответственности (договорной и деликтной);

3) выявить и обосновать основания и условия привлечения к ответственности, связанной с управлением юридическими лицами, в том числе объективную и субъективную сторону гражданского (корпоративного) правонарушения, негативные последствия и причинную связь между противоправным поведением и негативными последствиями;

4) дать характеристику объективной стороны корпоративного правонарушения и установить особенности привлечения к корпоративной ответственности в зависимости от содержания нарушаемых корпоративных прав и обязанностей;

5) установить содержание и обосновать необходимость применения принципа специалитета корпоративной ответственности;

6) предложить и обосновать общее разграничение гражданско-правовой ответственности, связанной с управлением юридическими лицами, на собственно корпоративную ответственность, наступающую за корпоративные правонарушения, и «квазикорпоративную ответственность», наступающую вне связи с противоправным поведением привлекаемого к ответственности лица;

7) исследовать основные виды гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, в их дифференциации и единстве, и определить их особенности и характерные черты;

8) определить субъектный состав лиц, привлекаемых к гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, и исследовать основы правового статуса, права и обязанности соответствующих лиц в основных видах корпоративной ответственности;

9) определить особенности негативных последствий корпоративных правонарушений и санкций за их совершение;

10) выявить особенности основных видов корпоративной ответственности, включая ответственность перед юридическим лицом за причинение ему убытков, ответственность перед кредиторами юридического лица (в том числе субсидиарная ответственность перед кредиторами и ответственность за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, ответственность в виде исключения участника из корпоративной организации, ответственность за нарушение договоров, связанных с управлением юридическим лицом, ответственность при банкротстве юридического лица);

11) провести критический анализ состояния действующего правового регулирования гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, и определить направления совершенствования гражданского законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Методологическая и эмпирическая основа диссертационного исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция, метод системного анализа, конкретно-исторический, диалектический, формально-логический метод) и методы юридической науки (в том числе методы сравнительного правоведения, формально-юридический метод, методы буквального, систематического, телеологического и исторического толкования правовых норм).

В рамках общенаучной методологии в полной мере использовался системный подход к решению целей и задач проводимого исследования, предполагающий комплексное раскрытие понятия и особенностей корпоративной ответственности в сопоставлении с известными видами юридической ответственности. При этом применялся метод системно-

структурного анализа, предполагающего изучение правового явления не изолированно, а в системе социальных, экономических, политических процессов.

Эмпирическую основу исследования составили нормы гражданского права, правоприменительная, и прежде всего – судебная практика, а также цивилистическая и общеправовая доктрина.

Научная новизна диссертационного исследования

В диссертации впервые в российской цивилистической науке на основе авторского взгляда на единую гражданско-правовую природу отношений, связанных с управлением любыми юридическими лицами, обосновывается новый вид гражданско-правовой ответственности – корпоративной ответственности.

Выявляются и исследуются различные разновидности и особенности корпоративной ответственности, ее субъекты и основные отличия от традиционных видов гражданско-правовой ответственности (договорной и деликтной), в том числе впервые вводится в научный оборот и раскрывается принцип специалитета корпоративной ответственности и рассматривается его применение в законодательстве о юридических лицах. В составе широкого понятия корпоративной ответственности впервые выделяются более узкие ее значения: корпоративной ответственности за корпоративные правонарушения и обеспечительной «квазикорпоративной ответственности», выражающейся в возложении на участников (учредителя) юридического лица и иных лиц обязанности отвечать по обязательствам юридического лица перед третьими лицами при отсутствии противоправного поведения. Впервые раскрывается субъективное основание «квазикорпоративной ответственности», которым является принимаемый на себя ответственным лицом риск наступления для третьих лиц негативных имущественных последствий, которые может вызвать деятельность в гражданском обороте юридического лица, в отношении которого ответственное лицо обладает управленческими полномочиями.

Обосновываются неоднородность корпоративной ответственности за корпоративные правонарушения и ее дифференциация в зависимости от характера нарушаемых корпоративных прав и обязанностей. Среди видов корпоративной ответственности за корпоративные правонарушения впервые выделяется ответственность за корпоративный деликт – причинение вреда относительным имущественным правам субъектов корпоративных отношений в связи с нарушением своих корпоративных обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом. При этом раскрываются особенности ответственности за корпоративный деликт и обосновывается необходимость дальнейшего ее развития в законодательстве о юридических лицах.

В диссертации впервые обосновывается новый подход к определению и дифференциации юридической природы субсидиарной ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, а также намечаются в соответствии с этим направления дальнейшего реформирования законодательства в части правового регулирования субсидиарной ответственности по обязательствам юридических лиц.

Раскрывается двойственная правовая природа исключения участника из корпоративной организации как специальной меры корпоративной ответственности и особого способа защиты гражданских прав юридического лица и его участников. Даются вытекающие из этой природы политико-правовые предложения по направлениям совершенствования законодательства об исключении участников из любых юридических лиц корпоративного типа.

В диссертации впервые развивается взгляд на ответственность контролирующих лиц при банкротстве юридического лица-должника как на разновидность корпоративной ответственности, рассматриваются основные виды такой ответственности и даются предложения по совершенствованию законодательства.

Впервые обосновывается необходимость унификации и

единообразного применения норм о корпоративной ответственности ко всем юридическим лицам независимо от их организационно-правовой формы и вида, закрепления унифицированных правил о такой ответственности непосредственно в ГК РФ при сохранении необходимой степени дифференциации различных ее видов.

Диссертация является первым в отечественной науке гражданского права комплексным и системным монографическим теоретическим исследованием гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением любыми юридическими лицами (корпоративной ответственности), что позволило диссертанту сделать ряд выводов догматического и политико-правового характера, которые могут составить основу общего учения о корпоративной ответственности как новом виде гражданско-правовой ответственности.

В результате проведенного исследования сделаны следующие теоретические выводы, выносимые на защиту:

1. Отношения по управлению юридическим лицом являются по своей сути частноправовыми неимущественными относительными отношениями власти и подчинения, построенными по методу частноправовой субординации, объектом которых является сам управляемый субъект. В этих отношениях имеет место господство над другим субъектом, в отличие от обязательственных отношений, в которых объектом господства являются действия обязанного лица, и в отличие от вещных отношений, в которых объектом господства является вещь. В основе возникновения таких отношений лежит принцип равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Отношения участия в юридических лицах являются модификацией отношений по управлению юридическими лицами с множественностью лиц на стороне субъекта управления. Поэтому так называемые корпоративные отношения, определяемые как отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими, представляют собой

лишь разновидность гражданско-правовых отношений, связанных с управлением любыми юридическими лицами, как корпоративными, так и унитарными, с множественностью лиц на стороне субъекта управления. Тем самым под корпоративными отношениями в широком смысле следует понимать гражданско-правовые отношения, связанные с управлением любыми юридическими лицами в процессе их создания, деятельности, реорганизации и ликвидации.

Гражданско-правовые отношения, связанные с управлением юридическими лицами, делятся на субординационные отношения двусторонней направленности (основные, или собственно отношения по управлению), и координационные (вспомогательные, или отношения участия, возникающие только в организациях корпоративного типа).

Относительная правовая связь координационного типа между участниками корпоративных организаций характеризует лишь множественность лиц на стороне субъекта управления и по своей природе мало чем отличается от аналогичных координационных отношений, существующих в любых гражданско-правовых отношениях с множественностью лиц. В то же время и в этой связи координационного типа присутствуют элементы частноправовой субординации, выражающиеся в необходимости подчинения меньшинства большинству.

2. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами (корпоративная ответственность в широком смысле) представляет собой ответственность участников корпоративных отношений за корпоративные правонарушения (корпоративная ответственность в узком смысле) и обеспечительную «квазикорпоративную ответственность», не связанную с корпоративными правонарушениями.

Источником гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, являются нормы

законодательства о юридических лицах, корпоративные акты (учредительные и иные внутренние документы юридического лица), корпоративный договор.

Субъективным основанием гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, является либо вина в объективном смысле, понимаемая как непринятие всех разумных и достаточных мер для предотвращения негативных последствий при той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась по условиям оборота, либо вина в субъективном смысле в форме умысла при причинении вреда имущественным правам кредиторов юридического лица и иным участникам соответствующих отношений, либо риск как сознательное допущение негативных последствий, которые может вызвать деятельность юридического лица.

При этом основным принципом любой корпоративной ответственности является принцип отдельной имущественной ответственности юридического лица и его участников, членов органов управления и иных лиц («принцип отделения»). Применение доктрины «снятия корпоративных покровов» в нарушение этого принципа может иметь место лишь в исключительных случаях, прямо предусмотренных законом. Неоправданно широкое применение этой доктрины может привести лишь к проблемам правоприменительной практики, отрицанию самой конструкции юридического лица, нарушению прав и законных интересов участников (учредителей) юридических лиц и судебному произволу.

3. Субъектами гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, являются любые субъекты гражданского права, связанные относительными корпоративными отношениями и фактически или юридически обладающие управленческими полномочиями в отношении юридического лица.

Степень участия в отношениях по управлению юридическим лицом того или иного субъекта предопределяет и объем его ответственности: чем больший объем управленческих прав у того или иного субъекта, тем выше

степень его влияния на действия юридического лица и, соответственно, тем большую ответственность он должен нести.

В силу этого основными субъектами корпоративной ответственности в широком смысле являются контролирующие лица, к которым исходя из принципа равенства могут относиться любые участники отношений, связанных с управлением юридическими лицами, в том числе государство и создаваемые им государственные юридические лица, в отношении которых вместо конструкции ограниченных вещных прав могут применяться корпоративные (управленческие) права.

4. Корпоративная ответственность за корпоративные правонарушения является самостоятельным видом гражданско-правовой ответственности наряду с договорной и деликтной.

В отличие от договорной ответственности, которая наступает за нарушение субъективных договорных (относительных) прав и обязанностей, и от деликтной ответственности, которая наступает за причинение вреда личности или имуществу другого лица, не состоящего с деликвентом в каких-либо правоотношениях, основанием корпоративной ответственности является корпоративное правонарушение – нарушение субъективных гражданских прав и корпоративных (относительных) обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом, установленных нормами законодательства о юридических лицах, учредительными и иными внутренними документами юридического лица и (или) корпоративным договором.

Специфика корпоративной ответственности обусловлена управленческой природой корпоративных отношений, а также многообразием их содержания, в силу чего корпоративная ответственность не является единой, а дифференцируется в зависимости от характера нарушаемых гражданских прав и корпоративных обязанностей.

5. Из управленческой природы корпоративных отношений вытекают следующие основные особенности корпоративной ответственности за корпоративные правонарушения:

- сложность определения причинно-следственной связи между противоправным поведением и негативными последствиями корпоративного правонарушения, влекущая необходимость установления в законе типовых доказательственных презумпций наличия причинной связи;

- презумпция невиновности, требующая ее опровержения, применяемая в большинстве видов корпоративной ответственности;

- применение «правила делового решения», исключающего ответственность, если не будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей действия (бездействие) лица не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску;

- специфическое понимание противоправности и вины при нарушении обязанности действовать добросовестно и разумно: противоправность, выражающаяся в нарушении фидуциарных обязанностей действовать добросовестно или разумно, совпадает с виной при недобросовестности и отличается от вины при нарушении обязанности действовать разумно;

- особые негативные последствия корпоративных правонарушений, которые могут иметь как имущественный, так и неимущественный характер, в том числе причинение убытков, утрата корпоративного контроля как самостоятельной имущественной ценности, утрата прав на акции (доли), невозможность или существенная затруднительность осуществления юридическим лицом своей деятельности, невозможность достижения целей деятельности юридического лица, неполучение прибыли (дивидендов), невозможность продать акции по справедливой цене, невозможность или затруднительность осуществления корпоративных прав, лишение или ограничение отдельных корпоративных правомочий;

- особые меры корпоративной ответственности, которые могут иметь как имущественный, так и неимущественный характер, в том числе возмещение убытков, взыскание неустойки, компенсация, исключение из юридического лица, лишение части корпоративных прав (правомочий) или их ограничение (запрет на голосование, приостановление членства или участия и т.д.), досрочное прекращение полномочий органов управления, признание недействительными сделок по корпоративным основаниям, а также актов органов управления (устранение корпоративного нарушения), возложение дополнительных обязанностей (например, обязанности выплатить дивиденды, внести вклад в имущество юридического лица), лишение специального права (ограничение правоспособности) или ликвидация юридического лица;

- процессуальные особенности рассмотрения споров о привлечении к корпоративной ответственности: соответствующие дела относятся к компетенции арбитражных судов в составе процессуальной категории корпоративных споров и рассматриваются в особом порядке; установлена необходимость предъявления косвенного иска по делам о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу членами органов управления, а также необходимость привлечения в дело других участников корпорации.

6. Корпоративная ответственность за корпоративные правонарушения характеризуется специалитетом, в силу которого ответственность наступает только на тех основаниях, при тех условиях и в отношении тех субъектов, которые прямо (*expressis verbis*) указаны в законе, учредительных документах юридического лица или в корпоративном договоре. Принцип специалитета применим также в отношении «квазикорпоративной ответственности».

Специалитет корпоративной ответственности и принцип отделения призваны обеспечить соблюдение конституционных принципов справедливости, соразмерности, правовой определенности и пропорциональности юридической ответственности, недопущение смешения

публично-правовой и гражданской ответственности юридического лица как самостоятельного субъекта гражданского права, с одной стороны, и гражданско-правовой корпоративной ответственности иных субъектов корпоративных отношений за совершение корпоративных правонарушений, с другой стороны.

В связи с этим чрезвычайно важным являются персонализация корпоративной ответственности (привлекаемое к ответственности лицо должно отвечать лишь за свои собственные действия, а не за действия третьих лиц, в том числе работников, представителей или кредиторов юридического лица), а также дифференциация ответственности юридического лица и гражданско-правовой ответственности иных участников корпоративных отношений.

В частности, директор по общему правилу не должен нести гражданско-правовую ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу в связи с применением мер публично-правовой ответственности (уплатой штрафов, пени и т.д.) за совершение юридическим лицом административных, налоговых, таможенных и других публичных правонарушений, или за убытки, причиненные государству в связи с непоступлением в бюджет денежных средств, которые подлежали уплате в порядке исполнения публично-правовых обязанностей юридического лица.

7. Принципы специалитета и персонализации корпоративной ответственности требуют выделения, систематизации и дифференциации в законодательстве норм о различных видах корпоративной ответственности: основаниях, субъектах, санкциях, видах корпоративных правонарушений.

При дифференциации видов ответственности в зависимости от содержания нарушенных обязанностей следует в максимальной степени расширять круг субъектов, привлекаемых к ответственности, а также учитывать права и законные интересы всех участников корпоративных отношений и соблюдать принцип отделения.

В частности, фидуциарная обязанность действовать добросовестно и разумно при осуществлении управленческих полномочий и меры ответственности за ее нарушение могут быть установлены не только в отношении членов органов управления и в интересах самого юридического лица, но и в отношении иных участников корпоративных отношений (участников юридического лица, его учредителей или собственников имущества) в интересах других участников, членов органов управления, а также при определенных условиях (на стадии прекращения деятельности юридического лица в условиях недостаточности имущества) – в интересах кредиторов юридического лица. Такая обязанность прежде всего должна быть установлена в отношении контролирующих лиц, но в ряде случаев возможно ее введение в отношении миноритарных участников.

8. В отечественном гражданском праве отсутствуют общие нормы об ответственности контролирующих участников коммерческой корпорации перед другими участниками или членами органов управления за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно. Подобную корпоративную ответственность можно было бы установить в виде возможности предъявления прямого иска к контролирующему участнику в интересах других участников или членов органов управления в тех случаях, когда возмещение убытков в пользу самой коммерческой корпорации не приведет к восстановлению нарушенных прав и интересов иных участников или членов органов управления при условии, что это не нарушит интересы кредиторов юридического лица.

Миноритарные участники коммерческих корпораций не должны нести общую фидуциарную обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах других участников или членов органов управления и, соответственно, не могут отвечать за нарушение такой обязанности. В то же время в отдельных случаях миноритарные (а также контролирующие) участники могут нарушать субъективные права и законные интересы других лиц (корпорации, других участников, кредиторов, членов органов

управления), в связи с чем на них законодательством в каждом таком случае может быть возложена ответственность по возмещению причиненных убытков (принцип специалитета корпоративной ответственности).

9. Обеспечительная «квазикорпоративная ответственность» в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, выражается в возложении на участников (учредителя) юридического лица и иных лиц обязанности отвечать по обязательствам юридического лица перед третьими лицами при отсутствии противоправного поведения лица, привлекаемого к ответственности. Такая ответственность может рассматриваться как частный случай законного поручительства и в части, не урегулированной законодательством о юридических лицах, подпадать под действие общих норм о поручительстве.

В отличие от поручительства, являющегося прежде всего способом обеспечения исполнения обязательств, «квазикорпоративная ответственность» в первую очередь является разновидностью гражданско-правовой ответственности, т.е. влечет для привлекаемого к ней лица дополнительные неблагоприятные последствия. В силу этого после удовлетворения требований кредиторов лицо, несущее «квазикорпоративную ответственность», не должно приобретать к основному должнику – юридическому лицу никаких прав требования (ни регрессных, ни обязательственных в порядке перехода прав кредитора к поручителю, исполнившему обязательство). Ответственность «корпоративного поручителя» носит самостоятельный характер: имущественные потери, связанные с неисполнением чужого обязательства (обязательства юридического лица), целиком и полностью ложатся на лицо, привлекаемое к ответственности.

Субъективным основанием «квазикорпоративной ответственности» является сознательно принимаемый на себя ответственным лицом риск наступления для третьих лиц негативных имущественных последствий, которые может вызвать деятельность в гражданском обороте юридического

лица, в отношении которого ответственное лицо обладает управленческими полномочиями.

10. В силу действия «принципа отделения», а также принципа специалитета «квазикорпоративная ответственность» может быть установлена законом в строго ограниченных случаях, связанных с недостаточностью имущества самого юридического лица, обусловленных особенностями его организационно-правовой формы, недоформированием имущества юридического лица на стадии его создания, или прекращением деятельности юридического лица (ликвидацией или банкротством). Также «квазикорпоративная ответственность» может быть установлена в учредительных документах или в договоре добровольно принятым на себя обязательством участников (учредителей) и иных лиц.

В условиях нормального функционирования юридического лица, когда его имущества достаточно для удовлетворения требований кредиторов, обеспечительная «квазикорпоративная ответственность» не может вводиться императивными нормами закона, а имеющиеся случаи привлечения к такой ответственности (например, солидарная ответственность основного хозяйственного общества по обязательствам дочернего по сделкам, совершенным во исполнение указаний или с согласия основного общества) должны быть из законодательства исключены.

11. Институт субсидиарной ответственности в отношении обязательств юридических лиц перед кредиторами неоднороден и включает в себя как минимум три совершенно разных правовых явления, нуждающихся в отдельном правовом регулировании со своими особенностями, которые необходимо предусмотреть в общих положениях о корпоративной ответственности:

1) особое обязательство с множественностью лиц на стороне должника, по которому субсидиарный должник является дополнительной стороной в основном обязательстве и в полном объеме несет обязанности основного должника, включая обязанность реального исполнения обязательства и

обязанность нести ответственность за нарушение основного обязательства. Данный вид субсидиарной ответственности представляет собой по существу не ответственность, а особое субсидиарное обязательство, которое должно иметь исключительно добровольный характер, когда участники или какие-либо третьи лица принимают на себя обязанности в силу учредительных документов или по договору, становясь одной из сторон (субсидиарным должником) в субсидиарном обязательстве с множественностью лиц. В этом случае субсидиарный должник после исполнения обязательства должен приобретать право регресса к юридическому лицу;

2) особое «обеспечительное» обязательство субсидиарного должника денежного характера отвечать лишь за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства основным должником путем возмещения убытков и уплаты иных штрафных санкций. Данный вид субсидиарной ответственности также по существу представляет собой не ответственность, а особый способ обеспечения исполнения обязательств. Такое обязательство может иметь место как на основании договора с участниками (учредителями) или с третьими лицами (договорная субсидиарная обеспечительная ответственность), так и на основании закона или учредительных документов юридического лица (субсидиарная обеспечительная «квазикорпоративная ответственность»). При этом после удовлетворения требования кредиторов права регресса у субсидиарного должника к юридическому лицу возникать не должно.

Вместе с тем субсидиарному должнику (участнику юридического лица) может быть предоставлено право регрессного требования к управляющим юридического лица, виновным в неисполнении или в ненадлежащем исполнении юридическим лицом своих обязательств перед кредиторами, при установлении соответствующих лиц и доказанности их вины, в той части, которая не покрыта размером удовлетворенных требований о возмещении убытков юридическому лицу на основании статьи 53.1 ГК РФ;

3) субсидиарная ответственность за неправомерное поведение субсидиарного должника, вызвавшее невозможность исполнения обязательства основным должником и тем самым причинившее вред имущественным правам кредиторов. При данном виде ответственности субсидиарный должник также отвечает денежными средствами путем возмещения убытков и уплаты иных штрафных санкций. Такая ответственность может быть установлена только законом, в котором должны быть четко определены основания и условия привлечения субсидиарного должника к ответственности (противоправное поведение, вина, причинение вреда юридическому лицу и кредиторам, причинная связь). Право регрессного требования к основному должнику у субсидиарного должника возникать не должно.

12. Причинение вреда относительным имущественным правам участников корпоративных отношений следует рассматривать как обычный гражданско-правовой деликт (ст. 1064 ГК РФ), если вред причинен вне всякой связи с осуществлением собственных корпоративных прав и исполнением корпоративных обязанностей деликвента.

Однако в том случае, если причинение вреда относительным имущественным правам субъектов корпоративных отношений (участников юридического лица, кредиторов юридического лица, членов органов управления) осуществляется другим субъектом корпоративных отношений в связи с осуществлением своих корпоративных прав или с нарушением своих корпоративных обязанностей, то имеет место совершение корпоративного правонарушения (корпоративного деликта), за которое наступает корпоративная ответственность. В данном случае, в отличие от деликтного права, основанием ответственности является не причинение вреда как таковое, а причинение вреда, вызванное нарушением относительных корпоративных обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом и установленных нормами корпоративного права.

В отечественном гражданском праве целесообразно нормативно сформулировать общие основания и условия применения деликтной ответственности за причинение вреда имущественным правам (правомочиям) в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, в том числе установить возможные формы причинения такого вреда и способы его возмещения. Формами причинения вреда могут быть прекращение права, затруднительность или невозможность его полноценного осуществления, затруднительность или невозможность надлежащего исполнения должником своих обязанностей, утрата или уменьшение имущественной ценности права.

Справедливому балансу интересов нарушителя и участников относительного корпоративного правоотношения будет в наибольшей степени соответствовать установление в законе умышленной формы вины причинителя вреда. При этом необходимо предусмотреть презумпцию невиновности нарушителя, а бремя доказывания вины причинителя должно быть возложено на потерпевшего.

При совершении корпоративного деликта контролирующим лицом вред может причиняться как подконтрольному юридическому лицу, так опосредованно и другим субъектам корпоративных отношений через управляющее воздействие на подконтрольное юридическое лицо, вызывающее отраженный эффект на иных субъектах (участниках, кредиторах).

Потерпевшему от корпоративного деликта (кредитору или участнику юридического лица, чьим относительным имущественным правам причинен вред) исходя из принципа специалитета корпоративной ответственности в определенных законом случаях должен предоставляться прямой корпоративный иск о возмещении убытков из корпоративного нарушения непосредственно против причинителя вреда.

13. При совершении корпоративного правонарушения устанавливаемые законом случаи «снятия корпоративных покровов» должны ограничиваться прекращением юридических лиц при недостаточности их

имущества для удовлетворения требований кредиторов. Независимо от вида ответственности она должна применяться в исключительных случаях, когда недостаточность имущества была вызвана особым корпоративным деликтом – виновным причинением вреда имущественным правам кредиторов со стороны контролирующих лиц.

Вместо утратившего силу абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ (касающегося ответственности за доведение до банкротства) в ГК РФ следует ввести общие нормы, согласно которым во всех случаях прекращения любых юридических лиц в условиях недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов (при ликвидации юридического лица или признании его несостоятельным или фактически недействующим) к ответственности перед кредиторами могут привлекаться контролирующие лица, виновные в умышленном доведении юридического лица до банкротства или в создании ситуации недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов.

14. В законодательстве может быть установлена корпоративная ответственность за наиболее важные случаи причинения вреда неимущественным корпоративным правам (неимущественный корпоративный деликт). При этом в зависимости от степени существенности нарушения могут быть установлены конкретные меры имущественной или неимущественной ответственности. В связи с тем, что прямой связи между причинением вреда неимущественным правам и имущественными потерями потерпевшего не имеется, имущественные санкции (компенсации) в каждом таком случае должны устанавливаться судом в зависимости от характера и степени тяжести причиненного вреда и вызванных им негативных последствий в твердом размере, который никак не связан с размером понесенных убытков.

В частности, в качестве особой имущественной меры корпоративной ответственности может применяться компенсация как денежная сумма, размер которой будет определяться не сторонами в договоре, а судом в

зависимости от характера и степени тяжести нарушения (по аналогии с компенсацией за нарушение исключительных прав).

15. В отечественной науке гражданского права практически неразработанной остается проблематика управленческих договоров, основанных на методе частноправовой субординации, в которых один субъект (управляющий) в том или ином объеме руководит действиями другого субъекта (управляемого). Главная юридическая цель управляющего субъекта в управленческом договоре – руководить, управлять другим лицом, подчиняя себе его волю и определяя его действия в своих интересах, в интересах управляемого или в интересах третьего лица. Тем самым при управлении воля одного субъекта в том или ином объеме ограничивается или замещается волей другого.

Наибольшее распространение на практике управленческие договоры получили в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, в которых право давать обязательные указания осуществляется по наиболее широкому кругу вопросов (договор об осуществлении функций единоличного исполнительного органа, договор о предоставлении основному обществу права давать обязательные указания дочернему обществу, корпоративный договор с обязательством голосовать по указанию другой стороны договора и др.).

Управленческий элемент в таких договорах, придавая им соответствующую специфику, позволяет ставить вопрос о недостаточности традиционных мер договорной гражданско-правовой ответственности за их нарушение (возмещение убытков, уплата неустойки) и необходимости разработки и применения в корпоративных договорных конструкциях дополнительного правового инструментария корпоративной ответственности, характерного для отношений, связанных с управлением юридическим лицом, включая особые имущественные и неимущественные меры корпоративной ответственности.

16. Исключение участника из корпоративной организации является особой и высшей мерой корпоративной ответственности, устанавливаемой за нарушение различных корпоративных обязанностей, и прежде всего – за нарушение обязанности не совершать действия (бездействия), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей деятельности корпорации. При этом в ряде случаев, которые должны быть четко установлены законом, исключение из корпорации может применяться независимо от вины нарушившего данную обязанность лица.

Одновременно исключение участника является специальным корпоративным способом защиты прав корпорации, а также других ее участников, основной целью которого является не столько наказание участника, причинившего юридическому лицу вред, сколько устранение вызванных поведением одного из участников препятствий к осуществлению нормальной деятельности корпорации и в конечном счете – защита в первую очередь интересов юридического лица. Ввиду этого исключение должно применяться в интересах юридического лица только за те нарушения, которые причинили корпорации вред в виде убытков или иных неблагоприятных последствий (например, невозможности достижения целей деятельности юридического лица), и лишь в случаях, когда в результате исключения создаются условия для восстановления нормальной деятельности юридического лица.

Основания и порядок исключения участников должны быть унифицированы и единообразно регулироваться для любых корпоративных организаций, в которых отношения между участниками в той или иной степени имеют лично-доверительный характер, как коммерческих, так и некоммерческих.

Общие основания для исключения должны устанавливаться законом за наиболее существенные нарушения корпоративных обязанностей и могут конкретизироваться учредительными документами корпоративной организации, которые, однако, не могут противоречить общим основаниям,

установленным законом. По общему правилу исключение участника из корпоративной организации должно осуществляться на основании решения большинства участников корпорации в судебном порядке по иску самой корпорации или других ее участников от имени корпорации.

17. При формулировании правил об ответственности контролирующих лиц при банкротстве законодатель выбрал ненадлежащую для этого конструкцию субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, в то время как на самом деле речь должна идти о прямой ответственности контролирующих должника лиц за убытки, причиненные их неправомерными действиями имущественным правам кредиторов.

В связи с этим целесообразно отказаться от конструкции субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, развивая вместо этого доктрину причинения контролируемыми лицами прямого вреда кредиторам путем нарушения их имущественных прав. Так называемая субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц есть не что иное, как ответственность третьих (контролирующих) лиц за вред, причиненный относительным имущественным правам кредиторов, и она должна регулироваться отдельно от правил о корпоративной ответственности, предусмотренных ст. 53.1 ГК РФ.

Необходимо дальнейшее совершенствование правовых норм об ответственности контролирующих лиц при банкротстве в направлении их дифференциации и приведения в соответствие с правовой природой каждого из видов ответственности с одновременным разграничением и уточнением механизмов правоприменения. При этом количество видов ответственности должно быть сведено к двум: ответственность за причинение должнику убытков, и ответственность за причинение вреда имущественным правам кредиторов.

18. Намечившаяся в законодательстве и судебной практике тенденция унификации и единообразного применения норм о корпоративной ответственности ко всем юридическим лицам независимо от их

организационно-правовой формы и вида находится в русле общей направленности реформы гражданского законодательства на усиление пандектных начал в системе законодательства о юридических лицах. Одновременно наметилась тенденция расширения круга лиц, несущих корпоративную ответственность, и оснований привлечения к ней.

Данные тенденции должны быть последовательно доведены до конца путем полной кодификации норм о гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, непосредственно в ГК РФ. Нормы о корпоративной ответственности для всех видов юридических лиц должны быть систематизированы и перенесены из специальных законов непосредственно в ГК РФ.

При этом, расширяя и уточняя основания корпоративной ответственности и круг привлекаемых к ней субъектов, следует формулировать как общие положения о разных видах такой ответственности, так и учитывать специфику корпоративных отношений и дифференцировать эти нормы по видам ответственности (ответственность управляющих и иных лиц перед юридическим лицом и его участниками за причинение убытков; субсидиарная ответственность юридического лица и иных лиц перед его кредиторами по обязательствам юридического лица; ответственность участников юридического лица перед юридическим лицом и другими участниками и т.д.).

Например, общие и единообразные положения о «квазикорпоративной ответственности» в случаях, обусловленных необходимостью формирования обеспечивающего интересы кредиторов имущества юридического лица или автономией воли учредителей (участников) юридического лица, должны быть распространены в равной степени на любые юридические лица, в то время как случаи «квазикорпоративной ответственности», необходимость которых обусловлена особенностями той или иной организационно-правовой формы юридического лица, должны быть дифференцированы и прямо определены в законе применительно к соответствующим видам юридических

лиц.

Теоретическая значимость исследования

Диссертация является первым в отечественной науке гражданского права комплексным теоретическим исследованием большинства основных видов гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением любыми юридическими лицами, в их единстве и дифференциации, в котором содержится попытка их объединения в новую обобщенную категорию гражданско-правовой корпоративной ответственности. При этом исследование проводится на новейшем эмпирическом материале: соответствующие теоретические положения впервые формулируются на основании новой редакции главы 4 ГК РФ о юридических лицах, существенно обновленной в ходе реформы гражданского законодательства. Аналогичных теоретических работ по кругу охватываемых проблем и уровню теоретического осмысления феномена корпоративной ответственности в доктрине гражданского права не имеется.

Практическая значимость исследования

Обосновываемые в диссертации теоретические положения о корпоративной ответственности в целом и об отдельных ее видах, в том числе принцип специалитета могут быть использованы как в законотворческой деятельности при совершенствовании нормативных положений о соответствующих видах гражданско-правовой ответственности, так и в правоприменительной деятельности судов. Они позволят более последовательно и четко разграничивать основания и условия применения гражданско-правовой корпоративной ответственности различных ее видов от деликтной и договорной гражданско-правовой ответственности, а также от публично-правовых видов юридической ответственности (уголовной, административной, дисциплинарной, материальной) за различные нарушения законодательства субъектами корпоративных отношений.

Апробация результатов исследования

Диссертация подготовлена в отделе гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее – ИЗиСП).

Достоверность результатов исследования была подтверждена в ходе научно-практической деятельности автора при подготовке заключений на проекты федеральных законов по изменению законодательства о юридических лицах, а также в ходе работы в качестве члена Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации и члена научно-консультативного совета при Арбитражном суде Московского округа.

Основные теоретические положения и научные идеи диссертации были отражены в докладах и выступлениях на научных мероприятиях (конференциях, круглых столах, заседаниях секций ученого совета) ИЗиСП, других научных организаций и органов власти, а также в научных публикациях автора.

В частности, автором делались научные доклады по тематике, связанной с проблематикой юридических лиц и гражданско-правовой ответственности, на ежегодно проводимых ИЗиСП международных научных конференциях – научных чтениях памяти проф. С.Н. Братуся, ежегодной школы-практикума молодых ученых-юристов, часть которых впоследствии была опубликована в сборниках трудов соответствующих конференций; на заседаниях ученого совета ИЗиСП, в том числе доклад на ученом совете ИЗиСП на тему «Корпоративная ответственность в гражданском праве России» (2017); на круглом столе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Реформа корпоративного права: промежуточные итоги и перспективы дальнейшего развития» (2017); на международной конференции Совета по кодификации гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации и Российской школы частного права «Гражданское право: итоги года» на тему «Ответственность лиц, управляющих юридическим лицом: оценка реформы

корпоративного права» (2015); на международной научно-практической конференции Института государства и права РАН «Современное гражданское обязательственное право и его применение в гражданском судопроизводстве» на тему «Правовая природа субъективного корпоративного права» (2017 г.) и др.

Также результаты диссертационного исследования использовались при подготовке разделов научных отчетов и аналитических записок по теоретическим проблемам развития корпоративного законодательства и гражданско-правовой ответственности в корпоративных отношениях, выполняемых по государственному заданию ИЗиСП (2014, 2015, 2016, 2017, 2018 гг.) в рамках разделов «Право и экономика» и «Благоприятная среда для развития предпринимательской деятельности» плана НИР ИЗиСП. В частности, были подготовлены аналитические записки «Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах» (2016 г.), «Ответственность должника и иных лиц в деле о банкротстве» (2017 г.), «Юридическая ответственность участников коммерческих корпораций» (в соавторстве) (2018 г.).

Автором с 2004 по 2018 г. в составе издаваемого ИЗиСП Комментария судебно-арбитражной практики в рамках выполнения государственного задания опубликовано несколько комментариев к конкретным арбитражным делам о привлечении различных субъектов к корпоративной ответственности с использованием разработанных в диссертации теоретических подходов.

Результаты исследования использовались автором при чтении лекций аспирантам ИЗиСП.

Положения диссертации в наиболее полном виде получили отражение в научных публикациях автора по теме исследования (более 60 публикаций), в том числе в монографиях «Юридические лица в российском гражданском праве» в 3-х томах / Отв. ред. *А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын*. М., 2015 г.; «Корпоративная ответственность в гражданском праве». М., 2019 г. (готовится к изданию). При этом 25 статей опубликовано в журналах,

рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертационной работы определяется ее предметом и объектом, целью и задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения и списка использованных источников.

ГЛАВА 1. ОТНОШЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С УПРАВЛЕНИЕМ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

§ 1. Отношения, связанные с управлением юридическими лицами, как составная часть предмета гражданского права

Исследование гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, невозможно без уяснения сущности таких отношений. С 1 марта 2013 г. ГК РФ включил в число отношений, регулируемых гражданским законодательством, корпоративные отношения, охарактеризовав их как отношения, связанные с участием в

корпоративных организациях или с управлением ими²⁸. Впоследствии на законодательном уровне было введено деление юридических лиц на корпоративные и унитарные²⁹. В связи с этим в научной литературе с новой силой³⁰ развернулась дискуссия о правовой природе корпоративных отношений, в том числе об обоснованности введения в предмет гражданского права управленческих отношений, которые, как принято считать, являются исключительной прерогативой публичных отраслей законодательства. Очевидно, что управленческие отношения основаны на властном подчинении одной стороны другой, и рассмотрение их в качестве гражданско-правовых отношений не согласуется с общим правилом, закрепленным в п. 3 ст. 2 ГК РФ, согласно которому к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, гражданское законодательство не применяется. Так, по мнению В.К. Андреева, включение в предмет гражданского права корпоративных отношений с элементами управления корпоративными организациями

²⁸ См.: Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. I). Ст. 7627.

²⁹ См.: Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

³⁰ До внесения в ГК РФ соответствующих новелл наиболее обстоятельные исследования содержания и правовой природы корпоративных отношений в современный период были представлены следующими работами: *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. 511 с.; *Степанов П.В.* Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дис. ...канд. юрид. наук М., 1999. 190 с.; *Степанов Д.И.* От субъекта ответственности к природе корпоративных отношений // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1. С. 20–75; *Козлова Н.В.* Правосубъектность юридического лица. М., 2005. 476 с.; *Шиткина И.С.* Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление. М., 2006. 648 с.; Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. 678 с.; *Пахомова Н.Н.* Цивилистическая теория корпоративных отношений: Екатеринбург, 2005. 336 с.; *Гританс Я.М.* Корпоративные отношения: правовое регулирование организационных форм. М., 2005. 160 с.; *Долинская В.В.* Акционерное право: основные положения и тенденции. М., 2006. 736 с.; *Кашанина Т.В.* Корпоративное право: Учебник. М., 2006. 814 с.; *Филитпова С.Ю.* Внутренние правоотношения в хозяйственном обществе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 18 с.

«изменяет всю сущность гражданского права»³¹. Д.В. Ломакин считает, что «выделение управленческих корпоративных правоотношений лишено научной обоснованности и призвано решить частные прикладные проблемы юридического оформления отношений между корпорацией и лицами, входящими в состав ее органов управления, а также отношений с участием третьих лиц»³².

В связи с этим возникает вопрос: является включение в предмет гражданского права управленческих корпоративных отношений ошибкой, или в гражданском праве действительно существуют отношения по управлению корпорациями, основанные на частноправовой субординации? И каковы в таком случае правовая природа, содержание и сфера применения этих отношений: ограничивается последняя лишь корпоративными организациями, или имеет смысл говорить об отношениях по управлению любыми юридическими лицами, включая унитарные организации, которые пока остались не охваченными гражданско-правовой регламентацией?

Ответить на эти вопросы возможно путем анализа правовой природы корпоративных отношений.

Тематика корпоративных отношений тесно связана с вопросами теоретического и практического осмысления новой подотрасли гражданского права – корпоративного права. После того, как корпоративные отношения с 2013 г. в силу закона стали прямо признаваться составной частью отношений, регулируемых гражданским правом, не соответствующими закону и юридически некорректными являются попытки некоторых авторов представить данный вопрос как дискуссионный и противоречащий «основополагающим нормам Гражданского кодекса Российской Федерации и

³¹ Андреев В.К., Лантев В.А. Корпоративное право современной России: Монография. М., 2018. С. 7.

³² Ломакин Д.В. Глава VIII «Корпоративные правоотношения: понятие, правовая природа и виды» // Корпоративное право: Учебный курс: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 802.

законодательству о хозяйственных обществах»³³. Выделение корпоративных отношений в ст. 2 ГК РФ закладывает концептуальную основу для дальнейшего развития корпоративного права как подотрасли гражданского права³⁴. Однако до настоящего времени наука и практика не выработали единого понимания правовой природы этих отношений, а корпоративное законодательство находится в состоянии постоянных реформ. Идут споры о том, являются корпоративные отношения имущественными или неимущественными (организационными), каковы их содержание, структура и субъектный состав³⁵.

Отсутствие единого подхода к пониманию корпоративных отношений, неопределенность их природы и содержания вызывают множество проблем. Не установлена отраслевая принадлежность данных отношений, в результате чего они могут трактоваться как гражданско-правовые, административные, трудовые или даже комплексные правоотношения, регулируемые различными отраслями права.

Для объяснения природы и содержания корпоративных отношений в науке выработано несколько основных подходов. Один из них основан на том, что корпоративными являются отношения, связанные с созданием,

³³ *Андреев В.К.* О подотрасли гражданского законодательства, регулирующего корпоративные отношения // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 63.

³⁴ См. об этом также: *Яковлев В.Ф.* Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2015. С. 14–16.

³⁵ См. например: Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 51–79; 779–866 (авторы соответствующих глав – И.С. Шиткина и Д.В. Ломакин); *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008; Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009; *Сулейменов М.К.* Гражданское право и корпоративные отношения: проблемы теории и практики // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 286–317. *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. 456 с.; *Пахомова Н.Н.* Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екатеринбург, 2005; *Синицын С.А.* Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 52–67; *Гутников О.В.* Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 26–39; *Ушницкий Р.Р.* О гражданско-правовой форме корпоративного отношения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 64–91 и др.

деятельностью и прекращением корпораций как субъектов права. Именно такой взгляд на корпоративные отношения (и на предмет так называемого корпоративного права) в настоящее время наиболее распространен в юридической литературе³⁶. При таком подходе корпоративное право является комплексной отраслью права, включающей гражданско-правовые и публичные нормы, регулирующие все аспекты правового статуса и деятельности корпораций. Как пишет Ф. С. Карагусов, «корпоративные отношения изначально сформировались (институционализировались), в действительности, в рамках гражданского права как отдельный вид гражданско-правовых отношений, но современное развитие социальных и рыночных отношений обусловило то, что в составе корпоративного права возникли и углубляются в своем применении публично-правовые (преимущественно – административные) нормы³⁷. И.С. Шиткина считает, что корпоративные отношения – это разноотраслевые отношения, выделившиеся в особую группу, которые не вписываются в систему какой-либо из отраслей права, и регулируются как нормами частного, так и публичного права³⁸. Такого же по существу мнения придерживается В.В. Долинская³⁹. Этот подход близок к рассмотрению корпоративного права как составной части комплексной отрасли предпринимательского права⁴⁰.

Другой подход, выраженный в Концепции развития гражданского законодательства и в действующем ГК РФ, базируется на том, что корпоративные отношения также связаны с корпорацией как субъектом

³⁶ Например, Ф.С. Карагусов пишет, что предметом корпоративного права «являются правовые отношения, связанные с учреждением и деятельностью корпораций» (*Карагусов Ф.С. Основы корпоративного права и корпоративное законодательство Республики Казахстан. Алматы. 2011. С. 11*). По мнению И. С. Шиткиной, «корпоративное право регулирует создание, деятельность и прекращение корпораций (Корпоративное право: Учебный курс: Учебник / Отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2011. С. 25–26).

³⁷ *Карагусов Ф. С., Указ. соч., С. 63.*

³⁸ Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 72.

³⁹ *Долинская В.В. Акционерное право. Основные положения и тенденции. М., 2006. С. 102.*

⁴⁰ *Лантев В.В. Акционерное право. М., 1999. С. 3.*

права, однако это исключительно гражданско-правовые отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, связанные с участием в корпорации и с управлением ей⁴¹.

Наконец, еще один подход основывается на том, что корпоративные отношения, регулируемые корпоративным правом, хотя и являются гражданско-правовыми, но не обязательно связаны с корпорациями как субъектами права. Существо этих отношений заключается в сотрудничестве объединения частных лиц при достижении ими любой общей цели. Как отмечается в литературе, «*корпоративными (а также отношениями сотрудничества, участия или членства) могут быть названы общественные отношения частных лиц, которые имеют в своей основе объединение лиц, направленное на достижение общей цели*»⁴². С этих позиций в предмет регулирования корпоративного права попадают не только корпорации как субъекты права, но и любые объединения лиц, направленные на достижение общих целей (в том числе простое товарищество, участники общей собственности и т.д.). Право корпораций при этом является по существу лишь частью корпоративного права.

Однако такое широкое понимание корпоративных отношений по существу стирает грань между корпоративным правом и той частью договорного права, которая регулирует объединения лиц, направленные на достижение общей цели (договоры о совместной деятельности, соглашения субъектов права общей долевой собственности о порядке пользования общим имуществом и т.п.). Возникает вопрос: а чем же тогда корпоративные отношения отличаются от соответствующих договорных отношений? И не являются ли корпоративные отношения в таком понимании синонимом

⁴¹ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 3–4; Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. С. 130.

⁴² Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. С. 21.

договорных (обязательственных) и некоторых других гражданско-правовых отношений (например, отношений общей долевой собственности), направленных на достижение общей для сторон цели? И если это так, то какой смысл именовать такие отношения корпоративными, если для них в гражданском праве уже существуют вполне определенные названия? Только лишь для того, чтобы выделить среди них «корпорационные» отношения, связанные с корпорациями как субъектами права? Не случайно такое широкое понимание корпоративных отношений вызвало критику в юридической литературе. Как отмечает Е.А. Суханов, фактически оно «представляет собой отождествление корпоративных отношений с экономическими *кооперационными* связями, которые лежат в основе многих гражданско-правовых договоров, а также с различными неправосубъектными объединениями лиц, обладающих одним и тем же правом (сособственники, сонаследники, сокредиторы и т.д.). При этом наличие, соотношение и отличия таких «юридических общностей» (*Rechtsgemeinschaften*) и традиционно понимаемых корпораций давно отмечены и изучены в западноевропейской доктрине»⁴³. Более того, данные признаки присущи и неправовым образованиям (например, клубам по интересам, компании друзей, решивших совместно встретить Новый год и т.д.).

Очевидным, однако, для большинства специалистов в сфере корпоративного права является то, что включение корпоративных отношений в состав предмета гражданского права предопределяет их гражданско-правовую природу. Поэтому корпоративные отношения – это гражданско-правовые отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, возникающие в связи с созданием и деятельностью юридического лица как отдельного субъекта

⁴³ Суханов Е.А. Очерк сравнительного корпоративного права // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсевича Ема. М., 2011. С. 160. См. также: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 50.

права, отличающегося от своих учредителей, участников, членов органов управления, выгодоприобретателей (бенефициаров) или кредиторов.

Необходимость специального правового регулирования соответствующих отношений появляется именно потому, что создается признаваемое правом новое правосубъектное образование, наделенное своими участниками обособленным имуществом и способное от своего имени выступать в гражданском обороте и нести самостоятельную имущественную ответственность по обязательствам перед третьими лицами.

Поскольку юридическое лицо – это частноправовое понятие⁴⁴, связанное в первую очередь с персонифицированным имуществом, предназначенным для самостоятельного участия в гражданском обороте, то и отношения, связанные с юридическими лицами, являются прежде всего гражданско-правовыми. Нормы административного права, регулирующие процедуру регистрации юридических лиц⁴⁵, не являются частью корпоративного права, а имеют вспомогательное значение, точно так же как административные по своей природе нормы о регистрации прав на недвижимое имущество⁴⁶ не становятся частью вещного права. Поэтому в корпоративные отношения нельзя включать любые отношения, возникающие при создании, деятельности и прекращении корпораций. Как отмечает Е. А. Суханов, в таком понимании «заметно влияние американских подходов, в соответствии с которыми корпоративное право регулирует не столько статус организаций, сколько организацию предпринимательской деятельности в форме корпораций»⁴⁷.

⁴⁴ См. *Братусь С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 62, 63.

⁴⁵ См. Федеральный закон от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3431.

⁴⁶ См. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // СЗ РФ. 2015. № 29 (Часть I). Ст. 4344.

⁴⁷ *Суханов Е. А.* Очерк сравнительного корпоративного права // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсевича Ема. М., 2011. С. 160.

Корпоративные отношения традиционно отождествляются с правоотношениями членства или участия⁴⁸. Действующий ГК РФ связывает понятие корпоративного права с отношениями участия (членства) в корпоративной организации. Так, п. 2 ст. 65.1 ГК РФ говорит о том, что «в связи с участием в корпоративной организации ее участники приобретают корпоративные (членские) права и обязанности в отношении созданного ими юридического лица».

Д.В. Ломакин считает, что корпоративные правоотношения – это внутриорганизационные отношения, которые «возникают, изменяются и прекращаются *в связи с участием в деятельности корпорации* (курсив наш. – *О.Г.*) лиц, принадлежащих к ее внутренней структуре и именуемых участниками (членами)»⁴⁹. В целом правоотношение участия указанный автор характеризует как «урегулированное нормами гражданского права единое, сложное внутриорганизационное общественное отношение *имущественного характера* (курсив наш. – *О.Г.*), возникающее между юридическими лицами, основанными на началах участия (членства), – корпорациями и их участниками (членами) в момент приобретения последними прав участия (членства), *опосредующих процесс их участия в деятельности корпорации* (курсив наш. – *О.Г.*)»⁵⁰. Участие в корпорации может быть как имущественным, так и неимущественным и «опосредуется имущественными (неимущественными) правами и обязанностями, образующими содержание корпоративного правоотношения»⁵¹. Однако «организационно-управленческие отношения имеют вспомогательный

⁴⁸ См., например: *Азарков М.М.* Основы банковского права: Курс лекций. 2-е изд. Учение о ценных бумагах: Научное исследование. 2-е изд. М., 1994. С. 175.

⁴⁹ *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. С. 81.

⁵⁰ Там же. С. 124.

⁵¹ *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: понятие, правовая природа и виды // Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2017. С. 791.

характер, выполняют обслуживающую функцию по отношению к имущественным отношениям»⁵², т.е. к «отношениям участия».

Однако при таком подходе существо корпоративных отношений остается совершенно неясным. Возникает вопрос: в чем собственно участвуют члены корпоративной организации? Очевидно, что участники корпорации никакого участия в деятельности юридического лица не принимают: непосредственно в деятельности корпорации принимают участие работники корпорации, в том числе единоличный исполнительный орган (директор). Поэтому именно действия работников или его органов считаются действиями юридического лица, но никак не его участников. В силу основополагающего принципа корпоративного права – принципа отделения имущества, действия и ответственность участников отделены от имущества, действий и ответственности юридического лица как особого субъекта права, самостоятельно выступающего в гражданском обороте. Поэтому никакого участия в деятельности корпорации (ни имущественного, ни неимущественного) у участников нет и быть не может. Участники корпорации лишь осуществляют свои правомочия в отношении корпорации, и детальный анализ этих правомочий позволяет утверждать, что все они представляют собой как раз *правомочия по управлению юридическим лицом*, т.е. по принятию тех или иных управленческих решений.

Поэтому ближайшее рассмотрение так называемых членских правоотношений позволяет сделать вывод о том, что с содержательной точки зрения они представляют собой не что иное, как обычную для гражданского права множественность лиц в отношениях по управлению юридическим лицом. Некоторые исследователи вполне обоснованно не относят фактор членства к неотъемлемым признакам корпоративных отношений. Как справедливо отмечает С.А. Сеницын, «понятие членства не обладает искомым гражданско-правовым смыслом и содержанием, не является

⁵² Там же. С. 799.

единственным признаком корпорации в гражданском праве, не может считаться предтечей возникновения корпоративных правоотношений»⁵³.

Сторонники отождествления корпоративных отношений с отношениями членства или участия по существу фактору простой множественности лиц в отношении по управлению юридическим лицом придают качественно новую природу особого корпоративного правоотношения. Однако множественность лиц в каком-либо правоотношении в принципе не может характеризовать правовую природу какого-либо субъективного права. Соучастие, или сопринадлежность гражданских прав нескольким лицам, встречается в самых разных правоотношениях: можно сказать, что «права участия» возникают в общих обязательствах (обязательствах с множественностью лиц на стороне кредитора, при этом могут возникать права долевого или солидарного участия (долевые и солидарные обязательства); права участия в общей собственности (долевой или совместной), соавторство (и совместное обладание исключительными правами) на результаты интеллектуальной деятельности и т.д. Однако в правоотношениях при совместном обладании несколькими лицами одним и тем же правом не возникает качественного нового «права участия» в обязательстве, в праве собственности или в интеллектуальном праве. Право кредитора в обязательственных отношениях не превращается в какое-то другое по содержанию право; так же и при совместном обладании несколькими правообладателями исключительными правами последние не превращаются в какие-то новые «корпоративные» права на результат интеллектуальной деятельности. То же самое можно сказать и о вещных правоотношениях общей собственности, в которых наличие нескольких субъектов права собственности на одну и ту же вещь не превращает их право собственности в какое-то новое «корпоративное право

⁵³ *Синицын С.А.* Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2015. С. 364.

участия» в общей собственности. Содержание и правовая природа соответствующих правоотношений остаются неизменными: все правомочия, присущие соответствующему виду субъективного права (вещного, обязательственного или исключительного), по-прежнему сохраняются у правообладателей, с той лишь разницей, что при множественности лиц на стороне управомоченного этих правообладателей несколько⁵⁴.

По существу, речь идет о том, что любые гражданско-правовые отношения складываются между управомоченным (субъектом права) и обязанным лицом с набором определенных правомочий. Эти правомочия могут принадлежать либо одному лицу, либо – одновременно нескольким лицам. При этом от того, сколько лиц выступает на стороне управомоченного, существо дела не меняется: содержание и природа соответствующих гражданско-правовых отношений остаются теми же. Корпоративные отношения не являются здесь исключением и полностью должны подчиняться этой логике. Между субъектом корпоративного права и обязанным юридическим лицом складываются некие корпоративные отношения, при этом субъективное корпоративное право состоит из соответствующих корпоративных правомочий. Эти правомочия могут принадлежать либо одному лицу (собственнику имущества государственной организации, единственному участнику хозяйственного общества и т.д.), либо – одновременно нескольким лицам (акционерам в акционерном обществе, участникам хозяйственного общества и т.д.).

Поэтому правовая природа корпоративных отношений должна раскрываться не через количество участников, а через те правомочия, которые им принадлежат, и эти правомочия носят управленческий характер. В литературе справедливо обращалось внимание на то, что любые корпоративные права, в том числе право на прибыль, лишены собственного содержания и являются лишь разновидностями или проявлениями права на

⁵⁴ Подробнее об этом см.: *Гутников О.В.* К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 54–64.

участие в управлении обществом, которое и является «неким особым правовым явлением, которое подлежит глубокому и всестороннему анализу»⁵⁵.

Поэтому совершенно очевидно, что никакого «права участия» как самостоятельного субъективного права попросту не существует, а есть лишь право на управление юридическим лицом, включающее в себя несколько управленческих (на управление делами, на распределение прибыли и т.д.) и связанных с ними иных правомочий (информационных, на обжалование решений органов юридического лица, признание недействительными сделок и т.д.). Объем и содержание соответствующих правомочий различаются в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица, доли участия в уставном капитале, положений учредительных документов, и в этом смысле можно вести речь о нескольких разновидностях управленческих прав.

По существу, право на управление юридическим лицом (а не участия в управлении) является основным корпоративным правом, а не одним из «вспомогательных» корпоративных прав и не одним из правомочий субъективного корпоративного («членского») права.

Представляется поэтому, что так называемые корпоративные отношения – это не любые отношения сотрудничества, участия или членства, а лишь те из них, которые связаны с управлением юридическими лицами и возникают в связи с созданием и деятельностью юридического лица как отдельного субъекта права, отличающегося от своих членов (участников) или учредителя. Необходимость специального правового регулирования соответствующих отношений появляется именно потому, что создается признаваемое правом новое правосубъектное образование, наделенное своими участниками (учредителем) обособленным имуществом и способное

⁵⁵ *Бабаев А.Б.* Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений // Вестник гражданского права. 2007. № 4. С. 8–9. *Он же.* Очерк 20. Проблема корпоративных правоотношений // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. М., 2007. С. 827.

от своего имени выступать в гражданском обороте и нести самостоятельную имущественную ответственность по обязательствам перед третьими лицами. Именно возникновение нового правосубъектного образования предопределяет основные отличительные особенности отношений по управлению юридическими лицами, выделяющие их среди иных отношений, опосредующих кооперационные или субординационные связи между участниками гражданского оборота.

В связи с этим по своему содержанию корпоративные отношения – это не «членские» отношения участия в деятельности юридического лица, а разновидность отношений по управлению любыми юридическими лицами с множественностью лиц на стороне управомоченной стороны. Ошибка ГК РФ заключается вовсе не в том, что он включил в число корпоративных отношений отношения по управлению, а в том, что к корпоративным отношениям отнесли только отношения по управлению корпоративными организациями, оставив в стороне унитарные юридические лица. Отношения по управлению унитарными юридическими лицами ГК РФ вообще остались неохваченными, хотя с содержательной точки зрения они ничем не отличаются от отношений по управлению корпорациями с той лишь разницей, что право управления унитарной организацией осуществляет одно лицо, а корпоративной – несколько. В остальном в унитарных организациях присутствуют все те же отношения (между учредителем, юридическим лицом, членами органов управления)⁵⁶. Именно такой подход был отражен в проекте концепции совершенствования общих положений ГК РФ⁵⁷, где корпоративные отношения определялись как «отношения, связанные с участием в юридических лицах и с управлением ими» (курсив наш. – О.Г.). Обращает на себя внимание и то, что отношения участия и управления не

⁵⁶ Подробнее об этом см.: Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 33–34.

⁵⁷ Рекомендован Президиумом Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (протокол № 2 от 11.03.2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4.

были разделены союзом «или», предполагающим их противопоставление. И это совершенно правильно, поскольку отношения участия по сути являются модификацией отношения по управлению юридическими лицами с множественностью лиц на стороне субъекта управления. Все остальные корпоративные права либо представляют собой правомочия права на управление (например, право на участие в общем собрании, на участие в распределении прибыли) и входят в само содержание этого права, либо являются связанными с правом на управление и обслуживают его (право на обжалование решений органов управления, информационные права, преимущественные права и т.д.).

Действительно, если говорить об унитарных организациях, то в структуре отношений по управлению юридическим лицом на место нескольких участников корпорации заступает один учредитель корпорации, и из структуры корпоративных отношений выпадает лишь одно звено – отношения между членами корпорации (т.к. у учредителя не может быть отношений с самим собой). Однако все остальные отношения, связанные с управлением, в унитарных организациях имеют место (отношения между учредителем и юридическим лицом, отношения между юридическим лицом и управляющими (менеджерами), отношения между учредителем и управляющими (менеджерами). Собственник имущества унитарных организаций (как и единственный участник хозяйственного общества) имеет в отношении соответствующих юридических лиц тождественные по содержанию права, которые с полным основанием можно назвать корпоративными⁵⁸. В отношении унитарных организаций отсутствует лишь право участников хозяйственных обществ и товариществ требовать

⁵⁸ Подробнее о необходимости распространения корпоративных отношений в том числе на унитарные юридические лица см.: *Гутников О. В.* Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 44–52.

исключения других участников из юридического лица, если такой участник причинил вред товариществу или обществу.

Поэтому отношения участия в юридических лицах по своему существу являются лишь модификацией отношений по управлению юридическими лицами с той лишь разницей, что они опосредуют управление юридическими лицами со стороны нескольких лиц, в отличие от управления унитарными организациями, где полномочия по управлению принадлежат одному лицу – учредителю. Содержание соответствующих отношений при этом остается одним – реализация полномочий одного или нескольких (в корпорациях) учредителей по управлению юридическим лицом.

Участникам корпорации принадлежат корпоративные права, основным из которых является участие в управлении делами корпорации. Все остальные корпоративные права (право на информацию, право обжаловать решения органов корпорации, оспаривать совершенные корпорацией сделки и т.д.) являются вспомогательными и могут быть охарактеризованы как права, связанные с правом на участие в управлении юридическим лицом. В коммерческих корпорациях к указанным правам добавляются право на получение прибыли и право на ликвидационный остаток (право на получение имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов при ликвидации юридического лица).

Если говорить об унитарных организациях, то их учредителю (собственнику имущества) фактически также принадлежит право на участие в управлении деятельностью юридическим лицом (наряду с лицами, входящими в состав органов управления унитарной организации), только это участие является более полным, чем право отдельного участника корпорации, поскольку субъектом данного права является одно лицо, а не несколько участников, и он единолично реализует полномочия по управлению юридическим лицом. Так, в государственных унитарных предприятиях руководитель назначается собственником или уполномоченным собственником органом и им подотчетен (ч. 4 ст. 113 ГК

РФ). Учредитель в унитарном предприятии утверждает устав предприятия, имеет право на получение части прибыли унитарного предприятия⁵⁹ и т.д.

В этом смысле, как совершенно справедливо отметил Д.В. Ломакин применительно к корпорации, действительно невозможно разграничить выделенные законодателем корпоративные правоотношения, поскольку правоотношения по управлению по существу одновременно являются правоотношениями участия и «подпадают под критерии как первой, так и второй группы корпоративных правоотношений, что делает бессмысленным их разделение»⁶⁰.

Таким образом, принципиальной разницы между отношениями по управлению корпоративными и унитарными организациями не усматривается, за исключением той, что в унитарных организациях полномочия по управлению принадлежат одному лицу (учредителю или собственнику имущества), а в корпоративных – одновременно нескольким лицам, которые совместно «участвуют» в управлении юридическим лицом. Это подтверждается и существованием корпоративных организаций всего лишь с одним участником (так называемых компаний одного лица), а также тем, что собственник имущества унитарного предприятия по существу имеет в отношении созданного им предприятия те же «корпоративные» права, что и участники хозяйственного общества (право на управление, на получение части прибыли и т.д.)⁶¹.

⁵⁹ Ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // СЗ РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.

⁶⁰ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: понятие, правовая природа и виды // Корпоративное право: Учебный курс: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 801. При этом, отрицая обоснованность деления корпоративных отношений на отношения участия и отношения управления в действующем ГК РФ, указанный автор, как отмечалось выше, все корпоративные отношения предлагает свести к отношениям участия (членства), по существу вообще отказывая отношениям управления в праве на существование в рамках корпоративных отношений, с чем мы согласиться не можем (См. также: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 84–87).

⁶¹ Подробнее об этом см.: Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 33–34.

Если же говорить об остальных корпоративных отношениях (как «внутренних», так и «внешних»), то в них также не усматривается какой-либо принципиальной разницы между корпоративными и унитарными организациями. И в тех, и в других есть определенная (иногда очень похожая) организационная структура, система органов управления, и те, и другие выступают в гражданском обороте от своего имени и в связи с этим участвуют в комплексе отношений, опосредующих такое участие (формирование имущества юридического лица, гарантии интересов кредиторов, представительство юридического лица в гражданском обороте, распределение имущества юридического лица при его ликвидации и т.д.).

Таким образом, отношения, связанные с управлением юридическими лицами, по существу и составляют содержание так называемых корпоративных отношений в любых организациях, а подотрасль гражданского права, регулирующую эти отношения, можно называть «корпоративным правом».

Игнорирование управленческой природы корпоративных правоотношений приводит к тому, что на этом фоне совершенно непонятными и не охваченными правовым регулированием остаются отношения между единственными участниками (учредителями) и созданными ими юридическими лицами и с членами органов управления этих юридических лиц. Хотя совершенно очевидно, что в унитарных организациях существуют такие же управленческие отношения, как и в корпоративных.

Ряд исследователей в последнее время совершенно справедливо обращают внимание на управленческий элемент в корпоративных отношениях, отмечая, что «благодаря корпоративным правам участники корпорации... могут участвовать в различных формах *в управлении*

корпорацией и ее имуществом (курсив наш. – О.Г.)»⁶². Е.А. Суханов к числу гражданско-правовых отношений относит «отношения, связанные с **управлением имуществом** организаций (большинство из которых являются корпоративными, основанными на членстве их участников)»⁶³. При этом в целом корпоративные отношения указанные авторы относят к числу имущественных. Некоторые исследователи, признавая наличие отдельных управленческих элементов в корпоративных отношениях, тем не менее даже неимущественные управленческие правомочия пытаются трактовать как имущественные. Например, Д.В. Ломакин отмечает: «...голосуя на общих собраниях участников предпринимательских корпораций по вопросам распределения прибыли, что служит проявлением неимущественного участия в деятельности корпорации, ее участники (члены) тем самым реализуют и свое имущественное участие»⁶⁴.

Однако в свете управленческой природы корпоративных отношений говорить о том, что участники юридического лица (корпорации) управляют его имуществом, вряд ли уместно. Наоборот, в силу принципа отделения с формально-юридической точки зрения имуществом юридического лица управляет сама организация посредством своих органов, но никак не участники, которые утрачивают всякую правовую связь с этим имуществом после внесения его в уставный капитал корпорации. При этом отчетливо проявляется неимущественный характер управленческих отношений между участниками (учредителем) и юридическим лицом. Безусловно, конечная цель участия, например, в коммерческих организациях – это получение прибыли. Однако субъекты приобретают корпоративные права в первую очередь для того, чтобы управлять юридическим лицом, получать право корпоративного контроля и освободить себя от ответственности по

⁶² Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 125 (автор – В.С. Ем).

⁶³ Там же. С. 66.

⁶⁴ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 104.

обязательствам юридического лица в обороте. Как справедливо отмечает А.А. Зурабян, «членам корпорации интересно не получение самого имущества корпорации, которое они могут получить только в рамках обязательственных отношений по выплате дивидендов/распределению прибыли/выплате ликвидационной квоты... а организация управления соответствующим юридическим лицом (его имущественным субстратом) в целях достижения тех задач, которые ставили перед собой субъекты права при вступлении в корпоративные отношения (получение прибыли для коммерческих организаций, достижение социально-политических и иных общественно значимых целей для некоммерческих корпораций»⁶⁵.

Показательно, что последовательное рассмотрение права членства как субъективного гражданского права неизбежно приводит исследователей к выводу о том, что оно является неимущественным правом управленческой природы. Так, Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева, опираясь преимущественно на немецкую правовую доктрину, характеризуют право членства как «право на участие в образовании воли объединения»⁶⁶. При этом указанные авторы различают участие и право членства, говоря, что можно быть участником объединения, но при этом не обладать правом членства. Например, вкладчики в товариществе на вере, являясь участниками товарищества, не обладают правом членства, т.к. «не могут участвовать в управлении делами и тем самым в образовании воли (курсив мой – О.Г.) товарищества»⁶⁷. Это по существу подтверждает, что так называемое «право членства» в юридических лицах имеет особый субординационный (управленческий) неимущественный характер.

Право управления по составу входящих в него правомочий является неимущественным, но оно имеет имущественную ценность, и чем больший

⁶⁵ Зурабян А.А. Корпоративные правоотношения как вид гражданских правоотношений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 8–9.

⁶⁶ Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Право членства // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 72.

⁶⁷ Там же.

объем управленческих правомочий в него входит, тем больше оно стоит на рынке, если речь идет о коммерческих юридических лицах. Основанием возникновения права на управление в любых организациях, безусловно, является внесение имущества в юридическое лицо. Однако взамен внесенного имущества учредитель (участник) получает право управления, которое в целом носит неимущественный характер и складывается из различных неимущественных правомочий, к которым относятся в том числе право на дивиденд, право на ликвидационный остаток и т.д. Какие-либо права участников хозяйственных обществ в отношении имущества юридического лица с точки зрения субъективного права вообще отсутствуют. У них нет ни вещного права на имущество (право собственности на внесенное в уставный капитал имущество ими утрачено и принадлежит самому юридическому лицу), ни обязательственного права требования на получение дивидендов, ликвидационного остатка или иных выдач (правомочие требовать выплаты дивиденда возникает лишь после принятия управленческого решения о выплате дивидендов).

Поэтому по своему характеру «корпоративные» права на участие в распределении прибыли, на ликвидационный остаток будут представлять собой некие правомочия на участие в принятии соответствующих управленческих решений путем осуществления права голоса по соответствующим вопросам и сопутствующие им правомочия требовать от общества самого рассмотрения вопроса (включения в повестку дня) о выплате или невыплате дивидендов, о ликвидации общества и последующего определения причитающейся участникам ликвидационной квоты. С нашей точки зрения, было бы неправильным полагать, что само по себе действие юридического лица, заключающееся в рассмотрении вопроса о принятии того или иного решения, обладает какой-либо имущественной ценностью. Юридически защищенный интерес участников при такой конструкции будет удовлетворяться за счет совершения действий юридического лица

неимущественного характера – рассмотрения обществом вопроса о выплате или невыплате соответствующих сумм.

Иногда в юридических лицах могут возникать права пользования имуществом организации, право на получение услуг и т.д. Однако данные права представляют собой имущественные правомочия, порождаемые реализацией права на управление юридическим лицом, поскольку появление таких прав основывается на принятии соответствующих управленческих решений. Такие имущественные правомочия, безусловно, имеют корпоративную природу, поскольку предоставляются именно в связи с наличием у участника права на управление и утрачиваются, если участник лишается членства (права управления). Эти правомочия неотделимы от права членства (управления) и не могут передаваться третьим лицам.

Поэтому так называемые имущественные корпоративные права по сути представляют собой управленческие правомочия все того же права на управление юридическим лицом. Иначе совершенно непонятно, как может существовать субъективное право на дивиденд (корпоративное право) без корреспондирующей этому праву обязанности общества принять решение о выплате дивиденда. Как известно, хозяйственное общество может и не принять решения о выплате дивидендов, более того, оно может вообще никогда не принять решения о выплате дивидендов, если деятельность общества окажется убыточной. Даже при наличии прибыли она может быть направлена на расширение производства и на иные цели, не связанные с выплатой дивидендов. Поэтому существование некоего субъективного корпоративного имущественного права на дивиденд и на ликвидационную квоту представляется необоснованным⁶⁸. Безусловно, управленческие

⁶⁸ В последнее время попытки принудительной реализации корпоративного права на дивиденд все чаще предпринимаются на практике. Однако суды последовательно отказывают в удовлетворении соответствующих исков, и правильность такой позиции подтверждалась в том числе Конституционным Судом РФ (см. Определение КС РФ от 17.01.2017 г. № 1-О по делу о проверке конституционности ст. 32 и 42 Закона об акционерных обществах в связи с жалобой АО «Управляющая компания «Арсатера»). В связи с этим в литературе активно обсуждается вопрос о необходимости

отношения в юридических лицах всегда имеют определенный имущественный контекст, проявляющийся в абстрактной возможности получать определенные выгоды от использования юридическим лицом имущества, переданного учредителями. Однако в юридическом смысле непосредственно имущественного содержания такие отношения не имеют, поскольку все правомочия в отношении имущества принадлежат не участникам (учредителям), а самому юридическому лицу.

В связи с тем, что управленческие отношения имеют неимущественную природу, нет никаких нормативных оснований говорить о том, что включение управленческих отношений в состав предмета гражданского права противоречит природе гражданского законодательства, которое согласно п. 3 ст. 2 ГК РФ не применяется лишь к *имущественным* отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой. Следовательно, нет никаких препятствий для включения неимущественных субординационных отношений в предмет гражданского права. В то же время в п. 1 ст. 2 ГК РФ говорится о том, что гражданское право регулирует «имущественные и личные неимущественные отношения». Возникает вопрос: являются ли управленческие отношения личными неимущественными? Личные неимущественные отношения традиционно в доктрине гражданского права рассматриваются как неотчуждаемые, тесно связанные с личностью (право авторства, право на имя и т.д.). Очевидно, что управленческие корпоративные права не относятся к личным неимущественным правам в традиционном понимании. Возможно, в некоторых юридических лицах, где личность участника (учредителя) имеет существенное значение, они и являются личными (например, в некоторых

совершенствования способов защиты корпоративного права на дивиденд путем закрепления в законе юридической обязанности по выплате дивидендов по привилегированным акциям (см. *Гаджиев Г.А.* Легитимация идей «права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // *Вестник гражданского права.* 2017. № 6. С. 152), а также допустимости исков о понуждении выплаты дивидендов по обыкновенным акциям в случаях, когда хозяйственное общество не принимает решения о выплате дивидендов ввиду злоупотребления правом.

некоммерческих организациях, в полных товариществах и т.д.). Однако в большинстве случаев корпоративные отношения не носят личного характера хотя бы потому, что корпоративные права могут с той или иной степенью свободы отчуждаться и иным образом переходить от одного лица к другому (в виде продажи акций, долей участия в уставном капитале, паев и др.). Могут ли в предмет гражданского права включаться неимущественные отношения, не носящие личный характер? Еще О.А. Красавчиков по этому поводу справедливо отмечал, что деление гражданско-правовых отношений на «имущественные» и «личные неимущественные» построено на совершенно различных критериях. Если бы за основу бралось единое основание, то соответствующие отношения следовало бы делить на «имущественные» и «неимущественные», с одной стороны, и на «личные» и «неличные» – с другой⁶⁹.

Очевидно, что неимущественные отношения, регулируемые гражданским правом, не обязательно должны носить личный характер. Так, в известной и старой дискуссии о возможности существования неимущественных обязательств большинство высказывается за такую возможность. О неимущественном интересе в обязательстве писал Е.В. Пассек, который пришел к выводу, что «требование необходимости имущественной ценности действия как существенного условия действительности обязательства не может быть основываемо ни на природе гражданского права, ни на природе обязательства»⁷⁰. Как указывает И.А. Покровский, начиная с Иеринга воззрение о возможности существования неимущественных обязательств одерживает верх⁷¹. При этом такие обязательства совершенно не должны быть связаны с личными

⁶⁹ Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М., 2005. С. 45–46.

⁷⁰ Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве // Пассек Е.В. Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 2003. С. 178.

⁷¹ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 135–138.

неимущественными интересами, которые привязаны к человеческой личности вообще или к какой-то конкретной личности, а, как указывала цитируемая И.А. Покровским Комиссия по составлению проекта Германского гражданского уложения, «достойн охраны всякий интерес, который не нарушит границ закона или индивидуальной свободы. Нет надобности в иных границах, кроме той, которая требует, чтобы обязательство не противоречило закону или добрым нравам»⁷².

Таким образом, гражданское право в принципе может регулировать неличные неимущественные отношения, в том числе отношения, основанные на методе частноправовой субординации. Категория управленческих гражданско-правовых отношений является, пожалуй, наименее разработанной в отечественной цивилистике, однако ряд ученых предпринимают попытки их обоснования⁷³. В литературе постепенно все сильнее звучит идея об управленческих отношениях в корпоративном праве как об основном или одном из основных видов корпоративных отношений⁷⁴. Например, возможность существования в частном праве управленческих субординационных отношений признает С.А. Сеницын, отмечая, что они не до конца исследованы, однако связывает их исключительно с корпоративными организациями⁷⁵.

И.С. Шиткина отмечает, что «разграничение корпоративных отношений от иных гражданско-правовых отношений основано на присутствии в них управленческого элемента»⁷⁶. М.А. Егорова развивает концепцию «управленческого правоотношения» в корпоративном праве, в

⁷² Цит. по: *Покровский И.А.* Указ. соч., С. 138.

⁷³ См., например: *Харитонова Ю.С.* Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М., 2011.

⁷⁴ См.: *Морозов С.Ю.* Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2. С. 181–191.

⁷⁵ См.: *Сеницын С.А.* Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование: Монография. М., 2015. С. 375–377.

⁷⁶ Корпоративное право: Учебный курс: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 63.

основе которого лежит «феномен частноправовой власти корпоративного содержания»⁷⁷. А.Е. Молотников отмечает, что корпоративные отношения – это организационно-управленческие отношения⁷⁸.

Отношения субординации (власти-подчинения) существуют во многих гражданско-правовых отношениях. Можно вспомнить об обязательных указаниях, которые может давать одна сторона другой в отношениях между основным и дочерним хозяйственными обществами, в договорных отношениях. Например, в силу п. 3 ст. 748 ГК РФ подрядчик обязан исполнять полученные в ходе строительства указания заказчика, если они не противоречат договору и не представляют собой вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика. Это не означает, однако, что данные отношения носят публичный характер.

Сам принцип свободы договора и метод дозволенности правового регулирования предполагают, что стороны любого гражданско-правового договора могут предусмотреть в договоре право одной стороны давать другой стороне обязательные для исполнения указания, построенные на началах гражданско-правовой субординации. Диспозитивность и свобода договора в частном праве позволяют строить гражданско-правовые отношения по модели частноправовой субординации, когда их участники добровольно соглашаются с тем, что одна сторона будет давать другой обязательные для исполнения указания, и та будет им подчиняться. В отличие от обязательственных прав требования, содержание которых изначально определяется соглашением сторон, содержание обязательных указаний заранее неизвестно и определяется в момент их выдачи, полностью завися от дискреционного усмотрения управомоченной стороны. Это позволяет рассматривать их как локальные властные веления, которые должна исполнять обязанная сторона.

⁷⁷ Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: Монография / Отв. ред. М.А. Егорова. М., 2015. С. 290.

⁷⁸ Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. М., 2006. С. 5.

С содержательной точки зрения властное начало, присущее одной из сторон гражданско-правового отношения, практически ничем не отличается от власти, присущей управленческим административным отношениям. Однако, в отличие от административных управленческих отношений, где возможность выдачи таких властных указаний определяется нормативно в рамках очерченной компетенции соответствующего органа власти и не зависит от воли подвластного лица, в гражданских управленческих отношениях стороны добровольно связывают себя на будущее возможностью выдачи таких указаний, поэтому в основе частноправовых управленческих отношений остается все тот же принцип равенства и свободы договора.

Поэтому в отличие от публичных властных указаний, обязательность которых не зависит от воли подвластного лица, в частноправовых отношениях субъекты частного права изначально по своему свободному усмотрению задают для себя определенные правила поведения субординационного типа и соблюдают эти правила. Стороны добровольно связывают себя возможностью выдачи обязательных указаний, поэтому в основе гражданско-правовых управленческих отношений лежит метод юридического равенства, автономии воли и свободы договора. Эти равенство и свобода исчезают после того, как стороны связали себя соответствующими «управленческими» правами и обязанностями, что, впрочем, имеет место и в обычных обязательственных отношениях. Пределы такой «частноправовой компетенции» субъекта, управомоченного оказывать управляющее воздействие на своего контрагента, определяются договором.

В то же время управленческие элементы в договорных отношениях, как правило, носят эпизодический и вспомогательный характер и гражданско-правовая субординация устанавливается в строго определенных рамках, очерченных соглашением сторон. Однако и в обязательственном праве имеются примеры, когда их участники практически полностью подчиняют волю одного субъекта воле другого, как это происходит в договоре между двумя хозяйственными обществами, в силу которого одно общество

(основное) получает контроль над деятельностью другого путем возможности выдачи обязательных указаний. Можно также упомянуть договор на осуществление функций единоличного исполнительного органа, когда одна коммерческая организация (управляющий) управляет деятельностью другой⁷⁹.

В отличие от договорных субординационных отношений содержание управленческих отношений в юридических лицах определяется в первую очередь не договором, а законом и учредительными документами юридического лица⁸⁰.

Однако для корпоративного управления характерно то, что круг вопросов, по которым субъект права корпоративного управления имеет право давать обязательные указания своему контрагенту – юридическому лицу, чрезвычайно широк и по существу охватывает все основные вопросы деятельности подконтрольного лица. Это означает, что одно лицо управляет деятельностью другого. В иных гражданско-правовых отношениях круг этих вопросов крайне узок и ограничивается лишь тем конкретным предметом, по которому стороны оговорили право давать обязательные указания.

Поэтому главной особенностью отношений по управлению юридическим лицом в гражданском праве является то, что круг вопросов, по которым управомоченное лицо может давать указания управляемому лицу, предельно широк и по существу охватывает все вопросы деятельности

⁷⁹ Следует, впрочем, согласиться с И.С. Шиткиной в том, что договор на осуществление функций единоличного исполнительного органа не устанавливает корпоративный контроль и не может служить основанием «дочерности», поскольку управляющая организация оказывает влияние лишь на текущую хозяйственную деятельность управляемого общества, не приобретая над ним корпоративный контроль (См.: Корпоративное право: Учебный курс: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 473–474).

⁸⁰ Хотя и в отношениях по управлению юридическим лицом в настоящее время предусмотрена возможность заключения корпоративного договора, представляющего по существу элементы двух договоров: договора об управлении юридическим лицом (об осуществлении управленческих прав участников) и обязательственного договора, устанавливающего взаимные права и обязанности участников, не относящиеся к управлению юридическим лицом (например, об обязанности продать акции при наступлении определенных условий или воздержаться от продажи акций и т.п.).

юридического лица. И это легко объясняется как раз правовой природой юридического лица, состоящего, по сути, из составляющих его участников или учредителей, которые полностью подчиняют себе и формируют волю юридического лица как *объекта управления*. Поэтому применительно к управлению юридическими лицами такие отношения носят *не вспомогательный, а основной* характер.

На наличие в корпоративных отношениях властного начала давно обращалось внимание. Еще в дореволюционной литературе В.М. Хвостов, например, выделял помимо вещных, обязательственных и прочих прав также корпоративные права, называя их особым видом *прав на чужую личность*, т.е. «права юридического лица (корпорации) по отношению к ее членам и членов по отношению к корпорации»⁸¹. На властный характер корпоративных прав обращал внимание О.Ф. фон Гирке, которого можно считать одним из основоположников теории корпоративных прав. Заслугой немецкого цивилиста можно считать не только то, что он обосновал наличие особых внутренних отношений участия в корпорации⁸², но и то, что эти внутренние правоотношения он характеризовал как особый класс частных прав власти, признавая по сути субординационный характер корпоративных отношений. Внутренне-корпоративные (*gemeinheitliche*) права и обязанности в корпорациях как публичного, так и частного права Гирке характеризовал как *корпоративную власть* над членами – «власть, коренящаяся в юридически признанном господстве социального целого над его членами и органами», при этом если речь шла о корпорации частного права, то «все такие внутренне-корпоративные права имеют ранг частного права и образуют *особый класс частных прав власти* (курсив мой – О.Г.)»⁸³. Так как основным принципом этих отношений Гирке видел неравенство союзной личности и отдельных составляющих ее лиц, то представления о них

⁸¹ Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М., 1996. С. 66.

⁸² Корпоративное право: Учебный курс: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 786.

⁸³ См.: Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 105.

сложились у Гирке как об особом союзном праве (*Socialrecht*), которое хотя и относится к частному праву, но по своей структуре родственно публичному праву⁸⁴.

Что касается второй и, на наш взгляд, главной стороны отношений корпоративного управления, а именно субординационных отношений управления корпорацией со стороны ее участников, то она у Гирке оставалась в тени⁸⁵: он прежде всего выделял отношения членства («членские права и обязанности»). В то же время по своему содержанию эти членские права и обязанности с их «внутренней стороны» также оставались «управленческими»: с одной стороны, обязанность участников повиноваться союзу, с другой стороны, имеющееся у участников право голоса⁸⁶. Отношения сочленства рассматривались как отношения не только между членами, но и между каждым членом и целым *на началах взаимности*, т.е. как отношения, выражающиеся во взаимных правах и обязанностях, юридическая защита которых была возможна в том числе путем исков на признание сочленства, на предоставление права голоса⁸⁷. Отношения сочленства с внутренней стороны «входят в область господства корпоративной власти и, следовательно, подлежат распоряжению союзного лица...»⁸⁸.

В признании существования особых корпоративных прав с Гирке был согласен А.И. Каминка, писавший, что «здесь нет той свободы, того равенства отношений, которая характеризует собой всю область

⁸⁴ Подробнее о теории Гирке см.: Каминка А. И. Акционерные компании: Юридическое исследование. Т. 1. Спб., 1902. С. 470–483; Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000. С. 97–109.

⁸⁵ Это объясняется, по всей видимости, тем, что Гирке как представитель исторической школы права основные усилия прилагал к обоснованию самобытности немецкой корпорации, союзной личности, которая олицетворяла возрождение германской нации и дух единства немецкого народа. Отсюда и особое внимание именно к членским правам как разновидности корпоративных прав.

⁸⁶ См.: Суворов Н.С. Указ. соч. С. 105–106.

⁸⁷ См. там же. С. 106–107.

⁸⁸ Там же. С. 106.

обязательственных отношений»⁸⁹. Признавая преобладающее значение имущественных прав в корпоративных отношениях, А.И. Каминка тем не менее отмечал их особый властный характер, считая, что «права эти представляют своеобразные особенности сравнительно со структурой индивидуальных – обязательственных прав, они носят специфическую корпоративную окраску, сущность которой заключается в элементе господства компании, как таковой, над отдельными ее участниками»⁹⁰. На отношения по модели власти-подчинения в акционерном праве указывал и Л.И. Петражицкий⁹¹.

Таким образом, есть все основания говорить об отношениях по управлению юридическим лицом как о частноправовых неимущественных отношениях власти и подчинения, *объектом которых является сам управляемый субъект*. В этих отношениях имеет место господство над другим субъектом, в отличие от обязательственных прав, в которых объектом господства являются действия обязанного лица, и в отличие от вещных прав, в которых объектом господства является вещь. В отличие от вещных и обязательственных правоотношений правоотношения по управлению юридическим лицом составляют *сферу господства над личностью*. Юридическое лицо подчиняется господству его высшего волеобразующего органа управления, состоящего из его членов. Участники тем самым полностью подчиняют волю управляемого субъекта, они ее формируют и образуют. Поэтому управление в юридических лицах – доведенное до абсолюта господство над личностью юридического лица со стороны его участников (учредителей).

Исходя из этого представляется, что в известной классификации субъективных прав на абсолютные и относительные право управления

⁸⁹ Каминка А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 484.

⁹⁰ Там же. С. 487. См. также: Каминка А.И. Очерки торгового права. М., 2002. С. 395–396.

⁹¹ См. например: Петражицкий Л.И. Акции. Биржевая игра и теория экономических кризисов. Т. 1. СПб., 1911. С. 26.

юридическим лицом является по своей природе смешанным и занимает среднее положение между абсолютными и относительными правами, поскольку имеет признаки как абсолютных, так и относительных прав.

В литературе ранее уже обращалось внимание на наличие в корпоративных управленческих правах двух видов правомочий: 1) правомочие на чужое поведение и 2) правомочие на свое поведение⁹². При этом *«первое правомочие направлено на действия объединения, обеспечивающие реализацию второго правомочия; второе правомочие складывается из двух субправомочий: возможности предъявить объединению требование о создании условий для участия в образовании его воли и возможности участвовать в образовании этой воли»*⁹³.

С одной стороны, право управления юридическим лицом имеет черты абсолютности: правовая связь субъекта права с объектом носит непосредственный характер (между субъектом и объектом управления не существует никаких иных субъектов, от поведения которых зависит удовлетворение интереса управомоченного лица). Эта связь устанавливается путем императивного законодательного определения объема и содержания правомочий субъекта, меры его юридического господства (власти) над управляемым объектом. Осуществление права управления предопределено исключительно волей и действиями управомоченного лица и не зависит в отношении объекта управления от поведения других лиц⁹⁴, интерес лица удовлетворяется за счет собственных действий по управлению путем выдачи указаний подвластному объекту, который им подчиняется автоматически, поскольку его воля представляет собой по существу волю субъекта управления. Такие указания выдаются в форме принятия единоличного

⁹² См. например: *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008, С. 111.

⁹³ *Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В.* Право членства // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 72.

⁹⁴ О признаках абсолютных и относительных прав см.: *Синицын С.А.* Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2017. С. 19.

решения в унитарных организациях или путем принятия решения по итогам голосования на общем собрании в корпоративных организациях. Право на дивиденд, как указывалось выше, также является одним из правомочий права на управление: даже формулировка закона говорит не о праве на получение части прибыли, а о праве «принимать участие в распределении прибыли» (абз. 2 п. 1 ст. 67 ГК РФ), что можно трактовать как право участвовать в принятии управленческого решения корпорации о распределении прибыли. Это правомочие также реализуется путем голосования на общем собрании, то есть посредством реализации управленческого правомочия. Собственно правомочие на получение дивидендов, которое реализуется путем действия обязанного лица по выплате конкретной суммы, появляется именно в результате принятия управленческого решения.

С другой стороны, право управления имеет и черты относительности: для осуществления права на формирование воли управляемого (подчиненного) субъекта должны быть созданы необходимые условия, выражающиеся в действиях членов органов управления юридического лица по составлению списков лиц, имеющих право на участие в собрании, по созыву и проведению общего собрания и т.д. Относительность права управления вытекает из особой природы объекта управления, одновременно являющегося юридическим лицом, которое правопорядок наделяет свойством правосубъектности и которое обладает свойством организационного единства, проявляющегося в системе особо организованных органов управления. Поскольку объект управления имеет статус субъекта права, то интерес управомоченного лица удовлетворяется также за счет действий иных лиц – членов органов управления обязанного подвластного субъекта и его работников. Кроме того, интерес управомоченного лица направлен как на сохранение своего правового положения (сохранение корпоративного контроля), так и на развитие этого положения в динамике существования права на управление (например, на

возникновение правомочия на получение дивиденда или увеличение корпоративного контроля).

Главным управленческим правомочием в юридических лицах, имеющих множество участников, является право голоса. Как правильно указывают Е.А. Крашенинников и Ю.В. Байгушева, «право голоса включает в себя *правомочие на действия объединения, обеспечивающие возможность управомоченного дать свой голос при вынесении соответствующего решения* (например, на действия общества с ограниченной ответственностью по созыву очередного общего собрания участников – абз. 1 ст. 34 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и *правомочие на собственное поведение управомоченного, которое состоит из двух субправомочий: возможности предъявить требование о создании условий для голосования* (например, возможности акционера предъявить акционерному обществу требование о созыве годового общего собрания акционеров – абз. 2 п. 1 ст. 47 Федерального закона «Об акционерных обществах») и *возможности изъявить волю по поставленному на голосованию вопросу* (например, вопросу о реорганизации акционерного общества – подп. 2 п. 1 ст. 48 Федерального закона «Об акционерных обществах»)⁹⁵.

Такой подход известен и традициям континентального права. Так, А. Tuhr квалифицировал право голоса как «правомочие власти», которое не зависит от воли субъекта, правовая сфера которого подвергается изменению, «в силу чего на него возлагается обязанность, которая бы корреспондировала «правомочию власти» и могла быть нарушена. Однако право голоса осуществляется не только собственными действиями управомоченного, но и действиями объединения, которые сам управомоченный совершить не в состоянии. Именно потому, что управомоченный не может совершить эти необходимые для него действия, в содержание права голоса входит

⁹⁵ Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Указ.соч. С. 73.

правомочие требования, через которое это право в целом сопрягается с корреспондирующей ему обязанностью объединения к совершению определенных действий в удовлетворение интереса управомоченного. Не подлежит никакому сомнению, что корреспондирующая праву голоса обязанность объединения (например, обязанность ООО по созыву очередного собрания участников) может быть им нарушена (например, путем недопуска к голосованию, неучета голоса и т.д.)»⁹⁶.

Поэтому право управления носит смешанный (относительно-абсолютный) характер⁹⁷, однако в целом его можно назвать относительным, поскольку и право на свои, и право на чужие действия осуществляются в отношении определенных поименно лиц (конкретного юридического лица и входящих в него членов органов управления).

Рассмотрение правовой связи между учредителями (участниками) и юридическим лицом в качестве отношений власти и подчинения, построенных по методу частноправовой субординации, наглядно показывает, что отношения по управлению юридическим лицом являются основными, а не вспомогательными. Отдельные имущественные правомочия, возникающие в динамическом развитии права управления (которым, например, выступает право на получение распределенных решением собрания дивидендов) являются сопутствующими и необязательными элементами отношений управления. Эти имущественные отношения составляют факультативную, вспомогательную и лишь возможную, но никак не обязательную стадию корпоративных отношений и не могут составлять их основное содержание.

Поскольку отношения по управлению юридическим лицом являются основными, то их нельзя, строго говоря, рассматривать в качестве организационных частноправовых отношений в том понимании, о котором

⁹⁶ Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Указ. соч., С. 73 (со ссылкой на: Tuhr. A. Der allgemeine Teil des deutschen burgerlichen Reghts. Leipzig, 1910. Bd.1. S. 551).

⁹⁷ Показательно, что в немецкой цивилистике не выработано единого мнения об абсолютности или относительности права членства (см. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Указ. соч. С. 72 (сноска 4).

писал О.А. Красавчиков. Как известно, он выделял в частном праве несколько разновидностей организационных отношений (организационно-предпосылочные, организационно-делегирующие, организационно-контрольные, организационно-информационные), которые сопровождают имущественные отношения. Ученый был солидарен с С.Н. Братусем в том, что организационные отношения «по вертикали», т.е. управленческие отношения, составляют предмет административного и иных отраслей публичного права⁹⁸. Категория управленческих частнопровых отношений им не разрабатывалась. Частным правом, по мнению О.А. Красавчикова, регулируется та часть организационных отношений, которая построена «по горизонтали», т.е. организационные отношения координационного типа. Организационные отношения рассматривались О.А. Красавчиковым как вспомогательные, так как они организуют (упорядочивают) любые другие «организуемые» гражданско-правовые отношения и сопутствуют им. Организационные отношения в целом он характеризовал как «такие построенные на началах координации или субординации социальные связи, которые направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников либо на формирование социальных образований»⁹⁹. Данная концепция была подвергнута во многом справедливой критике со стороны других ученых, которые говорили, что организационные отношения в таком понимании присутствуют в том или ином виде в любых гражданских правоотношениях и представляют собой всего лишь вспомогательную стадию формирования имущественных отношений¹⁰⁰. С этих позиций любым правоотношениям присущ организационный момент, поскольку функция права вообще – организовывать и упорядочивать общественные отношения.

⁹⁸ Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Красавчиков О.А. Указ. соч. Т. 1. С. 47.

⁹⁹ Красавчиков О.А. Указ. соч. Т. 1. С. 53.

¹⁰⁰ См.: Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I) // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 258–261.

Однако отношения по управлению юридическими лицами вспомогательными по отношению к имущественным быть никак не могут. Существо этих отношений состоит не в организации каких-то других отношений, а в абсолютном подчинении юридического лица управляющему воздействию его участников. Эти отношения являются основными, поскольку главная и единственная юридическая цель участника или учредителя юридического лица – руководить, управлять делами юридического лица, при этом управлять так, чтобы получить удовлетворение своих разнообразных интересов, которые могут преследовать совершенно разные цели: удовлетворение нематериальных, духовных потребностей (в некоммерческих организациях), получение максимальной прибыли, получение корпоративного контроля, повышение капитализации компании и ее последующая продажа и т.д. Получение дивидендов, как правило, составляет не самую главную цель участника любой коммерческой корпорации, а публичной корпорации особенно, так как основная прибыль в публичных корпорациях обычно получается не от выплаты дивидендов, а от роста капитализации компании и перепродажи акций на рынке. В непубличных корпорациях получение дивиденда может быть более важным, однако любой дивиденд зависит от управленческих усилий тех, кто управляет или ведет дела компании. Поэтому говорить о том, что в корпорации основными якобы являются имущественные отношения, в корне неверно. Неслучайно Конституционный суд РФ указал, что акционеры не являются предпринимателями¹⁰¹. Предпринимательскую деятельность ведут не участники, а сами юридические лица. И именно юридическое лицо функционирует в имущественных отношениях гражданского оборота, которые являются для него «внешними». Что касается «внутренних»

¹⁰¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

отношений между участником и юридическим лицом, то вся их «имущественность» прекращается сразу же после того, как учредитель или участник внес свой вклад в имущество юридического лица и приобрел взамен право корпоративного управления. После внесения вклада всякая правовая связь с имуществом юридического лица его учредителей или участников уже утрачена. Безусловно, обладая корпоративным контролем (правом управления), можно в том числе удовлетворять свои имущественные интересы, предусмотреть в уставе имущественные права участников на пользование имуществом, получение услуг и т.д. Однако это характеризует лишь экономическую сторону корпоративных отношений, но никак не юридическую: в юридическом смысле отношения по управлению юридическим лицом лишены имущественного содержания. Поэтому управленческие отношения – это основная разновидность отношений, складывающихся между учредителями (участниками) и юридическими лицами, и они носят не координационный, а властно-распорядительный организационно-управленческий неимущественный характер. Такие отношения основаны на методе частноправовой субординации.

Отношения, связанные с управлением юридическими лицами, представляют собой относительную правовую связь между участниками (учредителем) и юридическим лицом. То есть частноправовая субординация существует только по линии отношений между юридическим лицом в лице его органов и участниками (учредителем). Управленческих отношений между самими участниками нет и быть не может. Участник подчиняется не другому участнику и не совокупности других участников, а решению органа юридического лица, т.е. самому юридическому лицу. Отношения участия сами по себе сопутствуют управленческим отношениям (так же, как они сопутствуют любым другим отношениям с множественностью лиц (общая собственность, сокредиторы, соавторы и др.)) и самостоятельного содержательного наполнения не имеют. Они представляют собой лишь средство достижения согласия по поводу порядка осуществления единого

корпоративного права управления между несколькими его обладателями. Поэтому между участниками существуют относительные координационные отношения, опосредованные правовой связью между каждым участником и юридическим лицом.

Таким образом, отношения, связанные с управлением юридическими лицами, делятся на субординационные (основные) и координационные (вспомогательные, или отношения участия, возникающие только в организациях корпоративного типа). Однако координационные отношения не являются отношениями управления и присущи многим гражданско-правовым отношениям с множественностью лиц на стороне управомоченного лица.

Что же касается основных, субординационных, отношений, связанных с управлением юридическим лицом, то по своей структуре субординационная связь имеет *встречную двустороннюю направленность*. С одной стороны, участники (учредитель) оказывают властное воздействие на юридическое лицо, давая обязательные указания в форме управленческих решений, с другой стороны, они сами подчиняются уже принятым решениям юридического лица в лице его органов, следуя воле большинства. Неслучайно, характеризуя корпоративные права, Гирке писал: *«Объектом права являются для юридического лица его отдельные члены, личность которых в известных отношениях подчинена господству союзной личности, а для ее членов – все целое, стоящее над ними, в личной сфере которого они в известном объеме принимают участие. Эти права, следовательно, наравне с семейными правами, суть в корне своем права на чужую личность (курсив наш. – О.Г.); из их развития вытекают права на действия и на вещи. От всех остальных частных прав они отличаются тем, что здесь лица мыслятся не рядом друг с другом, но одно в другом. Их структура потому опирается на представления, которые находят свое полное развитие только в публичном*

праве»¹⁰². В приведенной очень точной характеристике корпоративных отношений обращает на себя внимание не только их властный характер, но и двусторонняя направленность этой власти: с одной стороны, юридическое лицо имеет власть над участниками, а с другой стороны – участники имеют власть над целым (юридическим лицом).

В связи с этим следует отметить, что в современной юридической литературе совершенно правильно выделяются два уровня относительности корпоративных отношений. Как пишет С.А. Сеницын, «между участниками корпорации субъективные корпоративные права равнонаправлены (осуществляются в собственных интересах участников корпорации, которые являются тождественными), а в отношениях между участниками корпорации и самой корпорацией осуществление и защита корпоративных прав разнонаправлена, поскольку в этом случае интересам участников корреспондируют интересы корпорации, которые при осуществлении корпоративных прав должны быть согласованы и не порождать корпоративных конфликтов»¹⁰³. Поэтому первый уровень относительности (отношения между участниками) имеет субординационный разнонаправленный (встречный) характер, а второй уровень – координационный и однонаправленный.

На этот второй, координационный, уровень и обращается обычно первоочередное внимание в современной литературе по корпоративному праву. Корпоративные отношения отождествляются только с отношениями координации между субъектами, направленными на достижение единой цели. Однако при таком подходе эти отношения остаются либо вовсе бессодержательными, включая в себя загадочные «членские правоотношения», лишенные собственного объекта, либо наполняются самым разнообразным содержанием, включая любые координационные связи

¹⁰² Цит. по: *Хвостов В. М.* Указ. соч. С. 66.

¹⁰³ *Сеницын С.А.* Обще учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. С. 22–23.

в гражданском праве, необязательно связанные с корпорациями как субъектами права. В круг таких корпоративных отношений попадают любые объединения лиц с целью достижения общей цели (сособственники, сокредиторы, участники договора товарищества и т.д.)¹⁰⁴. Однако при таком понимании стирается грань между корпоративным и договорным правом, а юридическое лицо (корпорация) становится чем-то случайным и несущественным для отношений данного рода¹⁰⁵. Близким по существу является рассмотрение предмета корпоративного права как совокупности «специфичных договорных построений» между множественностью участников, при котором фигура юридического лица как таковая и специфика особых внутриорганизационных управленческих отношений в нем отодвигаются на второй план¹⁰⁶. Сторонники этого подхода рассматривают корпоративные отношения как разновидность договорных отношений, по существу сводя все корпоративное право к праву обязательственному, возникающему из сделки по созданию юридического лица. В этих теориях при всех их различиях главной ошибкой, на наш взгляд, является то, что вся специфика корпоративных отношений основывается на отношениях координации между множественностью участников, а основные субординационные связи между участниками и юридическим лицом отодвигаются на второй план либо вовсе игнорируются.

Между тем именно добавление юридического лица предопределяет особую правовую природу и сложную структуру корпоративных отношений, порождающую в том числе особую множественность их участников,

¹⁰⁴ Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. С. 21.

¹⁰⁵ Справедливости ради следует отметить, что авторы данной концепции выделяют в таком широком корпоративном праве право «корпорационное», которое регулирует соответствующие координационные связи между участниками юридических лиц (корпораций).

¹⁰⁶ См.: Степанов Д.И. Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность: Сборник статей, посвященный памяти М.И. Брагинского. М., 2013. С. 315; Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия. 2016. № 9. С. 106–113.

возможную лишь в условиях существования юридического лица. Именно корпорация (юридическое лицо), предназначенная для выступления обособленного имущества в гражданском обороте, обуславливает существование особых отношений по управлению этим лицом, а необходимость достижения справедливого баланса интересов между всеми участниками соответствующих отношений влечет за собой преимущественно императивный метод правового регулирования, в отличие от договорного права, построенного на началах диспозитивности и принципе свободы договора.

Само появление корпорации как особого субъекта права вызывает к жизни особую сложную структуру гражданско-правовых субординационных отношений между участниками (учредителем), юридическим лицом, членами органов управления. Эти отношения управления двусторонне направлены. Главным и основным является отношение по управлению юридическим лицом со стороны участников (учредителя). Субординационная связь обратного свойства, когда юридическое лицо через свои органы управления подчиняет себе волю участников (внутренние локальные нормативные акты юридического лица), производна. В этом смысле юридическое лицо приобретает над своими участниками корпоративную власть. Как писал Гирке, правоспособность союзной личности в определенном отношении шире, чем правоспособность отдельного индивида, поскольку «привступают такие права, которые могут принадлежать лишь общественному целому над его членами (напр., корпоративная власть)»¹⁰⁷.

Эта вторая, производная сторона корпоративных управленческих отношений проявляется в деятельности волеобразующих и исполнительных (волеизъявляющих) органов юридического лица, которые находятся между собой также в отношениях субординации. И здесь уместно говорить не об управлении юридическим лицом со стороны участников (внешняя сторона

¹⁰⁷ Гирке О.Ф. фон. *Deutsches Privatrecht*. Bd 1–3, 1895–1917. С. 265 и сл., 469 и сл. (цит по.: Суворов Н.С. Указ. соч., С. 98).

управленческих отношений), а об управлении внутри юридического лица со стороны его органов (внутренняя сторона управленческих отношений). *Правомочия субъективного корпоративного права* («внешней» стороны права на управление) следует отличать от *полномочий* органов управления в пределах компетенции, которой их наделили участники (внутренней, или обратной (производной), стороны права на управление). Можно сказать, что правомочия субъектов права корпоративного управления, пройдя через «горнило» юридического лица, преобразуются в полномочия органов управления: в компетенцию общего собрания (как непосредственное отражение правомочий участников), а также в компетенцию «вторичных» органов управления, делегированную участниками соответствующим органам.

При этом, как отмечал В.С. Ем, «сформированное членами корпорации волеизъявление высшего органа порождает модус поведения, обязательный для исполнительного органа корпоративного юридического лица и для самих участников корпорации. Такая ситуация нетипична для гражданско-правового регулирования, так как по общему правилу в гражданском обороте субъекты самостоятельны и независимы друг от друга и поэтому не могут непосредственно участвовать в формировании воли контрагента»¹⁰⁸.

Таким образом, управленческие отношения в юридическом лице (внешние и внутренние) многообразны, они в самом широком смысле сводятся к субординационным отношениям между учредителями (участниками), юридическим лицом, членами органов управления, основанным на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Следует отметить, что гражданско-правовые отношения, связанные с управлением юридическими лицами, вряд ли можно назвать основанными на равенстве и автономии воли, поскольку они основаны на методе частноправовой субординации. Единственным

¹⁰⁸ Российское гражданское право: Учебник. В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 125 (автор соотв. главы - В.С. Ем).

признаком остается имущественная самостоятельность участников, и это не позволяет относить к участникам таких отношений органы корпорации, не являющиеся субъектами гражданского права. Однако *изначально* эти отношения появляются по свободной собственной воле равных участников гражданского оборота, которые создают юридическое лицо или вступают в него (приобретая акции, доли участия, вступая в число учредителей и т.д.), добровольно подчиняя себя действующим в нем правилам. Поэтому отношения по управлению юридическим лицом также относятся к гражданско-правовым и изначально основаны на принципе равенства и автономии воли.

В то же время организационно-управленческие отношения могут быть гражданско-правовыми, а могут регулироваться иными отраслями права и даже вовсе носить неправовой характер. Таковыми являются отношения по управлению работниками юридического лица со стороны администрации, регулируемые трудовым правом, а также отношения по управлению производственными процессами со стороны работников корпорации. Поэтому само по себе существование отношений по управлению юридическим лицом порождает проблему разграничения гражданско-правовых управленческих отношений и внутриорганизационных управленческих отношений иного свойства (трудовых, технических и т.д.), субъектами которых являются органы, структурные подразделения и работники юридического лица.

Гражданско-правовыми являются отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Указанные свойства присущи далеко не всем «управленческим» отношениям в юридических лицах. Равенство и автономия воли в управленческих отношениях, построенных на методе частноправовой субординации, существенно деформированы. Что касается имущественной самостоятельности, то существуют органы управления юридическим лицом, которые, участвуя в отношениях по управлению, не являются тем не менее

субъектами гражданского права и не обладают имущественной самостоятельностью. Иное дело – лица, входящие в состав органов управления (генеральный директор, члены совета директоров и т.д.). Будучи физическими лицами и субъектами гражданского права, они участвуют в отношениях по управлению юридическим лицом в качестве членов органов управления, и между ними, участниками (учредителем) и самим юридическим лицом складываются определенные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Например, члены органов управления несут обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно, а при нарушении этой обязанности должны возмещать причиненные убытки.

В связи с этим следует различать *отношения по управлению юридическим лицом* (отношения, складывающиеся между учредителями (участниками), членами органов управления и юридическим лицом) и *отношения по управлению внутри юридического лица* (*внутриорганизационные управленческие отношения*). Если отношения по управлению юридическим лицом, основными из которых являются отношения между участниками (учредителями) юридического лица и самим юридическим лицом, гражданско-правовые (и включают в себя корпоративное управление юридическим лицом, отношения между членами органов управления, участниками юридического лица и самим юридическим лицом), то отношения по управлению внутри юридического лица таковыми не являются, поскольку их субъекты – органы управления корпорацией, работники корпорации и данные отношения не основаны на равенстве и имущественной самостоятельности участников.

Существенная часть отношений по управлению внутри юридического лица (так называемое «некорпоративное» управление) – трудовые, в том числе отношения по управлению обособленными (филиалы, представительства) или необособленными (отделы, управления, производственные цеха, участки и т.д.) структурными подразделениями

юридического лица, так называемые внутрипроизводственные отношения, регулируемые системой локального нормотворчества. Поэтому принципиальной является научная проблема разграничения гражданско-правовых управленческих отношений и внутриорганизационных управленческих отношений, не являющихся гражданско-правовыми или вообще правовыми, как считают многие. Например, М.К. Сулейменов обоснованно делит все внутренние отношения в юридическом лице на три группы: корпоративные отношения, регулируемые гражданским правом; трудовые отношения, регулируемые трудовым правом; отношения, связанные с некорпоративным управлением или внутриуправленческие отношения, регулируемые неправовыми социальными нормами, или нормативной неправовой системой локального нормотворчества¹⁰⁹. Не признавали правовой характер внутрипроизводственных отношений, например, С.Н. Братусь, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков и др.¹¹⁰.

Еще одной особенностью отношений по управлению юридическими лицами является то, что они имеют длящийся характер и не прекращаются, пока существует юридическое лицо. В динамике развития управленческих прав могут появляться дополнительные правомочия имущественного и неимущественного характера, которые по своей природе могут иметь сходство с обязательственными правами требования. Однако, в отличие от обязательственных прав, после осуществления этих правомочий и исполнения обязанностей со стороны управляемого субъекта право управления не прекращается, а продолжает существовать и способно порождать другие дополнительные правомочия. Отношения по управлению юридическими лицами рассчитаны, таким образом, на неоднократное осуществление прав и исполнение обязанностей.

¹⁰⁹ См.: Сулейменов М.К. Гражданское право и корпоративные отношения: проблемы теории и практики // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 307–309.

¹¹⁰ См.: Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юриздат, 1947. С. 291; Иоффе О.С. Правовые проблемы народного хозяйства СССР // Государство и право развитого социализма в СССР: Л., 1977. С. 166–171; Красавчиков О.А. Сущность юридического лица // Советское государство и право. 1976. № 1. С. 53.

В связи с этим неправильно, на наш взгляд, считать, что корпоративное право расщеплено на собственно корпоративное и какое-то иное (корпоративное право на дивиденд и право на дивиденд обязательственного характера, появляющееся после принятия решения о выплате дивидендов). Такой подход привел к появлению совершенно разных теоретических построений о делении корпоративных прав и правоотношений на две самостоятельные части: «элементы корпоративной правоспособности» и собственно субъективные корпоративные права (В.А. Белов, С.Ю. Филиппова¹¹¹); «корпоративные» права участия и производные от него одноименные обязательственные права, которые возникают на основании дополнительных юридических фактов (Д.В. Ломакин)¹¹²; «генеральные» и «индивидуальные» корпоративные правоотношения (В.П. Мозолин)¹¹³; «общерегулятивные» и «конкретные» корпоративные правоотношения (В.С. Кононов)¹¹⁴ и др.

Однако при этом неверно толкуется динамика субъективного права на управление юридическим лицом. В любом субъективном праве (и в вещном, и в обязательственном, и в исключительном, и в корпоративном) конкретное относительное право требования к обязанному лицу возникает после наступления определенных юридических фактов (факт нарушения права для требования о возмещении убытков, факт поставки товара для требования о его оплате и т.д.). При этом наступление соответствующих юридических фактов не порождает возникновения каких-то иных по своей природе субъективных прав (например, замену права собственности правом на

¹¹¹ См.: *Филиппова С.Ю.* Внутренние правоотношения в хозяйственном обществе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 8–9; *Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова.* М., 2009. С. 208–225.

¹¹² См.: *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. С. 88–90.

¹¹³ См.: *Мозолин В.П.* Современная доктрина и гражданское законодательство. М., 2008. С. 128.

¹¹⁴ См.: *Кононов В.С.* Корпоративные правоотношения: понятие, признаки, сущность // *Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 9 / Под ред. О. Шилохвоста.* М., 2005. С. 92–102.

защиту обязательственного характера). Речь идет всего лишь о наступлении условий осуществления и (или) защиты гражданских прав. До наступления соответствующих условий имеет место так называемое «отложенное правоотношение» или «нерешительное состояние», в котором по наступлении условия субъективное право преобразуется из «потенциального» («потенциально-определенного» или «потенциально-неопределенного») в «действенное» или «активное» состояние¹¹⁵.

Точно так же и в праве на управление юридическим лицом реализация тех или иных входящих в его состав правомочий в силу закона или положений учредительных документов обусловлена наступлением тех или иных юридических фактов. Эти факты выступают необходимыми условиями осуществления права управления и (или) появления соответствующих дополнительных правомочий, но никак не основаниями возникновения каких-то новых субъективных прав. Так, право требования о выплате части распределенной прибыли определяется как объективными факторами (наличием прибыли как таковой), так и субъективными (односторонним властно-распорядительным волеизъявлением субъекта права на дивиденд управленческого характера). В связи с этим М.К. Сулейменов, применив к корпоративным правоотношениям концепцию Ю.Г. Басина о потенциальном и действенном состоянии субъективных прав, совершенно верно охарактеризовал динамику корпоративного отношения по выплате дивидендов: «на основе юридического факта (приобретение статуса участника (члена) корпоративной организации) возникает корпоративное правоотношение участия (членства) в корпоративной организации, в котором субъективное право требовать дивидендов находится в потенциальном состоянии. С наступлением второго юридического факта (решение общего собрания о распределении дивидендов), которые преобразует потенциальное

¹¹⁵ О применении концепции Ю.Г. Басина о потенциальном и действенном состоянии субъективных гражданских прав к проблеме структуры корпоративных правоотношений см.: Сулейменов М.К. Гражданское право и корпоративные отношения: проблемы теории и практики // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 298–305.

субъективное право в действенное, возникает второе корпоративное правоотношение по получению дивидендов, содержанием которого является право участника (члена) на получение дивидендов и обязанность корпоративной организации выплатить эти дивиденды»¹¹⁶.

Право голоса, понимаемое как «право на изъявление воли при вынесении решения по поставленному в объединении на голосование вопросу»¹¹⁷, появляется после наступления совокупности юридических фактов (юридического состава), опосредующих проведение общего собрания участников.

Поэтому право на управление юридическими лицами является единым и в корпоративных организациях ничем не отличается от любого другого гражданского права с множественностью лиц на стороне управомоченного лица¹¹⁸. Закон и учредительные документы юридического лица лишь устанавливают порядок согласования воли этой множественности при принятии тех или иных управленческих решений. В иных гражданско-правовых отношениях до недавнего времени таких особенностей не устанавливалось, однако постепенно соответствующие нормы появляются: например, в ГК внесены нормы о решениях собраний (применимые и к собственникам, и к сокредиторам, и т.д.), о возможности изменения или расторжения договора по воле большинства участвующих в нем лиц (абз. 2 п. 1 ст. 450 ГК РФ).

То есть субъективное право на управление юридическим лицом едино¹¹⁹. По своему содержанию это право включает в себя правомочия,

¹¹⁶ Сулейменов М.К. Указ. соч. С. 304–305.

¹¹⁷ Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Право членства // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 72.

¹¹⁸ Подробнее см.: Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 54–64.

¹¹⁹ Единую природу корпоративных отношений (при этом по-разному толкуя их сущность) поддерживают также: Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика: учеб. пособие. М., 2006. С. 104–105; Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих корпорациях как составная часть предмета гражданского права: Автореф.

связанные с управлением юридическим лицом, основанные на частноправовой субординации, и комплекс связанных с ним производных правомочий (по получению информации, получению прибыли, право включения вопросов в повестку дня собрания, право голоса и т.д.), а также правомочий на защиту. В случае, если на стороне управомоченного (субъекта права управления юридическим лицом) имеется множественность лиц, то осуществление права управления происходит путем согласования воли этих лиц по процедуре, урегулированной законом и учредительными документами юридического лица. Любые права требования в корпоративном праве – это не новая разновидность субъективных прав, а лишь элемент в динамике развития субъективного корпоративного права. Право управления юридическим лицом возникает с приобретением управленческих прав участника или учредителя и может порождать дополнительные правомочия требования, напоминающие требования обязательственного характера при наступлении определенных обстоятельств.

В целом отношения, связанные с управлением юридическими лицами, можно с полным основанием отнести к составной части предмета гражданского права и определить их как особые относительные неимущественные организационно-управленческие отношения, построенные на началах частноправовой субординации двусторонней направленности. Основными при этом являются отношения по управлению юридическим лицом со стороны участников (учредителя) (внешняя сторона управленческих отношений). Производными являются субординационные связи обратной направленности, в силу которых юридическое лицо подчиняет своей воле своих участников и членов органов управления (внутренняя сторона управленческих отношений). Относительная правовая связь между участниками корпоративных организаций координационного типа характеризует лишь множественность лиц на стороне субъекта

управления и по своей природе мало чем отличается от аналогичных координационных отношений, существующих в любых гражданско-правовых отношениях с множественностью лиц. В то же время и в этой связи координационного типа присутствуют элементы частноправовой субординации, выражающиеся в необходимости подчинения меньшинства большинству.

Учитывая управленческую природу корпоративных отношений, вызывает поддержку отказ ГК РФ от трактовки таких отношений как обязательственных. Очевидно, что отношения, связанные с участием в управлении юридическими лицами, не «вписываются» в классическую модель обязательственных отношений. Например, если рассматривать отношения, возникающие в связи с участием в управлении хозяйственными обществами («классический» пример корпоративных отношений), то характер прав участников в отношении юридического лица существенно отличается от обязательственных.

Во-первых, в отличие от классических обязательственных прав, имеющих относительный характер и реализующихся в первую очередь посредством действий обязанного лица (должника), права участия в управлении юридическими лицами в значительной степени реализуются путем осуществления управомоченным лицом собственных действий. В частности, основное право – право на участие в управлении юридическим лицом – реализуется путем голосования участников на общем собрании акционеров (участников). Даже право на получение дивидендов в хозяйственных обществах реализуется особым способом – путем участия в общем собрании и голосования за выплату дивидендов. Собственно «обязательственное» субъективное право на получение дивидендов, которое реализуется путем действий обязанного лица (общества) по выплате конкретной суммы кредитору (акционеру, участнику), появляется только после того, как общее собрание большинством голосов примет решение о выплате дивидендов участникам в определенном размере. До принятия

такого решения обязательственное субъективное право на получение дивидендов не существует. Существует лишь корпоративное право на дивиденд, реализуемое в первую очередь путем собственных активных действий – голосованием на общем собрании акционеров (участников).

Во-вторых, в отличие от обязательственных прав, осуществление которых зависит исключительно от воли кредитора и должника, осуществление прав участия в юридических лицах с корпоративным устройством зависит не только от воли «кредитора» (конкретного участника хозяйственного общества) и «должника» (самого хозяйственного общества), но также и от воли всех других участников, без которой невозможно добиться принятия какого-либо управленческого решения «должника» и тем самым в полной мере реализовать свое субъективное право на участие в управлении. Таким образом, отношения участия в управлении имеют особую структуру, отличающуюся от классической двусторонней структуры отношений в обязательстве («должник – кредитор»). В частности, отношения, связанные с управлением (корпоративные отношения), возникают как между отдельными участниками и юридическим лицом, с одной стороны, так и между самими участниками – с другой.

В-третьих, в отличие от обязательственных прав требования с явно выраженным имущественным характером, право на участие в управлении в юридических лицах носит в целом неимущественный характер и состоит в основном из множества неимущественных правомочий (право на участие в управлении, право на информацию), и лишь иногда эвентуально может сопровождаться появлением имущественных правомочий (требований) обязательственного характера. В связи с этим появляются основания для выделения отношений, связанных с управлением юридическими лицами, в особую группу организационных отношений, регулируемых гражданским правом. Как указывалось выше, сторонником выделения в системе

гражданского права организационных отношений (наряду с вещными и обязательственными) был О.А. Красавчиков¹²⁰.

В-четвертых, отношения участия в управлении юридическими лицами могут характеризоваться как особого рода отношения «власти и подчинения» локального характера двусторонней направленности, включающие обязанность участников даже против своей воли подчиняться решениям большинства других участников, что исключено в обязательственных отношениях, где принцип свободы договора не позволяет по общему правилу заставить кого-либо подчиняться воле другого лица без собственного на то согласия.

В-пятых, в отличие от обязательственных отношений, где доминируют начала диспозитивности правового регулирования и принцип свободы договора, отношения, связанные с управлением юридическими лицами, регулируются преимущественно императивными нормами, и варианты выбора возможного поведения у участников соответствующих отношений, как правило, строго ограничены законом.

В-шестых, отношения, связанные с управлением юридическими лицами, являются особыми «внутренними» отношениями, складывающимися в связи с собственной организацией юридического лица как субъекта права, и мыслятся как отношения между лицами, находящимися «одно в другом», в то время как обязательственные – «внешними» отношениями, возникающими между субъектами права, находящимися «рядом друг с другом» в гражданском обороте.

Наконец, в-седьмых, отношения участия в управлении юридическими лицами имеют длящийся характер и рассчитаны на неоднократное осуществление прав и исполнение соответствующих обязанностей. Права и обязанности участников юридического лица не прекращаются после их осуществления (исполнения), как это имеет место в обязательствах (п. 1 ст.

¹²⁰ Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения.

408 ГК РФ), а продолжают существовать постоянно в течение всего периода, пока существует сам «должник» – юридическое лицо.

К сожалению, единая правовая природа управленческих отношений в юридических лицах до настоящего времени не получила всеобщего признания ни в законодательстве, ни в доктрине. Это отчетливо видно на примере реформы гражданского законодательства, в процессе которой у ее авторов взгляды на природу так называемых корпоративных отношений постоянно менялись.

Безусловно, при таком подходе может возникнуть вопрос о корректности терминологии, так как понятие «корпоративных отношений» традиционно используется применительно к участию нескольких лиц в корпорациях, или корпоративных организациях. Поэтому, имея в виду более широкое содержание корпоративных отношений как отношений, связанных с управлением любыми юридическими лицами, правильно говорить не о корпоративных отношениях, а об «отношениях, связанных с управлением юридическими лицами». Однако представляется возможным такие отношения именовать также корпоративными, поскольку этот термин уже давно используется в научной и учебной литературе.

Таким образом, в целях определения отношений, связанных с управлением юридическими лицами, как составной части предмета гражданского права деление юридических лиц на корпорации и организации унитарного типа не имеет принципиального значения. Как отмечали Е.А. Суханов и Г.Е. Авилов, «термин «корпоративное право» является в достаточной мере условным, отражая лишь тот факт, что подавляющее большинство юридических лиц относится к числу корпораций»¹²¹.

Исходя из характеристики правоотношения как общественного отношения, урегулированного нормами права, корпоративные отношения могут быть определены в самом общем виде как урегулированные правом

¹²¹ Авилов Г.Е., Суханов Е.А. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 18.

общественные отношения, связанные с управлением любыми юридическими лицами, в том числе отношения, связанные с участием в управлении юридическими лицами корпоративного типа (отношения участия или членства в юридическом лице) в процессе их создания, деятельности, реорганизации и ликвидации.

§ 2. Императивный метод правового регулирования отношений, связанных с управлением юридическими лицами

Излишняя «императивность» российского корпоративного права служит в последнее время объектом постоянной критики. Многие предприниматели предпочитают использовать для ведения бизнеса в России юридические лица иностранных юрисдикций, так как только таким образом они могут оптимально выстроить свои взаимоотношения с партнерами. В связи с этим одним из направлений реформирования современного корпоративного законодательства стала его либерализация, понимаемая в первую очередь как отказ от излишне жесткого государственного регулирования юридических лиц и усиление диспозитивных начал, выражающееся в предоставлении участникам гражданского оборота больших возможностей самим определять модели поведения в связи с их участием в управлении юридическими лицами. Это вызвало к жизни такие новые для российского права явления, как акционерные соглашения¹²² (соглашения об осуществлении прав участников обществ с ограниченной

¹²² См.: Федеральный закон от 03.06.2009 г. № 115-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 2009. № 23. Ст. 2770.

ответственностью¹²³), хозяйственные партнерства¹²⁴, инвестиционные товарищества¹²⁵, основной задачей которых является придание большей гибкости в регулировании корпоративных отношений.

В то же время преимущественно императивный метод регулирования корпоративных отношений выступает не рудиментом советской эпохи, а обусловлен объективными причинами, неразрывно связанными с управленческой природой корпоративных отношений.

Можно выделять самые разные причины императивности корпоративного права, и многие авторы ее связывают с необходимостью защиты интересов миноритарных участников, сложностью и многоструктурностью корпоративных отношений, бессрочностью и непредсказуемостью развития корпоративных отношений. Разделяют основания императивности для публичных и непубличных компаний и т.д.

Так, А.А Кузнецов среди причин императивности норм корпоративного права выделяет:

- исторические (концессионный порядок создания, первые уставы акционерных компаний издаются в виде специальных законов, дарованная сувереном привилегия);
- необходимость ограничения произвола и злоупотреблений, защиты прав и законных интересов «слабой стороны» в корпоративных отношениях: миноритарных участников, инвесторов (будущих акционеров), третьих лиц (кредиторов);
- юридическое лицо как воплощение не только частных, но и публичных интересов (участников, работников, менеджеров, кредиторов, потребителей, народа, общества, государства);

¹²³ См.: Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 312-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 1. Ст. 20.

¹²⁴ См.: Федеральный закон от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7058.

¹²⁵ См.: Федеральный закон от 08.11.2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» // СЗ РФ. 2011. № 49. Ст. 7013.

- длящийся характер, бессрочность и непредсказуемость корпоративных отношений, фидуциарность и ограниченная рациональность участников: участники связывают себя с юридическим лицом «навечно», и это требует повышенной защиты их прав государством;

- повышенные риски нарушения прав и интересов участников, порождаемые принципом большинства;

- необходимость защиты рынка акций как способа инвестирования, необходимость стандартизации как необходимого условия для оборота акций публичных компаний и как минимального стандарта «качества» (для публичных акционерных обществ)¹²⁶.

Однако все эти причины, на наш взгляд, производны от двух основных причин императивности корпоративного права.

Первая из них – правовая природа самих корпоративных отношений, основанных на методе частноправовой субординации. Необходимость императивного регулирования отношений, связанных с управлением юридическими лицами, *органично вытекает из властного характера этих отношений*: всегда, где есть властеотношения, необходимо не только императивное наделение полномочиями властного характера, но и императивное ограничение этих полномочий, т.к. любая власть должна иметь законодательно определенные пределы, чтобы исключить произвол. То есть в основе императивности корпоративного права по большому счету лежат те же причины, которые обуславливают императивность публичного права. Лежащий в основе отношений по управлению юридическими лицами метод частноправовой субординации объективно обуславливает необходимость преимущественно императивного регулирования этих отношений в целях четкого определения пределов властных полномочий участвующих в них субъектов и ограничения возможного произвола и злоупотребления

¹²⁶ См.: Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М., 2017. С. 17–51.

корпоративной властью. Именно поэтому еще со времен Отто фон Гирке право союзов многими учеными считалось разновидностью публичного права либо права, занимающего промежуточное положение между частным и публичным правом, при этом возможна даже постановка вопроса о необходимости выделения в связи с этим еще одного элемента правовой системы – частно-публичного права, к которому можно было бы отнести право юридических лиц, саморегулируемых организаций, концернов и т.п. На наш взгляд, это направление исследований является перспективным и потенциально позволяет объяснить многие особенности правового регулирования отношений, связанных с управлением соответствующими образованиями, не вписывающиеся в традиционные рамки частноправовых или публично-правовых институтов.

Другой основной причиной императивности для всех юридических лиц, включая публичные и непубличные компании, является основополагающий принцип корпоративного права, суть которого – «последовательное отделение юридической личности (самостоятельной правосубъектности) и имущества корпорации от личности и имущества ее участников («принцип отделения»)¹²⁷. Из этого принципа, в частности, вытекает раздельная имущественная ответственность юридического лица и его участников (собственника имущества) по своим обязательствам. В силу этого принципа юридическое лицо как имущественная масса выступает в гражданском обороте в качестве своеобразного «источника повышенной опасности» и создает риски потери имущества как во внутренних отношениях (для инвесторов (участников)), так и во внешних отношениях для кредиторов, работников, потребителей, выгодоприобретателей юридического лица, и требует защиты как частных, так и публичных интересов, связанных с ролью юридических лиц в экономике. Именно

¹²⁷ Суханов Е. А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы современной цивилистики: Сборник статей, посвященных памяти профессора С. М. Корнеева. М., 2013. С. 103.

поэтому проблематика юридической ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, является наиболее важной.

Таким образом, императивность правового регулирования отношений, связанных с управлением юридическими лицами, обусловлена субординационным характером этих отношений, а также вытекает из самого факта создания и участия в гражданском обороте особого субъекта права – юридического лица, предопределяющего основную цель правового регулирования этих отношений, призванную обеспечить баланс интересов между участниками корпоративных отношений, кредиторами и работниками юридического лица и иными заинтересованными лицами, в том числе публично-правовыми образованиями, имеющими социально-экономический публичный интерес в нормальном функционировании хозяйствующего субъекта, а также фискальный интерес в получении от этого хозяйствующего субъекта части доходов в виде налоговых отчислений.

В связи с созданием юридического лица как субъекта права с необходимостью возникают отношения, связанные с участием в управлении этим субъектом со стороны лиц, его создающих. В связи с участием юридического лица в гражданском обороте возникает потребность в достижении справедливого баланса интересов между участниками (учредителями), самим юридическим лицом, лицами, входящими в его органы управления и третьими лицами – кредиторами юридического лица. Именно поэтому, в отличие от договорных отношений, где превалируют диспозитивность и принцип свободы договора, в корпоративных отношениях преобладает императивный метод правового регулирования. При этом императивные нормы, преобладающие в корпоративном праве, призваны в первую очередь обеспечить защиту интересов миноритарных участников, а также кредиторов корпорации.

Предоставление одним лицам большей свободы поведения не должно нарушать прав других, в том числе контрагентов юридических лиц, миноритарных участников и др. Задача государства состоит в том, чтобы

реформирование корпоративного права проводилось с соблюдением оптимального баланса интересов всех участников гражданского оборота.

Императивный метод правового регулирования отношений, связанных с управлением юридическими лицами, проявляется во многих положениях законодательства и объясняется в том числе особой природой корпоративного права как специального частного права, которое соотносится с нормами общего гражданского права как *lex specialis* и *lex generalis*. Исходя из того, что целью законодательства о юридических лицах является обеспечение справедливого баланса интересов между всеми участниками корпоративных отношений, особо важное значение имеет правильное соотношение императивного и диспозитивного методов правового регулирования. При этом для корпоративного права наиболее характерным является преимущественно *императивный метод* правового регулирования, принципиально отличающийся от диспозитивности обязательственного права и принципа свободы договора, что представляется совершенно оправданным¹²⁸. Данный метод выражается в относительно большом удельном весе императивных норм в корпоративном законодательстве, в закрытом перечне организационно-правовых форм юридических лиц, которые могут создаваться участниками гражданского оборота, в детальном и также императивном регулировании состава и содержания корпоративных прав и обязанностей, и, как следствие – исчерпывающем перечне специальных способов защиты корпоративных прав, в том числе – случаев, когда в корпоративных отношениях допустимо предъявление требований о возмещении убытков или применение иных мер ответственности.

Иной подход, который предоставлял бы в корпоративном праве в общем виде возможность свободного договорного регулирования любых вопросов, связанных с управлением юридическим лицом, привел бы к

¹²⁸ См. например: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 53–54; Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1. С. 35–36.

возможности нарушения баланса частных и публичных интересов множества лиц в пользу отдельных субъектов и ничем не ограниченному произволу, нарушению прав и законных интересов различных субъектов, непосредственно участвующих в корпоративных отношениях или имущественные интересы которых так или иначе зависят от этих отношений (кредиторов юридического лица, государства, работников корпорации и т.д.).

Между тем в настоящее время отсутствует понимание главенствующей роли императивного метода регулирования корпоративных отношений. В ходе проводимой реформы корпоративного законодательства данные приоритеты меняются: вместо преимущественно императивного метода правового регулирования основным становится принцип свободы договора и диспозитивность, особенно в части, касающейся правового регулирования коммерческих юридических лиц и непубличных компаний. Тем самым происходит постепенное «вытеснение» корпоративного права договорным, что в конечном счете может привести к полному отмиранию корпоративного права как такового.

Такой подход основан на имплементации в отечественный правопорядок, традиционно относящийся к континентальной системе права, принципов, характерных для англо-саксонской правовой семьи, в основном, заимствованных из американского права, где корпорация рассматривается как простая совокупность контрактов. При этом иностранные правовые конструкции совершенно не учитывают сложившуюся систему правового регулирования юридических лиц, характерную для континентального права, что приводит к фрагментарности, противоречивости и непоследовательности правовых норм и в конечном итоге может вызвать многочисленные нарушения прав и охраняемых законом интересов всех участников соответствующих отношений¹²⁹.

¹²⁹ См. об этом: *Суханов Е. А.* Предпринимательские корпорации в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 1. С. 12.

§ 3. Виды и субъектный состав отношений, связанных с управлением юридическими лицами

Не менее важным для определения предмета регулирования корпоративного законодательства является **правильное понимание видов и субъектного состава отношений, связанных с управлением юридическими лицами.**

Отношения, связанные с управлением юридическим лицом, возникают в связи с созданием, деятельностью и прекращением юридического лица как отдельного субъекта права, наделенного обособленным имуществом, имеющего свою внутреннюю организационную структуру и выступающего в обороте от своего имени. Появление юридического лица как субъекта права, у которого есть свои участники, учредители или собственник имущества, члены органов управления, кредиторы, а также иные заинтересованные лица¹³⁰, предопределяет особую сложную структуру соответствующих отношений, в которых можно выделить не только «внутренние» отношения по управлению юридическим лицом, но и «внешние» отношения, обеспечивающие выступление юридического лица в гражданском обороте как особого персонифицированного имущества, способного выступать в этом обороте от своего имени, нести ответственность по обязательствам перед кредиторами.

Помимо «внутренних» отношений, связанных с управлением юридическим лицом, гражданское право регулирует также отношения, обеспечивающие самостоятельное и безопасное для контрагентов

¹³⁰ Например, лица, намеревающиеся стать участником (акционером) юридического лица или его контрагентом в различных гражданско-правовых сделках.

выступление юридического лица в гражданском обороте от своего имени («внешние» отношения), в том числе отношения по наделению юридического лица обособленным имуществом и поддержанию его в необходимом размере¹³¹; отношения по обеспечению интересов кредиторов на случай существенного изменения имущественного положения юридического лица¹³²; отношения по распределению имущества между участниками и кредиторами в процессе ликвидации юридического лица¹³³; отношения по представлению юридического лица в гражданском обороте¹³⁴.

Наконец, существует и третий вид отношений, связанных с управлением юридическим лицом, вытекающих из организационно-имущественного взаимодействия и координации разных юридических лиц между собой. Речь идет об отношениях взаимного участия юридических лиц в уставных капиталах друг друга, о создании холдингов, концернов, синдикатов и тому подобных образований (так называемом праве концернов)¹³⁵. В отечественном корпоративном праве данный вид отношений, связанных с управлением юридическими лицами, к сожалению, является наименее разработанным, а немногочисленные нормы, учитывающие эти отношения, главным образом, исчерпываются

¹³¹ Субъектами соответствующих отношений будут учредители (собственник имущества) и участники юридического лица, члены органов юридического лица, принимающие соответствующие решения, само юридическое лицо, а также третьи лица, вступающие в юридическое лицо со своими имущественными взносами.

¹³² Субъектами соответствующих отношений будут само юридическое лицо, его кредиторы, участники (собственник имущества) и члены органов юридического лица, принимающие соответствующие управленческие решения, а также бывшие участники юридического лица.

¹³³ Субъектами отношений будут участники юридического лица, его кредиторы, члены органов юридического лица, принимающие соответствующие управленческие решения, члены ликвидационной комиссии, конкурсный управляющий при банкротстве и т.д.

¹³⁴ Субъектами отношений в этом случае будут лица, которые представляют юридическое лицо в гражданском обороте в силу закона, иного правового акта или учредительного документа, лица (члены органов юридического лица), принимающие управленческие решения о наделении их соответствующими полномочиями, а также само юридическое лицо.

¹³⁵ См.: *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 48.

положениями об основных и дочерних хозяйственных обществах и их ответственности по обязательствам перед кредиторами.

Из сказанного можно сделать вывод, что законодательство о юридических лицах как подотрасль законодательства гражданского должно развиваться и регулировать гражданско-правовые корпоративные отношения - урегулированные правом сложноструктурные общественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, определяющие управление юридическими лицами как субъектами гражданского права в процессе их создания, деятельности, реорганизации и ликвидации и обеспечивающие самостоятельное выступление юридических лиц в гражданском обороте, в том числе:

- отношения, связанные с управлением любыми юридическими лицами, включая отношения, связанные с участием в юридических лицах корпоративного типа (отношения участия или членства);

- отношения, обеспечивающие выступление юридического лица в гражданском обороте как особого персонифицированного имущества (формирование имущества юридического лица, представительство юридических лиц в гражданском обороте, ответственность юридических лиц и их участников перед кредиторами);

- отношения по координации и взаимному участию юридических лиц в капиталах друг друга, их объединению в различного рода образования (холдинги, ассоциации и т.д.).

Основной целью законодательства о юридических лицах является обеспечение справедливого баланса интересов между всеми участниками корпоративных отношений (учредителями (участниками) юридических лиц, самими юридическими лицами, членами их органов управления, кредиторами юридического лица и др.) в связи с управлением юридическим лицом и выступлением юридического лица в гражданском обороте.

Учитывая изложенное, субъектами самых разнообразных отношений, связанных с управлением юридическим лицом, могут выступать:

- участники (члены), учредители (учредитель) или собственник имущества юридического лица;
- само юридическое лицо;
- лица, входящие в состав органов юридического лица;
- лица, представляющие юридическое лицо в гражданском обороте в силу закона, иного правового акта или учредительного документа;
- кредиторы юридического лица;
- иные лица, в том числе лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица; лица, имеющие намерение стать участником юридического лица или его контрагентом; бывшие участники юридического лица; конкурсный управляющий и др.

Особо следует отметить наличие среди участников корпоративных отношений субъектов, которые оказывают фактическое влияние на деятельность юридического лица, так называемых фактически контролирующих лиц¹³⁶. Некоторые исследователи не относят лиц, обладающих фактическим контролем над юридическим лицом, к субъектам корпоративных отношений, полагая, что в отсутствие формально-юридических связей с юридическим лицом эти лица не могут считаться носителями корпоративных прав или обязанностей¹³⁷. Однако такой подход представляется в корне неверным. Если исходить из управленческой природы корпоративных отношений, то вне зависимости от того, каким образом субъект оказывает влияние на деятельность юридического лица (фактически или юридически), сам факт такого влияния и фактического контроля свидетельствует о том, что он является истинным субъектом управленческих отношений, обладающий реальными властными

¹³⁶ О контролирующих лицах подробнее см. § 3 главы 2 настоящей работы.

¹³⁷ См. например: *Ломакин Д.* Контроль как форма зависимости юридических лиц // *Хозяйство и право.* 2018. № 2. С. 16.

правомочиями, которые, будучи не закреплены формально, представляются даже более значимыми, чем права номинальных директоров или держателей акций, подчиняющихся его указаниям. Как верно отмечает И.С. Шиткина, «сущность фактического контроля заключается в наличии неформализованного (не основанного на формально юридических основаниях) «господства» одного юридического или физического лица над другим юридическим лицом (подконтрольное лицо), в исключении или подавлении де-факто контролирующим лицом воли подконтрольного лица, в способности контролирующего лица определять решения подконтрольного лица»¹³⁸. Это обстоятельство по сути признается в настоящее время и законодателем, который возлагает на фактически контролирующих лиц фидуциарные корпоративные обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, и отвечать за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). Тем самым фактические управленческие отношения¹³⁹ становятся урегулированными нормами корпоративного права и приобретают такой же статус корпоративных отношений, как и управленческие отношения между лицами, являющимися владельцами акций (долей) юридического лица или членами его органов управления. Более того, в отечественной правоприменительной практике приходит постепенное осознание того, что фактический контроль является не только основанием установления корпоративных обязанностей и ответственности, но и как следствие этого – основанием возникновения корпоративных прав у лиц, обладающих таким контролем. Например, в деле Москалева Верховный Суд РФ признал наличие у бенефициарного владельца хозяйственного общества как законного интереса, так и права на предъявление иска о признании решений общего собрания этого общества недействительным, хотя нижестоящие суды всех трех инстанций отказали

¹³⁸ Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 118.

¹³⁹ Об обстоятельствах, которые могут свидетельствовать об отношениях фактического контроля см.: Шиткина И.С. Указ. соч. С. 120.

истцу в иске, ссылаясь на то, что таким правом обладают лишь непосредственные акционеры¹⁴⁰. Следует согласиться с такой практикой, поскольку субъекты, осуществляющие фактический контроль над юридическим лицом, являются полноценными и при этом едва ли не главными участниками отношений, связанных с управлением юридическим лицом, в силу чего должны быть наделены как обязанностями, так и правами, вытекающими из такого участия.

Между всеми названными субъектами возникают самые разнообразные правовые связи, проявляющиеся во всех видах гражданско-правовых отношений, связанных с управлением юридическим лицом (как «внутренних», так и «внешних»), а также в отношениях по взаимодействию нескольких юридических лиц.

«Внутренние» отношения, связанные с управлением юридическим лицом, не ограничиваются отношениями между членами (учредителем) и юридическим лицом, которое имеет свою организационную структуру, характеризуемую наличием органов управления и лиц, входящих в эти органы. Поэтому в юридическом лице существуют иные отношения, связанные с управлением.

«Внутренние» отношения, связанные с управлением юридическим лицом, структурно можно разделить на пять видов:

- отношения участников (учредителей) юридического лица между собой;
- отношения между участниками (учредителями) и самим юридическим лицом;
- отношения между юридическим лицом и управляющими (менеджерами);

¹⁴⁰ См.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.01.2017 г. № Ф05-12058/2015 по делу № А40-104595/14; Определение ВС РФ от 12.05.2017 г. № 305-ЭС15-14197.

– отношения между участниками (учредителями) и управляющими (менеджерами);

- отношениям между управляющими (менеджерами).

При этом фактически контролирующие лица могут во всех указанных правовых связях выполнять роль участников (учредителей) или управляющих (менеджеров).

То есть отношения по управлению юридическим лицом не исчерпываются отношениями участников (учредителей) между собой, как это происходит в договорных отношениях¹⁴¹, но включают в себя также отношения между участниками и самим юридическим лицом, между членами органов управления¹⁴² и участниками юридического лица, между членами органов управления и юридическим лицом¹⁴³. В ряде случаев субъектами отношений по управлению юридическим лицом могут выступать и третьи

¹⁴¹ Мы не можем согласиться с авторами, которые видят специфику корпоративного права исключительно в множественности лиц в корпоративных отношениях, сводя их к «специфичным договорным построениям», и не придают значения добавлению в эти отношения особого субъекта права – юридического лица (см.: *Степанов Д.И.* Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность: Сборник статей, посвященный памяти М.И. Брагинского. М., 2013. С. 315). Между тем именно добавление юридического лица предопределяет особую правовую природу и сложную структуру корпоративных отношений, обуславливающую в том числе особую множественность их участников, возможную лишь в условиях существования юридического лица.

¹⁴² Корректнее все же говорить не о членах органов управления, а о членах органов юридического лица вообще, подразумевая, что лица, входящие в состав иных органов юридического лица (например, члены ревизионной комиссии, счетной комиссии и т.д.), также участвуют в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом.

¹⁴³ В соответствии с п. 4 ст. 53 ГК РФ отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов, регулируются ГК РФ и принятыми в соответствии с ним законами о юридических лицах. Тем самым признана корпоративная и при этом гражданско-правовая природа управленческих отношений между юридическим лицом и лицами, входящими в состав органов юридического лица. Как указывала А.А. Маковская, «...представляется возможным говорить об отношениях, складывающихся между обществом и лицами, выполняющими функции его органов или входящими в его органы при осуществлении этих функций, как об отношениях корпоративных, отличных от отношений между работодателем и наемными работниками, и являющихся по своей природе отношениями гражданско-правовыми» (*Маковская А.А.* Основания и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 335).

лица, не являющиеся участниками или учредителями юридического лица, но оказывающие фактическое влияние на деятельность юридического лица.

Дискуссионным является вопрос об органах юридического лица как участниках корпоративных отношений. На наш взгляд, вопреки мнению некоторых авторов¹⁴⁴, органы не могут признаваться субъектом гражданских отношений вообще и корпоративных в частности, поскольку они не обладают имущественной самостоятельностью, в то время как любые гражданско-правовые отношения построены на началах равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников. Органы, как и работники юридического лица, могут быть субъектами организационно-управленческих отношений внутри корпорации, которые не являются гражданско-правовыми и не основаны на равенстве и имущественной самостоятельности участников.

Изложенное выше понимание структуры субъектного состава корпоративных отношений не получило отражение в новой редакции главы 4 ГК РФ, которая определяет ее в юридических лицах крайне односторонне, ограничиваясь в основном лишь осью учредитель (участник) – юридическое лицо. Очень подробно новые нормы ГК РФ регулируют права и обязанности участников корпорации в отношении корпорации (корпоративные права и обязанности). Однако практически неурегулированными остаются отношения участников между собой, отношения между лицами, входящими в состав органов управления, и участниками, а также юридическим лицом.

Принципиальное значение для развития корпоративного законодательства как подотрасли гражданского права имеет и правильное

¹⁴⁴ Способность органов юридического лица быть субъектами корпоративных отношений в той или иной степени признают, например, А.В. Габов, И.С. Шиткина, В.В. Долинская, М. А. Рожкова (См.: *Габов А.В.* Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М., 2005. 412 с.; *Шиткина И.С.* Параграф 1 «Понятие и место корпоративного права в системе российского права» // *Корпоративное право: Учебный курс.* В 2 т. / Отв.ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 55; *Долинская В.В.* Акционерное право. Основные положения и тенденции: Монография. М., 2006. С. 90–91; *Рожкова М.А.* Корпоративные отношения и возникающие из них споры // *Вестник ВАС РФ.* 2005. № 9. С. 143.

определение круга юридических лиц, в которых имеются корпоративные отношения.

ГК РФ определяет, что корпоративные отношения имеют место лишь в корпоративных организациях. Однако такой подход основан на отождествлении корпоративных отношений с отношениями членства или участия, возникающими в организациях, основанных на членстве.

Если корпоративные отношения понимать как сложноструктурные отношения по управлению юридическим лицом, то в таком понимании соответствующие отношения существуют не только в корпоративных, но и в унитарных организациях.

Единая природа отношений в корпоративных и некорпоративных организациях (хотя и на уровне так называемых «внутриорганизационных отношений») признана и в теории права, где понятие «корпоративные нормы» понимается несколько иначе, чем в цивилистике, и включает в себя нормы, регулирующие управленческие отношения не только в корпорациях, но и в других юридических лицах.

В связи с этим особо следует подчеркнуть принципиальную возможность участия государства и государственных организаций в корпоративных отношениях.

Государство может участвовать в гражданских, в том числе – в корпоративных отношениях, на равных началах с иными участниками этих отношений (п. 1 ст. 124 ГК РФ). Такое участие может иметь место либо непосредственно – через органы государственной власти, либо через создаваемые государством юридические лица – государственные организации.

Известно, что государственные организации на сегодняшний день существуют в форме государственных учреждений (автономных, бюджетных и казенных) и унитарных предприятий (в том числе – казенных предприятий). Иные организации, которые государство создает или в которых участвует (государственные корпорации, государственная

компания, государственные фонды, хозяйственные общества с преобладающим участием государства), лишь с экономической точки зрения могут считаться «государственными», или относящимися к «государственному сектору экономики», однако с юридической точки зрения данные организации являются не государственными, а частными, поскольку передаваемое им государством имущество поступает в частную собственность этих организаций, а государство лишь сохраняет в отношении этих юридических лиц определенную степень корпоративного контроля, в том числе посредством назначения в различные органы этих организаций (советы директоров, правления, попечительские советы и т.п.) представителей государства и выдачи своим представителям директив по поводу осуществления корпоративных (управленческих) прав.

Те же организации, которые в юридическом смысле являются государственными (учреждения и госпредприятия), не обладают правом собственности на закрепленное за ними имущество. Все имущество принадлежит на праве собственности государству, а организации обладают лишь так называемыми ограниченными вещными правами хозяйственного ведения или оперативного управления.

Известно также, что конструкция государственных организаций, основанных на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, пришла к нам еще из советского времени, когда в условиях всеобщей государственной собственности на средства производства в хозяйственном обороте участвовали субъекты, представляющие одного и того же собственника – государство.

Однако в современных условиях актуальным является вопрос, насколько эта конструкция теоретически обоснована и практически жизнеспособна. И дело не только в том, что для рыночного хозяйства, основанного на частной собственности, ненормальной является ситуация, когда в гражданском обороте действуют субъекты – несобственники, не известная ни одному развитому правопорядку, или – что хозяйственное

ведение и оперативное управление не соответствуют традиционным представлениям о вещных правах.

Вопрос стоит сегодня в иной плоскости: насколько оправданно существование государственных организаций – несобственников в условиях развития теории и практики корпоративных управленческих отношений. Иными словами, не замещается ли полностью тот функционал, который обеспечивался ограниченными вещными правами хозяйственного ведения и оперативного управления, корпоративными правами государства в отношении создаваемых им организаций?

В литературе можно встретить суждения о том, что государственные юридические лица или юридические лица публичного права к корпоративному праву не имеют никакого отношения, а использование в соответствующих отношениях корпоративно-правовой терминологии имеет «сугубо условный характер, ...поскольку эта проблематика, разумеется, не связана с корпоративным правом»¹⁴⁵.

Однако если последовательно исходить из управленческой природы корпоративных отношений, то такие отношения объективно присутствуют в любых юридических лицах вне зависимости от их вида. Кроме того, если считать, что юридическое лицо вообще – это понятие частного права, то какими бы «публичными» элементами юридическое лицо ни наделялось (органа государственной власти, властными полномочиями, установлением системы управления особым актом публичной власти и т.д.), с точки зрения гражданских отношений, ответственности перед кредиторами это юридическое лицо является субъектом частного права и полностью должно подпадать под нормы корпоративного права, поскольку в гражданских отношениях (в том числе корпоративных) государство и созданные им юридические лица должны участвовать на равных началах с иными субъектами.

¹⁴⁵ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 281.

ГК РФ содержит существенный пробел в части определения отношений, возникающих между учредителями (собственниками) и государственными юридическими лицами (предприятиями и учреждениями).

Так, согласно п. 3 ст. 48 ГК РФ все юридические лица делятся на две категории:

1) юридические лица, **на имущество** которых их учредители имеют вещные права (государственные и муниципальные предприятия и учреждения);

2) юридические лица, **в отношении которых** их участники имеют корпоративные права (корпоративные организации).

Исходя из приведенной классификации получается, что участники корпоративных организаций имеют *в отношении этих организаций* корпоративные права, а учредители госпредприятий и учреждений в отношении этих организаций никаких прав не имеют, а имеют лишь права в отношении закрепленного за ними имущества.

Однако даже самого беглого взгляда на правомочия учредителей государственных организаций достаточно для того, чтобы сказать, что между учредителями и государственными предприятиями и учреждениями возникают определенные правоотношения, связанные с управлением собственником (учредителем) этими организациями (право на утверждение устава, назначение руководителя, получение части прибыли госпредприятия и т.д.). И эти правомочия имеют место не в отношении имущества, находящегося в хозяйственном ведении или оперативном управлении, а в отношении государственных юридических лиц – государственных предприятий и учреждений, являющихся субъектами гражданского права. Очевидна также управленческая природа соответствующих отношений: собственник (публично-правовое образование) управляет созданными им юридическими лицами и реализует определенные управленческие правомочия.

На этом основании в юридической литературе был сделан вполне обоснованный вывод о том, что «отношения, возникающие между публичным образованием, выступающим в качестве субъекта гражданского права, собственника и учредителя юридического лица, с юридическим лицом, учрежденным этим образованием и обладающим имуществом на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления, по своей природе являются гражданско-правовыми корпоративными отношениями»¹⁴⁶.

Однако ГК РФ соответствующие отношения вообще не замечает, говоря лишь о вещных правах учредителей на имущество этих юридических лиц.

По существу же под вещным правом учредителя подразумевается лишь одно право собственности, что касается иных вещных прав (хозяйственного ведения и оперативного управления), то они принадлежат созданным учредителем государственным юридическим лицам.

Таким образом, следует различать три совершенно различных вида субъективных прав: право собственности учредителя государственных юридических лиц на их имущество, вещные права хозяйственного ведения и оперативного управления юридических лиц на закрепленное за ними имущество и «управленческие» права учредителя в отношении самих государственных юридических лиц.

Игнорирование принципиальной разницы между этими правами приводит к ошибочным выводам об отсутствии каких-либо отношений между учредителями и государственными юридическими лицами, либо - об отрицании корпоративно-правовой природы этих отношений, либо - об отнесении к корпоративным правам вещных прав государственных юридических лиц.

¹⁴⁶ Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 130-131.

Так, Н.В. Козлова считает, что право хозяйственного ведения и оперативного управления «являются по своей природе не ограниченными вещными, а корпоративными правами»¹⁴⁷, так как эти права не отвечают традиционным представлениям о вещных правах и принадлежат лицу, находящемуся в подчиненном положении по отношению к другому лицу (собственнику).

Данный взгляд был подвергнут справедливой критике В.А. Беловым, заметившим, что «согласно такому воззрению получается, что не собственник участвует в формировании имущественной базы унитарных предприятий и учреждений, но эти последние – *в имущественной деятельности собственника*, что, конечно же, не имеет и видимости правдоподобия»¹⁴⁸.

В то же время сам В.А. Белов отрицает корпоративную природу отношений между публичным образованием и государственными юридическими лицами, при этом в своей аргументации по существу не проводит различий между вещными и корпоративными правоотношениями, что приводит к ошибочному выводу о том, что все отношения между публичным образованием и государственным юридическим лицом сводятся к отношениям собственности, что в корне неверно.

В частности, указанный автор отмечает, что «возможности учредителя в отношении юридических лиц, созданных и наделенных им ограниченными вещными правами, вполне охватываются содержанием сохраняющегося за ним *права собственности* на закрепленное за такими организациями имущество. Объявление этих отношений корпоративными противоречит одному из наших основных принципов не умножать сущностей без необходимости: создание всякой новой юридической формы для отношений, уже имеющих вполне *определенную и традиционную* юридическую форму (в

¹⁴⁷ Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005. С. 134.

¹⁴⁸ Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. С. 39 (сноска).

данном случае – права собственности), не имеет никакого смысла и неизбежно будет нести на себе отпечаток надуманности и искусственности»¹⁴⁹.

Однако, как мы указывали выше, возможности учредителя в отношении созданных им юридических лиц не охватываются (и не могут охватываться!) содержанием права собственности хотя бы потому, что правомочия собственника установлены в отношении имущества, а правомочия учредителя – в отношении другого субъекта гражданского права – государственного юридического лица; правомочия собственника носят абсолютный характер, а правомочия учредителя – относительный, право собственности является вещным, а природа права управления государственным юридическим лицом является дискуссионной, но уж точно никак не вещной. Поэтому речь идет не об искусственном «создании новой формы» для уже имеющихся отношений собственности, а о квалификации (и определении правовой природы) совершенно других отношений, отличных от отношений собственности.

Другим аргументом против корпоративной природы отношений между публичным образованием и созданным им юридическим лицом служит то, что «при подобном подходе лишилось бы всякого содержания номинально сохраняющееся за собственником право собственности»¹⁵⁰.

Действительно, при ближайшем рассмотрении содержания права собственности публичного образования в отношении имущества, закрепленного за государственным юридическим лицом, можно обнаружить, что оно по сути лишено какого-либо вещно-правового содержания. Однако данное обстоятельство, скорее, свидетельствует как раз в пользу корпоративной природы соответствующих отношений и об искусственности отнесения этих отношений к вещно-правовым, и в частности, к праву собственности.

¹⁴⁹ Там же. С. 62–63.

¹⁵⁰ Белов В. А. Указ. соч. С. 63.

Если обратиться к содержанию прав хозяйственного ведения и оперативного управления, можно обнаружить, что все ограничения этих прав в пользу собственника имущества юридического лица по существу «укладываются» в содержание корпоративных отношений по управлению юридическим лицом между собственником юридического лица и самим юридическим лицом.

Так, согласно п. 1 ст. 295 ГК РФ собственник имущества, находящегося в хозяйственном ведении, имеет правомочия не столько в отношении имущества, сколько в отношении самого предприятия: он решает вопросы создания предприятия, определения предмета и целей его деятельности, его реорганизации и ликвидации, назначает директора предприятия, осуществляет контроль за использованием по назначению и сохранностью принадлежащего имущества, имеет право на получение части прибыли от использования имущества, находящегося в хозяйственном ведении.

Ограничения правомочий предприятия по распоряжению недвижимым имуществом (только с согласия собственника) по своей природе является известным корпоративному законодательству о хозяйственных обществах и товариществах требованием о необходимости получения согласия высшего органа управления юридического лица (функции которого по существу выполняет собственник) на совершение определенных сделок, установленным законом или учредительными документами юридического лица.

Аналогичная ситуация складывается с правом оперативного управления: распоряжение имуществом здесь также производится с согласия собственника, назначение органов управления учреждения или казенного предприятия, утверждение устава и т.д. осуществляются собственником.

Таким образом, все правомочия собственника в отношении имущества, находящегося в хозяйственном ведении или в оперативном управлении, по существу являются не правомочиями собственника, а правомочиями

субъекта корпоративного управления в отношении юридического лица (учреждения или предприятия).

Что касается содержания собственно прав хозяйственного ведения или оперативного управления, то они действительно ограничены по сравнению с правом собственности. Однако эти ограничения по существу ничем не отличаются от ограничений на совершение определенных сделок любым юридическим лицом, являющимся собственником своего имущества, со стороны органов юридического лица, предусмотренных законом или учредительными документами юридического лица, например, акционерного общества.

Наконец, еще одним, и, наверное, самым главным аргументом против корпоративной природы отношений между публичным образованием и государственным юридическим лицом выступает отождествление корпоративных отношений с объединением нескольких лиц (участников), преследующих общую цель, или с отношениями членства (участия), что с точки зрения доктрины и действующего ГК РФ немыслимо в унитарных организациях, каковыми являются государственные юридические лица. Как указывает В. А. Белов, «конструкции унитарных предприятий и учреждений не допускают объединения усилий и имущества *нескольких учредителей* во имя достижения *общей цели*, т.е. того самого элемента, без которого юридической формы, достойной квалификации в качестве *корпоративных правоотношений*, вообще не может быть создано»¹⁵¹. Однако данный аргумент полностью опровергается отсутствием у членства какой-либо особой содержательной корпоративной природы, поскольку по существу оно представляет не что иное, как обычную множественность лиц в отношениях по управлению юридическим лицом¹⁵². Кроме того, такой подход оставляет открытым очень существенный вопрос: какова тогда природа отношений между публичным собственником и созданной им организацией при том, что

¹⁵¹ Там же. С. 63.

¹⁵² Подробнее см. § 1 главы 1 настоящей работы.

ничем, кроме количества участников, данные отношения не отличаются от «корпоративных»?

Попытки ответить на этот вопрос, равно как и обоснование качественно иных «корпоративных» отношений в корпоративных организациях, отличающихся по своей природе от отношений между учредителем и государственным юридическим лицом, а также сохранение и обоснование «особых» вещных прав хозяйственного ведения и оперативного управления, на наш взгляд, как раз и является ярким примером умножения сущностей без необходимости, которое допускает сегодня и действующее законодательство, и господствующая доктрина. Если рассматривать корпоративное право как особого рода субъективное гражданское право, то более логично отталкиваться не от наличия или отсутствия множественности лиц на стороне субъекта такого права, а от его содержания, которое, очевидно, сводится к комплексу правомочий, связанных с управлением любым юридическим лицом.

Таким образом, государство и государственные организации являются полноправными участниками корпоративных отношений. При этом государство, как и в любых гражданско-правовых отношениях, должно участвовать в корпоративных отношениях на равных началах с иными субъектами, а к самому государству должны применяться нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским и корпоративным законодательством (п. 1 и 2 ст. 124 ГК РФ). Если конструировать субъективное право корпоративного управления, то его субъектами мыслятся любые субъекты гражданского права, в том числе и публично-правовые образования в отношении создаваемых ими государственных юридических лиц, а государственные предприятия и учреждения, как и любые унитарные юридические лица, тем самым становятся участниками корпоративных (управленческих) отношений.

Данное обстоятельство, однако, большинство исследователей настойчиво отрицает¹⁵³, иногда при этом противореча собственным выводам. Так, например, С. А. Сеницын, утверждавший ранее, что членство не может считаться предтечей корпоративных отношений¹⁵⁴, в другом месте своей работы, непосредственно касающемся унитарных организаций и прав хозяйственного ведения и оперативного управления, неожиданно говорит о членстве «как предтече корпоративного права», в связи с чем «нет никаких предпосылок и правовых оснований для отождествления корпоративных правоотношений и отношений, складывающихся в связи с участием и управлением в юридическом лице некорпоративной формы, в том числе в унитарных организациях», а «в юридическом лице, не основанном на принципе членства, имущество которого принадлежит собственнику и неделимо в силу закона¹⁵⁵, корпоративных прав и правоотношений быть не может»¹⁵⁶. Кроме того, препятствием к предположению о наличии корпоративных правоотношений между учредителями и унитарными юридическими лицами, по мнению указанного автора, служат также последние изменения ГК РФ¹⁵⁷.

Однако если говорить о действующем ГК РФ, содержащем результаты реформы законодательства о юридических лицах, и рассмотреть его с позиций субъективного корпоративного права на управление, то можно отметить его непоследовательность, которая дает основания рассматривать деление юридических лиц на корпоративные и унитарные как весьма

¹⁵³ См., например: Гражданское право России. Общая часть. Курс лекций / Отв. ред. О.Н. Садилов. М., 2001. С. 147 (автор соотв. главы – В.А. Рахмилович); Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2009. С. 62–63 (автор соотв. очерка – В.А. Белов) и др.;

¹⁵⁴ См.: Сеницын С.А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2015. С. 364.

¹⁵⁵ Отметим, что аргумент о неделимости и принадлежности собственнику имущества юридического лица может быть отнесен и к корпорациям, имущество которых также неделимо и принадлежит собственнику (корпорации).

¹⁵⁶ Сеницын С.А. Указ. соч. С. 369.

¹⁵⁷ Сеницын С.А. Указ. соч. С. 370.

условное и не проводящее четкого водораздела между этими видами юридических лиц¹⁵⁸.

В силу изложенного в настоящее время тот функционал, который выполняет конструкция ограниченных вещных прав хозяйственного ведения и оперативного управления в государственных унитарных организациях, может в полном объеме замещаться корпоративными правами государства в отношении создаваемых им организаций. Государство и создаваемые им юридические лица должны признаваться полноценными субъектами корпоративных отношений, в которых государство будет обладать корпоративным правом на управление государственным юридическим лицом.

В связи с этим показательна ситуация, возникшая на практике в спорах на товарные знаки на водочные брэнды, принадлежащие Российской Федерации. Права на эти знаки, изначально принадлежащие государству, были закреплены за федеральным казенным предприятием «Союзплодоимпорт», а товарные знаки, соответственно, считались находящимися в оперативном управлении этого предприятия. Однако в судебных процессах в США, где не знают, что такое право оперативного управления, необходимо было обосновать, что материальным истцом является сам Союзплодоимпорт, а не Российская Федерация. Для этого нужно было показать, что права на товарные знаки принадлежат не Российской Федерации как собственнику имущества казенного предприятия, а непосредственно Союзплодоимпорту. Поправки в часть 4 ГК РФ исключили распространение на интеллектуальные права правового режима вещных прав (хозяйственного ведения и оперативного управления), после чего наши адвокаты настояли на полном отчуждении этих товарных знаков в пользу ФКП «Союзплодоимпорт» с тем, чтобы «собственником» товарных

¹⁵⁸ Подробнее об этом см.: Гутников О.В. Деление юридических лиц на корпоративные и унитарные // Юридические лица в гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 2. Виды юридических лиц в российском законодательстве / отв. ред. А.В. Габов. М., 2015. С. 51-61.

знаков считалось предприятие, являющееся истцом. Однако у некоторых государственных органов такой поворот событий вызвал резкое неприятие по причине того, что после отчуждения товарных знаков из «оперативного управления» в «собственность» Союзплодоимпорта государство утратит контроль за этими активами, а государственная собственность «пойдет с молотка».

В то же время все «вещно-правовые» ограничения распоряжения товарными знаками, вытекавшие из права оперативного управления, могли полностью быть заменены их эквивалентами корпоративной природы путем принятия соответствующих поправок в устав «Союзплодоимпорта». Это было одним из решающих аргументов в пользу принятия решения об отчуждении в пользу ФКП «Союзплодоимпорт» соответствующих товарных знаков¹⁵⁹.

Таким образом, правовой режим хозяйственного ведения и оперативного управления в перспективе полностью может быть заменен особенностями корпоративного управления в государственных предприятиях и учреждениях, которые будут выполнять те же функции, что и право хозяйственного ведения и оперативного управления, при правильном понимании существа корпоративных отношений и права корпоративного управления юридическим лицом.

Право собственности государства на имущество создаваемых им юридических лиц в условиях развития корпоративных отношений как отношений по управлению любыми юридическими лицами в настоящее время лишено своего содержания и должно быть отменено.

Вместо этого должна развиваться система норм о корпоративных правах учредителей унитарных юридических лиц, в том числе создаваемых государством.

¹⁵⁹ См. постановление Правительства РФ от 12.02.2015 г. № 117 «О передаче федеральному казенному предприятию «Союзплодоимпорт» исключительных прав на товарные знаки на алкогольную и спиртосодержащую продукцию» // СЗ РФ. 2015. № 7. Ст. 1054.

ГЛАВА II. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С УПРАВЛЕНИЕМ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ, КАК ВИД ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1. Значение гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами

Принцип отделения как основополагающий принцип корпоративного права¹⁶⁰, являющийся одной из основных причин его императивности¹⁶¹, predetermined разделительную имущественную ответственность юридического лица и его участников (учредителей) в гражданском обороте. В силу этого принципа юридическое лицо как имущественная масса (персонифицированное имущество), формально «оторванная» от своего людского субстрата, выступает от своего имени в гражданском обороте и создает тем самым повышенные риски потери имущества как во внутренних отношениях (для собственных участников (инвесторов)), так и во внешних (для кредиторов, работников, потребителей, выгодоприобретателей и т.д.).

В то же время практическое значение необходимости разработки категории ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами (корпоративной ответственности) сложно переоценить. Достаточно назвать лишь три примера, показывающих, как отсутствие четкой концепции корпоративной ответственности влечет за

¹⁶⁰См.: *Суханов Е.А.* Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы современной цивилистики: сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева. М., 2013. С. 103.

¹⁶¹См. § 2 главы 1 настоящей работы.

собой негативные последствия для гражданского оборота и правовую неопределенность.

Первый из них касается субсидиарной ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве. Привлечение контролирующих лиц к ответственности по обязательствам юридического лица при банкротстве представляет собой яркий пример применения в отечественном правопорядке известной за рубежом судебной доктрины «снятия корпоративной вуали». Вред различным субъектам причиняется контролирующим лицом не непосредственно, а через управляющее воздействие на подконтрольное юридическое лицо, которое терпит убытки, что вызывает уменьшение активов должника и невозможность удовлетворения требований кредиторов.

Закон о банкротстве признает контролируемыми лицами любых лиц, которые юридически или фактически имеют возможность определять действия должника. Классическим примером применения доктрины «теневых директоров», фактически определяющих действия юридического лица, является дело С. В. Пугачева, которого привлекли к субсидиарной ответственности по обязательствам Межпромбанка на рекордную сумму более 75 млрд руб. именно в связи с тем, что было доказано: С. В. Пугачев осуществлял функции теневого директора, который имел в банке рабочий кабинет, проводил там встречи с работниками банка, давая им указания, и позиционировал себя в качестве бенефициара банка¹⁶².

Однако субсидиарная ответственность при банкротстве очень редко применялась, в законодательство постоянно вносились изменения, и в итоге летом 2017 г. был принят новый закон, согласно которому была признана утратившей силу статья 10 Закона о банкротстве («Ответственность

¹⁶² См.: определение Верховного Суда РФ от 29.01.2016 № 305-ЭС14-3834 по делу № А40-119763/2010; постановления Арбитражного суда Московского округа от 01.10.2015 № Ф05-10535/2011, Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.06.2015 № 09АП-24715/2015, 09АП-22993/2015, 09АП-22353/2015 по тому же делу.

должника и иных лиц в деле о банкротстве»)¹⁶³, а вместо нее введена новая глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве» (ст. 61.10 – 61.22).

В то же время новый закон чрезмерно расширяет понятие контролирующих лиц, а также увеличивает число случаев привлечения к субсидиарной ответственности и упрощает порядок такого привлечения. При этом наблюдается явно «прокредиторский» подход, при котором новые возможности для привлечения к ответственности не уравновешены пропорциональными мерами защиты прав и интересов участников и бенефициаров должника, что в явной степени нарушает баланс интересов в пользу кредиторов. Не в последнюю очередь это обусловлено фискальными интересами государства, выступающего кредитором по обязательным платежам в бюджет. Неслучайно сразу же после принятия Закона № 266-ФЗ Федеральная налоговая служба выпустила подробные разъяснения о порядке применения новой главы закона, в которых налоговым органам даются детальные инструкции о том, как применять вновь открывшиеся возможности при привлечении к ответственности в деле о банкротстве¹⁶⁴.

Верховный Суд РФ попытался сгладить отрицательные последствия нового закона. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» начинается с того, что особо обращается внимание на необходимость соблюдения принципа отделения и на то, что привлечение к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица может иметь место лишь в исключительных случаях.

¹⁶³ См.: Федеральный закон от 29.07.2017 № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815.

¹⁶⁴ См. письмо Федеральной налоговой службы от 16.08.2017 г. № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // СПС «Консультант Плюс».

Как указал Верховный Суд РФ, «привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта (пункт 1 статьи 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), его самостоятельную ответственность (статья 56 ГК РФ), наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (статья 10 ГК РФ)»¹⁶⁵.

Другой пример – судебное дело по иску компании «Роснефть» к ПАО «АФК «Система» о взыскании убытков, причиненных компании «Башнефть» ее бывшим контролирующим акционером¹⁶⁶. АФК «Система» являлась акционером «Башнефти» с 2005 по 2014 г. и провела в 2014 г. ее реорганизацию. Впоследствии в октябре 2014 г. «Башнефть» была возвращена в государственную собственность в связи с незаконностью приватизации акций компании, а в октябре 2016 г. 51 % акций «Башнефти» приобрела «Роснефть», после чего «Роснефть» предъявила бывшему контролирующему акционеру – «АФК «Система» иск о возмещении убытков, которые были причинены в результате реорганизации «Башнефти» в 2014 г., на сумму 136,3 млрд. руб. Иск был заявлен на основании общих норм о деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ), а также п. 2 и 3 ст. 6 Федерального закона «Об акционерных обществах», согласно которым акционеры дочернего общества имеют право требовать от основного

¹⁶⁵ См. п. 1 названного постановления // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 3.

¹⁶⁶ Участниками процесса были и другие лица.

общества возмещения убытков, причиненных по его вине дочернему обществу¹⁶⁷. Убытки считаются причиненными по вине основного общества только в случае, когда основное общество использовало имеющиеся у него право и (или) возможность в целях совершения дочерним обществом действия, заведомо зная, что вследствие этого дочернее общество понесет убытки.

Арбитражный суд Башкирии удовлетворил иск «Роснефти» к АФК «Система», взыскав убытки на сумму 136,3 млрд. руб¹⁶⁸.

Не вдаваясь в детали данного дела, важно отметить, что в ходе его рассмотрения принципиальным оказалось решение целого ряда вопросов, связанных с тематикой корпоративной ответственности, в том числе:

- имеется ли у акционера обязанность в отношении общества действовать добросовестно и разумно?

- можно ли взыскать убытки, причиненные компании действиями акционера, на основании норм деликтного, а не корпоративного права, если отсутствуют предусмотренные законом условия для взыскания убытков по нормам корпоративного права?

- по каким правилам взыскивать убытки с незаконного владельца акций: по нормам корпоративного или деликтного права?

Если признать применимость исключительно норм корпоративного права, то компанию «АФК Система» нужно было освобождать от ответственности, т.к. отсутствовали соответствующие условия, а также работало правило «делового решения» - действия компании осуществлялись добросовестно и разумно, в пределах обычного предпринимательского риска.

¹⁶⁷ В качестве акционера дочернего общества («Башнефть») выступала компания «Роснефть», а в качестве основного общества - «АФК «Система», т.е. бывший контролирующий акционер «Башнефти».

¹⁶⁸ Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 30.08.2017 г. по делу № А07-14085/2017 (оставленное в силе постановлением Восемнадцатого Арбитражного Апелляционного Суда от 18.12.2017 г.). Впоследствии стороны по данному делу на стадии исполнения решения суда заключили мировое соглашение, утвержденное определением Арбитражного суда Республики Башкортостан от 26.12.2017 г.

Если применять нормы деликтного права, то также иск компании «Роснефть» удовлетворять было нельзя, т.к. деликтное право не предусматривает конструкции «косвенного» иска (иск акционера в пользу компании).

Суд и ставшие на сторону «Роснефти» юристы пришли к выводу, допускающему возможность применения в данном деле сочетания всех видов ответственности (по нормам как корпоративного, так и деликтного права). Согласно этой позиции акционер независимо от количества принадлежащих ему акций несет обязанность действовать добросовестно и разумно в отношении общества, и при недостаточности норм корпоративного права убытки с него можно взыскивать по нормам деликтного права. Незаконный владелец акций несет ответственность за причинение убытков акционерному обществу по нормам корпоративного права, но если он недобросовестный (т.е. знал об отсутствии законных оснований для владения акциями), то должен отвечать по нормам деликтного права без учета ограничений, установленных корпоративным правом (т.е. без учета правила «делового решения»). При этом несмотря на то, что нормы деликтного права не предусматривают возможность заявления к бывшему контролирующему акционеру косвенного иска другим (настоящим) акционером в интересах акционерного общества, такую возможность следует допустить исходя из расширительного, системного и исторического толкования закона.

Наконец, третий пример, показывающий неопределенность в соотношении различных видов ответственности и размывание границ юридического лица в отечественной правоприменительной практике – судебные дела о привлечении граждан, ответственных за ведение бухгалтерского учета в организациях (руководителей, а также лица, оказывающего бухгалтерские услуги), к гражданско-правовой деликтной ответственности путем возложения обязанности возместить государству вред, причиненный неуплатой юридическим лицом налогов в бюджет. Дела о привлечении соответствующих лиц к уголовной ответственности по

признакам налоговых преступлений были прекращены по нереабилитирующим основаниям (в связи с амнистией). В одном из дел в отношении генерального директора был вынесен обвинительный приговор. Несмотря на то, что соответствующие юридические лица продолжали действовать и должны были самостоятельно погасить образовавшуюся задолженность, суды удовлетворили искивые требования налоговой инспекции и прокуратуры непосредственно к руководителям и лицу, оказывающему бухгалтерские услуги, о возмещении ущерба, причиненного бюджету в результате совершения ими налоговых преступлений, что и явилось поводом для обращения граждан в Конституционный Суд РФ и оспаривания конституционности положений статей 1064 и 15 ГК РФ в той мере, в какой они позволяют привлекать граждан к деликтной ответственности за ущерб, причиненный налоговым преступлением, при наличии возможности возместить ущерб самими юридическими лицами¹⁶⁹.

Конституционный Суд РФ, отметив принципиальную возможность привлечения к гражданско-правовой деликтной ответственности в виде возмещения причиненного государству вреда лиц, виновных в совершении налоговых преступлений, указал на несколько важных положений, носящих универсальный характер и которые имеют значение для правильного применения норм о любой, в том числе гражданско-правовой и налоговой ответственности учредителей, руководителей и иных третьих лиц по обязательствам организаций¹⁷⁰.

¹⁶⁹ См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.А. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А.Н. Сергеева» // СЗ РФ. 2017. № 51. Ст. 7914.

¹⁷⁰ Письмом ФНС РФ от 09.01.2018 г. № СА-4-18/45@ налоговая служба дала разъяснения по применению данного постановления Конституционного Суда РФ, суть которых, к сожалению, во многом расходится со смыслом правовых позиций Конституционного Суда РФ (см. об этом: *Литовцева Ю.В.* Применимость правовой позиции КС РФ по взысканию ущерба, причиненного налоговым преступлением, к

Во-первых, применительно к налоговому законодательству возложение каких-либо налоговых обязанностей или налоговой ответственности на иных лиц, помимо налогоплательщика (например, на налоговых агентов, на контролирующих лиц), возможно лишь в силу прямого указания закона (налогового или гражданского законодательства). Переложение налоговой обязанности организации на иных лиц без учета их причастности к хозяйственной деятельности данной организации и (или) *влияния на ее действия* (курсив мой – О.Г.) неизбежно привело бы к нарушению принципов соразмерности, пропорциональности и равенства налогообложения и тем самым – к нарушению конституционного баланса частных и публичных интересов. Тем самым Конституционный Суд РФ признал важный принцип: ответственность за действия юридического лица могут нести лишь лица, влияющие на хозяйственную деятельность юридического лица, т.е. фактически – обладающие управленческими полномочиями.

Во-вторых, невозможность получения государством налогов с организации по вине граждан может рассматриваться как утрата публично-правовым образованием определенного имущественного права, что является основанием для возмещения соответствующих убытков по правилам гражданского законодательства (ст. 15 ГК РФ). При этом организация как налогоплательщик несет публично-правовую налоговую ответственность, предусмотренную Налоговым кодексом РФ, а ее работники как физические лица могут нести ответственность в порядке, установленном нормами уголовного, административного и гражданского законодательства, т.е. правовое регулирование отношений по поводу возмещения имущественного вреда, причиненного бюджетам публично-правовых образований в результате невозможности получения налогов, может обеспечиваться за счет правового инструментария гражданского права.

спорам, связанным с привлечением к субсидиарной и иной ответственности контролирующих лиц // Закон. 2018. № 7. С. 78–85).

В-третьих, вред, подлежащий возмещению в связи с неуплатой налогов в рамках гражданско-правовой деликтной ответственности, должен компенсировать имущественные потери, а потому не может включать в себя также предусмотренные налоговым законодательством штрафы, не уплаченные организацией. Поэтому к сумме собственно не внесенного в срок налога (недоимки) федеральный законодатель вправе добавить дополнительный платеж – пеню как компенсацию потерь государственной казны в результате недополучения налоговых сумм в срок в случае задержки уплаты налога; что касается взыскания различного рода штрафов за нарушение налогового законодательства, то они выходят за рамки налогового обязательства как такового. Таким образом, вред, причиняемый налоговыми правонарушениями, заключается в непоступлении в бюджет соответствующего уровня неуплаченных налогов (недоимки) и пеней.

В-четвертых, по смыслу положений главы 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда» вред при взыскании с граждан потерь, причиненных налоговыми преступлениями, должен быть связан с невозможностью взыскания налоговой недоимки и предопределяется исчерпанием либо отсутствием оснований для применения мер ее взыскания, предусмотренных налоговым законодательством, а также предусмотренных гражданским законодательством и законодательством о банкротстве механизмов привлечения к ответственности по долгам юридического лица – налогоплательщика иных лиц.

В-пятых, привлечение гражданина к уголовной, налоговой или гражданско-правовой ответственности имеет разные основания, т.е. это совершенно разные виды юридической ответственности, а потому привлечение к одному из видов такой ответственности не влечет с необходимостью привлечение его также к другому виду ответственности. Поэтому независимо от факта привлечения, например, к уголовной ответственности, для привлечения гражданина к гражданско-правовой деликтной ответственности подлежат установлению все элементы состава

гражданского правонарушения, в том числе – наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину. Как указал Конституционный Суд РФ, «иное означало бы необоснованное смешение различных видов юридической ответственности, нарушение принципов справедливости, соразмерности и правовой определенности вопреки требованиям статей 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1-3), 49 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации». Данный вывод представляется чрезвычайно важным, поскольку в последнее время в судах наметилась негативная тенденция придавать преюдициальное значение обстоятельствам, установленным в уголовном процессе, в спорах о возмещении вреда, причиненного преступлением, без доказывания всех элементов состава гражданско-правового деликта¹⁷¹.

Соответственно, «возмещение физическим лицом вреда, причиненного неуплатой организацией налога в бюджет или сокрытием денежных средств организации, в случае привлечения его к уголовной ответственности может иметь место только при соблюдении установленных законом условий привлечения к гражданско-правовой ответственности и только при подтверждении *окончательной невозможности исполнения налоговых обязанностей организацией-налогоплательщиком* (курсив мой – О.Г.). В противном случае имело бы место взыскание ущерба в двойном размере (один раз - с юридического лица в порядке налогового законодательства, а второй - с физического лица в порядке гражданского законодательства), а значит, неосновательное обогащение бюджета, чем нарушался бы баланс частных и публичных интересов, а также гарантированные Конституцией Российской Федерации свобода экономической деятельности и принцип неприкосновенности частной собственности (статья 8; статья 34, часть 1;

¹⁷¹См. например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.02.2018 г. по делу № А40-13997/17; Определение ВС РФ от 28.05.2018 г. № 305-ЭС18-5148.

статья 35, часть 1)»¹⁷².

Тем самым Конституционный Суд РФ по существу признал действие важного принципа применения гражданско-правовой ответственности по обязательствам юридических лиц: общие положения о гражданско-правовой ответственности (ст. 15 и 1064 ГК РФ) не могут применяться к лицам, несущим ответственность за причинение организацией вреда при сохранении возможности исполнения соответствующих обязанностей самой организацией и (или) причастными к ее деятельности лицами, с которых может быть взыскана налоговая недоимка (в порядке, предусмотренном статьей 45 Налогового кодекса РФ), а также иными субъектами, несущими предусмотренную законом ответственность по долгам юридического лица - налогоплательщика в соответствии с нормами гражданского законодательства, законодательства о банкротстве. Тем самым было подтверждено правило принципа отделения, из которого следует самостоятельная имущественная ответственность юридического лица по своим обязательствам (в том числе налоговым), а привлечение к ответственности иных лиц возможно либо в случаях, прямо указанных законом, либо в случаях, когда взыскание задолженности с самой организации объективно невозможно и исчерпаны все средства правовой защиты.

В-шестых, Конституционный Суд РФ указал на важное изъятие из указанного выше правила: если юридическое лицо «служит лишь «прикрытием» для действий контролирующего его физического лица (т.е. de facto не является самостоятельным участником экономической деятельности), не исключается возможность привлечения такого физического лица к ответственности за вред, причиненный бюджету в связи с совершением соответствующего налогового преступления, еще до наступления указанных признаков невозможности исполнения юридическим

¹⁷² Там же.

лицом налоговых обязательств».

В-седьмых, было указано на необходимость соблюдения при применении гражданско-правовой ответственности (в том числе за вред, причиненный налоговыми преступлениями), общих принципов юридической ответственности, таких как справедливость, соразмерность и пропорциональность. Конституционный Суд РФ отметил: «поскольку размер причиненного налоговым правонарушением вреда определяется размером налога, а сам налог определяется с учетом того, кто является налогоплательщиком - физическое или юридическое лицо, взыскание с физического лица вреда в размере налоговой недоимки и пени, рассчитанной в соответствии с предусмотренными налоговым законодательством для юридических лиц показателями, может приводить к возложению на физическое лицо заведомо невыполнимых обязанностей и непропорциональной совершенному деянию ответственности, вопреки целям возмещения вреда как дополнительного (по отношению к предусмотренным налоговым законодательством механизмам исполнения налоговых обязательств самим налогоплательщиком) правового средства защиты прав и законных интересов публично-правовых образований, т.е. к нарушению указанных конституционных принципов»¹⁷³. В силу этого признана возможность дифференциации судом размера не только публично-правовой, но и гражданско-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию мер ответственности, в той мере, в какой регулирование гражданско-правовой ответственности выполняет также и публичную функцию превенции. Поэтому положения статьи 15 и пункта 1 статьи 1064 ГК РФ в системе действующего правового регулирования не могут рассматриваться как препятствующие суду при определении размера

¹⁷³ Там же.

возмещения вреда физическим лицом учесть его имущественное положение, в частности факт обогащения в результате совершения налогового преступления, степень его вины в причинении вреда, характер уголовного наказания, возможность ответчика определять поведение юридического лица – налогоплательщика, а также иные существенные обстоятельства, имеющие значение для разрешения конкретного дела.

Приведенные выше примеры наглядно показывают необходимость серьезного теоретического и практического осмысления категории гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами (корпоративной ответственности), обоснования ее правовой природы и особенностей, а также определения ее соотношения с иными видами ответственности.

§ 2. Понятие и основные особенности гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами

Сущность любой юридической ответственности независимо от ее вида состоит в санкционированной правопорядком угрозе принудительного наступления дополнительных неблагоприятных последствий имущественного или неимущественного, в том числе личного, характера за нарушение норм права и юридических обязанностей (В.П. Грибанов, О.С. Иоффе О.С., О.Э. Лейст, С.С. Алексеев и др.). Так, по мнению В.П. Грибанова, «юридическая ответственность представляет собой одну из форм государственно-принудительного воздействия на нарушителей норм права, заключающуюся в применении к ним предусмотренных законом санкций – мер ответственности, влекущим для них дополнительные неблагоприятные

последствия»¹⁷⁴. О.С. Иоффе указывал, что отрицательные последствия – «необходимый элемент всякой меры правовой ответственности»¹⁷⁵. По мнению С.С. Алексеева, юридическая ответственность – это «обязанность лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия за совершенное правонарушение в форме лишений личного, организационного или имущественного порядка»¹⁷⁶. О.Э. Лейст давал следующее определение юридической ответственности: «юридическая ответственность есть не что иное, как реализация санкции нормы права, ибо содержание санкции сводится к установлению определенных юридических последствий поведения»¹⁷⁷. Неверным на наш взгляд является подход, согласно которому ответственность – это «опосредованное государственным принуждением исполнение обязанности»¹⁷⁸. Ответственность может быть и без государственного принуждения (добровольная уплата неустойки, возмещение убытков), и она обязательно должна включать в себя дополнительные неблагоприятные последствия. Уплата должного, пусть и в принудительном порядке, ответственностью не является. Основанием любой юридической ответственности является состав правонарушения, включающий, как известно, четыре элемента – противоправное деяние, вредоносные последствия, причинно-следственная связь между деянием и последствиями, а также вина нарушителя.

Деление юридической ответственности на виды происходит в основном по отраслям права (гражданско-правовая, административная, уголовная, дисциплинарная или материальная ответственность в трудовом

¹⁷⁴ Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 1973. С. 38–39.

¹⁷⁵ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб., 2003. С. 203.

¹⁷⁶ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2. Свердловск, 1964. С. 104.

¹⁷⁷ Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 240.

¹⁷⁸ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 2001. С. 82.

праве). Внутри отраслей права ответственность подразделяют по видам противоправного поведения, по объекту нарушения, по мерам ответственности (санкциям), по субъектам, по субъективному основанию ответственности (виновная или независимо от вины, по формам вины).

Поскольку отношения, связанные с управлением юридическими лицами, являются разновидностью гражданско-правовых отношений, то и ответственность в таких отношениях необходимо рассматривать прежде всего в контексте разновидности гражданско-правовой ответственности.

В гражданском праве ответственность традиционно носит имущественный характер. Так, Е.А. Крашенинников характеризовал гражданско-правовую ответственность как «обладающую способностью быть исполненной под воздействием государственного принуждения охранительную гражданскую обязанность правонарушителя, реализация которой влечет для него лишения имущественного характера»¹⁷⁹. Гражданско-правовая ответственность направлена прежде всего на восстановление имущественной сферы потерпевшего, а не на наказание нарушителя, и носит компенсаторно-восстановительный характер¹⁸⁰. Такое восстановление осуществляется в первую очередь посредством возмещения причиненных убытков, т.е. имущественных денежных выплат, поскольку деньги выполняют функцию универсального всеобщего эквивалента (меры стоимости) любых материальных благ. Поэтому основной и универсальной мерой ответственности в гражданском праве для любых ее видов является возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ)¹⁸¹. Применение мер гражданско-правовой ответственности осуществляется в порядке реализации особого

¹⁷⁹ Крашенинников Е.А. Понятие гражданско-правовой ответственности // Вестник ВАС РФ. 2012. № 5. С. 11.

¹⁸⁰ См. например: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 493 (автор соотв. главы – В.В. Витрянский).

¹⁸¹ См. например: Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М., 2009. 221 с.; Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. 622 с.; Кривцов А.С. Общее учение об убытках // Вестник гражданского права. 2015. № 5. С. 157–203; № 6. С. 139–184; 2016. № 1. С. 175–221.

охранительного гражданского правоотношения, основанием возникновения которого является наличие состава гражданского правонарушения¹⁸². Как отмечал О.С. Иоффе, гражданское правонарушение «вызывает правоохранительные отношения между лицом, его совершившим, и тем, перед кем нарушитель должен нести ответственность»¹⁸³. При этом гражданско-правовая ответственность, по мнению указанного автора, есть санкция за правонарушение, вызывающая для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей¹⁸⁴.

Так как сама по себе гражданско-правовая ответственность (как и ответственность вообще) – это возложение на нарушителя дополнительных обременений или лишений, то обязанность возместить убытки носит восстановительный характер для потерпевшего, а для нарушителя такая обязанность представляет собой дополнительное обременение. То есть «...характерная для мер *гражданско-правовой* ответственности особенность заключается в том, что, вызывая отрицательные последствия в сфере правонарушения, они обеспечивают также *восстановление* прежнего положения для потерпевшего»¹⁸⁵.

Помимо возмещения убытков в гражданском праве могут применяться иные имущественные санкции – например, неустойки, а также различного рода компенсации (компенсация морального вреда, компенсация за нарушение интеллектуальных прав, компенсация за нарушение акционерного соглашения).

¹⁸² См. об этом например: *Кархалев Д.Н.* Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009. 332 с.

¹⁸³ *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М., 1975. С. 96.

¹⁸⁴ Там же. С. 97.

¹⁸⁵ *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб., 2003. С. 203.

Наиболее полно, на наш взгляд, признаки гражданско-правовой ответственности определил О.С. Иоффе, указывая, что: «1) она является *санкцией* за нарушение гражданских законов, обеспеченной *убеждением* и *государственным принуждением* или его *возможностью*; 2) в ее основе лежит *общественное осуждение* поведения правонарушителя и *стимулирование* его к определенной деятельности в интересах общества при отсутствии оснований для осуждения поведения ответственного лица; 3) она выражается в форме *восстановления* нарушенных отношений и в форме установления *отрицательных* последствий для правонарушителя в целях обеспечения условий нормального развития регулируемых.. гражданским правом... общественных отношений»¹⁸⁶.

В гражданском праве ответственность традиционно делится на две основных разновидности: деликтную и договорную ответственность. Такое деление проводится в зависимости от особенностей состава гражданского правонарушения. При этом в основе деления гражданско-правовой ответственности на виды лежит прежде всего такой элемент состава нарушения как характер противоправного поведения (объективная сторона гражданского правонарушения). Если противоправное поведение выражается в нарушении относительных договорных прав и обязанностей, говорят о договорной ответственности, если в нарушении абсолютных имущественных или неимущественных прав (нематериальных благ) и всеобщей обязанности не причинять вред другим лицам – о деликтной ответственности. Фактически указанное деление проводится в зависимости от оснований наступления ответственности. Одним из различий между деликтной и договорной ответственностью принято считать также то, что договорная

¹⁸⁶ Иоффе О.С. Указ. соч. С. 206–207; Он же. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 17.

ответственность наступает не только в случаях, предусмотренных законом, но и в случаях, установленных сторонами в договоре¹⁸⁷.

Деликтная ответственность традиционно характеризуется вредом личности или имуществу, т.е. нарушением абсолютных прав¹⁸⁸. Она наступает за нарушение права собственности и иных вещных прав, исключительных прав (которые также носят абсолютный характер), личных неимущественных прав и нематериальных благ. Договорная ответственность наступает за нарушение относительных договорных прав и обязанностей.

Выше нами было показано, что отношения, связанные с управлением любыми юридическими лицами, являются относительными¹⁸⁹. Подавляющее большинство исследователей корпоративные правоотношения, связанные с управлением корпоративными организациями, также признают относительными, которые устанавливаются между строго определенным кругом участников корпорации, членов органов управления и юридическим лицом. Существование относительных корпоративных прав и обязанностей позволяет ставить вопрос о выделении еще одной разновидности гражданско-правовой ответственности – а именно корпоративной ответственности, которая наступает за нарушение относительных корпоративных прав и обязанностей, установленных нормами корпоративного законодательства, учредительными и иными внутренними документами юридического лица и (или) корпоративным договором.

Некоторые ученые утверждают, что корпоративная (или акционерная) ответственность не обязательно является гражданско-правовой и при этом может носить либо договорный, либо внедоговорный характер. Например, А.Е. Молотников¹⁹⁰ к договорной корпоративной ответственности относит как нарушение гражданско-правовых, так и трудовых договоров, а к

¹⁸⁷ См. например: *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 503–504.

¹⁸⁸ Деликтная ответственность может наступать и за нарушение относительных прав. Подробнее об этом см. § 4 главы 3 настоящей работы.

¹⁸⁹ См. § 1 главы 1 настоящей работы.

¹⁹⁰ *Молотников А.Е.* Ответственность в акционерных обществах. М., 2006. С. 30.

внедоговорной – административную, уголовную, деликтную ответственность. И.Л. Иванов ответственность управляющих акционерным обществом также подразделяет на договорную или внедоговорную¹⁹¹.

Но это, на наш взгляд абсолютно неправильный подход, основанный на смешении корпоративной гражданско-правовой ответственности с разными видами юридической ответственности, предусмотренными другими отраслями права.

Действительно, деятельность участников корпоративных отношений регулируется и охраняется различными отраслями права (включая гражданское, административное, трудовое, уголовное). Однако это не является основанием говорить о существовании некой межотраслевой, многоотраслевой или разноотраслевой акционерной (или корпоративной) ответственности. За нарушение норм этих отраслей в каждом случае наступает специальная «отраслевая» уголовная, административная и т.д. ответственность со своими собственными основаниями, условиями применения и санкциями. Как справедливо указывает И.С. Шиткина, «представляется нецелесообразным выделение в доктрине некой «полиотраслевой» (многоотраслевой) корпоративной или акционерной ответственности, объединяющей различные виды ответственности применительно к корпорации и другим участникам корпоративных отношений без возможности определить общие черты этой ответственности, кроме связанности с корпорацией»¹⁹². В таком контексте автор считает правильным говорить не о корпоративной ответственности, а об «имущественной ответственности в сфере корпоративных правоотношений»¹⁹³, с чем можно согласиться.

¹⁹¹ *Иванов И.Л.* Гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в управлении акционерным обществом, в праве России и Германии: Дис... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 52–54.

¹⁹² Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М., 2018. С. 698 (автор соотв. главы – *И.С. Шиткина*).

¹⁹³ Там же.

В то же время необходимо особо подчеркнуть, что *ответственность, связанную с управлением юридическими лицами* (корпоративную ответственность), следует рассматривать как разновидность именно гражданско-правовой ответственности, установленной за нарушение субъективных гражданских прав и корпоративных (относительных) обязанностей. Ее нельзя путать с иными видами ответственности за нарушения, связанные с деятельностью юридических лиц (уголовной, административной и т.д.).

Действительно, в законодательстве существует множество санкций публично-правового характера за неправомерное поведение, связанное с корпоративными отношениями, которые установлены нормами административного, трудового, уголовного права. Однако не во всех случаях при нарушениях императивных норм корпоративного права, влекущих публично-правовую ответственность, имеет место нарушение субъективных корпоративных прав, являющееся основанием для привлечения к корпоративной гражданско-правовой ответственности. А с точки зрения ГК РФ именно *нарушение субъективного гражданского права (ст. 15)* влечет обязанность возмещения убытков и привлечение к гражданско-правовой ответственности.

Нельзя поэтому согласиться с концепцией так называемой акционерной ответственности, согласно которой за одно и то же деяние, влекущее акционерную ответственность, лицо может быть привлечено к ответственности, предусмотренной несколькими отраслями права (уголовного, трудового, административного). В частности, утверждается, что «акционерная ответственность предусматривается нормами нескольких правовых отраслей» (гражданского, уголовного, административного, трудового права), и «за одно и то же деяние, влекущее за собой акционерную ответственность, лицо может быть привлечено к ответственности,

предусмотренной несколькими отраслями права»¹⁹⁴. В связи с этим делается вывод о том, что «акционерная ответственность - это разновидность юридической ответственности, применяемая к участникам акционерных правоотношений и предусмотренная санкциями норм гражданского, уголовного, административного и трудового права»¹⁹⁵.

Кроме того, и в рамках гражданского права неверным будет утверждение, что корпоративная ответственность бывает договорной или внедоговорной. Это ответственность корпоративная, она является гражданско-правовой и носит специальный характер: наступает за нарушение субъективных гражданских прав и корпоративных обязанностей, установленных в источниках корпоративного права. Ее не следует смешивать с иными видами гражданско-правовой ответственности (договорной или деликтной). Например, если лицо привлечено к уголовной ответственности за нарушение, связанное с корпоративными отношениями, то оно может быть привлечено и к гражданской деликтной ответственности за вред, причиненный преступлением (например, составление заведомо ложного аудиторского заключения). Однако в данном случае речь будет идти именно о деликтной ответственности за вред, причиненный преступлением, состав которого подлежит доказыванию, а не о «деликтной» разновидности корпоративной ответственности.

Как указывалось выше, ответственность в корпоративных отношениях традиционно связана также с выступлением юридического лица в гражданском обороте, имущественной обособленностью и самостоятельной ответственностью юридического лица и его участников (принцип отделения). Корпоративное законодательство содержит немало случаев, когда ответственность за нарушение обязательств перед кредиторами наступает в отношении участников юридического лица и иных лиц (например,

¹⁹⁴ Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. М., 2006. С. 19–20.

¹⁹⁵ Там же. С. 23.

субсидиарная ответственность перед кредиторами юридического лица¹⁹⁶). При этом нередко такие случаи не связаны с противоправным поведением лица, привлекаемого к ответственности, и поэтому не являются ответственностью в ее классическом понимании. Речь, скорее, идет об обеспечительном обязательстве, предусмотренном законом или учредительными документами юридического лица (ответственность полных товарищей по обязательствам товарищества и т.д.). Возложение обязанности отвечать за юридическое лицо на его участников или иных лиц, на наш взгляд, может иметь место либо в добровольном порядке, либо в случаях, обусловленных особенностями организационно-правовой формы юридического лица, либо в случаях очевидного и явного правонарушения, выражающегося в нарушении корпоративных обязанностей и причинении убытков кредиторам юридического лица, т.е. в рамках подлинно корпоративной ответственности.

Поэтому корпоративная ответственность в строгом смысле слова – это гражданско-правовая ответственность участников отношений, связанных с управлением юридическим лицом, за корпоративные гражданско-правовые нарушения, выражающиеся в нарушении корпоративных прав и обязанностей, в том числе – ответственность по обязательствам юридического лица иных лиц, представляющая собой отступления от принципа отделения, связанные с правонарушениями и злоупотреблениями лиц, несущих ответственность.

В то же время законодательство о юридических лицах содержит немало случаев ответственности по обязательствам юридического лица перед кредиторами, не связанных с противоправным поведением (например, в связи с добровольно принятыми на себя обязательствами отвечать за юридическое лицо, с особенностями организационно-правовой формы юридического лица, с возложением субсидиарной ответственности на

¹⁹⁶ См. § 3 главы 3 настоящей работы.

контролирующих лиц в ситуациях, когда факт правонарушения отсутствует или неочевиден и т.д.): все эти случаи корпоративной ответственностью, строго говоря, не являются. Однако в связи с тем, что эта ответственность предусмотрена нормами корпоративного права и так или иначе в конечном итоге связана с управлением юридическим лицом, ее можно назвать «квазикорпоративной ответственностью».

Поэтому в широком смысле гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, – это ответственность, предусмотренная нормами законодательства о юридических лицах, представляющая собой корпоративную ответственность в узком смысле (ответственность участников корпоративных отношений за корпоративные правонарушения) и обеспечительную «квазикорпоративную ответственность», не связанную с корпоративными правонарушениями (ответственность участников корпоративных отношений по обязательствам юридического лица перед кредиторами, установленная законом, учредительными документами юридического лица или соглашением).

Собственно же корпоративную ответственность следует охарактеризовать как гражданско-правовую ответственность за нарушение субъективных гражданских прав и корпоративных (относительных) обязанностей, установленных нормами законодательства о юридических лицах, уставом или корпоративным договором. Тем самым появляется основание для выделения корпоративной ответственности в самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности наряду с договорной и деликтной. Основанием корпоративной ответственности служит нарушение субъективных гражданских прав и корпоративных обязанностей, связанных с управлением юридическими лицами, установленных в законодательстве о юридических лицах. Источником корпоративной ответственности являются нормы корпоративного законодательства, корпоративные акты (учредительные и иные внутренние документы юридического лица), корпоративный договор. Формы и размер

корпоративной ответственности устанавливаются в соответствии с нормами корпоративного права.

Говоря о терминологии, мы не можем согласиться с высказанным в литературе в адрес нашего предложения мнением, что выражение «корпоративная ответственность» является неудачным, поскольку оно «не только неоправданно размывает границы данного вида ответственности, но и... в принципе не может выступать в качестве классификационного критерия»¹⁹⁷. Заметим, что сам по себе термин «корпоративная ответственность» вовсе не является «классификационным критерием», а лишь обозначает то или иное явление, выделяемое, в свою очередь, по тем или иным критериям. А критерием выделения «корпоративной ответственности» в особый вид гражданско-правовой ответственности является совокупность признаков, главный из которых – *возникновение ее в гражданско-правовых относительных корпоративных отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, за совершение гражданско-правовых корпоративных правонарушений, под которыми следует понимать нарушение субъективных гражданских прав и корпоративных обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом и установленных нормами законодательства о юридических лицах и (или) корпоративным договором.*

Неудачность термина «корпоративная ответственность» может проявляться лишь в контексте того, что ГК РФ в п. 1 ст. 2 сами корпоративные отношения неоправданно сужает до области корпоративных организаций, в то время как в действительности корпоративные отношения связаны с управлением любыми юридическими лицами, о чем уже говорилось¹⁹⁸. Однако, имея в виду, что подлинно корпоративные отношения являются *гражданско-правовыми, связанными с управлением любыми юридическими лицами,* то использование термина «корпоративная

¹⁹⁷ Ломакин Д., Генцовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. № 1. С. 29.

¹⁹⁸ См. § 1 главы 1 настоящей работы.

ответственность» применительно к возникающим *в таких* отношениях гражданским правонарушениям представляется вполне оправданным.

Специфика корпоративной ответственности предопределяется как правовой природой и содержанием нарушаемого субъективного корпоративного права или корпоративной обязанности, так и другими элементами состава гражданского правонарушения, которые в корпоративных отношениях имеют свои особенности.

Так, субъективное корпоративное право характеризуется тем, что оно носит управленческий характер, т.к. корпоративное отношение – это отношение по управлению юридическим лицом. Субъективное корпоративное право управления юридическим лицом едино и имеет относительную правовую природу. Содержанием этого права (права корпоративного управления) является правомочие по управлению юридическим лицом, основанное на частноправовой субординации, и комплекс связанных с ним производных правомочий и субправомочий (по получению информации и т.д.), а также правомочий на защиту. Данными правомочиями обладают не только участники корпоративных организаций, но и учредители унитарных юридических лиц. Поэтому субъектом корпоративного права может быть как одно лицо, так и несколько лиц (множественность лиц на стороне управомоченного), а само корпоративное право в связи с этим будет носить либо унитарный, либо долевого характер¹⁹⁹.

Соответственно, субъективному гражданскому корпоративному праву корреспондирует целый комплекс обязанностей юридического лица, а также его участников и членов органов управления как минимум не чинить препятствия в осуществлении субъективных корпоративных прав, создавать для этого условия, а как максимум – действовать в интересах юридического лица, его участников и других лиц добросовестно и разумно.

¹⁹⁹ Подробнее см.: Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 54–64.

Специфика содержания субъективного корпоративного права порождает целый комплекс установленных законом, учредительными документами и корпоративным договором корреспондирующих этому праву корпоративных обязанностей, направленных на обеспечение реализации этого права.

Четкое установление этих гражданско-правовых корпоративных обязанностей является важнейшей задачей корпоративного права вообще и института корпоративной ответственности в частности. К сожалению, многие проблемы корпоративного права связаны именно с тем, что содержание корпоративных обязанностей часто остается неопределенным.

Например, основной обязанностью членов органов управления юридического лица является обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Однако, что под этим понимается, является ли эта обязанность фидуциарной и каково ее конкретное содержание, приходится устанавливать судебной практике²⁰⁰. Кроме того, такая обязанность прямо не предусмотрена применительно к участникам юридического лица²⁰¹, в отношениях между участниками юридического лица, а также в отношении кредиторов, что бывает актуально в условиях недостаточности имущества юридического лица. Последние изменения Закона о банкротстве предусматривают фидуциарную обязанность контролирующих лиц действовать в интересах не только юридического лица и других участников, но и кредиторов юридического лица. И это следует признать правильным, если речь идет о стадии объективного, или фактического банкротства.

Но корпоративные обязанности, нарушение которых является основанием корпоративной ответственности, не исчерпываются нарушением обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического

²⁰⁰ Подробнее см. § 1 главы 3 настоящей работы.

²⁰¹ За исключением участников, имеющих возможность определять действия юридического лица (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ)

лица, его участников или кредиторов. Существует масса других корпоративных обязанностей, не обязательно фидуциарного типа, установленных нормами корпоративного права и учредительными документами юридического лица. Также ответственность может возникать за злоупотребление корпоративными правами, и это представляет собой отдельную проблематику корпоративной ответственности.

Помимо характера нарушения (нарушение субъективных корпоративных прав или обязанностей, установленных императивными нормами корпоративного законодательства) корпоративная ответственность имеет свои особенности и в иных элементах состава гражданского правонарушения.

Так, существуют сложности в доказывании причинно-следственной связи, и это влечет за собой постановку вопроса о необходимости введения в корпоративное право *типовых доказательственных презумпций наличия такой связи при совершении тех или иных корпоративных нарушений*. В корпоративных отношениях, носящих управленческий характер, недопустимо применять общий подход, закрепленный в п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. № 7²⁰², согласно которому, если возникновение убытков является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается. Соответствующие доказательственные презумпции должны быть установлены непосредственно законом, а не судебным толкованием.

Для корпоративных отношений характерно *специфическое понимание вины* при нарушении обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, которая по существу отождествляется с нарушением самой обязанности действовать добросовестно и разумно. При

²⁰² Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

оценке соблюдения обязанности действовать добросовестно и разумно также применяется «правило делового решения» (business judgement rule), согласно которому за лицом, привлекаемым к ответственности, признается право на непреднамеренное принятие невыгодных для компании решений в условиях обычного предпринимательского и иного экономического риска. Несмотря на невыгодность решения и даже наличие возникших в связи с таким решением убытков, лицо, привлекаемое к ответственности, признается невиновным (и не нарушившим обязанность действовать добросовестно и разумно), если он соблюдал ту степень заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась по характеру оборота в условиях обычного предпринимательского риска²⁰³). Как указал Верховный Суд РФ, негативные последствия, наступившие для юридического лица, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора, так как возможность наступления таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности²⁰⁴. Тем самым, «правило делового решения» служит своеобразной защитой от привлечения к корпоративной ответственности менеджеров компаний. Существует также проблема установления разного стандарта доказывания вины для органов управления предпринимательских и непредпринимательских корпораций.

Специфика корпоративной ответственности определяется также составом ее субъектов. Поскольку круг участников корпоративных отношений чрезвычайно широк и включает в себя не только юридических лиц и их участников, но и членов органов управления, а также третьих лиц, в

²⁰³ О правиле делового решения и его применении см. например: *Ключарева Е.М.* Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. 2015. № 11. С. 132–141; *Цепов Г.В.* Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка // Закон. 2015. № 12. С. 159–178.

²⁰⁴ См. п. 25 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

том числе кредиторов юридического лица, то при установлении и совершенствовании механизмов привлечения к ответственности различных субъектов необходимо стремиться к достижению справедливого баланса интересов между всеми заинтересованными лицами, включая участников, бенефициаров юридического лица, управляющих, кредиторов (в том числе и государство).

При этом справедливый баланс интересов может быть достигнут при учете следующих факторов:

1) необходимость установления ответственности за неправомерное и недобросовестное поведение для всех без исключения категорий участников корпоративных отношений, исходя из конституционного принципа равенства всех перед законом (п. 1 ст. 19 Конституции РФ) и принципа равенства участников отношений, регулируемых гражданским законодательством (п. 1 ст. 1 ГК РФ);

2) необходимость установления оснований, условий применения и мер ответственности в отношении конкретных субъектов и видов правонарушений непосредственно в законодательных актах;

3) ответственность соответствующих лиц должна наступать лишь при наличии общих оснований юридической ответственности: противоправное поведение, повлекшее наступление неблагоприятных последствий, при наличии вины;

4) необходимость дифференциации ответственности различных субъектов перед юридическим лицом, его кредиторами, участниками, а также членами органов управления.

Особенности корпоративной ответственности в полной мере проявляются на примере ответственности членов органов управления юридического лица за нарушение корпоративной обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (ст. 53.1 ГК РФ).

Непосредственным основанием ответственности, предусмотренной ст. 53.1 ГК РФ, является не любое причинение вреда юридическому лицу²⁰⁵, а лишь такое, которое сопровождалось нарушением членом органа управления фидуциарной корпоративной обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах управляемого юридического лица (п. 3 ст. 53, ст. 53.1 ГК РФ). То есть к корпоративной ответственности могут привлекаться лишь субъекты, осуществляющие управление юридическим лицом, в том числе лица, обладающие фактическим контролем (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). Наличие такой специальной корпоративной обязанности у фактически контролирующего лица доказывает, что оно является субъектом корпоративных отношений (в том числе в случаях, когда оно формально не обладает корпоративными правами, а лишь фактически контролирует юридическое лицо), и соответственно – субъектом специальной корпоративной ответственности. В случае, если убытки причинены несколькими лицами совместно, то такие лица несут солидарную обязанность возместить убытки. Несмотря на то, что убытки причиняются юридическому лицу, право предъявления соответствующего иска предоставлено как самому юридическому лицу, так и его учредителям (участникам). В последнем случае речь идет о так называемом косвенном иске, подаваемом участником (учредителем) не в своих интересах, а в интересах юридического лица, понесшего убытки. Как разъяснил Верховный Суд РФ, участник корпорации, обращающийся в установленном порядке от имени корпорации в суд с требованием о возмещении причиненных корпорации убытков в силу закона является ее представителем, в том числе на стадии исполнения судебного решения, а истцом по делу выступает корпорация²⁰⁶. Кроме того, такое право предоставлено членам коллегиальных

²⁰⁵ Обычное причинение вреда юридическому лицу будет регулироваться общими правилами о деликтной ответственности, предусмотренной ст. 1064 ГК РФ.

²⁰⁶ См. п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

органов управления (наблюдательный или иной совет), контролирующей деятельность исполнительных органов корпорации (п. 4 ст. 65.3 ГК РФ). Собственник имущества юридического лица в ст. 53.1 ГК РФ как субъект, имеющий право предъявлять соответствующее требование, не назван, хотя формально он может и не являться учредителем (например, при смене собственника имущества унитарного предприятия)²⁰⁷.

Корпоративная ответственность управляющих и контролирующих лиц в корне отличается как от деликтной ответственности (отвечать за нарушение обязанности не причинять вред любому лицу), так и от договорной ответственности (отвечать за нарушение договора). Она наступает в данном случае за нарушение корпоративной обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, причинившее юридическому лицу убытки. Кроме того, в отличие от общих правил о договорной (п. 2 ст. 401 ГК РФ) или деликтной (п. 2 ст. 1064 ГК РФ) ответственности, где действует презумпция вины причинителя вреда, в корпоративной ответственности бремя доказывания вины причинителя вреда фактически лежит на истце. Это связано с тем, что само по себе нарушение обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно означает не только противоправность, но и по общему правилу свидетельствует о виновности соответствующего лица. По крайней мере недобросовестные действия всегда являются виновными. Поэтому согласно абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ для привлечения к рассматриваемому виду корпоративной ответственности достаточно доказать, что контролирующее лицо при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску. В постановлении Пленума ВАС РФ от

²⁰⁷ Согласно п. 3 ст. 25 Федерального закона от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «Об унитарных предприятиях» собственник имущества унитарного предприятия вправе предъявить иск о возмещении убытков, причиненных унитарному предприятию, к руководителю унитарного предприятия.

30.07.2013 г. № 62²⁰⁸ установлен ряд типичных обстоятельств, при которых управляющий считается действовавшим недобросовестно или неразумно. В то же время, несмотря на наличие обстоятельств, свидетельствующих о неразумности или недобросовестности своих действий, а также причинение этими действиями убытков юридическому лицу, управляющий не лишен возможности доказывать свою невиновность²⁰⁹.

По крайней мере, неправильно отождествлять вину с неразумными действиями директора (управляющего). Неразумные действия представляют собой нарушение обязанности действовать разумно, т.е. подтверждают противоправность деяния. Но контролирующее лицо при этом может быть невиновно (работники юридического лица могли ввести его в заблуждение и даже обмануть). Поэтому основания ответственности нуждаются в четком структурировании. Неразумность действий директора как элемент противоправного поведения должна отличаться от вины как субъективного основания ответственности. Бремя доказывания неразумности всегда лежит на истце (п. 5 ст. 10 ГК РФ – разумность действий предполагается), а бремя доказывания невиновности – на контролирующем лице (отсутствие вины доказывается нарушителем – п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ). В связи с этим в постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 выражен определенный компромисс между презумпцией добросовестности и разумности и презумпцией вины. Ряд его положений говорит о праве управляющего доказывать, что он действовал невиновно (пояснить причины возникновения убытков и т.д.).

Поэтому всегда необходимо иметь в виду, что недобросовестные и неразумные действия в первую очередь свидетельствуют о противоправности соответствующего поведения (нарушение обязанности действовать

²⁰⁸ Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.

²⁰⁹ Подробнее о корпоративной ответственности управляющих перед юридическим лицом см. § 1 главы 3 настоящей работы.

добросовестно и разумно в интересах юридического лица) и лишь во вторую очередь (и то не всегда) – о виновности нарушителя. Например, противоправность действий директора организации будет и тогда, когда он действовал в пределах своих полномочий и соблюдал все нормы закона и внутренние инструкции, но при этом недобросовестно или неразумно вывел из организации ценные активы, причинив ей убытки. Несмотря на соблюдение всех полномочий и инструкций в данном случае директор может и должен быть привлечен к ответственности. С другой стороны, директор может нарушать учредительные документы (например, требование об одобрении сделки общим собранием), но совершить выгодную для общества сделку – его действия в таком случае добросовестны и разумны. Поэтому действовать в интересах общества добросовестно и разумно – это самостоятельная фидуциарная корпоративная обязанность, отличающаяся от обязанности соблюдать формальные требования закона и внутренних документов юридического лица.

Наконец, особенности корпоративной ответственности можно усмотреть в характере неблагоприятных последствий корпоративных нарушений и в корреспондирующих им мерах корпоративной ответственности (санкциях). Эти особенности также обусловлены особой управленческой природой корпоративных отношений и выражаются в том, что соответствующие последствия и меры ответственности носят не только имущественный, но и неимущественный характер.

Неблагоприятные последствия корпоративных правонарушений обладают известной спецификой: это не только причинение убытков, но и такие специфические последствия, как утрата корпоративного контроля как самостоятельной ценности, утрата прав на акции, невозможность или существенная затруднительность осуществления юридическим лицом своей деятельности, невозможность достижения целей деятельности юридического лица, неполучение прибыли (дивидендов), невозможность продать акции по справедливой цене, невозможность или затруднительность осуществления

корпоративных прав, лишение или ограничение отдельных корпоративных правомочий.

Меры корпоративной ответственности также обладают своей спецификой. Это не только убытки и неустойка. Можно ставить вопрос о разработке таких специальных мер корпоративной ответственности, как компенсация, исключение из юридического лица, лишение части корпоративных прав или их ограничение (запрет на голосование, приостановление членства или участия и т.д.), досрочное прекращение полномочий органов управления, признание недействительными сделок по корпоративным основаниям, а также актов органов управления (устранение корпоративного нарушения), возложение дополнительных обязанностей (например, обязанности выплатить дивиденды, внести вклад в имущество юридического лица), лишение специального права (ограничение правоспособности) или ликвидация юридического лица.

Таким образом, в корпоративной ответственности имеет место специфика неблагоприятных последствий и применяемых санкций как по сравнению с другими отраслями права (в публичных отраслях – это общественная опасность, публично-правовые штрафы, воздействие на личность нарушителя (лишение свободы)), так и по сравнению с иными видами ответственности в гражданском праве (в которых неблагоприятные последствия выражаются в причинении имущественного вреда (убытков), а санкции носят, как правило, исключительно имущественный характер).

У корпоративной ответственности имеются и процессуальные особенности: споры о привлечении к корпоративной ответственности относятся к процессуальной категории корпоративных споров, относятся к компетенции арбитражных судов и рассматриваются в особом порядке²¹⁰. В частности, согласно ст. 225.1 АПК РФ к корпоративным спорам относятся любые споры, связанные с управлением юридическим лицом, в том числе

²¹⁰ Рассмотрение дел по корпоративным спорам регулируется главой 28.1 АПК РФ.

споры по искам учредителей, участников, членов юридического лица о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу, признании недействительными сделок, совершенных юридическим лицом, и (или) применении последствий недействительности таких сделок; споры, связанные с прекращением, приостановлением полномочий и ответственностью лиц, входящих или входивших в состав органов управления и органов контроля юридического лица; споры, возникающие из гражданских правоотношений между указанными лицами и юридическим лицом в связи с осуществлением, прекращением, приостановлением полномочий указанных лиц, а также споры, вытекающие из соглашений участников юридического лица по поводу управления этим юридическим лицом, включая споры, вытекающие из корпоративных договоров; споры об обжаловании решений органов управления юридического лица; споры, связанные с исключением участников юридических лиц²¹¹.

Помимо этого, как указывалось выше, иски участников к членам органов управления о возмещении причиненных юридическому лицу убытков (ст. 53.1 ГК РФ) являются *косвенными (производными)*: они подаются участниками в интересах юридического лица, и материальным истцом по таким делам признается само юридическое лицо, а участник, подавший иск, является «косвенным истцом», т.е. обладает процессуальными правами и несет процессуальные обязанности истца, в том числе право требовать исполнения судебного акта (ч. 1 ст. 225.8 АПК РФ)²¹². Убытки, присужденные по такому иску, взыскиваются в пользу юридического лица. По существу участник, подавая косвенный иск в интересах юридического

²¹¹ О проблематике корпоративных споров см. например: *Рожкова М.А.* Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. 2005. № 9. С. 136–148; *Гутников О.В.* Подведомственность корпоративных споров арбитражным судам // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 16 / Под ред. В. Ф. Яковлева. М., 2009. С. 220–228.

²¹² О проблематике косвенных исков см. например: *Ярков В.В.* Как «вписать» косвенные иски в процессуальное право России? // Закон. 2009. № 6. С. 29–38; *Карнаков Я.В.* Косвенный иск в корпоративном праве США // Закон. 2009. № 6. С. 69–92.

лица, является его законным представителем, действуя от имени юридического лица²¹³. Кроме того, перед подачей такого косвенного иска участник должен уведомить других участников корпорации и самой корпорации о намерении обратиться в суд с соответствующим иском, а другие участники, получившие соответствующее уведомление, вправе присоединиться к соответствующему иску (п. 2 ст. 65.2 ГК РФ, ст. 93.1 Закона об акционерных обществах). Арбитражный суд также несет информационные обязанности о раскрытии информации о подаче соответствующего иска на сайте в сети Интернет (ст. 225.4 АПК РФ).

Наряду с указанными выше особенностями, основной проблемой корпоративной ответственности на сегодняшний день (при текущей степени разработанности этой категории) является ее соотношение с иными видами гражданско-правовой ответственности (договорной и особенно – деликтной). Так как корпоративное законодательство не предусматривает общих оснований и условий корпоративной ответственности, в том числе обязанности возместить причиненные корпоративным правонарушением убытки, на повестке дня остро стоят вопросы: возможно ли наряду или вместо ответственности, установленной нормами корпоративного права, применять общие положения о гражданско-правовой ответственности, восполняя соответствующие пробелы; могут ли общие нормы о гражданско-правовой (деликтной) ответственности применяться к корпоративным отношениям в тех случаях, когда законодательство о юридических лицах вообще не содержит никаких специальных положений об ответственности за те или иные правонарушения.

Как известно, основной мерой гражданско-правовой ответственности является возмещение убытков. Любое ли нарушение корпоративных прав и обязанностей должно влечь за собой возмещение убытков и применение

²¹³ См. абз. 5 и 6 п. 1 ст. 65.2, п. 2 ст. 53 ГК РФ, п. 32 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

иных мер ответственности? Или в целях применения корпоративной ответственности в нормах корпоративного права должна быть четкая специализация по источникам, субъектам, основаниям и санкциям?

Как указывалось выше, ответственность может быть договорной, деликтной или корпоративной, возникающей соответственно за нарушение договора, причинение вреда или нарушение обязанностей, установленных нормами корпоративного права, учредительных документов юридического лица или корпоративным договором. Каждый вид гражданско-правовой ответственности имеет свои собственные характерные основания, условия и порядок применения, predetermined характером тех правонарушений, которые вызвали возникновение соответствующих убытков.

Например, основанием деликтной ответственности является сам факт причинения вреда личности или имуществу гражданина или имуществу юридического лица (ст. 1064 ГК РФ). Нарушение при этом конкретных норм права не имеет принципиального значения: сам факт причинения вреда признается противоправным, а вина причинителя вреда предполагается. При этом лицо, причинившее вред, обязано либо возместить вред в натуре либо возместить причиненные убытки (ст. 15 и 1082 ГК РФ).

Основанием договорной ответственности в виде возмещения убытков является неисполнение или ненадлежащее исполнение конкретного договорного обязательства, т.е. нарушение договора (ст. 307, 393, 401 ГК РФ). При этом обязанность возмещения убытков, причиненных нарушением договора, установлена в качестве универсальной, безотносительно к видам и характеру соответствующих договорных нарушений (п. 1 ст. 393 ГК РФ).

В отличие от указанных видов гражданско-правовой ответственности (договорной или деликтной), для корпоративной ответственности законодательство прямо не предусматривает общих оснований и условий возникновения обязанности возместить убытки, вызванные нарушением норм корпоративного права в корпоративных отношениях. Такие основания и условия *expressis verbis* предусматриваются законом в каждом конкретном

случае, применительно к соответствующим корпоративным правонарушениям.

Например, ст. 53.1 ГК РФ и законы о хозяйственных обществах²¹⁴ прямо устанавливают обязанность членом органов управления возместить убытки, причиненные юридическому лицу нарушением обязанности действовать в интересах последнего добросовестно и разумно (п. 3 ст. 53 ГК РФ). При этом непосредственно законом устанавливаются основания, условия, порядок привлечения к соответствующей ответственности, а также круг лиц, несущих ответственность, и лиц, имеющих право предъявлять соответствующие требования о возмещении убытков.

До 1 сентября 2014 г. корпоративная обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно была возложена лишь на членом органов управления юридических лиц. Однако с 1 сентября 2014 г. вступила в силу статья 53.1 ГК РФ, согласно которой соответствующая обязанность распространена также на лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, в т.ч. возможность давать указания членам органов управления юридического лица. Такие лица несут ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу, на тех же основаниях, что и члены его органов управления (п. 3 ст. 53.1). Поэтому с 1 сентября 2014 г. те участники корпорации, которые контролируют деятельность юридического лица, несут корпоративную фидуциарную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно и отвечают за убытки, причиненные юридическому лицу нарушением этой обязанности.

Согласно абз. 5 п. 4 ст. 65.2 ГК РФ участник корпорации обязан не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации. Тем самым воздержание от умышленного причинения вреда

²¹⁴См. например: ст. 44 Федерального закона от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785; ст. 71 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

корпорации становится корпоративной обязанностью, специально предусмотренной нормами корпоративного права. Нарушение этой обязанности дает непосредственное основание для привлечения участника к корпоративной ответственности за причинение умышленного вреда.

Сказанное выше позволяет заключить, что российским корпоративным правом предусматриваются и типизируются отдельные допустимые случаи взыскания убытков как меры защиты нарушенных корпоративных прав в отношениях между участниками юридического лица и, напротив, не формулируется общей нормы о корпоративных правонарушениях, в которой бы предусматривалась возможность неограниченного законом, в том числе субсидиарного использования норм о возмещении убытков как меры защиты нарушенных гражданских прав независимо от фактических обстоятельств и вида конкретного корпоративного правонарушения.

Такое регулирование ответственности в корпоративном праве полностью соответствует всей логике правового регулирования корпоративных отношений. Приоритет норм корпоративного права, устанавливающих исчерпывающий перечень случаев, когда тому или иному субъекту корпоративных отношений предоставляется право требовать возмещения убытков другим участником корпоративных отношений, обусловлен особой природой корпоративного права как специального частного права с преимущественно императивным содержанием, которое соотносится с нормами гражданского права как *lex specialis* и *lex generalis*.

Таким образом, действующее гражданское и корпоративное законодательство не предусматривают никаких общих норм об основаниях и условиях привлечения к ответственности в виде возмещения убытков за нарушение корпоративных обязанностей в корпоративных отношениях, а корпоративное законодательство при этом для каждого такого случая устанавливает специальные основания по принципу «*numerus clausus*», т.е. исчерпывающий перечень случаев корпоративных нарушений, за которые участники корпоративных отношений могут предъявлять друг к другу

требования о возмещении убытков. Только при условии, что возможность предъявления соответствующего требования предусмотрена нормами корпоративного права, к такому требованию о возмещении убытков, возникшему из корпоративных отношений, в силу п. 3 ст. 307.1 ГК РФ возможно применение положений подраздела 1 «Общие положения об обязательствах» раздела III ГК РФ, включая положения об ответственности за нарушения обязательств (гл. 25 подраздела 1 раздела III).

Поэтому, на наш взгляд, корпоративная ответственность, в отличие от договорной или деликтной, характеризуется **специалитетом** и не может носить «генерального» характера. Если договорная ответственность наступает в целом за любое нарушение договорных прав, а деликтная – за любое причинение вреда личности или имуществу и действует принцип генералитета (любое нарушение договора или причинение любого вреда влечет ответственность), то в корпоративном праве, наоборот, должен действовать принцип специалитета (ответственность наступает только за те нарушения, на тех основаниях и при тех условиях, которые прямо *expressis verbis* указаны в законе, учредительных документах юридического лица или в корпоративном договоре). Немаловажное значение здесь имеет и традиционное для стран европейского континентального права правило о недопустимости конкуренции исков о привлечении к различным видам гражданско-правовой ответственности, носящим деликтную или договорную природу. Поскольку корпоративные отношения, как и договорные, являются относительными и имеют особую правовую природу²¹⁵, недопустимость конкуренции исков должна в полной мере относиться и к выбору между деликтным или корпоративным иском из корпоративных правонарушений.

Представляется, что принцип специалитета корпоративной ответственности должен выражаться в следующих основных положениях:

²¹⁵См. например: *Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 123–130.

- общие нормы гражданского права о возмещении убытков могут применяться лишь в тех случаях и за те правонарушения, которые прямо предусмотрены в корпоративном законодательстве, учредительных документах юридического лица или в корпоративном договоре;

- любые санкции корпоративной ответственности, в том числе возмещение убытков, должны быть предусмотрены в корпоративном законодательстве, учредительных документах юридического лица или в корпоративном договоре применительно к определенным правонарушениям и определенным субъектам;

- в уставе, иных учредительных и внутренних документах юридического лица, в корпоративном договоре не могут устанавливаться основания ответственности и санкции, не предусмотренные нормами корпоративного законодательства;

- недопустимость конкуренции между деликтным и корпоративным исками о привлечении к гражданско-правовой ответственности: если неправомерное поведение связано с нарушением корпоративных прав или обязанностей, соответствующий иск должен подаваться согласно нормам корпоративного права о корпоративной ответственности. Предъявление деликтного иска не должно иметь места.

Специалитет корпоративной ответственности по существу находит поддержку как в юридической литературе, так и в судебной практике. Как отмечает Д.И. Степанов, «в связи с участием в корпорации иски о возмещении убытков, предъявляемые к иным субъектам корпоративных отношений (самой корпорации, директорам, членам иных органов, акционерам), допустимы лишь там, где (1) сама возможность такого иска предусмотрена законом, что предполагает указание в его тексте на характер нарушения, за которое можно привлечь к ответственности, (2) обозначен субъект ответственности, (3) предусмотрено право истца (специальной

категории истцов) на подачу иска»²¹⁶. В судебной практике в том или ином виде также встречаются решения в поддержку этого принципа²¹⁷.

Необходимость установления принципа специалитета корпоративной ответственности обусловлена целым рядом причин, совпадающих в целом с причинами, по которым корпоративное право как таковое основано на преимущественно императивном методе регулирования²¹⁸. Также следует помнить о том, что в ст. 15 ГК РФ обязанность возмещения убытков связывается с нарушением субъективного гражданского права. Однако субъективное корпоративное гражданское право обладает известной спецификой. Это не обычное имущественное право (вещное, обязательственное или исключительное), а право на управление юридическим лицом со всеми входящими в его состав правомочиями и субправомочиями. Определить наличие убытков, возникших от нарушения права на управление, не всегда возможно, и они не всегда очевидны. Поэтому не во всех случаях нарушения корпоративного права следует предоставлять возможность взыскания убытков.

Императивность норм корпоративного права приводит к тому, что в корпоративном законодательстве есть много публично-правовых запретов и ограничений. Однако нарушение эти публичных запретов не всегда одновременно влечет и нарушение субъективных гражданских прав, связанных с управлением юридическим лицом. В гражданском праве нет

²¹⁶Степанов Д.И. Убытки акционера из-за утраты акциями стоимости не могут быть взысканы с самого акционерного общества // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 1. С. 22–23. См. также: Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. 2017. № 3. С. 118.

²¹⁷См. например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.12.2016 г. № 305-ЭС16-10038; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.06.2016 г. по делу № А73-8740/2014; постановления Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2015 г. № Ф05-6465/2014 по делу № А40-75714/13-134-707; от 22.12.2015 по делу № А40-5192/2015; Федерального арбитражного суда Центрального округа от 06.06.2005 по делу № А14-13006/2004-487/29.

²¹⁸См. § 2 главы 1 настоящей работы; Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М., 2017. С. 26–51.

общего принципа и обязанности возмещать убытки за нарушение закона. Убытки подлежат возмещению только за нарушение субъективного гражданского права. Если считать, что в корпоративном праве за нарушение закона возможно привлекать к ответственности в виде возмещения убытков (без нарушения субъективного корпоративного права) – это значит подменять публично-правовую ответственность гражданско-правовой.

Чтобы при всей сложности корпоративного законодательства определить, влечет ли нарушение императивной нормы одновременно и нарушение субъективного гражданского корпоративного права, необходимо указание в законе, в каких случаях те или иные нарушения императивных норм порождают право требовать возмещения убытков. Если же установить, что действует «генеральный деликт», т.е. любое противоправное поведение в корпоративных отношениях влечет обязанность возмещать убытки – то это может привести к подмене публично-правовой ответственности гражданско-правовой, произвольному взысканию гражданско-правовых санкций за нарушение публичных запретов при отсутствии нарушения субъективного гражданского права, что чревато массовыми нарушениями прав и интересов участников корпоративных отношений, сутяжничеством и злоупотреблением правами.

Кроме того, необходимость специалитета корпоративной ответственности предопределяется особенностями самих корпоративных отношений, которые имеют управленческий характер и сложный состав участников, бессрочный и непредсказуемый характер.

В договорном праве круг контрагентов ограничен и заранее определен и каждая сторона может просчитать свое поведение, в том числе – возможную за него ответственность, и учитывать это при вступлении в договорные отношения, формулируя условия соответствующих договоров. В корпоративном праве предвидеть и просчитать заранее все варианты поведения просто невозможно в силу особой сложности и многослойности корпоративных отношений, непредсказуемости их развития, подчинения

меньшинства большинству, появления новых участников и новых рисков, затруднительности установления причинно-следственных связей между многими корпоративными нарушениями и их имущественными последствиями, неопределенности содержания многих корпоративных обязанностей. В таких условиях предсказать развитие событий и просчитать их на будущее, полагаясь на принцип автономии воли, нет никакой возможности. Тем более, что зачастую ответственность может устанавливаться за нарушение корпоративных правил даже для тех, кто голосовал против них или вообще не принимал участие в волеобразовании (члены органов управления, работники организации, юридическое лицо). Именно поэтому необходима императивность во многих вопросах – чтобы обеспечить защиту всех участников, справедливый баланс интересов. Например, в корпоративных отношениях часто попросту невозможно доказать, что нарушение обязанности проводить ежегодное собрание акционеров привело к конкретным негативным последствиям или убыткам: убытков может и не быть, кроме того, нужно доказывать связь между бездействием членов совета директоров и убытками общества.

Кроме того, в корпоративном праве нет явно выраженного общего правила, сходного с правилом обязательственного права о подчинении договора лишь тем императивным нормам, которые действовали в момент заключения договора. В связи с этим поведение сторон в корпоративных отношениях в любой момент должно соответствовать обязательным требованиям постоянно меняющегося корпоративного законодательства, предсказать появление или отмену которых нет никакой возможности. Вступая в корпоративные отношения (особенно это касается коммерческих корпораций), участник рассчитывает нести риск убытков в пределах стоимости внесенного вклада. Он не является предпринимателем и не должен в принципе соизмерять свое поведение с многочисленными нормами корпоративного права, отдавая все в руки нанятых менеджеров. Если же заставлять его возмещать убытки при любых нарушениях, это значит рушить

«принцип отделения» и по существу заставляя нести ответственность на началах предпринимательского риска. Поэтому установление в корпоративном праве общего правила об обязанности возмещать убытки за любое нарушение корпоративного закона или любой корпоративной обязанности противоречит принципу правовой определенности и влечет непредсказуемые и неоправданные риски для участников корпоративных отношений, в том числе риски неполной или чрезмерной компенсации потерь²¹⁹. Можно даже сказать, что неопределенность и непредсказуемость развития корпоративных отношений, обусловленная их управленческой правовой природой, и императивность корпоративного права делают перспективным и обоснованным вместо возмещения убытков разработку системы особых имущественных санкций компенсационного или штрафного характера за нарушение субъективных корпоративных прав, твердый размер которых должен определяться законом, учредительными документами или корпоративным договором, а возможно – судом. Такой подход в большей степени соответствует особой правовой природе отношений, связанных с управлением юридическим лицом, основанных на методе частноправовой субординации и императивном методе регулирования, что делает эти отношения (и применяемые в них меры ответственности) схожими с публично-правовыми отношениями и применяемыми в них публично-правовыми санкциями штрафного характера.

Иными словами, если в договорном и деликтном праве ответственность заранее понятна и предсказуема и потому принцип генеральной ответственности за любое нарушение отвечает правовой определенности, то в корпоративном праве имущественная ответственность заранее непонятна и непредсказуема и принцип генеральной ответственности за любое нарушение противоречит принципу правовой определенности. Необходимость соблюдения правовой определенности при установлении любых мер

²¹⁹См. например: *Монастырский Ю.Э.* Убытки вследствие умаления корпоративных прав // Закон. 2017. № 7. С. 67–68.

юридической ответственности неоднократно подчеркивалась Конституционным Судом РФ. В частности, им указывалось: «для обеспечения баланса конституционно защищаемых ценностей и интересов – следует использовать только строго обусловленные конституционно одобряемыми целями меры, отвечающие требованиям адекватности, необходимости и правовой определенности, а устанавливаемое законодателем правовое регулирование – с тем чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации – должно содержать формально определенные, четкие, не допускающие расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения нормы»²²⁰.

Иной подход, который предоставлял бы в корпоративном праве в общем виде возможность широкому кругу субъектов предъявлять требования о возмещении убытков за любые нарушения корпоративных обязанностей, в силу особого характера корпоративных отношений, затрагивающих интересы огромного количества субъектов (участников корпорации, членов органов управления, самой корпорации, третьих лиц, являющихся кредиторами корпорации, регистраторов, депозитариев и т.д.), неизбежно привел бы к дестабилизации гражданского оборота, стимулировал бы сутяжничество и поставил бы под сомнение возможность эффективного функционирования самого института юридического лица (корпорации). По этим причинам нельзя согласиться с авторами, предлагающими применять в корпоративном праве принцип «генерального деликта», когда любые убытки, причиненные

²²⁰ См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.А. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А.Н. Сергеева».

одними участниками корпоративных отношений другим, подлежат возмещению²²¹.

Изложенные обстоятельства подтверждают необходимость установления в корпоративном праве существенных особенностей и ограничений использования исков о возмещении убытков для защиты субъективных корпоративных прав, связанных с управлением юридическими лицами. Данные особенности вытекают из природы отношений по управлению юридическими лицами, императивного метода регулирования корпоративных отношений и регулируются как общими, так и специальными нормами гражданского законодательства с учетом содержательной специфики их объекта, содержания, принципов осуществления и защиты гражданских прав. Возможность ограниченного допущения исков об убытках в корпоративных отношениях, обусловленного специалитетом корпоративной ответственности, согласуется и с общими принципами возмещения убытков как меры гражданско-правовой ответственности.

В частности, возмещение убытков является одним из основных способов защиты нарушенных гражданских прав (ст. 12 ГК РФ), применение которого непосредственно направлено на восстановление нарушенного права, что прямо следует из общей нормы статьи 15 ГК РФ. Судебная практика, подтвержденная Конституционным Судом РФ, признает необходимость доказывания в спорах о возмещении убытков всех элементов состава гражданского правонарушения: факт правонарушения, причинно-следственная связь между правонарушением и убытками, виновность причинителя вреда, обоснованность размера взыскиваемых убытков²²².

²²¹ См. например: Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М., 2018. С. 769–771 (автор соотв. главы – И.С. Шиткина).

²²² Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 г. № 39-П; п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5; определение Судебной коллегии по гражданским делам

По своему содержанию и значению норма ст. 15 ГК РФ представляет собой общий способ защиты нарушенных гражданских прав, который может применяться для защиты любого нарушенного субъективного гражданского права, что было подтверждено и текущей правоприменительной практикой²²³. В то же время, применение такого общего способа защиты гражданских прав возможно лишь в случаях, если специальной нормой не предусмотрено особого порядка и форм защиты нарушенного права, что вытекает из общего правового принципа приоритета специальных правовых норм над общими (*lex specialis derogat lex generalis*).

Таким образом, универсальность использования возмещения убытков в спорах о защите нарушенных гражданских прав не означает ничем не ограниченной возможности заявления соответствующих исковых требований, а состоит в том, что эта мера оказывается востребованной и допустимой, если она прямо предусмотрена санкцией соответствующей нормы или же ею прямо не запрещается и при этом ее применение позволяет действительно восстановить нарушенное право и устранить вызванные правонарушением конкретные негативные имущественные последствия и потери. Как было показано выше, в корпоративном праве возможность посредством возмещения убытков восстановить нарушенное право, связанное с управлением юридическим лицом, не всегда очевидна, что влечет необходимость конкретизации такой возможности непосредственно в нормах корпоративного законодательства. Тем самым предопределены общие критерии должной юридической квалификации правоотношений между правонарушителем и потерпевшим для определения надлежащего способа защиты нарушенных прав при наличии в законодательстве общих и специальных способов защиты. Специфика регулирования, осуществления и защиты конкретных субъективных корпоративных прав, возникающих и

Верховного Суда РФ от 30.05.2016 г. № 41-КГ16-7; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.01.2016 г. № 18-КГ15-237.

²²³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 04.12. 2012 г. № 18-КГ12-70.

развивающихся преимущественно с учетом подотраслевых норм и принципов гражданского права, обусловлена их содержательными особенностями, связанными прежде всего с управленческим характером соответствующих отношений и их особым местом в предмете гражданско-правового регулирования (ст. 2 ГК РФ).

Поэтому есть все основания установить принцип специалитета в отношении корпоративной ответственности и закрепить этот принцип непосредственно в законе.

Принцип специалитета корпоративной ответственности наглядно прослеживается при нарушениях порядка обязательного предложения в соответствии с положениями главы XI.1 Закона об акционерных обществах. В частности, право требовать возмещения убытков предусмотрено законом лишь для случаев, когда обязательное предложение было направлено, но условия заключенного впоследствии договора ему не соответствовали либо – когда акционер не согласен с ценой выкупа ценных бумаг. Однако если лицо, на котором лежит обязанность выкупить акции, вообще не направило обязательное предложение, а скупило акции у отдельных акционеров в обычном порядке без соблюдения предусмотренных законом специальных процедур, то негативные последствия от ненаправления приобретателем обязательного предложения четко формализованы и определены в нормах корпоративного и административного права: ограничение права голоса приобретателя при голосовании на общем собрании (п. 6 ст. 84.2 Закона об акционерных обществах) и привлечение приобретателя к административной ответственности за нарушение правил о направлении обязательного предложения (ст. 15.28 КоАП РФ)²²⁴. При этом исключена возможность

²²⁴ Подробнее об этом см. § 7 главы 3 настоящей работы, а также: *Гутников О.В., Синицын С.А.* Убытки как мера ответственности за ненаправление обязательного предложения акционерам публичного общества // *Законы России. Опыт. Анализ. Практика.* 2018. № 1. С. 55–61.

взыскания убытков, определяемых по основаниям ст. 15 ГК РФ, что также было подтверждено Верховным Судом Российской Федерации²²⁵.

Следует также отметить, что принцип специалитета требует выделения и систематизации в законодательстве норм о корпоративной ответственности: основаниях, субъектах, санкциях, видах корпоративных правонарушений. Так, по мнению некоторых исследователей, «законодатель должен установить и закрепить перечень корпоративных нарушений, которые могут быть основаниями для применения ответственности в корпоративных актах, а также закрепить соответствующие санкции»²²⁶.

Изложенное выше подтверждает, что перед наукой гражданского права как никогда остро стоят задачи разработки и обоснования понятия корпоративной ответственности как вида гражданско-правовой ответственности наряду с договорной и деликтной, субъектов корпоративной ответственности, включая рассмотрение проблем границ юридического лица и определение пределов применения доктрины «снятия корпоративных покровов», понятия «бенефициаров» юридического лица, аффилированных и контролирующих лиц; определение состава, содержания и субъектов корпоративных прав и обязанностей, включая обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно, определение состава корпоративного правонарушения, его характерных последствий и санкций корпоративной ответственности.

Каждый вид гражданско-правовой ответственности (договорной, деликтной, корпоративной) имеет свои специальные основания, условия и порядок применения, predetermined характером тех правонарушений, которые вызвали возникновение соответствующих негативных последствий. Разграничение этих видов ответственности и недопущение конкуренции

²²⁵ См.: Определение Верховного Суда РФ от 04.02. 2016 г. № 305-ЭС15-18649 по делу № А40-147287/2014.

²²⁶ *Минина И.А.* Корпоративная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Законодательство и экономика, 2009. № 12 (Цит. по СПС «Консультант-плюс»).

соответствующих исков чрезвычайно важно для соблюдения баланса интересов всех участников корпоративных гражданских отношений и конституционных принципов юридической ответственности.

§ 3. Субъекты гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами

Под корпоративной ответственностью в самом широком смысле следует понимать гражданско-правовую ответственность, возникающую в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом, которая может наступать как за неправомерные действия соответствующих субъектов, так и представлять собой обеспечительную «квазикорпоративную ответственность», не связанную с неправомерным поведением. Поэтому любая корпоративная ответственность так или иначе обусловлена участием в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом. Из этого объективно следует, что степень участия в отношениях по управлению юридическим лицом того или иного субъекта предопределяет и объем его корпоративной ответственности: чем больший объем управленческих прав у того или иного субъекта, тем выше степень его влияния на действия юридического лица и, соответственно, тем большую ответственность он должен нести. Минимальное влияние на управление юридическим лицом, опосредованное владением миноритарным пакетом акций (долей) в организации, предполагает минимальный объем и ограниченный перечень оснований корпоративной ответственности. Максимальное влияние на управление юридическим лицом, восходящее до уровня корпоративного контроля, обуславливает максимальный объем и наиболее широкий перечень оснований корпоративной ответственности. Это в целом является одинаково применимым как для собственно корпоративной ответственности, связанной

с неправомерным поведением лица, привлекаемого к ответственности, так и для «квазикорпоративной ответственности», носящей обеспечительный характер.

Субъектами корпоративной ответственности являются любые лица, участвующие в корпоративных отношениях и получающие в силу этого возможность так или иначе оказывать влияние на управленческие процессы в юридическом лице. К ним относятся учредители и участники юридических лиц, члены органов управления, в том числе представители государства в советах директоров, иные лица, контролирующие юридические лица, а также сами юридические лица, включая любые юридические лица корпоративного и унитарного типа, в том числе государственные корпорации, государственные компании, унитарные предприятия и учреждения и т.д.²²⁷ К субъектам корпоративной ответственности могут быть отнесены не только участники юридического лица или члены его органов управления, обладающие корпоративными правами или управленческими полномочиями, но и третьи лица, имеющие фактическую или юридическую возможность участвовать в управлении юридическим лицом. Например, к ним могут быть отнесены лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания членам органов управления юридического лица (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). В качестве субъектов корпоративной ответственности могут рассматриваться также кредиторы юридического лица, сторонние инвесторы и т.п., если они влияют

²²⁷ Об особенностях правового положения и участия в корпоративных отношениях различных юридических лиц см. например: *Гутников О.В.* Особенности правового статуса организаций, созданных на основании федеральных законов, и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами // *Журнал российского права.* 2015. № 2. С. 44–57; *Он же.* Особенности правового статуса Пенсионного фонда Российской Федерации // *Адвокат.* 2014. № 11. С. 17–27; *Он же.* Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: замена ограниченных вещных прав корпоративными правами государства и совершенствование ответственности государства и государственных юридических лиц // *Адвокат.* 2016. № 12. С. 5–12; *Он же.* Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц // *Журнал российского права.* 2016. № 7. С. 44–52.

на управленческие процессы в юридическом лице, выступая сторонами договора, по которому участники юридического лица обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления в интересах таких третьих лиц (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ). К такому договору будут применяться правила о корпоративном договоре, заключаемом между участниками юридического лица (хозяйственного общества).

Субъекты корпоративной ответственности в широком смысле – это не только лица, обладающие корпоративными правами, но любые лица, несущие фидуциарные обязанности перед другими участниками этих отношений действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, его участников или кредиторов в связи с фактическим или юридическим участием в управлении юридическим лицом.

Поэтому в целом субъекты корпоративной ответственности совпадают с субъектами корпоративных отношений и корпоративного управления.

Иногда в круг субъектов корпоративных отношений и корпоративной ответственности предлагают включить не только участников, юридическое лицо и членов органов управления, но и сами органы управления, что представляется необоснованным, поскольку органы управления как таковые не являются субъектами гражданского права, участниками гражданско-правовых отношений, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности²²⁸. Органы не способны нести какую-либо гражданско-правовую ответственность, поскольку не обладают имущественной обособленностью. Такую ответственность могут нести физические лица – члены органов управления юридического лица, а также лица, осуществляющие управление юридическим лицом по договору с ним

²²⁸ См. об этом: Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 191–192; Рубеко Г.Л. Правовой статус органов управления акционерных обществ. М., 2007. С. 16; Ломакин Д. В. Корпоративные отношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 285; Могилевский С. Д. Органы управления хозяйственными обществами. М., 2001. С. 102–107.

(управляющая организация, управляющий) либо в силу фактических обстоятельств. Таким образом, подлинными субъектами управления юридическим лицом, а также представления его в гражданском обороте являются не его органы, а лица, составляющие эти органы или выполняющие их функции – физические или юридические лица, являющиеся субъектами гражданско-правовых корпоративных отношений. В связи с этим нам представляется бесплодной и схоластической известная в науке гражданского права давняя дискуссия о том, является ли орган юридического лица его частью или представителем. Любой орган юридического лица – это по сути всего лишь технико-юридическое обозначение определенного набора компетенции и полномочий, которые осуществляют назначенные в установленном порядке лица, составляющие этот орган или выполняющие его функции. Иными словами, никаких органов на самом деле нет и быть не может, а есть субъекты гражданского права, участвующие в корпоративных отношениях в качестве лиц, выполняющих определенные функции, называемые для удобства «органами» юридического лица, наделенные соответствующими компетенцией и полномочиями. Осуществляя эти компетенцию и полномочия (как во «внутренних», так и во «внешних» корпоративных отношениях), они реализуют в действительности свою собственную волю, которая признается законом волей юридического лица и его органов.

С другой стороны, лица, не являющиеся членами органов управления, но взаимодействующие с юридическим лицом по тем или иным основаниям, связанным с обеспечением надлежащего функционирования юридического лица и прямо или косвенно оказывающие влияние на управленческие процессы, должны, на наш взгляд, рассматриваться как субъекты корпоративной ответственности (например аудитор, регистратор, члены счетной комиссии, ликвидационной комиссии, арбитражный управляющий при банкротстве и т.д.).

Субъекты корпоративной ответственности должны быть участниками того или иного относительного корпоративного правоотношения. При этом момент наступления оснований ответственности и момент привлечения к ней могут не совпадать по времени, что делает возможным привлечение к ответственности в том числе бывших участников юридического лица. В любом случае субъекты корпоративной ответственности, как и структура корпоративных отношений, крайне разнообразны, и это предопределяет необходимость дифференцировать основания и процедуры привлечения к ней.

Основными субъектами корпоративной ответственности в силу их роли в управлении юридическими лицами должны быть признаны контролирующие лица²²⁹. Это подтверждается и судебной практикой привлечения контролирующих лиц к различным видам корпоративной ответственности (общекорпоративной и банкротной), которая постоянно возрастает и по количеству дел, и по размеру взыскиваемых сумм²³⁰.

Контролирующими лицами принято считать субъектов, которые в силу правовых или фактических возможностей способны оказывать решающее влияние на деятельность юридического лица, определять его действия и решения. Речь идет как о владельцах контрольного пакета акций (долей) юридического лица, так и о лицах, имеющих в силу различных оснований (фактических или юридических²³¹) возможность давать обязательные указания органам юридического лица. По существу, контролирующие лица не столько контролируют, сколько фактически управляют юридическим

²²⁹ См.: Гутников О.В. Контролирующие лица как субъекты корпоративной ответственности // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2017. С. 204–221.

²³⁰ С актуальными данными судебной статистики можно ознакомиться на официальном сайте судебного департамента при Верховном Суде РФ по адресу: <http://cdep.ru>.

²³¹ О различных основаниях корпоративного контроля основных хозяйственных обществ над дочерними см. например: Захаров А.Н. Проблемы применения «иных» оснований корпоративного контроля // Закон. 2015. № 4. С. 133–142.

лицом по стратегическим и оперативным вопросам его деятельности. При этом мы не видим принципиальной разницы в том, является контроль над организацией фактическим или юридическим: любой такой контроль создает возможность управлять юридическим лицом и следовательно, служит основанием установления между субъектом такого контроля и иными лицами корпоративных отношений и влечет в силу этого необходимость отвечать за свои действия, в том числе причинившие убытки юридическому лицу или другим участникам этих отношений, то есть нести корпоративную ответственность на общих основаниях с любыми другими субъектами корпоративных отношений. Поэтому ответственность любого контролирующего лица всегда носит корпоративный характер, вопреки мнению некоторых авторов, которые безосновательно пытаются дифференцировать эту ответственность на корпоративную и деликтную в зависимости от того, является контроль юридическим или фактическим²³².

Попытка дать универсальное определение контролирующих лиц и ввести общие положения об их имущественной ответственности содержалась в законопроекте, разработанном в ходе реформы ГК РФ²³³. Однако по разным причинам (и не в последнюю очередь из-за технико-юридических недостатков проектируемых норм) соответствующие нормы не вошли в текст обновленной главы 4 ГК РФ о юридических лицах²³⁴.

Несмотря на имевшиеся недостатки, в целом определение контролирующих лиц в законопроекте правильно отражало существо данного понятия и, если отбросить детали, сводилось к тому, что контролирующим является лицо, которое имеет возможность определять

²³² См. например: *Ломакин Д.* Контроль как форма зависимости юридических лиц // *Хозяйство и право.* 2018. № 2. С. 16.

²³³ Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ в первом чтении 27 апреля 2012 года).

²³⁴ *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016. С. 34–35.

действия (решения) подконтрольного юридического лица. Причем названная возможность имеет место в силу любых оснований: как фактических, так и юридических.

Действующее законодательство содержит несколько определений контролирующих лиц для различных целей.

Например, в ГК РФ есть определение основного общества или товарищества, которое признается таковым, если оно в силу преобладающего участия в уставном капитале другого (дочернего) общества, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом (п. 1 ст. 67.3). Таким образом, основное общество (товарищество) фактически является разновидностью контролирующего лица. Тот же подход отражен и в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, где установлена ответственность лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе давать указания членам органов управления юридического лица.

Понятие контролирующих лиц в целях применения правил о сделках с заинтересованностью содержится в абз. 6 п. 1 ст. 81 Закона об акционерных обществах (в редакции Федерального закона от 03.07.2016 г. № 343-ФЗ) и в абз. 6 п. 1 ст. 45 Закона об обществах с ограниченной ответственностью (в редакции Федерального закона от 03.07.2016 г. № 343-ФЗ): контролирующим лицом признается «лицо, имеющее право прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц) распоряжаться в силу участия в подконтрольной организации и (или) на основании договоров доверительного управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерного соглашения, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) подконтрольной организации, более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации».

Аналогичное определение контролирующего лица дано также в ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о рынке ценных бумаг). В отраслевом законодательстве присутствуют и другие определения отношений контроля в целях антимонопольного регулирования²³⁵, противодействия легализации преступных доходов²³⁶, регулирования деятельности хозяйственных обществ, имеющих стратегическое значение²³⁷, в налоговых целях²³⁸.

Несмотря на определенные различия суть понятия контролирующего лица неизменна: это лицо, которое имеет возможность определять действия подконтрольного юридического лица. Но если в законах о хозяйственных обществах и в Законе о рынке ценных бумаг такая возможность должна быть формализована в виде наличия юридически закрепленного по различным основаниям права контролирующего лица распоряжаться более 50 % долей в уставном капитале юридического лица или назначать его руководителей, то в ГК РФ указанная возможность признается независимо от того, закреплена ли она в каком-либо юридическом документе в виде определенного права. Тем самым Кодекс признает контролирующими любых лиц, которые юридически

²³⁵ См., например, ч. 8 ст. 11 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (Часть I). Ст. 3434; *Егорова М. А.* Категория «контроль юридического лица» как основной критерий формирования группы лиц // Конкурентное право. 2014. № 1. С. 8–13.

²³⁶ См.: Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3418; Информационное письмо Банка России от 28.01.2014 г. № 14-Т по вопросам идентификации организациями, осуществляющими операции с денежными средствами или иным имуществом, бенефициарных владельцев // СПС «Консультант Плюс».

²³⁷ См. Федеральный закон от 29.04.2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» // СЗ РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

²³⁸ См. ст. 25.13 Налогового кодекса РФ; *Хаванова И. А.* Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 50–60.

или фактически имеют возможность определять действия подконтрольного юридического лица.

Такого же подхода придерживается и Закон о банкротстве²³⁹. Согласно п. 1 ст. 61.10 Закона контролирующим должника лицом признается «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания *или возможность иным образом определять действия должника* (выделено мной - О.Г.), в том числе по совершению сделок и определению их условий». Как разъяснил Верховный Суд РФ, «осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Суд устанавливает *степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником* (курсив мой – О.Г.), проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника»²⁴⁰.

Идея о возложении на контролирующих лиц корпоративной ответственности основана на том, что такие лица, осуществляя фактически управление юридическим лицом, должны отвечать за свои недобросовестные действия, причиняющие убытки различным субъектам в связи с деятельностью подконтрольного юридического лица. В целом по своей

²³⁹См.: Николаев А. Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): Дисс... канд. юрид. наук. М., 2013. 213 с.

²⁴⁰Абз. 2 п. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

природе такая ответственность традиционно считается деликтной²⁴¹. Однако в связи с тем, что неправомерные действия контролирующего лица связаны с управлением подконтрольным юридическим лицом, данный деликт преломляется через нормы корпоративного права и приобретает особую корпоративную природу, позволяющую говорить о корпоративной ответственности, которая имеет специальные основания и порядок применения, установленные нормами корпоративного законодательства, а также законодательства о банкротстве. Особый характер ответственности контролирующих лиц, отличающейся от деликтной ответственности, признается и в литературе²⁴².

При этом убытки потенциально могут быть причинены контролирующим лицом как самому подконтрольному юридическому лицу, так и его участникам (собственнику имущества юридического лица), а также третьим лицам - кредиторам юридического лица по договорным или внедоговорным обязательствам (в том числе деликтным). В таких случаях вред различным субъектам наносится контролирующим лицом не непосредственно, а через управляющее воздействие на подконтрольное юридическое лицо и отражается на иных субъектах (участниках, кредиторах).

В соответствии с этим, можно выделять три вида корпоративной ответственности контролирующих лиц:

- ответственность контролирующих лиц перед подконтрольным юридическим лицом;
- ответственность контролирующих лиц перед участниками подконтрольного юридического лица (собственником его имущества);

²⁴¹См. например: *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 198.

²⁴²См. например: *Ломакин Д.В., Генцов О.* Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // *Хозяйство и право.* 2016. № 1. С. 29–30; *Шиткина И.С.* Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // *Закон.* 2018. № 7. С. 122.

- ответственность контролирующих лиц перед кредиторами подконтрольного юридического лица.

В отечественном праве наибольшую разработку получил первый вид корпоративной ответственности контролирующих лиц непосредственно перед подконтрольным юридическим лицом. Сначала такая ответственность была установлена в законах о хозяйственных обществах в отношении единоличного исполнительного органа и иных членов органов управления юридических лиц²⁴³. Затем правоприменительная практика распространила такую ответственность на управляющих любыми юридическими лицами²⁴⁴. Наконец, универсальные для всех юридических лиц нормы об ответственности управляющих и иных контролирующих лиц перед юридическим лицом были введены в ст. 53.1 ГК РФ²⁴⁵, которая применяется в том числе к лицам, имеющим фактическую возможность определять действия юридического лица, включая возможность давать обязательные указания членам органов управления (п. 3 ст. 53.1). Фактически речь в ст. 53.1 идет и о «теневых директорах», фактически контролирующим юридическое лицо, и о лицах, обладающих контрольным пакетом акций (долей) в подконтрольном юридическом лице, поскольку таких лиц в силу самого факта обладания контрольным пакетом можно считать лицами, имеющими фактическую возможность определять действия юридического лица.

²⁴³ См. ст. 71 Закона об акционерных обществах, ст. 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью.

²⁴⁴ См. постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

²⁴⁵ Ст. 53.1 ГК РФ «Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица» (введена Федеральным законом от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304).

В то же время судебная практика пока неоднозначно относится к возможности привлечения к ответственности контролирующих участников в соответствии со ст. 53.1 ГК РФ в связи с тем, что общее собрание часто не рассматривается судом в качестве коллегиального органа юридического лица²⁴⁶ и отсутствуют основания привлечения таких лиц к ответственности на основании п. 2 данной статьи. Однако независимо от того, считать ли контролирующих участников членами коллегиального органа управления (общего собрания), они в любом случае могут и должны привлекаться к ответственности не на основании п. 2 ст. 53.1 ГК РФ, а на основании п. 3 данной статьи, устанавливающего ответственность лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица. При таком подходе совершенно излишней является норма п. 3 ст. 67.3 ГК РФ, установившая обязанность основного общества (товарищества) возместить убытки дочернему обществу по иску участников (акционеров) дочернего общества.

Специальные законы о хозяйственных обществах также содержат нормы о корпоративной ответственности членов органов управления. При этом соответствующие положения не приведены в соответствие с ГК РФ. Например, в них отсутствует указание на возможность привлекать к ответственности лиц, фактически контролирующих деятельность юридического лица. Представляется, что наилучшим решением были бы полная кодификация норм об ответственности управляющих и иных контролирующих лиц непосредственно в ГК РФ и исключение соответствующих норм из специальных законов об отдельных видах юридических лиц. Пока же в «Дорожной карте» Правительства РФ²⁴⁷ совершенствование правового регулирования прав и обязанностей членов

²⁴⁶ См. об этом: *Лиханов А.С., Согбатян А.Г.* Ответственность теневого директора за причиненные корпорации убытки // Закон. 2017. № 3. С. 140.

²⁴⁷ См. План мероприятий («дорожная карта») «Совершенствование корпоративного управления» (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.06.2016 г. № 1315-р) // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4756.

органов управления хозяйственных обществ, а также механизмов привлечения их к ответственности предполагается осуществлять в законах о хозяйственных обществах. Например, в п. 14 Дорожной карты предполагается введение в Закон об акционерных обществах ответственности контролирующего лица за убытки, причиненные по его вине подконтрольному хозяйственному обществу.

Как указывалось выше, контролирующими лицами могут быть причинены убытки не только юридическому лицу, но и участникам юридического лица²⁴⁸ или собственнику его имущества (учредителю), а также кредиторам. Применение этих видов ответственности контролирующих лиц в отечественном праве в настоящее время пока недостаточно развито. Основная проблема заключается в том, что в законодательстве в общем виде отсутствует фидуциарная обязанность контролирующих лиц при управлении юридическим лицом действовать добросовестно и разумно в отношении других участников юридического лица или кредиторов. Поэтому случаи, когда участникам юридического лица или кредиторам предоставляется право требовать возмещения контролирующими лицами убытков, крайне немногочисленны, а судебная практика исходит из того, что если такое право корпоративным законодательством специально не предусмотрено, то такие убытки не подлежат возмещению, что соответствует принципу специалитета корпоративной ответственности²⁴⁹.

Однако в некоторых случаях возможность взыскания соответствующих убытков непосредственно участниками или кредиторами все же прямо предусмотрена законом, и иногда со ссылкой на ст. 53.1 ГК РФ:

²⁴⁸ См.: *Степанов Д.И.* Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? // *Корпоративный юрист.* 2008. № 11. С. 21; *Бойко Т.С.* Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // *Закон.* 2017. № 3. С. 116–136.

²⁴⁹ См. например: *Степанов Д.И.* Убытки акционера из-за утраты акциями стоимости не могут быть взысканы с самого акционерного общества // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* 2017. № 1. С. 22–23.

- члены ликвидационной комиссии (ликвидатор) по требованию учредителей (участников) или кредиторов обязаны возместить причиненные им убытки по их вине по правилам статьи 53.1 ГК РФ (п. 2 ст. 64.1 ГК РФ);

- члены органов управления обязаны возместить убытки акционеру, причиненные по их вине действиями, нарушающими порядок приобретения акций открытого акционерного общества (главой XI.1 Закона об АО о поглощениях): п. 2 и 5 ст. 71, п. 6 ст. 84.3, п. 4 ст. 84.8 Закона об акционерных обществах;

- лица, недобросовестно способствовавшие принятию признанного судом решения о реорганизации, обязаны солидарно возместить убытки участнику реорганизованного юридического лица, голосовавшему против реорганизации или не принимавшему участие в голосовании, а также кредиторам реорганизованного юридического лица (п. 4 ст. 60.1 ГК РФ);

- контролирующие лица несут субсидиарную ответственность перед кредиторами юридического лица при банкротстве, если будет доказано, что банкротство случилось по вине контролирующих лиц²⁵⁰. Аналогичная ответственность установлена в абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ в отношении основного общества, по вине которого наступало банкротство дочернего общества;

- контролирующие лица могут нести ответственность перед участником за произошедшую по их вине утрату доли в коммерческой корпорации, возмещая убытки или уплачивая определяемую судом компенсацию (п. 3 ст. 65.2 ГК РФ);

²⁵⁰Подробнее об ответственности контролирующих лиц в банкротстве см. § 8 главы 3 настоящей работы. Возможность привлекать к субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам перед кредиторами за доведение до банкротства в общем виде ранее была предусмотрена абзацем вторым п. 3 ст. 56 ГК РФ, а соответствующие разъяснения содержались в п. 22 постановления Пленума ВС РФ № 6 и Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 1996. № 9.

- солидарная ответственность основного общества (товарищества) перед кредиторами дочернего общества по сделкам, заключенным последним во исполнение указаний или с согласия основного общества (товарищества), кроме случаев одобрения сделки органами управления основного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества (абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ).

В то же время при установлении норм о прямой ответственности контролирующих лиц перед участниками юридического лица или перед его кредиторами необходимо учитывать, что не во всех случаях такая ответственность является оправданной. В частности, следует помнить о том, что взыскание убытков непосредственно в пользу участников может нарушить интересы других участников юридического лица или его кредиторов, которые также вправе рассчитывать на удовлетворение своих требований за счет контролирующих лиц в случаях, когда имущества подконтрольного юридического лица недостаточно для погашения их имущественных притязаний.

Безусловно, в законодательство необходимо вводить как общее понятие контролирующих лиц, так и общие нормы об их ответственности перед подконтрольным юридическим лицом, его участниками или кредиторами. Однако при этом необходимо установить и конкретизировать корпоративные обязанности таких лиц, за нарушение которых наступает корпоративная ответственность, а также учитывать права и законные интересы всех участников корпоративных отношений, в том числе – принцип отделения имущества юридического лица от имущества его участников. Бездумное введение доктрины «снятия корпоративных покровов» в отечественный правовой порядок может привести лишь к проблемам правоприменительной практики и судебному произволу.

При рассмотрении проблематики субъектов корпоративной ответственности следует подчеркнуть, что к ним в полной мере должны относиться любые участники корпоративных отношений, в том числе

государство и создаваемые им государственные юридические лица, в отношении которых вместо конструкции ограниченных вещных прав могут применяться корпоративные (управленческие) права.

В условиях развития корпоративных отношений государство должно создавать юридических лиц – собственников своего имущества, самостоятельно отвечающих по своим обязательствам. Публичные имущества должны закрепляться непосредственно в казне, одновременно должна иметься возможность привлечения государства к ответственности по обязательствам создаваемых им юридических лиц, однако на тех же общих основаниях, по каким отвечают любые контролирующие лица, что вытекает из принципа равенства всех участников гражданско-правовых отношений²⁵¹. Таким образом, государство как контролирующее лицо должно отвечать по обязательствам контролируемых им юридических лиц как по общекорпоративным основаниям (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ), так и по основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве.

Например, принцип равенства государства с иными участниками гражданских отношений требует также возможности признания государства фактически контролирующим лицом (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ) и привлечения его к корпоративной ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в тех случаях, когда государственные органы выдают директивы на голосование представителям государства в советах директоров хозяйственных обществ с государственным участием²⁵². С точки зрения положений законодательства о юридических лицах члены совета директоров,

²⁵¹ Принципиальную возможность привлечения государства к ответственности по различным основаниям в качестве контролирующего лица отстаивает, например, И. С. Шиткина (*Шиткина И.С.* Имущественная ответственность государства в корпоративных правоотношениях // Закон. 2017. № 5. С. 171–182; *Она же.* Имущественная ответственность государства как акционера // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2017. С. 222–236).

²⁵² См. п. 17 постановления Правительства РФ от 03.12.2004 г. № 738 «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»)» // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 5073.

как и иных органов управления, несут самостоятельную имущественную ответственность за принимаемые ими решения и не связаны директивами, исходящими от участников хозяйственного общества, которые выдвинули их на должности директора или члена совета директоров²⁵³. Поэтому исполнение таких директив, в том числе исходящих от государственных органов, по корпоративным нормам, будет считаться свидетельством наличия отношений фактического контроля, а государство, выдавшее в лице своего органа соответствующую директиву, исполнение которой привело к причинению юридическому лицу убытков, должно на общих основаниях привлекаться к корпоративной ответственности солидарно с членом совета директоров, исполнившим такую директиву (п. 3 и 4 ст. 53.1 ГК РФ).

§ 4. Виды гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами

Корпоративную ответственность можно дифференцировать на виды по различным основаниям. Так, ее можно делить на собственно корпоративную гражданско-правовую ответственность, если ее наступление связано с противоправным поведением привлекаемого к ответственности лица, и «квазикорпоративную ответственность», носящую обеспечительный

²⁵³ Так, согласно п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица», «не является основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с директора убытков сам по себе тот факт, что действие директора, повлекшее для юридического лица негативные последствия, в том числе совершение сделки, было одобрено решением коллегиальных органов юридического лица, а равно его учредителей (участников), либо директор действовал во исполнение указаний таких лиц, поскольку директор несет самостоятельную обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно». В подп. 5 п. 2 указанного постановления сказано, что директор не может быть признан действовавшим в интересах юридического лица, если он действовал в интересах одного или нескольких его участников, но в ущерб юридическому лицу.

характер. В зависимости от стадии существования юридического лица корпоративную ответственность можно классифицировать на ответственность, возникающую в период создания, в период обычной деятельности, в период наступления существенных корпоративных событий (изменение уставного капитала, изменение устава, выпуск акций, приобретение или утрата статуса публичной компании, реорганизация, ограничение корпоративных прав, реорганизация, выплата (невыплата) дивидендов), в период ликвидации или банкротства.

В зависимости от числа привлекаемых к ответственности лиц и порядка привлечения к ответственности при множественности лиц можно выделять индивидуальную, долевую, солидарную и субсидиарную ответственность.

Виды корпоративной ответственности по субъектному критерию могут быть определены в зависимости от категории субъектов, привлекаемых к ответственности, либо в зависимости от категории субъектов, в пользу которых взыскиваются гражданско-правовые санкции и кто может требовать привлечения к ответственности.

Соответственно, по субъектам, привлекаемым к ответственности, корпоративная ответственность может подразделяться на:

- 1) ответственность членов органов управления юридического лица;
- 2) ответственность контролирующих лиц;
- 3) ответственность участников (учредителей) юридического лица;
- 4) ответственность юридического лица;
- 5) ответственность кредиторов юридического лица (например, при банкротстве юридического лица).

Деление корпоративной ответственности может проводиться в зависимости от категории субъектов, перед которыми несут ответственность различные субъекты корпоративных отношений:

- 1) ответственность перед кредиторами юридического лица;
- 2) ответственность перед юридическим лицом;

3) ответственность перед участниками (учредителями) юридического лица;

4) ответственность перед членами органов управления;

5) ответственность перед контролирующими лицами.

Также корпоративную ответственность можно делить на виды в зависимости от характера применяемых санкций имущественного или неимущественного характера:

А) ответственность с применением имущественных санкций:

1) возмещение убытков;

2) уплата неустойки (законной или договорной);

3) выплата компенсации;

4) возложение дополнительных имущественных обязанностей (например, по выплате дивидендов, внесению дополнительного вклада в имущество или в уставный капитал юридического лица).

Б) ответственность с применением неимущественных санкций:

1) лишение или ограничение корпоративных прав (в том числе ограничение или приостановление права управления юридическим лицом, ограничение или лишение права голоса, досрочное прекращение управленческих полномочий);

2) возложение дополнительных неимущественных обязанностей (по предоставлению информации, по присутствию на общем собрании, по голосованию на общем собрании определенным образом и т.д.);

3) признание недействительными корпоративных актов и сделок по корпоративным основаниям;

4) исключение из юридического лица;

5) лишение юридического лица специального права (лицензии) или прекращение членства в саморегулируемой организации;

6) принудительная реорганизация или ликвидация юридического лица.

Также гражданско-правовую корпоративную ответственность можно делить на виды в зависимости от источников установления обязанностей, нарушение которых влечет применение ответственности:

- 1) корпоративная ответственность за нарушение корпоративных обязанностей, установленных законом;
- 2) корпоративная ответственность за нарушение корпоративных обязанностей, установленных корпоративными актами (уставом, решениями собраний и иными внутренними документами юридического лица);
- 3) корпоративная ответственность за нарушение корпоративных обязанностей, установленных условиями корпоративного договора или договора о создании юридического лица.

Деление всех указанных видов ответственности на виды достаточно условно. Учитывая разнообразие участников корпоративных отношений, а также множество возможных критериев деления, при конструировании тех или иных видов корпоративной ответственности можно использовать разное их сочетание и смешанные классификации (например, классификация по лицам, привлекаемым к ответственности и применяемым санкциям и т.д.).

Каждый из этих видов корпоративной ответственности будет иметь свои отличительные особенности, включая субъектный состав, основания, условия, негативные последствия и санкции. В этом смысле можно согласиться с высказанным в литературе мнением, согласно которому «при наличии у различных видов ответственности в сфере корпоративных отношений общих черт нельзя говорить об универсальной ответственности в корпоративных правоотношениях, поскольку особенности ответственности различных субъектов корпоративных отношений определяются специфическими основаниями и условиями ответственности для соответствующего вида корпоративного правоотношения»²⁵⁴.

²⁵⁴ Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М., 2018. С. 700 (автор – И.С. Шиткина).

Тем не менее, несмотря на имеющиеся различия, у всех без исключения видов корпоративной ответственности (в том числе и у «квазикорпоративной ответственности», наступающей вне связи с гражданскими правонарушениями) есть то общее, что их объединяет: ответственность наступает в относительных правоотношениях, связанных с управлением юридическим лицом.

Можно выделить некоторые наиболее значимые разновидности ответственности в корпоративных отношениях, которые играют наиболее важную роль в обеспечении справедливого баланса интересов между всеми их участниками:

ответственность управляющих перед юридическим лицом и иными лицами за причинение убытков;

ответственность участников и иных лиц перед кредиторами юридического лица, в том числе субсидиарная ответственность по обязательствам юридического лица;

ответственность за вред, причиненный имущественным правам кредиторов или участников юридического лица;

ответственность за нарушение договоров, связанных с управлением юридическим лицом (корпоративного договора, договора на исполнение функций единоличного исполнительного органа);

исключение участника из юридического лица;

ответственность участников коммерческих корпораций.

Например, имущественная ответственность участников юридических лиц может наступать за неисполнение обязанностей по внесению вкладов в уставный капитал юридического лица (оплате долей участия или акций), ответственность участников юридических лиц за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, выражающаяся в исключении их из юридического лица, ответственность участников полного товарищества перед товариществом за убытки, причиненные нарушением обязанности воздерживаться от совершения сделок, однородных с теми, которые составляют предмет

деятельности товарищества (п. 3 ст. 73 ГК РФ), ответственность членов сельскохозяйственного кооператива за нарушение обязанности личного трудового участия в деятельности кооператива (п. 13 ч. 1 ст. 11 Закона «О сельскохозяйственной кооперации») и т.п.

Особые группы норм составляют положения об ответственности перед кредиторами при реорганизации и банкротстве юридических лиц, а также об ответственности юридических лиц за нарушения законодательства, влекущие принудительную реорганизацию (п. 2 ст. 57 ГК) или ликвидацию юридического лица (абз. 3 п. 2 ст. 61 ГК).

Далее в главе 3 мы рассмотрим наиболее характерные виды ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами.

ГЛАВА III. ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С УПРАВЛЕНИЕМ ЮРИДИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ

§ 1. Ответственность управляющих и иных лиц перед юридическим лицом за причиненные убытки

Поскольку органы юридического лица не являются субъектами гражданско-правовой ответственности, когда речь заходит об определении лиц, несущих ответственность за надлежащее управление юридическим лицом, правильно говорить не об ответственности органов юридического лица, а об ответственности лиц, входящих в органы юридического лица (ответственности управляющих или менеджеров), либо об ответственности управляющей организации или управляющего, действующих по договору с юридическим лицом.

Существует мнение, что ответственность членов органов управления

носит деликтный характер²⁵⁵. Однако данная ответственность наступает за нарушение корпоративных обязанностей, установленных законом и учредительными документами юридического лица. Корпоративные отношения между членами органов управления и юридическим лицом являются относительными, основанными на согласии определенных лиц войти в состав органов юридического лица и выполнять функции органов управления. Ответственность этих лиц не может считаться деликтной, поскольку ее основанием является нарушение относительных корпоративных обязанностей, вытекающих из корпоративных актов. Правильнее говорить о корпоративной ответственности (ответственности за нарушение корпоративных обязанностей), которая отличается как от ответственности за нарушение обязательств (договорной ответственности), так и от ответственности за деликт, и является особым видом гражданско-правовой ответственности.

Ответственность управляющего или управляющей организации, иных лиц, осуществляющих функции единоличного исполнительного органа по договору с юридическим лицом, носит договорный характер и определяется в соответствии с условиями данного договора²⁵⁶. В то же время, поскольку в этом случае устанавливается ответственность за нарушение установленных таким договором обязанностей по надлежащему управлению юридическим лицом, эта ответственность тоже должна считаться разновидностью корпоративной ответственности, равно как и ответственность за нарушение корпоративных обязанностей, установленных корпоративным договором²⁵⁷.

Однако прежде, чем говорить об ответственности членов органов

²⁵⁵См. например: *Суханов Е.А.* Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 198.

²⁵⁶ См. об этом подробнее: *Тычинская Е.В.* Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. М., 2012. С. 125–146.

²⁵⁷ Подробнее об ответственности за нарушение договоров, связанных с управлением юридическим лицом, см. § 5 главы 3 настоящей работы.

юридического лица²⁵⁸, необходимо определиться, за какие неправомерные действия эта ответственность может наступить. И здесь важным является вопрос о тех функциях, которые осуществляют органы юридического лица, и о соответствующих обязанностях лиц, входящих в эти органы, за неисполнение (ненадлежащее исполнение) которых может наступить гражданско-правовая ответственность.

Функции органов юридического лица сводятся к двум видам, соответствующим «внутренним» и «внешним» корпоративным отношениям. Во «внутренних» корпоративных отношениях – это функции, связанные с управлением юридическим лицом, осуществлением соответствующих «внутриуправленческих» корпоративных прав и исполнением обязанностей. Следует отметить, что во «внутренних» отношениях функции органов юридического лица отнюдь не сводятся лишь собственно к управлению юридическим лицом. Существуют органы контроля и надзора за деятельностью юридического лица (например, ревизионная комиссия), а также органы и должностные лица, выполняющие иные функции, обеспечивающие реализацию управленческих функций (например, счетная комиссия, корпоративный секретарь и т.д.). В этом смысле следует говорить о функциях, связанных с управлением юридическим лицом.

Во «внешних» корпоративных отношениях органы юридического лица выполняют функции, связанные с выступлением в обороте от имени юридического лица, по существу – функции законного представителя юридического лица.

Обязанности лиц, входящих в состав органов юридического лица, сообразно этому делятся на две большие группы: 1) обязанности, связанные с

²⁵⁸ Об ответственности членов органов управления см. например: *Шиткина И.* Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // *Хозяйство и право.* 2013. № 3. С. 3–18; *Бойко Т.С., Буркатовский А.А.* Критерии ответственности членов органов управления хозяйственных обществ в свете готовящихся изменений корпоративного законодательства и зарубежного опыта // *Закон.* 2011. № 5. С. 109–127.

надлежащим управлением юридическим лицом или осуществлением иных внутрикорпоративных обязанностей в рамках компетенции соответствующих органов; 2) обязанности, связанные с выступлением от имени юридического лица в гражданском обороте, приобретением для юридического лица гражданских прав и принятием обязанностей в рамках полномочий, предоставленных законом, иным правовым актом или учредительным документом.

Каждая из соответствующих групп обязанностей имеет свою содержательную специфику. Так, «управленческие» обязанности членов органов юридического лица заключаются в приложении максимальных усилий, направленных на достижение эффективного результата деятельности юридического лица (получение максимальной прибыли коммерческой организацией и проч.). Обязанности членов органов юридического лица, выступающих в обороте от имени юридического лица, заключаются в надлежащем осуществлении представительских полномочий, предоставленных законом, иным правовым актом или учредительным документом. При осуществлении как «управленческих», так и «представительских» функций члены органов юридического лица обязаны действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. При этом не исключается совмещение в одном лице «управленческих» и «представительских» функций, например, в лице генерального директора. Следовательно, гражданско-правовая ответственность членов органов юридического лица может наступать либо за неисполнение (ненадлежащее исполнение) «управленческих» и иных связанных с управлением обязанностей, либо за неисполнение (ненадлежащее исполнение) «представительских» обязанностей, либо за то и другое вместе. И в каждом из этих случаев основания наступления ответственности будут разные, поскольку различным будет содержание противоправного поведения (нарушения соответствующих обязанностей).

Кроме того, в законодательстве о юридических лицах существует ряд

обязанностей членов органов юридического лица, установленных не в интересах юридического лица, а непосредственно в интересах участников юридического лица, собственника его имущества или кредиторов. Нарушение таких обязанностей будет являться самостоятельным основанием для привлечения управляющих или юридического лица к ответственности непосредственно перед участниками, собственником имущества юридического лица или кредиторами. Например, согласно абз. 2 п. 2 ст. 71 Закона об акционерных обществах акционер вправе требовать от членов органов управления обществом возмещения ему убытков, причиненных их виновными действиями, нарушающими порядок приобретения акций открытого общества, предусмотренный главой XI.1 Закона.

К сожалению, ГК РФ ни в старой, ни в новой редакции при установлении норм об ответственности управляющих в полной мере не учитывает рассмотренную выше специфику корпоративных отношений с участием органов юридического лица и их членов. Это, в свою очередь, ведет к существенным затруднениям практического применения норм о юридической ответственности управляющих и иных лиц в корпоративных отношениях.

До принятия последних изменений в главу 4 ГК РФ о юридических лицах²⁵⁹ Кодекс закреплял крайне ограниченные возможности по привлечению членов органов управления юридического лица к ответственности за свои недобросовестные действия, связанные с управлением. В частности, п. 3 ст. 53 ГК говорил лишь об ответственности лиц, которые выступают в гражданском обороте от имени юридического лица. Такие лица должны действовать добросовестно и разумно в интересах представляемого юридического лица, а при невыполнении этой обязанности по требованию учредителей (участников) юридического лица, если иное не

²⁵⁹ См. Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

предусмотрено законом или договором²⁶⁰, должны возместить убытки, причиненные юридическому лицу.

Однако от имени юридического лица в гражданском обороте по существу выступают лишь единоличные исполнительные органы юридического лица (директор, генеральный директор)²⁶¹, управляющая организация или управляющий, и в некоторых случаях – участники юридического лица (например, участники полного товарищества). Другие лица, управляющие юридическим лицом (члены правления, советов директоров и т.д.), с формально-юридической точки зрения под действие п. 3 ст. 53 ГК РФ не попадали и не могли на основании этой нормы нести ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу.

Кроме того, ГК РФ не содержал никаких критериев недобросовестного и неразумного поведения управляющих, не регулировал основания и порядок привлечения их к ответственности.

Неблагоприятные последствия действий управляющих могут отражаться не только на юридическом лице, но и на его участниках, а также на собственнике имущества юридического лица (учредителе) или на третьих лицах, которым могут быть причинены убытки. В результате действий управляющих убытки могут быть причинены также кредиторам юридического лица, и в ряде случаев закон допускает при определенных условиях привлечение управляющих к ответственности за убытки,

²⁶⁰ Имелось в виду, что законом или договором может быть установлена возможность предъявлять требования о возмещении убытков не только учредителям (участникам) юридического лица, но и самому юридическому лицу или иным лицам. Формулировка п. 3 ст. 53 ГК РФ (в редакции, действовавшей до 1 сентября 2014 г.) не давала основания утверждать, что законом или договором ответственность управляющих за убытки может быть ограничена или вовсе устранена.

²⁶¹ Об ответственности единоличного исполнительного органа см., например: *Кулинская А.В.* Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа акционерного общества // *Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 11* // под ред. О.Ю. Шилохвоста. М., 2007. С. 119–220; *Маковская А.А.* Основания и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // *Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 329–371; Богатырев Ф. О.* Ответственность директора за убытки, причиненные хозяйственному обществу // Там же. С. 372–403.

причиненные кредиторам, например, при банкротстве юридического лица, если банкротство было вызвано виновными действиями управляющих²⁶². К сожалению, ГК РФ эту ситуацию вообще упускает из виду. Между тем корпоративную обязанность действовать добросовестно и разумно управляющие, как можно предположить, несут не только перед юридическим лицом, но и перед участниками юридического лица, а также перед собственником имущества юридического лица, которые назначают управляющих именно для того, чтобы те приняли на себя обязанность действовать добросовестно и разумно не только в интересах самого юридического лица, но и в интересах назначивших или выдвинувших их участников (учредителя). По существу, управляющие фактически являются агентами назначивших их участников (учредителей), и должны руководствоваться не только интересами юридического лица, но и своих «принципалов». Соответственно, убытки от недобросовестного или неразумного поведения управляющих могут быть причинены не только юридическому лицу, но и его участникам или собственнику его имущества. Кроме того, управляющие несут целый ряд иных корпоративных обязанностей в интересах участников юридического лица или кредиторов, нарушение которых влечет причинение убытков непосредственно участникам или кредиторам.

Данные недостатки ГК РФ стали восполняться в специальных законах, регулирующих правовое положение отдельных видов юридических лиц.

В частности, в ст. 71 Закона об акционерных обществах были включены нормы об ответственности членов советов директоров, коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции), временного единоличного исполнительного органа.

При этом ответственность установлена не только за неразумные или недобросовестные действия этих лиц, связанные с выступлением

²⁶² Об ответственности управляющих (контролирующих лиц) перед кредиторами юридического лица за доведение до банкротства см. § 8 главы 3 настоящей работы.

юридического лица в гражданском обороте, но и за любое ненадлежащее осуществление своих прав и исполнение обязанностей, связанных с управлением акционерным обществом. При определении оснований и размера ответственности должны быть приняты во внимание обычные условия делового оборота и иные обстоятельства, имеющие значение для дела.

Ответственность установлена за виновные действия этих лиц, причинившие обществу убытки. От ответственности освобождаются лица, голосовавшие против решения, которое повлекло причинение обществу убытков, а также не принимавшие участия в голосовании. Если ответственность несут несколько лиц, то они отвечают перед акционерным обществом солидарно.

Право предъявлять требования о возмещении причиненных обществу убытков предоставлено самому акционерному обществу или акционерам, владеющим в совокупности не менее чем 1% голосующих акций общества.

Закон об акционерных обществах также установил аналогичные нормы об ответственности управляющих перед обществом или акционерами за убытки, причиненные их виновными действиями, нарушающими порядок приобретения акций открытого общества, предусмотренный главой XI.1 Закона о приобретении более 30% акций открытого общества.

Нормы о привлечении к ответственности управляющих содержатся и в иных федеральных законах. Так, ст. 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью включает положения об ответственности, аналогичные ст. 71 Закона об акционерных обществах.

Согласно п. 3 ст. 22.1 Закона о рынке ценных бумаг члены органов управления, подписавшие или утвердившие проспект ценных бумаг, несут солидарно субсидиарную ответственность за убытки, причиненные эмитентом инвестору и (или) владельцу ценных бумаг вследствие содержащейся в указанном проспекте и подтвержденной ими недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации.

Статья 25 Закона об унитарных предприятиях содержит положения об ответственности руководителя предприятия за убытки, причиненные его виновными действиями, и наделяет собственника имущества предприятия правом предъявления иска к руководителю о возмещении убытков, причиненных унитарному предприятию.

В части 3 ст. 17 Закона о производственных кооперативах указывается на необходимость отражения в уставе положений об ответственности председателя кооператива за убытки. Однако норм об основаниях и порядке привлечения к ответственности, размере ответственности председателя кооператива сам закон не содержит, оставляя возможность регулирования соответствующих вопросов в уставе кооператива.

Закон о сельскохозяйственной кооперации содержит статью 28, регулиющую ответственность председателя кооператива, членов правления и наблюдательного совета кооператива. Они несут солидарную ответственность за убытки, причиненные кооперативу недобросовестным исполнением своих обязанностей. При этом они освобождаются от ответственности, если их действия были основаны на решении общего собрания, и не освобождаются, если действовали в соответствии с решением наблюдательного совета кооператива. Освобождаются от ответственности члены правления или наблюдательного совета, не присутствовавшие на собрании, голосовавшие против или воздержавшиеся от принятия решения, причинившего убытки. Закон устанавливает перечень случаев, когда члены правления или наблюдательного совета обязаны возместить причиненные убытки (в нарушение закона кооперативом выдан кредит, продается имущество кооператива и т.д.). Привлечение к ответственности указанных лиц отнесено к компетенции общего собрания кооператива (п. 15 ч. 2 ст. 20 Закона о сельскохозяйственной кооперации).

В отношении некоммерческих организаций какие-либо общие положения об ответственности членов органов управления за их неразумные и недобросовестные действия, кроме упоминавшейся ст. 53 ГК РФ, также

отсутствуют. Есть лишь отдельные нормы, которые, однако, имеют частный характер.

Статья 27 Закона о некоммерческих организациях устанавливает лишь ответственность лиц, заинтересованных в совершении некоммерческой организацией тех или иных действий или сделок, т.е. лиц, входящих в состав органов управления и надзора за некоммерческой организацией, состоящих в каких-либо отношениях с организациями или гражданами, с которыми взаимодействует некоммерческая организация. Закон устанавливает обязанность заинтересованных лиц соблюдать интересы некоммерческой организации и возлагает на них ответственность за убытки, причиненные некоммерческой организации. Если убытки причинены несколькими лицами, их ответственность является солидарной.

Однако данные положения применяются в связи с совершением некоммерческой организацией сделок с заинтересованностью и относятся в силу этого лишь к тем членам органов управления, которые являются заинтересованными лицами по смыслу ст. 27 Закона.

Некоторые нормы об ответственности членов органов управления содержатся в законодательстве применительно к отдельным видам некоммерческих организаций. Например, ч. 13 ст. 9.2 Закона о некоммерческих организациях устанавливает ответственность руководителя бюджетного учреждения за убытки, причиненные юридическому лицу в результате совершения учреждением крупной сделки без предварительного согласия учредителя бюджетного учреждения независимо от того, была ли такая сделка признана недействительной.

Таким образом, законодательство о юридических лицах содержит многочисленные нормы, регулирующие ответственность членов органов управления в виде возмещения убытков за ненадлежащее исполнение своих обязанностей. Однако соответствующие нормы содержатся в разных нормативных актах, посвященных отдельным видам юридических лиц, и по-разному регулируют одни и те же по сути отношения.

Между тем гражданско-правовая ответственность членов органов управления разных юридических лиц за ненадлежащее исполнение своих обязанностей имеет одинаковую природу и должна быть единообразна для большинства видов юридических лиц, независимо от их организационно-правовой формы и вида (корпоративные и унитарные, коммерческие и некоммерческие). Соответствующие нормы нуждаются в унификации.

Попытку унификации таких правил со ссылкой на п. 3 ст. 53 ГК РФ²⁶³ предпринял Высший Арбитражный Суд РФ в постановлении Пленума от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»²⁶⁴.

В первом же пункте постановления он ввел правило, выходящее далеко за пределы ст. 53 ГК РФ в действовавшей ранее редакции, а именно – ответственность не только лиц, выступающих от имени юридического лица в гражданском обороте, но и любых иных лиц, входящих в состав органов юридического лица (единоличный исполнительный орган – директор, генеральный директор и т.д., временный единоличный исполнительный орган, управляющая организация или управляющий хозяйственного общества, руководитель унитарного предприятия, председатель кооператива и т.п.; члены коллегиального органа юридического лица – члены совета директоров (наблюдательного совета) или коллегиального исполнительного органа (правления, дирекции) хозяйственного общества, члены правления кооператива и т. п.), именуя их собирательно «директор».

Также в постановлении по существу установлена обязанность всех членов органов юридического лица действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно при осуществлении ими любых прав и любых возложенных на них обязанностей, а не только тех, которые связаны с представительством юридического лица в гражданском обороте. При этом под интересами юридического лица понимаются основные цели его

²⁶³ В редакции, действовавшей до 1 сентября 2014 г.

²⁶⁴ Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.

деятельности²⁶⁵. Установлено, что действия в интересах одного или нескольких участников юридического лица не могут быть признаны действиями в интересах юридического лица, если они осуществлялись в ущерб юридическому лицу.

В постановлении просматривается и еще один обобщающий момент: в нем не указывается, о каких именно органах юридического лица идет речь. Поэтому под «органами» юридического лица, члены которых должны нести ответственность, могут пониматься любые органы юридического лица, а не только те, которые представляют юридическое лицо в гражданском обороте или являются органами управления юридического лица, хотя при составлении текста постановления в первую очередь имелись в виду органы, уже указанные в законах об отдельных видах юридических лиц (исполнительные органы (директор, правление), наблюдательные советы, управляющий или управляющая организация). Однако при постановке вопроса об унификации в законодательстве положений об ответственности управляющих сюда можно отнести любые органы юридического лица (например, контрольно-ревизионные органы) и даже участников юридического лица как членов высшего органа управления юридического лица²⁶⁶.

Ведь нередки случаи, когда убытки обществу могут причинять своими недобросовестными или неразумными действиями не только члены правления или совета директоров, но и участники юридического лица, которые, например, умышленно уклоняются от участия в общем собрании и могут блокировать деятельность юридического лица или одобряют явно

²⁶⁵ При определении интересов юридического лица следует, в частности, учитывать, что основной целью деятельности коммерческой организации является извлечение прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ); также необходимо принимать во внимание соответствующие положения учредительных документов и решений органов юридического лица (например, об определении приоритетных направлений его деятельности, об утверждении стратегий и бизнес-планов и т.п.).

²⁶⁶ Об ответственности участников коммерческих корпораций подробнее см. § 7 главы 3 настоящей работы.

невыгодную для юридического лица крупную сделку или сделку с заинтересованностью. В постановлении Пленума содержатся положения, позволяющие расширительно толковать круг лиц, привлекаемых к ответственности. В частности, установлена возможность привлекать к ответственности не только «директора», но и участников юридического лица, если директор действовал по их указанию или в соответствии с решением участников²⁶⁷. При этом указывается на солидарную ответственность всех лиц, имевших отношение к принятию невыгодного для общества решения²⁶⁸.

В постановлении право требовать возмещения убытков имеют само юридическое лицо или его учредители (участники), которым такое право предоставлено законом. В статье 53 ГК РФ такое право было предоставлено учредителям (участникам), если иное не предусмотрено законом.

На наш взгляд, право предъявлять требование о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу недобросовестными или неразумными действиями управляющих, должно быть предоставлено либо самому юридическому лицу, либо его учредителям (участникам), либо собственнику имущества юридического лица, причем независимо от указания на такое право в специальном законе. Никаких ограничений, ставящих такое право в зависимость от размера доли участия в юридическом лице (как это сделано в Законе об акционерных обществах) быть не должно. Это следует также из того, что участник, заявляя соответствующее требование, действует в первую очередь в интересах юридического лица, а не в своих собственных. Исходя из этого право требовать возмещения убытков по смыслу постановления предоставляется любым участникам, даже таким, которые на момент совершения директором действий (бездействия), повлекших для юридического лица убытки, или на момент непосредственного

²⁶⁷ В Законе о сельскохозяйственной кооперации, напомним, члены органов управления, наоборот, освобождаются от ответственности, если они действовали в соответствии с решением общего собрания.

²⁶⁸ В Законах об акционерных обществах, об обществах с ограниченной ответственностью участники не названы среди лиц, несущих солидарную ответственность в качестве управляющих.

возникновения убытков не было участником юридического лица.

Несмотря на то, что рассматриваемое постановление Пленума ВАС РФ формально относится к любым юридическим лицам, большинство его положений ориентировано на коммерческие организации, поскольку добросовестность действий управляющих (по терминологии постановления – директоров) оценивается с точки зрения их соответствия обычному предпринимательскому риску. В частности, ВАС РФ указал, что «арбитражным судам следует принимать во внимание, что негативные последствия, наступившие для юридического лица в период времени, когда в состав органов юридического лица входил директор, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность возникновения таких последствий сопутствует *рисковому характеру предпринимательской деятельности* (курсив мой – О.Г.). Поскольку судебный контроль призван обеспечивать защиту прав юридических лиц и их учредителей (участников), а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых директорами, директор не может быть привлечен к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в случаях, когда его действия (бездействие), повлекшие убытки, не выходили за пределы обычного делового (предпринимательского) риска».

Однако в связи с тем, что некоммерческие организации также могут осуществлять приносящую доход деятельность, существо которой мало чем отличается от предпринимательской, положения постановления, по нашему мнению, применимы и к ответственности лиц, входящих в состав органов управления некоммерческих организаций.

В то же время недобросовестные и неразумные действия, причинившие убытки юридическому лицу, могут иметь место и вне связи с предпринимательской (приносящей доход) деятельностью коммерческой или некоммерческой организации. Представляется поэтому, что общие положения об ответственности членов органов управления, а также критерии

неразумного и недобросовестного поведения должны быть сформулированы применительно к любым юридическим лицам, в том числе и для случаев нарушения обязанностей и причинения убытков, не связанных с осуществлением юридическим лицом предпринимательской или иной приносящей доходы деятельности.

В постановлении Пленума ВАС РФ много внимания уделяется основаниям привлечения к ответственности директоров юридических лиц и вопросам доказывания этих оснований.

В частности, директор может быть привлечен к ответственности, если: его действия являются недобросовестными и (или) неразумными. При этом ВАС РФ разъяснил, что «арбитражным судам следует давать оценку тому, насколько совершение того или иного действия входило или должно было, учитывая обычные условия делового оборота, входить в круг обязанностей директора, в том числе с учетом масштабов деятельности юридического лица, характера соответствующего действия и т. п.»;

у общества возникли убытки²⁶⁹;

установлена причинная связь между недобросовестными действиями директора и возникновением у юридического лица убытков²⁷⁰.

Недобросовестными и неразумными признаются действия директора, которые выходили за пределы обычного предпринимательского риска. Понятие добросовестных и разумных действий кратко раскрывалось в Кодексе корпоративного поведения (рекомендован распоряжением ФКЦБ РФ

²⁶⁹ При этом Пленум ВАС РФ задолго до появления нормы п. 5 ст. 393 ГК РФ разъяснил, что суд не может отказать во взыскании причиненных юридическому лицу убытков, если не доказан точный их размер. В этом случае суд сам должен определить размер взыскиваемых убытков исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности.

²⁷⁰ Собственно, причинной связи в постановлении практически не уделяется специального внимания, за исключением общего указания о том, что ответственность наступает за убытки, *причиненные* нарушением. Специально о необходимости устанавливать эту причинную связь в документе не говорится. Ничего не говорится в постановлении и о вине как основании гражданско-правовой ответственности, которая по сути отождествляется с неразумными и недобросовестными действиями членов органов юридического лица.

от 04.04.2002 г. № 421/р). Согласно п. 3.1.1. Кодекса, обязанность управляющих действовать добросовестно и разумно в интересах общества означает, что они должны проявлять при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей заботливость и осмотрительность, которых следует ожидать от хорошего руководителя в аналогичной ситуации при аналогичных обстоятельствах. В п. 2.6. Кодекса корпоративного управления (одобрен советом директоров Банка России (письмо Банка России от 10.04.2014 г. № 06-52/2463) отмечается, что члены совета директоров должны действовать добросовестно и разумно в интересах общества и его акционеров на основе достаточной информированности, с должной степенью заботливости и осмотрительности. При этом в соответствии с п. 2.6.1. Кодекса разумные и добросовестные действия членов совета директоров предполагают принятие решений с учетом всей имеющейся информации, в условиях отсутствия конфликта интересов, с учетом равного отношения к акционерам общества, в рамках обычного предпринимательского риска.

Фидуциарную обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах общества условно²⁷¹ можно разделить на две составляющие:

1) обязанность действовать в интересах юридического лица разумно, т.е. с заботливостью и осмотрительностью среднестатистического директора («хорошего заботливого хозяина») в условиях должной информированности и обычного предпринимательского риска (аналог английской *duty of care* (обязанности заботливости));

2) обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно, т.е. не допускать конфликта между собственными личными интересами и интересами управляемого юридического лица, а при наличии такого конфликта действовать в интересах компании (аналог английской *duty*

²⁷¹ Мы говорим об условном разделении данной обязанности, поскольку на практике очень часто нарушение обязанности действовать разумно одновременно свидетельствует и о недобросовестности, и наоборот.

of loyalty (обязанность лояльности))²⁷².

Впрочем, на практике, помимо того, что эти обязанности часто смешиваются, добросовестность часто понимается как более широкое понятие общегражданской добросовестности (ст. 10 ГК РФ), что приводит по существу к безграничной ответственности директора за любые неразумные и (или) недобросовестные действия²⁷³.

Бремя доказывания недобросовестности и неразумности ложится на истца. Это следует из доказательственной презумпции, установленной в п. 5 ст. 10 ГК РФ: «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются». В то же время в постановлении Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 г. № 62 предусмотрена возможность перераспределения бремени доказывания. Обязанность доказывания отсутствия нарушения обязанности действовать добросовестно и разумно может быть возложена судом на директора в случаях, когда истец доказал наличие убытков, а директор недобросовестно отказался дать пояснения или дал недостаточные пояснения о причинах возникновения убытков.

При этом постановлением называется ряд обстоятельств, при которых недобросовестность действий директора считается доказанной (представляется, что эти обстоятельства должны определяться законом, а не разъяснениями высших судебных инстанций).

В частности, недобросовестность считается доказанной, если директор:

1) действовал при наличии конфликта между его личными интересами (интересами аффилированных лиц директора) и интересами юридического лица, в том числе при наличии фактической заинтересованности директора в совершении юридическим лицом сделки, за исключением случаев, когда информация о конфликте интересов была заблаговременно раскрыта и

²⁷² См. также: *Блэк Б., Чеффинс Б., Гелтер М.* и др. Правовое регулирование ответственности членов органов управления: анализ мировой практики. М., 2010. 334 с.

²⁷³ См. об этом: *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 4 (Приложение). С. 8–63.

действия директора были одобрены в установленном законодательством порядке;

2) скрывал информацию о совершенной им сделке от участников юридического лица (например, если сведения о такой сделке в нарушение закона, устава или внутренних документов юридического лица не были включены в отчетность юридического лица) либо предоставлял участникам юридического лица недостоверную информацию в отношении соответствующей сделки;

3) совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица;

4) после прекращения своих полномочий удерживает и уклоняется от передачи юридическому лицу документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица;

5) знал или должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например совершил сделку (голосовал за ее одобрение) на заведомо невыгодных для юридического лица условиях²⁷⁴ или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т.п.).

Неразумность действий считается доказанной, если директор:

1) принял решение без учета известной ему информации, имеющей значение в данной ситуации;

2) до принятия решения не предпринял действий, направленных на получение необходимой и достаточной для его принятия информации, которые обычны для деловой практики при сходных обстоятельствах, в частности, если доказано, что при имеющихся обстоятельствах разумный

²⁷⁴ В постановлении дается определение сделки, совершенной на заведомо невыгодных для юридического лица условиях (когда размер полученного предоставления в два и более раза ниже размера предоставленного юридическим лицом по сделке). При этом сказано, что директор не несет ответственности за невыгодную сделку, если докажет, что она является частью взаимосвязанных сделок, направленных на получение выгоды юридическим лицом, либо если невыгодная сделка направлена на предотвращение еще большего ущерба).

директор отложил бы принятие решения до получения дополнительной информации;

3) совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в данном юридическом лице внутренних процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т.п.).

В дополнение к указанным разъяснениям ВАС РФ Верховный Суд РФ указал, что негативные последствия, наступившие для юридического лица в период времени, когда в состав органов юридического лица входил соответствующий управляющий, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности и (или) неразумности его действий (бездействия), так как возможность наступления таких последствий связана с риском предпринимательской и (или) иной экономической деятельности²⁷⁵.

В данном разъяснении проявляется так называемое «правило бизнес-решения», согласно которому за директором признается право на экономическую ошибку, обусловленную рисковым характером предпринимательской или иной экономической деятельности. Данное правило впервые в отечественном праве получило выражение в правовой позиции Конституционного Суда РФ, который указал, что «судебный контроль призван обеспечивать защиту прав и свобод акционеров, а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых советом директоров и общим собранием акционеров, которые обладают самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса. Следовательно, суды... не оценивают экономическую целесообразность предложенного варианта консолидации акций, поскольку в силу рискованного характера предпринимательской деятельности существуют объективные пределы в возможностях судов выявлять наличие в ней деловых

²⁷⁵ См. п. 25 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

просчетов»²⁷⁶.

В постановлении ВАС РФ также установлены конкретные виды действий директора, за которые он может быть привлечен к ответственности (за неисполнение юридическим лицом публично-правовых обязанностей и за неразумный и недобросовестный выбор и контроль над лицами, действиями которых причинены убытки).

Очень спорным является указание в постановлении на возможность возлагать на директора ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу в результате его привлечения к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т.д.). Такая возможность усматривается из того, что добросовестность директора предполагает надлежащее исполнение юридическим лицом публично-правовых обязанностей²⁷⁷. Однако учитывая, что в силу казуистичности налогового и административного законодательства содержание публично-правовых обязанностей бывает сложно установить даже опытным специалистам, в постановлении сделана оговорка о том, что директор может быть освобожден от ответственности, если докажет, что неправомерность действий, за которые юридическое лицо было привлечено к публично-правовой ответственности, являлась неочевидной, в том числе по причине отсутствия единообразия в

²⁷⁶ П. 2.5 Постановления КС РФ от 24.02.2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830; см также: Определение КС РФ от 16.12.2008 г. № 1072-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Центральная топливная компания» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации».

²⁷⁷ Согласно п. 4 постановления № 62 «Добросовестность и разумность при исполнении возложенных на директора обязанностей заключается в принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством. В связи с этим в случае привлечения юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т.п.) по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора понесенные в результате этого убытки юридического лица могут быть взысканы с директора».

применении законодательства налоговыми, таможенными и иными органами.

В то же время принципиальная возможность возложения на директора обязанности возмещать убытки, причиненные совершением юридическим лицом административных, налоговых и других публично-правовых нарушений, грубо нарушает принцип отделения, размывая грань между публично-правовой ответственностью юридического лица и гражданско-правовой ответственностью директора за свои действия, связанные с управлением юридическим лицом. Переложение на директора обязанности по уплате за юридическое лицо административных штрафов, налоговых недоимок, пеней и т.п. сводит на нет саму конструкцию юридического лица и ведет к отрицанию его самостоятельной имущественной ответственности. Это в полной мере проявляется в настоящее время в судебной практике, которая все больше исходит из того, что директор должен отвечать за все действия всех своих работников, которые привели к привлечению юридического лица к тому или иному виду публично-правовой ответственности, и возмещать в пользу юридического лица все взысканные с него публично-правовые имущественные санкции²⁷⁸.

Также в постановлении предусмотрена весьма спорная возможность привлекать директора к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки действиями иных лиц, выбор и контроль за деятельностью которых входили в обязанности директора. В данном случае директор может привлекаться к ответственности за недобросовестное и (или) неразумное осуществление обязанностей по выбору и контролю за действиями (бездействием) представителей, контрагентов по гражданско-правовым договорам, работников юридического лица, а также ненадлежащей организации системы управления юридическим лицом. При этом нарушение директором обычных процедур выбора и контроля свидетельствует наряду с

²⁷⁸ Детальный анализ соответствующей судебной практики см.: *Степанов Д.И., Михальчук С. Ю.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике // Вестник экономического правосудия. 2018. № 4 (Приложение). С. 119–131.

прочим о его недобросовестности и неразумности (п. 5 постановления № 62).

Круг лиц, которых возможно привлекать к ответственности за неразумные и недобросовестные действия, расширен в постановлении максимально. Из него, как указывалось выше, вытекает возможность привлекать к ответственности также участников юридического лица, дававших указание директору. В постановлении по этому вопросу сказано, что директор несет ответственность независимо от того, одобрены ли его действия иными органами общества, т.к. его обязанность действовать добросовестно и разумно является самостоятельной. Директор не может быть признан действовавшим в интересах юридического лица, если он действовал в интересах одного или нескольких его участников, но в ущерб юридическому лицу. Если действия были недобросовестны или неразумны в отношении юридического лица, то к солидарной ответственности помимо директора могут привлекаться и иные лица, одобрявшие эти действия или дававшие указание об их совершении, в том числе учредители (участники) юридического лица. К этим лицам также отнесены ликвидаторы юридического лица, члены ликвидационной комиссии, внешние или конкурсные управляющие. Включение в число потенциально ответственных лиц также арбитражных управляющих, а также ликвидаторов подтверждает единую правовую природу корпоративных отношений, связанных с управлением юридическим лицом, на всех стадиях существования организации, вплоть до стадий ликвидации и банкротства. Управленческие функции, возлагаемые на тех или иных лиц на любом этапе деятельности юридического лица, требуют соблюдения корпоративной обязанности действовать добросовестно и разумно и влекут за ее нарушение корпоративную ответственность.

При привлечении к ответственности членов органов управления ВАС РФ дал важное указание о необходимости принимать во внимание ограниченные возможности членов коллегиальных органов юридического лица по доступу к информации о юридическом лице, на основании которой

они принимают решения.

Освобождаются от ответственности члены органов управления, голосовавшие против решения или не принимавшие участие в голосовании. При этом постановление вводит уточнение, что освобождаются от ответственности лишь лица, *добросовестно* не принимавшие участие в голосовании.

В постановлении подтверждается компенсаторная природа гражданско-правовой ответственности управляющих. В частности, если ущерб, причиненный юридическому лицу, уже возмещен путем использования иных мер защиты (применение последствий недействительности ничтожной сделки, возмещение убытков непосредственным причинителем вреда (работником юридического лица или контрагентом), взыскания неосновательного обогащения, истребования имущества из чужого незаконного владения и т.д.), то во взыскании с директора убытков должно быть отказано.

Постановление Пленума ВАС РФ наглядно подтверждает, что ответственность лиц, имеющих отношение к управлению юридическим лицом, должна быть унифицирована и конкретизирована непосредственно в ГК РФ по следующим направлениям.

Во-первых, нормы об ответственности управляющих должны быть единообразны вне зависимости от того, является ли юридическое лицо корпоративным или унитарным, коммерческим или некоммерческим.

Во-вторых, круг лиц, привлекаемых к ответственности на общих основаниях, должен быть максимально широким. К ним должны относиться не только директора, но и члены иных органов юридического лица, как органов управления, так и органов контроля и органов, представляющих юридическое лицо в гражданском обороте (единоличный исполнительный орган, совет директоров (наблюдательный совет), правление (дирекция), управляющая организация (управляющий), участники юридического лица, собственник юридического лица, ликвидатор, члены ликвидационной

комиссии, конкурсные или внешние управляющие, члены ревизионной комиссии, попечительских советов, различных комитетов и комиссий, например, члены счетной комиссии²⁷⁹ и т.д.). Также к ответственности должны привлекаться лица, хотя формально не имеющие отношения к управлению юридическим лицом, но имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе давать обязательные для него указания.

В-третьих, ответственность должна быть установлена за неразумные или недобросовестные действия, связанные с любым ненадлежащим осуществлением своих прав и исполнением обязанностей соответствующих лиц (при выступлении юридического лица в гражданском обороте, управлении его деятельностью и контроле за деятельностью юридического лица).

В-четвертых, общим основанием ответственности должна являться вина соответствующих лиц при осуществлении прав и исполнении обязанностей. При этом под недобросовестными и неразумными действиями должны пониматься не только действия, выходящие за пределы обычного предпринимательского риска, но и любые иные действия, не соответствующие обычному осуществлению прав и исполнению обязанностей в аналогичных условиях в зависимости от характера занимаемой конкретным лицом должности и характера деятельности юридического лица. Некоторые примеры недобросовестных и неразумных действий необходимо указать непосредственно в законе.

В-пятых, в законодательстве должно быть установлено общее правило о солидарной ответственности управляющих за вред, причиненный их недобросовестными или неразумными действиями. При этом от ответственности должны освобождаться лица, голосовавшие против решения, которое повлекло причинение юридическому лицу убытков, а

²⁷⁹ См. например: Рубеко Г.Л. Правовой статус органов управления акционерных обществ. М., 2007. С. 82.

также добросовестно не принимавшие участия в голосовании.

В-шестых, ответственность управляющих должна иметь самостоятельный характер и не зависеть от того, были ли действия управляющих основаны на решении или указаниях иных органов и лиц (общего собрания, совета директоров, теневых директоров и т.д.).

В-седьмых, невозможность доказать точный размер убытков не должна являться основанием для освобождения управляющих от ответственности²⁸⁰. В этом случае суд сам должен определить размер взыскиваемых убытков исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности.

В то же время некоторые вопросы ответственности в постановлении, на наш взгляд, остались нераскрытыми. В частности, постановление четко исходит из того, что управляющие отвечают только за убытки, причиненные самому *юридическому лицу*. Соответствующее решение суда принимается в пользу юридического лица, в интересах которого был предъявлен иск. Однако возникает вопрос: могут и должны ли управляющие нести ответственность за убытки, причиненные иным лицам (участникам юридического лица, кредиторам юридического лица)? Очевидно, что да, поскольку такие случаи, хотя и редкие, в настоящее время уже законодательством предусмотрены.

Кроме того, зачастую на практике неисполнение корпоративных обязанностей членами органов управления влечет возникновение так называемых «отраженных» убытков не у самого общества, а у его участников (например, вследствие падения рыночной стоимости акций), которым требуется предоставление полноценной гражданско-правовой защиты. Представляется, что ответственность управляющих в корпоративных отношениях за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно

²⁸⁰ В настоящее время в ГК РФ введено общее правило о том, что суд не может отказать в удовлетворении требования о возмещении убытков только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В этом случае размер убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению (п. 5 ст. 393 ГК РФ в ред. Федерального закона от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ).

в строго определенных законом случаях должна быть установлена не только перед юридическим лицом за причиненные ему убытки, но и перед учредителями (участниками) юридического лица, собственником имущества юридического лица и даже перед кредиторами юридического лица (если речь идет о стадии ликвидации или банкротства), если недобросовестные или неразумные действия управляющих привели к возникновению у них убытков²⁸¹. Это требует установления в законе четкой и недвусмысленной корпоративной обязанности членов органов управления действовать добросовестно и разумно не только в интересах юридического лица, но и в интересах участников или кредиторов юридического лица на стадии ликвидации или банкротства, когда управляющие должны действовать с учетом интересов кредиторов. Например, в случае, если члены совета директоров акционерного общества в ущерб интересам миноритарных акционеров систематически и злонамеренно принимают решения о выплате дивидендов в заниженном размере²⁸², само акционерное общество не терпит никаких убытков, в то время как ущерб причиняется миноритарным акционерам.

Проблемы юридической ответственности органов юридического лица за причиненные убытки были подняты в Концепции развития гражданского законодательства²⁸³. В Концепции говорится о целесообразности «усилить правила статьи 53 ГК РФ об *имущественной (деликтной) ответственности органов юридического лица* перед соответствующим юридическим лицом,

²⁸¹ См. об этом: Кулинская А.В. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа акционерного общества // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 11. М., 2007. С. 194–208; Сыродоева О.Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). М., 1996. С. 75; 110–112. Противоположный подход, отрицающий необходимость включения в законодательство положений об ответственности членов органов управления непосредственно перед акционерами или кредиторами, см.: Тычинская Е.В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества / Под ред. Л.Ю. Михеевой. М., 2012. С. 129–138.

²⁸² Согласно п. 4 ст. 42 Закона об акционерных обществах размер дивидендов не может быть больше размера дивидендов, рекомендованного советом директоров.

²⁸³ Одобрена 7 октября 2009 г. Советом по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

которая должна быть солидарной (при наличии нескольких «волеизъявляющих» органов юридического лица или при их коллективном характере) и, как правило, виновной, наступающей лишь в случаях грубой неосмотрительности (неосторожности) или риска, неоправданного по условиям оборота (например, отчуждение имущества юридического лица при наличии конфликта интересов по существенно заниженной цене, не проявление должной осмотрительности в выборе контрагента и (или) при подготовке условий сделки и т.п.). Нормальный предпринимательский риск, оправданный условиями оборота, должен исключать ответственность указанных лиц»²⁸⁴. Также указывалось о необходимости объявить ничтожными условия договоров между руководителем (иным лицом, представляющим юридическое лицо) и юридическим лицом, ограничивающие или исключающие имущественную ответственность органа (руководителя) юридического лица.

В то же время говорить об *имущественной (деликтной) ответственности органов юридического лица*, на наш взгляд, некорректно сразу по двум основаниям. Во-первых, речь может идти только об ответственности членов органов юридического лица, но не об ответственности самих органов, которые не являются субъектами гражданского права и не могут нести гражданско-правовую имущественную ответственность. Во-вторых, ответственность членов органов юридического лица, на наш взгляд, является не деликтной, а корпоративной, и отличается как от деликтной, так и от договорной ответственности. Основанием такой ответственности, как указывалось выше²⁸⁵, являются не нарушение договора и не общегражданский деликт (причинение вреда), а повлекшее возникновение убытков *нарушение* установленных законом и учредительным документом юридического лица многочисленных и конкретных

²⁸⁴ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., 2009. С. 49–50.

²⁸⁵ См. § 2 главы 2 настоящей работы.

корпоративных обязанностей членов органов юридического лица, важнейшей из которых является обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Содержание этих обязанностей выходит далеко за рамки обязанности просто не причинять вред, нарушение которой является основанием наступления деликтной ответственности. Существо этих обязанностей заключается в том, чтобы проявлять повышенную заботу *об интересах* юридического лица, действовать добросовестно и разумно, о чем в обязательствах из причинения вреда не идет и речи. Лицами, перед которыми члены органов управления несут корпоративную ответственность, не ограничиваются стороной договора (как это бывает в договорной ответственности). Право предъявлять к этим лицам требования о возмещении убытков предоставляется не только юридическому лицу, но и его участникам, а в некоторых случаях – также кредиторам юридического лица (например, при банкротстве юридического лица, вызванного умышленными действиями членов органов управления). Кроме того, в отличие от договорной ответственности, основанной на принципах свободы договора и диспозитивности, корпоративная ответственность управляющих установлена императивно и не может изменяться соглашением сторон. В то же время круг лиц, которые могут предъявлять требования об убытках (юридическое лицо, участники, кредиторы юридического лица), не является произвольным, как это имеет место в гражданско-правовом деликте, при котором любое лицо, которому причинен вред, может заявить требование о его возмещении, причем также к любому лицу, причинившему вред. В корпоративной ответственности этот круг predetermined структурой корпоративных отношений в данном конкретном юридическом лице, наличием с юридическим лицом определенных правовых связей корпоративного свойства.

Кроме того, в отличие от договорной и деликтной ответственности, где действует презумпция вины нарушителя договора или лица, причинившего вред (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ), в корпоративной ответственности

управляющих, наоборот, фактически действует презумпция невиновности лиц, нарушивших корпоративные обязанности действовать добросовестно и разумно (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Бремя доказывания недобросовестности и неразумности лежит на потерпевших. Об особом характере ответственности членов органов юридического лица, не являющейся ни договорной, ни деликтной, уже обращалось внимание в литературе²⁸⁶. Не согласен с таким подходом Ф. О. Богатырев, который, признавая внедоговорный характер гражданско-правовой ответственности членов органов управления, вместе с тем считает, что она носит деликтный характер. Однако критика указанным автором позиции Б.Р. Корабельникова и утверждение о том, что «требование из нарушения *корпоративного отношения* является деликтным требованием», на наш взгляд, малоубедительны и не объясняют, каким образом нарушение корпоративного (относительного) правоотношения и корпоративных обязанностей действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно выступает основанием возникновения требования из обязательства, возникающего вследствие нарушения обязанности всех и каждого не причинять вред другому лицу²⁸⁷.

В последних изменениях главы 4 ГК РФ²⁸⁸ нормы о юридической ответственности лиц, входящих в органы управления юридическим лицом, получили свое дальнейшее развитие. Пожалуй, самым важным является то, что данные нормы теперь прямо касаются всех без исключения юридических лиц (коммерческих, некоммерческих, корпоративных, унитарных и т.д.) и содержат в обобщенном виде правила, содержащиеся сегодня в законах об отдельных видах юридических лиц. Уже имеется и пока немногочисленная

²⁸⁶ См. например, *Корабельников Б.Р.* Трудовые отношения в хозяйственных обществах. М., 2003. С. 80.

²⁸⁷ См. *Богатырев Ф.О.* Ответственность директора за убытки, причиненные хозяйственному обществу // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 383–384.

²⁸⁸ См. Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

судебная практика по привлечению к ответственности управляющих некоммерческих организаций, в том числе руководителей государственных учреждений²⁸⁹.

В частности, уточнена редакция ст. 53 ГК РФ об органах юридического лица, при этом положения об ответственности лиц, входящих в органы юридического лица, из ст. 53 выделены в отдельную новую ст. 53.1, по которой ответственность распространяется не только на лиц, выступающих от имени юридического лица, но и на членов коллегиальных органов юридического лица, а также на лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания членам его органов управления.

Анализ данных изменений ГК позволяет сделать вывод о том, что предпринятая в них попытка унификации правового регулирования ответственности управляющих для всех видов юридических лиц заслуживает в целом положительной оценки.

Правда, и здесь не обошлось без недоразумений, связанных с отнесением органов юридического лица к разновидности представителей, действующих от имени юридического лица. Так, понятие органа юридического лица первоначально определялось в новой редакции ст. 53 ГК РФ²⁹⁰ через выступление в обороте от имени юридического лица. При этом давалась прямая отсылка на отношения представительства (п. 1 ст. 182 ГК РФ).

В связи с отсылкой к статье 182 ГК РФ о представительстве на практике с неизбежностью возникал трудноразрешимый вопрос об

²⁸⁹ См. например: постановление АС Северо-Кавказского округа от 09.11.2016 г. по делу № А53-9682/2012; постановления АС Московского округа от 27.02.2015 г. по делу № А40-47517/2013; от 29.12.2015 г. по делу № А41-70431/2014; от 27.12.2016 г. по делу № А40-159702/2014; от 04.07.2017 г. по делу № А40-153914/2016; от 27.10.2017 г. по делу № А40-168660/2016.

²⁹⁰ Согласно п. 1 ст. 53 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ) «юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие от его имени (п. 1 ст. 182) в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом».

оформлении полномочий органа юридического лица как его представителя. С одной стороны, в п. 1 ст. 53 ГК РФ говорилось, что орган действует от имени юридического лица в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом, что давало основания полагать, что полномочия органа при представлении юридического лица в гражданском обороте, как и прежде, должны подтверждаться соответствующим учредительным документом и протоколом об избрании (назначении). С другой стороны, в п. 1 ст. 182 ГК РФ, к которой отсылала статья 53, говорилось, что полномочия представителя основаны на доверенности, указании закона, либо акте государственного органа или органа местного самоуправления, либо – могут явствовать из обстановки, в которой действует представитель. Непонятно при этом, каким образом полномочия директора могли бы подтверждаться «обстановкой», или как было возможно на директора, действующего от имени юридического лица без доверенности, оформлять доверенность с соответствующими полномочиями. Если же при этом имелось в виду, что директору могут по доверенности предоставляться дополнительные полномочия, отличающиеся от тех, которые указаны в учредительном документе (в том числе в норму «закладывалась» возможность назначения по доверенности второго директора), то это, как справедливо отмечалось в печати, потребовало бы публичной демонстрации соответствующих полномочий на представительство в гражданском обороте для всех заинтересованных третьих лиц посредством раскрытия сведений о них в публичном государственном реестре, для чего нужно будет вносить поправки в Закон о государственной регистрации юридических лиц²⁹¹.

Отождествляя органы юридического лица с понятием представителя, законодатель тем самым функции органов юридического лица фактически свел лишь к «внешним» корпоративным отношениям – представительству юридического лица в гражданском обороте. Однако не всякий орган

²⁹¹ См. Суханов Е.А. «Корпоративное соглашение – это бомба под весь наш оборот». Интервью номера // Закон. 2014. № 7.

представляет юридическое лицо в гражданском обороте. Есть органы юридического лица (и таких большинство), которые осуществляют управленческую или иную связанную с ней компетенцию «внутри» юридического лица, не приобретают гражданские права и обязанности от имени юридического лица, например, общее собрание, совет директоров, ревизионная комиссия, попечительский совет и т.д.

Поэтому терминология новой редакции п. 1 ст. 53 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ) была непоследовательна и противоречива, актуальна до включения корпоративных отношений (как отношений, связанных с управлением) в предмет гражданского права. До этого момента роль и значение органов юридического лица в гражданских правоотношениях действительно могла сводиться к приобретению гражданских прав и обязанностей для юридического лица в гражданском обороте. То, что юридическое лицо, а также его участники выступали с помощью органов юридического лица во внутрикорпоративных отношениях, было неочевидно. Неочевидность этого усиливалась также многочисленными дискуссиями об отраслевой принадлежности корпоративных отношений и корпоративного права.

Теперь же корпоративные отношения как отношения, связанные с управлением юридическим лицом, являются составной частью гражданского права. В соответствии с п. 4 ст. 53 ГК РФ «отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов, регулируются настоящим кодексом и принятыми в соответствии с ним законами о юридических лицах». Тем самым статья 53 ГК РФ прямо признает гражданско-правовыми корпоративные отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов.

В связи с этим роль органов юридического лица именно в гражданских правоотношениях более разнообразна. Она не сводится исключительно к представительству юридического лица в гражданском обороте, но также в полной мере распространяется на «внутренние» отношения по управлению

юридическим лицом. Именно этим объясняется появление в главе о юридических лицах такой категории как компетенция органов юридического лица. Надо полагать, что данная категория применима к отношениям по управлению юридическим лицом в рамках «внутрикорпоративных» отношений.

В связи с этим законодателем была исправлена очевидная ошибка и восстановлена прежняя редакция п. 1 ст. 53 ГК РФ²⁹², которая, как это ни парадоксально, более соответствовала идее о включении «внутрикорпоративных» отношений в предмет гражданского права, чем ее редакция, вступающая в силу с 1 сентября 2014 г. Так, согласно восстановленной «старой» редакции п. 1 ст. 53 «юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом». Здесь нет упоминания о том, что органы действуют «от имени» юридического лица, равно как и нет ссылки на ст. 182 ГК о представительстве. Это позволяет в свете включения корпоративных отношений (и корпоративных прав соответственно) в предмет гражданского права толковать приведенную норму таким образом, что деятельность органов охватывает как «внутрикорпоративную» функцию (юридическое лицо приобретает гражданские (корпоративные, управленческие) права и принимает на себя гражданские (корпоративные, «управленческие») обязанности), так и функцию законного представительства (приобретает общегражданские права и принимает общегражданские обязанности в результате совершения сделок и иных действий в гражданском обороте от имени юридического лица).

Одновременно в абз. 2 п. 1 ст. 53 ГК РФ говорится, что порядок образования и компетенция органов юридического лица определяются законом и учредительным документом.

²⁹² См. Федеральный закон от 29.06.2015 г. № 210-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 4001.

Однако, если говорить об отношениях представительства, то уместно выражение «полномочия» представителя, а не компетенция. Компетенция возникает у органа юридического лица во «внутренних» отношениях, а не в отношениях представительства юридического лица в гражданском обороте. Кстати, в новой редакции ГК РФ эта мысль прослеживается. Так, относительно представительства юридического лица в гражданском обороте несколькими лицами ст. 53 ГК РФ говорит именно о полномочиях, а не о компетенции соответствующих лиц: «учредительным документом может быть предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам, действующим совместно или независимо друг от друга» (абз. 3 п. 1)²⁹³.

В новой редакции ст. 53 ГК РФ (п. 3) обязанность действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно распространяется не только на лиц, действующих от имени юридического лица «вовне», но и на членов коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т.п.). Введение такой обязанности для членов коллегиальных органов юридического лица сделало возможным привлекать к ответственности за недобросовестные и неразумные действия не только лиц, представляющих юридическое лицо, но и членов коллегиальных органов (правления, совета директоров и т.п.). При этом не сказано, что это должны быть лишь органы управления юридическим лицом.

Как видно из текста статьи 53.1 ГК РФ, к ответственности могут быть привлечены три категории лиц:

1) лица, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени;

²⁹³ При этом сохранена норма ГК РФ о том, что от имени юридического лица могут выступать участники в случаях, предусмотренных ГК РФ (в прежней редакции было «в случаях, предусмотренных законом»).

- 2) члены коллегиальных органов юридического лица²⁹⁴;
- 3) лица, имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе давать обязательные указания лицам, действующим от имени юридического лица или членам его коллегиальных органов.

Общим основанием ответственности всех этих лиц является вина. При этом для привлечения лица к ответственности необходимо доказать, что при осуществлении прав и исполнении обязанностей (любых, как «представительских», так и «управленческих») лицо действовало недобросовестно или неразумно, в том числе, если его действия не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску («правило делового решения»)²⁹⁵.

Тем самым недобросовестность и неразумность, составляя особый вид противоправного поведения, одновременно по смыслу ГК РФ подтверждают и виновность управляющего. Фактически недобросовестное и неразумное поведение отождествляется также с виной, которая в гражданском праве носит объективный характер (несоответствие поведения обычному предпринимательскому риску, несоответствие обычным условиям гражданского оборота). Данные формулировки согласуются с общим определением вины в гражданском праве, согласно которому «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства» (абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ).

При этом признаки неразумного и недобросовестного поведения в

²⁹⁴ Освобождаются от ответственности лица, голосовавшие против решения или добросовестно не участвовавшие в голосовании.

²⁹⁵ О содержании обязанности действовать добросовестно и разумно см. например: *Будылин С.Л.* Разум и добрая совесть: обязанности директора в США, Великобритании и России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 2. С. 10–40; *Шапков Ю.В.* Фидуциарные обязанности директора: от англо-американской доктрины к российской корпоративной практике // Закон. 2009. № 12. С. 216–227.

общих чертах определены не только для юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность (несоответствие обычному предпринимательскому риску), но и для иных юридических лиц (несоответствие обычным условиям гражданского оборота). Бремя доказывания вины, в отличие от общего правила, установленного в п. 2 ст. 401 и в п. 2 ст. 1064 ГК РФ, в силу общей презумпции п. 5 ст. 10 и п. 1 ст. 53.1 ГК РФ фактически лежит на лице, требующем возмещения убытков.

Поэтому ГК РФ по существу исходит из того, что недобросовестность и неразумность действий управляющих *одновременно* подтверждают два обстоятельства: 1) нарушение особой корпоративной обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно (противоправность поведения); 2) вину лица, причинившего убытки.

Поэтому основанием корпоративной ответственности управляющих является нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно, которое по смыслу ГК РФ одновременно составляет два элемента состава корпоративного правонарушения: противоправность и виновность.

Вместе с тем, такой подход, который по существу отождествляет неразумные и недобросовестные действия директора с его виной за причинение юридическому лицу убытков, представляется не совсем верным. Если в случае недобросовестных действий такой подход справедлив, поскольку недобросовестность действий директора одновременно является признанием его виновности, то в отношении неразумных действий такого же вывода для любых случаев сделать нельзя. Например, директор совершает сделку, невыгодную юридическому лицу, и общество терпит от этого убытки. Действия директора при этом являются объективно неразумными. Однако следует помнить, что в крупных организациях любое решение директора, как правило, зависит от информации, которую готовят иные работники юридического лица (юристы, бухгалтеры, экономисты и т.д.). Не исключена ситуация, когда к совершению невыгодной сделки директора склонили работники общества, а директор, подписывая сделку,

добросовестно заблуждался или даже был обманут, основываясь на ложной информации о планируемой сделке²⁹⁶. Если соответствующие обстоятельства будут доказаны, это означает невиновность директора и отсутствие оснований для привлечения его к ответственности, несмотря на то, что он нарушил обязанность действовать в интересах общества разумно, а общество понесло убытки.

Следовательно, неразумность действий директора не может отождествляться с виной в причинении убытков. Неразумные действия директора могут подтверждать лишь нарушение директором обязанности действовать в интересах юридического лица разумно, т.е. противоправность поведения.

Что касается другого условия гражданско-правовой ответственности (вины), то она должна устанавливаться отдельно. При этом, если бремя доказывания неразумности действий директора лежит в силу п. 5 ст. 10 ГК РФ на лице, требующем возмещения убытков, то бремя доказывания отсутствия вины директора, наоборот, в силу п. 2 ст. 401 ГК РФ лежит на директоре. Представляется поэтому, что соответствующие положения должны быть отражены непосредственно в ГК. Неразумность действий директора как элемент противоправного поведения должна отличаться от вины как субъективного основания ответственности.

Особо следует обратить внимание на то, что нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно как противоправное поведение следует рассматривать отдельно от нарушения иных корпоративных обязанностей, установленных нормами закона или внутренних документов юридического лица.

В связи с этим привлечение лица к ответственности возможно и в тех случаях, когда оно соблюдало все законы, учредительные или иные внутренние документы юридического лица, должностную инструкцию и т.д.,

²⁹⁶ Не всегда в подобных ситуациях директор должен нести ответственность за недобросовестный или неразумный выбор или назначение соответствующих работников.

т.е. с точки зрения традиционно понимаемой законности действовало абсолютно правомерно. Однако если при этом его действия были недобросовестными и (или) неразумными, то лицо будет признано нарушившим обязанность действовать добросовестно и разумно и должно нести ответственность за причиненные убытки. Например, директор, действуя в пределах своих полномочий, вступил в сговор с контрагентом и произвел продажу имущества по цене ниже рыночной, или по рыночной цене, но на момент продажи директору и его недобросовестному контрагенту была известна инсайдерская информация о том, что на следующий день цена на это имущество многократно возрастет. В этом случае налицо недобросовестность действий директора, причинившего юридическому лицу убытки. Неразумность действий директора можно проиллюстрировать примером, когда он непропорционально распределяет премиальный фонд, отдавая предпочтение одним работникам в ущерб интересам других, не менее заслуживающих поощрения. В литературе совершенно правильно отмечалось по этому поводу, что «...даже если директор не нарушает какой-либо специальный закон (иной нормативный акт, обычай), какое-либо условие трудового договора, учредительные документы или локальные акты, его действия будут считаться противоправными, если будет доказано, что директор действовал недобросовестно либо без должной осмотрительности»²⁹⁷.

С другой стороны, не исключены ситуации, когда член органа управления нарушил какие-либо формальные обязанности, но при этом действовал в интересах юридического лица добросовестно и разумно, например, совершил чрезвычайно выгодную для общества крупную сделку без необходимого одобрения общим собранием или советом директоров, так

²⁹⁷ *Богатырев Ф.О.* Ответственность директора за убытки, причиненные хозяйственному обществу // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 388. См. также: *Иванов И., Теселкин Ф.* Юридическая ответственность руководителей российских компаний // Корпоративный юрист. 2005. № 4. С. 4.

как ожидание необходимого одобрения повлекло бы упущение возможности совершить такую сделку. В такой ситуации, несмотря на нарушение обязанности получить одобрение иных органов общества, действия директора должны быть признаны добросовестными и разумными, совершенными в интересах общества, и оснований для привлечения его к ответственности не имеется. Иначе считает А. А. Маковская, говоря о том, что «поведение руководителя акционерного общества не может считаться добросовестным и разумным, если он не соблюдает нормы законов и иных нормативных актов, а также положения устава и иных документов общества, т.е. соблюдение указанных актов является «необходимым» условием признания поведения руководителя добросовестным и разумным»²⁹⁸. Представляется, однако, что обязанность действовать в интересах общества добросовестно и разумно, установленная корпоративным законодательством, носит самостоятельный характер и напрямую не связана с обязанностью соблюдать законы, положения устава и иные документы общества. Поэтому возможны ситуации, когда руководитель формально нарушает какие-либо положения законодательных актов или внутренних документов юридического лица (и может на этом основании быть привлечен, например, к административной ответственности), но при этом действует безупречно с точки зрения исполнения обязанности действовать в интересах общества добросовестно и разумно. Из этого можно сделать вывод, что соблюдение указанных актов отнюдь не всегда является «необходимым» условием признания поведения руководителя добросовестным и разумным, как полагает А.А. Маковская. Иногда поведение руководителя может быть признано добросовестным и разумным даже несмотря на нарушение законов и внутренних документов юридического лица, если при этом он действовал в интересах юридического лица.

²⁹⁸ *Маковская А.А.* Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006. С. 359.

Следует приветствовать прямое установление в ст. 53.1 ГК РФ солидарной ответственности нескольких лиц, если вред причинен несколькими лицами. Положительно можно оценить и правило о ничтожности соглашений об ограничении или устранении ответственности управляющих и иных лиц, определяющих действия юридического лица.

Право предъявлять к виновным лицам требование о возмещении убытков принадлежит как самому юридическому лицу, так и его учредителям (участникам). Кроме того, в соответствии с п. 4 ст. 65.3 ГК РФ в корпоративных организациях такое право принадлежит также членам коллегиального органа управления корпорации (наблюдательного или иного совета). По смыслу п. 4 ст. 65.3 ГК РФ речь идет только о членах коллегиального органа управления, осуществляющего функцию контроля за деятельностью исполнительных органов корпорации. На членов коллегиальных исполнительных (например, правления) и иных коллегиальных органов общества (например, ревизионной комиссии) право предъявлять требование о возмещении убытков не распространяется.

Право требовать возмещения причиненных корпорации убытков, действуя от имени корпорации, является теперь одним из основных корпоративных прав участников любых корпораций (абз. 5 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ), как коммерческих, так и некоммерческих. При этом ГК РФ не содержит²⁹⁹ никаких оговорок о том, что это право может быть сопряжено с какими-либо условиями в специальных законах. Из этого следует вывод о том, что ограничения указанного права (в том числе путем установления минимального «порога» владения акциями (долями), как это предусмотрено в Законе об акционерных обществах) не могут быть установлены.

Вместе с тем для корпоративных организаций ГК РФ вводит дополнительное условие реализации корпорацией или ее участниками права

²⁹⁹ В отличие от, например, права участников корпорации обжаловать решения органов корпорации, влекущие гражданско-правовые последствия, которое принадлежит участникам лишь в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом (абз. 4 п. 1 ст. 65.2 ГК РФ).

требовать с виновных лиц возмещения убытков. Согласно п. 2 ст. 65.2 ГК РФ корпорация или участники, требующие возмещения причиненных корпорации убытков, должны принять разумные меры по заблаговременному уведомлению других участников корпорации и самой корпорации о намерении обратиться с такими требованиями в суд, а также предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу³⁰⁰. Это сделано для того, чтобы к иску о возмещении убытков могли присоединиться все заинтересованные участники юридического лица в целях исключить ситуацию, когда за одно и то же нарушение управляющие привлекаются к ответственности различными лицами в разных судебных процессах.

Участники корпорации, не присоединившиеся к иску о возмещении убытков в порядке процессуального соучастия³⁰¹, лишаются права на последующее обращение в суд с тождественными требованиями, если только суд не признает причины этого обращения уважительными³⁰². Такой порядок предъявления требований о возмещении убытков в корпоративных организациях следует признать обоснованным и соответствующим принципу процессуальной экономии. Этот порядок распространяется также на членов коллегиального органа управления корпорации, имеющих право требовать возмещения причиненных корпорации убытков (п. 4 ст. 65.3 ГК РФ).

Вместе с тем при анализе положений ст. 53 и 53.1 ГК РФ возникает множество вопросов, которые, на наш взгляд, должны быть разрешены при дальнейшей унификации норм о юридической ответственности управляющих юридических лиц.

³⁰⁰ Порядок уведомления о намерении обратиться в суд с иском может быть предусмотрен законами о корпорациях и учредительным документом корпорации. Для акционерных обществ такой порядок предусмотрен статьей 93.1 Закона об АО (в ред. Федерального закона от 29.06.2015 г. № 210-ФЗ). Отдельные разъяснения по порядку соответствующего уведомления содержатся в п. 33 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25.

³⁰¹ Возможность присоединения к требованиям предусмотрена процессуальным законодательством (п. 1 ст. 46 АПК РФ и ст. 40 ГПК РФ).

³⁰² Такой же порядок в п. 2 ст. 65.2 ГК РФ установлен в отношении требований участников корпорации о признании сделки корпорации недействительной или применении последствий недействительности сделки.

В частности, остается неясным, могут ли специальные законы содержать особенности привлечения к ответственности управляющих и иных лиц, причинивших убытки юридическому лицу, отличающиеся от общих правил ГК РФ.

С одной стороны, ст. 53.1. ГК РФ, непосредственно относящаяся к ответственности управляющих, не содержит никаких отсылок к иным законам и не предусматривает включение в них каких-либо иных правил, что предполагает принципиальную невозможность в этих законах как-либо регулировать указанные вопросы, тем более, включать правила, отличные от ГК РФ. В таком случае все положения об ответственности управляющих в специальных законах, отличающиеся от ГК РФ, должны быть отменены, а до их отмены считаться недействующими на основании абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ³⁰³.

Однако, несмотря на наличие прямой записи в ГК РФ о его приоритете над специальными гражданско-правовыми законами, никаких оснований для такого приоритета у ГК РФ в настоящее время не имеется. Напомним, что все части Кодекса (в том числе часть первая, содержащая общие положения о юридических лицах) были приняты в форме обычного федерального закона, который имеет точно такую же юридическую силу, как и другие федеральные законы, посвященные отдельным видам юридических лиц. С другой стороны, в п. 4 ст. 53 ГК РФ указывается, что «отношения между юридическим лицом и лицами, входящими в состав его органов, регулируются настоящим Кодексом и принятыми в соответствии с ним законами о юридических лицах». Данная формулировка позволяет в иных законах устанавливать особенности привлечения к ответственности управляющих в юридических лицах различных видов, в то же время такие особенности не должны входить в противоречие с ГК РФ. Кроме того, обращает на себя внимание, что иные законы, которыми могут

³⁰³ «Нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу».

регулируемые соответствующие отношения, должны являться *законами о юридических лицах*. Законы, не являющиеся законами о юридических лицах, отношения между членами органов юридического лица и юридическими лицами регулировать не могут.

Отдельного рассмотрения заслуживает соотношение норм об ответственности управляющих, установленных гражданским законодательством о юридических лицах, и норм об ответственности руководителей юридического лица, установленных трудовым законодательством. На наш взгляд, поскольку речь идет о возмещении убытков, приоритет имеют нормы гражданского законодательства³⁰⁴. Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснение, согласно которому по правилам гражданского законодательства руководитель организации возмещает причиненные юридическому лицу убытки лишь в случаях, прямо предусмотренных законами, что полностью соответствует обосновываемому нами принципу специалитета корпоративной ответственности. В остальных случаях руководитель отвечает за прямой действительный ущерб по нормам ст. 277 Трудового кодекса РФ³⁰⁵.

Полагаем, что правильным решением являлось бы такое толкование соотношения норм ГК РФ и иных законов о корпоративной ответственности, согласно которому иные федеральные законы могут содержать лишь особенности правового регулирования ответственности управляющих за убытки, причиненные по их вине юридическому лицу, однако эти особенности не могут противоречить общим положениям ст. 53.1 ГК РФ. Однако такое толкование (равно как и любое другое) в условиях

³⁰⁴ Подробнее об этом см.: *Маковская А.А.* Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // *Убытки и практика их возмещения: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова*. М., 2006. С. 335–343.

³⁰⁵ См. п. 5 и 6 постановления Пленума ВС РФ от 02.06.2015 г. № 21 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. 2015. № 7.

существования «двухуровневой» модели³⁰⁶ корпоративного законодательства неочевидно, и для доведения унификации норм об ответственности во всех юридических лицах до логического конца необходимо, по нашему, изъять их из отдельных федеральных законов и полностью кодифицировать в ГК РФ.

При этом соответствующие нормы об ответственности управляющих и иных лиц должны быть более четко структурированы и унифицированы исходя из того, что ответственность управляющих является разновидностью *корпоративной ответственности* - особого вида гражданско-правовой ответственности (наряду с договорной и деликтной), возникающей в связи с нарушением управляющими *своих корпоративных* обязанностей, установленных законом и учредительными документами юридического лица. Общего указания на обязанность управляющих действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно совершенно недостаточно.

Принципиально важное значение имеет как *персонализация* корпоративной ответственности (директор должен отвечать за свои *собственные* действия, а не за действия третьих лиц (работников, представителей, контрагентов по договорам), так и *дифференциация* гражданско-правовой ответственности директора и публично-правовой ответственности самого юридического лица (директор по общему правилу не должен нести перед организацией ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу в связи с уплатой им штрафных санкций за административные, налоговые, таможенные и другие правонарушения юридического лица). Как верно отмечается в литературе, «статус правонарушителя в публичном праве определяет и меру ответственности, а простой механистический перенос одной и той же санкции с одной категории правонарушителей на другую противоречит базовым принципам публично-правовой ответственности» и «входит в глубинное противоречие с

³⁰⁶ По модели «Кодекс плюс специальный закон».

логикой административной ответственности»³⁰⁷. При этом, в отличие от коммерческих операций, по которым директор защищен правилом «бизнес-решения», по действиям директора, повлекшим привлечение организации к публично-правовой ответственности, такое правило не действует. В связи с этим требуется выработка на законодательном уровне конкретных отступлений от общего правила о раздельной имущественной корпоративной ответственности директора и имущественной публично-правовой ответственности самого юридического лица, когда директор лишь в исключительных случаях может привлекаться к ответственности за причиненные юридическому лицу убытки в связи с выплатой публичных штрафных имущественных санкций. При этом даже в таких случаях, исходя из совершенно разного масштаба публичных штрафных санкций, которые могут применяться к физическому лицу и к организации, требуется установление на законодательном уровне принципиальной возможности снижения такой ответственности директора с учетом его имущественного положения и других заслуживающих внимания обстоятельств, что следует и из правовой позиции Конституционного Суда РФ применительно к возможности уменьшения размера гражданско-правовой ответственности директора перед бюджетом за вред, причиненный налоговым преступлением, исходя из принципов соразмерности, справедливости и пропорциональности любой юридической ответственности³⁰⁸. И уж вовсе не может быть речи о возложении на директора обязанности возмещать неуплаченные юридическим лицом недоимки по налогам, что означало бы переложение на директора исполнять налоговую обязанность вместо юридического лица и фактическую уплату им суммы налога, взимаемого с юридического лица, без соответствующего экономического основания.

В ряде случаев закон устанавливает корпоративные обязанности

³⁰⁷ Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Указ.соч., С. 121.

³⁰⁸ См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 г. № 39-П.

управляющих не в интересах юридического лица, а в интересах его участников (например, уведомлять участников о повестке дня и сроках проведения общего собрания), и даже в интересах кредиторов юридического лица (например, уведомлять кредиторов о реорганизации юридического лица, не доводить общество до банкротства в ущерб интересам кредиторов).

Наиболее важные корпоративные обязанности управляющих, нарушение которых влечет за собой корпоративную ответственность, должны быть более четко обозначены и систематизированы в ГК РФ. В противном случае будет продолжаться пока еще имеющаяся невнятная судебная практика привлечения руководителей к ответственности непонятно за какие нарушения³⁰⁹. Все корпоративные обязанности управляющих должны быть разделены на две большие группы: связанные с управлением юридическим лицом и с выступлением от его имени в гражданском обороте. Отдельно могут быть выделены обязанности перед юридическим лицом, перед участниками юридического лица, а также перед кредиторами юридического лица. Ответственность управляющих непосредственно перед кредиторами достаточно редко, но все же имеет место в корпоративном законодательстве, что дает повод говорить о наличии в ряде случаев корпоративных обязанностей управляющих непосредственно перед кредиторами юридического лица. Причем такие корпоративные обязанности перед кредиторами могут представлять собой как обязанность действовать при управлении добросовестно и разумно с учетом интересов кредиторов (в тех случаях, когда на стадии банкротства или ликвидации юридического лица в условиях недостаточности его имущества управляющие по существу выполняют функции агентов кредиторов), так и иные корпоративные обязанности перед кредиторами, прямо установленные законом (по уведомлению кредиторов о тех или иных существенных корпоративных

³⁰⁹ См. об этом: *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике // Вестник экономического правосудия. 2018. № 4 (Приложение). С. 56–61.

событиях и т.п.). Описание и систематизация этих обязанностей (и соответствующей корпоративной ответственности управляющих) безусловно, способствовало бы в конечном итоге достижению оптимального баланса интересов всех участников корпоративных отношений, защите прав и законных интересов как кредиторов, так и управляющих.

Кроме того, могут быть выделены отдельные обязанности (общие для всех юридических лиц и специальные для отдельных организационно-правовых форм или видов), за нарушение которых следует ответственность в виде возмещения юридическому лицу, его участникам или кредиторам убытков. Например, А.В. Кулинская предлагает (применительно к акционерному обществу) предусмотреть специальные нарушения, являющиеся основаниями требования к управляющим о возмещении убытков (нарушения, связанные с выплатой дивидендов по акциям общества, выработкой рекомендаций по размеру и порядку их выплаты, определением рыночной стоимости имущества, организацией бухгалтерского учета, неверной организации ведения и хранения реестра акционеров, несообщение акционерам информации о проведении общего собрания, нарушение порядка определения рыночной стоимости, размещения, приобретения и выкупа обществом своих акций (в интересах акционеров, кредиторов общества, а также третьих лиц, намеренных приобрести акции общества) и т.д.)³¹⁰.

Также следует выделять корпоративные обязанности членов органов юридического лица и должностных лиц, реализующих не управленческие, а иные функции (контроля и надзора и т.п.).

Только имея четкие представления о круге корпоративных обязанностей членов органов юридического лица и его должностных лиц, можно делать выводы о правомерности (или неправомерности) их поведения и систематизировать нормы о юридической ответственности. Необходимость

³¹⁰ См.: Кулинская А.В. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа акционерного общества // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 11. М., 2007. С. 193, 202.

систематизации норм об управлении юридическим лицом, правомерном и неправомерном поведении лиц, занимающих должности в органах управления юридических лиц, поддерживается многими исследователями³¹¹.

Возникает много вопросов и к субъектному составу лиц, участвующих в отношениях по привлечению к ответственности.

Во-первых, в законе говорится только об ответственности за убытки, причиненные самому юридическому лицу. Вместе с тем, как указывалось выше, убытки недобросовестными и неразумными действиями управляющих могут быть причинены и участникам (учредителям) юридического лица или собственнику его имущества, а также кредиторам общества и иным третьим лицам (так называемые «*отраженные убытки*»), что, на наш взгляд, должно получить отражение в ГК РФ, тем более, что обязанность управляющих возмещать убытки участникам (акционерам) и кредиторам (например, при банкротстве) в настоящее время уже предусмотрена ГК РФ, законами о хозяйственных обществах и законом о несостоятельности³¹². Например, при восстановлении утраченного корпоративного контроля управляющие могут нести ответственность перед участником юридического лица в виде возмещения причиненных ему убытков в случае, если были виновны в утрате участником доли в коммерческой корпорации. Так, в соответствии с п. 3 ст. 65.2 ГК РФ участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом, *а также возмещения убытков за счет лиц, виновных в утрате доли*. Если же суд отказывает участнику в возвращении доли участия, и доля остается у добросовестного владельца, то с лиц, виновных в

³¹¹ См. например: *Габов А.В.* Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 78.

³¹² Федеральный закон от 26.10.02 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190 (с последующими изменениями) (далее также – «Закон о банкротстве»).

утрате доли, *взыскивается справедливая компенсация, определяемая судом.* Несмотря на то, что к ответственности по этой статье привлекаются «третьи лица», виновные в утрате доли, тем не менее на практике такими «третьими лицами» чаще всего оказываются члены органов хозяйственного общества.

Ответственность управляющих перед участниками юридического лица, а также перед кредиторами предусмотрена и в зарубежном праве. Например, ответственность управляющих перед максимально широким кругом лиц (обществом, акционерами, кредиторами) предусмотрена в главе 6 Швейцарского обязательственного закона³¹³. Ответственность членов правления акционерного общества перед кредиторами установлена в Законе об акционерных обществах Германии (абз. 5 параграфа 93)³¹⁴. В Коммерческом кодексе Франции (ст. L. 225- 251), а также во Французском гражданском кодексе (ст. 1850) предусмотрена ответственность управляющих перед акционерами и кредиторами акционерного товарищества за убытки, причиненные в результате нарушения ими как законов или регламентов об акционерных товариществах, так и за нарушения устава, а также за виновные действия, которые они совершили при осуществлении управления делами товарищества³¹⁵.

При установлении соответствующих норм непосредственно в ГК РФ должны быть четко отграничены случаи ответственности управляющих перед акционерами, кредиторами и иными третьими лицами в рамках корпоративных отношений (корпоративной ответственности) от деликтной ответственности управляющих перед теми же лицами, не связанной с нарушением ими корпоративных обязанностей, а также от ответственности перед такими лицами самого юридического лица. При этом строго должен соблюдаться специалитет корпоративной ответственности: отраженные

³¹³ См.: Швейцарский обязательственный закон [Текст]: федеральный закон о дополнении Швейцарского гражданского кодекса (часть пятая: Обязательственный закон): от 30 марта 1911 г. : (по состоянию на 1 марта 2012 г.) / пер. с нем., фр. [Н. Гайдаенко Шер, Маркус Шер]. Москва ; Берлин, 2012.

³¹⁴ Германское право. Часть II. Торговое уложение и другие законы. М., 1996.

³¹⁵ Коммерческий кодекс Франции. М., 2008.

убытки, в том числе возникшие в результате обесценивания акций (долей) участников в результате действий директора, могут взыскиваться лишь в случаях, прямо предусмотренных корпоративным законодательством.

Очевидно, что управляющий может причинить вред личности или имуществу акционеров или кредиторов вне всякой связи с корпоративными отношениями (например, управляя транспортным средством в нетрезвом состоянии, наехав на одного из акционеров юридического лица). Несмотря на то, что и управляющий и акционер являются участниками корпоративных отношений, ответственность управляющего перед акционером в данном случае будет носить строго деликтный, а не корпоративный характер.

С другой стороны, некоторые из управляющих (например, генеральный директор), действуя в рамках корпоративных отношений, тем не менее выступают перед третьими лицами в гражданском обороте еще и от имени юридического лица как в договорных, так и в деликтных правоотношениях, одновременно являясь его работниками и представителями. Поэтому в ряде случаев нарушение договоров или причинение вреда акционерам или кредиторам юридического лица со стороны генерального директора будут считаться действиями самого юридического лица и юридическую ответственность за эти нарушения перед третьими лицами будет нести само юридическое лицо, а не его генеральный директор как работник юридического лица или его представитель (ст. 402, 1068, п. 1 ст. 182 ГК РФ). В литературе справедливо высказана точка зрения, что ответственность директора перед третьими лицами должна наступать только при условии, что поведение последнего хотя и связано с руководством деятельностью общества либо представлением его интересов вовне, но не подлежит квалификации в качестве действия (бездействия) самого юридического лица, когда противоправные действия директора не опосредованы юридической личностью акционерного общества³¹⁶. А.А. Маковская также считает, что

³¹⁶ См.: Кулинская А.В. Указ. соч. С. 198–199.

поскольку действия руководителя юридического лица являются действиями самого юридического лица, то за убытки, причиненные третьим лицам, ответственность должно нести само юридическое лицо, поэтому рассматривать институт гражданско-правовой ответственности руководителей акционерного общества за причиненные ими убытки как некую единую совокупность норм, регламентирующих ответственность руководителей равно перед акционерами, перед кредиторами акционерного общества или перед акционерным обществом представляется «не вполне точным и правильным в настоящее время». В то же время автор далее показывает целый ряд исключений, когда руководитель все же несет ответственность непосредственно перед акционерами или третьими лицами, что подвергает сомнению выдвинутый тезис о преждевременности регулирования ответственности руководителей перед различными лицами³¹⁷.

Представляется, что для полной ясности следует специально урегулировать случаи привлечения управляющего к ответственности по разным основаниям, в том числе недопустимость двойной ответственности управляющего по одному и тому же основанию. Например, если имеет место нарушение корпоративных обязанностей, установленных в интересах юридического лица, то управляющий не должен привлекаться к ответственности, если убытки, причиненные нарушением этой обязанности, уже возмещены юридическому лицу посредством использования иных способов защиты гражданских прав. Как справедливо отмечается в п. 8 постановления Пленума ВАС РФ № 62, если юридическое лицо уже получило возмещение своих имущественных потерь посредством иных мер защиты, в том числе путем применения последствий недействительности сделки, истребования имущества юридического лица из чужого незаконного владения, взыскания неосновательного обогащения, взыскания убытков с непосредственного причинителя вреда (например, работника или

³¹⁷ См. *Маковская А.А.* Указ. соч. С. 329–332.

контрагента), в удовлетворении требований к директору о взыскании убытков должно быть отказано.

Также недопустимо привлекать к ответственности управляющего за убытки, причиненные акционеру или кредитору за нарушение обязанности, установленной в интересах юридического лица, если убытки, причиненные соответствующим нарушением, уже возмещены управляющим самому юридическому лицу (в случаях, когда акционер или кредитор подают иск о возмещении причиненных им убытков, производных от причинения убытков самому юридическому лицу³¹⁸). Вместе с тем, если юридическое лицо не предъявляет к управляющему требование о возмещении ему убытков, причиненных нарушением корпоративной обязанности, установленной в интересах юридического лица, то возмещения убытков, производных от убытков юридического лица, могут требовать акционеры (участники) юридического лица. Если же речь идет о нарушении обязанности, установленной в интересах акционера или кредитора (например, обязанности уведомлять акционера о проведении общего собрания акционеров), то причиненные таким нарушением убытки акционера (или кредитора) имеют самостоятельный характер и не зависят от возмещения убытков, причиненных нарушением иных обязанностей, установленных в интересах самого юридического лица. В то же время, если убытки акционера или кредитора возмещены им с использованием других средств правовой защиты либо самим юридическим лицом³¹⁹, то повторное взыскание тех же убытков с управляющего не должно иметь места.

Во-вторых, вызывает сомнения рассмотренное выше правило об ответственности директора за любые действия своих работников, приводящие к возникновению у юридического лица убытков, а также за

³¹⁸ При невыплате дивидендов или уменьшения стоимости акций акционера после уменьшения имущества юридического лица в результате недобросовестных действий управляющего (например, при незаконном совершении крупной сделки).

³¹⁹ Например, когда у кредитора имеются основания предъявить требование о возмещении убытков как к юридическому лицу, так и к управляющему.

ненадлежащее исполнение обязанностей по выбору и контролю за действиями (бездействием) представителей, контрагентов по гражданско-правовым договорам, работников юридического лица, а также за ненадлежащую организацию системы управления юридическим лицом (п. 5 постановления Пленума ВАС РФ № 62). Как справедливо указывается в литературе³²⁰, при таком подходе директор несет по существу безграничную ответственность за действия всех лиц, привлекаемых директором от имени юридического лица к исполнению тех или иных обязанностей, в том числе за действия работников, представителей, контрагентов по гражданско-правовым договорам и т.д. Данное правило, несомненно, должно быть скорректировано на законодательном уровне в направлении дифференциации ответственности директора и ответственности иных лиц за неисполнение или ненадлежащее исполнение собственных трудовых или гражданско-правовых обязанностей, возникающих в отношениях с юридическим лицом.

В-третьих, недостаточно полным является круг субъектов, привлекаемых к ответственности согласно ст. 53.1 ГК РФ. В частности, не названы учредители (участники) юридического лица, в том числе собственник имущества юридического лица, конкурсные управляющие, ликвидаторы, члены ликвидационных комиссий и т.п., а также единоличные органы юридического лица, которые не выступают в обороте от имени юридического лица, но вполне могут иметь управленческую или иную связанную с управлением компетенцию. Учредительным документом юридического лица вполне может быть предусмотрено образование таких единоличных органов или «квази-органов» юридического лица, например, председатель юридического лица, президент, исполнительный директор, корпоративный секретарь, ревизор и т.д. Их виновными действиями юридическому лицу могут быть причинены убытки, никак не меньшие, чем убытки, причиняемые членами коллегиальных органов или единоличными

³²⁰ См. например: *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Указ. соч. С. 85–88.

органами, выступающими в обороте от имени юридического лица.

На наш взгляд, все эти лица должны быть включены в круг субъектов, привлекаемых к ответственности на основании ст. 53.1 ГК РФ.

В-четвертых, нуждается в дополнении и круг лиц, которые могут предъявлять требование о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу. В статье 53.1 ГК РФ указывается, что такими лицами могут быть само юридическое лицо, а также его учредители (участники). При этом право заявлять требование о возмещении убытков не предоставлено собственнику имущества юридического лица (унитарного предприятия, учреждения), который является самостоятельной фигурой и может не совпадать с учредителем юридического лица³²¹. Необъяснимым является предоставление права требовать возмещения причиненных юридическому лицу убытков членам коллегиальных органов управления только корпоративных организаций (п. 4 ст. 65.3 ГК РФ). Члены коллегиальных органов управления унитарных организаций такого права лишены³²².

В ГК РФ отсутствует правило о возможности привлечения управляющих к ответственности, если они действовали во исполнение решений органов юридического лица или указаний иных лиц. Несмотря на общую норму ст. 53.1 ГК РФ о солидарной ответственности управляющих и иных лиц, совместно причинивших убытки, не исключена ситуация, когда директор, выполняющий решение общего собрания или совета директоров, совершив невыгодную для юридического лица сделку, будет ссылаться на отсутствие своей вины, так как подчинялся решениям вышестоящего органа. В отечественной судебной практике по этому вопросу наметился дифференцированный подход: когда в одних случаях суды привлекают к

³²¹ Например, в случаях, когда унитарная организация, основанная на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, переходит в ведение иного собственника, «собственник имущества» отличается от «учредителя» юридического лица.

³²² Это является прямым следствием отсутствия в ГК каких-либо внятных общих положений об унитарных организациях, которые незаслуженно обойдены вниманием законодателя.

ответственности директоров, действовавших во исполнение обязательных для них указаний иных лиц, а в других случаях – освобождают от ответственности в связи с отсутствием вины³²³. В связи с этим в ГК РФ следовало бы указать, что ответственность лиц, входящих в органы юридического лица, имеет по общему правилу самостоятельный характер и не зависит от того, были ли действия управляющих основаны на решении иных органов общества (общего собрания, совета директоров). В данном случае должно действовать правило, сформулированное еще в постановлении Пленума ВАС РФ № 62, согласно которому действия в интересах одного или нескольких участников юридического лица не могут быть признаны действиями в интересах юридического лица, если они осуществлялись в ущерб юридическому лицу. С другой стороны, в отдельных указанных в законе случаях директора должны освобождаться от ответственности, если их действия были предварительно одобрены всеми участниками юридического лица или его единственным участником (учредителем), поскольку в данных условиях директор действовал по существу в интересах юридического лица, которые могут считаться тождественными интересам всех его участников (единственного участника)³²⁴.

В ГК РФ не предусмотрено конкретных примеров недобросовестных или неразумных действий управляющих, а также фактической возможности определять действия юридического лица. Установление судом этих обстоятельств всегда будет самым сложным в делах о привлечении к ответственности управляющих.

Ни в ГК РФ, ни в судебной практике не уделяется достаточного внимания причинно-следственной связи между нарушением конкретных

³²³ См. об этом: *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике // Вестник экономического правосудия. 2018. № 4 (Приложение). С. 80–85.

³²⁴ О проявлении в судебной практике данного принципа см.: *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Указ. соч. С. 81–82.

фидуциарных обязанностей и наступившими последствиями. Так, исследование судебной практики показывает, что «обычно суды рассматривают вопросы причинно-следственной связи, как правило, в негативном ключе, т.е. вспоминают о причинной связи, точнее, об ее отсутствии (недоказанности в конкретном деле), когда желают отказать в удовлетворении иска»³²⁵. Суды исходят из того, что часто определенные нарушения обычно влекут за собой соответствующие негативные последствия, вследствие чего при доказанности факта соответствующего нарушения и наличия убытков дополнительного установления причинно-следственной связи не требуется. Такой подход применительно к ответственности за нарушение обязательств был закреплен в п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7³²⁶. Согласно абз. 2 данного пункта, если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, выступает обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается. Однако представляется, что в сфере корпоративных управленческих отношений наличие таких «обычных» последствий является далеко неочевидным, поэтому типовые доказательственные презумпции наличия причинно-следственной связи между нарушением и наступившими последствиями полезно было бы установить непосредственно в законе, а не полагаться на творчество судов в данном вопросе.

Вызывает вопросы и п. 5 ст. 53.1 ГК РФ о ничтожности соглашения об устранении или ограничении ответственности управляющих и иных лиц за причиненные юридическому лицу убытки. Сама по себе недопустимость заключения подобных соглашений возражений не вызывает. Однако почему-то соответствующие правила дифференцируются в зависимости от категории

³²⁵ Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Указ. соч., С. 70.

³²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

привлекаемых к ответственности лиц, а также вида юридического лица, которому причинены убытки. Так, соглашение об устранении или ограничении ответственности лица, имеющего фактическую возможность определять действия юридического лица, ничтожно всегда и для всех видов юридических лиц. В то же время для иных ответственных лиц (выступающих от имени юридического лица либо членов коллегиальных органов юридического лица) соглашение об устранении или ограничении их ответственности ничтожно лишь в отношении совершения ими *недобросовестных* действий. Для совершения *неразумных* действий не допускается ограничивать или устранять ответственность только для *публичных* хозяйственных обществ. Иными словами, ГК РФ допускает в соглашениях *ограничивать или устранять (!)* ответственность за причинение юридическому лицу убытков, вызванных *неразумными* действиями лиц, выступающих от имени юридического лица в гражданском обороте, а также членов органов любых юридических лиц, кроме публичных акционерных обществ.

Не решена в законодательстве и еще одна проблема: практическая реализация норм об ответственности управляющих, как правило, невозможна или затруднительна, поскольку у управляющих отсутствует имущество, достаточное для покрытия причиненных ими убытков. Данную проблему можно было бы решить путем страхования гражданской ответственности лиц, входящих в органы управления юридического лица, однако это требует совершенствования законодательства о страховании ответственности управляющих³²⁷.

³²⁷ См. об этом: *Алейникова В.В.* Ответственность руководителей и страховые механизмы их защиты. М., 2018. 266 с.; *Молотников А.* Ответственность лиц, осуществляющих управление акционерным обществом // Корпоративный юрист. 2006. № 5. С. 34–36; *Габов А.В., Молотников А.Е.* Проблемы правового регулирования страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ // Закон. 2012. № 9. С. 162–178; *Молотников А.Е.* Ответственность в акционерных обществах. М., 2006. С. 166; *Лордкипанидзе А.Г.* Имущественная ответственность в капиталистической акционерной компании (Франция, Англия, США). М., 1981. С. 28.

Учитывая наличие в законодательстве названных выше и иных недостатков, в «Дорожной карте» Правительства РФ³²⁸ предполагается совершенствование механизмов привлечения к ответственности различных лиц в законах о хозяйственных обществах. Однако такое совершенствование необходимо производить в более общем виде непосредственно в ГК РФ и применительно ко всем видам юридических лиц.

Пока же существующие в данной сфере законопроекты предлагают вносить соответствующие поправки не в ГК РФ, а в специальные законы о хозяйственных обществах. Один из таких законопроектов, принятый ранее (05.10.2010 г.) в первом чтении и посвященный ответственности членов органов управления хозяйственных обществ, был 04.07.2018 г. отклонен постановлением Государственной Думы РФ в связи с тем, что с периода его разработки (2010 г.) в законодательство было внесено множество изменений, в связи с чем он утратил свою актуальность³²⁹. Данный законопроект, среди прочего, предлагал установить субсидиарную с обществом ответственность директоров перед участниками и иными третьими лицами за причиненные убытки в случаях, прямо предусмотренных законами о хозяйственных обществах и иными федеральными законами (что представляет собой некий гибрид между прямой ответственностью директоров за убытки перед другими лицами (отраженные убытки) и субсидиарной ответственностью директоров по обязательствам юридического лица перед третьими лицами). Положительным, однако, в данном законопроекте было то, что в нем была предпринята попытка обозначить конкретные правонарушения, за которые с директоров могут быть взысканы соответствующие убытки. Также в проекте

³²⁸ См. План мероприятий («дорожная карта») «Совершенствование корпоративного управления» (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.06.2016 г. № 1315-р).

³²⁹ Проект федерального закона № 394587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ»: URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/394587-5>.

предлагалось перечислить те действия, при которых презюмируется, соответственно, неразумность или недобросовестность действий директора. Не оценивая предлагавшиеся законопроектом нормы по существу, можно отметить, что сама идея конкретизировать в законе составы правонарушений, а также установить доказательственные презумпции неразумных и недобросовестных действий заслуживает одобрения, т.к. она соответствует принципу специалитета корпоративной ответственности. В проекте содержались и иные заслуживающие внимания новеллы. Например, предлагалось полностью освободить от ответственности управляющих, являющихся представителями государства в советах директоров, которые причинили убытки, исполняя письменные директивы государства на голосование, полностью возложив эти убытки на казну. Хотя такой подход и противоречит принципу самостоятельной корпоративной ответственности директоров за свои действия, тем не менее он не лишен определенных оснований. В проекте предлагалось также дать возможность хозяйственному обществу заключать договор страхования ответственности управляющих за убытки, причиненные обществу их неосторожными действиями. Однако при таком подходе страхование ответственности директора возлагается на само хозяйственное общество, которому директор может причинить убытки, что вряд ли соответствует экономической логике соответствующих отношений: если и вести речь о страховании ответственности директора, то оно должно осуществляться либо полностью за счет самого директора, либо в долевом порядке директором и юридическим лицом. В противном случае, когда директор полностью освобождается от бремени несения каких-либо расходов на страхование своей ответственности, это может породить его абсолютную безответственность при управлении юридическим лицом.

Резюмируя изложенное, на наш взгляд, следует поддержать наметившуюся в последнее время в судебно-арбитражной практике и законотворчестве тенденцию унификации и единообразного применения норм о гражданско-правовой ответственности управляющих в

корпоративных отношениях за причинение юридическому лицу убытков ко всем юридическим лицам независимо от их организационно-правовой формы и вида (коммерческие и некоммерческие организации, унитарные и корпоративные организации и т.п.). Единообразные для всех юридических лиц нормы об ответственности управляющих и иных лиц, причинивших убытки юридическому лицу, должны быть закреплены непосредственно в ГК РФ. Что касается специальных законов об отдельных видах юридических лиц, желательно исключить из них соответствующие положения, в необходимых случаях дополнив и уточнив нормы ГК РФ об ответственности управляющих.

§ 2. Ответственность перед кредиторами юридического лица

В качестве еще одного вида ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом, можно выделить ответственность участников, управляющих и иных лиц перед кредиторами юридического лица, которая, в свою очередь, может подразделяться на две разновидности:

- 1) ответственность перед кредиторами по обязательствам юридического лица;
- 2) ответственность за вред или убытки, причиненные кредиторам юридического лица.

Ответственность перед кредиторами юридического лица играет важнейшую роль в корпоративных отношениях, поскольку направлена на достижение справедливого баланса интересов между различными субъектами таких отношений в связи с выступлением юридического лица в гражданском обороте. В свете проводимой в стране реформы гражданского законодательства особо актуальным становится вопрос о природе, границах и

пределах этой ответственности с точки зрения перспектив развития соответствующих правовых норм.

Конструкция юридического лица предназначена для выступления в гражданском обороте правосубъектного образования, наделенного обособленным имуществом. Поэтому ответственность самого юридического лица перед его кредиторами ничем не отличается от ответственности перед кредиторами других субъектов гражданского права (граждан, публично-правовых образований) и наступает при наличии общих условий гражданско-правовой ответственности (противоправное поведение, наличие убытков, причинная связь между противоправным поведением и убытками, а также вина нарушителя).

Ответственность юридического лица как субъекта права имеет самостоятельный характер, оно отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом (абз. 1 п. 1 ст. 56 ГК РФ). Отдельные особенности в виде изъятия определенных видов имущества юридического лица из сферы гражданско-правовой ответственности по обязательствам перед кредиторами для различных организационно-правовых форм юридических лиц устанавливаются законом. Например, кредиторы не могут обратить взыскание по обязательствам некоторых юридических лиц на определенную часть их имущества (особо ценное движимое и недвижимое имущество автономных или бюджетных учреждений³³⁰, имущество богослужебного назначения религиозных организаций³³¹).

Однако в корпоративных отношениях имеется и другая ответственность перед кредиторами в связи с участием юридического лица в гражданском обороте: к ответственности перед кредиторами в ряде случаев привлекаются иные лица (участники, собственник имущества юридического лица и др.).

При этом наибольшее распространение в законодательстве о

³³⁰ Пункты 5 и 6 ст. 123.22 ГК РФ.

³³¹ Пункт 2 ст. 123.28 ГК РФ.

юридических лицах получила не ответственность в виде возмещения причиненного кредиторам вреда или убытков³³², а ответственность в виде обязанности исполнить обязательство вместо юридического лица, которая может носить субсидиарный или солидарный с юридическим лицом характер.

В большинстве случаев такая ответственность не может рассматриваться в качестве классической гражданско-правовой ответственности соответствующих субъектов как применение санкций за допущенные ими нарушения, поскольку никаких нарушений этими лицами не совершается. Они несут ответственность по обязательствам другого (юридического) лица в силу закона или учредительного документа просто потому, что у основного должника отсутствует необходимое для исполнения обязательств имущество либо основной должник не исполняет надлежащим образом свое обязательство. Основанием такой ответственности является не гражданское правонарушение, а по сути добровольное или принудительное (в силу закона или учредительных документов) принятие на себя лицами, в той или иной мере управляющими юридическим лицом, риска неисполнения обязательств управляемым юридическим лицом. При этом, как правило, чем выше степень контроля, тем выше должна быть и ответственность таких лиц, основания и размер которой определяются в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица, а также положений закона и внутренних документов организации. По существу речь идет не об ответственности, а об установленной в силу закона или учредительного документа обязанности определенных лиц исполнять обязательства другого лица при наличии соответствующих оснований. Возникающие при этом отношения напоминают по своей природе отношения поручительства, с той лишь разницей, что основанием возникновения такого «поручительства»

³³² Которая, за исключением ответственности перед кредиторами контролирующих лиц при банкротстве, практически не встречается в отечественном корпоративном праве.

является не договор поручительства, а закон, учредительный документ или добровольно принятое на себя обязательство³³³.

Однако в ряде случаев учредители и иные лица несут перед кредиторами юридического лица ответственность по обязательствам юридического лица за собственные неправомерные действия, и такие случаи с полным основанием можно отнести к гражданско-правовой ответственности этих лиц перед кредиторами.

Таким образом, ответственность иных лиц перед кредиторами юридического лица может принимать вид:

1) «квазикорпоративной ответственности» (солидарной или субсидиарной) по обязательствам юридического лица, носящей обеспечительный характер и не связанной с неправомерными действиями привлекаемого к ответственности субъекта;

2) корпоративной ответственности (солидарной или субсидиарной) по обязательствам юридического лица, носящей обеспечительный характер и наступающей за неправомерные действия привлекаемого к ответственности субъекта;

3) корпоративной ответственности за «корпоративный деликт» – за вред или убытки, причиненные кредиторам юридического лица при осуществлении корпоративных прав, наступающей за неправомерные действия привлекаемого к ответственности субъекта.

К сожалению, действующий ГК РФ не содержит никаких общих положений, в которых проводились бы различия между указанными случаями привлечения соответствующих участников корпоративных отношений к гражданско-правовой ответственности за их собственные неправомерные действия, и случаями возложения на них обязанности

³³³ О природе поручительства подробнее см. например: *Гутников О.В.* К вопросу о правах поручителя, исполнившего обязательство // *Гражданское право и современность: Сборник статей, посвященных памяти М. И. Брагинского* / Под ред. В. Н. Литовкина и К.Б. Ярошенко. М., 2013. С. 457-475; *Кашиников Н.Б.* Теоретические конструкции поручительства в российском праве // *Вестник гражданского права*. 2015. № 6. С. 94–121.

отвечать перед кредиторами за исполнение обязательств юридического лица в порядке «квазикорпоративной ответственности», носящей обеспечительный характер. Это существенно затрудняет восприятие и практическое применение соответствующих норм, имеющих совершенно различный правовой смысл, но одинаково именуемых разнородные явления «ответственностью».

Следует сказать, что использование для тех и других случаев термина «ответственность» уже давно сложилось исторически, и мы не призываем полностью исключать его из норм о «законном поручительстве» третьих лиц по обязательствам юридического лица перед кредиторами. Однако это не отменяет целесообразность включения в ГК РФ общих положений о юридической ответственности в корпоративных отношениях, в которых бы такие случаи разграничивались прежде всего с точки зрения определения различных условий привлечения лиц к ответственности по обязательствам юридического лица.

В то же время, независимо от того, о какой ответственности перед кредиторами в корпоративных отношениях идет речь (о собственно ответственности или о «поручительстве»), в корпоративном праве основополагающим является правило о самостоятельной имущественной ответственности юридического лица по своим обязательствам перед кредиторами. Участники (учредители) юридического лица, а также собственник его имущества или иные лица не должны отвечать по долгам юридического лица, равно как и юридическое лицо не должно отвечать по долгам своих участников (собственника имущества) (п. 2 ст. 56 ГК РФ). Ответственность участников ограничивается лишь размером вклада, внесенного в уставный капитал или имущество юридического лица. Но в данном случае речь идет об экономических рисках учредителей юридического лица, поскольку собственником имущества, внесенного в юридическое лицо, является по общему правилу само юридическое лицо, и говорить о юридической ответственности участников в пределах внесенного

вклада некорректно. Поэтому в законодательстве чаще всего говорится о том, что участники несут не ответственность, а риск убытков в пределах стоимости принадлежащих им долей или акций (п. 1 ст. 87, п. 1 ст. 96 ГК РФ).

Раздельная имущественная ответственность юридического лица и его участников (собственника имущества) по своим обязательствам вытекает из основополагающего принципа корпоративного права, выражающемся в последовательном отделении юридической личности и имущества юридического лица от личности и имущества ее участников (учредителей). Лишь в исключительных случаях возможен отказ от этого принципа.

Речь идет о доктрине «снятия корпоративных покровов», или «прокалывании корпоративной вуали» (Piercing the Corporate Veil). Снятие корпоративных покровов представляет собой игнорирование юридической самостоятельности юридического лица и может проявляться в привлечении к ответственности по долгам юридического лица его участников, или менеджеров, или иных лиц, контролирующих юридическое лицо, за счет их личного имущества. В этом смысле названная доктрина защищает интересы кредиторов юридического лица. Она имеет судебное происхождение и берет свое начало в странах англо-саксонской системы права, в то же время отдельные нормы о возможности ее применения судами могут появляться и в законодательных актах³³⁴.

³³⁴ Подробнее о доктрине снятия корпоративной вуали и ее практическом применении см.: *Асосков А.В.* Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // *Вестник гражданского права.* 2013. № 5. С. 120–144; *Будылин С.Л., Иванец Ю.Л.* Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // *Вестник ВАС РФ.* 2013. № 7. С. 80 – 125; *Егоров А.В., Усачева К.А.* Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // *Вестник гражданского права.* 2014. № 1. С. 31–73; *Захаров А.Н.* Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // *Вестник экономического правосудия РФ.* 2014. № 10. С. 32–62; *Ломакин Д.В.* Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // *Вестник ВАС РФ.* 2012. № 9. С. 6–33; *Быканов Д.Д.* Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // *Закон.* 2014. № 8. С. 131–140; *Он же.* Снятие корпоративной

В то же время «снятие корпоративных покровов» является средством защиты кредиторов от явных злоупотреблений со стороны учредителей юридических лиц. По общему правилу, в условиях обычного делового оборота и в пределах нормального предпринимательского риска кредиторы гарантированы имуществом самого юридического лица, а также дополнительной ответственностью участников (учредителей) в случаях, когда она установлена законом или учредительными документами. При недостаточности имущества юридического лица оно подлежит ликвидации, а требования кредиторов погашаются. В этом и заключается гражданско-правовой смысл конструкции юридического лица, призванного защитить личное имущество учредителей от возможных притязаний кредиторов за результаты деятельности юридического лица.

Только в экстраординарной ситуации, когда действия учредителей или иных лиц, стоящих за юридическим лицом, носили характер явных злоупотреблений, направленных на причинение убытков кредиторам, допустимо привлекать их к ответственности по долгам юридического лица.

Поэтому любые случаи, когда учредители (участники) или собственник имущества юридического лица привлекаются к ответственности по долгам юридического лица, являются исключением из общего правила о раздельной имущественной ответственности учредителей (участников) и юридического лица³³⁵. Каждый такой случай должен быть специально предусмотрен непосредственно в ГК РФ или в другом законе (п. 2 ст. 56 ГК РФ).

Эти случаи представляют собой либо «поручительство» по

вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7. С. 71–80; Шиткина И. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2. С. 3–26.

³³⁵ См. об этом: Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 32; Быканов Д.Д. Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // Закон. 2014. № 8. С. 131–140; Он же. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7. С. 71–80.

обязательствам юридического лица, которое обусловлено особенностями организационно-правовой формы юридического лица или необходимостью обеспечить формирование имущества юридического лица, либо собственно юридическую ответственность учредителей и иных лиц перед кредиторами по обязательствам юридического лица, обусловленную неправомерным поведением соответствующих лиц.

Ранее действовавшая редакция ст. 56 ГК РФ допускала установление ГК РФ и *учредительными документами* исключений из правила о раздельной ответственности *юридического лица*. В настоящее время из ст. 56 ГК РФ исчезло указание о возможности устанавливать исключения из правила о раздельной имущественной ответственности юридического лица и его участников (собственника) по своим обязательствам в учредительных документах. Такое законодательное решение вряд ли оправданно, т.к. невозможным становится установление в учредительном документе дополнительных гарантий защиты прав кредиторов, в частности, путем введения учредительным документом дополнительной ответственности участников по обязательствам юридического лица.

Возможность привлекать к ответственности (в виде «законного поручительства») учредителей (участников) либо собственника юридического лица предусмотрена для следующих организационно-правовых форм юридических лиц.

В полных и коммандитных товариществах полные товарищи солидарно несут субсидиарную ответственность по обязательствам товарищества (ст. 75 ГК РФ). Участник, выбывший из товарищества, продолжает наравне с оставшимися товарищами нести ответственность по долгам товарищества, возникшим до момента его выбытия, в течение двух лет со дня утверждения отчета о деятельности товарищества за год, в котором он выбыл из товарищества. При этом ГК РФ запрещает под угрозой ничтожности заключение соглашений об ограничении или устранении данной ответственности.

Члены крестьянского (фермерского) хозяйства, созданного в качестве юридического лица, также несут субсидиарную ответственность по обязательствам хозяйства (п. 4 ст. 86.1 ГК РФ³³⁶). Особенностью юридической ответственности крестьянского хозяйства также является то, что при обращении взыскания на земельный участок, находящийся в собственности хозяйства, такой участок подлежит продаже с публичных торгов в пользу лица, которое вправе в соответствии с законом продолжать использование участка по целевому назначению.

В обществах с ограниченной ответственностью и в акционерных обществах участники (акционеры) не отвечают по обязательствам общества. Вместе с тем в целях защиты интересов кредиторов для хозяйственных обществ предусмотрены отдельные случаи, когда участники (акционеры) все же несут ответственность по обязательствам общества. Это связано с ситуацией, когда обособленное имущество общества либо вообще не сформировалось, либо находится в стадии формирования, в связи с чем кредиторы нуждаются в дополнительных гарантиях в виде ответственности учредителей (участников).

В частности, учредители хозяйственных обществ несут солидарную ответственность по обязательствам, связанным с учреждением общества и возникшим до его государственной регистрации (абз. 1 п. 2 ст. 89, абз. 1 п. 2 ст. 98 ГК). Строго говоря, речь в данном случае идет об ответственности учредителей по собственным обязательствам, хотя и принятым в интересах юридического лица, но не по обязательствам еще несуществующего юридического лица. В то же время данные обязательства учредителей становятся после создания юридического лица его собственными обязательствами, если общее собрание участников одобрит соответствующие действия учредителей.

³³⁶ В редакции Федерального закона от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

К ответственности по таким обязательствам учредителей само общество может быть привлечено только если действия учредителей впоследствии будут одобрены общим собранием участников общества (абз. 2 п. 2 ст. 89, абз. 2 п. 2 ст. 98 ГК РФ).

Отвечают по долгам общества также участники (акционеры), не полностью оплатившие свою долю участия или акции. При этом участники (акционеры) несут солидарную ответственность по долгам общества в пределах стоимости неоплаченной части доли (акций) каждого из участников (абз. 2 п. 1 ст. 2 Закона об обществах с ограниченной ответственностью³³⁷, абз. 2 п. 1 ст. 96 ГК РФ).

Наконец, в случае оплаты долей (акций) в уставном капитале не денежными средствами, а иным имуществом, участники (акционеры) хозяйственных обществ и независимый оценщик в случае недостаточности имущества общества солидарно несут субсидиарную ответственность по его обязательствам в пределах суммы, на которую завышена оценка имущества, внесенного в уставный капитал, в течение пяти лет с момента государственной регистрации общества или внесения в устав общества соответствующих изменений (п. 3 ст. 66.2 ГК РФ).

Представляется, что аналогичные положения об ответственности учредителей (участников) юридического лица или собственника его имущества могут быть введены в гражданское законодательство применительно к *любым юридическим лицам*, а не только в отношении хозяйственных обществ. Ведь с точки зрения защиты интересов кредиторов не имеет значения, в какой организационно-правовой форме действует юридическое лицо, у которого обособленное имущество еще не сформировалось: логично возложить на учредителей (участников) любых юридических лиц солидарную ответственность по обязательствам

³³⁷ Ранее аналогичное правило содержалось в абз. 2 п. 1 ст. 87 ГК РФ, однако по непонятным причинам это правило было исключено из ГК РФ Федеральным законом от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ.

юридического лица (в пределах несформировавшейся части имущества) или по обязательствам, связанным с учреждением юридического лица.

Ранее отдельной организационно-правовой формой юридического лица признавалось общество с дополнительной ответственностью. В обществах с дополнительной ответственностью участники солидарно несли субсидиарную ответственность по его обязательствам своим имуществом в одинаковом для всех кратном размере к стоимости их долей, определенном уставом общества. Дополнительная ответственность участников обществ с дополнительной ответственностью являлась по существу единственным признаком, отличающим данную организационно-правовую форму от общества с ограниченной ответственностью. Однако на практике общества с дополнительной ответственностью не получили широкого распространения, поскольку идея о добровольном возложении на себя дополнительной ответственности по обязательствам юридического лица не нашла поддержки среди отечественных предпринимателей. Поэтому в настоящее время от этой организационно-правовой формы юридического лица решено отказаться³³⁸.

В то же время неправильно исключать или ограничивать возможность установления в учредительных документах общества с ограниченной ответственностью (равно как и любых иных юридических лиц) дополнительной имущественной ответственности учредителей (участников) по обязательствам юридического лица в целях защиты интересов кредиторов и повышения кредитоспособности соответствующего юридического лица. Однако новая редакция статьи 56 ГК РФ такую возможность ограничивает, указывая, что отступления от правила о раздельной имущественной ответственности учредителей и юридического лица могут быть установлены лишь в ГК РФ или в ином законе. Возможность закрепить в уставе отступление от правила о раздельной имущественной ответственности

³³⁸ Подпараграф 5 «Общество с дополнительной ответственностью» параграфа 2 гл. 4 ГК Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ признан утратившим силу с 1 сентября 2014 г.

предусмотрена лишь для отдельных видов юридических лиц. Например, согласно абз. 3 п. 3 ст. 123.8 ГК РФ для ассоциаций (союзов) установлена возможность предусматривать в уставе субсидиарную ответственность членов ассоциации (союза) по обязательствам ассоциации.

Субсидиарную ответственность по долгам юридического лица несут также члены производственного кооператива в размере и в порядке, которые предусмотрены Законом о производственных кооперативах и уставом кооператива (п. 2 ст. 106.1 ГК РФ, абз. 2 п. 1 ст. 13 Закона о производственных кооперативах). Члены сельскохозяйственного производственного кооператива несут субсидиарную ответственность по обязательствам кооператива в размере, предусмотренном уставом кооператива, но не менее, чем в размере 5% своего пая (п. 2 ст. 37 Закона о сельскохозяйственной кооперации).

Члены потребительского кооператива в случае наличия убытков у кооператива в течение трех месяцев после утверждения ежегодного баланса обязаны покрыть их дополнительными взносами, а при неисполнении этой обязанности солидарно несут субсидиарную ответственность по его обязательствам в пределах невнесенной части дополнительного взноса каждого из членов кооператива (ст. 123.3 ГК РФ, п. 3 ст. 37 Закона о сельскохозяйственной кооперации).

Собственник имущества казенного предприятия несет субсидиарную ответственность по обязательствам такого предприятия при недостаточности его имущества (абз. 3 п. 6 ст. 113 ГК РФ).

Особенностями характеризуется и ответственность учреждений по своим обязательствам.

Частное и казенное учреждение отвечают по своим обязательствам только денежными средствами. При недостаточности денежных средств субсидиарную ответственность по обязательствам учреждений несет собственник имущества (п. 4 ст. 123.22, п. 2 ст. 123.23 ГК РФ).

Автономное учреждение отвечает по своим обязательствам всем имуществом, находящемся у него в оперативном управлении, в том числе недвижимым, за исключением недвижимого имущества и особо ценного движимого имущества, закрепленных собственником или приобретенных за счет выделенных собственником средств. Такое имущество является абсолютно «неприкасаемым». При недостаточности имущества автономного учреждения, на которое может быть обращено взыскание, собственник имущества автономного учреждения несет субсидиарную ответственность лишь по тем обязательствам учреждения, которые связаны с причинением вреда гражданам (абз. 2 п. 6 ст. 123.22 ГК РФ). Ранее собственник имущества автономного учреждения вообще ни в каких случаях не нес ответственность по обязательствам учреждения. Тем самым в гражданском обороте действовало юридическое лицо, обладающее «иммунитетом» от обращения взыскания на основную часть своего имущества, и при этом за которое никто другой не отвечал, что является неприемлемым для цивилизованного рынка. В настоящее время новой редакцией главы 4 ГК на собственника автономных учреждений возложили обязанность отвечать по обязательствам учреждения, связанным с причинением вреда гражданам, что хоть как-то сглаживает негативные последствия деятельности таких юридических лиц.

Бюджетное учреждение отвечает по своим обязательствам любым имуществом, как закрепленным собственником, так и приобретенным за счет приносящей доход деятельности. Бюджетное учреждение не отвечает особо ценным движимым имуществом, закрепленным собственником или приобретенным за счет выделенных собственником средств, а также любым недвижимым имуществом. Собственник имущества бюджетного учреждения так же, как и собственник имущества автономного учреждения, в настоящее время несет субсидиарную ответственность лишь по тем обязательствам учреждения, которые связаны с причинением вреда гражданам (абз. 2 п. 5 ст. 123.22 ГК РФ). Ответственность наступает при недостаточности имущества бюджетного учреждения, на которое может быть обращено взыскание.

Члены ассоциации не отвечают по обязательствам юридического лица, кроме случаев, когда законом или уставом ассоциации предусмотрена субсидиарная ответственность членов ассоциации (абз. 3 п. 3 ст. 123.8 ГК РФ).

По долгам государственной корпорации или государственной компании учредитель (Российская Федерация) не отвечает, если законом о государственной корпорации или государственной компании не предусмотрено иное.

Указанные выше возможности привлечения к ответственности (в виде «законного поручительства») учредителей (участников) или собственника по долгам юридического лица в целом обусловлены либо особенностями организационно-правовой формы юридического лица, либо необходимостью обеспечить формирование имущества юридического лица, либо автономией воли участников (учредителей) юридического лица, которые могут по своей инициативе установить свою дополнительную ответственность по долгам юридического лица в учредительных документах.

«Законное поручительство» участников по обязательствам юридического лица может быть обусловлено особенностями тех организационно-правовых форм юридического лица, которые не предусматривают для определенных видов юридических лиц достаточных требований к наличию уставного капитала или иного имущества, гарантирующего интересы кредиторов. Например, оправданным является привлечение учредителей (участников) к солидарной ответственности по долгам юридического лица для хозяйственных товариществ, не имеющих уставного капитала, или привлечение к субсидиарной ответственности собственника по долгам учреждений, также не имеющих уставного капитала.

«Законное поручительство» возникает и в ситуациях, когда обособленное имущество юридического лица либо вообще не сформировалось, либо находится в стадии формирования, в связи с чем кредиторы нуждаются в дополнительных гарантиях в виде ответственности

учредителей (участников) и иных лиц, например, солидарной ответственности учредителей юридических лиц по обязательствам, связанным с учреждением юридического лица и возникшим до его государственной регистрации, а также солидарной ответственности участников юридических лиц, не полностью внесших свои вклады в имущество юридического лица, в пределах стоимости неоплаченной части вклада, или ответственности учредителей и независимого оценщика по обязательствам юридического лица в случае завышения оценки имущества, внесенного в уставный капитал неденежными вкладами. Эта ответственность, существующая сегодня лишь для хозяйственных обществ, должна быть унифицирована и распространена на любые юридические лица, если это не противоречит существу организационно-правовой формы соответствующего юридического лица (например, вряд ли имеется смысл применять данную ответственность к учредителям хозяйственных товариществ, и без того несущих солидарную ответственность по долгам товарищества).

Также возможно привлечение к ответственности учредителей (участников) юридического лица по воле самих участников, которые установили дополнительную ответственность по долгам юридического лица в его учредительных документах. При этом такая возможность должна быть предоставлена учредителям любых юридических лиц.

Следует отметить, что если случаи привлечения к ответственности по обязательствам юридического лица их участников (учредителей) или собственника, обусловленные особенностями организационно-правовой формы юридического лица, вполне обоснованно дифференцируются в зависимости от соответствующей разновидности юридического лица, то для дифференциации норм об ответственности, обусловленных необходимостью формирования имущества юридического лица или автономией воли учредителей (участников) юридического лица, для разных организационно-правовых форм юридических лиц нет никаких, на наш взгляд, оснований.

Аналогичным образом целесообразно предусмотреть общие для всех юридических лиц положения об ответственности учредителей по обязательствам юридического лица, когда имущество юридического лица еще не сформировалось или сформировалось путем внесения неденежных средств. Соответствующие положения актуальны не только для коммерческих, но и для некоммерческих организаций, особенно для тех, которые осуществляют приносящую доход деятельность и обязаны обеспечить наличие достаточного для этой деятельности имущества рыночной стоимостью не менее минимального размера уставного капитала, предусмотренного для общества с ограниченной ответственностью (п. 5 ст. 50 ГК РФ).

Правовая природа отношений поручительства самих по себе носит дискуссионный характер, при этом в договорном поручительстве, так же, как и в рассмотренном выше «законном поручительстве», установленном законодательством о юридических лицах, наблюдается такое же смешение терминологии, и обязательство поручителя, хотя и не является в строгом смысле слова ответственностью, тем не менее именуется либо ответственностью, либо обязанностью исполнить обязательство вместо основного должника.

Договорное поручительство является одним из способов обеспечения исполнения обязательства, предусмотренных ГК РФ. В соответствии с п. 1 ст. 361 ГК РФ по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Договор поручительства может быть заключен в обеспечение как денежных, так и неденежных обязательств, а также в обеспечение обязательства, которое возникнет в будущем. При этом в настоящее время ГК РФ прямо признает возможность возникновения поручительства на основании закона³³⁹, что в принципе делает возможным

³³⁹ П. 2 ст. 361 ГК РФ в ред. Федерального закона от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ.

рассмотрение «гарантийной» ответственности участников и иных лиц по обязательствам юридического лица перед кредиторами в качестве разновидности законного поручительства.

Пределы ответственности поручителя определены в п. 2 ст. 363 ГК РФ: поручитель отвечает перед кредитором в том же объеме, как и должник, включая уплату процентов, возмещение судебных издержек по взысканию долга и других убытков кредитора, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником, если иное не предусмотрено договором поручительства. При этом согласно п. 1 ст. 363 ГК РФ поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно, если законом или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя. Также согласно п. 3 ст. 363 ГК РФ лица, совместно давшие поручительство, отвечают перед кредитором солидарно, если иное не предусмотрено договором поручительства.

Правовая природа обязательства поручителя является спорной. С одной стороны, в законе говорится об ответственности поручителя за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства должником. Как отмечается в литературе, «...речь идет о *содержании обязательства, возникшего из договора поручительства, и порядке его исполнения*. Ведь нести ответственность перед кредитором за должника, не исполнившего либо ненадлежаще исполнившего обязательство, - главная и единственная обязанность поручителя»³⁴⁰. С другой стороны – тот же закон говорит о том, что поручитель по существу *исполняет обязательство за должника*, то есть обязанность поручителя состоит в исполнении за должника основного (обеспеченного поручительством) обязательства (п. 1 ст. 365 ГК РФ).

Природа обязательства поручителя напрямую влияет на объем прав поручителя, исполнившего обязательство. После того, как поручитель удовлетворил в полном объеме денежные требования кредитора, возникает

³⁴⁰ Витрянский В. В. Поручительство // Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 464.

немаловажный практический вопрос: переходят ли к поручителю требования кредитора по основному обязательству со всеми правами, обеспечивающими эти требования, либо у поручителя возникает самостоятельное регрессное денежное требование к должнику в объеме, в котором поручитель фактически удовлетворил требования кредитора. Ответ на этот вопрос зависит от того, считать ли платеж поручителя надлежащим исполнением основного обязательства за должника, прекращающим это обязательство (п. 1 ст. 408 ГК РФ), или исключительно исполнением самостоятельного обязательства поручителя по несению ответственности перед кредитором за должника.

В случае, когда действия поручителя рассматриваются как исполнение основного обязательства, влекущее его прекращение, не может быть и речи о переходе к поручителю требований кредитора и прав, обеспечивающих это требование, поскольку основное обязательство прекращено исполнением. У поручителя должно возникать лишь право регрессного требования к должнику в объеме фактически уплаченных кредитору сумм. В случае, когда поручитель исполняет не основное обязательство, а исключительно самостоятельное обязательство поручителя перед кредитором по договору поручительства, к поручителю автоматически (в силу закона) переходят требования кредитора по основному обязательству и все права, обеспечивающие эти требования. В силу этого права поручителя являются не самостоятельными регрессными правами требования, а обычными правами кредитора основного обязательства, перешедшими к поручителю в силу закона.

Действующий ГК РФ позволяет обосновать оба из указанных выше подходов, что говорит о двойственной природе прав поручителя, исполнившего обязательство, закрепленной в законе.

С одной стороны, из положений ГК РФ следует, что обязанность поручителя состоит в несении ответственности за должника, а к поручителю,

исполнившему обязательство, переходят права кредитора по основному обязательству.

Так, в соответствии со ст. 361, п. 1 ст. 363 ГК РФ содержанием ответственности и одновременно обязательства поручителя по договору поручительства является *солидарная с должником обязанность отвечать перед кредитором за исполнение последним его обязательства полностью или в части при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства.*

В соответствии с п. 1 ст. 365 ГК РФ к поручителю, исполнившему обязательство, *переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора.* Поручитель также вправе требовать от должника уплаты процентов на сумму, выплаченную кредитору, и возмещения иных убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника. В п. 1 ст. 365 и в ст. 387 ГК РФ говорится *о переходе к поручителю, исполнившему обязательство, прав кредитора.* При этом ст. 387 ГК РФ прямо называет исполнение обязательства поручителем одним из случаев перехода прав кредитора другому лицу на основании закона.

В. В. Витрянский считает, что «...в содержание обязательства поручителя не входит исполнение обязательства за должника... обязанность поручителя состоит в том, чтобы нести ответственность за должника»³⁴¹. «В отличие от положений, содержащихся в проекте Гражданского Уложения Российской империи, в соответствии с которыми поручитель брал на себя обязанность исполнить обязательство за неисправного должника, обязательство поручителя по действующему сегодня законодательству ограничено лишь обязанностью *нести ответственность* за должника. Такой

³⁴¹ В. В. Витрянский. Поручительство // Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. 2-е изд. М., 1999. С. 461.

подход представляется более правильным, ибо предоставление кредитору права требовать от поручителя исполнения обязательства за должника, в том числе реального исполнения, заставляло бы последнего всякий раз представлять доказательства отсутствия возможности реального исполнения обязательства, что вряд ли способствовало бы широкому использованию поручительства в качестве способа обеспечения исполнения обязательств в имущественном обороте»³⁴².

Как указывал И. Б. Новицкий, «...содержание обязанности поручителя сводится к его ответственности перед кредитором третьего лица за исполнение этим третьим лицом своего обязательства. Поручитель не считается обязанным исполнить обязательство третьего лица, а только нести ответственность в случае, если обязательство окажется неисполненным... Содержание обязанности главного должника может быть таково, что никто другой вместо него не может это обязательство исполнить, например, обязательство должника может состоять в воздержании от совершения определенных действий или в совершении действия, предполагающего определенные личные свойства и индивидуальные особенности, которыми обладает должник, но которых нет у поручителя, и пр.»³⁴³.

С другой стороны, ГК РФ позволяет обосновать и иной подход, согласно которому содержанием обязательства поручителя по договору поручительства является *солидарная (или субсидиарная) с должником обязанность произвести исполнение основного обязательства в пользу кредитора*. В Кодексе действительно говорится о надлежащем исполнении поручителем основного обязательства. В частности, в п. 1 ст. 365 ГК РФ указывается, что к поручителю, *исполнившему обязательство*³⁴⁴, переходят *права кредитора по этому обязательству*, хотя такое регулирование, на наш

³⁴² Брагинский М. И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 465.

³⁴³ Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве // Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М., 2006. С. 301.

³⁴⁴ Речь идет, как следует далее из текста цитируемой нормы, именно об основном обязательстве должника, а не об обязательстве поручителя отвечать за должника.

взгляд, непоследовательно и противоречиво: после исполнения обязательства оно должно прекращаться, и ни о каком переходе прав по исполненному обязательству в данном случае не должно идти речи.

Однако по действующему ГК РФ, и в частности, согласно п. 1 ст. 365 и подп. 3) п. 1 ст. 387, переход прав кредитора к поручителю является по существу частным случаем перемены лиц в обязательстве на основании закона. К поручителю, исполнившему обязательство, как к *новому кредитору* в исполненном (!) обязательстве переходят и все права, обеспечивающие исполнение основного обязательства, в том числе право на проценты (п. 1 ст. 384 ГК РФ).

Таким образом, после исполнения поручителем обязательства за должника поручитель приобретает все права кредитора в основном обязательстве, в том числе – права, обеспечивающие исполнение основного обязательства.

Этот подход находит подтверждение и в научной литературе. Например, О.С. Иоффе по этому поводу отмечал: «поручитель, исполнив основное обязательство, сам становится его участником вместо первоначального кредитора: к нему переходит принадлежавшее ранее кредитору требование со всеми его обеспечениями...»³⁴⁵.

Об этом свидетельствуют и другие положения закона. В частности, согласно п. 5 ст. 367 ГК РФ поручительство прекращается, *если кредитор отказался принять надлежащее исполнение, предложенное должником или поручителем.*

Такой подход был принят еще в проекте Гражданского Уложения Российской Империи. Как пишет В. В. Витрянский, «...суть обязанности поручителя перед кредитором заключается не только в том, что он должен *нести ответственность* за должника, не исполнившего обязательство. В интерпретации проекта ГУ поручитель брал на себя обязанность *исполнить*

³⁴⁵ Иоффе О. С. Избранные труды: В 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб., 2004. С. 223.

*обязательство должника, если последний сам этого обязательства не исполнит»*³⁴⁶.

Как отмечается в литературе на основе изложенного подхода, «после удовлетворения поручителем требования кредитора основное обязательство считается полностью или частично исполненным»³⁴⁷.

Исходя из этого, исполнение поручителем обеспеченного обязательства вместо должника является надлежащим исполнением обязательства, прекращающим как обеспечиваемое им обязательство (п. 1 ст. 408 ГК РФ), так и поручительство (п. 1 ст. 367 ГК РФ).

После исполнения поручителем обязательства вместо должника у поручителя возникает *самостоятельное право регрессного требования* к должнику³⁴⁸. Это подтверждается также и общими нормами о солидарной (п. 2 ст. 325 ГК РФ) и субсидиарной (п. 3 ст. 325 ГК РФ) ответственности, согласно которым должник, исполнивший солидарную или субсидиарную обязанность, приобретает право регрессного требования к остальным должникам. Учитывая, что согласно п. 1 ст. 363 ГК РФ поручитель отвечает перед основным должником солидарно или субсидиарно, данные нормы о возникновении права регресса применимы и к отношениям поручительства, по какой бы модели они ни складывались.

В соответствии с п. 1 ст. 365 ГК РФ к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, *в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора*. Поручитель также вправе требовать от должника уплаты процентов на сумму, выплаченную кредитору, и возмещения иных убытков, понесенных в связи с ответственностью за должника.

³⁴⁶ Брагинский М.И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 453.

³⁴⁷ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. Т.Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. М., 2004. С. 906.

³⁴⁸ См. также: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой / Под ред. О. Н. Садикова. М., 2005. С. 861.

Сказанное означает, что после исполнения поручителем обеспеченного обязательства это обязательство прекращается, а поручитель приобретает особое право регрессного требования к должнику, не тождественное первоначальному праву требования кредитора к должнику, а ограниченное лишь объемом фактически исполненного поручителем обязательства.

В частности, поручитель не вправе требовать от должника уплаты процентов, предусмотренных обеспечиваемым обязательством, а имеет лишь право требования тех процентов, которые начисляются на сумму, выплаченную поручителем кредитору.

Данный вывод подтверждается в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.1998 г. № 13/14 «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами», в соответствии с которым *«поскольку после удовлетворения поручителем требования кредитора основное обязательство считается полностью или частично исполненным, поручитель не вправе требовать от должника уплаты процентов, определенных условиями обеспечиваемого обязательства с момента погашения требования кредитора»* (курсив мой – О.Г.).

Таким образом, как отмечается в литературе, «поручитель, исполнивший обязательство, вовсе не заступает на место кредитора, а приобретает регрессное требование к должнику; становится кредитором по регрессному обязательству»³⁴⁹.

Исходя из этих позиций несмотря на то, что закон в п. 1 ст. 365 и в ст. 387 ГК РФ говорит *о переходе к поручителю, исполнившему основное обязательство за должника, прав кредитора*, в действительности речь идет о возникновении у поручителя особого права требования к должнику по регрессному обязательству. Это следует как из положения закона о

³⁴⁹ Белов В. А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М., 1998. С. 63.

прекращении основного обязательства надлежащим исполнением (п. 1 ст. 408 ГК РФ), так и из иных положений закона, подтверждаемых арбитражно-судебной практикой, а также научной литературой, посвященной данному вопросу.

В частности, в соответствии с п. 1 ст. 382 ГК РФ право (требование), принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или перейти к другому лицу на основании закона. При этом ст. 387 ГК РФ одним из случаев перехода прав кредитора другому лицу на основании закона прямо называет исполнение обязательства поручителем должника.

В то же время согласно п. 2 ст. 366 ГК РФ поручитель, исполнивший обязательство наряду с должником, не известившим об этом немедленно поручителя, в силу закона вправе взыскать с кредитора неосновательно полученное или *предъявить регрессное требование к должнику*³⁵⁰.

Это означает, что закон признает нетождественность регрессного требования поручителя, исполнившего обязательство, и требования нового кредитора, заменившего первоначального кредитора по правилам гл. 24 ГК РФ «Перемена лиц в обязательстве». Так, *согласно ст. 384 ГК РФ*, при перемене лиц в обязательстве действует общее правило: право первоначального кредитора переходит к новому кредитору *в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права*, если иное не предусмотрено законом или договором. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на неуплаченные проценты.

³⁵⁰ В прежней редакции ГК РФ (абз. 2 п. 1 ст. 382) было прямо указано, что *правила о переходе прав кредитора к другому лицу не применяются к регрессным требованиям*.

Однако это правило не применяется к регрессным требованиям, в том числе к регрессному требованию поручителя, исполнившего основное обязательство.

К регрессному требованию поручителя применяется иное, специальное правило, предусмотренное в п. 1 ст. 365 ГК РФ: к поручителю переходят права кредитора по исполненному обязательству и права, принадлежащие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора.

При этом в законе ничего не говорится о том, что к поручителю переходят какие-либо иные права, обеспечивающие исполнение обязательства. Объем прав поручителя четко определен законом: это права требования кредитора в части объема, в котором поручитель удовлетворил требования кредитора, а также права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю.

Поскольку с исполнением обеспеченного поручительством обязательства основное обязательство прекращается, к поручителю не могут перейти права по прекращенному основному обязательству. У поручителя возникает лишь особое право регрессного требования к должнику в строго ограниченном законом объеме.

Сказанное подтверждается в научной литературе, а также арбитражно-судебной практикой.

Так, Л. А. Новоселова пишет: «...правила о переходе прав кредитора другому лицу не применяются к *регрессным требованиям*... Невозможность применения к подобным отношениям норм о переходе прав кредитора определяется существенными отличиями данных институтов. Отношения, регулируемые § 1 гл. 24 ГК РФ, возникают при перемене лица в обязательстве на стороне кредитора. Новое обязательство при этом не возникает, новый кредитор вступает в ранее существовавшее

правоотношение. При регрессе возникает новое (регрессное) обязательство, с другими участниками и иным содержанием»³⁵¹.

В. А. Белов также указывает о возникновении самостоятельного регрессного обязательства в результате исполнения обязательства поручителем: «...получается нечто вроде новации: назвав договор договором поручительства и сославшись на него в основном договоре, стороны тем самым согласились, что основное обязательство может прекратиться по причине возникновения обязательства регрессного. Источником же регрессного обязательства является прекращение правоотношений поручительства их исполнением. Таким образом, основное обязательство новируется в обязательство регрессное (и именно об этом в очень неудачных формулировках и говорит ст. 365 Гражданского кодекса), причем регрессное обязательство появляется в результате прекращения поручительства»³⁵².

Оба из указанных выше подходов к правовой природе обязательства поручителя находят подтверждение и в законе, и в научной литературе³⁵³.

Важные практические последствия этих двух подходов можно рассмотреть на примере выдачи нескольких поручительств по одному и тому же обязательству по разным, никак не связанным между собой договорам поручительства.

Если один из таких поручителей удовлетворил требования кредитора, возникает вопрос: имеет ли он право требовать с остальных поручителей возмещения выплаченных кредитору сумм, или же он может предъявлять соответствующие требования только к должнику?

Если поручитель, удовлетворивший требования кредитора, считается исполнившим лишь обязательство поручителя нести ответственность за должника (но не обязательство должника по основному обязательству), он,

³⁵¹ Новоселова Л. А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М., 2003. С. 19.

³⁵² Белов В. А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М., 1998. С. 200.

³⁵³ См. например: Кашиников Н.Б. Теоретические конструкции поручительства в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. № 6. С. 94–121.

соответственно, становится новым кредитором по основному обязательству, а остальные поручители продолжают солидарно с должником отвечать уже перед этим новым кредитором³⁵⁴.

При этом никакого права обратного («регрессного») требования у поручителя возникать не должно³⁵⁵: поручитель имеет то же самое требование к должнику, что и первоначальный кредитор, ибо имела место лишь замена кредитора в основном обязательстве. Так как при таком подходе основное обязательство сохраняется, то сохраняются и все поручительства, возникшие из других договоров поручительства по этому обязательству и носящие акцессорный характер. С переходом прав кредитора по основному обязательству к поручителю автоматически должны переходить и все права по обеспечивающим его акцессорным обязательствам, в том числе права требования кредитора к оставшимся поручителям³⁵⁶. Это вытекает также из положений ст. 384 ГК РФ, согласно которой к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства.

Вместе с тем в действующем ГК РФ, несмотря на провозглашенный переход прав кредитора по основному обязательству к поручителю, об автоматическом переходе прав по обеспечивательным обязательствам речи не

³⁵⁴ При заключении нескольких отдельных договоров поручительства один из поручителей, исполнивших денежное обязательство за должника, становится на место первоначального кредитора. В силу этого другие поручители продолжают нести солидарную ответственность с должником за исполнение основного обязательства уже перед новым кредитором – поручителем, исполнившим обязательство. О солидарной ответственности нескольких поручителей перед новым кредитором (поручителем, исполнившим обязательство), здесь говорить не приходится, поскольку поручительства выдавались не совместно (п. 3 ст. 363 ГК РФ), а по отдельным, никак не связанным между собой договорам поручительства. В то же время сохраняется солидарная ответственность должника и каждого из оставшихся поручителей перед новым кредитором (п. 1 ст. 363 ГК РФ).

³⁵⁵ Тем не менее, ГК РФ прямо называет право требования поручителя, исполнившего обязательство, к должнику, регрессным (п. 2 ст. 366).

³⁵⁶ Об автоматическом переходе к новому кредитору по основному обязательству прав требования к поручителю пишет Л. А. Новоселова (*Новоселова Л. А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М., 2003. С. 123-125*).

идет³⁵⁷: в соответствии с п. 2 ст. 365 ГК РФ по исполнению поручителем обязательства кредитор *обязан передать поручителю права, обеспечивающие требование к должнику*. Иными словами, даже если считать, что к поручителю переходят права кредитора по основному обязательству, для перехода к поручителю прав требования к иным поручителям одного факта исполнения обязательства поручителем недостаточно: необходимо, чтобы основной кредитор уступил права требования к остальным поручителям по другим договорам поручительства и исполнил тем самым свою обязанность, предусмотренную в п. 2 ст. 365 ГК РФ. При отсутствии надлежащим образом оформленной уступки прав поручитель, являющийся «новым кредитором» в основном обязательстве, не может предъявлять какие-либо требования к остальным поручителям.

Если же придерживаться второго подхода и считать, что поручитель считается исполнившим основное обязательство, то он не становится новым кредитором в основном обязательстве. Основное обязательство прекращается, а вместе с ним прекращаются и все остальные поручительства. Поручитель приобретает лишь самостоятельное право регрессного требования к должнику в объеме, в котором он удовлетворил требования кредитора. Никаких прав требования к оставшимся поручителям у поручителя, исполнившего основное обязательство, не возникает.

Основанная на таком подходе судебная практика исходит из того, что поручитель исполняет основное обязательство вместо должника. В силу этого к поручителю не переходят требования по основному обязательству ввиду его прекращения, тем более к поручителю не могут перейти не названные в законе права, обеспечивающие уже исполненное обязательство, в том числе права кредитора по другим договорам поручительства, заключенным с иными поручителями. В силу акцессорного характера поручительства с прекращением основного обязательства прекращаются и

³⁵⁷ За исключением прав залогодержателя, переходящих к поручителю непосредственно в силу закона (п. 1 ст. 365 ГК РФ).

все другие поручительства, данные за должника по основному обязательству (п. 1 ст. 367 ГК РФ). Как указывал О.С. Иоффе, «поручительство может обеспечивать лишь действительное требование и прекращается одновременно с прекращением главного требования»³⁵⁸. Поручитель, исполнивший обязательство за должника, имеет право регрессного требования к остальным поручителям лишь в одном случае: если все поручители дали поручительство совместно и отвечали перед кредитором солидарно (п. 3 ст. 363, подп. 1 п. 2 ст. 325 ГК РФ). Если же поручительства за должника давались по отдельным, не связанным друг с другом договорам поручительства, то, несмотря на солидарную ответственность каждого из поручителей с должником перед кредитором (п. 1 ст. 363 ГК РФ), солидарной ответственности нескольких поручителей перед кредитором по смыслу п. 3 ст. 363 ГК РФ не возникает, и, соответственно, не возникает и право регрессного требования поручителя, исполнившего солидарное обязательство, к другим поручителям, предусмотренное подп. 1 п. 2 ст. 325 ГК РФ.

Сказанное находит свое подтверждение и в литературе, и в судебно-арбитражной практике. Например, Б. М. Гонгало по этому поводу пишет, что «...в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обязательства, обеспеченного поручительством нескольких лиц по разным договорам поручительства, кредитор вправе предъявить соответствующие требования к любому из поручителей. Каких-либо правоотношений между поручителями в этом случае не возникает (в частности, один из поручителей, удовлетворивший требование кредитора, не обладает правом регрессного требования к другим поручителям)»³⁵⁹.

Таким образом, основанное на этом подходе толкование ГК РФ исходит из того, что в случае исполнения обязанности одним из поручителей

³⁵⁸ *Иоффе О.С.* Общее учение об обязательствах // Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб., 2004. С. 222.

³⁵⁹ *Гонгало Б. М.* Учение об обеспечении обязательств. М., 2002. С. 103.

перед кредитором в условиях заключения нескольких отдельных договоров поручительства к исполнившему обязательство поручителю невозможен переход прав требования к остальным поручителям, если поручительство не давалось ими совместно.

С исполнением поручителем основного обязательства это обязательство прекращается, а поручитель приобретает к должнику особое право регрессного требования в объеме, не тождественном объему права требования первоначального кредитора к должнику. В частности, у поручителя возникает право регрессного требования только в том объеме, в котором поручитель фактически удовлетворил требование кредитора. Никаких иных прав, в том числе обеспечивающих исполнение уже исполненного основного обязательства³⁶⁰, к поручителю автоматически не переходит.

Каждый из изложенных выше подходов находит свое подтверждение и в ГК РФ, и в судебной практике, и в научной литературе. На наш взгляд, это свидетельствует о двойственной природе как обязательства поручителя (нести ответственность за должника и исполнять обязательство вместо должника), так и прав поручителя, исполнившего обязательство. Если быть точнее, у поручителя, исполнившего обязательство, возникает два вида прав: права кредитора в основном обязательстве, и регрессное право требования к должнику.

В то же время, нельзя не отметить, что ГК РФ, говоря об исполнении поручителем основного обязательства, нигде не упоминает о том, что это обязательство прекращается. Наоборот, несмотря на общее правило о прекращении обязательства ввиду его надлежащего исполнения (п. 1 ст. 408 ГК РФ), в результате исполнения основного обязательства поручителем к поручителю переходят права кредитора по основному обязательству (п. 1 ст.

³⁶⁰ За исключением прав залогодержателя.

365 ГК РФ). То есть *в силу закона исполнение обязательства должника поручителем не влечет прекращения основного обязательства.*

ГК РФ в порядке исключения предусматривает, что в ряде случаев надлежащее исполнение обязательства не прекращает это обязательство, а влечет переход прав кредитора к третьему лицу, исполнившему обязательство, с целью более прочной защиты интересов последнего. Речь в данном случае идет о платеже с суброгацией, когда к третьему лицу, исполнившему обязательство за должника, переходит субъективное право требования кредитора. Несмотря на то, что формально эти случаи не соответствуют п. 1 ст. 408 ГК РФ³⁶¹, тем не менее они предусмотрены законом и их следует рассматривать как исключение из общего правила о прекращении обязательства исполнением, установленного ст. 408.

Так, С. В. Сарбаш, рассматривая случаи перехода прав кредитора к третьему лицу, исполнившему обязательство за должника³⁶², указывает, что «переход прав кредитора в этом случае с теоретической точки зрения представляет собой известную юридическую аномалию. Согласно п. 1 ст. 408 ГК РФ надлежащее исполнение прекращает обязательство... Обязательство, надлежаще прекращенное, не может более служить источником прав требования по нему. Коль скоро обязанность прекратилась, прекратилось и корреспондирующее ей право требования. Что же в таком случае переходит от кредитора, получившего надлежащее удовлетворение, к третьему лицу?»³⁶³.

³⁶¹ Императивная норма п. 1 ст. 408 ГК РФ о прекращении обязательства исполнением не допускает никаких из нее исключений, тем не менее такие исключения в ГК РФ имеются (например, п. 5 ст. 313, п. 1 ст. 365). Полагаем в связи с этим, что в п. 1 ст. 408 ГК РФ законодателем допущена редакционная ошибка: в тексте данной нормы следовало бы сделать оговорку «если иное не предусмотрено настоящим Кодексом».

³⁶² К таким случаям автор относит переход прав кредитора к третьему лицу в соответствии со ст. 313 ГК РФ (когда третье лицо, рискуя утратить право на имущество должника вследствие обращения на него взыскания кредитором, по своей инициативе исполняет обязательство за должника), переход прав кредитора к поручителю или залогодателю (абз. 4 ст. 387 ГК РФ) и некоторые другие.

³⁶³ Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М., 2005. С. 149.

Ответ на этот вопрос С. В. Сарбаш видит в том, что все же к третьему лицу, исполнившему обязательство за должника, переходит субъективное право требования кредитора, т.е. речь идет о платеже с суброгацией.

Двойственная природа обязательства поручителя и вытекающие из нее два вида прав поручителя во многом объясняют те кажущиеся логические противоречия, которые имеются в ГК РФ. Например, В. А. Белов указывает на некорректность считать платеж поручителя платежом с суброгацией, т.к. поручитель исполняет свои собственные обязательства, возникшие из договора поручительства, которые с их исполнением прекращаются. Суброгация имела бы место лишь тогда, когда мы признали бы, что поручитель исполняет чужое обязательство должника, которое обеспечено его поручительством³⁶⁴.

Поручитель, производящий платеж за должника, одновременно исполняет и основное обязательство должника, и самостоятельное обязательство поручителя перед кредитором отвечать за неисполнение обязательства должником.

Это по существу означает, что после исполнения поручителем денежного обязательства за должника поручитель одновременно является и новым кредитором по основному обязательству, и кредитором по вновь возникшему регрессному обязательству между поручителем и должником. Такая «двойственная» природа прав поручителя, исполнившего обязательство, уже давно известна в научной литературе, когда права поручителя, исполнившего обязательство, могут являться либо регрессным требованием к должнику в объеме понесенных поручителем издержек, либо правом требования к должнику по основному обязательству, перешедшим к поручителю как новому кредитору в результате платежа с суброгацией.

Так, М. Планиоль по этому поводу писал, что поручитель, исполнивший обязательство, может по своему выбору предъявить к

³⁶⁴ См.: Белов В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части: Учебник. М., 2003. С. 770 (сноска).

должнику один из следующих исков: либо проистекающий из поручительства личный иск поручителя, либо иск поручителя из законной суброгации. В первом случае требование поручителя направлено на возмещение затрат, понесенных им в связи с исполнением предусмотренного поручительством обязательства, во втором случае – на удовлетворение требований кредитора в связи с переходом к поручителю прав кредитора. В первом случае к другим поручителям поручитель не имеет никаких прав («обратное требование предоставлено поручителю только против тех должников, за которых он поручился, против других же, за которых он не ручался, поручитель обратного требования не имеет»). Во втором случае к поручителю вместе с правами кредитора переходят и все обеспечительные права («В большинстве случаев этот иск представляется более выгодным, нежели иск, лично принадлежащий поручителю, так как он позволяет поручителю, как лицу подставленному вместо кредитора, пользоваться всеми добавочными обеспечениями, вроде ипотеки и других обеспечений, которые принадлежали кредитору...») ³⁶⁵.

Двойственная природа обязанности поручителя (и соответственно – прав поручителя, исполнившего обязательство), отмечается и немецкими исследователями. В частности, Х. Вебер пишет:

«...если основной должник не исполняет обязательства и кредитор по этой причине обращается за удовлетворением к поручителю, то поручитель, предоставив исполнение, погашает одновременно и основное обязательство, и свое собственное... После исполнения обязательства поручитель, основываясь на своих (двусторонних) отношениях с должником, по обязательству которого он поручился, обычно может требовать возмещения произведенных расходов... Независимо от этого закон дает ему право обратного требования... к основному должнику, установив, ... что к поручителю, удовлетворившему кредитора, переходят требования кредитора

³⁶⁵ *Планиоль М.* Курс французского гражданского права. Часть первая. Теория об обязательствах / Перевод с фр. В. Ю. Гартмана. М, 1911. С. 912–913.

к основному должнику (замещение). Эти два права требования конкурируют друг с другом... Вместе с основным требованием к поручителю переходят все права из обеспечения...»³⁶⁶.

К сожалению, в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»³⁶⁷ предложен односторонний подход, основанный на том, что в содержание обязанности поручителя не входит исполнение поручителем обязательства должника. Из положений проекта следует, что единственной обязанностью поручителя является исполнение своего собственного обязательства перед кредитором по несению ответственности за должника. Соответственно, к поручителю, исполнившему эту обязанность, переходят прав кредитора по основному обязательству (основное обязательство не прекращается), а право регрессного требования к должнику не возникает.

В частности, согласно п. 13 постановления, «положения ГК РФ о регрессных требованиях (например, пункт 3 статьи 200, подп. 1 пункта 2 статьи 325 Кодекса) не подлежат применению к отношениям между поручителем, исполнившим свое обязательство перед кредитором, и должником».

В п. 28 постановления указано, что «если несколько поручительств были даны по различным договорам поручительства отдельно друг от друга, то исполнение, произведенное одним из поручителей, влечет за собой переход к нему всех прав, принадлежавших кредитору (статья 387 ГК РФ), в том числе и требований к каждому из других поручителей о солидарном с должником исполнении обеспеченного обязательства».

Несмотря на то, что данные положения постановления последовательно реализуют избранный его авторами подход, согласно которому в обязанность поручителя не входит исполнение обязательства

³⁶⁶ Вебер, Хансйорг. Обеспечение обязательств. М., 2009. С. 110–111.

³⁶⁷ Вестник ВАС РФ. 2012. № 9.

должника, тем не менее в условиях действующей редакции ГК РФ некоторые из них не соответствуют закону.

Действующая редакция ГК РФ, на наш взгляд, исходит из двойственной природы обязательства поручителя: поручитель кроме собственной обязанности нести ответственность за должника *исполняет основное обязательство должника*, после чего у поручителя, исполнившего обязательство, возникает право *регрессного требования* (п. 1 ст. 365, ст. 366 ГК РФ). Поэтому отрицание регрессного характера требования поручителя прямо противоречит ГК РФ.

Кроме того, практические последствия наделения поручителя исключительно правами кредитора и лишения его права на предъявление самостоятельного регрессного требования весьма сомнительны. В частности, согласно п. 3 ст. 200 ГК РФ по регрессным обязательствам течение исковой давности начинается с момента исполнения основного обязательства. Лишение поручителя права на предъявление регрессного требования означает, что по требованию поручителя к должнику будет применяться исковая давность по основному обязательству, начавшая течь существенно раньше, т.е. срок для предъявления требования к должнику у поручителя может существенно сократиться.

Что касается положений об автоматическом переходе к поручителю требований к другим поручителям, заключившим отдельные договоры поручительства, то данное положение постановления также не соответствует ГК РФ. В частности, как указывалось выше, такого автоматического перехода обеспечительных прав ГК РФ на сегодняшний день не предусматривает. Наоборот, из п. 2 ст. 365 ГК РФ следует, что на кредиторе лежит лишь обязанность передать права, обеспечивающие основное требование, поручителю, исполнившему обязательство. При неисполнении кредитором этой обязанности соответствующие права не могут считаться перешедшими к поручителю.

Следует признать, что позиция, изложенная в постановлении Пленума ВАС РФ, сама по себе имеет право на существование, как и иные возможные подходы. Например, можно исходить из двойственной природы прав поручителя и рассматривать их одновременно и как регрессное требование к должнику в объеме понесенных поручителем издержек, возникающее после прекращения основного обязательства, и как право требования к должнику по основному обязательству, перешедшее к поручителю как новому кредитору в результате платежа с суброгацией.

Однако применительно к разъяснениям Высшего Арбитражного Суда РФ любая занятая им позиция должна быть основана на законе, чего нельзя, к сожалению, сказать, о приведенных положениях постановления Пленума ВАС РФ по рассматриваемым вопросам. В настоящее время ГК РФ, несмотря на содержащиеся в нем самом некорректные формулировки, все же предусматривает, что поручитель исполняет обязательство за должника, после чего наделяется самостоятельным правом регрессного требования. Это подтверждается также и общими нормами о солидарной (п. 2 ст. 325 ГК РФ) и субсидиарной (п. 3 ст. 325 ГК РФ) ответственности, в силу которых поручитель, несущий солидарную или субсидиарную ответственность, приобретает право регрессного требования к должнику.

Представляется, однако, что положения ГК РФ о природе и объеме прав поручителя, исполнившего обязательство, нуждаются в дальнейшем совершенствовании в направлении более последовательного проведения концепции двойственной природы обязательства поручителя и конкуренции двух видов прав, возникающих у поручителя, исполнившего обязательство за должника.

В силу того, что ответственность участников и иных лиц по обязательствам юридического лица перед кредиторами может рассматриваться как разновидность «законного поручительства», многие подходы о поручительстве могут применяться и к подобной ответственности, установленной в законодательстве о юридических лицах. В

то же время, весьма сомнительным представляется наделение контролирующих лиц, исполнивших обязательство юридического лица, какими-либо правами требования (по основному обязательству или правом регрессного требования) к подконтрольному юридическому лицу-должнику, как это происходит при субсидиарной ответственности перед кредиторами в законодательстве о юридических лицах³⁶⁸.

Напомним, что помимо рассмотренных выше случаев законного или уставного поручительства, не являющихся ответственностью за неправомерное поведение и устанавливаемых в зависимости от особенностей организационно-правовой формы юридического лица, или в связи с необходимостью гарантировать формирование имущественной массы юридического лица, в законодательстве о юридических лицах установлены и иные основания привлечения учредителей и других лиц к ответственности по долгам юридического лица перед кредиторами независимо от того, несут ли они в силу закона или учредительных документов дополнительную ответственность.

В российском гражданском законодательстве такие случаи «снятия корпоративных покровов» немногочисленны и сводятся к ответственности контролирующих лиц при банкротстве и к ответственности основных хозяйственных обществ по обязательствам дочерних.

Одним из таких примеров, применимым ко всем организационно-правовым формам юридического лица, является возможность привлечения к ответственности иных лиц при банкротстве юридического лица³⁶⁹.

В частности, речь идет о несостоятельности (банкротстве) юридического лица, которая была вызвана действиями учредителей и иных

³⁶⁸ О субсидиарной ответственности подробнее см.: *Гутников О.В.* Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2018. № 1. С. 45–77; *Он же.* Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: необходимость реформ // *Адвокат.* 2016. № 9. С. 5–13.

³⁶⁹ Подробнее об ответственности при банкротстве юридического лица см. § 8 настоящей главы.

лиц. Ранее возможность привлечения к такой ответственности была установлена непосредственно в ГК РФ. В соответствии с абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ (в прежней редакции) если несостоятельность (банкротство) юридического лица вызвана учредителями (участниками), собственником имущества юридического лица или другими лицами, которые имеют право давать обязательные для этого юридического лица указания или иным образом имеют возможность определять его действия, на таких лиц в случае недостаточности имущества юридического лица может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

В целях практического применения абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ высшие судебные инстанции разъяснили, что соответствующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности лишь в тех случаях, когда несостоятельность (банкротство) юридического лица вызвана их указаниями или иными действиями. К числу лиц, на которые может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам признанного несостоятельным (банкротом) юридического лица, относятся, в частности, лицо, имеющее в собственности или доверительном управлении контрольный пакет акций акционерного общества, собственник имущества унитарного предприятия, давший обязательные для него указания, и т.п.³⁷⁰.

Однако в настоящее время соответствующие положения из текста ГК РФ исключены. Вместо этого введена отсылочная норма о том, что случаи привлечения к ответственности по обязательствам юридического лица учредителей или собственника имущества могут устанавливаться другим законом (п. 2 ст. 56 ГК РФ).

Соответствующие правила получили развитие в ст. 10, а позднее – в главе III.2 Закона о банкротстве о привлечении к субсидиарной

³⁷⁰ См. абз. 1 п. 22 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

ответственности контролирующих должника лиц³⁷¹.

Данные нормы Закона о банкротстве, на наш взгляд, в целом являются оправданными и выражают оптимальный баланс интересов между участниками юридического лица, юридическим лицом и его кредиторами. Именно при банкротстве юридического лица, возникшего по вине участников или иных контролирующих лиц, справедливо привлекать к субсидиарной ответственности лиц, ответственных за банкротство.

Привлечение к дополнительной ответственности учредителей (участников) в процессе деятельности юридического лица, даже если они виновны в причинении убытков кредиторам, сводит на нет саму конструкцию юридического лица, которое и должно отвечать перед кредиторами своим имуществом. Пока юридическое лицо существует и у него имеется имущество, этим имуществом и должны гарантироваться интересы кредиторов. Если же имущества юридического лица недостаточно для покрытия убытков кредиторов, юридическое лицо подлежит ликвидации в процессе банкротства, и только в этом случае должна наступать субсидиарная ответственность лиц, виновных в банкротстве юридического лица. Такой вывод в целом находится в логике правовой позиции Конституционного Суда РФ³⁷², актуальной для всех видов корпоративной ответственности, согласно которой возмещение вреда, причиненного физическим лицом неуплатой организацией налога в бюджет или сокрытием денежных средств организации, в случае привлечения его к уголовной ответственности может иметь место только при соблюдении установленных законом условий привлечения к гражданско-правовой ответственности и

³⁷¹ Подробнее см. § 8 настоящей главы.

³⁷² См. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2017 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.А. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А.Н. Сергеева».

только при подтверждении *окончательной невозможности исполнения налоговых обязанностей организацией-налогоплательщиком.*

Поэтому, на наш взгляд, последовательное соблюдение принципа отделения требует, что «снятие корпоративных покровов» путем привлечения к любой разновидности корпоративной ответственности перед кредиторами за противоправное поведение (как по обязательствам юридического лица, так и за вред, причиненный кредиторам в процессе управления юридическим лицом (корпоративный деликт)), может иметь место *лишь в условиях недостаточности имущества самого юридического лица и подтверждения окончательной невозможности взыскания убытков с самого юридического лица.*

Следует отметить, что не все юридические лица могут быть ликвидированы в процессе банкротства. В частности, согласно п. 1 ст. 65 ГК РФ не могут быть признаны банкротом казенное предприятие, учреждение, политическая партия и религиозная организация. Не может быть признана банкротом и государственная корпорация (государственная компания), за исключением случаев, прямо предусмотренных соответствующим законом. В то же время в интересах защиты кредиторов нормы о возможности привлечения к субсидиарной или деликтной корпоративной ответственности учредителей и иных лиц перед кредиторами за их виновные действия должны действовать также и в отношении этих юридических лиц, если при их ликвидации для удовлетворения требований кредиторов недостаточно их имущества. Это актуально в том числе и для учреждений, по обязательствам которых собственник вообще иногда ничем не отвечает (например, автономное и бюджетное учреждение, по обязательствам которых собственник несет ответственность лишь в связи с причинением вреда гражданам).

Поэтому вместо утратившего силу абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ (касающегося ответственности за доведение до банкротства) в Кодекс следует ввести общие нормы, согласно которым *во всех случаях прекращения*

юридических лиц в условиях недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов (при ликвидации юридического лица или признании его несостоятельным) к ответственности перед кредиторами (субсидиарной или корпоративной деликтной ответственности) могут привлекаться лица, виновные в доведении юридического лица до банкротства или в создании ситуации недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов. Данные нормы должны быть универсальными и применяться ко всем юридическим лицам без исключения и при этом четко исходить из того, что устанавливаемая ими ответственность является корпоративной гражданско-правовой ответственностью за неправомерные действия соответствующих контролирующих лиц, со всеми сопутствующими условиями привлечения к гражданско-правовой ответственности (противоправное поведение, убытки, причинная связь, вина). Такую ответственность следует отличать от субсидиарной ответственности тех же лиц, наступающей по иным основаниям, связанным с установлением законного или уставного поручительства по обязательствам юридического лица, для привлечения к которой не требуется установления противоправного поведения или вины ответственного лица.

Непонимание этой существенной разницы видов корпоративной ответственности продемонстрировано в свое время Пленумом Верховного Суда РФ и ВАС РФ при толковании прежней редакции абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ о субсидиарной ответственности лиц, виновных в доведении юридического лица до банкротства. Так, в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ и ВАС РФ предлагалось исключить применение субсидиарной ответственности, предусмотренной абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ в отношении полного товарищества и товарищества на вере, участники которых солидарно несут субсидиарную ответственность по долгам товарищества, а также в отношении производственных кооперативов, члены которых несут субсидиарную ответственность по долгам кооператива в

порядке, предусмотренном законом и уставом кооператива³⁷³.

Если следовать этой логике, то применение абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ надо было вообще исключать в отношении всех юридических лиц, для которых законом или учредительными документами предусмотрена субсидиарная ответственность участников или собственника имущества по долгам юридического лица. Однако такой подход в корне неверен, поскольку ответственность учредителей и иных лиц, предусмотренная абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ, имела универсальный характер и применялась за виновное противоправное поведение. Она не зависела от того, несут ли учредители субсидиарную ответственность по закону или согласно учредительным документам.

В данном случае речь идет о совершенно иной ответственности, применяемой по другим основаниям (за действия, приведшие к банкротству) и к другим субъектам (не только учредители, но и любые иные лица, имеющие право давать указания или определять действия юридического лица). Например, банкротство полного товарищества может быть вызвано не действиями его участников, а иных лиц, имеющих право давать указания, например, по договору с товариществом. При этом имущества учредителей может оказаться недостаточно для покрытия убытков, причиненных кредиторам. Вместе с тем согласно разъяснениям Пленумов Верховного Суда РФ и ВАС РФ лиц, давших указания товариществу, было невозможно привлечь к ответственности на основании абз. 2 п. 3 ст. 56 ГК РФ.

Таким образом, «снятие корпоративных покровов» при недостаточности имущества юридического лица при прекращении его деятельности должно быть распространено на все юридические лица независимо от их организационно-правовой формы, если недостаточность имущества юридического лица вызвана виновными действиями учредителей

³⁷³ См. абз. 3 п. 22 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

(участников), собственника имущества или иных лиц, имеющих возможность определять действия юридического лица или давать ему обязательные указания (контролирующих лиц).

В настоящее время ГК РФ таких общих норм не содержит, а имеющиеся частные случаи привлечения отдельных лиц к ответственности по долгам юридического лица при его ликвидации (банкротстве) не восполняют указанного пробела. Так, в ГК РФ имеются положения в отношении основных хозяйственных обществ (товариществ), которые несут субсидиарную ответственность по долгам дочерних обществ в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного общества (товарищества) (абз. 3 п. 2 ст. 67.3). Кроме того, в п. 2 ст. 64.1 установлена обязанность членов ликвидационной комиссии возместить убытки, причиненные ими учредителям (участникам) ликвидированного юридического лица или его кредиторам в порядке и по основаниям, которые предусмотрены ст. 53.1 ГК РФ (об ответственности членов органов юридического лица за нарушение обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно).

Представляется также, что применение доктрины «снятия корпоративных покровов» в отношении лиц, контролирующих юридическое лицо, возможно для случаев, когда юридическое лицо формально не ликвидируется, но признается фактически прекратившим свою деятельность³⁷⁴.

В результате «снятие корпоративных покровов» должно допускаться лишь при ликвидации юридических лиц или при признании их фактически недействующими.

В противоположность этим ситуациям, на наш взгляд, доктрина «снятия корпоративных покровов» не должна применяться, если юридическое лицо существует и действует. Даже если деятельность каких-

³⁷⁴ См. ст. 64.2 ГК РФ; ст. 21.1 Закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

либо лиц, стоящих за юридическим лицом (учредителей, иных лиц, определяющих действия юридического лица) привела к возникновению у кредиторов юридического лица убытков, эти убытки следует покрывать за счет имущества самого юридического лица, а не его учредителей или иных лиц, стоящих за юридическим лицом. Если имущества юридического лица недостаточно для исполнения обязательств перед кредиторами из-за недобросовестных или неразумных действий управляющих, то имущественная масса юридического лица должна пополняться за счет возмещения убытков управляющими в пользу юридического лица в соответствии со ст. 53.1 ГК РФ³⁷⁵. Однако независимо от того, возместили ли виновные управляющие соответствующие убытки юридическому лицу, ответственность перед кредиторами в силу принципа отделения должно продолжать нести само юридическое лицо до тех пор, пока оно формально продолжает свое существование. И лишь тогда, когда юридическое лицо прекращается или фактически не действует (является «фирмой-однодневкой»), его имущества недостаточно для удовлетворения требований кредиторов и при этом налицо злоупотребления контролирующих лиц, приведшие к виновному причинению кредиторам убытков, возможно применять доктрину «снятия корпоративных покровов» и привлекать контролирующих лиц к ответственности по обязательствам юридического лица непосредственно перед кредиторами.

Единственным обстоятельством, которое могло бы оправдать возможность привлечения к ответственности учредителей в процессе деятельности юридического лица, является отсутствие в законодательстве требований к уставному капиталу юридического лица, гарантирующему интересы кредиторов. Но эти случаи уже законодателем учтены, и когда требования к уставному капиталу не установлены, учредитель, как правило, привлекается к ответственности по долгам юридического лица (например,

³⁷⁵ См. § 1 настоящей главы.

субсидиарная ответственность собственника по долгам учреждения, субсидиарная ответственность участников полного товарищества и т.п.). Если же интересы кредиторов гарантированы уставным капиталом³⁷⁶, то привлечение к ответственности учредителей и иных лиц в процессе деятельности юридического лица является грубым нарушением «принципа отделения» юридического лица от его участников и ведет по существу к отрицанию самой категории юридического лица.

Следует отметить, что в процессе реформы гражданского законодательства в части установления случаев «снятия корпоративных покровов» в период существования юридического лица принципиально возможными рассматривались три направления: либо вовсе исключить из ГК такие нормы, прежде всего нормы об ответственности основных обществ (товариществ) по долгам дочерних обществ; либо усовершенствовать эти нормы, сохраняя их действие лишь в отношении предпринимательских корпораций; либо распространить эти нормы на все юридические лица, установив дополнительную ответственность лиц, контролирующих юридические лица, независимо от их организационно-правовой формы.

Первое направление представляется нам наиболее оптимальным и соответствующим принципу «отделения» личности и имущества юридического лица от личности и имущества его учредителей (участников) и иных лиц.

Тем не менее, в ходе реформы предусмотренные законодательством случаи «снятия корпоративных покровов» в период существования юридического лица предлагалось, наоборот, расширить.

В частности, в п. 1.8 раздела III Концепции развития гражданского законодательства говорится о том, что «положения пункта 3 (абзац 2) статьи

³⁷⁶ В процессе реформы гражданского законодательства предлагалось установить повышенные требования к размеру уставного капитала, чего пока, к сожалению, сделано не было.

56 ГК РФ³⁷⁷ целесообразно дополнить правилом о субсидиарной виновной имущественной ответственности учредителей, участников, выгодоприобретателей и иных лиц, имеющих возможность определять решения о совершении сделок, принимаемые юридическим лицом, перед его контрагентами по сделке»³⁷⁸. То есть в ГК РФ фактически предлагалось ввести общие положения о субсидиарной виновной ответственности любых контролирующих лиц по сделкам подконтрольных организаций в период существования юридического лица. В отличие от ответственности основных обществ по сделкам дочерних данная ответственность предполагалась не солидарной, а субсидиарной, и при этом виновной, наступающей за противоправное виновное поведение контролирующих лиц. Также эта ответственность не связывалась с наличием «обязательных указаний» о совершении соответствующих сделок, а говорилось об «определении решений о совершении сделок».

Здесь же в Концепции указывалось, что «*субсидиарная ответственность* различных лиц, прежде всего *учредителей (участников) юридического лица* по его долгам должна наступать при невозможности взыскания причиненных юридическому лицу убытков с виновных лиц по правилам пункта 3 статьи 53 ГК»³⁷⁹. Тем самым исключалось применение норм о субсидиарной ответственности контролирующих лиц по обязательствам юридического лица перед кредиторами в тех случаях, когда соответствующие убытки были взысканы в пользу юридического лица за счет управляющих, виновных в причинении убытков, по правилам об ответственности управляющих. Предполагалось, что в таком случае отвечать по обязательствам перед кредиторами должно само юридическое лицо, имущественная масса которого пополнилась за счет управляющих, виновных

³⁷⁷ Данная норма устанавливала возможность возложения субсидиарной ответственности на участников и иных лиц за доведение юридического лица до банкротства.

³⁷⁸ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., 2009. С. 50.

³⁷⁹ Там же.

в причинении юридическому лицу убытков.

Данное предложение по существу не вызывает возражений, поскольку направлено на более последовательное проведение принципа самостоятельной имущественной ответственности юридического лица. Однако в целом указанные общие правила о субсидиарной виновной ответственности контролирующих лиц по обязательствам перед кредиторами любого юридического лица в период его существования предлагалось вводить в дополнение о правилах о субсидиарной ответственности контролирующих лиц за доведение юридического лица до банкротства. То есть предполагалось, что субсидиарная ответственность может налагаться на виновных лиц в отсутствие ситуации банкротства, когда сохраняется возможность по взысканию задолженности с самого юридического лица с помощью обычных средств правовой защиты, которые еще не исчерпаны, что не соответствует принципу отделения, предполагающим, что пока юридическое лицо существует и формально действует, никакой дополнительной ответственности по его обязательствам перед кредиторами, в том числе ответственности виновных лиц, быть не должно.

Другое предложение Концепции касалось непосредственно ответственности «материнских» компаний по долгам дочерних. В пункте 4.1.7. Концепции³⁸⁰ говорится, что основания ответственности «материнской» компании по долгам дочерней должны быть унифицированы во всех законодательных актах и ориентированы на формулировку п. 2 ст. 105 ГК РФ. При этом «такая ответственность по общему правилу должна наступать *при отсутствии вины* (курсив мой – О.Г.), и лишь при банкротстве – при наличии любой формы вины в деятельности «материнской» компании. Представляется также, что указанная ответственность должна наступать во всех случаях, когда она вызвана

³⁸⁰ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. С. 50.

исполнением дочерней компанией решений «материнской» компании»³⁸¹. Также в пункте 4.1.8 Концепции сказано о дополнении норм о «компаниях одного лица» правилами о субсидиарной ответственности их учредителя (участника) по долгам (сделкам) таких юридических лиц при недостаточности у последних имущества, если хозяйственное общество совершало такие сделки во исполнение воли (указаний) своего единственного учредителя (участника)³⁸².

Таким образом, Концепцией предлагалось существенно расширить и унифицировать основания привлечения контролирующих лиц к ответственности по обязательствам юридического лица перед кредиторами, по существу установив три случая такой ответственности, которая может применяться в период существования юридического лица, в том числе в условиях достаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов:

- субсидиарная виновная ответственность контролирующих лиц перед кредиторами по сделкам, совершенным подконтрольным юридическим лицом во исполнение решений контролирующих лиц (п. 1.8 раздела III Концепции);

- солидарная безвиновная ответственность «материнской» компании перед кредиторами по сделкам, совершенным дочерней компанией во исполнение решений «материнской компании» (п. 4.1.7 раздела III Концепции);

- субсидиарная безвиновная ответственность единственного участника перед кредиторами дочерней компании по сделкам, совершенным во исполнение указаний такого участника, наступающая при недостаточности имущества дочерней компании (п. 4.1.8 раздела III Концепции).

Введение подобного разнообразия случаев ответственности контролирующих лиц перед кредиторами подконтрольных юридических лиц

³⁸¹ Там же. С. 59–60.

³⁸² Там же. С. 60.

в условиях, когда подконтрольное лицо не находится в стадии ликвидации или банкротства, на наш взгляд, подрывает принцип самостоятельной имущественной ответственности юридического лица по своим обязательствам, и ведет по существу к отрицанию самой конструкции юридического лица.

Проект изменений в ГК РФ, принятый в первом чтении Государственной Думой в начале 2012 г., вводил понятия контролирующих и подконтрольных юридических лиц, а также устанавливал субсидиарную ответственность контролирующих лиц по обязательствам любого подконтрольного юридического лица, которую они должны нести солидарно³⁸³. Тем самым проект шел еще дальше Концепции, распространив «гарантийную» ответственность на любые юридические лица, а не только на предпринимательские корпорации (хозяйственные общества и товарищества), при этом ответственность устанавливалась по любым обязательствам подконтрольного юридического лица, а в некоторых случаях носила солидарный характер, что могло вызвать самые непредсказуемые последствия для гражданского оборота. Законопроект исходил из того, что ограниченность сферы применения такой ответственности является главным ее недостатком. По мнению разработчиков указанного законопроекта, подобная ответственность должна применяться в отношении любых коммерческих корпораций и иных юридических лиц, и при этом может распространяться на любых контролирующих участников (в том числе – на собственников имущества унитарных организаций). Соответствующие нормы не вошли в текст обновленной главы 4 ГК РФ о юридических лицах³⁸⁴, что было вызвано как концептуальными, так и юридико-

³⁸³ Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.gosduma.net/systems/law/>.

³⁸⁴ См. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016. С. 34–35.

техническими недостатками проектируемых норм.

Если применение концепции «гарантийной ответственности» в отношении хозяйственных обществ объяснялось тем, что эти общества осуществляют предпринимательскую деятельность, имеющую высокорисковый характер и поэтому кредиторы нуждаются в повышенных гарантиях (контролирующие лица принимают на себя риск неисполнения обязательств перед кредиторами подконтрольным лицом), то распространение ее на другие юридические лица, в том числе на некоммерческие организации, и вовсе было безосновательным.

В иных коммерческих корпорациях, являющихся «объединением лиц», участники и без специальных норм несут ответственность по долгам создаваемого ими юридического лица. Например, бессмысленно использование понятия «дочернее (или подконтрольное) полное товарищество», поскольку участники полного товарищества сами занимаются предпринимательской деятельностью от имени товарищества и несут ответственность по его обязательствам принадлежащим им имуществом (п. 1 ст. 69 ГК РФ).

Тем более отсутствуют какие-либо разумные основания для распространения соответствующих правил на некоммерческие организации (фонды, учреждения), которые вообще не занимаются предпринимательской деятельностью.

Несмотря на это, Проект не только не отказался от привлечения к ответственности контролирующего лица по сомнительному и отвергнутому Концепцией основанию (в связи с дачей им обязательных указаний подконтрольному юридическому лицу) (подп. 1 п. 1 ст. 53.4 Проекта), но и существенно расширил перечень случаев привлечения контролирующего лица к ответственности, установив ее за любые действия (или бездействие), а не только за сделки.

Такое расширение само по себе вызывало возражения, поскольку каждое дополнительное исключение из правил о раздельной ответственности

юридических лиц и их участников противоречит природе юридического лица, а применительно к предпринимательским корпорациям – подрывает инвестиционную привлекательность такой формы ведения бизнеса. Вызывали множество вопросов и предлагавшиеся Проектом новеллы правового регулирования соответствующих отношений.

Ни одно из предложений Концепции и Проекта в результате принято не было³⁸⁵, однако в ГК РФ сохранились в модифицированном виде положения о солидарной ответственности основного хозяйственного общества по обязательствам дочернего (ст. 67.3 ГК РФ³⁸⁶). Такая ответственность представляет собой яркий пример установленной законом «гарантийной» ответственности участника по обязательствам юридического лица перед кредиторами.

При этом в ГК РФ отсутствуют какие-либо иные нормы о «снятии корпоративных покровов», в том числе нормы о возможности привлечения к ответственности контролирующих лиц при банкротстве юридического лица (за исключением банкротства дочернего общества), что вряд ли оправданно.

Согласно п. 1 ст. 67.3 ГК РФ хозяйственное общество признается дочерним, если другое (основное) хозяйственное товарищество или общество в силу преобладающего участия в его уставном капитале, либо в соответствии с заключенным между ними договором, либо иным образом имеет возможность определять решения, принимаемые таким обществом.

В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ, основное общество (товарищество) отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение указаний или с согласия основного

³⁸⁵ В этой связи вызывает недоумение сожаление некоторых авторов о том, что соответствующие нормы Проекта не попали в новую редакцию ГК РФ. Так, Т.С. Бойко называет нормы Проекта вполне «разумными и обоснованными предложениями» (См. *Бойко Т.С.* Что осталось за скобками реформы Гражданского кодекса в части регулирования юридических лиц // Закон. 2014. № 7. С. 59). См. также: *Спирин Д.А.* Реформа законодательства о юридических лицах: неудавшаяся попытка регулирования ответственности контролирующего лица // Закон. 2014. № 7. С. 63–68.

³⁸⁶ В редакции Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ.

хозяйственного товарищества или общества (п. 3 ст. 401)³⁸⁷, за исключением случаев голосования основного хозяйственного товарищества или общества по вопросу об одобрении сделки на общем собрании участников дочернего общества, а также одобрения сделки органом управления основного хозяйственного общества, если необходимость такого одобрения предусмотрена уставом дочернего и (или) основного общества. В акционерном законодательстве это правило уточнено: основное общество (товарищество) считается имеющим право давать дочернему обществу обязательные для последнего указания только в случае, когда это право предусмотрено в договоре с дочерним обществом или уставе дочернего общества (абз. 2 п. 3 ст. 6 Закона об акционерных обществах). Такое уточнение не соответствует как ранее действовавшей ст. 105 ГК РФ, которой допускались и иные случаи, когда основное общество считается имеющим право давать дочернему обществу обязательные указания, так и ныне действующей ст. 67.3 ГК РФ, которая вообще не устанавливает в качестве условия привлечения к ответственности наличие у основного общества (товарищества) права давать дочернему обществу обязательные указания.

Данная ответственность возлагается только на основное хозяйственное товарищество или общество, т.е. фактически – на контролирующего участника, и не применяется к участникам, у которых отсутствует возможность определять решения коммерческой корпорации. Как и говорилось выше, это связано с повышенной ответственностью контролирующего участника, который по существу в силу закона гарантирует кредиторам исполнение всех сделок, которые были совершены

³⁸⁷ Действующая ранее ст. 105 ГК РФ несколько по-иному устанавливала условия привлечения основного общества (товарищества) к ответственности по обязательствам дочернего общества: такая ответственность наступала лишь в случае, если основное общество (товарищество) имело право давать дочернему обществу обязательные для него указания, в том числе по договору с ним. При этом ответственность наступала только по сделкам, заключенным во исполнение таких обязательных указаний. По сделкам, заключенным «с согласия» основного общества (товарищества), ответственность не наступала.

подконтрольным ему хозяйственным обществом во исполнение указаний основного общества.

Основными недостатками статьи 67.3 ГК РФ, на наш взгляд, являются следующие.

Во-первых, возложение на контролирующего участника, не совершающего никаких неправомерных действий, *солидарной* ответственности по обязательствам подконтрольных коммерческих корпораций в условиях, когда дочернее хозяйственное общество не находится в состоянии банкротства, а нормально функционирует в гражданском обороте, представляется излишне жесткой мерой в отношении контролирующих участников, подрывающей принцип раздельной имущественной ответственности участников и юридического лица перед кредиторами в гражданском обороте. Солидарная ответственность основного общества представляется также особенно необоснованной при безвиновной ответственности контролирующего лица, о которой свидетельствует ссылка в ст. 67.3 ГК РФ на п. 3 ст. 401 ГК РФ, где содержится правило о безвиновной ответственности при осуществлении предпринимательской деятельности. Представляется, что наиболее подходящей в данном случае была бы не солидарная, а *субсидиарная* ответственность контролирующего участника. Фактически в субсидиарном порядке привлекаются к ответственности акционеры и в праве США, где зародилась доктрина «снятия корпоративной вуали». Например, О.Н. Фомина отмечает, что судебные органы США прибегают к «снятию корпоративной вуали» только в случаях недостаточности имущества самой ответственной корпорации (фактически ответственность всегда носит субсидиарный характер)³⁸⁸.

Во-вторых, конструкция «гарантийной» ответственности контролирующего участника по сделкам, заключенным во исполнение

³⁸⁸ См. Фомина О.Н. Правовое положение предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ. М., 2016. С. 57, 60.

указаний основного общества, по существу устанавливает ответственность при отсутствии со стороны основного общества каких-либо противоправных действий и вины в неисполнении дочерним обществом своих обязательств. Ответственность наступает «автоматически», даже независимо от того, что неисполнение обязательства могло иметь место исключительно по вине дочернего общества и его должностных лиц, а основное общество, несмотря на то, что дало указание о заключении самой сделки, к ее ненадлежащему исполнению не имеет никакого отношения. Такое регулирование, на наш взгляд, не только противоречит основным принципам любой юридической ответственности, но и накладывает на контролирующих участников обязательства, несоразмерные конституционно значимым целям, в которых могут быть ограничены гражданские права (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК, п. 3 ст. 55 Конституции РФ). Неслучайно в Концепции развития гражданского законодательства предлагалось устанавливать субсидиарную *виновную* имущественную ответственность контролирующих лиц перед контрагентами юридического лица по сделке³⁸⁹.

Любое введенное законом отступление от принципа отделения должно иметь серьезные основания, коренящиеся прежде всего в злонамеренных, по сути мошеннических неправомерных действиях участников юридического лица, которые привели к неисполнению обязательства перед кредиторами и как следствие – к убыткам кредиторов³⁹⁰. Если же речь идет об отсутствии противоправных действий со стороны контролирующего участника, то

³⁸⁹ П. 1.8 раздела III Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Правда, в п. 4.1.7 Концепции, как указывалось выше, в отношении основных и дочерних обществ содержалось противоречащее пункту 1.8. предложение: «Такая ответственность по общему правилу должна наступать *при отсутствии вины*, и лишь при банкротстве - при наличии любой формы вины в деятельности «материнской» компании».

³⁹⁰ См. Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 80–125; Фомина О.Н. Правовое положение предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ. М., 2016. С. 48–53.

«гарантийная» ответственность по обязательствам перед кредиторами может иметь место лишь при недостаточности имущества подконтрольного юридического лица, т.е. в случае его банкротства или ликвидации в условиях недостаточности имущества. Если же контролируемая компания имеет имущество для удовлетворения требований кредиторов, то «гарантийная» корпоративная ответственность контролирующих участников по обязательствам юридического лица перед кредиторами в принципе не должна иметь места, иначе сама конструкция юридического лица теряет смысл.

Более того, даже при наличии со стороны контролирующих лиц виновных противоправных действий, связанных с управлением юридическим лицом и направленных на причинение убытков кредиторам, привлечение их к любой ответственности (солидарной или субсидиарной) по обязательствам юридического лица перед кредиторами должно иметь место лишь при банкротстве юридического лица, что и имеет место в законодательстве о несостоятельности.

В-третьих, практическая реализация данной нормы крайне затруднительна, поскольку доказать, что та или иная сделка заключена во исполнение конкретных указаний основного общества, в большинстве случаев невозможно. Практические сложности вызывает и неединообразный подход ГК РФ и специальных законов о хозяйственных обществах в определении того, является ли наличие права давать обязательные указания необходимым условием привлечения основного общества (товарищества) к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества. Также необъяснимы разночтения законов о хозяйственных обществах в вопросе о том, имеет ли основное общество право давать обязательные указания дочернему обществу, в отношении акционерных обществ (где это право признается лишь в случае, предусмотренном договором или уставом) и в отношении обществ с ограниченной ответственностью (где допускаются и иные формы существования этого права).

В-четвертых, вся статья 67.3 ГК РФ в оставшейся части включает бессодержательные по существу положения, дублирующие иные нормы законодательства.

В частности, абзац 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ устанавливает правило, согласно которому в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного хозяйственного товарищества или общества последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам. Однако данное правило по существу является частным случаем привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности за доведение юридического лица до банкротства в соответствии с Законом о банкротстве³⁹¹, и не требует дополнительной регламентации в ГК РФ.

В пункте 3 ст. 67.3 ГК РФ устанавливается также возможность для участников дочернего общества требовать возмещения основным обществом убытков, причиненных его действиями или бездействием дочернему обществу, со ссылкой на общие нормы о деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ). Однако наличие данной нормы в ГК является излишним после внесения в Кодекс изменений о корпоративной ответственности членов органов управления и иных лиц, имеющих фактическую возможность определять действия любого юридического лица (ст. 53.1 ГК РФ), к которым с полным основанием можно отнести основное общество или товарищество.

Поэтому статья 67.3 ГК РФ в целом, в том числе ее положения о солидарной ответственности основного общества (товарищества) перед кредиторами дочернего общества по сделкам, заключенным последним во исполнение указаний или с согласия основного общества (товарищества), должна быть отменена.

В связи с этим заслуживает внимания, что 5 апреля 2018 г. на официальном портале проектов нормативных правовых актов был размещен

³⁹¹ О привлечении к ответственности контролирующих лиц при банкротстве см. § 8 настоящей главы.

для обсуждения подготовленный Минэкономразвития РФ законопроект³⁹², реанимирующий идею о введении универсальных норм об ответственности контролирующих лиц в отношении любых юридических лиц и их участников. Однако, в отличие от законопроекта № 47538-6, новый законопроект предлагает вообще отказаться от ответственности контролирующих лиц по обязательствам юридического лица перед кредиторами. Предполагается, что контролирующие лица будут отвечать лишь перед подконтрольным юридическим лицом в виде возмещения убытков за свои виновные действия, выражающиеся в нарушении обязанности контролирующего лица действовать добросовестно и разумно в интересах подконтрольной организации. Требование к контролируемому участнику о возмещении причиненных подконтрольной организации убытков может быть предъявлено как самим подконтрольным лицом, так и его участниками (ст. 53.3 и 53.4 ГК РФ в редакции законопроекта). При этом статью 67.3 ГК РФ об основных и дочерних хозяйственных обществах предлагается полностью отменить.

По существу новый законопроект детализирует норму пункта 3 статьи 67.3 ГК РФ об ответственности основного общества за убытки, причиненные дочернему обществу, и распространяет ее на любые подконтрольные организации в отношении любых контролирующих лиц, одновременно уточняя понятие контролирующего лица. Несмотря на то, что сам по себе законопроект вызывает множество вопросов (в том числе сомнительна в принципе целесообразность его принятия ввиду наличия в ГК РФ общей нормы пункта 3 ст. 53.1, которая уже устанавливает универсальную обязанность контролирующих лиц отвечать за причиненные подконтрольным организациям убытки), тем не менее заслуживает

³⁹² Проект федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части определения контролирующих и подконтрольных лиц и их ответственности)» // URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=79694>.

поддержки его идея отказаться от механизма ответственности контролирующего лица перед кредиторами, предусмотренного п. 2 ст. 67.3 ГК РФ, по изложенным выше причинам (так как данная норма противоречит принципу раздельной ответственности юридического лица и его участников по своим обязательствам перед кредиторами).

В силу изложенного выше представляется, что устанавливаемая законом доктрина «снятия корпоративных покровов» должна ограничиваться случаями прекращения юридических лиц при недостаточности их имущества для удовлетворения требований кредиторов. При этом такая ответственность должна иметь субсидиарный характер и применяться лишь в случаях, когда недостаточность имущества была вызвана виновными действиями (бездействием) контролирующих лиц. Когда же юридическое лицо нормально действует, никаких лиц к ответственности по долгам юридического лица по общему правилу привлекаться не должно, и дальнейшее развитие указанной доктрины в этом направлении, на наш взгляд, бесперспективно.

Вместо того, чтобы разрушать принцип «отделения» личности и имущества юридического лица от личности и имущества его участников, стоит обратить внимание на практически полное отсутствие в нашем правовом порядке обратной стороны указанной доктрины, так называемое обратное снятие корпоративных покровов (*reverse veil piercing*) в интересах кредиторов участников юридического лица, известное зарубежным правовым порядкам. Оно применяется в случаях, когда юридическое лицо фактически является лишь инструментом в руках контролирующего участника и создается только для вида, с целью вывести определенную часть имущества учредителя от взыскания его кредиторов³⁹³.

³⁹³ Подробнее об этом см.: *Ломакин Д.В.* Концепция снятия корпоративного покровов: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9. С. 6–33; *Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред И. С. Шиткина. Т. 2. М., 2018. С. 738–740 (автор соотв. главы И.С. Шиткина).*

Хотя в литературе высказана точка зрения, что «обратное снятие корпоративных покровов» также размывает границы юридического лица и ставит кредиторов участника в привилегированное положение по сравнению с кредиторами юридического лица³⁹⁴, тем не менее полагаем, что установление в российском гражданском праве в отдельных случаях возможности привлекать юридическое лицо к ответственности по долгам своих участников (учредителей) или собственника его имущества было бы полезным для защиты кредиторов участников юридического лица, злоупотребляющих правами в целях сокрытия имущества от своих кредиторов, что в конечном итоге способствовало бы достижению справедливого баланса интересов между всеми участниками корпоративных отношений, а также кредиторами участников и кредиторами юридического лица.

Действующее российское законодательство таких случаев не знает. Взыскание по долгам перед кредиторами участников может быть обращено лишь на доли (акции) участников, поскольку они являются имуществом самого участника. На имущество юридического лица по долгам участника в целях «обратного снятия корпоративных покровов» взыскание обращено быть не может, хотя в отечественной правоприменительной практике имеются отдельные примеры³⁹⁵.

Ответственность юридического лица по обязательствам учредителей (собственника имущества) установлена в отдельных случаях, предусмотренных законом, которые не имеют прямого отношения к рассматриваемой доктрине. Так, хозяйственные общества будут отвечать по обязательствам учредителей, возникшим до регистрации общества и связанных с его созданием, если общее собрание одобрит действия учредителей (абз. 2 п. 2 ст. 89, абз. 2 п. 2 ст. 98 ГК РФ). В пункте 1 ст. 55.16

³⁹⁴ См.: Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014. С. 197–198.

³⁹⁵ См. Решение Мещанского районного суда г. Москвы от 31.01.2012 г., Апелляционное определение Московского городского суда от 02.08.2012 по делу № 11-16173.

Градостроительного кодекса РФ предусмотрено, что саморегулируемая организация в области градостроительной деятельности в пределах средств компенсационного фонда саморегулируемой организации несет солидарную ответственность по обязательствам своих членов, возникшим вследствие причинения вреда в результате разрушения объекта капитального строительства.

За рубежом известны также примеры «горизонтальной» ответственности нескольких юридических лиц, представляющих по существу единое целое, объединенное общностью целей и видов деятельности, участников или менеджеров (концепция единого предприятия – enterprise entity). Здесь «снятие корпоративных покровов» выражается в возможности привлечения нескольких юридических лиц, входящих в одну группу, по долгам одного из них. В отечественном законодательстве подобные возможности отсутствуют.

§ 3. Субсидиарная ответственность перед кредиторами по обязательствам юридического лица

Формулирование общих положений корпоративного права имеет важнейшее научное и практическое значение, поскольку от качества соответствующих норм непосредственно зависит эффективность правоприменения в конкретных отношениях. Сказанное в полной мере касается и правового регулирования субсидиарной ответственности в законодательстве о юридических лицах. Такая ответственность является важнейшим инструментом достижения справедливого баланса интересов между юридическими лицами и их участниками, с одной стороны, и кредиторами юридических лиц – с другой.

Среди всех видов ответственности перед кредиторами в корпоративном законодательстве данный вид ответственности получил наибольшее распространение. Субсидиарная ответственность различных лиц по обязательствам юридического лица перед кредиторами установлена ГК РФ в отношении полных товарищей (п. 1 ст. 75), членов производственных кооперативов (п. 2 ст. 106.1); основного общества в случае несостоятельности по его вине дочернего общества (абз. 2 п. 2 ст. 67.3); собственников имущества казенных предприятий (абз. 3 п. 6 ст. 113) и учреждений (п. 4 ст. 123.22), собственников имущества бюджетного и автономного учреждений (абз. 2 п. 5 и абз. 2 п. 6 ст. 123.22); членов ассоциации (союза) юридических лиц (абз. 3 п. 3 ст. 123.8) и др.

Несмотря на наличие в юридической литературе целого ряда специальных работ, посвященных субсидиарной ответственности³⁹⁶, данный институт гражданского права до настоящего времени не до конца исследован, а его законодательное регулирование ограничивается по существу лишь одной общей статьей ГК РФ (ст. 399) и отдельными нормами, рассредоточенными в разных разделах ГК РФ и иных специальных законах. При этом основные положения о субсидиарной ответственности относятся к общей части обязательственного права и содержатся в гл. 25 ГК РФ

³⁹⁶ См.: *Бакин А.С.* Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве РФ // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 239. С. 91–94; *Богданова Е.Е.* Правовое регулирование субсидиарной ответственности: Дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001. 180 с.; *Иванова Г.Н., Шевченко А.С.* Субсидиарная ответственность // Правоведение. 1998. № 2. С. 150–153; *Крюкова Ю.Я.* Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве России // Проблемы права. 2012. № 7 (38). С. 78–83; *Насиров Х.Т.* Субсидиарные обязательства в гражданском праве: проблемы теории и практики // Вестник Пермского университета. 2010. № 3 (9). С. 133–139; *Он же.* Содержание субсидиарных обязательств // Вестник Пермского университета. 2012. № 1 (15). С. 149–156; *Покровский С.С.* Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 98–129; *Прус Е.П.* Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств учредителей (участников) юридического лица: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 216 с.; *Савиных В.А.* Субсидиарная ответственность: экономическое содержание и правовая сущность // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12. С. 59–69; *Храпунова Е.А.* Субсидиарная ответственность в гражданском праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001. 185 с. и др.

«Ответственность за нарушение обязательств» (ст. 399), а специальные нормы о субсидиарной ответственности по обязательствам юридических лиц – к главе 4 ГК РФ и специальным законам о юридических лицах.

Характеризуя в целом субсидиарную ответственность по обязательствам юридических лиц, следует отметить, что она представляет собой в известной степени аномалию, поскольку в корпоративном праве основополагающим является правило о самостоятельной имущественной ответственности юридического лица по своим обязательствам перед кредиторами (п. 2 ст. 56 ГК РФ).

К сожалению, в ходе реформы гражданского законодательства нормам о субсидиарной ответственности не было уделено должного внимания. В Проекте Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России³⁹⁷ лишь признавалась специфика субсидиарной ответственности в законодательстве о юридических лицах, в связи с чем предлагалось в главу 25 ГК РФ включить правило о соотношении норм о субсидиарной ответственности (ст. 399) и положений о субсидиарной ответственности собственника имущества казенного предприятия и учреждения как общих и специальных при обеспечении приоритета специальных норм. В то же время не предлагалось реформировать сам институт субсидиарной ответственности либо вводить какие-либо общие нормы о субсидиарной ответственности в законодательство о юридических лицах. Проект Концепции развития законодательства о юридических лицах³⁹⁸ и раздел III Концепции развития гражданского законодательства³⁹⁹

³⁹⁷ Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России (проект рекомендован к опубликованию в целях обсуждения Советом по кодификации гражданского законодательства, протокол от 26 января 2009 г. № 66) // Хозяйство и право. 2009. № 3. Приложение.

³⁹⁸ Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект рекомендован к опубликованию в целях обсуждения Советом по кодификации гражданского законодательства, протокол от 16 марта 2009 г. № 68) // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 9–73.

³⁹⁹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М., 2009.

содержали отдельные предложения о субсидиарной ответственности (о субсидиарной ответственности при банкротстве; о субсидиарной ответственности единственного участника хозяйственного общества по его обязательствам; о субсидиарной ответственности за оценку неденежного вклада; о субсидиарной ответственности лиц, контролирующих хозяйственные общества с «перекрестным» владением акциями (долями) в уставных капиталах друг друга; о субсидиарной ответственности собственника по долгам субъекта права оперативного управления; о субсидиарной ответственности членов ассоциации). Лишь немногие из этих предложений были учтены в изменениях ГК РФ.

Так, в Концепции развития гражданского законодательства (п. 5.6. Раздела 5) появилось предложение включить в ст. 399 ГК РФ норму, что ГК и иными законами может быть установлен иной порядок привлечения к субсидиарной ответственности, отличный от общих правил ст. 399 ГК РФ, имея в виду особый порядок привлечения к субсидиарной ответственности в отдельных нормах о юридических лицах (о казенных предприятиях, учреждениях, в законодательстве о несостоятельности). Соответствующее правило было включено в п. 4 ст. 399 ГК РФ⁴⁰⁰.

В результате нормы о субсидиарной ответственности в законодательстве о юридических лицах по-прежнему остаются бессистемными и оставляют много вопросов как теоретического, так и практического свойства. Не до конца ясным остается соотношение общих положений ст. 399 ГК РФ и специального порядка привлечения к субсидиарной ответственности, установленного законодательством о юридических лицах, равно как не определено содержание такого специального порядка. В законодательстве о юридических лицах нет общих положений о субсидиарной ответственности в корпоративных отношениях. Ни в юридической науке, ни в действующем праве нет единого понимания

⁴⁰⁰ В ред. Федерального закона от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ.

юридической природы субсидиарной ответственности вообще и отдельных ее разновидностей.

Общие нормы ГК РФ не дают ответа на ряд принципиальных вопросов о порядке применения субсидиарной ответственности, в том числе о характере и объеме требований, которые могут быть предъявлены кредитором к субсидиарному должнику; об основаниях возникновения таких требований (противоправное поведение основного должника или также – правонарушение субсидиарного должника); об условиях предъявления требований к субсидиарному должнику и условиях удовлетворения таких требований; о процессуальном статусе основного должника при привлечении его в дело по иску к субсидиарному должнику; о порядке подтверждения недостаточности имущества или денежных средств у основного должника как условия удовлетворения требований к субсидиарному должнику; о характере и объеме требований субсидиарного должника к основному после удовлетворения требований кредитора, об основаниях изменения или прекращения субсидиарной обязанности и др. Отсутствие четкого законодательного регулирования указанных общих вопросов субсидиарной ответственности в полной мере проявляется и в законодательстве о юридических лицах, где данный институт встречается чаще всего, а его практическое применение вызывает значительные трудности.

Решению всех этих сложных вопросов могли бы помочь судебная практика и разъяснения высшей судебной инстанции, однако и здесь в отношении субсидиарной ответственности имеют место существенные пробелы. Достаточно сказать, что важнейшие после принятия последних поправок в ГК РФ постановления Пленума Верховного Суда РФ⁴⁰¹, в том

⁴⁰¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2016 г. № 17 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

числе постановление, специально посвященное нормам об ответственности за нарушение обязательств, не содержат разъяснений о применении законодательства о субсидиарной ответственности. Что касается судебной практики, то она в основном была наработана еще до внесения последних изменений в ГК РФ, а, кроме того, зачастую является непоследовательной и противоречивой.

При таком состоянии законодательства и судебной практики в сфере субсидиарной ответственности можно прогнозировать лишь дальнейший рост числа корпоративных споров даже по сравнению с «дореформенным» состоянием.

В связи с этим предлагается рассмотреть отдельные и, как представляется, наиболее значимые вопросы законодательства и правоприменительной практики в сфере субсидиарной ответственности в аспекте их проявления в законодательстве о юридических лицах. Рассмотрение этих вопросов позволяет вплотную приблизиться к новому подходу к определению юридической природы субсидиарной ответственности, а также наметить в соответствии с этим направления дальнейшего реформирования законодательства в части правового регулирования субсидиарной ответственности по обязательствам юридических лиц.

Существо любой субсидиарной ответственности состоит в том, что в целях защиты интересов кредиторов помимо основного должника в обязательстве назначается дополнительный (субсидиарный) должник, который отвечает перед кредитором вместо основного должника в случае, если основной должник не удовлетворяет требования кредитора. Такая дополнительная ответственность может быть установлена законом, иными правовыми актами или условиями обязательства (п. 1 ст. 399 ГК РФ).

По обязательствам юридических лиц субсидиарная ответственность устанавливается, когда в силу закона или учредительных документов юридического лица по обязательствам организации (основного должника) перед кредиторами дополнительно отвечает субсидиарный должник, в роли которого выступают учредители (участники) юридического лица, собственник имущества юридического лица или иные лица.

Следует особо отметить, что, как отмечалось выше⁴⁰², с 1 сентября 2014 г. установление любой (в том числе субсидиарной) ответственности учредителей (участников) юридического лица или собственника его имущества по обязательствам юридического лица может иметь место исключительно на основании ГК РФ или другого закона⁴⁰³. Совершенно непонятно при этом, по каким причинам новая редакция ст. 56 ГК РФ не предусматривает возможности установления дополнительной ответственности других лиц по обязательствам юридического лица в силу учредительных документов юридического лица или на основании договора, заключенного такими лицами с кредиторами юридического лица. Подобное регулирование в части субсидиарной ответственности не согласуется с п. 1 ст. 399 ГК РФ, согласно которому субсидиарная ответственность может устанавливаться не только законом, но и иными правовыми актами⁴⁰⁴ или условиями обязательства.

Сопоставление п. 1 ст. 399 и п. 2 ст. 56 ГК РФ в действующей редакции приводит к выводу, что субсидиарная ответственность в настоящее время не может быть установлена учредительными документами юридического лица.

⁴⁰² См. § 2 настоящей главы.

⁴⁰³ В соответствии с п. 2 ст. 56 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ) учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом или другим законом. В действовавшей ранее редакции абз. 1 п. 3 ст. 56 ГК РФ допускалось установление ответственности иных лиц по обязательствам юридического лица не только законами, но также учредительными документами юридического лица.

⁴⁰⁴ Под «иными правовыми актами» в ГК РФ понимаются исключительно указы Президента РФ и постановления Правительства РФ (п. 6 ст. 3).

Это представляется абсурдным, поскольку лишает кредиторов дополнительных гарантий, которые могли бы добровольно принимать на себя участники юридического лица, фиксируя их в учредительных документах. Непонятно, например, почему ГК РФ исключает возможность устанавливать учредительным документом общественной организации дополнительную ответственность членов общественной организации по долгам юридического лица (п. 2 ст. 123.4), если ее члены таким образом добровольно хотят повысить доверие кредиторов к своей организации в гражданском обороте⁴⁰⁵. Такая возможность должна быть предусмотрена для всех видов юридических лиц.

Кроме того, неоднозначной является возможность устанавливать субсидиарную ответственность по обязательствам юридического лица на основании договора, добровольно заключаемого между субсидиарным должником и кредитором юридического лица, поскольку соотношение п. 1 ст. 399 и п. 2 ст. 56 ГК РФ в этой части остается неясным: какая из данных норм является общей, а какая – специальной, имеющей приоритет⁴⁰⁶.

В законодательстве о юридических лицах общих положений о субсидиарной ответственности и порядке ее применения не имеется. В отдельных нормах говорится лишь о случаях субсидиарной ответственности определенных лиц по обязательствам юридического лица перед кредиторами. Поэтому при определении понятия и видов субсидиарной ответственности в законодательстве о юридических лицах следует, прежде всего,

⁴⁰⁵ То же можно сказать и о товариществах собственников недвижимости (п. 3 ст. 123.12), и о других юридических лицах, например, фондах (п. 1 ст. 123.18), автономных некоммерческих организациях (п. 3 ст. 123.24).

⁴⁰⁶ С одной стороны, ст. 399 является общей нормой (поскольку говорит об ответственности любых лиц), а п. 2 ст. 56 – специальной (поскольку говорит об ответственности учредителей (участников) по обязательствам юридических лиц). С другой стороны, ст. 399 может рассматриваться и как специальная (поскольку регулирует вопросы субсидиарной ответственности), а п. 2 ст. 56 – как общая норма (поскольку регулирует вообще любую ответственность по обязательствам юридических лиц). Однозначно разобраться с приоритетами действия данных норм без поправок в законодательство или разъяснений высшей судебной инстанции не представляется возможным.

руководствоваться общими положениями ГК РФ о данном виде ответственности, которые крайне немногочисленны. Ввиду этого представление о субсидиарной ответственности, в том числе предусмотренной законодательством о юридических лицах, можно получить не столько из общих положений о субсидиарной ответственности в ст. 399 ГК РФ, сколько из доктринальных подходов и правоприменительной практики.

В большинстве случаев такая ответственность не может рассматриваться в качестве классической гражданско-правовой ответственности соответствующих субъектов – как применение санкций за допущенные ими нарушения, поскольку никаких нарушений этими лицами не совершается. Они несут ответственность по обязательствам другого (юридического) лица в силу закона или учредительного документа просто потому, что принудительно или добровольно принимают на себя риск неисполнения юридическим лицом обязательств в целях дополнительной гарантии интересов кредиторов и повышения доверия к юридическому лицу в гражданском обороте. По существу речь идет не об ответственности, а об установленной в силу закона или учредительного документа обязанности определенных лиц исполнять обязательства другого лица и нести ответственность за их неисполнение.

Как указывалось выше⁴⁰⁷, такие случаи, как правило, обусловлены либо особенностями организационно-правовой формы юридического лица, либо необходимостью обеспечить формирование имущества юридического лица, либо автономией воли участников (учредителей) юридического лица, которые могут по своей инициативе установить свою дополнительную ответственность по долгам юридического лица в учредительных документах.

Существуют также веские аргументы установить в законе для всех видов юридических лиц в качестве общего правила субсидиарную

⁴⁰⁷ См. § 2 настоящей главы.

ответственность контролирующих лиц по любым деликтным обязательствам или по крайней мере по отдельным деликтным обязательствам, вытекающим, например, из причинения вреда жизни и здоровью граждан, окружающей среде и т.д. Это связано с тем, что деликтные кредиторы, в отличие от кредиторов по договорным обязательствам, не принимают на себя добровольно риски взаимодействия с юридическим лицом и оказываются невольными заложниками недобросовестного поведения юридического лица в гражданском обороте⁴⁰⁸.

Однако иногда учредители и иные лица несут перед кредиторами юридического лица ответственность по обязательствам юридического лица за собственные неправомерные действия, и такие случаи с полным основанием можно отнести к гражданско-правовой ответственности этих лиц перед кредиторами. Каждая такая ситуация обусловлена особыми обстоятельствами, носящими экстраординарный характер.

Нормы о субсидиарной ответственности, содержащиеся в ст. 399 ГК РФ, содержат лишь несколько основных правил о порядке ее применения и совершенно не раскрывают ее правовую природу и юридические последствия, в связи с чем множество вопросов остается либо вообще без ответов, либо ответы на них приходится искать путем систематического толкования закона и применения закона по аналогии. По существу, в ст. 399 ГК РФ установлено всего три правила:

1) кредитор может предъявить требования к субсидиарному должнику лишь после того, как он предъявит требование к основному должнику, и основной должник при этом откажется удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от основного должника в разумный срок ответа на предъявленное требование (п. 1);

2) кредитор не может предъявить требование к субсидиарному должнику в случае, если это требование может быть удовлетворено путем

⁴⁰⁸ См. об этом: *Каранетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 233.

зачета встречного требования основного должника к кредитору⁴⁰⁹ либо путем бесспорного взыскания средств с основного должника (п. 2);

3) субсидиарный должник до удовлетворения предъявленного к нему требования кредитора обязан уведомить о предъявлении такого требования основного должника, а если кредитор предъявил субсидиарному должнику судебный иск, – привлечь основного должника к участию в деле. При нарушении данных обязанностей основной должник получает право выдвинуть против регрессного требования субсидиарного должника все те возражения, которые он имел против кредитора (п. 3).

Эти правила представляют собой по существу технические нормы о порядке и условиях предъявления требований кредитора к субсидиарному должнику. Вместе с тем юридическая доктрина выработала общие положения о субсидиарной ответственности, которые сводятся к следующему:

субсидиарный должник несет ответственность перед кредитором на тех же основаниях, что и основной должник;

объем ответственности субсидиарного должника совпадает с объемом ответственности основного должника или не может превышать этого объема;

субсидиарный должник вправе выдвигать против требования кредитора те же возражения, которые мог бы выдвинуть кредитор основной должник;

исковая давность по требованию кредитора к субсидиарному должнику должна совпадать с исковой давностью по требованию из основного обязательства;

⁴⁰⁹ В п. 2 ст. 399 ГК РФ говорится о «зачете *встречного требования к основному должнику*», однако это явная ошибка закона, поскольку подлежащее зачету требование к основному должнику не является «встречным» в отношении требования кредитора к основному должнику. В отношении требования кредитора к основному должнику встречным, наоборот, является требование основного должника к кредитору. К сожалению, данную ошибку так и не исправили в ГК РФ даже после проведения реформы общих положений об обязательствах, что служит еще одним подтверждением недостаточного внимания при реформировании ГК РФ к субсидиарной ответственности.

прекращение основного обязательства должно влечь прекращение субсидиарной ответственности.

При применении норм о субсидиарной ответственности в настоящее время ни закон, ни правовая наука не дают однозначного ответа на несколько принципиальных вопросов.

1. Из закона остается неясным объем ответственности субсидиарного должника. По каким именно требованиям кредитора к основному должнику отвечает субсидиарный должник: только по требованиям о применении мер ответственности за нарушение основного обязательства или также по требованиям об исполнении основного обязательства?

Если субсидиарный должник отвечает лишь по требованиям, возникающим в связи с нарушением основным должником обязательства (из охранительного правоотношения по нарушенному обязательству), то его обязанность носит исключительно денежный характер (возмещение убытков, уплата неустойки и т.д.). Если же субсидиарный должник отвечает также по требованиям об исполнении основного обязательства (из регулятивного правоотношения), то его обязанность может иметь не только денежный, но и натуральный характер, и включает в себя как обязанность реального исполнения обязательства, так и обязанность нести ответственность за его неисполнение (ненадлежащее исполнение).

Последовательное представление о субсидиарной ответственности именно как об *ответственности* за нарушение обязательств приводит к выводу, что обязанность субсидиарного должника носит исключительно денежный характер и заключается в несении ответственности перед кредитором за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства на тех же основаниях, что и основной должник (в виде возмещения убытков, уплаты неустойки). Такой вывод подтверждается и буквальным толкованием п. 1 ст. 399 ГК РФ, согласно которому субсидиарный должник «несет ответственность *дополнительно к ответственности* другого лица, являющегося основным должником».

С другой стороны, при применении норм о субсидиарной ответственности (например, по требованию о возврате суммы займа) к субсидиарному должнику на практике предъявляются требования не о возмещении убытков, а об уплате основного долга, причитающихся процентов, неустоек и т.д., т.е. речь идет о требованиях об исполнении основного обязательства и о применении мер ответственности за его ненадлежащее исполнение. Статья 399 ГК РФ дает основания и для такого толкования. В п. 1 говорится о «требованиях» кредитора к основному должнику, и не уточняется характер этих требований. При этом если основной должник отказался удовлетворить требование кредитора, то из п. 1 следует, что кредитор может предъявить должнику *то же самое требование*, в том числе требование о реальном исполнении обязательства, а не только требование о применении мер ответственности (возмещении убытков, уплате неустойки и т.д.). Тем самым, обязанность субсидиарного должника может носить не только денежный, но и «натуральный» характер.

2. Неясной остается и правовая природа обязанности субсидиарного должника исполнить обязательство (охранительное или регулятивное) вместо основного должника: идет ли речь о том, что субсидиарный должник исполняет «собственное» обязательство отвечать за основного должника (при этом обязательство субсидиарного должника лишь по объему совпадает с обязательством основного должника, имея самостоятельный характер), либо субсидиарный должник исполняет обязательство основного должника, являясь «субсидиарным должником» и стороной по этому обязательству. От решения этого вопроса зависят важные практические последствия, а именно:

- 1) прекращается ли основное обязательство после удовлетворения требования кредитора субсидиарным должником;
- 2) каков характер требований субсидиарного должника к основному должнику после того, как субсидиарный должник удовлетворит требования кредитора.

В случае, если субсидиарный должник исполняет свое «собственное» обязательство, совпадающее по объему с обязательством основного должника, то удовлетворение субсидиарным должником требования кредитора не прекращает основного обязательства, а влечет переход прав кредитора в основном обязательстве к субсидиарному должнику. Такое регулирование характерно для отношений поручительства (п. 1 ст. 365 ГК РФ), для исполнения обязательства третьим лицом (п. 5 ст. 313, ст. 387 ГК РФ). Как указывается в основанных на таком подходе разъяснениях Высшего Арбитражного Суда РФ применительно к поручительству, «положения ГК РФ о регрессных требованиях... не подлежат применению к отношениям между поручителем, исполнившим свое обязательство перед кредитором, и должником»⁴¹⁰.

Если же субсидиарный должник исполняет обязательство основного должника, то удовлетворение субсидиарным должником требования кредитора прекращает основное обязательство (п. 1 ст. 408 ГК РФ). В данном случае основное обязательство прекращено исполнением, а субсидиарный должник приобретает право регрессного требования к основному должнику в объеме, в котором он фактически исполнил основное обязательство. При этом отношения между субсидиарным и основным должником аналогичны отношениям между должником, исполнившим солидарное обязательство, и остальными солидарными должниками: должник, исполнивший солидарную обязанность, приобретает право регрессного требования к остальным должникам (п. 2 ст. 325 ГК РФ).

Действующий ГК РФ прямо не дает ответов на поставленные вопросы. В то же время в п. 3 ст. 399 ГК РФ говорится о праве основного должника заявить против *регрессного* требования субсидиарного должника возражения, которые основной должник имел против кредитора, если субсидиарный

⁴¹⁰ См.: п. 13 постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9.

должник нарушил обязанность уведомить основного должника о предъявлении требований кредитора или не привлек основного должника к участию в деле по заявленному иску. Из данного правила, в частности, косвенно вытекает, что субсидиарный должник приобретает право регрессного требования к основному должнику, а, следовательно, обязательство субсидиарного должника по своему содержанию включает в себя надлежащее исполнение обязательства вместо основного должника, что влечет за собой прекращение основного обязательства (охранительного или регулятивного).

Правильность такого подхода подтверждается еще и тем, что предоставление субсидиарному должнику прав кредитора по основному обязательству во многих случаях бессмысленно, например, когда обязанностью должника по основному регулятивному обязательству является не уплата денежной суммы, а выполнение работ, оказание услуг, поставка товаров и т.д., в получении которых у субсидиарного должника отсутствует интерес. Поэтому интерес субсидиарного должника, исполнившего обязательство, заключается не в получении прав кредитора по основному обязательству, а по существу в возмещении понесенных им убытков в результате удовлетворения требований кредитора, реализуемом путем предъявления регрессного требования к основному должнику.

В литературе можно встретить возражения против того, что субсидиарный должник несет обязанность исполнить обязательство вместо основного должника. При этом приводятся аргументы, что часто субсидиарный должник в силу личного характера обязанности основного должника или по иным причинам не в состоянии реально исполнить обязательство вместо должника. Так, на примере договора поручительства утверждается об абсурдности предъявления кредитором требования к банку-

поручителю о поставке оборудования вместо основного должника⁴¹¹. Однако данные утверждения абсолютно беспочвенны и не основаны на законе.

Как уже говорилось, закон вообще не содержит прямых указаний, какова природа обязанности субсидиарного должника, а правовая природа обязанности поручителя является двойственной⁴¹². В отношении обязательства поручителя в ГК РФ имеется норма, однозначно свидетельствующая о том, что поручитель может исполнять обязательство именно вместо должника: в силу п. 5 ст. 367 ГК РФ поручительство прекращается, если кредитор отказался принять *надлежащее исполнение, предложенное должником или поручителем*. То есть, даже если поручителем или субсидиарным должником по «натуральному» обязательству⁴¹³ является лицо, не способное исполнить обязательство в натуре, ничего необычного в этом нет: при невозможности исполнить обязательство в натуре субсидиарный должник (или поручитель) будет точно так же, как и основной должник, нести перед кредитором ответственность за неисполнение этого обязательства (в виде возмещения убытков, уплаты неустойки и т.д.)⁴¹⁴.

Действительно, в ряде случаев исполнение обязательства субсидиарным должником вместо основного должника может вызвать практические неудобства в виде обязанности субсидиарного должника

⁴¹¹ См.: Ломакин Д., Гентовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. № 1. С. 32.

⁴¹² О двойственной природе поручительства подробнее см. § 2 настоящей главы; Гутников О.В. К вопросу о правах поручителя, исполнившего обязательство // Гражданское право и современность: сборник статей, посвященный памяти М.И. Брагинского. М., 2013. С. 457–474.

⁴¹³ В данном случае под «натуральным» обязательством мы имеем в виду обязательство, надлежащее исполнение которого («исполнение в натуре») заключается в совершении любых фактических действий, кроме уплаты денежной суммы (поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг и т.д.), в отличие от классических натуральных обязательств, известных еще со времен римского права, суть которых заключалась в том, что такие обязательства были лишены исковой (принудительной) защиты и могли исполняться лишь добровольно.

⁴¹⁴ См.: п. 22, 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

каждый раз доказывать отсутствие возможности реального исполнения обязательства.

Несмотря на это, как уже указывалось, закон не дает оснований для однозначного вывода о том, является ли обязательство субсидиарного должника самостоятельным обязательством по несению ответственности за должника, или же оно, кроме прочего, включает в себя также обязанность реально исполнить обязательство вместо должника. Упоминание в п. 3 ст. 399 ГК РФ о праве регрессного требования к основному должнику косвенно свидетельствует о том, что субсидиарный должник все же, по общему правилу, исполняет обязательство вместо основного должника, что влечет прекращение основного обязательства и служит основанием для возникновения права регрессного требования.

В пользу такого подхода свидетельствует и распространенный в юридической литературе взгляд, согласно которому субсидиарная ответственность есть не что иное, как особая разновидность обязательств с множественностью лиц на стороне должника (наряду с долевыми и солидарными обязательствами). Субсидиарный должник, таким образом, изначально как бы является одним из нескольких должников в основном обязательстве с множественностью лиц, но должником не основным, а дополнительным, который, в отличие от солидарного или долевого должника, обязан исполнить требование кредитора не сразу, а лишь после того, как кредитор предъявит соответствующее требование к основному должнику и не получит от него удовлетворения⁴¹⁵.

Согласно другому подходу нельзя рассматривать субсидиарные обязательства как разновидность обязательств с множественностью лиц. При этом обосновывается взгляд на субсидиарные обязательства как особый

⁴¹⁵ См.: Суханов Е.А. Субсидиарные обязательства / Российское гражданское право: учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 53–54.

самостоятельный вид обязательства, существующего дополнительно к основному, но не совпадающему с ним⁴¹⁶.

3. Общие положения о субсидиарной ответственности, предусмотренные в ст. 399 ГК РФ, не дают ясного представления и об основаниях ответственности субсидиарного должника. С одной стороны, основанием любой гражданско-правовой ответственности должно быть противоправное поведение субъекта, к которому применяются меры ответственности. Однако анализ законодательства приводит к выводу, что субсидиарный должник в большинстве случаев никаких неправомерных действий не совершает: он несет ответственность за неисполнение обязательства другим лицом, т.е. отвечает не за собственное, а за чужое противоправное поведение. Лишь в отдельных и немногочисленных ситуациях субсидиарный должник несет ответственность не только за нарушение обязательства основным должником, но и за собственное правонарушение⁴¹⁷.

В остальных случаях (субсидиарная ответственность полных товарищей, собственника имущества казенного предприятия и т.д.) субсидиарный должник никаких противоправных действий не совершает, поэтому, по общему правилу, он никакой ответственности не несет, а лишь исполняет особое обеспечительное обязательство отвечать за неправомерные действия другого лица, т.е. просто исполняет обязанность, возложенную на него законом, учредительными документами или договором.

Основанием ответственности субсидиарного должника, таким образом, как правило, является нарушение своих обязательств основным должником и лишь иногда – собственные упущения (правонарушения) субсидиарного должника. В связи с этим в литературе справедливо делается вывод, что в ст.

⁴¹⁶ См.: *Бакин А.С.* Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве РФ // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 339. С. 91–94.

⁴¹⁷ Например, согласно абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ при несостоятельности дочернего общества по вине основного общества последнее несет субсидиарную ответственность по долгам дочернего общества.

399 ГК РФ «имеет место смешение понятий «ответственность» и «обязательство»⁴¹⁸, а также о необходимости различать два вида правоотношений, регулируемых ст. 399: собственно «субсидиарную ответственность», с одной стороны, и «субсидиарное обязательство» – с другой. Субсидиарной ответственностью предлагается считать лишь те отношения, в которых субсидиарный должник совершает противоправные действия, что и является основанием для привлечения его к субсидиарной ответственности. В случаях же, когда ответственность субсидиарного должника обусловлена исключительно неисполнением обязательства со стороны основного должника, такие отношения предлагается считать не ответственностью, а «субсидиарными обязательствами». В субсидиарных правоотношениях предлагается выделять «обязательства, в которых реализуется ответственность, и обязательства, в которых возложение дополнительной имущественной обязанности не связано с совершением дополнительным должником правонарушения»⁴¹⁹.

Следует отметить, что в тех случаях, когда субсидиарная ответственность возлагается на субсидиарного должника за его собственное противоправное поведение, это поведение, как правило, является причиной неисполнения основным должником основного обязательства. Именно это обстоятельство и позволяет привлекать субсидиарного должника к ответственности по обязательствам основного должника перед его кредиторами. Ярким примером такой ответственности является возложение субсидиарной ответственности по обязательствам должника перед кредиторами при банкротстве на контролирующих должника лиц, действия

⁴¹⁸ Прус Е.П. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств участников (учредителей) юридического лица / Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 8 / под ред. О.Ю. Шилохвоста. М., 2004. С. 202–204.

⁴¹⁹ Крюкова Ю.Я. Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве России // Проблемы права. 2012. № 7 (38). С. 79.

которых и послужили причиной невозможности исполнения должником всех требований кредиторов⁴²⁰.

4. Изложенные выше вопросы дают повод говорить о неоднородности института субсидиарной ответственности и о принципиальной возможности различать как минимум три модели субсидиарных правоотношений:

1) субсидиарное обязательство как разновидность обязательства с множественностью лиц на стороне должника, по которому дополнительный должник отвечает по обязательству (регулятивному и (или) охранительному) вместо основного должника в случае нарушения последним обязательства в том же объеме, что и основной должник, исполняя основное обязательство и неся ответственность за его неисполнение (ненадлежащее исполнение);

2) субсидиарное обязательство как отдельное самостоятельное дополнительное обязательство в денежной форме, носящее обеспечительный характер и заключающееся в обязанности субсидиарного должника понести ответственность (возместить убытки, уплатить неустойку) за нарушение обязательства основным должником. Именно эта модель субсидиарной ответственности чаще всего имеется в виду в законодательстве о юридических лицах;

3) субсидиарная ответственность за неправомерное поведение субсидиарного должника, выражающаяся в его обязанности отвечать за неисполнение основным должником его обязательств перед кредиторами, вызванное неправомерными действиями самого субсидиарного должника. Такая ответственность также выражается в денежной форме (возмещение убытков, уплата неустойки).

Поскольку на практике могут быть востребованы все перечисленные модели субсидиарных правоотношений, в политико-правовом плане все они

⁴²⁰ См. ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190 (в ред. Федерального закона от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4815).

возможны, а правовая природа субсидиарной ответственности в том виде, как она предусмотрена ст. 399 ГК РФ, является неоднородной.

То обстоятельство, что нормы о субсидиарной ответственности помещены в гл. 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств, не является решающим аргументом в пользу того, что субсидиарный должник не может нести обязанность реального исполнения обязательства вместо должника, а должен нести лишь ответственность за неисполнение этого обязательства. Так, например, неустойка также имеет двойственную природу, с одной стороны, являясь одной из форм ответственности за нарушение обязательства, а с другой – одним из способов обеспечения исполнения обязательств, при этом нормы о ней помещены в гл. 23 ГК РФ об обеспечении обязательств, а не в главу об ответственности.

Точно так же субсидиарная ответственность может проявляться и как ответственность (когда субсидиарный должник совершает неправомерные действия и отвечает за вызванные такими действиями неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства основным должником), и как обеспечительное обязательство субсидиарного должника (когда речь по существу идет о способе обеспечения исполнения обязательства денежного характера, подобном поручительству), и как особое субсидиарное обязательство (в котором дополнительный должник является стороной основного обязательства с множественностью лиц и несет обязанность исполнить это обязательство в субсидиарном порядке в случае, если основной должник по каким-либо причинам этого не сделает).

В настоящее время ни ст. 399 ГК РФ, ни нормы об отдельных случаях субсидиарной ответственности подобной дифференциации не содержат и оставляют открытым вопрос о правовой природе обязательства субсидиарного должника. Данный недостаток закона вынуждена исправлять судебная практика. Так, применительно к субсидиарной ответственности собственника имущества казенного предприятия или учреждения возобладал подход, согласно которому субсидиарный должник не имеет своих

обязательств перед кредитором, а лишь несет гражданско-правовую ответственность за неисполнение обязательств основным должником, вследствие чего при недостаточности имущества основного должника взыскание следует производить с собственника имущества за счет его казны в лице соответствующего главного распорядителя бюджетных средств⁴²¹.

5. Нет ясности и в вопросе о том, при каких условиях у кредитора возникает право предъявить требование к субсидиарному должнику. Существует общая норма, предусмотренная в п. 1 ст. 399 ГК РФ: право предъявить требование к субсидиарному должнику у кредитора появляется только после предъявления требования к основному должнику, а основной должник отказался удовлетворить требование кредитора или кредитор не получил от него в разумный срок ответ на требование. Однако даже это общее положение вызывает различные толкования.

Например, после прочтения п. 1 ст. 399 ГК РФ остается непонятным, есть ли у кредитора право предъявить требование к субсидиарному должнику, если основной должник в ответ на требование кредитора признал долг, но у него отсутствует возможность его исполнить. В данном случае должник формально не отказался от удовлетворения требования кредитора, отсутствует и факт неполучения ответа от должника в разумный срок. Как было разъяснено высшими судебными инстанциями, «при разрешении споров, связанных с применением субсидиарной ответственности, необходимо иметь в виду, что предусмотренный пунктом 1 статьи 399 Кодекса порядок предварительного обращения кредитора к основному должнику *может считаться соблюденным, если кредитор предъявил последнему письменное требование и получил отказ должника в его*

⁴²¹ См., напр.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.08.2015 г. № Ф05-8478/15 по делу № А40-40078/2014.

удовлетворении либо не получил ответа на свое требование в разумный срок (курсив мой – О.Г.)»⁴²².

Вместе с тем, нормы ст. 399 ГК РФ направлены прежде всего на защиту интересов кредитора, и было бы совершенно неправильным давать субсидиарным должникам возможность уклоняться от ответственности за нарушение обязательства путем формального признания долга основным должником. Поэтому в случаях согласия должника исполнить обязательство либо наличия судебного решения против основного должника, а также длительного неисполнения того и другого кредитор все же должен иметь право предъявить требование о привлечении к ответственности субсидиарного должника, и в судебной практике такое право кредиторам предоставляется⁴²³.

В связи с этим по смыслу п. 1 ст. 399 ГК РФ для предъявления требования к субсидиарному должнику, по общему правилу, не требуется выполнения каких-либо дополнительных условий, помимо условий, прямо указанных в данной норме. Этот вывод подтверждается и судебной практикой. Например, в разъяснениях Высшего Арбитражного Суда РФ применительно к поручительству указано, что «при субсидиарном характере ответственности поручителя (ст. 399 ГК РФ) для предъявления требования к нему кредитору достаточно доказать, что должник отказался исполнить обязательство, обеспеченное поручительством, либо не ответил в разумный срок на предложение исполнить обязательство»⁴²⁴. В то же время

⁴²² П. 53 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.07.1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁴²³ Например, в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.10.2004 г. № Ф08-4408/04 указывается, что ассоциация на протяжении длительного времени не исполняла обязательство, несмотря на наличие судебного решения, что в силу ст. 399 ГК РФ является основанием для предъявления требования к лицам, несущим субсидиарную ответственность.

⁴²⁴ См.: п. 35 постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.07.2015 г. № Ф09-

«...договором поручительства может быть предусмотрено, что кредитор получает право на предъявление требований к поручителю только после наступления определенных обстоятельств (например, в случае неисполнения должником обязательства в течение срока, установленного на исполнение исполнительного документа о взыскании задолженности основного должника в пользу кредитора, либо только в случае признания основного должника банкротом)»⁴²⁵. Такое разъяснение актуально для всех случаев субсидиарной ответственности, в том числе по обязательствам юридических лиц.

6. Помимо общих условий возникновения у кредитора права предъявить требование к субсидиарному должнику в законодательстве о юридических лицах в ряде случаев устанавливаются дополнительные условия, при которых требование к субсидиарному должнику подлежит удовлетворению. Например, собственник имущества казенного предприятия несет субсидиарную ответственность по обязательствам такого предприятия *при недостаточности его имущества* (абз. 3 п. 6 ст. 113 ГК РФ). Собственник имущества бюджетного или автономного учреждения несет субсидиарную ответственность по обязательствам такого учреждения, связанным с причинением вреда гражданам, *лишь при недостаточности имущества учреждения, на которое может быть обращено взыскание* (п. 5 и 6 ст. 123.22 ГК РФ). Частное и казенное учреждения отвечают по своим обязательствам только денежными средствами. *При недостаточности денежных средств* субсидиарную ответственность по обязательствам учреждений несет собственник имущества (п. 4 ст. 123.22, п. 2 ст. 123.23 ГК РФ). В других ситуациях (например, субсидиарная ответственность полных товарищей по обязательствам товарищества (п. 1 ст. 75 ГК РФ) и др.)

3613/15 по делу № А60-36702/2014; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 07.09.2015 г. № Ф10-2841/15 по делу № А54-6138/2014.

⁴²⁵ П. 35 постановления Пленума ВАС РФ от 12.07.2012 г. № 42.

подобных условий применения субсидиарной ответственности не предусматривается.

Важно отметить, что данные дополнительные условия в виде требования о недостаточности имущества или денежных средств юридического лица являются именно условиями *удовлетворения* требования к субсидиарному должнику, а не возникновения права на предъявление такого требования, о которых говорилось выше. Для возникновения права предъявить требование к субсидиарному должнику, в том числе в судебном порядке достаточно будет соблюдения условий, предусмотренных в п. 1 ст. 399 ГК РФ: отказ основного должника от удовлетворения требования кредитора или неполучение кредитором ответа от должника в разумный срок.

В судебной практике на это уже давно обращалось внимание. Суды обоснованно считают, что ст. 399 ГК РФ не связывает возможности предъявления требования к субсидиарному должнику с установлением факта недостаточности денежных средств или имущества у основного должника или с невозможностью взыскания задолженности с основного должника⁴²⁶. Недостаточность денежных средств является основанием для *удовлетворения* требования субсидиарным должником⁴²⁷.

С этим, в частности, связан вопрос о начале течения срока исковой давности по требованиям к субсидиарному должнику. Этот срок полностью совпадает с началом течения срока исковой давности по требованию к основному должнику, так как условия возникновения права предъявлять исковое требование к субсидиарному должнику (отказ основного должника от удовлетворения требования кредитора или неполучение от него ответа в

⁴²⁶ См., напр.: постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2011 г. № 2381/11; постановление Арбитражного суда Московского округа от 19.08.2015 г. № Ф05-8478/15 по делу № А40-40078/2014.

⁴²⁷ См., напр.: постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.09.2015 г. № Ф05-11827/15 по делу № А40-149586/2013.

разумный срок) одновременно являются условиями начала течения исковой давности для кредитора, когда он узнает о нарушении своего права.

В то же время, в законе нерешенным остается вопрос о том, чем должна подтверждаться «недостаточность имущества» или «недостаточность денежных средств» соответствующих юридических лиц: только лишь фактическим отсутствием такого имущества, зафиксированным данными бухгалтерского учета, или же невозможностью взыскания соответствующего долга по судебному решению в исполнительном производстве. В последнем случае право кредитора на удовлетворение требования к субсидиарному должнику должно возникнуть лишь после того, как кредитор предъявит к юридическому лицу судебный иск, получит в свою пользу судебное решение и исполнительный лист, который будет возвращен взыскателю ввиду невозможности его исполнения из-за отсутствия у должника соответствующего имущества (п. 4 ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»).

В судебной практике возобладал второй подход, согласно которому кредитору требуется исчерпать все возможности по взысканию долга: в обязательном порядке необходимо предъявить в суд иск к основному должнику (казенному предприятию или к учреждению), подтвердить невозможность взыскания с основного должника в исполнительном производстве⁴²⁸, и лишь после этого удовлетворять требования за счет субсидиарного должника путем предъявления к нему отдельного иска⁴²⁹.

Впрочем, такой подход не препятствует и одновременному предъявлению в суд исковых требований как к основному должнику, так и к дополнительному: в резолютивной части судебных решений по таким делам

⁴²⁸ При этом должны соблюдаться требования Бюджетного кодекса РФ о направлении исполнительного листа в органы федерального казначейства.

⁴²⁹ См., напр.: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.08.2015 г. № Ф06-25319/15 по делу № А57-23448/2014; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23.10.2015 г. № Ф06-1455/15 по делу № А12-44306/2014; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26.08.2015 г. № Ф06-26859/15 по делу № А12-303/2015.

суд указывает о взыскании долга с основного должника, а при недостаточности его имущества (или денежных средств) – с субсидиарного должника⁴³⁰. После того, как недостаточность имущества основного должника будет подтверждена в исполнительном производстве, судебный пристав может обратить взыскание на имущество субсидиарного должника.

Дополнительные условия установлены для привлечения к субсидиарной ответственности собственника имущества при ликвидации казенных предприятий и учреждений. В частности, согласно п. 7 ст. 63 ГК РФ кредиторы вправе обратиться в суд с иском к субсидиарному должнику лишь при недостаточности у ликвидируемого учреждения или казенного предприятия имущества, на которое в соответствии с законом может быть обращено взыскание. Поэтому в дополнение к общему порядку для привлечения собственника к субсидиарной ответственности по обязательствам ликвидируемого предприятия или учреждения необходимо соблюдение следующих дополнительных условий:

заявление кредитором требований к ликвидационной комиссии до завершения ликвидации юридического лица⁴³¹;

недостаточность имущества юридического лица, выявленная в процессе ликвидации⁴³².

⁴³⁰ См.: решение Арбитражного суда Орловской области от 09.06.2015 г. по делу № А48-806/2015; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.12.2015 г. № Ф10-4487/15 по делу № А48-806/2015; решение Арбитражного суда Белгородской области от 27.05.2015 г. по делу № А08-4626/2014; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.11.2015 г. № Ф10-4207/15 по делу № А08-4626/2014; решение Арбитражного суда Красноярского края от 14.08.2015 г. по делу № А33-9962/2015.

⁴³¹ См.: п. 6 Обзора практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о некоторых основаниях прекращения обязательств (утв. Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 г. № 104); п. 10 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2006 г. № 21 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров с участием государственных и муниципальных учреждений, связанных с применением статьи 120 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.08.2015 г. № Ф06-25319/15 по делу № А57-23448/2014; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.11.2015 г. № Ф04-23233/15 по делу № А03-22609/2014.

Важно отметить, что п. 7 ст. 63 ГК РФ предоставляет кредитору право обратиться в суд с иском к субсидиарному должнику при недостаточности у ликвидируемых учреждения или казенного предприятия имущества, и не требует предварительного обращения в суд к основному должнику или удостоверения недостаточности имущества основного должника судебным приставом в исполнительном производстве. Представляется, что недостаточность имущества может подтверждаться промежуточным ликвидационным балансом ликвидируемого учреждения или казенного предприятия.

Сложившаяся судебная практика применения субсидиарной ответственности собственников имущества казенного предприятия и учреждения только после предъявления судебного иска к основному должнику и удостоверения недостаточности его имущества или денежных средств в исполнительном производстве не основана на законе и существенным образом нарушает права кредиторов. Фактически это приводит к тому, что, пока идет исполнительное производство, собственник имущества зачастую принимает меры к ликвидации соответствующего предприятия или учреждения, а если кредитор не успеет предъявить требование к ликвидационной комиссии, то он теряет и возможность требовать задолженность с субсидиарного должника. Даже если основной должник продолжает существовать, погашение задолженности за счет субсидиарного должника лишь по завершении исполнительного производства против основного должника нарушает интересы кредитора, поскольку с момента вынесения судебного решения и до окончания исполнительного производства проходит длительный период времени, в течение которого права кредитора остаются нарушенными. Кроме того, в

⁴³² См. постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.11.2015 г. № Ф04-23233/15 по делу № А03-22609/2014.

этот период может истечь срок исковой давности по требованию к субсидиарному должнику⁴³³.

Поэтому факт недостаточности имущества или денежных средств у основного должника должен устанавливаться не судебным приставом-исполнителем, а на основании составленного ликвидационной комиссией промежуточного ликвидационного баланса, а также судом на момент рассмотрения судебного иска к основному или к субсидиарному должнику, и по итогам рассмотрения такого иска кредитору следует выдавать исполнительный лист сразу против субсидиарного должника.

При этом иск к субсидиарному должнику может быть предъявлен как отдельно (при условии соблюдения требований п. 1 ст. 399 ГК РФ), так и совместно с исковым требованием к основному должнику. Возможность предъявления иска только к субсидиарному должнику (без предъявления искового требования к основному должнику) прямо вытекает из п. 3 ст. 399 ГК РФ, согласно которому субсидиарный должник в случае предъявления к нему иска кредитора должен привлечь к участию в деле основного должника. При этом основной должник должен привлекаться в дело не в качестве ответчика, а в качестве третьего лица на стороне субсидиарного должника. После установлении в таком судебном процессе на момент рассмотрения дела факта недостаточности имущества или денежных средств основного должника, суд должен сразу выносить решение против субсидиарного должника и выдавать обращенный к нему исполнительный лист.

На практике необходимость обязательно предъявлять иск к основному должнику прежде, чем предъявить требования к субсидиарному должнику, встречается и в тех случаях, когда недостаточность имущества или денежных средств у основного должника (например, по договорам субсидиарного поручительства) не является по закону условием удовлетворения требования к субсидиарному должнику. Такая практика тем более нарушает закон и не

⁴³³ См.: постановление Президиума ВАС РФ от 27.07.2011 г. № 2381/11.

соответствует п. 1 ст. 399 ГК РФ. Кредитор по любому требованию, обеспеченному субсидиарной ответственностью, имеет возможность сразу после отказа основного должника исполнить обязательство или неполучения от него ответа в разумный срок предъявить свое требование к субсидиарному должнику, в том числе в судебном порядке. Предварительного обращения в суд с иском к основному должнику при этом не требуется. Субсидиарный должник после предъявления к нему искового требования обязан привлечь к участию в деле основного должника в качестве третьего лица на стороне ответчика. При этом основной должник в таком процессе не должен привлекаться в качестве ответчика, поскольку кредитор желает и имеет полное право взыскать долг с субсидиарного должника. Роль основного должника при рассмотрении дела должна лишь ограничиваться представлением доказательств, подтверждающих возражения против требований кредитора, основанных на взаимоотношениях основного должника и кредитора, что вытекает из п. 3 ст. 399 ГК РФ. Если же считать, что кредитор должен привлекать в соответствующий процесс сразу двух ответчиков (субсидиарного должника и основного должника), то обеспечительная функция субсидиарной ответственности, предусмотренная в ст. 399 ГК РФ, практически теряется и лишается смысла.

7. Как указывалось выше, субсидиарный должник, удовлетворивший требование кредитора, по общему правилу, приобретает право регрессного требования к основному должнику. Однако в корпоративном законодательстве данное правило не всегда является приемлемым. Прежде всего, речь идет о субсидиарной ответственности собственника по обязательствам созданных им юридических лиц (казенного предприятия, учреждения), все имущество которых принадлежит им на праве оперативного управления и находится в собственности учредителя.

Предоставление собственнику (учредителю) права регресса против созданного им юридического лица было бы абсурдным, поскольку, по сути, давало бы право собственнику предъявлять регрессное требование к самому

себе ввиду принадлежности всего имущества основного должника (казенного предприятия или учреждения) на праве собственности субсидиарному должнику (учредителю). Также лишено смысла предоставление права регресса субсидиарному должнику, исполнившему обязательство несостоятельного юридического лица, поскольку у организации-банкрота отсутствует имущество, которым он может удовлетворить регрессное требование.

Более того, как ранее упоминалось, основанием ответственности субсидиарного должника может быть либо только неправомерное поведение основного должника, либо наряду с этим собственное правонарушение субсидиарного должника. В первом случае субсидиарный должник исполняет обязательство вместо основного должника, а во втором несет гражданско-правовую ответственность за свои неправомерные действия.

Исходя из природы гражданско-правовой ответственности, которая должна вызывать негативные последствия (дополнительные обязанности или обременения) для правонарушителя и обеспечивать восстановление прежнего положения для потерпевшего (кредитора)⁴³⁴, в последнем случае предоставление субсидиарному должнику права регрессного требования означало бы фактическое освобождение его от тех отрицательных последствий, которые он должен нести как меру ответственности за свое неправомерное поведение. Поэтому, когда субсидиарный должник отвечает перед кредитором за свое собственное правонарушение, предоставление права регресса к основному должнику было бы неуместным и противоречило бы существу гражданско-правовой ответственности субсидиарного должника.

Например, по законодательству о банкротстве субсидиарный должник является лицом, несущим ответственность за собственные неправомерные действия, и предоставление ему регрессного иска явно несправедливо.

⁴³⁴ См.: *Иоффе О.С.* Ответственность по советскому гражданскому праву / Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. I. СПб., 2003. С. 203.

Исходя из этого, ранее Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» не предоставлял права регресса субсидиарным должникам, исполнившим обязательство банкрота⁴³⁵. Однако в настоящее время указанный закон такое право предоставляет⁴³⁶, что не может не вызывать удивления.

Указанные обстоятельства позволяют в принципе ставить вопрос о нецелесообразности конструирования субсидиарного правоотношения по модели субсидиарной ответственности. Ведь в тех случаях, когда субсидиарный должник отвечает перед кредиторами по обязательствам основного должника за собственные неправомерные действия, причинившие кредиторам вред в силу невозможности удовлетворения их требований к основному должнику, по существу нужно говорить не о субсидиарной, а о прямой деликтной ответственности субсидиарного должника перед кредиторами основного должника за вред, причиненный их имущественным правам⁴³⁷.

Также следует отметить, что в законодательстве о юридических лицах субсидиарная ответственность как правило возлагается на лиц, состоящих в корпоративных правоотношениях с юридическим лицом и имеющих в отношении юридического лица комплекс корпоративных прав, основным из которых является право на участие в управлении юридическим лицом. Неисполнение обязательств юридического лица перед кредиторами, как правило, связано с виновными действиями лиц, составляющих органы управления юридического лица или являющихся работниками юридического

⁴³⁵ См.: *Покровский С.С.* Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 109.

⁴³⁶ См. ст. 61.15 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. Федерального закона от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ).

⁴³⁷ Подробнее см. § 4 настоящей главы, а также: *Гутников О.В.* Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22–37.

лица, ответственность за выбор (назначение) которых в конечном счете несут участники юридического лица, одновременно являющиеся субъектами субсидиарной ответственности. В связи с этим даже если субсидиарный должник в корпоративном законодательстве привлекается к субсидиарной ответственности перед кредиторами не за свои неправомерные действия, а за неправомерные действия юридического лица, есть определенные основания считать, что он несет ответственность за собственные упущения, имевшие место при осуществлении им права корпоративного управления юридическим лицом. Основанием такой ответственности можно считать и риск участников юридического лица, который они несут в связи с созданием юридического лица для выступления в гражданском обороте. При этом риск представляет собой осознанное допущение вследствие случайных обстоятельств отрицательных имущественных последствий для других лиц и означает принятие этих последствий тем, кто «рискует»⁴³⁸.

В этом смысле можно провести условную аналогию между ответственностью субсидиарных должников, создавших юридическое лицо, и ответственностью владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ). В последнем случае владелец источника повышенной опасности отвечает на началах риска в связи с тем, что под его контролем находится имущество, представляющее опасность для окружающих, и он принимает на себя риск всех возможных неблагоприятных последствий в виде причинения этим источником вреда третьим лицам. Точно так же и юридическое лицо, созданное участниками для выступления в гражданском обороте, можно образно рассматривать в качестве «источника повышенной опасности» для кредиторов, а участники юридического лица в предусмотренных законом случаях несут риск неисполнения или ненадлежащего исполнения

⁴³⁸ См.: *Ойгензихт В.А.* Категория «риска» в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5. С. 67. *Он же.* Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972. С. 187, 191, 210.

юридическим лицом своих обязательств перед кредиторами в виде субсидиарной ответственности, носящей обеспечительный характер.

При таком подходе обязательство субсидиарного должника можно рассматривать как меру гражданско-правовой ответственности самого субсидиарного должника, основанную на собственных упущениях при осуществлении права корпоративного управления, а также на началах принятия на себя риска неблагоприятных последствий деятельности юридического лица при неисполнении им своих обязательств в гражданском обороте. Основанием такой ответственности является субъективная теория риска.

Применяя эту теорию к корпоративной ответственности, можно прийти к выводу, что любая корпоративная ответственность (и связанная с противоправным поведением, и не связанная с ним («квазикорпоративная ответственность»)) своим субъективным основанием имеет либо гражданско-правовую *вину в объективном смысле*, понимаемую как непринятие всех разумных и достаточных мер для предотвращения негативных последствий при той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась по условиям оборота, либо *риск* как сознательное допущение негативных последствий, которые может вызвать деятельность юридического лица.

Как указывал С.Н. Братусь, «следует признать, что субъективным основанием возникновения юридической обязанности возместить вред и вытекающий из ее неисполнения ответственности является риск как допущение «вероятностных», случайных обстоятельств, влекущих отрицательные последствия для других лиц». При этом «закон возлагает ответственность за неблагоприятные последствия на невиновное лицо, допускающее наступление вероятностных обстоятельств, за поведение, влекущее такие последствия для других лиц. Такое лицо, хочет оно или не хочет, если оно должно оперировать источником повышенной опасности,

принимает на себя в соответствии с законом ответственность за эти последствия»⁴³⁹.

Это в полном мере применимо и к субсидиарной ответственности участников по долгам юридического лица. Выступление юридического лица в гражданском обороте связано с риском для кредиторов. Это сознательно допускают участники юридического лица и принимают на себя риск неблагоприятных имущественных последствий для третьих лиц – кредиторов этого юридического лица.

При этом вполне логичным и отвечающим сути соответствующих отношений будет лишение субсидиарного должника права регресса в отношении юридического лица, поскольку в противном случае субсидиарный должник фактически уйдет от ответственности и не будет нести никаких неблагоприятных имущественных последствий, компенсируя все свои потери за счет имущества юридического лица (основного должника) путем предъявления регрессного требования.

Кроме того, предоставление субсидиарному должнику – участнику юридического лица – права регресса в отношении юридического лица нарушало бы всю логику корпоративных отношений между ними, ведь участники юридического лица, вводя юридическое лицо в гражданский оборот, прежде всего, должны заботиться об обеспечении юридического лица имуществом, гарантирующим интересы кредиторов. Наделение же участников правом регрессного требования к юридическому лицу, имущества которого уже оказалось недостаточным для удовлетворения требований кредиторов, еще больше подорвет имущественную основу деятельности юридического лица и снизит гарантии интересов кредиторов, вступающих с этим юридическим лицом в обязательственные правоотношения. Последствием удовлетворения такого регрессного требования, скорее всего, будет либо несостоятельность юридического лица,

⁴³⁹ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (Очерк теории). М., 2001. С. 168.

либо уменьшение его уставного капитала в целях поддержания соответствия его размера размеру чистых активов, а при невозможности обеспечить такое соответствие – ликвидация юридического лица. Во избежание этих последствий участник юридического лица будет вынужден вносить дополнительные взносы в имущество юридического лица, что делает осуществление им непосредственно перед этим права регрессного требования абсолютно бессмысленным и лишенным экономического основания.

Поэтому, даже когда субсидиарный должник несет субсидиарную ответственность по обязательствам юридического лица не за свои, а за чужие неправомерные действия, он не должен иметь права регресса в отношении юридического лица, являющегося основным должником. Теоретически речь может идти лишь о предоставлении участнику права регресса не к юридическому лицу, а к управляющим, виновным в неисполнении или в ненадлежащем исполнении юридическим лицом своих обязательств перед кредиторами, при установлении соответствующих лиц и доказательстве их вины. Однако ответственность управляющих за убытки, причиненные юридическому лицу, в настоящее время уже предусмотрена статьей 53.1 ГК РФ, и предоставление права регрессного требования к ним субсидиарному должнику может иметь место лишь в части, не покрытой размером удовлетворенных требований о возмещении убытков юридическому лицу.

Таким образом, несмотря на то, что субсидиарный должник в законодательстве о юридических лицах не совершал никаких противоправных действий, возложение на него обязанности отвечать за неисполнение обязательства юридическим лицом без предоставления права регресса по сути влечет для субсидиарного должника негативные последствия в виде дополнительного имущественного бремени, что дает основания рассматривать обязательства субсидиарного должника в корпоративном законодательстве в качестве разновидности гражданско-правовой ответственности, в основе которой лежит обязательно (в силу

закона) или добровольно (в силу учредительных документов юридического лица) принимаемый на себя дополнительным должником риск несения убытков от действий юридического лица в гражданском обороте. Одновременно такая субсидиарная ответственность может рассматриваться как особое обеспечительное обязательство, устанавливаемое в силу закона или учредительных документов юридического лица.

8. Следует отметить, что в законодательстве о юридических лицах не определяется, по обязательствам перед какими кредиторами наступает субсидиарная ответственность. Дело в том, что у юридического лица могут быть обязательства как перед «внешними» кредиторами, с которыми юридическое лицо вступает в отношения в гражданском обороте, так и перед «внутренними» кредиторами юридического лица, – его участниками. В последнем случае речь идет, например, об обязательствах юридического лица по выплате участникам хозяйственного общества дивидендов, определенных решением общего собрания, по выплате исключенному участнику или участнику, добровольно вышедшему из общества с ограниченной ответственностью, действительной стоимости его доли, и т.п.

С одной стороны, согласно п. 3 ст. 307.1 ГК РФ к таким требованиям, возникшим из корпоративных отношений, применяются общие положения об обязательствах, поскольку иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений. Следовательно, и положения о субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица должны в полной мере применяться к требованиям участников к юридическому лицу. Такой подход встречается и в судебной практике на том основании, что нормы о субсидиарной ответственности по всем обязательствам юридического лица являются императивными и исключений не предусматривают. Например, в одном из дел суд привлек к субсидиарной ответственности полного товарища в коммандитном

товариществе по обязательству товарищества выплатить вклад выходящему из товарищества вкладчику-командитисту⁴⁴⁰.

С другой стороны, распространение субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица на «внутренние» требования участников к юридическому лицу противоречит существу корпоративных отношений, поскольку нормы о субсидиарной ответственности в законодательстве о юридических лицах по своему назначению призваны обеспечить имущественные интересы «внешних» кредиторов, а не самих участников, которые в данном случае не должны рассматриваться как кредиторы, а наоборот, должны делать все для того, чтобы имущество юридического лица было достаточным для удовлетворения требований «внешних» кредиторов.

Так, совершенно очевидно, что, говоря о субсидиарной ответственности участников полного товарищества по его обязательствам (п. 1 ст. 75 ГК РФ), закон имеет в виду обязательства перед внешними кредиторами, а не перед самими участниками юридического лица. В противном случае имела бы место ситуация, когда по обязательствам товарищества о выплате выходящему товарищу стоимости его доли в складочном капитале субсидиарную ответственность несли бы другие полные товарищи даже в ущерб интересам внешних кредиторов юридического лица.

Сказанное применимо и к товариществам на вере. Согласно п. 1 ст. 82 ГК РФ товариществом на вере (командитным товариществом) признается товарищество, в котором наряду с участниками, осуществляющими предпринимательскую деятельность и отвечающими по обязательствам общества своим имуществом (полными товарищами), имеется один или несколько *участников – вкладчиков* (командитистов), которые несут риск убытков, связанных с деятельностью товарищества в пределах сумм

⁴⁴⁰ См.: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25.05.2015 г. № Ф04-18682/15 по делу № А45-12334/2014.

внесенных ими вкладов, и не принимают участия в предпринимательской деятельности этого товарищества.

Тем самым закон прямо признает вкладчиков – коммандитистов не кредиторами, а участниками товарищества. Отличие вкладчиков – коммандитистов от кредиторов товарищества вытекает также из п. 2 ст. 86 ГК РФ, согласно которому при ликвидации товарищества на вере вкладчики имеют преимущественное перед полными товарищами право на получение вкладов из имущества товарищества, оставшегося после удовлетворения требований его *кредиторов*.

Таким образом, как полные товарищи, так и вкладчики в товариществе на вере являются участниками юридического лица, а не его кредиторами в обязательствах, по которым наступает субсидиарная ответственность участников товарищества по смыслу ст. 75 ГК РФ.

Поэтому более обоснованной представляется позиция, согласно которой обязательства товариществ по требованиям, возникающим из корпоративных отношений, не являются денежными обязательствами товарищества в том понимании, в котором о них говорится в ст. 75 ГК РФ, а действующее законодательство не содержит положений, в соответствии с которым полные товарищи несут субсидиарную ответственность перед коммандитистами⁴⁴¹.

В свете изложенного представляется, что к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, общие положения об обязательствах в контексте применения норм ГК РФ о субсидиарной ответственности участников юридических лиц не должны применяться, поскольку это противоречит существу корпоративных отношений.

9. Закон оставляет открытым вопрос о том, прекращается ли субсидиарная ответственность после ликвидации юридического лица, являющегося основным должником. Это является прямым следствием того,

⁴⁴¹ См.: Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 23.10.2014 г. по делу № А45-12334/2014.

что в законодательстве до сих пор специально никак не урегулированы основания изменения или прекращения субсидиарных правоотношений, о чем уже давно говорилось в литературе⁴⁴².

Согласно ст. 419 ГК РФ ликвидация юридического лица прекращает обязательство, кроме случаев, когда законом или иными правовыми актами исполнение обязательства ликвидированного юридического лица возлагается на другое лицо.

Если подходить к субсидиарной ответственности как к особой разновидности обязательства с множественностью лиц, то ликвидация юридического лица – основного должника не влечет прекращения обязательства субсидиарного должника⁴⁴³ (так же, как в солидарных обязательствах ликвидация одного из солидарных должников не прекращает обязательств остальных солидарных должников).

Если же считать, что субсидиарный должник исполняет собственное обеспечительное обязательство отвечать за основного должника, когда объем обязательства субсидиарного должника лишь совпадает с обязательством основного должника, то прекращение основного обязательства с ликвидацией юридического лица – основного должника должно влечь за собой и прекращение обязательства субсидиарного должника.

Однако и при таком подходе из этого правила могут быть исключения. В частности, в тех случаях, когда основанием ответственности субсидиарного должника является не только правонарушение основного должника (неисполнение обязательства), но и неправомерные действия субсидиарного должника, субсидиарная ответственность приобретает «смешанный» характер: субсидиарный должник, по существу, несет субсидиарную ответственность не только по обязательству основного

⁴⁴² См.: Прус Е.П. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств участников (учредителей) юридического лица / Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 8 / под ред. О.Ю. Шиловцова. М., 2004. С. 208.

⁴⁴³ При условии, если кредитор предварительно выполнил требования п. 1 ст. 399 ГК РФ и до ликвидации основного должника предъявил к нему требование об исполнении обязательства и получил отказ либо не получил ответа в разумный срок.

должника, но и за собственные неправомерные действия, которыми причинен ущерб кредитору, то есть деликтную ответственность перед кредитором за свои неправомерные действия в объеме неисполненного основным должником. В последнем случае ответственность (деликтное обязательство) субсидиарного должника приобретает самостоятельный характер и не должна зависеть от прекращения обязательства основного должника в связи с его ликвидацией. В судебной практике такой подход используется. В частности, Верховный Суд РФ указал, что ликвидация должника, признанного несостоятельным, не является препятствием для рассмотрения требования о привлечении его бывшего руководителя к субсидиарной ответственности. В данном случае бывший руководитель должника нарушил требования Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» об обращении в арбитражный суд с заявлением должника, что повлекло причинение ущерба кредиторам. В связи с этим Верховный Суд РФ указал, что субсидиарная ответственность руководителя по долгам возглавляемой им организации возникает вследствие причинения вреда кредиторам, а завершение конкурсного производства при этом само по себе не влечет материальные последствия в виде освобождения руководителя от ответственности⁴⁴⁴.

10. Существует еще одна серьезная проблема в отношении субсидиарной ответственности по обязательствам ликвидируемого юридического лица, наступающей за неправомерные действия контролирующих лиц.

Дело в том, что неправомерные действия контролирующих лиц при ликвидации или банкротстве юридического лица представляют собой не что иное, как действия, причиняющие убытки как юридическому лицу, так и его кредиторам. По существу, одно и то же неправомерное действие

⁴⁴⁴ См.: п. 8 Обзора судебной практики Верховного Суда № 1 (судебная коллегия по экономическим спорам) (утв. Президиумом ВС РФ 13.04.2016 г.); Определение ВС РФ № 307-ЭС15-5270.

контролирующего лица может потенциально порождать три самостоятельных вида исковых требований:

1) о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица по законодательству о банкротстве;

2) о привлечении контролирующего лица к корпоративной ответственности за причинение убытков юридическому лицу (ст. 53.1 ГК РФ);

3) о привлечении контролирующего лица к прямой ответственности за причинение имущественного вреда правам кредиторов юридического лица (ст. 1064 ГК РФ).

В отечественном корпоративном праве на практике применяются лишь первый и второй варианты ответственности и практически не применяется третий, несмотря на наличие в ГК РФ конструкции генерального деликта (ст. 1064 ГК РФ)⁴⁴⁵.

Между тем даже при применении первых двух вариантов ответственности имеет место конкуренция исковых требований, что вызывает трудности при рассмотрении соответствующих судебных дел.

Например, если руководитель юридического лица (иное контролирующее лицо) грубо нарушает свои корпоративные обязанности действовать добросовестно и разумно, чем причиняет юридическому лицу крупные убытки, – налицо основания для привлечения его к прямой ответственности перед юридическим лицом (ст. 53.1 ГК РФ). В то же время причинение крупных убытков юридическому лицу из-за действий руководителя или иных лиц может повлечь за собой банкротство юридического лица и в свою очередь – основания для привлечения

⁴⁴⁵ О возмещении вреда, причиненного имущественным правам кредиторов, подробнее см.: *Гутников О.В.* Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. № 1. 2017. С. 22–37, а также § 4 настоящей главы.

руководителя (контролирующего лица) к субсидиарной ответственности перед кредиторами юридического лица по правилам Закона о банкротстве.

Несмотря на различную юридическую квалификацию этих двух видов ответственности, на практике их разграничение бывает довольно затруднительным, поскольку по существу речь идет о разных видах ответственности за одно и то же нарушение.

Такое смешение двух видов ответственности давно вызывает критические замечания в научной литературе⁴⁴⁶ и влечет затруднения на практике при выборе конкретного способа защиты нарушенных гражданских прав между иском о привлечении к субсидиарной ответственности и корпоративным иском о возмещении убытков юридическому лицу.

Кроме того, наступление любого из указанных видов ответственности приводит к одному и тому же экономическому результату: имущество, взысканное с контролирующего лица в порядке применения субсидиарной ответственности, поступает не непосредственно кредиторам, а в конкурсную массу юридического лица и впоследствии распределяется между кредиторами в установленной законом очередности.

В этих условиях еще более очевидным становится неоправданность одновременного применения этих двух видов ответственности.

Перспективным при этом представляется в отношении противоправных действий контролирующих лиц переход от субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица к прямой корпоративной ответственности перед кредиторами, вытекающей из особого рода корпоративного нарушения, по которому нарушитель в процессе управления юридическим лицом причиняет вред имущественным правам кредиторов, являясь причиной неисполнения или ненадлежащего исполнения юридическим лицом своих обязательств перед кредиторами. Право

⁴⁴⁶ См., например: *Егоров А.В., Усачева К. А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покровы // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61.

требования возмещения убытков в пользу кредиторов по такому правонарушению целесообразно предоставлять непосредственно кредиторам⁴⁴⁷.

Проведенный выше анализ показывает, что рассмотрение даже отдельных вопросов правового регулирования субсидиарной ответственности в российском законодательстве приводит к выводу о том, что данная конструкция требует концептуального пересмотра и существенного реформирования по следующим направлениям.

1. Прежде всего, понятие субсидиарной ответственности (или субсидиарных правоотношений) включает в себя как минимум три совершенно разнородных правовых явления, нуждающихся в отдельном правовом регулировании:

1) особое обязательство с множественностью лиц на стороне должника, по которому субсидиарный должник является дополнительной стороной в основном обязательстве (регулятивном или охранительном) и в полном объеме несет обязанности основного должника, включая обязанность реального исполнения обязательства и обязанность нести ответственность за нарушение основного обязательства. Данный вид субсидиарной ответственности представляет собой по существу не ответственность, а особое субсидиарное обязательство, которое подлежит специальному регулированию в гл. 22 ГК РФ об исполнении обязательств;

2) особое «обеспечительное» обязательство субсидиарного должника денежного характера отвечать лишь за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства основным должником путем возмещения убытков и уплаты иных штрафных санкций. Данный вид субсидиарной ответственности также по существу представляет собой не ответственность, а особый способ обеспечения исполнения обязательств, который подлежит

⁴⁴⁷ Подробнее см. § 4 настоящей главы.

специальному регулированию в гл. 23 ГК РФ об обеспечении исполнения обязательств;

3) субсидиарная ответственность за неправомерное поведение субсидиарного должника, выражающаяся в его обязанности отвечать за неисполнение основным должником его обязательств перед кредиторами, вызванное неправомерными действиями самого субсидиарного должника. При данном виде ответственности субсидиарный должник также отвечает денежными средствами за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства основным должником путем возмещения убытков и уплаты иных штрафных санкций. Данный вид субсидиарной ответственности представляет собой особого рода деликт, по которому субсидиарный должник причиняет вред обязательственным правам кредиторов основного должника, являясь причиной неисполнения или ненадлежащего исполнения основным должником своих обязательств перед кредиторами. Только данный вид субсидиарной ответственности является собственно ответственностью субсидиарного должника и подлежит специальному регулированию в гл. 25 ГК РФ «Ответственность за нарушение обязательств».

Общие положения о каждом из указанных видов субсидиарной ответственности следует урегулировать в ГК РФ.

2. Любой из отмеченных видов субсидиарной ответственности может применяться в отношении обязательств юридических лиц перед кредиторами, при этом со своими особенностями, которые необходимо урегулировать в общих положениях о юридических лицах. В связи с этим в ГК РФ необходимо включить общие положения о субсидиарной ответственности в корпоративных отношениях, в которых такие случаи разграничивались бы с точки зрения определения различных оснований, условий и последствий привлечения лиц к ответственности по обязательствам юридического лица.

Так, применение субсидиарных обязательств (1) в отношении обязательств юридических лиц должно иметь исключительно добровольный

характер, когда участники или какие-либо третьи лица принимают на себя обязанности по договору, становясь одной из сторон (субсидиарным должником) в субсидиарном обязательстве с множественностью лиц. В этом случае, исполнив обязательство вместо основного должника, субсидиарный должник приобретает право регресса в отношении юридического лица. Соответствующий договор теоретически может быть заключен как с кредиторами юридического лица по конкретным обязательствам, так и с его участниками, а также с самим юридическим лицом в отношении любых обязательств, возникающих у юридического лица перед кредиторами. В отношении участников (учредителей) юридического лица должно быть возможно также установление подобного обязательства в учредительных документах юридического лица.

Применение субсидиарной ответственности как особого «обеспечительного обязательства» в отношении обязательств юридических лиц (2) может иметь место как на основании договора с участниками (учредителями) или с третьими лицами (договорная субсидиарная обеспечительная ответственность), так и на основании закона или учредительных документов юридического лица (корпоративная субсидиарная обеспечительная ответственность).

В случае договорной субсидиарной ответственности третьих лиц в виде «обеспечительного обязательства» данные лица добровольно принимают на себя такую ответственность по договору с кредитором юридического лица в отношении конкретных обязательств, либо по договору с участниками юридического лица или с самим юридическим лицом в отношении любых обязательств юридического лица перед кредиторами, а отношения сторон напоминают отношения поручительства. При этом субсидиарный должник, возместивший убытки кредитору, приобретает к юридическому лицу - основному должнику право регрессного требования по возмещению убытков, которые субсидиарный должник понес при выплате имущественных санкций кредитору.

Корпоративная субсидиарная ответственность в виде «обеспечительного обязательства» предполагает обязанность нести имущественную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение юридическим лицом своих обязательств, закрепленную законом или учредительными документами юридического лица, для лиц, состоящих в корпоративных отношениях с юридическим лицом, или иных лиц, контролирующих деятельность юридического лица. После удовлетворения требования кредиторов права регресса у субсидиарного должника к юридическому лицу не возникает. Вместе с тем субсидиарному должнику (участнику юридического лица) может быть предоставлено право регрессного требования не к юридическому лицу, а к управляющим юридического лица, виновным в неисполнении или в ненадлежащем исполнении юридическим лицом своих обязательств перед кредиторами, при установлении соответствующих лиц и доказательстве их вины, в той части, которая не покрыта размером удовлетворенных требований о возмещении убытков юридическому лицу на основании статьи 53.1 ГК РФ.

Субсидиарная деликтная ответственность по обязательствам юридического лица за собственные неправомерные действия субсидиарного должника, связанные с причинением имущественного вреда правам кредиторов в процессе управления юридическим лицом (3), может быть установлена только законом. В законе должны быть четко определены основания и условия для привлечения субсидиарного должника к такого рода ответственности (противоправное поведение, вина, причинение вреда юридическому лицу и кредиторам, причинная связь). Право регрессного требования при таком виде ответственности у субсидиарного должника возникать не должно.

3. Для всех видов юридических лиц в качестве общего правила целесообразно установить субсидиарную ответственность учредителей (участников) по отдельным деликтным обязательствам, связанным с причинением вреда жизни и здоровью граждан, причинением вреда

окружающей среде. Это может быть обосновано тем, что деликтные кредиторы, в отличие от кредиторов по договорным обязательствам, не принимают на себя добровольно риски взаимодействия с юридическим лицом и оказываются невольными заложниками недобросовестного поведения юридического лица в гражданском обороте.

4. Субсидиарная ответственность за собственные неправомерные действия субсидиарного должника в законодательстве о юридических лицах должна применяться лишь в исключительных случаях, которые связаны с явно злонамеренными действиями субсидиарного должника (контролирующего лица), и лишь на стадии прекращения деятельности юридического лица в условиях недостаточности его имущества для удовлетворения требований кредиторов.

Перспективным при этом представляется конструирование такой ответственности не как субсидиарной, а как прямой корпоративной ответственности перед кредиторами, вытекающей из особого рода корпоративного нарушения, по которому нарушитель в процессе управления юридическим лицом причиняет вред имущественным правам кредиторов, являясь причиной неисполнения или ненадлежащего исполнения юридическим лицом своих обязательств перед кредиторами. Право требования возмещения убытков в пользу кредиторов по такому правонарушению целесообразно предоставлять непосредственно кредиторам.

5. В законодательстве о юридических лицах следует более четко установить порядок привлечения к субсидиарной ответственности для различных ее видов, в том числе установить, что в случаях, когда условием удовлетворения требований к субсидиарному должнику является недостаточность имущества или денежных средств основного должника, факт такой недостаточности устанавливается на основании данных промежуточного ликвидационного баланса или судом в деле о привлечении к ответственности основного или субсидиарного должника на основании данных бухгалтерского учета, а не судебным приставом-исполнителем при

обращении взыскания по исполнительному документу против основного должника.

Если кредитор предъявляет иск исключительно к субсидиарному должнику, основной должник должен привлекаться в дело не в качестве второго ответчика, а в качестве третьего лица на стороне ответчика, а судебное решение и исполнительный лист в таком процессе должны выдаваться против субсидиарного должника.

§ 4. Ответственность за причинение вреда правам кредиторов и участников юридического лица

При осуществлении корпоративных прав и исполнении корпоративных обязанностей контролирующие лица и иные участники корпоративных отношений могут своими виновными действиями вызвать невозможность осуществления относительных имущественных прав других лиц, в том числе обязательственных прав или корпоративных правомочий, принадлежащих соответственно кредиторам юридического лица или его участникам (учредителям). Тем самым в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом, становится возможным причинение вреда имущественным относительным правам других лиц (кредиторов и участников юридического лица), что может порождать обязательство из причинения вреда в виде возмещения соответствующих убытков.

Возникает вопрос, является ли такая ответственность деликтной ответственностью за вред, причиненный имущественным правам других лиц (ст. 1064 ГК РФ), либо представляет собой один из видов корпоративной ответственности (специальный «корпоративный деликт»), отличающейся от деликтной и подлежащей применению в соответствии со специальными нормами корпоративного права.

Возможность причинения вреда (деликта) относительным, и прежде всего, обязательственным, правам в настоящее время остается дискуссионной.

В российском законодательстве ответственность за причинение вреда личности или имуществу урегулирована нормами главы 59 ГК РФ «Обязательства вследствие причинения вреда». Традиционно считается, что деликтная ответственность - это внедоговорная ответственность, т.е. за нарушения, не связанные с неисполнением договора. Относительные (обязательственные) права могут быть нарушены только участниками обязательств, а не третьими лицами, поэтому вред, причиненный договорным правам, подлежит возмещению только в рамках договорных отношений. Но так ли это на самом деле?

В жизни часто встречаются ситуации, когда в обязательственные правоотношения между двумя сторонами «вторгается» третье лицо – «интервент», и причиняет тем самым имущественный вред. Количество таких случаев огромно и все они сводятся к тому, что в результате действий интервента надлежащее исполнение обязательства становится невозможным или затруднительным.

Одним из самых распространенных примеров является продажа по более высокой цене третьему лицу вещи, которая ранее была обещана первому покупателю по предварительному договору купли-продажи, а возможно - уже продана по другому договору. Понятно, что продавец, отчуждая вещь третьему лицу, непосредственно нарушает свои договорные обязанности перед первым покупателем и должен нести договорную ответственность перед ним. Но второй покупатель, незаконно вторгшийся в чужие договорные отношения, также является правонарушителем, которого потенциально можно привлечь к деликтной ответственности за вред, причиненный имущественным правам первого покупателя.

Другим примером служит уничтожение вещи «интервентом», когда вещь, бывшая предметом договора (купли-продажи, аренды, ссуды и т.д.),

оказывается уничтоженной третьим лицом, что лишает возможности использовать эту вещь в договорных отношениях.

Ситуации вторжения в чужие договорные отношения могут быть самыми разнообразными. Третье лицо может просто помешать должнику в каком-либо обязательстве надлежаще исполнять свои обязанности, и причинить тем самым вред кредитору, который утратит ту имущественную ценность, какую представляло для него надлежащее исполнение обязанностей должником.

Например, в случае издания органом государственной власти или местного самоуправления незаконного акта, который лишил возможности определенное лицо исполнять обязательства, его контрагент (кредитор) по условиям договора может не иметь права взыскивать убытки и штрафы с должника, так как действия властей могут быть квалифицированы в договоре как форс-мажорное обстоятельство, освобождающее от ответственности. Однако если эту ситуацию рассматривать с точки зрения причинения органами власти ущерба имущественному праву кредитора, то кредитор может ставить вопрос о возмещении убытков непосредственно публично-правовым образованием.

Способы воздействия интервента на должника могут быть самыми разнообразными. Можно воздействовать на предметы (орудия труда), с помощью которых должно было исполняться обязательство, или на личность, свободу или здоровье должника (удерживая его в заложниках, причинив существенный вред здоровью, убив его, наконец). Например, бригада рабочих, осуществляющих дизайнерский ремонт в апартаментах, погибла или получила тяжелые увечья в автомобильной аварии, произошедшей по вине третьего лица. Тем самым деликвент причинил вред не только самим рабочим, но косвенно – также и их заказчику, который терпит убытки из-за срыва сроков строительства, а возможно, вообще не сможет без этой именно бригады закончить ремонт в том виде, как он был задуман, поскольку только

она обладала уникальными знаниями и проектными решениями, необходимыми для удовлетворения запроса заказчика.

Интервент может причинить вред обязательственным правоотношениям не только воздействуя на самого должника в обязательстве, но и на третьих лиц, состоящих с должником в других договорных отношениях. Третье лицо может быть связано с должником по обязательству другим договором, исполнение которого оказывает непосредственное влияние на возможность надлежащего исполнения своих обязательств должником. Например, третье лицо, являющееся субподрядчиком, по вине интервента не исполняет свое обязательство, что с неизбежностью влечет нарушение обязательств должника (подрядчика) перед заказчиком по основному договору подряда. Или третье лицо может являться источником финансирования обязательств должника (плательщика) по любому возмездному договору, и неисполнение третьим лицом по вине интервента своих денежных обязательств перед должником влечет нарушение последним сроков платежа по обязательству перед кредитором. В таких случаях должник не освобождается от ответственности перед кредитором, а неисполнение третьими лицами своих обязательств перед должником не является форс-мажорным обстоятельством (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Однако на практике в таких случаях с должника очень часто нечего взять, и кредитор терпит убытки фактически из-за поведения третьих лиц, не связанных с кредитором договорными отношениями. Здесь также имеет место ситуация причинения третьими лицами вреда правам кредитора в договорных отношениях с должником.

Относительное право может быть нарушено не только воздействием интервента на должника или его контрагентов, но и на самого кредитора путем воспрепятствования осуществлению его права. Такая ситуация особенно актуальна в случаях, когда кредитор имеет ограниченный срок для осуществления своего права, по истечении которого право прекращается (пресекательные сроки для осуществления права). Наглядным является

пример, когда у гражданина есть «невозвратный» билет на самолет, а кто-то послужил причиной задержки пассажира в аэропорт, что привело к утрате права на перевозку. В бизнесе таких «невозвратных» билетов огромное множество, начиная с опционов на покупку (продажу) акций⁴⁴⁸, и заканчивая любыми предусмотренными в договорах случаями обусловленности осуществления права какими-либо действиями кредитора⁴⁴⁹, которые он не смог выполнить из-за третьих лиц.

Приведенные случаи, при всем их разнообразии, объединяет то, что есть две стороны относительного правоотношения, в которое «вторгается» третье лицо (интервент) и своими действиями вызывает невозможность или затруднительность исполнения обязанностей и (или) осуществления прав сторонами такого отношения. Иными словами, третье лицо причиняет вред относительным правам. Это в полной мере применимо к любым относительным правам, в том числе к обязательственным, семейным, корпоративным.

Возникает вопрос, подлежит ли такой вред возмещению, и если подлежит – то по каким основаниям и на каких условиях?

В отечественной цивилистической доктрине традиционным считается подход, согласно которому относительные права могут быть нарушены лишь лицами, являющимися сторонами соответствующих относительных правоотношений. Этот подход основан на всеми давно признанной разнице между деликтной и договорной ответственностью. Деликтная

⁴⁴⁸ В соответствии с п. 1 ст. 429.3 ГК РФ «По опционному договору одна сторона на условиях, предусмотренных этим договором, вправе потребовать в установленный договором срок от другой стороны совершения предусмотренных опционным договором действий (в том числе уплатить денежные средства, передать или принять имущество), и при этом, если управомоченная сторона не заявит требование в указанный срок, опционный договор прекращается».

⁴⁴⁹ В соответствии с п. 1 ст. 327.1 ГК РФ «Исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству, может быть обусловлено совершением или несвершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон».

ответственность наступает за нарушения, не связанные с неисполнением обязательства, договорная – за нарушения договорного обязательства.

Так, Е.А. Флейшиц разграничивала «две области возмещения имущественного вреда: 1) возмещение вреда, причиненного неисполнением обязательства, и 2) возмещение вреда, причиненного противоправным действием без неисполнения тем самым обязательства, существующего между лицом, ответственным за вред, и потерпевшим»⁴⁵⁰.

Первая разновидность возмещения имущественного вреда относится к договорной ответственности, а вторая – к внедоговорной, или деликтной ответственности, причем «под деликтом понимается причиняющее имущественный вред противоправное действие, не представляющее собой неисполнения обязательства»⁴⁵¹.

Исходя из этого подхода, по смыслу п. 1 ст. 1064 ГК РФ деликтные требования о возмещении вреда, причиненного имуществу, возникают вследствие нарушения прав, носящих *абсолютный характер*⁴⁵².

При нарушении договора также причиняется вред, однако этот вред возмещается в порядке применения договорной ответственности. Из этого делается вывод о том, что внедоговорный вред может быть причинен друг другу лишь лицами, не состоящими между собой в договорных правоотношениях. Однако этот вывод ошибочен, т.к. и *лица, состоящие в договорных отношениях, могут причинить друг другу вред, не связанный с*

⁴⁵⁰ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения // Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. М., 2015. С. 330.

⁴⁵¹ Там же. С. 330–331.

⁴⁵² См.: Гражданское право: Учебник. Т. II / Под ред. О.Н. Садикова. М., 2007. С. 446 (автор соотв. главы – Файзулдинов И.Ш.); Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М. 1997. С. 695 (автор соотв. главы – Ю.К. Толстой); Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: Учебник. М., 2003. С. 854; Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983, С. 27. См. также: решение Арбитражного суда г. Москвы от 06.04.2015 г. по делу № А40-209873/2014, оставленное в силе вышестоящими судебными инстанциями (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.06.2015 г.; постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2015 г.; Определение Верховного Суда РФ от 07.12.2015 г. № 305-ЭС15-15743).

неисполнением договорного обязательства. Например, подрядчик, надлежащим образом исполняющий договор подряда, вне всякой связи с заключенным договором подряда причиняет вред имуществу заказчика (строительный кран подрядчика на строительной площадке, где заказчиком является совсем другое лицо, падает на принадлежащий первому заказчику автомобиль, случайно оказавшийся припаркованным возле чужой строительной площадки).

Поэтому факт причинения деликтного вреда одним лицом другому может иметь место вне зависимости от того, состоят ли такие лица в договорных, корпоративных или каких-либо иных относительных отношениях. *Важно, чтобы причиненный вред не был связан с нарушением причинителем вреда договорного обязательства, корпоративных, семейных или иных обязанностей, вытекающих из соответствующего относительного правоотношения.*

В то же время деликтная ответственность за причинение вреда в принципе не может наступить за неисполнение обязательства или корпоративной обязанности в отношениях между причинителем вреда и потерпевшим: при наличии между сторонами относительной правовой связи любой причиненный в ее рамках вред должен возмещаться в порядке применения ответственности, вытекающей из нарушения соответствующего относительного правоотношения (договорной или корпоративной). Это также согласуется с тем, что нарушить обязательство или корпоративную обязанность неисполнением может только должник в обязательстве или субъект корпоративной обязанности. Однако данное обстоятельство не означает, что деликтная ответственность не может наступать за причинение вреда относительным правам со стороны третьего лица, не состоящего в относительных правоотношениях с потерпевшим, либо, хотя и состоящим с ним в таких правоотношениях, но не способным нарушить относительное правоотношение неисполнением, так как вред причиняется им вне всякой связи с нарушением им соответствующих относительных обязанностей.

Третье лицо непосредственно не может нарушить обязательство или корпоративное правоотношение его неисполнением, но оно может нарушить относительное право косвенно, путем воспрепятствования исполнению обязательства (корпоративной обязанности) обязанным лицом или осуществлением действий, которые делают исполнение обязательства или корпоративной обязанности невозможным либо умаляют ценность имущественного права для кредитора. Тем самым имуществу кредитора объективно *причиняется вред*, выражающийся в умалении имущественной сферы потерпевшего путем утраты имущественного права, возникновения убытков, связанных с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства, или снижения стоимости имущественного права. Таким образом, вред (ущерб) может быть причинен не только материальным объектам, но и имущественным правам.

Некоторые авторы принципиально отрицают возможность причинения вреда имущественным правам на том основании, что понятие вреда связано с умалением имущественного блага, а субъективное имущественное право, являясь мерой возможного поведения, не может нести материальные потери. Так, Г.В. Цепов задается вопросом: «Трудно понять: как вред (материальные потери) может быть причинен субъективным имущественным правам (мере возможного поведения)?»⁴⁵³. Однако если рассматривать имущественное право как принадлежащее определенному лицу благо, имеющее денежную оценку, то очевидно, что этому благу может быть причинен ущерб (вред) в виде его уничтожения или уменьшения стоимости.

Не является препятствием к возможности причинения вреда нарушением относительных прав и то обстоятельство, что якобы ГК РФ устанавливает такие способы возмещения вреда в натуре, которые совместимы лишь с причинением вреда объектам абсолютных прав (вещам).

⁴⁵³ Цепов Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности // Закон. 2016. № 8. С. 110.

Так, согласно ст. 1082 ГК РФ суд, удовлетворяя требование о возмещении вреда, в соответствии с обстоятельствами дела обязывает лицо, ответственное за причинение вреда, возместить вред в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т.п.). На этом основании делается вывод, что «возмещение вреда в натуре, как вытекает из содержания ст. 1082 ГК РФ, возможно только в случаях, когда вред выражен в виде уничтожения или повреждения имущества (вещи), тогда как взыскание убытков - универсальный способ возмещения вреда: он может быть использован как в случае уничтожения или повреждения имущества, так и в любых других обстоятельствах»⁴⁵⁴.

Однако невозможность возмещения в натуре вреда, причиненного имущественным правам, ни в коей мере не может служить препятствием возникновения самого деликтного обязательства, которое всего лишь будет исполняться другим способом – путем взыскания с причинителя вреда убытков (ст. 1082 ГК РФ). Кроме того, нет никаких разумных политико-правовых оснований отрицать принципиальную возможность возмещения в натуре вреда, причиненного имущественным правам, даже если с догматических позиций «чистоты» конструкции такое возмещение немыслимо.

Например, утрачено право требования выполнения работы или оказания услуги, право требования передачи вещи. Ничто, на наш взгляд, не мешает в таких случаях возместить вред в натуре не путем восстановления права требования к должнику, а путем выполнения работы или оказания услуги того же рода или качества деликвентом или иным лицом за счет деликвента. То есть имущественная сфера потерпевшего, пострадавшего путем утраты права, восстанавливается «в натуре» – ему предоставляются такие же работы или услуги, такие же вещи, такие же имеющие материальную ценность блага, какие он должен был получить путем

⁴⁵⁴ Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011. С. 1102.

осуществления утраченного права требования⁴⁵⁵. Вся разница с «обычным» осуществлением в натуре утраченного права будет сводиться в таких случаях лишь к тому, что соответствующие блага потерпевший будет получать не от должника, а от деликвента (интервента).

Подобный способ восстановления в натуре нарушенных имущественных прав на получение индивидуально-определенной вещи был известен еще общегерманскому праву (до принятия Германского гражданского уложения), когда покупателю предоставлялось право истребовать проданную ему вещь от третьего лица, которому вещь была передана продавцом по второму договору купли-продажи в нарушение первого договора. Тем самым договорному праву требования индивидуально-определенной вещи придавался своеобразный вещно-правовой эффект (*jus ad rem*), когда это право следовало за вещью и действовало также в отношении третьего лица (второго покупателя), не состоящего в договорных отношениях с первым покупателем⁴⁵⁶. Подобная конструкция теоретически мыслима и в отношении права требования вещей, определяемых родовыми признаками (*genus*), когда кредитору, чье право нарушено действиями интервента, предоставляется право требования исполнения такого же обязательства, но уже не должником, а интервентом.

Ограничениями подобного возмещения вреда в натуре могут выступать лишь ситуации, когда у интервента отсутствует индивидуально-определенная вещь (вещь погибла или на момент предъявления требования выбыла из владения интервента), или когда вред причинен праву требования работы (услуги), тесно связанной с личностью должника. В таких случаях возмещение вреда в натуре действительно оказывается невозможным и потерпевшему остается лишь требовать возмещения убытков.

⁴⁵⁵ Подобное возмещение вреда в натуре вполне может рассматриваться как разновидность такого способа защиты гражданских прав, как присуждение к исполнению обязанности в натуре (абз. 8 ст. 12 ГК РФ), только не должником, а деликвентом, который причинил вред имущественному праву.

⁴⁵⁶ Подробнее об этом см.: *Аскназий С.И.* Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2008. С. 554–555.

Таким образом, возмещение вреда в натуре мыслимо и в случаях причинения вреда относительным правам.

Теоретическим обоснованием возможности причинения вреда относительным правам является давно высказанная в литературе конструкция абсолютного действия относительных прав. Она основана на том, что любое право, вне зависимости от того, абсолютное оно или относительное, должно уважаться и соблюдаться всеми третьими лицами, которые обязаны воздерживаться от поведения, причиняющего вред признанным правам других лиц (принцип всеобщей защиты гражданских прав). Относительные права имеют внешнее «отраженное» действие в отношении всех третьих лиц, и могут быть нарушены третьими лицами, не состоящими с потерпевшим в договорных отношениях. Как писал В.К. Райхер, «...в отличие от прав абсолютных – это действие относительных прав на «третьих» лиц является не прямым, непосредственным, а косвенным, посредственным, «отраженным». Поэтому «...и обязательственное право, как и вещное, может быть нарушено любым третьим лицом (а не только должником), а в соответствии с этим защищается и против нарушений со стороны третьих лиц»⁴⁵⁷. М.М. Агарков отмечал, что в любом обязательстве необходимо «строго различать два правоотношения: а) отношение между кредитором и должником (нарушение возможно лишь со стороны должника) и б) отношение между кредитором и всяким и каждым (нарушение возможно со стороны всякого и каждого). В первом случае мы будем иметь обязательственное правоотношение, во втором – *особое абсолютное право*» (курсив мой – О.Г.), при этом «советское гражданское право такого абсолютного права не знает, хотя в отдельных случаях иск об убытках к третьему лицу допускается»⁴⁵⁸. Способность относительного права быть нарушенным любым третьим лицом и возможность его абсолютной защиты

⁴⁵⁷ Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Вып. XXV. С. 295, 299.

⁴⁵⁸ Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 25, 26.

признавали в той или иной степени Е.А. Флейшиц⁴⁵⁹, О.С. Иоффе⁴⁶⁰, С.И. Аскназий⁴⁶¹, а также допускают некоторые современные авторы⁴⁶².

Например, О.С. Иоффе выделял две причины, по которой обязательственные права приобретают значение для третьих лиц: 1) в силу принципа всеобщей защиты гражданских прав; 2) в силу так называемого отраженного действия на правовые возможности третьих лиц, которое выражается в том, что осуществление обязательственных прав может способствовать или препятствовать осуществлению прав третьих лиц. Возможность относительного правоотношения порождать определенные абсолютно-правовые последствия О.С. Иоффе признавал и в другой своей работе на примере договора имущественного найма, когда арендатору вред может быть причинен и третьим лицом, который способен нарушить владение арендатора на сданное внаем имущество⁴⁶³.

Однако представляется, что и без конструкции абсолютного действия относительных прав возможность причинения вреда относительным правам вытекает из действующего законодательства. Из текста ст. 1064 ГК РФ вообще не следует, что основанием деликтной ответственности является **нарушение каких-либо субъективных прав** (абсолютных или относительных). Основанием деликтной ответственности является сам **факт причинения вреда** имуществу потерпевшего, в чем бы этот вред ни выражался. В отличие от ответственности за нарушение существующих обязательств (гл. 25 ГК РФ), деликтная ответственность устанавливается не за нарушение каких-либо правоотношений, а за причинение вреда

⁴⁵⁹ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 360.

⁴⁶⁰ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 617–621.

⁴⁶¹ Аскназий С.И. Указ. соч. С. 699–700.

⁴⁶² См.: Каранетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 371–374; Синицын С.А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 7–44.

⁴⁶³ Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб., 2004. С. 325.

имуществу, который (вред) уже сам по себе порождает обязательство по возмещению этого вреда. Поэтому вопреки устоявшимся в доктрине взглядам⁴⁶⁴, закон для наступления деликтной ответственности вообще не требует, чтобы вред выражался в нарушении субъективных прав. Вред может быть причинен любому имуществу, которым могут быть как вещи, так и имущественные права (ст. 128 ГК РФ).

При этом под вредом, причиненным имуществу, принято понимать неблагоприятные для имущественной сферы потерпевшего последствия, возникшие в результате **повреждения или уничтожения** имущества и влекущие уменьшение имущественных благ или умаление их ценности⁴⁶⁵.

В случаях, когда вред причиняется такому имуществу, как вещи, он выражается в первую очередь в физическом воздействии на вещь (гибель, повреждение вещи). Нарушение субъективного права собственности при этом является не основанием ответственности, а лишь следствием причинения вреда объекту права собственности. Когда вред причиняется имущественному праву, он выражается в первую очередь в таком воздействии на право, которое влечет уничтожение этого права либо уменьшение его имущественной ценности (в прекращении (утрате) этого права, невозможности либо затруднительности его осуществления). При этом нарушения права со стороны должника может либо вообще не быть (например, когда право просто прекращается вследствие действий третьего лица, либо - когда кредитор из-за действий третьего лица не может осуществить принадлежащее ему право), либо является лишь следствием самого вреда (например, когда должник ненадлежащим образом исполняет свои обязанности из-за препятствий, созданных третьим лицом, это право нарушается, но не третьим лицом, а вынужденно – должником из-за вредоносных действий третьего лица). Иными словами, причинение вреда

⁴⁶⁴ См., например: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. М., 1997. С. 572–573.

⁴⁶⁵ См.: Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011. С. 1082 (автор соотв. главы – С.М. Корнеев).

имущественному праву предшествует возможному нарушению этого права должником, а не является следствием такого нарушения.

Что касается условий деликтной ответственности, - то ими являются противоправность действий деликвента, причинная связь между противоправными действиями и наступившим вредом, а также вина причинителя вреда. Поэтому с точки зрения закона вообще безразлично, лежит ли в основе причинения вреда нарушение каких-либо субъективных прав: важен лишь факт причинения вреда противоправным поведением, который выражается в умалении имущественной сферы потерпевшего. При этом противоправность поведения не обязательно должна быть связана с нарушением конкретного субъективного права: она может быть связана с нарушением норм права в объективном смысле. Как указывал В.А. Рахмилович, «гражданскую ответственность влечет любое противоправное причинение имущественного вреда независимо от того, каков характер противоправности, нормой какой отрасли права установлен запрет совершения того действия, которым причинен имущественный вред»⁴⁶⁶. По мнению М.М. Агаркова, вред может причиняться и таким действием, которое нарушает не субъективное право, а норму объективного права, которая направлена на охрану законного интереса потерпевшего⁴⁶⁷.

В целях возложения деликтной ответственности такими нарушаемыми нормами в нашем случае являются:

- недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ);

⁴⁶⁶ Рахмилович В.А. О противоправности как основании гражданской ответственности // Советское государство и право. 1964. № 3. С. 55. По мнению М.М. Агаркова, вред может причиняться и таким действием, которое нарушает не субъективное право, а норму объективного права, которая направлена на охрану законного интереса потерпевшего (Советское гражданское право, учебник для юридических школ. М., 1950. С. 516).

⁴⁶⁷ Советское гражданское право. Учебник для юридических школ. М., 1950. С. 516.

- всеобщий принцип добросовестности при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей (п. 3 ст. 1 ГК РФ);

- запрет на злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ и особенно – пункт 4 ст. 10, согласно которому «если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков»);

- ст. 1064 и 1082 ГК РФ об обязанности возмещения любого вреда, причиненного неправомерными действиями.

Если такое нарушение причинило вред имуществу потерпевшего (вещам или имущественным правам) – возникает обязательство из причинения вреда. Поэтому нарушение субъективного права выступает не основанием, и даже не условием деликтной ответственности, а всего лишь возможным последствием причинения вреда. При этом в результате причинения вреда может быть нарушено как абсолютное, так и относительное имущественное право потерпевшего. Более того, относительное право может быть и не нарушено вовсе, но вред этому праву может быть причинен.

Поэтому, на наш взгляд, не следует путать случаи нарушения относительного права и случаи причинения этому праву вреда. Нарушить относительное имущественное право возможно лишь путем неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанности должником, корреспондирующей относительному праву кредитора. Следовательно, нарушить относительное право действительно может лишь должник в относительном правоотношении. Но причинить *вред* относительному праву может любое третье лицо путем осуществления действий, повлекших нарушение должником этого права, уничтожение (прекращение) этого права, невозможность или затруднительность его осуществления самим кредитором или умаление его имущественной ценности. Поэтому нельзя согласиться с мнением Е.А. Флейшиц, согласно которому «...обязательственное право

может быть нарушено не должником, если содержание обязательственного права таково, что третье лицо в состоянии воспрепятствовать кредитору в осуществлении его права, в состоянии уничтожить или умалить благо, на которое направлено обязательственное право кредитора, в состоянии вызвать прекращение права кредитора»⁴⁶⁸. Все эти случаи касаются как раз не нарушения обязательства третьим лицом, а причинения третьим лицом вреда имущественному праву кредитора.

О необходимости *самостоятельной и автономной* квалификации противоправных действий третьего лица, послуживших причиной нарушения обязательств должником, указывается некоторыми современными авторами. Так, С.А. Сеницын отмечает: «Характер действий интервента и их последствия не позволяют считать действия интервента разновидностью нарушения обязательства, существующего между другими лицами. Противоправные действия интервента как правонарушение нуждаются в самостоятельной и автономной квалификации... Одновременно отсутствуют какие бы то ни было сомнения и в том, что противоправные действия интервента причиняют вред именно кредитору в случае нарушения обязательства должником»⁴⁶⁹. Поэтому, как справедливо указывает автор, недобросовестные действия третьих лиц непосредственно не нарушают обязательство, а лишь *создают условия* для нарушения должником своих договорных обязательств. Они должны рассматриваться как особая разновидность деликта⁴⁷⁰. При этом указанный автор не вполне последователен в своих выводах, когда называет ответственность за действия интервента случаем «внедоговорной ответственности за вред, причиненный *нарушением обязательственных прав*»⁴⁷¹. Кроме того, он ограничивается рассмотрением вопросов защиты относительных прав от

⁴⁶⁸ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 360.

⁴⁶⁹ Сеницын С.А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 10.

⁴⁷⁰ Там же. С. 42.

⁴⁷¹ Там же.

неправомерных действий третьих лиц, которые причиняют вред кредитору в случае *нарушения обязательств должником*, и не касается случаев причинения третьим лицом вреда с иными последствиями (прекращение права, невозможность его осуществления кредитором, умаление имущественной ценности права). Представляется, что все указанные случаи нуждаются в отдельном обосновании и рассмотрении как разновидности причинения вреда имущественному обязательственному праву. Отдельного рассмотрения также заслуживает вопрос о возможности причинения интервентом вреда не имущественному праву кредитора, а должнику, который из-за действия интервента не смог выполнить свои обязанности и понес ущерб вследствие уплаты кредитору убытков и штрафных санкций.

Таким образом, вопрос о возможности относительного права быть нарушенным третьим лицом вне договорных⁴⁷² или иных относительных отношений и связанная с этим теория «отраженного» абсолютного действия относительных прав непосредственно никак не связаны с вопросом о возможности причинения вреда имущественным относительным правам третьими лицами. Вне зависимости от того, может или нет относительное имущественное право быть нарушено третьим лицом⁴⁷³, этому праву в любом случае может быть причинен вред со стороны третьего лица путем осуществления действий, влекущих уничтожение (утрату) относительного права, невозможность его полноценного осуществления или умаления его имущественной ценности.

Поэтому правы те авторы, которые, основываясь на буквальном толковании закона, считают, что в статье о деликтной ответственности говорится о возмещении вреда, причиненного *любому имуществу* потерпевшего, *в том числе имущественным правам*. Так, В.К. Райхер отмечал, что Гражданский кодекс, говоря о причинении вреда «личности или и м у щ е с т в у» другого лица, несомненно, охватывает и случаи причинения

⁴⁷² См. Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 359.

⁴⁷³ А оно по определению нарушено быть не может.

вреда имущественным правам. «Это вытекает из того», - указывал В.К. Райхер, - «что понятие «имущества» обнимает не только «вещи», но и «права», и, в частности, долговые требования... и что не имеется решительно никаких – ни догматических, ни правно-политических – оснований суживать это понятие имущества»⁴⁷⁴. Похожая аргументация у А. Г. Карапетова⁴⁷⁵.

Однако реальная возможность возмещения вреда, причиненного имущественным правам, в настоящее время затруднена, поскольку прямых указаний в законе на этот счет не имеется, а отечественные суды традиционно крайне консервативны и с трудом идут на применение любых правил, прямо не выраженных в законе *expressis verbis*.

Пожалуй, единственный случай, прямо закрепляющий возможность привлечения к ответственности за причинение вреда имущественным правам кредиторов, в настоящее время установлен Законом о банкротстве⁴⁷⁶. Закон по сути исходит из того, что действиями третьих лиц, контролирующих должника, могут быть причинены убытки кредиторам должника в виде обесценивания их обязательственных прав (требований) к должнику, что, в свою очередь, приводит к банкротству должника⁴⁷⁷.

Таким образом, с известной долей условности можно сказать, что третье лицо (контролирующее должника лицо) «вторгается» в обязательственные отношения между должником и кредиторами путем совершения действий, приведших к заключению должником сделки, которая причинила вред имущественным правам кредиторов. Однако за эти действия контролирующее лицо привлекается не к деликтной, а к субсидиарной ответственности по обязательствам должника перед кредиторами. По сути речь идет о возложении на контролирующее лицо в субсидиарном порядке договорной ответственности перед кредиторами за действия, приведшие к

⁴⁷⁴ Райхер В.К. Указ. соч. С. 300.

⁴⁷⁵ Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 374.

⁴⁷⁶ Подп. 1 ч. 2 ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (в ред. Федерального закона от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ).

⁴⁷⁷ Подробнее см. § 8 настоящей главы.

совершению должником невыгодных для кредиторов сделок, что, в свою очередь, вызвало банкротство должника.

Контролирующие лица по Закону о банкротстве либо несут перед кредиторами субсидиарную ответственность по обязательствам должника, либо отвечают *перед должником* за причиненные ему убытки. Возможно также на основании ст. 53.1 ГК РФ предъявление учредителями (участниками) должника требований о возмещении должнику убытков, причиненных его органами управления и лицами, осуществляющими фактический контроль за должником⁴⁷⁸. Такие требования подлежат удовлетворению в части, не покрытой размером субсидиарной ответственности.

Поэтому Закон о банкротстве *не предусматривает деликтной ответственности третьих лиц за причинение вреда имущественным правам кредиторов*, хотя по существу субсидиарная ответственность контролирующих лиц преследует те же цели⁴⁷⁹.

Другой случай, при котором можно говорить об аналоге деликтной ответственности за причинение вреда относительным правам, предусмотрен в ст. 406.1 ГК РФ «Возмещение потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств». В п. 4 данной статьи установлено, что если имущественные потери стороны обязательства возникли в связи с неправомерными действиями третьего лица, к стороне, возместившей такие потери, переходит требование кредитора к этому третьему лицу о

⁴⁷⁸ В данном случае речь идет об особой корпоративной ответственности за нарушение установленных законом и учредительными документами обязанностей органов юридического лица действовать добросовестно и разумно в интересах такого лица (см. § 1 настоящей главы).

⁴⁷⁹ Некоторые авторы не без оснований считают, что введение субсидиарной ответственности перед кредиторами в Законе о банкротстве – неудачная попытка создать дублера деликтной ответственности. В отличие от деликтной ответственности, субсидиарная ответственность не имеет наработанных научных и практических критериев применения и поэтому несет в себе существенную угрозу для стабильности оборота и самого института юридического лица (См. *Егоров А.В., Усачева К.А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративных покровов // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 47).

возмещении убытков. Надо полагать, что речь в данном случае идет о переходе к стороне договорного отношения, возместившей соответствующие потери, требования кредитора (потерпевшего) в деликтном или в другом договорном обязательстве о возмещении убытков, вызванных причинением соответствующего вреда. Например, в договоре поставки стороны установили, что продавец возместит потери покупателя, причиненные гибелью товара, произошедшей в пути, несмотря на то, что риск случайной гибели товара перешел к покупателю с момента сдачи товара перевозчику. Третье лицо, виновное в гибели товара (перевозчик или иное лицо) будет нести договорную или деликтную ответственность перед покупателем за гибель товара. Однако если продавец согласно условиям договора поставки возместит покупателю потери, вызванные гибелью товара в пути, то согласно п. 4 ст. 406.1 ГК РФ к продавцу перейдет требование покупателя о возмещении убытков к третьему лицу, виновному в гибели товара.

Нетрудно, однако, заметить, что п. 4 ст. 406.1 ГК РФ непосредственно не устанавливает возможности возмещения вреда, причиненного имущественным правам стороны договорного правоотношения. В нем говорится не о возникновении у этой стороны права деликтного требования к интервенту, а лишь о переходе к ней уже существующих *прав кредитора к интервенту* в другом обязательстве, каковым может быть как обязательство из причинения вреда, так и договорное обязательство. Кроме того, ст. 406.1 ГК РФ имеет ограниченную сферу действия: она применяется лишь к обязательствам, обе стороны которых осуществляют предпринимательскую деятельность, и при этом лишь к тем из них, в которых установлено условие о возмещении потерь.

Таким образом, действующее законодательство Российской Федерации непосредственно не предусматривает возможности применения деликтной ответственности за причинение вреда относительным имущественным правам. В то же время представляется, что принципиальная возможность или невозможность нарушения деликтами относительных прав в современных

условиях не должна играть никакой роли для решения вопроса о допустимости возмещения вреда, причиненного имущественным правам.

В догматическом плане можно вести споры о формах такого вреда, способах его возмещения, условиях применения ответственности (включая форму вины, виды противоправных действий, степень причинной связи, размер возмещения вреда и т.д.), однако не подлежит сомнению то, что причинение любого вреда относительным правам должно пресекаться правопорядком и влечь за собой адекватные способы восстановления имущественной сферы потерпевшего.

Более того, следует исходить из того, что третье лицо может причинить вред не только имущественным правам, но и вообще относительным правоотношениям (обязательственным, корпоративным, семейным), включая случаи причинения убытков должнику, вызванных неисполнением им принятых на себя обязательств по вине интервента. Такая возможность обусловлена тем, что возмещению подлежит любой вред, причиненный имущественной сфере потерпевшего, в чем бы он ни выразался. Это отвечает принципам законности, недопустимости любого нарушения гражданских прав, а также идеологии генерального деликта.

Возможность деликтной ответственности за причинение вреда любым имущественным правам, в том числе – правам требования из обязательств, давно известна зарубежным правопорядкам. Так, согласно § 823 Германского гражданского уложения «лицо, которое умышленно или по неосторожности противоправно причинит вред жизни или здоровью, посягнет на свободу, собственность *или иное право* (курсив мой – О.Г.) другого лица, обязано возместить потерпевшему причиненный вред»⁴⁸⁰. Как указывал В.К. Райхер, «это понятие «иного права»..., несомненно, настолько широко, что свободно вмещает в себе и право обязательственное»⁴⁸¹ Еще более конкретна

⁴⁸⁰ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. М., 2015. С. 292.

⁴⁸¹ Райхер В.К. Указ. соч. С. 299.

формулировка ст. VI-2:211 Модельных правил европейского частного права⁴⁸², согласно которому подлежит возмещению «вред, причиненный лицу вследствие побуждения другого к неисполнению обязательства при помощи третьего лица»⁴⁸³. В английском и американском праве стороны договора, потерпевшие ущерб от «вторжения» интервента, защищаются особым деликтным иском «*tortious interference with contract*»⁴⁸⁴.

Несмотря на то, что в законе сегодня имеется общая возможность применения деликтной ответственности к случаям причинения вреда имущественным правам (п. 1 и 3 ст. 1, ст. 10, 1064 и 1082 ГК РФ), тем не менее в настоящее время в этом отношении сохраняются определенные сомнения, вызванные отсутствием прямых норм в законе и однозначных разъяснений высших судов, а также доктринальными представлениями о том, что деликтная ответственность наступает только за нарушение абсолютных прав. К сожалению, опыт отечественного правоприменения говорит нам о том, что отсутствие в законе прямых указаний о допустимости той или иной конструкции несет в себе высокую вероятность отрицания судами такой возможности и отказ в защите права. В качестве примеров можно привести нормы о корпоративных договорах, заверениях и гарантиях, опционах и т.д., появившиеся в ГК РФ исключительно для того, чтобы рассеять сомнения судебных органов в возможности их применения, хотя всякому грамотному юристу было всегда очевидно, что и без включения этих норм в ГК РФ соответствующие конструкции могли применяться в силу принципа свободы договора.

⁴⁸² «Принципы, определения и модельные правила европейского частного права. Проект общей справочной схемы (DCFR)».

⁴⁸³ Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М., 2013. С. 555.

⁴⁸⁴ См. *Каранетов А.Г.* Экономический анализ права. М., 2016. С. 371–372; *Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К.* Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие / отв. ред. М.А. Егорова. М., 2017. С. 267–287 (автор соотв. главы – *А. К. Романов*).

Поэтому целесообразно все же нормативно сформулировать общие основания и условия применения деликтной ответственности за причинение вреда имущественным правам (относительным правоотношениям). Как отмечал О.С. Иоффе, «закон должен... запретить третьим лицам совершать действия, препятствующие осуществлению прав и обязанностей сторонами в обязательстве или способствующие их уклонению от выполнения своих обязанностей»⁴⁸⁵.

В первую очередь, необходимо установить, в каких формах может быть причинен вред имущественному праву. Такими формами могут быть прекращение права, затруднительность или невозможность его полноценного осуществления кредитором, затруднительность или невозможность надлежащего исполнения должником своих обязанностей, утрата или уменьшение имущественной ценности права.

Также должна быть дана общая характеристика действий, которыми может быть вызван указанный вред: такими действиями следует признать любые противоправные действия третьих лиц, которые послужили непосредственной причиной или создали необходимые и достаточные условия для наступления соответствующего вреда. При этом противоправность должна быть охарактеризована как нарушение запрета на произвольное вмешательство кого-либо в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ), запрета на злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) и принципа добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ).

Одной из самых сложных проблем деликтной ответственности интервента, которая требует отдельного исследования, является установление вины. В российском праве деликтная ответственность построена на принципе «генерального деликта», согласно которому действует общая презумпция того, что вред причинен противоправными и виновными действиями причинителя вреда, если только деликвент не

⁴⁸⁵ *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000. С. 618.

докажет обратное. В то же время деликты, причиняющие вред относительным правам, обладают существенными особенностями. Причинение третьим лицом вреда обязательственным правам в силу их относительной природы всегда носит косвенный характер. Поэтому, в отличие от классических деликтов, представляющих собой явное девиантное поведение правонарушителя, нанесение ущерба имущественным правам далеко не всегда очевидно. Можно сказать, что в гражданском обороте каждый его участник постоянно вольно или невольно нарушает чьи-то обязательственные права, и при этом лишь в редких случаях он действует недобросовестно⁴⁸⁶.

Представляется, что справедливому балансу интересов интервента и участников относительного правоотношения будет в наибольшей степени соответствовать установление в законе умышленной формы вины причинителя вреда. При этом он должен не только знать о существовании обязательства или иного относительного правоотношения, которому причинен вред, но и желать причинение такого вреда или сознательно допускать его наступление.

В то же время презумпция вины деликвента в данных деликтных правоотношениях действовать не должна. Наоборот, необходимо установить презумпцию невиновности интервента, а бремя доказывания вины третьего лица должно быть возложено на потерпевшего. В то же время, в целях большей защиты интересов потерпевшего, если будет доказано, что лицо, причинившее вред, знало о существовании обязательства, эта презумпция должна меняться. Третье лицо, причинившее вред и знавшее о наличии обязательства, должно считаться виновным, если только оно не докажет, что действовало исключительно в охраняемых законом интересах и без намерения причинить вред.

⁴⁸⁶ Понятие недобросовестности при причинении вреда имущественным правам также нуждается в отдельном обосновании.

Возможна также дифференциация формы вины в зависимости от вида причинной связи между противоправным действием и наступившим вредом: умысел и грубая неосторожность, если действие повлекло наступление вреда; только умысел – если действие лишь создало необходимые условия для наступления вреда⁴⁸⁷.

Заслуживает обсуждения и вопрос о том, какой из сторон относительного правоотношения может быть причинен вред. Принято считать, что вред может быть причинен кредитору (т.е. обладателю имущественного права⁴⁸⁸). Однако вред может быть причинен и должнику. Например, третье лицо недобросовестно своими действиями создало условия, при которых должник не смог исполнить свое обязательство. Кредитор (право которого было нарушено) взыскал с должника убытки и штрафные санкции, вызванные неисполнением обязательства. На наш взгляд, в такой ситуации имеются все основания предоставлять деликтную защиту против интервента не только кредитору, но и должнику.

В законе также целесообразно установить способы и размер подлежащего возмещению вреда. Способы возмещения вреда могут конструироваться в зависимости от того, что считать возмещением вреда в натуре при причинении ущерба имущественному праву.

Возмещение вреда в натуре должно выражаться в восстановлении нарушенных прав, а если это невозможно (а как правило – при нарушении относительных прав третьим лицом это в принципе невозможно) - то в возмещении убытков. Если право, которому был причинен вред, заключалось в получении имущества или денег, то утрата права фактически означает лишение кредитора возможности получить вещь или деньги, причитавшиеся

⁴⁸⁷ Вопрос о формах вины интервента, понятии его недобросовестности при осведомленности о наличии относительного правоотношения, которому причиняется вред, является одним из самых сложных в рассматриваемой тематике и заслуживает отдельного исследования.

⁴⁸⁸ При этом в силу двустороннего характера обязательственного правоотношения имущественные права в обязательстве могут быть у обеих сторон (у покупателя – право требовать передачи вещи, у продавца – право требовать уплаты денег).

по обязательству. При этом восстановление такой возможности в натуре теоретически может быть сделано:

- путем перевода прав и обязанностей покупателя с интервента на первого покупателя,
- путем отобрания вещи у интервента и передаче ее кредитору;
- путем взыскания с интервента таких же родовых вещей того же рода и качества.

Если относительное право заключалось не в требовании имущественного предоставления (денег или имущества), а в требовании совершения определенных действий (работы, услуги), которые должен был выполнить должник, то возместить вред в натуре теоретически можно путем:

- возложения на деликвента обязанности собственными силами выполнить соответствующие работы или услуги;
- предоставления кредитору права выполнить соответствующие работы (услуги) собственными силами или поручить их выполнение третьим лицам, но за счет интервента, и потребовать от интервента возмещения соответствующих расходов и других убытков (ст. 397 ГК РФ).

Если же возместить вред в натуре невозможно (индивидуально-определенная вещь утрачена, передана другому лицу, интервент не располагает такого рода вещами, а приобрести их на рынке в необходимом количестве и в разумные сроки невозможно, выполнение работ утратило интерес для кредитора и т.д.), то денежным выражением этого вреда являются убытки в размере стоимости утраченного права (реальный ущерб). Поскольку вред подлежит возмещению в полном объеме, то не исключено также взыскание потерпевшим упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые потерпевший получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (п. 2 ст. 15 ГК РФ). При определении упущенной выгоды должны учитываться предпринятые кредитором для ее получения меры и сделанные с этой целью

приготовления (п. 4 ст. 393 ГК РФ). Это означает, что доказыванию подлежит не только размер упущенной выгоды, но и сама вероятность ее получения, которые подтверждаются определенными усилиями кредитора. Если же вероятность получения упущенной выгоды подтверждена, но размер неполученных доходов не определен с разумной степенью достоверности, то размер упущенной выгоды должен быть установлен судом исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению. В любом случае размер упущенной выгоды не может быть меньше, чем доходы, которые получил нарушитель в результате причинения вреда (карательные убытки) (абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ), но при условии, что сама вероятность получения упущенной выгоды подтверждена потерпевшим.

В связи с этим нельзя согласиться с А.Г. Карапетовым, который считает, что в российском праве якобы установлено универсальное правило о карательных убытках за любое нарушение прав в размере дохода, который получил правонарушитель, а потерпевшему даруется право выбора: либо взыскивать собственные убытки, либо доходы нарушителя. При этом «так как правообладатель защищает себя не путем возмещения своих убытков, а путем истребования того дохода, который смог извлечь из факта нарушения нарушитель, считать эту меру разновидностью возмещения убытков вряд ли логично»⁴⁸⁹.

Однако норма абз. 2 п. 2 ст. 15 ГК РФ четко определяет, что *размер упущенной выгоды* не может быть меньше доходов нарушителя, которые тот получил в результате нарушения права. Следовательно, при отсутствии вероятности получения упущенной выгоды как таковой (которая подлежит отдельному доказыванию) доходы нарушителя вообще не должны приниматься во внимание при определении размера убытков.

⁴⁸⁹ Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 331.

В то же время, умышленное нарушение относительных прав вполне заслуживает того, чтобы норма о карательных убытках при доказанности соответствующего умысла правонарушителя применялась бы к соответствующим деликтам в качестве установленной законом особой штрафной санкции: интервент, умышленно нарушивший чужие договорные отношения, лишался бы всей выгоды, которую он получил в результате такого нарушения, что способствовало бы эффективной превенции соответствующих правонарушений.

В нормативном регулировании нуждается и множество других вопросов, связанных с механизмом возмещения вреда, причиненного относительным правоотношениям: соотношение ответственности между должником и интервентом (солидарная или субсидиарная с должником ответственность интервента); уменьшение размера возмещения на величину убытков, уже возмещенных должником; возможность защиты относительных прав иском о запрещении деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем (п. 1 ст. 1065 ГК РФ) и др.

Несомненно, и без внесения в законодательство соответствующих изменений защита относительных прав деликтными исками в настоящее время возможна. Однако прямое нормативное закрепление соответствующих положений сделает эту защиту более предсказуемой и понятной, что будет способствовать укреплению законности и стабильности гражданского оборота.

В связи с этим прямое законодательное расширение в отечественном праве частноправовых способов защиты гражданских прав прямыми деликтными исками из причинения вреда имущественным правам позволит, на наш взгляд, существенным образом повысить защищенность имущественных прав и обеспечить большую стабильность гражданского оборота.

Для участников корпоративных отношений, чьим имущественным правомочиям может быть причинен вред, также должны быть доступны

средства защиты с помощью общегражданских деликтных исков о причинении вреда таким правомочиям (например, праву на получение уже назначенных дивидендов).

Корпоративным имущественным правомочиям участников юридического лица так же, как и имущественным правам кредиторов, может быть причинен вред как третьими лицами, не состоящими с юридическим лицом в управленческих отношениях, так и другими участниками относительных корпоративных отношений (акционерами, членами органов управления).

В первом случае причинение вреда относительным имущественным правам следует рассматривать как обычный гражданско-правовой деликт (ст. 1064 ГК РФ), а ответственность не носит корпоративный характер. Можно представить пример, когда группа злоумышленников, не являющихся участниками корпоративных отношений, осуществляет рейдерский захват какого-либо предприятия, причиняя тем самым имущественный вред юридическому лицу, а юридическое лицо становится неспособным исполнить свои обязательства перед своими кредиторами. Также некое третье лицо может похитить хранящиеся в кассе организации денежные средства, приготовленные для выплаты уже назначенных дивидендов, тем самым причинив вред имущественным правомочиям акционеров на получение дивиденда. Здесь имеет место обычный гражданско-правовой деликт (ст. 1064 ГК РФ).

Однако общегражданские деликтные иски могут и должны предоставляться лишь в тех случаях, когда вред имущественным правам (корпоративным или обязательственным) причинен нарушителем вне всякой связи с осуществлением им собственных корпоративных прав и исполнением корпоративных обязанностей. Участники любых относительных, в том числе корпоративных правоотношений, могут причинить друг другу вред, никак не связанный с осуществлением ими корпоративных прав или исполнением корпоративных обязанностей. Поэтому деликтный иск о возмещении вреда,

причиненного корпоративным правомочиям, может быть предъявлен как к третьему лицу, не состоящему в каких-либо относительных правоотношениях с носителями прав и обязанностей, которым причинен вред, так и к другому участнику корпоративных отношений, состоящему в относительных корпоративных правоотношениях с носителями прав и обязанностей, которым причинен вред, однако само причинение вреда никак не связано с осуществлением собственных корпоративных прав и исполнением обязанностей причинителем вреда. Например, возможна ситуация, когда акционер публичного акционерного общества совершает ограбление инкассаторской машины, в которой везут деньги, предназначенные для выплаты дивидендов акционерам этого общества. Несмотря на то, что данный акционер является участником «горизонтальных» относительных правоотношений с другими акционерами, и «вертикальных» относительных правоотношений с самим акционерным обществом, причиняемый им вред имущественным правам других акционеров никак не связан с осуществлением им корпоративных прав и исполнением корпоративных обязанностей, поэтому по существу он находится в положении обычного «интервента» (третьего лица), вторгающегося в относительные корпоративные правоотношения между другими акционерами и акционерным обществом по выплате дивидендов, и причиняет вред имущественным корпоративным правомочиям других акционеров в таких правоотношениях.

Совершенно иным является правовое положение причинителя вреда, который, *являясь участником корпоративных отношений*, причиняет вред имущественным правам других лиц (кредиторов или участников юридического лица) *в связи с нарушением своих корпоративных обязанностей*. В данном случае, в отличие от деликтного права, *основанием ответственности является не просто причинение вреда как таковое, а причинение вреда, вызванное нарушением корпоративных обязанностей, установленных нормами корпоративного права*. То есть речь идет о

совершении корпоративного деликта, являющегося основанием наступления *корпоративной ответственности*.

В данном случае причинение вреда имеет место в связи с отношениями по управлению юридическим лицом, которые носят относительный корпоративный характер, и его нельзя относить к гражданско-правовому деликту (ст. 1064 ГК РФ), который могут совершать любые лица вне всякой связи с какими-либо относительными правоотношениями.

Ситуация нарушения относительных прав других лиц может возникнуть в связи с нарушением участником корпоративных отношений, находящимся в относительной правовой связи с юридическим лицом и другими участниками, любых своих корпоративных обязанностей. Например, когда неправомерные корпоративные действия контролирующих корпорацию лиц по управлению юридическим лицом (менеджеров, участников, «фактических» директоров) влияют на возможность исполнения юридическим лицом своих обязательств перед кредиторами. Из-за действий контролирующих лиц, которые в данном случае являются непосредственными участниками корпоративных отношений, нарушающих свои корпоративные обязанности *действовать добросовестно и разумно, в том числе с учетом интересов кредиторов*⁴⁹⁰, может наступить невозможность надлежащего исполнения корпорацией обязательств перед кредиторами, и даже несостоятельность (банкротство) корпорации. В этом случае также можно считать, что контролирующие лица причинили вред относительным правам кредиторов корпорации.

Также к числу корпоративных деликтов (и, соответственно, корпоративной ответственности) можно отнести случаи, когда контролирующий акционер, член органа управления юридического лица или теневого директор чинит препятствия участнику корпорации в осуществлении

⁴⁹⁰ Такая корпоративная обязанность контролирующих лиц в преддверии банкротства юридического лица в настоящее время прямо установлена Законом о банкротстве.

его корпоративных прав (например, мешает принимать участие в общем собрании и голосовать, препятствует принятию решения о выплате дивидендов), чем может быть причинен имущественный вред имущественному правомочию другого участника. Ненадлежащее управление юридическим лицом может привести к парализации его деятельности, корпоративным войнам и т.д. Это ведет к тому, что предприятие перестает распределять прибыль между акционерами, рыночная стоимость акций резко падает и акционеры терпят существенные убытки, вызванные действиями контролирующих лиц.

Вред относительным корпоративным правам может быть причинен не только контролируемыми лицами, нарушающими обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, его участников или кредиторов, но и миноритарными акционерами, членами любых органов юридического лица (ревизионной комиссии, попечительского совета и т.п.), которые могут нарушать иные возложенные на них корпоративным законодательством обязанности. Так, на любых участников корпоративных организаций возложены общие *корпоративные* обязанности не совершать действия, направленные на причинение умышленного вреда корпорации, не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности корпорации⁴⁹¹. Во всех этих случаях, поскольку причинитель вреда связан с юридическим лицом и иными субъектами относительными корпоративными отношениями, а причинение вреда сопряжено с нарушением корпоративных обязанностей, имеет место корпоративная ответственность, а общие нормы о причинении вреда (ст. 1064 ГК РФ) применяться не должны.

Таким образом, кредитору или участнику юридического лица, чьим относительным имущественным правам причинен вред, должен быть предоставлен прямой корпоративный иск о возмещении убытков из

⁴⁹¹ Эти и другие общие «корпоративные» обязанности следовало бы установить не только в отношении участников корпораций, но и в отношении любых участников корпоративных отношений в любых юридических лицах, в том числе – в отношении членов органов управления любых, в том числе унитарных, юридических лиц.

корпоративного нарушения непосредственно против причинителя вреда. Причинитель вреда, нарушивший корпоративные обязанности, не является непосредственным участником относительной правовой связи, сторонам которой (а точнее – правам и обязанностям в которой) им причинен вред. Например, участник корпорации, неправомерно препятствующий выплате дивидендов другому участнику, не является непосредственным участником «вертикальной» относительной правовой связи между юридическим лицом и получателем дивидендов. Тем не менее, такой участник нарушает указанную относительную связь, являясь в отношении нее третьим лицом (интервентом). Однако, поскольку такой «интервент» одновременно состоит в относительной правовой связи с юридическим лицом, в процессе управления которым и причиняется вред корпоративным правам участников или обязательственным правам третьих лиц, он является субъектом именно корпоративной ответственности. Поэтому здесь имеет место «деликтоподобная», но все же корпоративная ответственность причинителя вреда, основанием которой является не столько причинение вреда (убытков), сколько (и в первую очередь) – нарушение корпоративной обязанности причинителем вреда.

Поэтому в сфере относительных корпоративных отношений не существует и не может существовать никакой общегражданской деликтной ответственности за вред, причиненный имущественным правам (или правомочиям) кредиторов и участников (учредителей) юридического лица. Если вред причиняется участниками корпоративных отношений путем совершения корпоративного правонарушения (корпоративного деликта) – тогда имеет место корпоративная ответственность за вред, причиненный имущественным правам в связи с управлением юридическим лицом (имущественным правам кредиторов или корпоративным имущественным правам). Если же вред причиняется третьими лицами, или участниками корпоративных отношений, но вне всякой связи с нарушением ими своих корпоративных обязанностей, то в данном случае можно вести речь об

общегражданском деликте, не имеющем отношения к корпоративной сфере, корпоративным правонарушениям или корпоративной ответственности.

Важно подчеркнуть, что совершение корпоративного правонарушения (и наступление корпоративной ответственности), влекущего причинение вреда имущественным правам кредиторов, возможно только на стадии ликвидации или банкротства юридического лица в условиях недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов. Это обусловлено тем, что по общему правилу участники корпоративных отношений, в том числе контролирующие лица, не несут в отношении кредиторов никаких корпоративных обязанностей. И лишь на стадии ликвидации или банкротства в условиях недостаточности имущества корпоративное управление осуществляется в первую очередь в интересах кредиторов, поэтому управляющие обязаны действовать добросовестно и разумно, руководствуясь в том числе интересами кредиторов, и нарушение этой обязанности должно влечь прямую корпоративную ответственность в виде возмещения причиненных убытков.

Если же вред корпоративным правонарушением причиняется корпоративным имущественным правомочиям участников (учредителей) юридического лица – то ответственность за такое нарушение в виде возмещения убытков может наступать в любой момент, поскольку корпоративные обязанности в отношении участников (учредителей) юридического лица (в том числе обязанность действовать в отношении других участников добросовестно и разумно) должны существовать у всех субъектов корпоративных отношений в течение всего времени, пока юридическое лицо действует.

Однако во всех случаях соответствующие корпоративные нарушения и возможность наступления за них корпоративной ответственности в виде возмещения убытков требуют конкретизации в корпоративном законодательстве (в том числе в законодательстве о несостоятельности), исходя из принципа специалитета корпоративной ответственности. Должны

быть для каждого случая и соответствующего правонарушения обозначены все признаки гражданско-правовой ответственности, наступающей за ненадлежащее управление юридическим лицом, причиняющее вред имущественным правам других лиц.

Если корпоративное правонарушение причиняет вред неимущественным корпоративным правам (праву голоса и т.д.), то здесь говорить о возмещении убытков вообще не приходится, поскольку наличие таких убытков неочевидно. Несмотря на это, неверным было бы вовсе оставлять без внимания причинение вреда неимущественным корпоративным правам, поскольку они являются наиболее важными в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом. Поэтому целесообразно наиболее важные случаи причинения вреда неимущественным корпоративным правам *expressis verbis* прямо обозначать в законодательстве и в зависимости от степени существенности нарушения устанавливать конкретные меры имущественной или неимущественной ответственности. При этом в связи с тем, что прямой связи между причинением вреда неимущественным правам и имущественными потерями потерпевшего не имеется, имущественные санкции (компенсации) должны в каждом случае в зависимости от характера и степени тяжести причиненного вреда и вызванных им негативных последствий устанавливаться судом в твердом размере, который никак не связан с размером понесенных от нарушения убытков (по аналогии с компенсацией, назначаемой судом за нарушение исключительных прав). А в принципе основными мерами ответственности за нарушение неимущественных корпоративных прав должны выступать неимущественные санкции, которые требуют отдельной разработки и обоснования.

§ 5. Ответственность за нарушение договоров, связанных с управлением юридическим лицом

Участники корпоративных отношений могут заключать между собой и с третьими лицами различные договоры, так или иначе связанные с управлением юридическим лицом, в том числе договор на выполнение функций единоличного исполнительного органа, корпоративный договор (включая договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение). Заключение таких договоров всегда влечет за собой возникновение у их сторон помимо корпоративных также дополнительных относительных правоотношений, опосредованных соответствующими договорными связями, нарушение которых может влечь за собой применение мер договорной ответственности. Поэтому собственно о корпоративной ответственности в таких отношениях речи не идет. Однако несмотря на то, что подобные отношения являются договорными, управленческий элемент в таких договорах, придавая им соответствующую специфику, позволяет ставить вопрос о недостаточности традиционных мер договорной гражданско-правовой ответственности за их нарушение (возмещение убытков, уплата неустойки) и необходимости разработки и применения в корпоративных договорных конструкциях дополнительного правового инструментария корпоративной ответственности, характерного для отношений, связанных с управлением юридическим лицом.

Между тем, проблематика управленческих договоров вообще и договоров, связанных с управлением юридическим лицом, в частности, остается практически неразработанной в отечественной науке гражданского права.

Признание существования управленческих отношений в гражданском праве вообще и в корпоративном праве в частности ставит вопрос о возможности и видах договорного регулирования таких отношений. Как известно, еще Фридрих К. фон Савиньи писал о том, что договоры проникают буквально во все сферы частного права, в том числе в обязательственные, вещные и брачные правоотношения, обозначая, соответственно, обязательственные, вещные договоры и договоры в сфере семейного права⁴⁹². Следовательно, наличие управленческих, в том числе корпоративных, отношений в гражданском праве предполагает возможность управленческих, в том числе корпоративных договоров, устанавливающих отношения на основе метода частноправовой субординации. Такое проникновение управленческих отношений в гражданское право вполне отвечает наметившейся в последнее время тенденции сближения различных отраслей права и использования публичными отраслями отдельных институтов гражданского права (например, появление феномена «административного договора»⁴⁹³), и наоборот, внедрение публичных

⁴⁹² См.: *Савиньи Ф.К. фон*. Система современного римского права: в 8 т. Т. II / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.; Одесса, 2012. С. 384–386.

⁴⁹³ См. например: *Андреева Е.М.* Административный договор в теории и практике государственного управления // *Новый юридический журнал*. 2013. № 1. С. 23–27; *Демин А.В.* Административные договоры: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1996. 206 с.; *Он же*. Общие вопросы теории административного договора. Красноярск, 1998. 92 с.; *Колокольцев А.Н.* Административный договор как правовая форма управления // *Право и политика*. 2007. № 9. С. 14–19; *Корнев А.П., Абдурахманов А.А.* Административные договоры: понятие и виды // *Журнал российского права*. 1998. № 7. С. 83–91; *Курчевская С.В.* Административный договор: формирование современной теории и основные проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. 24 с.; *Нефедов Б.И., Кожейкин С.И.* Общетеоретические проблемы административного договора // *Правоведение*. 2007. № 6. С. 84–96; *Новоселов В.И.* К вопросу об административных договорах // *Правоведение*. 1969. № 3. С. 40–45; *Остапенко И.А.* Административный акт и административный договор как правовые формы государственного управления: Монография. Волгоград, 2010. 188 с.; *Савостин А.А.* Административные договоры и их реализация в сфере публичного управления // *Административное и муниципальное право*. 2008. № 1. С. 43–47; *Синдеева И.Ю.* Передача государственного и муниципального имущества в хозяйственное ведение и оперативное управление как особый вид административного договора // *Административное и муниципальное право*. 2013. № 2. С. 163–172; *Старилов Ю.Н.*,

отношений в классические гражданско-правовые отношения (например, четвертая часть ГК РФ об интеллектуальной собственности «пронизана» административными по своей природе нормами о порядке регистрации объектов интеллектуальной собственности).

Управленческие отношения по самой своей природе предполагают, что один субъект на постоянной основе руководит (управляет) другим субъектом. Хотя этим отношениям и присуще организационное начало, суть этих отношений состоит не в организации каких-то других отношений, а в подчинении одного лица управляющему воздействию другого субъекта, в силу чего они носят преимущественно не координационный, а субординационный характер. Главная юридическая цель управляющего субъекта – руководить, управлять другим лицом, подчиняя себе его волю и определяя его действия в своих интересах, в интересах управляемого или в интересах третьего лица. Тем самым при управлении воля одного субъекта в том или ином объеме ограничивается или замещается волей другого.

Однако управленческие отношения в таком понимании в гражданском договорном праве практически не встречаются. Как это ни парадоксально, но управленческими чаще всего называют не отношения по управлению одним субъектом другим, а отношения по управлению активами (имуществом или имущественными правами). Например, выделяются «управленческие» договоры доверительного управления имуществом (глава 53 ГК РФ), паевым инвестиционным фондом⁴⁹⁴, управления многоквартирными домами⁴⁹⁵, отношения по управлению авторскими правами на коллективной основе,

Давыдов К.В. Административный договор в системе государственного управления: назначение, правовые условия, виды // Административное право и процесс. 2013. № 5. С. 4–9; *Ямпольская Ц.А.* О теории административного договора // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 134 и др.

⁴⁹⁴ См.: *Зайцев О.Р.* Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. М., 2007. 507 с.

⁴⁹⁵ См.: *Юрьева Л.А.* Договор управления многоквартирным домом: монография / Под ред. И.Д. Кузьминой. М., 2011. 256 с.

договоры оперативного управления⁴⁹⁶, услуги по управлению, предоставляемые в договоре аренды транспортных средств, договор управления залогом⁴⁹⁷ и т.п. «Управленческие» договоры в этой сфере чаще всего рассматриваются как возмездные, направленные на оказание «управленческих» услуг, в силу которых один субъект «управляет» объектом гражданских прав в интересах другого. Иногда объектом управления по «управленческим» договорам объявляется деятельность по передаче имущества, выполнению работ или оказанию услуг, а соответствующие договоры именуются «договорами на оказание операторских услуг по управлению деятельностью»⁴⁹⁸. Отечественному гражданскому праву известно и так называемое оперативное управление имуществом, являющееся одной из разновидностей вещных прав, которое может принадлежать учреждениям и казенным предприятиям. Корни такого понимания восходят к междисциплинарному восприятию понятия управления, согласно которому управляющий воздействует на объект управления с целью изменения состояния управляемого объекта, улучшения его свойств и характеристик. Управление при этом понимается как «процесс целенаправленного воздействия субъекта управления на объект управления для достижения определенных результатов»⁴⁹⁹.

В то же время в юридическом смысле использование термина «управление» в отношении объектов гражданских прав или деятельности весьма спорно, поскольку любое управленческое воздействие предполагает подчинение воли управляемого воле управляющего, чего по понятным

⁴⁹⁶ См.: *Ананьева А.А.* Целевая общность как основа построения системы договоров оперативного управления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 32. С. 165–174.

⁴⁹⁷ См.: *Василевская Л.Ю.* Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3. С. 38–47.

⁴⁹⁸ *Ананьева А.А.* Договор на оказание операторских услуг по управлению // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37. С. 303–311.

⁴⁹⁹ *Бурганова Л.А.* Теория управления: Учеб. пособие. М., 2005. С. 29.

причинам в принципе не может иметь места применительно к объектам права или к деятельности, лишенным самостоятельной воли. В результате сторонники управленческой конструкции договоров в отношении имущества приходят к весьма странным теоретическим построениям, которые сводятся к тому, что по таким договорам один субъект передает властные полномочия над имуществом другому субъекту – «оператору оперативного управления», при этом «власть» осуществляется «оператором» в отношении имущества, переданного в оперативное управление. Однако, учитывая отсутствие у управляемого объекта собственной воли, речь в данном случае идет не о передаче каких-либо «властных» полномочий, а всего лишь о наделении субъектов гражданского права в том или ином объеме правомочиями по владению, пользованию или распоряжению чужим имуществом, что дает возможность одному субъекту осуществлять своими действиями субъективное гражданское право (право собственности, исключительное право, обязательственное право и т.д.), принадлежащее другому лицу. Очевидно, что ничего общего с управлением, основанным на методе власти-подчинения, подобные отношения не имеют.

Не менее спорным является признание объектом управления со стороны «оператора» деятельности других субъектов гражданского права по передаче имущества, выполнению работ, оказанию услуг, поскольку «управление деятельностью» носит скорее неправовой характер и может иметь место в каких угодно (производственных, организационных, трудовых) отношениях, но только не в гражданско-правовых, которые существуют между самостоятельными субъектами, обладающими автономией воли и имущественной обособленностью. По существу процесс «управления деятельностью» в гражданско-правовом смысле есть не что иное, как непосредственное осуществление этой деятельности субъектом гражданского права («управление работами» есть не что иное, как выполнение этих работ), а договоры по «управлению деятельностью» по передаче имущества, выполнению работ, оказанию услуг есть не что иное,

как давно известные договоры купли-продажи, подряда, оказания услуг и т.д. Что касается так называемого договора «на оказание операторских услуг по управлению», то он по существу представляет собой либо договор на предоставление услуг по организации соответствующих отношений и укладывается в модель так называемых организационных или рамочных договоров координационного, а не субординационного типа, либо относится к одному из видов посреднических договоров, построенных по модели поручения, агентирования или комиссии. В любом случае договор на оказание «управленческих услуг», вне зависимости от объекта такого управления, является возмездным договором координационного типа, и не устанавливает субординационных отношений власти-подчинения между его сторонами.

Помимо названных «квазиуправленческих» договорных отношений, возникающих по поводу управления имуществом или деятельностью, в гражданском праве существует и множество подлинно управленческих отношений, в том числе в сфере договорного права.

Элементы частноправовых субординационных связей встречаются во многих договорных отношениях, в которых стороны в силу принципа свободы договора и метода диспозитивности могут сами строить свои отношения по модели власти – подчинения. Суть этих отношений заключается в том, что одна из сторон договора получает возможность давать другой стороне обязательные для исполнения указания.

Например, обязательные указания может давать основное общество по договору с дочерним (ст. 67.3 ГК РФ). Заказчик может давать обязательные указания подрядчику по договору строительного подряда (п. 3 ст. 748 ГК РФ). Возможность давать одним субъектом другому субъекту обязательные указания является основанием для отнесения соответствующих субъектов к одной группе лиц, а договоры, позволяющие одному хозяйствующему субъекту определять условия осуществления другим субъектом предпринимательской деятельности или осуществлять функции его

исполнительного органа, в некоторых случаях подлежат согласованию с антимонопольным органом⁵⁰⁰.

Обязательные указания, основанные на методе частноправовой субординации, отличаются как от властно-распорядительных актов органов государственного управления, так и от традиционных прав требования, возникающих из обязательственных правоотношений.

От властных велений в публичном праве обязательные указания в частном праве отличаются по источнику, которым устанавливается соответствующее властно-распорядительное полномочие. В первом случае таким источником является нормативный акт, относящийся к компетенции соответствующего органа власти возможность выдачи обязательных указаний. Во втором случае источником «частноправовой власти» является добровольно принятая на себя договорная обязанность подчиняться соответствующим указаниям другой стороны. С содержательной же точки зрения отношения власти-подчинения, возникающие на основе частноправового договора, мало чем отличаются от аналогичных отношений, возникающих в административном праве. Обязательное указание одного субъекта частного права другому – такое же властное веление, какое возникает в силу распорядительного акта государственного органа. Более того, можно даже сказать, что властные указания в частном праве могут касаться более широкого круга вопросов, чем указания в административном праве, поскольку свобода усмотрения соответствующего органа власти строго ограничена теми публично-правовыми функциями в сфере государственного управления, которые за ним закреплены нормативно. В частном же праве подобных ограничений не существует и действуют принципы свободы договора и автономии воли.

Еще одним отличием публично-правовых властных велений от обязательных указаний в частном праве является механизм их

⁵⁰⁰ П. 4 ч. 1 ст. 9, п. 8 ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

принудительной реализации, в том числе характер применяемых санкций за неисполнение. Понуждение к исполнению административных властных велений, а также применение мер ответственности возможны в административном порядке уполномоченными государственными органами, которые в некоторых случаях имеют право непосредственно осуществлять физические меры воздействия в отношении нарушителя, в то время как в частном праве понуждение к исполнению любой обязанности в натуре, а также взыскание убытков, компенсаций и неустоек осуществляются по общему правилу лишь на основании судебного решения. Управомоченная сторона в гражданском правоотношении не может непосредственно своими действиями физически заставить обязанную сторону подчиниться обязательным указаниям, т.к. это неизбежно приведет к выходу за пределы самозащиты гражданских прав и будет рассматриваться как самоуправство, при определенных условиях уголовно наказуемое (ст. 330 УК РФ).

От обязательственных прав требования обязательные указания отличаются по способу установления их содержания. Конкретное содержание обязательственных прав требования (и, соответственно, тех действий, которые должна совершить обязанная сторона) устанавливается по взаимному соглашению сторон либо непосредственно в договоре, либо договор содержит порядок определения содержания соответствующих прав требования и обязанностей. В отличие от этого, содержание обязательных указаний заранее неизвестно и определяется в одностороннем порядке управомоченной стороной в момент их выдачи, полностью завися от дискреционного усмотрения такой стороны. Это позволяет рассматривать соответствующие указания как локальные односторонние властные веления, которые должна исполнять обязанная сторона.

Управленческие элементы в договорных отношениях обычно носят эпизодический и вспомогательный характер. Гражданско-правовая субординация устанавливается в них в ограниченных пределах, очерченных соглашением сторон, в силу которого обязанное лицо должно подчиняться

указаниям управомоченной стороны, выдаваемым по определенным вопросам. Однако в некоторых случаях стороны договора в значительной степени или полностью подчиняют волю одного субъекта воле другого, определяя все или большинство решений подчиненного лица, и в этом смысле есть основания говорить о появлении феномена управленческого договора, по которому один субъект управляет другим.

Таким образом, для управленческого договора характерно то, что круг вопросов, по которым управомоченный субъект имеет право давать обязательные указания своему контрагенту, чрезвычайно широк. В иных гражданско-правовых отношениях круг этих вопросов крайне узок и ограничивается лишь тем конкретным предметом, по которому стороны оговорили право давать обязательные указания.

Поэтому главной особенностью управленческого договора в гражданском праве является то, что круг вопросов, по которым управомоченное лицо может давать указания управляемому лицу, по существу охватывает все вопросы деятельности управляемого лица. В этом смысле можно сказать, что управленческий договор порождает отношения по управлению одним лицом другим как особые неимущественные отношения власти и подчинения, объектом которых является сам управляемый субъект. В этих отношениях сферу господства управомоченного составляет непосредственно другой субъект, в то время как в обязательственных отношениях сферой господства являются действия обязанного лица, а в вещных отношениях – вещь. В целом, в отличие от вещных и обязательственных правоотношений, правоотношения по управлению составляют сферу господства над личностью⁵⁰¹.

В то же время, управленческие договорные отношения как таковые, в том числе в корпоративном праве, следует отличать от отношений по управлению юридическими лицами, возникающими не из договора, а из

⁵⁰¹ Подробнее см. § 1 главы 1 настоящей работы.

закона и учредительных документов юридического лица (собственно корпоративных управленческих отношений)⁵⁰². Корпоративные управленческие отношения строятся не между самостоятельными и независимыми субъектами гражданского права, как это имеет место в договоре, а между участниками (учредителями) юридического лица и самим юридическим лицом, воля которого полностью подчинена воле участников в силу самой природы юридического лица. Никакой автономии и самостоятельности у юридического лица в отношении своих участников (учредителей) с самого начала нет и быть не может. Юридическое лицо подчиняется господству его высшего волеобразующего органа управления (общего собрания), состоящего из участников (членов). Участники тем самым полностью подчиняют волю управляемого субъекта, они ее формируют и образуют. Это объясняется правовой природой юридического лица, состоящего из участников (учредителей), которые полностью подчиняют себе и одновременно формируют волю юридического лица как объекта управления. Можно сказать, что управление в юридических лицах – доведенное до абсолюта господство над личностью юридического лица со стороны его участников (учредителей), когда указания участников (учредителей) одновременно являются действиями подвластного лица по исполнению этих указаний⁵⁰³. В силу этого в корпоративном праве юридическому лицу просто невозможно не исполнить властное указание управомоченного лица, которое оформляется решением общего собрания: властное указание уполномоченного лица непосредственно оформляется

⁵⁰² Вне зависимости от того, что учредительные документы юридического лица часто рассматриваются как разновидность гражданско-правового договора, а устав провозглашается «формой сделки» (см. например: *Степанов Д.И.* Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 4–62).

⁵⁰³ Подробнее о корпоративных управленческих отношениях см. § 1 главы 1 настоящей работы, а также: *Гутников О.В.* Отношения, связанные с управлением юридическими лицами, как составная часть предмета гражданского права // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова. М. 2018. С. 168–192.

решением высшего органа управления подвластного субъекта и, тем самым, исполняется одновременно с моментом его выдачи.

В отличие от этого, в управленческом договоре субъекты управленческих отношений мыслятся не «один в другом», а «один рядом с другим»: управомоченный субъект выдает обязательные указания подвластному субъекту, который может их и не выполнить, так как обладает собственной волей, отличной от воли субъекта управления.

Рассмотренная выше специфика управленческих договоров позволяет рассмотреть возможные их разновидности. При этом теоретически мыслятся следующие модели построения договорных управленческих отношений:

1) договор, устанавливающий полное господство управомоченного лица над личностью управляемого лица, по которому решения управомоченного лица по любым вопросам одновременно признаются решениями подконтрольного лица;

2) договор, устанавливающий частичное господство управомоченного лица над личностью управляемого лица, по которому управомоченному лицу передаются полномочия вместо управляемого лица принимать решения лишь по некоторым вопросам деятельности последнего;

3) договор, устанавливающий право определять любые решения, принимаемые подконтрольным лицом, при сохранении относительной автономии воли управляемого субъекта;

4) договор, устанавливающий право определять лишь некоторые решения, принимаемые подконтрольным лицом, при сохранении относительной автономии воли управляемого субъекта;

5) договор, устанавливающий порядок осуществления управленческих правомочий, предоставленных по любой из вышеуказанных моделей построения договорных отношений.

Следует сказать, что первая и вторая из обозначенных разновидностей управленческих договоров по существу являются случаями полного или частичного ограничения дееспособности управляемого лица в пользу

управляющего, поскольку управляемый в силу договора в той или иной степени лишается способности самостоятельно своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать обязанности и исполнять их. Такое ограничение дееспособности как для граждан, так и для юридических лиц может иметь место только в случаях, предусмотренных законом (п. 3 ст. 22, п. 1 ст. 48, п. 2 ст. 49 ГК РФ), и связывается с ситуациями, когда соответствующее лицо само по тем или иным причинам не способно понимать значение своих действий и руководить ими, и для восполнения отсутствующей дееспособности исключительно в интересах управляемого лица закон позволяет действовать вместо него другому лицу. Например, в силу закона за малолетних и граждан, признанных судом недееспособными, совершают сделки опекуны, родители или усыновители (п. 1 ст. 28, п. 2 ст. 29 ГК РФ). Юридические лица по своей природе сами не могут руководить своими действиями, поэтому они действуют в гражданском обороте через свои органы, предусмотренные законом, иными правовыми актами и учредительным документом (п. 1 ст. 53 ГК РФ). В отдельных предусмотренных законом случаях юридическое лицо может приобретать права и принимать обязанности через своих участников (п. 2 ст. 53 ГК РФ). Поэтому, по общему правилу, передача на основании договора каких-либо полномочий по принятию соответствующих решений от органов юридического лица другим субъектам в принципе невозможна.

Подобная передача может иметь место лишь на основании закона, либо на основании учредительных документов юридического лица, определяющих порядок управления его деятельностью, однако в этом случае субъекты, наделяемые соответствующими полномочиями, по существу становятся органами юридического лица, обладающими переданной им таким образом компетенцией. Например, наделение каких-либо лиц отдельными полномочиями по принятию управленческих решений может иметь место в учредительном договоре хозяйственного товарищества (абз. 2 п. 1 ст. 52 ГК

РФ) или в соглашении об управлении хозяйственным партнерством⁵⁰⁴, однако данные договоры выполняют функции учредительных документов соответствующих организаций, определяющих порядок управления их деятельностью, в том числе – порядок образования, компетенцию, порядок осуществления и прекращения деятельности органов управления, не предусмотренных законом. Иногда наделение полномочиями членов органов управления юридического лица (директора, членов правления и т.д.) учредительными документами, в том числе уставом, рассматривается как возмездный договор об осуществлении управленческих полномочий⁵⁰⁵, что представляется спорным, поскольку устав как таковой договором не является⁵⁰⁶.

Исключением из этого правила является возможность передачи на основании договора функций единоличного исполнительного органа коммерческой корпорации управляющему или управляющей организации, предусмотренная законами о хозяйственных обществах⁵⁰⁷. По такому договору управляющий (управляющая организация) по существу наделяется компетенцией исполнительного органа управляемой организации и действия такого управляющего признаются действиями управляемой организации по соответствующим вопросам, касающимся как внутреннего управления юридическим лицом, так и выступлением юридического лица в гражданском обороте (совершения сделок и т.д.). При этом отечественное законодательство устанавливает необходимость передачи абсолютно всех

⁵⁰⁴ Ст. 6 Федерального закона от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. 2011. № 49 (Часть 5). Ст. 7058.

⁵⁰⁵ См.: *Груздев В.В.* Внутриорганизационный договор об осуществлении управленческих полномочий // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2015. № 10. С. 75–78.

⁵⁰⁶ Хотя в литературе на этот счет имеется и другая точка зрения, согласно которой устав имеет договорную природу и является формой сделки (См. например: *Степанов Д.И.* Устав как форма сделки // *Вестник гражданского права.* 2009. № 1. С. 4–62).

⁵⁰⁷ Абз. 1 п. 1 ст. 69 Федерального закона от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»; ст. 42 Федерального закона от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью».

функций директора управляющей компании, в то время как вполне мыслима конструкция, когда управляющей компании передается лишь часть таких функций.

Юридическая природа договора о передаче функций единоличного исполнительного органа третьему лицу вызывает споры в научной литературе, и его относят к совершенно разным договорным моделям, в том числе к трудовым договорам, договорам поручения, договорам возмездного оказания услуг, смешанным договорам, договорам особого рода и т.д.⁵⁰⁸. В то же время, управленческое, субординационное начало соответствующего договора, придающее ему основные отличительные особенности, как правило, недооценивается, в связи с чем это договорное отношение пытаются «вписать» в уже известные модели обязательственных договоров, что представляется в корне неверным. Существо договора на осуществление функций единоличного исполнительного органа заключается в том, что одно лицо (управляющая компания, управляющий) действует в качестве органа управления (директора) управляемой организации и управляет ее деятельностью по всем вопросам компетенции такого органа, представляя собой по существу управленческий договор, построенный по второй из указанных выше моделей. При этом такой договор не может служить основанием «дочерности», поскольку управляющая организация (управляющий) не определяет решения, принимаемые управляемым обществом, как того требует ст. 67.3 ГК РФ, а сама принимает такие решения

⁵⁰⁸ См. об этом: *Тычинская Е.В.* Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. М. 2012. С. 58–85; *Горбунов Е.Ю.* К вопросу о правовой природе договора хозяйственного общества с юридическим лицом, осуществляющим полномочия единоличного исполнительного органа // Закон. 2012. № 4. С. 156–162; *Олейник О.М.* Договор о передаче полномочий исполнительного органа общества: проблемы квалификации и применения // Закон. 2015. № 12. С. 150–158; *Степанов Д.И.* Еще раз о природе полномочий исполнительного органа и управляющего хозяйственным обществом // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8. С. 38–46; № 9. С. 20–36; № 10. С. 43–57; *Степанов Д.* Компания, управляемая хозяйственным обществом // Хозяйство и право. 2000. № 10. С. 68–69; *Шиткина И.* Договор передачи полномочий единоличного исполнительного органа акционерного общества управляющей организации // Хозяйство и право. 2006. № 3. С. 11–18.

по соответствующим вопросам компетенции, являясь, по сути, органом управляемого общества, а не лицом, имеющим над ним корпоративный контроль⁵⁰⁹.

Третья и четвертая из названных выше разновидностей управленческих договоров наиболее востребованы практикой и встречаются как в корпоративном праве, так и в обычных договорных отношениях разного вида. Они характеризуются тем, что управляемое лицо сохраняет относительную автономию воли и само принимает те или иные решения и осуществляет действия, которые указывает принять или совершить управляющий субъект. Примером таких управленческих договоров могут служить договоры между основным и дочерним хозяйственными обществами, в силу которых основное общество имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом, тем самым устанавливая контроль над управляемым субъектом (ст. 67.3 ГК РФ). Сюда относятся и любые иные договоры, в силу которых одно лицо приобретает возможность давать другому субъекту обязательные для исполнения указания (п. 4 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», обязательные указания как элементы любых обязательственных договоров (подряда и т.д.)). При этом круг вопросов, по которым управляющий может по таким договорам давать обязательные указания и тем самым диктовать свою волю управляемому лицу, может быть самым разным и касаться как всей деятельности управляемого (подконтрольного) лица, так и лишь некоторых ее аспектов (причем как внутриорганизационных, так и связанных с выступлением управляемого лица в гражданском обороте, совершения сделок и т.п.).

⁵⁰⁹ И. С. Шиткина также считает, что договор на осуществление функций единоличного исполнительного органа не создает оснований «дочерности», т.к. по такому договору приобретает право руководить лишь текущей хозяйственной деятельностью, а не право корпоративного контроля (См.: Корпоративное право: Учебный курс: В 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 473–474).

Нельзя, на наш взгляд, согласиться с точкой зрения, согласно которой предмет подобных обязательных указаний не может «пересекаться» с компетенцией органов юридического лица, в том числе тех, решения которых принимаются коллегиально (общее собрание, совет директоров, правление и т.д.)⁵¹⁰. Возникающий в таких случаях конфликт между установленной законом или учредительными документами компетенцией органа юридического лица и полномочиями третьего лица по управленческому договору должен разрешаться, на наш взгляд, путем применения норм как корпоративного, так и договорного права: императивные нормы корпоративного права, безусловно, должны соблюдаться, а возникшее в связи с этим неисполнение договорных обязанностей по управленческому договору должно влечь за собой применение мер договорной ответственности.

Поэтому представляется, что управленческие договоры в отношении юридических лиц в принципе могут заключаться как в отношении вопросов, входящих в компетенцию как волеобразующих и контрольных (общее собрание, совет директоров), так и волеизъявляющих (генеральный директор, правление) органов юридического лица, и касаться как текущего (оперативного), так и стратегического управления юридическим лицом. Небольшая вероятность исполнения обязательных указаний (в силу того, что решения принимаются коллегиально путем голосования участников (членов) соответствующего органа) не может являться причиной невозможности в принципе устанавливать в договоре обязанность управляемого лица обеспечить принятие таких решений своими органами во исполнение указаний управляющего субъекта, а в случае неисполнения – применять меры гражданско-правовой договорной ответственности. Представляется, что в данном случае управляемый субъект (юридическое лицо) должно будет отвечать перед управляющим контрагентом за бездействие своих органов

⁵¹⁰ См. *Шиткина И.* О проблеме «обязательных указаний» основного общества дочернему // *Хозяйство и право.* 2006. № 7. С. 48.

точно так же, как оно будет отвечать за бездействие своих работников, не выполнивших действия по указанию уполномоченного субъекта. Подтверждением этого также является то, что основное общество привлекается к солидарной ответственности лишь по тем сделкам дочернего общества, которые были заключены последним во исполнение обязательных указаний (п. 2 ст. 67.3 ГК РФ), что предполагает гипотетическую возможность неисполнения таких указаний и, соответственно, отсутствие ответственности основного общества при таких обстоятельствах.

Следует отметить, что при анализе управленческих договоров принципиальное значение приобретает проблема ответственности контрагентов по таким договорам. Данные вопросы могут решаться в управленческих договорах с применением всех традиционных средств гражданско-правовой договорной ответственности (взыскание убытков, неустойки). В то же время, при установлении такой ответственности в договорах следует ориентироваться на учет специфики управленческих отношений вообще и в конкретных договорных отношениях – в частности. В каждом случае следует определять, в чем конкретно заключаются управленческие полномочия и корреспондирующие им обязанности, и в зависимости от этого определять применение к субъектам таких отношений как мер корпоративной ответственности, установленной законом и учредительными документами юридического лица, так и мер договорной ответственности, устанавливаемых с учетом корпоративной специфики соответствующего договора.

И в первую очередь встает вопрос об ответственности управляющего субъекта за ненадлежащее управление перед управляемым лицом за причиненные убытки, а также перед третьими лицами (контрагентами подконтрольного лица) по сделкам, заключенным во исполнение указаний контролирующего лица. С другой стороны, возникают и вопросы ответственности управляемого лица перед контролирующим лицом за неисполнение обязательных указаний.

Управляющий субъект за ненадлежащее исполнение договорных корпоративных обязанностей, и в первую очередь – обязанности действовать при управлении добросовестно и разумно в интересах юридического лица, его участников, а также кредиторов (на стадии банкротства юридического лица), должен привлекаться к установленной законом или учредительными документами корпоративной ответственности на общих основаниях с лицами, исполняющими соответствующие корпоративные функции. Однако это не препятствует, помимо корпоративной ответственности, применять к управляющему субъекту дополнительные договорные меры ответственности, предусмотренные соответствующим договором.

Так, для первых двух разновидностей управленческих договоров, когда управляющее лицо по существу замещает управляемое лицо или его орган, его ответственность должна строиться по той же модели, которая применяется в отношении членов органов управления юридического лица: управляющий должен отвечать за убытки, причиненные управляемому лицу. В данном случае управляющий осуществляет управление не в собственных интересах, а в интересах управляемого лица и несет перед ним фидуциарные обязанности⁵¹¹. Поэтому и ответственность за убытки, причиненные ненадлежащим управлением, управляющий должен нести на тех же началах, что и члены органов управления перед юридическим лицом (ст. 53.1 ГК РФ). Что же касается ответственности перед третьими лицами (кредиторами управляемого субъекта) по сделкам, заключенным по воле управляющего, то никакой подобной ответственности, на наш взгляд, управляющий нести не должен (так же, как директор не отвечает перед кредиторами юридического лица по сделкам, заключенным им от имени юридического лица в качестве директора). Ответственность за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, или субсидиарную ответственность по обязательствам перед

⁵¹¹ Такие же обязанности и, соответственно, ответственность, следовало бы установить также в пользу участников (учредителей) юридического лица, а также его кредиторов (на стадии ликвидации в условиях недостаточности имущества), о чем нами говорилось ранее в § 1 главы 3 настоящей работы.

кредиторами, управляющий субъект может нести лишь на стадии ликвидации юридического лица в условиях недостаточности его имущества наравне с другими контролирующими лицами. Вопросы же об ответственности управляемого лица за неисполнение указаний управляющего по соответствующим договорам в принципе возникнуть не может, т.к. указания управляющего «самоисполнимы» ввиду того, что они же одновременно являются действиями управляемого.

Для третьей и четвертой моделей управленческих договоров, когда управляемый субъект обладает относительной самостоятельностью и его действия не признаются автоматически действиями управляющего, ситуация принципиально иная и отношения ответственности приобретают совершенно другой характер. Во-первых, управление (и соответственно обязательные указания) может осуществляться не только в интересах управляемого юридического лица, его участников или кредиторов (на стадии ликвидации) но и в интересах самого управляющего по договору лица, а также – в интересах третьего лица, не участвующего в договоре, являющемся основанием установления управленческих отношений. В зависимости от того, в чьих интересах осуществляется управление, должны решаться и вопросы ответственности за ненадлежащее управление.

В случае, если управление осуществляется исключительно в интересах управляемого юридического лица, его участников или кредиторов (на стадии банкротства), то контролирующее лицо должно отвечать за ненадлежащее управление по тем же правилам, по которым отвечают члены органов управления и иные контролирующие лица за ненадлежащее управление юридическим лицом (ст. 53.1 ГК РФ). Если договорное управление осуществляется в интересах третьих лиц – то ответственность должна наступать также перед этими третьими лицами (например, перед выгодоприобретателями наследственного фонда или перед другими бенефициарами соответствующего управленческого договора). Наконец, если управление установлено в интересах самого управляющего, то

очевидно, что никакой ответственности за ненадлежащее управление сам перед собой управляющий нести не должен. Его ответственность в таком случае будет ограничиваться обычной корпоративной ответственностью за управление юридическим лицом (ст. 53.1 ГК РФ).

Что касается ответственности перед кредиторами юридического лица, то представляется, что, учитывая относительную самостоятельность управляемого лица и гипотетическую возможность неисполнения им обязательных указаний, влекущих причинение убытков кредиторам, управляющее лицо может в субсидиарном порядке отвечать лишь за те действия подконтрольного лица, которые были произведены во исполнение обязательных указаний, и лишь на стадии банкротства (несостоятельности). Ответственность за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, управляющий субъект также может нести лишь на стадии ликвидации юридического лица в условиях недостаточности его имущества наравне с другими контролирующими лицами. Ответственность при этом во всех случаях должна быть построена на началах вины за ненадлежащее (недобросовестно и неразумное) управление.

Помимо указанных оснований и мер ответственности, в конкретном управленческом договоре могут быть предусмотрены и иные основания и меры договорной ответственности за конкретные нарушения.

С другой стороны, договорные основания и меры договорной ответственности могут быть предусмотрены и в отношении управляемого лица, которое должно нести договорную гражданско-правовую ответственность перед управляющим лицом за неисполнение его обязательных указаний.

Представляется, что изложенные выше основные подходы к управленческим договорам и вопросам регулирования ответственности контрагентов по ним следовало бы отразить непосредственно в нормах ГК РФ, посвященных управленческим договорам. К сожалению, пока данные вопросы совершенно не охвачены вниманием законодателя, если не считать

отдельные нормы, косвенно устанавливающие принципиальную возможность наличия в гражданском праве договоров, по которым можно давать обязательные указания, а также регулирующие отдельные вопросы гражданско-правовой ответственности, в том числе по таким договорам в отношениях между основными и дочерними компаниями. В то же время, имеющееся регулирование крайне фрагментарно и не отражает всего разнообразия особенностей соответствующих договорных отношений, а иногда и неверно учитывает их специфику.

Так, ГК РФ в договорных управленческих отношениях между основным и дочерними обществами устанавливает правило о солидарной ответственности основного общества перед третьими лицами по сделкам, заключенным дочерним во исполнение указаний основного общества (п. 2 ст. 67.3). Однако, учитывая относительную самостоятельность дочернего общества, добровольность его вступления в соответствующий договор и гипотетическую возможность не исполнять неадекватные обязательные указания, в таких отношениях безвиновная ответственность основного общества перед третьими лицами, по нашему мнению, вообще не должна наступать⁵¹².

Также пункт 3 ст. 67.3 ГК РФ, говоря о праве участников (акционеров) дочернего общества требовать возмещения основным обществом убытков, причиненных дочернему обществу, не учитывает, что основное общество может управлять дочерним не только в интересах последнего, но и в интересах третьих лиц, которым убытки, причиненные ненадлежащим управлением, также должны возмещаться.

Наконец, договорные управленческие отношения, в которых могут применяться соответствующие виды ответственности, не могут ограничиваться только отношениями между основными и дочерними хозяйственными обществами, но должны затрагивать аналогичные

⁵¹² Подробнее см. § 2 настоящей главы.

договорные связи между любыми субъектами корпоративных отношений, включая все виды юридических лиц, граждан и публично-правовые образования (Российскую Федерацию, субъектов Российской Федерации, муниципальные образования). Управляющее (или контролирующее) лицо, получившее на основании договора возможность определять в том или ином объеме действия другого субъекта, должно на равных началах нести ответственность за свое управляющее воздействие вне зависимости от того, является ли это лицо хозяйственным обществом, гражданином, некоммерческой организацией или государством. О необходимости привлечения к ответственности любых контролирующих лиц, в том числе государства, за ненадлежащую реализацию управленческих функций, давно говорится в юридической литературе⁵¹³.

Говоря о мерах договорной ответственности за нарушение управленческих договоров, следует сказать, что они не должны исчерпываться традиционными гражданско-правовыми имущественными мерами ответственности, известными отечественному правопорядку (взыскание убытков, неустойки, компенсации и т.п.). Сама специфика управленческих отношений предполагает, что в качестве мер ответственности за нарушение любых управленческих договоров могут также применяться санкции, связанные с прекращением, приостановлением или изменением (увеличением или уменьшением) объема управленческих полномочий, причем как в отношении управляющего, так и в отношении управляемого (подчиненного) лица. Сюда можно отнести, например, ограничение или лишение права голоса на общем собрании, приостановление права давать указания по отдельным вопросам или, наоборот, расширение этого права в случае определенных нарушений, приобретение, приостановление или прекращение права вето, права назначения директора

⁵¹³ См. например: *Шиткина И.С.* Имущественная ответственность государства в корпоративных правоотношениях // Закон. 2017. № 5. С. 171–182.

или определения круга возможных кандидатур на соответствующую должность и т.д.

В проблематике управленческих договоров возникает вопрос о возможности отнесения к ним договоров, по которым устанавливается *порядок осуществления уже имеющихся управленческих полномочий*, принадлежащих стороне такого договора на основании закона, учредительного документа или другого договора (пятая из обозначенных выше разновидностей управленческого договора). В действующем отечественном праве такая модель управленческих договорных отношений получила признание в так называемом корпоративном договоре, который предусмотрен в ст. 67.2 ГК РФ и распространяется лишь на участников хозяйственных обществ (акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью), хотя, наш взгляд, нет никаких политико-правовых препятствий для распространения модели корпоративного договора на участников любых других юридических лиц корпоративного типа и даже на учредителей унитарных организаций. Более того, использование договорной модели, устанавливающей порядок осуществления управленческих прав, могло бы иметь место и за пределами корпоративного права в обычных гражданско-правовых отношениях, когда лицо, обладающее договорными управленческими полномочиями в отношении другого подконтрольного субъекта договаривается с другим лицом, имеющим такие же полномочия, о порядке осуществления таких полномочий, или даже – с третьим лицом, таких полномочий вовсе не имеющим (аналог «квазикорпоративного» договора, предусмотренного п. 9 ст. 67.2 ГК РФ, в обычных гражданских отношениях).

Данный вид договора появился в отечественном законодательстве сравнительно недавно и явился одной из самых дискуссионных новелл главы 4 ГК РФ о юридических лицах. При этом ни в науке, ни в правоприменительной практике не выработано единых и общепризнанных подходов к определению правовой природы корпоративного договора

(корпоративная или обязательственная), предмета, содержания и особенностей исполнения, круга сторон, мер ответственности за его неисполнение.

Предусмотренная в ГК РФ модель корпоративного договора исходит из того, что он заключается между лицами, уже имеющими корпоративные права в отношении хозяйственного общества, и не может являться основанием возникновения новых корпоративных прав. Допускается участие в договоре, подобном корпоративному, любых третьих лиц (п. 9 ст. 67.2 ГК РФ), поэтому стороной такого «квазикорпоративного» договора могут быть не только участники, но и само общество, его учредители, а также третьи лица (доверительный управляющий, кредиторы и т.д.) Нормы о корпоративном договоре применимы также к соглашениям о создании хозяйственных обществ. Данная модель предполагает, что заключившие его лица (участники хозяйственного общества) обязуются осуществлять принадлежащие им корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в т.ч. голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств (п. 1 ст. 67.2 ГК РФ).

Подобные договоры до внесения поправок в ГК РФ были предусмотрены законодательством о хозяйственных обществах. В частности, ст. 32.1 Закона об акционерных обществах регулирует акционерные соглашения. Однако в ГК РФ корпоративный договор получил дополнительную регламентацию.

В частности, установлено, что корпоративный договор под угрозой ничтожности соответствующих условий не может:

обязывать участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества;

определять структуру органов общества и их компетенцию.

В то же время, корпоративным договором может быть установлена обязанность его сторон проголосовать на общем собрании участников общества за включение в устав общества положений, определяющих структуру органов общества и их компетенцию, если в соответствии с ГК и законами о хозяйственных обществах допускается изменение структуры органов общества и их компетенции уставом общества.

Изначально планировалось, что будет запрещено включать в корпоративный договор любые другие условия, противоречащие ГК РФ, законам о хозяйственных обществах, и (или) нарушающие права других участников общества, а также не соответствующие существу корпоративных отношений.

Однако в действующую редакцию ГК РФ эти положения не вошли, и корпоративный договор в настоящее время максимально «свободен» в определении его условий. Более того, в законе содержится правило, согласно которому противоречие положений корпоративного договора уставу не дает право сторонам такого договора ссылаться в связи с этим на недействительность корпоративного договора. Нарушение корпоративного договора может являться основанием для признания недействительным решения органа хозяйственного общества по иску стороны этого договора при условии, что на момент принятия органом соответствующего решения сторонами договора являлись все участники хозяйственного общества. Также предусмотрена возможность оспаривания любой сделки, заключенной стороной корпоративного договора в нарушение его условий, если другая сторона сделки знала или должна была знать об ограничениях, предусмотренных корпоративным договором.

Не вдаваясь в детальный анализ правовой природы корпоративного договора и его разновидностей (договора об осуществлении прав участников

общества с ограниченной ответственностью, акционерного соглашения)⁵¹⁴, следует отметить, что его конструкция, предусмотренная в ГК РФ, является

⁵¹⁴ Исследованию корпоративных договоров в последнее время посвящено немало работ: *Абакумова Е.Б.* Перспективы применения корпоративного договора в России // Современное право. 2016. № 5. С. 57–62; № 6. С. 38–42; *Андреев В.К.* О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. № 3. С. 4–10; *Бородкин В.Г.* Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ю.н. М., 2016. 255 с.; *Он же:* Корпоративный договор в период реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации // Закон. 2014. № 3. С. 160–174; *Он же:* Корпоративный договор как механизм разрешения тупиковых ситуаций в хозяйственном обществе // Закон. 2015. № 10. С. 138–146; *Бирюков Д.* Квазикорпоративные договоры: новелла российского законодательства // Хозяйство и право. 2015. № 5. С. 28–45; *Варюшин М.С.* Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 22 с.; *Варюшин М.С.* Основные способы защиты, применяемые при нарушении условий корпоративного договора // Законодательство и экономика. 2013. № 7. С. 32–35; *Глухов Е.В.* Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М., 2017. 672 с.; *Глушецкий А.* Корпоративный договор – новые возможности структурирования корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2014. № 11. С. 57–72; *Грибкова Т.В.* Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 238 с.; *Гурьев В.С.* Акционерные соглашения как группа корпоративных договоров: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 25 с.; *Золотарева А., Киреева А.* Корпоративный договор: второе издание // Хозяйство и право. 2014. № 10. С. 69–80; *Ибрагимов Р.* Исполнение акционерных соглашений в свете планируемых изменений в законодательстве // Корпоративный юрист. 2008. № 9. С. 8–9; *Инеджан Н., Де Монмолин Ж., Пенцов Д.* Договоры акционеров по швейцарскому праву // Корпоративный юрист. 2007. № 10. С. 13–16; *Иноземцев М.И.* Ответственность сторон за нарушение акционерного соглашения по праву России и зарубежных государств. Дисс. на соиск. уч. степ. ... к.ю.н. М., 2017. 185 с.; *Камышанский В.П.* Корпоративный договор и договор об осуществлении прав участников общества: некоторые проблемы соотношения // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 38–41; *Карнаков Я.В.* Некоторые вопросы законодательства об акционерных соглашениях // Закон. 2009. № 8. С. 153–187; *Костырко А.Б.* Акционерные соглашения: проблемы и перспективы // Закон. 2007. № 12. С. 143–149; *Кузьмин П.В.* Соглашение акционеров в системе корпоративного управления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 33–37; *Левинский Е.Н.* Использование модели соглашения акционеров в России // Закон. 2006. № 10. С. 123–129; *Ломакин Д.В.* Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8. С. 6–26; *Михеева Л.* Несколько слов к дискуссии о корпоративном договоре: проблема исполнения обязательств, возникших из него // Хозяйство и право. 2015. № 3. С. 33–43; *Никифоров И., Булгаков И.* Соглашение между акционерами в российском праве: есть ли альтернатива? // Корпоративный юрист. 2006. № 11. С. 27–32; *Нуртдинов Р.Г.* Акционерные соглашения // Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М., 2016. С. 225–257; *Ода Х.* Акционерные соглашения: осторожный шаг вперед // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 132–161; *Осипенко К.О.* Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ю.н. М., 2015. 190 с.; *Плеханов В.В.* Договоры участников общества с ограниченной ответственностью // Корпоративный юрист. 2009. № 6. С. 53–57; *Поваров*

по существу смешанной⁵¹⁵ и не позволяет считать такой договор «в чистом виде» управленческим договором.

Во-первых, такой договор устанавливает порядок реализации корпоративных прав, которые могут состоять не только из управленческих правомочий, но также из производных от них информационных, организационных, имущественных и иных правомочий.

Во-вторых, корпоративный договор включает элементы обязательственного договора, устанавливающего взаимные права и обязанности участников, не относящиеся к управлению юридическим лицом (например, об обязанности продать акции при наступлении определенных условий или воздержаться от продажи акций и т.п.).

Ю.С. Последствия нарушения акционерного соглашения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 51–58; Праслов Ю.П. О некоторых вопросах ответственности за нарушение корпоративных соглашений // Безопасность бизнеса. 2013. № 1. С. 10–12; Рублев В. Понятие и правовая характеристика акционерного соглашения как гражданско-правового договора, регулируемого гражданским законодательством России // Юрист. 2010. № 7. С. 21–31; Смородин Я. О. Несколько мыслей о корпоративном договоре в свете реформирования гражданского законодательства // Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М., 2016. С. 336–359; Степанов Д.И. Договор об осуществлении прав участников ООО. Научно-практический комментарий ключевых положений новейшего законодательства // Вестник ВАС РФ. 2010. № 12. С. 65–96; Степанов Д. Соглашения акционеров в российской судебной практике // Корпоративный юрист. 2008. № 9. С. 54–58; Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрам Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10. С. 22–69; Степкин С.П. Гражданско-правовой институт акционерных соглашений: монография. М., 2011. 256 с.; Суханов Е.А. Корпоративное соглашение – это бомба под весь наш оборот (интервью номера). Закон. 2014. № 7. С. 6–13; Суханов Е.А. Корпоративные соглашения в современном российском и зарубежном праве // Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды. М. 2018. С. 229–245; Федоров С.И. Правовое регулирование корпоративных договоров и модернизация гражданского права России // Вестник гражданского права. 2013. № 1. С. 52–96; Федотов И. Соглашения акционеров в отечественной юридической практике // Корпоративный юрист. 2007. № 5. С. 12–15; Чернышев А. Акционерные соглашения: желания и возможности // Корпоративный юрист. 2008. № 9. С. 5–7; Шиткина И. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 36–47.

⁵¹⁵ О смешанных договорах см.: *Огородов Д.В., Чельшев М.Ю. Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // Законодательство и экономика. 2005. № 10. С. 50–53.*

Наконец, в силу принципа свободы договора корпоративный договор может иметь, а может и не иметь корпоративно-правовой (управленческий) эффект. О наличии такого эффекта свидетельствует возможность признания недействительным решения органов хозяйственного общества, противоречащего условиям корпоративного договора (п. 6 ст. 67.2 ГК РФ), возможность несоответствия корпоративного договора положениям устава общества (п. 7 ст. 67.2 ГК РФ), возможность устанавливать в корпоративном договоре непубличного общества целый ряд положений об изменении порядка управления таким обществом по сравнению с законом и уставом (п.п. 3 и 4 ст. 66.3 ГК РФ), а также – возможность предусматривать в корпоративном договоре непубличного общества непропорциональный доле в уставном капитале объем корпоративных правомочий участников общества при условии внесения сведений о таком договоре и соответствующем объеме правомочий в единый государственный реестр юридических лиц (абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ).

Явно выраженную управленческую природу имеет и прямо названная в законе (п. 1 ст. 67.3 ГК РФ) возможность устанавливать в корпоративном договоре обязанность участников осуществлять корпоративные права определенным образом, в том числе *голосовать определенным образом* на общем собрании участников общества. Некоторые авторы пытаются «смягчить» управленческий эффект данной обязанности. Например, К. О. Осипенко утверждает, что предоставленная законом возможность устанавливать в корпоративном договоре обязанность «голосовать определенным образом» означает, что в договоре могут лишь устанавливаться принципы, критерии голосования, но не обязанность участника проголосовать «за» или «против» конкретного решения по вопросу повестки дня собрания, или в соответствии с указаниями другого

участника общества⁵¹⁶. Такой подход основан на том, что автор, по всей видимости, толкует нормы корпоративного законодательства о праве голоса на общем собрании исключительно в том смысле, что участник должен голосовать на общем собрании непосредственно своей волей и в своем интересе, и не допускает ограничения этого права в пользу других участников на основе корпоративного договора. Между тем, такой подход противоречит буквальному смыслу ст. 67.2 ГК РФ, дающей возможность устанавливать в корпоративном договоре обязанность голосовать *определенным образом*. Кроме того, закон (п. 2 ст. 67.2 ГК РФ) содержит запрет обязывать участников корпоративного договора голосовать в соответствии с указаниями органов общества, но не его участников, что косвенно в силу принципа свободы договора подтверждает возможность устанавливать в договоре обязанность голосовать по указанию других участников договора.

В свете изложенного основной причиной, обуславливающей важность прямого закрепления корпоративного договора в законодательстве, является именно наличие корпоративно-правового эффекта и определение в законе допустимых пределов действия этого эффекта на участников корпоративного договора, хозяйственное общество и третьих лиц. В противном случае, если согласиться с чисто обязательственной природой корпоративного договора, то закрепление его в законодательстве, да еще в главе о юридических лицах, теряет всякий смысл.

Так, заслуживают поддержки выводы В. Г. Бородкина, согласно которым корпоративный договор имеет в целом обязательственно-правовой характер, но при этом опосредованно регулирует корпоративные отношения, порождая корпоративно-правовой эффект, распространяющийся на его стороны в отношениях с корпорацией (внутренний корпоративно-правовой эффект), и при определенных условиях может распространяться на общество

⁵¹⁶ Осипенко К.О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 99–100.

и третьих лиц (внешний корпоративно-правовой эффект). При этом внешний корпоративно-правовой эффект может наступить только при заключении корпоративного договора между всеми участниками хозяйственного общества, а при изменении положений устава – только при условии регистрации соответствующих изменений в ЕГРЮЛ⁵¹⁷.

Помимо этого, корпоративный договор может содержать и иные условия, вообще не относящиеся ни к корпоративным правам, ни к акциям (долям) в уставном капитале хозяйственных обществ, в том числе может устанавливать обязанности встречного предоставления между его участниками (быть разносторонне направленным на реализацию противоположных интересов), либо быть безвозмездным и неимущественным, в том числе построенным по модели договора, направленного на достижение единой для всех участников цели. В этом смысле, по выражению Л.Ю. Михеевой, «корпоративный договор – это договор о чем угодно», а его содержание бесконечно⁵¹⁸.

В то же время, корпоративный договор является совершенно особым договором, и ошибочными являются попытки его квалификации в качестве разновидностей тех или иных известных видов гражданско-правовых договоров. Например, корпоративный договор, направленный на совместное осуществление корпоративных прав, при котором стороны преследуют единую цель, В.Г. Бородкин ошибочно считает относящимся по предмету к договорам о совместной деятельности. Однако с договорами о совместной деятельности данную разновидность корпоративного договора роднит лишь наличие единой цели и однонаправленность прав и обязанностей сторон, т.е. и тот и другой договоры относятся к многосторонним договорам. Что касается предмета договора – то у договора об осуществлении корпоративных прав и договора о совместной деятельности они совершенно

⁵¹⁷ См.: Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2016. С.9–10.

⁵¹⁸ Михеева Л. Несколько слов к дискуссии о корпоративном договоре: проблема исполнения обязательств, возникших из него // Хозяйство и право. 2015. № 3. С. 35.

разные: в первом случае речь идет об определении порядка осуществления корпоративных прав в отношении юридического лица (корпорации), а во втором - об объединении имущественных вкладов и совместной деятельности без участия какого-либо третьего лица (корпорации).

При этом доводы о том, что в корпоративном договоре стороны, по сути, «объединяют принадлежащие им пакеты акций для совместного осуществления корпоративных прав»⁵¹⁹, что по мнению автора, свидетельствует о наличии в корпоративном договоре такого признака договора о совместной деятельности как объединение вкладов, не выдерживает критики. Никакого объединения пакетов акций как объектов гражданского права в корпоративном договоре, конечно же, не происходит. Стороны корпоративного договора лишь договариваются определенным образом осуществлять свои корпоративные права, вытекающие из принадлежащих им пакетов акций, и принимают на себя личные гражданско-правовые обязательства действовать определенным образом при осуществлении корпоративных прав. Никакого вещно-правового эффекта в виде внесения вкладов в общее имущество, как это происходит в договоре простого товарищества, в корпоративном договоре с акциями не происходит, и акции (пакеты акций) вообще не являются предметом такого корпоративного договора. Что касается приводимой автором формулировки ст. 32.1 Закона об акционерных обществах о том, что акционерное соглашение «заключается в отношении всех акций, принадлежащих сторонам соглашения»⁵²⁰, то в данном случае имела место крайне неудачная редакция Закона об акционерных обществах, которая противоречила ст. 67.2 ГК РФ и имела целью лишь подчеркнуть, что корпоративный договор должен заключаться в отношении всего объема корпоративных прав, принадлежащих акционеру, а не какой либо их части.

⁵¹⁹ Бородкин В.Г. Указ. соч. С. 99.

⁵²⁰ В настоящее время данная формулировка утратила силу.

Представляется, что «управленческий» договор о порядке осуществления управленческих прав все должен иметь «корпоративный эффект», иначе он лишается своей управленческой специфики и основного смысла. Более того, отрицание способности корпоративного или любого иного подобного управленческого договора регулировать отношения по управлению подчиненным лицом, императивно заданные законом или, например, учредительными документами юридического лица, ставит под сомнение целесообразность существования самой конструкции соответствующего корпоративного или иного управленческого договора как самостоятельного договорного типа, отличающегося от обычного гражданско-правового организационного договора, в котором стороны берут на себя обязательства друг перед другом определенным образом осуществлять принадлежащие им гражданские права, заключение которого в силу принципа свободы договора возможно независимо от регулирования в отечественном праве специальной конструкции корпоративных или иных управленческих договоров. Не случайно в корпоративном праве США выделяют три разновидности корпоративных договоров, каждая из которых в той или иной степени имеет «управленческий» эффект: соглашение о порядке голосования на общем собрании во всем вопросам компетенции общего собрания (voting agreements (акционерные соглашения о голосовании)); соглашение о передаче права голоса на общем собрании (voting trusts («голосующие трасты»)); соглашение об изменении порядка управления корпорацией (shareholder's agreements (акционерные соглашения о порядке корпоративного управления))⁵²¹. В то же время, корпоративный

⁵²¹ См.: Соловьева С.В. Правовая природа корпоративного договора в праве США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 75–80; Терновая О.А., Соловьева С.В. Теоретико-правовое сравнительное исследование правовой природы корпоративного договора по праву Франции и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5. С. 69–74; Абакумова Е.Б. Перспективы применения корпоративного договора в России // Современное право. 2016. № 5. С. 57–62.

договор не должен служить средством недобросовестного обхода императивных требований закона и устава хозяйственного общества.

Соответственно, корпоративный и иные договоры о порядке осуществления управленческих прав нуждаются в дальнейшем обособлении и специальном регулировании.

За нарушение условий корпоративного договора должно допускаться установление не только традиционных мер договорной ответственности, но и специфических мер корпоративной ответственности. Действующее законодательство уже знает пример такой специфической меры ответственности за нарушение корпоративного договора, как выплата компенсации. Согласно п. 7 ст. 32.1 Закона об акционерных обществах за нарушение акционерного соглашения может быть предусмотрена выплата компенсации – твердой денежной суммы или суммы, подлежащей определению в порядке, указанном в акционерном соглашении. Представляется, что компенсация является вполне адекватной мерой ответственности за корпоративные правонарушения, совершение которых не всегда с очевидностью влечет за собой причинение убытков. В то же время, непонятно, чем компенсация за нарушение акционерного соглашения в формулировках Закона об акционерных обществах отличается от обычной неустойки, которая так же может устанавливаться в любом договоре в твердой денежной сумме или в размере, определяемом по правилам договора.

Некоторые авторы склонны видеть разницу между компенсацией и неустойкой в том, что в статье об акционерных соглашениях компенсация прямо называется как возможная мера ответственности наряду с неустойкой, чем подчеркивается их отличие и особая природа компенсации, детально не урегулированная законом⁵²². Однако одного этого обстоятельства, на наш

⁵²² См. например: *Осипенко К.О.* Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 129–130; *Коньков А.* Акционерные соглашения в России: последствия

взгляд, недостаточно для обоснования особой природы соответствующей компенсации, поскольку все ее существенные признаки, указанные в законе, полностью соответствуют неустойке.

Иногда говорят также о невозможности, в отличие от неустойки, в судебном порядке снизить размер компенсации⁵²³, однако Конституционный Суд РФ выразил правовую позицию, согласно которой компенсация за нарушения исключительных прав при определенных условиях может быть уменьшена даже ниже установленного законом минимального размера, и эта позиция, на наш взгляд, тем более может применяться к любым компенсациям, установленным на основании договора⁵²⁴.

Более логичным, на наш взгляд, является введение в корпоративное право компенсации как специальной меры корпоративной имущественной ответственности, в том числе применяемой в корпоративных договорах, как денежной суммы, размер которой будет определяться не сторонами в договоре, а судом в зависимости от характера и степени тяжести нарушения. В договоре же могут устанавливаться нижний и верхний пределы такой ответственности, в том числе отличающиеся от пределов, которые могут устанавливаться законом как общее правило для компенсаций за корпоративные правонарушения (по аналогии с компенсацией за нарушение исключительных прав (п. 3 ст. 1252 ГК РФ)).

Также специфической мерой защиты в корпоративном договоре может быть возмещение потерь (ст. 406.1 ГК РФ), которое, впрочем, не является строго говоря мерой ответственности, поскольку применяется в случаях, не

нарушения // Актуальные проблемы предпринимательского права. Сборник статей. Вып. III / По ред. А.Е. Молотникова. М., 2013. С. 58.

⁵²³ См. например: *Иноземцев М.И.* Ответственность сторон за нарушение акционерного соглашения по праву России и зарубежных государств. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 21, 113–114.

⁵²⁴ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // СЗ РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7729.

связанных с нарушением обязательств стороной договора⁵²⁵. В корпоративном договоре могут устанавливаться дополнительные обязанности имущественного характера за совершение определенных нарушений, например, обязанность продать свои акции (доли) по определенной цене конкретным лицам, либо, наоборот, лишение права выкупа акций (долей), ранее предоставленного по корпоративному договору. Возможно также конструирование такой меры имущественной ответственности, как полная утрата права на получение дивидендов или на определенный период.

Кроме имущественных мер ответственности, в корпоративном договоре и в корпоративном праве в целом требуется разработка и введение различных специальных неимущественных мер корпоративной ответственности, некоторые из которых уже предусмотрены законодательством. Так, в ряде случаев закон устанавливает лишение права голоса по акциям. Например, в случае ненаправления обязательного предложения, предусмотренного главой XI.1 Закона об акционерных обществах, акционер лишается права голоса по акциям, превышающим 30 процентов уставного капитала (п. 6 ст. 84.2 Закона об акционерных обществах). Согласно п. 5 ст. 32.1 Закона об акционерных обществах акционер публичного общества обязан уведомить общество о приобретении на основании акционерного соглашения права определять порядок голосования на общем собрании, если в результате такого приобретения лицо самостоятельно или совместно со своими аффилированными лицом или лицами прямо либо косвенно получает возможность распоряжаться более чем 5, 10, 15, 20, 25, 30, 50 или 75 % голосов по размещенным обыкновенным акциям публичного общества. В случае неисполнения данной обязанности лицо, обязанное направить уведомление, а также лица, которым данное лицо

⁵²⁵ См. ст. 406.1 ГК РФ, а также п.п. 15–18 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств».

в соответствии с заключенным акционерным соглашением вправе давать обязательные для исполнения указания о порядке голосования на общем собрании акционеров, имеют право голоса только по акциям, количество которых не превышает количество акций, принадлежавших данному лицу до возникновения у него обязанности направить такое уведомление, вплоть до даты фактического направления такого уведомления (п.п. 5 и 6 ст. 32.1 Закона об акционерных обществах). То есть по существу также имеет место ответственность в виде лишения права голоса по акциям.

Нарушение корпоративного договора может являться основанием для признания недействительным решения органа хозяйственного общества по иску стороны этого договора при условии, что на момент принятия органом соответствующего решения сторонами корпоративного договора являлись все участники хозяйственного общества (п. 6 ст. 67.2 ГК РФ). Хотя недействительность и противоправность как таковые – это разнопорядковые категории, тем не менее в данном случае недействительность управленческого решения как следствие нарушения условий корпоративного договора может рассматриваться как своеобразная мера корпоративной ответственности самого хозяйственного общества и участников или членов органов управления, заинтересованных в принятии такого решения⁵²⁶. Отнесение недействительности решения⁵²⁷ к мерам

⁵²⁶ Также в качестве своеобразной ответственности, влекущей негативные имущественные последствия в виде реституции и возмещения убытков, можно рассматривать и признание недействительными сделок по корпоративным основаниям (в связи с нарушением корпоративного порядка их совершения (одобрения). О недействительных сделках, в том числе по корпоративным основаниям в новой редакции ГК РФ см. например: *Каранетов А.Г., Тузов Д.О.* Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. № 5. С. 14–67; *Тузов Д.О.* Lex “quasi” perfecta? О новой редакции статьи 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях // Закон. 2015. № 9. С. 34–48; *Степанов Д.И.* Новый режим оспаривания крупных сделок: реформа ради реформы? // Закон. 2015. № 9. С. 110–141. *Кузнецов А.А.* Оспаривание крупных сделок и сделок с заинтересованностью: общие замечания // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2. С. 4–28; *Шиткина И.* Правовой режим экстраординарных сделок // Хозяйство и право. 2016. № 5. С. 14–26; № 6. С. 3–18; *Гутников О.В.* Деление сделок на ничтожные и оспоримые в гражданском праве: основные идеи и результаты

корпоративной гражданско-правовой ответственности может объясняться также тем, что, как и любая мера гражданско-правовой ответственности, эта мера носит восстановительный характер и отменяет состояние нарушения права. Одновременно признание решения собрания недействительным является одним из способов защиты гражданских прав – а именно – признания недействительным решения собрания или же – восстановления положения, существовавшего до нарушения права (ст. 12 ГК РФ).

Тем не менее возможность установления непосредственно в корпоративном договоре специальных мер неимущественной ответственности законодательством прямо не предусмотрена, равно как нет в нем и общих положений о применяемых в законодательстве о юридических лицах неимущественных мерах корпоративной ответственности. Таким меры могли бы представлять собой не только уже известные законодательству полное лишение права голоса, признание недействительными управленческих решений, но и частичное лишение права голоса по определенным вопросам (например, по вопросу о распределении и выплате дивидендов), приостановление права давать указания по отдельным вопросам или, наоборот, расширение этого права в случае определенных нарушений, приобретение, приостановление или прекращение права вето,

реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 2. С. 48–67. *Он же*. Признание недействительной сделки с заинтересованностью возможно лишь при наличии неблагоприятных последствий // *Комментарий судебно-арбитражной практики*. Вып. 18 / Под ред. В. Ф. Яковлева. М., 2012. С. 4–23. *Он же*. Приобретение или отчуждение акционерным обществом акций третьих лиц при отсутствии предварительного решения совета директоров о совершении таких сделок не во всех случаях влечет их ничтожность // *Комментарий судебно-арбитражной практики*. Вып. 17 // Под ред. В. Ф. Яковлева. М., 2010. С. 18–27.

⁵²⁷ О признании недействительными решений юридических лиц см. например: *Маковская А.* Оспаривание решений общего собрания акционеров // *Хозяйство и право*. 2006. № 9 (Приложение); *Гутников О.В.* Недопустимость оспаривания решений общего собрания акционеров лицами, не обладающими на это правом и по основаниям, не предусмотренным законом // *Комментарий судебно-арбитражной практики*. Вып. 19. / Под ред. В. Ф. Яковлева. М., 2013. С. 7–29.

права назначения директора или определения круга возможных кандидатур на соответствующую должность, изменение результатов голосования, проведенного в нарушение условий корпоративного договора, признание решения принятым на условиях, соответствующих корпоративному договору, исключение участника из общества, и даже ликвидацию общества. Неизменным, однако, должен оставаться принцип специалитета корпоративной ответственности, и соответствующие меры применительно к конкретным правонарушениям должны быть прямо предусмотрены законом или корпоративным договором.

Заслуживает также постановка вопроса о субъективных основаниях ответственности по корпоративному договору. Представляется, что в тех случаях, когда сторона договора является предпринимателем или коммерческой организацией, то она должна нести ответственность за нарушение независимо от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Если же субъектом ответственности является не являющееся предпринимателем физическое лицо или некоммерческая организация, то речь должна идти об ответственности на началах вины, бремя доказывания отсутствия которой лежит на нарушителе (п. 2 ст. 401 ГК РФ). В том же случае, если субъектом ответственности является контролирующее лицо, которое помимо обязанностей по корпоративному договору, несет основанные на законе фидуциарные обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно, это обстоятельство должно учитываться в том числе и при привлечении его к ответственности на основании корпоративного договора, и, в зависимости от специфики допущенного нарушения, может применяться общее правило «делового решения», действующее для таких лиц.

В заключение данного параграфа следует еще раз отметить, что управленческие (субординационные) договоры в целом в отечественном гражданском праве являются, пожалуй, наименее разработанными как в теории, так и в законодательстве, и требуют как научного обоснования, так и

закрепления их в нормах ГК РФ. В том числе они подлежат обособлению от так называемых договоров на оказание управленческих услуг⁵²⁸, имеющих координационный, а не субординационный характер. В то же время, при выработке доктринальных и нормативных подходов к регулированию таких договоров следует особенно внимательно относиться к соблюдению императивных правил закона о недопущении ограничения дееспособности подчиненной стороны договора, а также – к соблюдению обязательных правил корпоративного законодательства о порядке управления юридическим лицом, на обход которых ни в коем случае не должен быть направлен корпоративный или иной управленческий договор. Подлежат разработке и отдельному обоснованию как основания, так и меры гражданско-правовой ответственности за нарушение корпоративного договора, в том числе носящие неимущественный характер. При установлении таких мер должен соблюдаться принцип специалитета любой корпоративной ответственности.

§ 6. Ответственность в виде исключения участника из юридического лица

С принятием изменений в гл. 4 ГК РФ⁵²⁹ в регулирование корпоративных отношений привнесен ряд принципиально важных новелл, которые затронули в том числе вопросы ответственности участников корпоративных организаций, основанных на членстве (участии). Среди них

⁵²⁸ См. например: *Юрьева Л.А.* К вопросу о правовой сущности договоров об оказании услуг управления // Бюллетень нотариальной практики. 2008. № 4. С. 8–11.

⁵²⁹ См. Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

важное значение имеют нормы об ответственности участников в виде исключения их из состава корпоративных организаций за нарушение своих обязанностей⁵³⁰.

Несмотря на то что участники корпораций могут нести и иные виды корпоративной ответственности⁵³¹, данный вид ответственности, пожалуй, является самым серьезным из всех видов ответственности, которые могут применяться к участникам корпоративных отношений, поскольку влечет за собой наиболее суровую санкцию – принудительное исключение участника из корпоративной организации и лишение его всех корпоративных прав.

До внесения последних поправок в гл. 4 ГК РФ такая санкция применялась в отношении участников отдельных корпораций, а именно:

полных и коммандитных товариществ⁵³²;

обществ с ограниченной ответственностью⁵³³;

ассоциаций (п. 3 ст. 123 ГК РФ)⁵³⁴;

производственных кооперативов⁵³⁵;

потребительских обществ⁵³⁶;

сельскохозяйственных кооперативов (как потребительских, так и производственных)⁵³⁷;

⁵³⁰ Об исключении участников из юридических лиц см. также: *Гутников О.В.* Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // *Вестник экономического правосудия.* 2015. № 2. С. 102–127.

⁵³¹ См. § 7 настоящей главы.

⁵³² Пункт 2 ст. 76 ГК РФ.

⁵³³ Ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью.

⁵³⁴ В новой редакции гл. 4 ГК РФ соответствующая норма содержится в п. 2 ст. 123.11.

⁵³⁵ Пункт 2 ст. 111 ГК РФ. В новой редакции гл. 4 ГК РФ соответствующая норма содержится в п. 2 ст. 106.5.

⁵³⁶ Пункт 3 ст. 13 Закона РФ от 19.06.1992 г. № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // *Российская газета* от 23.07.1992 г.

⁵³⁷ Статья 17 Федерального закона от 08.12.1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // *СЗ РФ.* 1005. № 50. Ст. 4870.

общественных объединений⁵³⁸;
некоммерческих партнерств⁵³⁹;
хозяйственных партнерств⁵⁴⁰.

В новой редакции гл. 4 ГК РФ сохраняются нормы об ответственности участников в виде их исключения из организации для отдельных видов юридических лиц. Вместе с тем ответственность в виде исключения участника из корпоративных организаций приобрела более универсальный характер.

Во-первых, такая ответственность теперь применяется к участникам любых хозяйственных обществ и товариществ, за исключением публичных акционерных обществ. В соответствии с абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ участник хозяйственного товарищества или общества вправе требовать исключения другого участника из товарищества или общества в судебном порядке с выплатой ему действительной стоимости его доли участия, если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред товариществу или обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами товарищества или общества. Отказ от этого права или его ограничение ничтожны.

Во-вторых, несмотря на то, что для остальных корпоративных организаций подобной общей нормы в ГК РФ не имеется, ответственность в виде исключения участника из юридического лица может устанавливаться и в отношении любых других корпораций, как коммерческих, так и некоммерческих. Это вытекает из ч. 2 ст. 65.3 ГК РФ, согласно которой, если иное не предусмотрено ГК РФ или другим законом, к исключительной

⁵³⁸ Часть 4 ст. 6 Федерального закона от 19.05.1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

⁵³⁹ Часть 4 ст. 8 Федерального закона от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

⁵⁴⁰ Статья 7 Федерального закона от 03.12.2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // СЗ РФ. 2011. № 49 (Часть V). Ст. 7058.

компетенции высшего органа любой корпорации относится определение порядка приема в состав участников корпорации и *исключения* из числа ее участников, кроме случаев, если такой порядок определен законом. При этом данная норма в отношении самой возможности исключения участника из состава корпоративной организации является императивной. Разными могут быть лишь органы, принимающие решение об исключении (высший орган корпорации либо иные органы, к компетенции которых соответствующий вопрос отнесен ГК РФ или другим законом), а также определение порядка такого исключения (либо органом, принимающим решение об исключении, либо законом).

По своей сути любое исключение участника из корпоративной организации представляет собой санкцию в виде лишения участника корпоративных прав против его воли. Такая санкция может рассматриваться только в порядке применения мер ответственности за допущенные участником серьезные нарушения своих корпоративных обязанностей.

В литературе высказываются сомнения относительно того, является ли исключение участника (акционера) из юридического лица мерой гражданско-правовой ответственности. Так, Д.В. Ломакин отмечает, что в данном случае нет одного из существенных признаков гражданско-правовой ответственности, поскольку исключение участника не влечет для него каких-либо дополнительных имущественных обременений. Как пишет указанный автор, «по своим последствиям исключение участника из общества аналогично случаям добровольного выхода... В обоих случаях участник получает действительную стоимость своей доли, иначе говоря, полный денежный эквивалент утрачиваемых корпоративных прав. Поэтому исключение участника из общества не является мерой гражданско-правовой ответственности». Тем не менее это государственно-принудительная мера, которая, по мнению автора, является разновидностью мер регулятивного характера, представляющая собой частное проявление такого способа защиты гражданских прав, как прекращение или изменение

правоотношения⁵⁴¹.

Похожие сомнения высказывает и С.Ю. Филиппова⁵⁴². В то же время, она считает, что исключение акционера на основании его неправомерного поведения все же является санкцией, а исключение как следствие правомерного поведения акционера, затрудняющего деятельность общества – только мерой защиты интересов юридического лица. Эти случаи, по мнению С. Ю. Филипповой, нужно четко различать, чего, к сожалению, не позволяет сделать п. 1 ст. 67 ГК РФ, допускающий исключение участников из хозяйственных обществ и товариществ как за нарушение обязанностей, так и независимо от такого нарушения⁵⁴³.

Не проясняет природы исключения участника и определение, данное в монографии Л.В. Кузнецовой, согласно которому исключение представляет собой «принудительное, осуществляемое в судебном порядке прекращение корпоративных правоотношений, складывающихся между участником общества с ограниченной ответственностью, другими его участниками и самим обществом, сопряженное для данного участника с одновременной утратой корпоративного статуса и права на долю в уставном капитале общества»⁵⁴⁴.

Вопросы исключения участника (применительно к обществам с ограниченной ответственностью) были также рассмотрены в монографии А. А. Кузнецова, который, основываясь на договорной теории корпоративных отношений, уподобляемых отношениям по ведению общего дела в договоре товарищества, и приводя примеры из зарубежного опыта, согласно которым основанием исключения участников является не только причинение ими

⁵⁴¹ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 431–432.

⁵⁴² См. Филиппова С. Исключение акционера из непубличного акционерного общества: комментарий новелл Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право, 2014, № 7. С. 105–106.

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ Кузнецова Л.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: практика применения действующего законодательства. М., 2008. С. 42.

вреда корпорации, но и любое поведение, которое объективно создает препятствия деятельности корпорации, приходит к выводу, что исключение по своей правовой природе не может в полной мере рассматриваться ни как ответственность, ни как способ защиты прав. По его мнению, исключение участника представляет собой расторжение договора в корпоративном праве, а основания такого «исключения-расторжения» всегда связаны с существенным нарушением фидуциарной обязанности участников действовать добросовестно и разумно в интересах общества, которая делает невозможной деятельность общества или необратимо и существенно ее затрудняет. Соответственно, иск об исключении – аналог расторжения договора в корпоративном праве, при этом исключение представляет собой санкцию за нарушение данной обязанности, при применении которой учитывается вина исключаемого участника, которая имеется всегда, когда нарушена обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах общества⁵⁴⁵.

Из аналогичных в целом посылок исходит и Г.В. Цепов, считающий, что исключение представляет собой расторжение «корпоративного контракта», которое может происходить как в связи с нарушениями этого контракта и представлять собой ответственность, так и по иным основаниям, не связанным с правонарушениями, поэтому основания исключения должны всегда устанавливаться самими участниками такого «контракта»⁵⁴⁶.

Мы не можем целиком согласиться с приведенной аргументацией указанных авторов, поскольку: 1) основание исключения участника всегда заключается в его неправомерном поведении. Не только причинение вреда, но и любое затруднение деятельности общества является нарушением обязанности участника не совершать действия (бездействие), которые

⁵⁴⁵ См.: Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М., 2014. С. 9–54.

⁵⁴⁶ См.: Цепов Г.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение «корпоративного контракта» // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 10. С. 96–114.

существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ); 2) возможность исключения участника независимо от его вины, в том числе в случаях, когда он затрудняет деятельность общества в связи со своей физической или психической неспособностью исполнять корпоративные обязанности, не означает, что такое исключение не является ответственностью за противоправное поведение, построенной независимо от вины⁵⁴⁷; 3) факт выплаты исключенному участнику денежного эквивалента стоимости его корпоративных прав отнюдь не означает, что участник не несет никаких дополнительных имущественных потерь. Корпоративный контроль сам по себе представляет собой отдельную ценность, напрямую не связанную с номинальным размером стоимости соответствующей доли участия: утрата такого контроля может косвенно влечь за собой серьезные имущественные потери для участника коммерческой корпорации. Кроме того, рыночная цена акций (долей) может существенно превышать часть стоимости чистых активов, которая будет выплачена исключенному участнику; механизм осуществления выплат исключаемому участнику далек от совершенства, и он получит свой эквивалент не сразу, а по истечении значительного периода времени после исключения из общества. Наконец, исключаемый участник теряет возможность получать в будущем дивиденды от результатов деятельности общества, получать выгоду от возможного роста рыночной цены акций (долей) за период между его исключением и выплатой стоимости активов и т.д. Кроме того, как справедливо указывает Г.В. Цепов, «когда исключаемый участник оценивает свою долю выше, чем это делает общество или суд, лишение участника корпоративных прав означает для него *некомпенсируемые потери в виде разности между его субъективной оценкой и ценой, установленной обществом или судом*», поэтому, «с точки зрения

⁵⁴⁷ Как известно, гражданское право знает немало случаев наступления ответственности независимо от вины (например, ответственность предпринимателей (п. 3 ст. 401 ГК РФ), ответственность владельца источника повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ).

участника, является для него гражданско-правовой ответственностью, поскольку он несет не полностью компенсируемые потери»⁵⁴⁸.

Рассмотрение исключения участника в качестве разновидности расторжения договора принципиально не препятствует считать такое исключение видом корпоративной ответственности. В основе принудительного (против воли участника) исключения из корпорации так же, как и в основе принудительного (против воли стороны) расторжения договора всегда лежит нарушение обязанности, возникшей из относительного правоотношения. В договорном праве основанием расторжения является существенное *нарушение договора* (подп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ), в корпоративном праве – существенное *нарушение корпоративных обязанностей* участника перед корпорацией не совершать действий, заведомо направленных на причинение вреда корпорации, или которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ). Также основанием исключения может быть нарушение фидуциарных обязанностей действовать добросовестно и разумно, а также не причинять вред другим участникам корпоративных отношений, установленных не только в отношении *корпорации*, но и в отношении *других участников*, которые пока, к сожалению, в законодательстве отсутствуют, но по справедливому мнению многих⁵⁴⁹, и в настоящее время подразумеваются, а в перспективе должны быть прямо установлены законом. Таким образом, в основе расторжения договора так же, как и в основе исключения участника, лежит нарушение соответствующего относительного правоотношения, что позволяет рассматривать расторжение договора и исключение видами, соответственно, договорной или корпоративной ответственности.

⁵⁴⁸ Ценов Г.В. Указ. соч. С. 102.

⁵⁴⁹ В том числе А.А.Кузнецова, который считает, что между участниками, по аналогии с договором товарищества, существуют корпоративные права и обязанности лояльности, включающие в себя обязанность действовать добросовестно и разумно, в том числе не причинять вред как самой корпорации, так и другим участникам (Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 35–39).

Исключение (как и расторжение договора в связи с его нарушением), помимо противоправности, обладает и всеми остальными признаками ответственности: наличие негативных последствий для нарушителя, применение которых возможно в принудительном порядке против воли исключаемого лица.

Поэтому любое исключение является мерой корпоративной ответственности. Однако, по нашему мнению, основанием такой ответственности является не только, как считает А.А. Кузнецов⁵⁵⁰, нарушение фидуциарной обязанности действовать в интересах общества, которой может и не быть, например, у миноритарных участников, но и нарушение более широкой по содержанию корпоративной обязанности любого участника не совершать действия (бездействия), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация, в том числе в результате нарушения иных корпоративных обязанностей, а также обязанности не совершать действий, заведомо направленных на причинение вреда корпорации (п. 4 ст. 65.2, п. 1 ст. 67 ГК РФ). Кроме того, мы не можем согласиться с тем, что нарушение фидуциарной обязанности действовать добросовестно и разумно всегда является виновным. Возможны случаи, когда неразумное неисполнение такой обязанности не связано с виной (например, в случаях, когда участник общества по состоянию здоровья лишен возможности отдавать отчет своим действиям и руководить ими), что не лишает, однако, возможности рассматривать исключение такого невиновного участника как разновидность корпоративной безвиновной ответственности. Кроме того, неисполнение более общей обязанности не совершать действия, которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ), может быть никак не связано с виновностью лица, который может нарушать данную обязанность

⁵⁵⁰ Кузнецов А.А. Указ. соч. С. 40.

объективно, вне зависимости от своей воли, добросовестности или разумности, а также вне связи с нарушением им каких-либо иных конкретных корпоративных обязанностей. Несмотря на это, согласно п. 1 ст. 67 ГК РФ и в таких случаях участник может быть исключен из общества, т.е. применительно к нарушению данной обязанности имеет место корпоративная ответственность независимо от вины.

Возможность сторон самим устанавливать дополнительные основания для исключения или основания, отличающиеся от установленных законом, на наш взгляд, не может быть беспредельно свободной. Базовые основания для исключения как соответствующие нарушения должны быть установлены законом и не могут отменяться внутрикорпоративными документами юридического лица, даже представляющего собой «объединение лиц», не говоря уже о компаниях, являющихся «объединениями капиталов», а также некоммерческих организациях. И существо этих базовых оснований всегда должно заключаться в нарушении корпоративной обязанности не осуществлять действий, приводящих к невозможности или существенному затруднению деятельности юридического лица.

В связи с этим полагаем, что есть все основания рассматривать исключение участника одновременно⁵⁵¹ и как крайнюю меру гражданско-правовой (корпоративной) ответственности, и как специальный корпоративный способ защиты прав⁵⁵².

Логичной и правильной является норма ГК РФ для всех хозяйственных обществ и товариществ, устанавливающая не только возможность, но и основания и порядок исключения участника из общества (товарищества): лишь за наиболее существенные нарушения и только в судебном порядке.

К сожалению, в отношении иных корпоративных организаций (как

⁵⁵¹ Ничего предосудительного в том, что одно и то же явление имеет двойственную правовую природу, мы не видим. Примером тому может являться, например, неустойка, рассматриваемая и как мера гражданско-правовой ответственности, и как один из способов обеспечения исполнения обязательств.

⁵⁵² Об этом см. ниже.

коммерческих, так и некоммерческих) подобной общей нормы в ГК РФ не имеется, что предполагает возможность решениями органов корпорации или специальными законами устанавливать совершенно произвольные правила исключения участников из корпоративных организаций, в том числе безотносительно к каким-либо правонарушениям с их стороны и во внесудебном порядке.

Подобная возможность, на наш взгляд, является следствием существенной недоработки новой редакции гл. 4 ГК РФ, в которой в отличие от хозяйственных обществ и товариществ общие положения об иных видах корпоративных организаций (как коммерческих, так и некоммерческих) не получили должного развития. Остается непонятным, например, почему в ГК РФ вообще нет раздела, включающего общие положения о коммерческих корпоративных организациях, за исключением отдельных норм⁵⁵³, а есть лишь общие положения о хозяйственных обществах и товариществах.

В результате принудительное исключение участников из юридических лиц, ставшее возможным для любых корпоративных организаций, в части оснований и порядка такого исключения в настоящее время продолжает регулироваться разрозненными нормами ГК РФ и специальных законов об отдельных видах юридических лиц и не отличается единообразием. Кроме того, если таких специальных норм или законов нет либо они оставляют решение соответствующих вопросов на усмотрение органов юридического лица, основания и порядок исключения из корпоративных организаций совершенно произвольно могут быть установлены решениями органов юридических лиц и их учредительными документами.

Так, участник полного (и коммандитного) товарищества может быть исключен из товарищества в судебном порядке по единогласному решению остающихся участников и «при наличии к тому серьезных оснований, в

⁵⁵³ Например, положения ч. 3 ст. 65.2 ГК РФ о восстановлении корпоративного контроля, применяемые к любым коммерческим корпорациям, а не только к хозяйственным обществам и товариществам.

частности вследствие грубого нарушения этим участником своих обязанностей или обнаружившейся неспособности его к разумному ведению дел»⁵⁵⁴. В данной норме противоправное поведение участника товарищества («грубое нарушение им своих обязанностей») рассматривается лишь как одно из оснований для возможного исключения участника из товарищества.

Другими основаниями являются такие оценочные и содержательно неопределенные понятия, как «наличие к тому серьезных оснований» или «обнаружившаяся неспособность к разумному ведению дел». В то же время приведенная норма вступает в противоречие с абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ, согласно которому участник товарищества вправе требовать исключения другого участника, только если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред товариществу либо иным образом *существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось*, в том числе грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами товарищества. Никаких иных «серьезных оснований» для исключения участника из товарищества ст. 67 ГК РФ не предполагает.

Для обществ с ограниченной ответственностью наряду с приведенной нормой абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ продолжает действовать ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, согласно которой участник может быть в судебном порядке исключен из ООО, если он грубо нарушает свои обязанности *либо* своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет. В связи с этим ст. 10 Закона также входит в противоречие с абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ: по ГК РФ участника можно исключить из ООО только при причинении обществу существенного вреда либо *существенного затруднения его деятельности и достижения целей, ради которых общество создавалось, в том числе* грубо нарушая свои корпоративные обязанности, а по Закону об

⁵⁵⁴ Пункт 2 ст. 76 ГК РФ.

обществах с ограниченной ответственностью участник может быть исключен из ООО и без этих последствий, в силу одного лишь грубого нарушения своих обязанностей. Противоречие между ГК РФ и Законом об обществах с ограниченной ответственностью возникает и в вопросе о том, кому предоставляется право требовать в судебном порядке исключения участника из ООО. В ГК РФ такое право принадлежит любому остающемуся участнику ООО, а в Законе об обществах с ограниченной ответственностью такое право предоставляется только участникам общества, доли которых в совокупности составляют не менее чем 10% уставного капитала общества.

Член производственного кооператива может быть исключен из кооператива по решению общего собрания двумя третями голосов в случае неисполнения (любого, даже незначительного) или ненадлежащего исполнения обязанностей, возложенных на него уставом кооператива; если член кооператива не внес в установленный срок паевой взнос; в других случаях (любых, даже не связанных с нарушением обязанностей), предусмотренных законом и уставом кооператива⁵⁵⁵. Например, член правления кооператива может быть исключен из кооператива по решению общего собрания в связи с членством в аналогичном кооперативе⁵⁵⁶.

Пайщик потребительского общества может быть исключен из потребительского общества решением общего собрания потребительского общества в случае неисполнения (любого, даже незначительного) им без уважительных причин перед обществом своих обязанностей, установленных законом или уставом потребительского общества, либо совершения действий, наносящих ущерб обществу⁵⁵⁷. При этом единственной гарантией от произвольного лишения пайщика корпоративных прав является обязанность совета общества не позднее чем за 20 дней известить пайщика о планируемом исключении его из общества и пригласить его на общее

⁵⁵⁵ Пункт 2 ст.106.5 ГК РФ; ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 08.05.1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» // СЗ РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.

⁵⁵⁶ Абзац 2 п. 2 ст. 106.5 ГК РФ.

⁵⁵⁷ Часть 3 ст. 13 Закона о потребительской кооперации.

собрание, на котором ему должна быть предоставлена возможность высказать свое мнение о своем исключении.

Член союза потребительских обществ может быть исключен из союза решением общего собрания представителей потребительских обществ союза вследствие нарушения или неисполнения обязанностей (любого, даже незначительного), предусмотренных учредительными документами союза, либо решений (любых) его органов управления⁵⁵⁸.

Для хозяйственных партнерств устанавливается различный порядок исключения участника из партнерства в зависимости от характера допущенного нарушения. В частности, судебный порядок действует в случае, если участник партнерства нарушает свои обязанности, возложенные на него законом или соглашением об управлении партнерством, либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность партнерства или существенно ее затрудняет⁵⁵⁹. Во внесудебном порядке исключение участника допускается по единогласному решению остальных участников партнерства только в случае, если участник партнерства не исполняет в установленный срок обязанности по первоначальному или последующему внесению в складочный капитал вклада (части вклада)⁵⁶⁰. Одновременно установлен запрет на исключение участника по любым иным основаниям, не предусмотренным законом⁵⁶¹.

Член ассоциации (союза) может быть исключен из нее в случаях и в порядке, которые установлены в соответствии с законом уставом ассоциации (союза)⁵⁶², при этом никаких указаний на возможные основания и порядок (судебный или внесудебный) исключения члена из ассоциации, закон не содержит.

Для общественных объединений в законе определено лишь общее

⁵⁵⁸ Часть 3 ст. 32.1 Закона о потребительской кооперации.

⁵⁵⁹ Часть 1 ст. 7 Закона о хозяйственных партнерствах.

⁵⁶⁰ Часть 2 ст. 7 Закона о хозяйственных партнерствах.

⁵⁶¹ Часть 3 ст. 7 Закона о хозяйственных партнерствах.

⁵⁶² Пункт 2 ст. 123.11 ГК РФ.

основание для исключения участника из объединения – несоблюдение (любое) требований норм устава. Порядок исключения члена общественного объединения определяется уставом⁵⁶³.

Такая пестрая картина правового регулирования оснований и порядка исключения участников (членов) из корпоративных организаций, на наш взгляд, ничем не оправдана и никак не связана с особенностями правового статуса тех или иных корпораций. Более того, для некоторых корпораций возможность принудительного исключения участника из организации вообще вызывает большие сомнения и противоречит природе соответствующего юридического лица. Например, согласно новой редакции гл. 4 ГК РФ допускается исключение участников из любых хозяйственных обществ и товариществ, кроме публичных акционерных обществ. Это означает, что теперь за нарушение своих обязанностей можно исключить акционера из непубличного акционерного общества, то есть отобрать у него акции и лишить его всех корпоративных прав, что никак не согласуется с доктринальными представлениями об акционерных обществах как объединениях капиталов, в которых в отличие от объединений лиц лично-доверительный характер отношений между участниками и юридическим лицом отсутствует и у акционеров нет перед обществом или другими акционерами никаких фидуциарных обязанностей, за нарушение которых можно было бы исключать акционера из акционерного общества⁵⁶⁴. Как справедливо отмечается в литературе, «вне всяких сомнений, права одних участников требовать исключения других – это товарищеский, т.е. личный

⁵⁶³ Абз. 4 ст. 6 Закона об общественных объединениях.

⁵⁶⁴ Если речь не идет о ситуации, когда акционер одновременно является управляющим акционерного общества (входит в состав его органов управления) и несет соответствующие фидуциарные обязанности действовать в интересах общества добросовестно и разумно. В США, например, судебная практика признает фидуциарные обязанности за акционерами, которые ведут дела корпорации или являются мажоритарными акционерами (См. об этом: *Будылин С.* Является ли акционер фидуциарием? Американский путь // Первая социальная сеть для юристов «Закон.ру», размещено 03.10.2014 г. URL: <http://zakon.ru/>).

элемент»⁵⁶⁵, который не характерен для акционерных обществ⁵⁶⁶.

Представляется, что для любых корпоративных организаций основания и порядок исключения участников (членов) из юридического лица должны быть унифицированы и регулироваться общими нормами ГК РФ. Исключение участника из корпоративной организации должно рассматриваться как крайняя и «высшая» мера корпоративной ответственности за существенное нарушение корпоративных обязанностей, причинившее корпорации вред в виде убытков или иных неблагоприятных последствий (например, невозможности достижения целей деятельности юридического лица). Основаниями наступления такой ответственности должны быть по общему правилу противоправное поведение (существенное нарушение корпоративных обязанностей), наступление вреда, причинная связь между противоправным поведением и вредом, а также вина нарушителя. Отдельные отступления от этого правила, в том числе случаи безвиновной ответственности, должны быть прямо установлены в законе. При этом общим правилом для всех корпораций должен быть судебный порядок исключения участника из юридического лица.

Отсутствие хотя бы одного из элементов указанного состава должно исключать возможность применения к участнику корпоративной ответственности в виде исключения из юридического лица. Например, одно лишь причинение участником существенного вреда корпорации вне связи с нарушением им своих корпоративных обязанностей должно влечь деликтную ответственность по нормам гл. 59 ГК РФ «Обязательства вследствие

⁵⁶⁵ *Габов А.В.* Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М., 2010. С. 64. См. также: *Кузнецов А.А.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М., 2014. С. 36.

⁵⁶⁶ Опасения по поводу распространения возможности принудительного исключения на непубличные акционерные общества высказаны А. Карапетовым. В частности, он считает, что исключение акционеров из непубличных акционерных обществ чревато многочисленными злоупотреблениями и что логичнее было бы не исключать акционеров, а требовать с них возмещения убытков, причиненных обществу, по деликтному иску (См. *Карапетов А.* Исключение акционера из непубличного АО: выбор оптимальной модели регулирования // Первая социальная сеть для юристов «Закон.ру», размещено 28.10.2014 г. URL: <http://zakon.ru/>).

причинения вреда», но никак не корпоративную ответственность в виде исключения участника из корпорации. Точно так же, даже существенное или грубое нарушение корпоративных обязанностей без реального наступления указанных в законе неблагоприятных для корпорации последствий в виде невозможности или существенного затруднения ее деятельности не должно влечь за собой исключение участника из корпорации.

К сожалению, такой подход не в полной мере реализован в абз.4 п. 1 ст. 67 ГК РФ, предусматривающем возможность участников хозяйственных обществ и товариществ требовать исключения других участников из данных корпораций. В частности, основанием для исключения участника является причинение корпорации существенного вреда (либо иного существенного затруднения его деятельности). При этом грубое нарушение своих корпоративных обязанностей, предусмотренных законом или учредительными документами товарищества или общества, является лишь одной из возможных причин возникновения существенного вреда или существенного затруднения ее деятельности, дающего основания для исключения участника. По буквальному смыслу абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ участник корпорации может быть исключен из нее даже при отсутствии нарушения корпоративных обязанностей, если имеет место факт причинения существенного вреда корпорации. Однако в новой редакции гл. 4 ГК РФ в круг корпоративных обязанностей участников любой корпорации входит обязанность «не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации» (абз. 5 п. 4 ст. 65.2 ГК РФ), а также «не совершать действия (бездействия), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация» (абз. 6 п. 4 ст. 65.2 ГК РФ). Следовательно, совершение соответствующих запрещенных нормами закона действия само по себе уже является нарушением корпоративных обязанностей.

Открытым также остается вопрос о вине участника товарищества или общества: буквальное содержание абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ не упоминает вину

как необходимое условие привлечения участника корпорации к ответственности в виде исключения его из товарищества или общества, что делает принципиально возможным привлечение к рассматриваемому виду ответственности независимо от вины нарушителя. Однако такие случаи должны быть прямо указаны в законе, например, когда существенное затруднение деятельности юридического лица наступило из-за бездействия участника, вызванного его физической или психической неспособностью исполнять возложенные на участника корпоративные обязанности.

При практическом применении норм о корпоративной ответственности в виде исключения участника из корпорации особого внимания заслуживает вопрос о содержании корпоративных обязанностей, грубое нарушение которых может повлечь за собой ответственность в виде исключения участника из корпорации.

Основные корпоративные обязанности участника перечислены в п. 4 ст. 65.2 ГК РФ. Как видно из приведенного в указанной норме перечня корпоративных обязанностей, он является открытым и может быть дополнен законом или учредительным документом любой корпорации. Важно при этом помнить о том, что нарушение любой из корпоративных обязанностей, повлекшее причинение корпорации имущественного вреда, может быть самостоятельным основанием для применения к участнику корпоративной ответственности в виде возмещения убытков лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или учредительными документами юридического лица, исходя из принципа специалитета корпоративной ответственности. Однако независимо от привлечения участника к такой корпоративной ответственности он может также быть привлечен к корпоративной ответственности в виде исключения из корпорации при наличии к этому особых оснований, предусмотренных законом или учредительным документом корпорации.

Для хозяйственных обществ и товариществ такими особыми основаниями, как указывалось выше, являются:

причинение *существенного* вреда товариществу или обществу либо *существенное* затруднение деятельности и достижения целей, ради которых товарищество или общество создавалось.

Данные основания по существу являются последствиями грубого нарушения соответствующих корпоративных обязанностей⁵⁶⁷ и сами по себе свидетельствуют о серьезности («грубости») таких нарушений.

К этим нарушениям, в частности, может относиться:

систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников общества, лишаящее общество возможности принимать важные хозяйственные решения по вопросам повестки дня общего собрания участников, если непринятие таких решений причиняет существенный вред обществу и (или) делает его деятельность невозможной или существенно ее затрудняет;

совершение участником действий, противоречащих интересам общества, в том числе при выполнении функций единоличного исполнительного органа (например, причинение значительного ущерба имуществу общества, недобросовестное совершение сделки в ущерб интересам общества, экономически необоснованное увольнение всех работников, осуществление конкурирующей деятельности, голосование за одобрение заведомо убыточной сделки), если эти действия причинили обществу существенный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили⁵⁶⁸.

Следует также учитывать, что в силу принципа специалитета корпоративной ответственности нарушение некоторых корпоративных

⁵⁶⁷ Особенно – не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации; не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация; участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если участие участника необходимо для принятия таких решений.

⁵⁶⁸ Абзац 2 п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25.

обязанностей влечет возникновение специальных корпоративных последствий, предусмотренных законом, в связи с чем применение такой меры ответственности, как исключение участника из корпорации, за данные нарушения невозможно. Например, неполная оплата участником ООО доли в уставном капитале общества в качестве специального последствия влечет за собой переход неоплаченной части доли к обществу⁵⁶⁹ и не может являться основанием для исключения такого участника из общества⁵⁷⁰.

Несмотря на то, что рассмотрение исключения участника из корпоративной организации как особой «высшей» меры корпоративной ответственности на законодательном уровне пока не получило должного признания, подобный подход находит подтверждение в судебно-арбитражной практике в делах об исключении участников из ООО.

В частности, для исключения участника из ООО суды требуют установления следующих обстоятельств:

1) грубое нарушение корпоративных обязанностей, в том числе обязанности любого участника не совершать действий, заведомо направленных на причинение вреда обществу, не затруднять деятельность общества и не делать ее невозможной, участвовать в принятии корпоративных решений. При этом обязанность участника ООО не причинять вред обществу трактуется как фидуциарная корпоративная обязанность. Нарушая ее, и совершая действия, заведомо влекущие вред для общества, тем самым участник нарушает доверие между участниками и препятствует нормальной деятельности общества. Применительно к деятельности ООО высшие судебные инстанции разъяснили, что под действиями (бездействием) участника, которые делают невозможной деятельность общества либо существенно ее затрудняют, следует, в

⁵⁶⁹ Пункт 3 ст. 16 Закона об обществах с ограниченной ответственностью.

⁵⁷⁰ См. п. 10 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 г. № 151 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8).

частности, понимать систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников общества, лишаящее общество возможности принимать решения по вопросам, требующим единогласия всех его участников⁵⁷¹;

2) наличие существенного вреда или иных неблагоприятных последствий (невозможность деятельности общества или существенное ее затруднение)⁵⁷²;

3) причинная связь между нарушением корпоративных обязанностей и вредом (неблагоприятными последствиями)⁵⁷³;

4) вина нарушителя корпоративных обязанностей и степень его вины⁵⁷⁴. В частности, при решении вопроса о том, является ли допущенное участником общества нарушение грубым, необходимо, в частности, принимать во внимание *степень его вины*, наступление (возможность наступления⁵⁷⁵) негативных для общества последствий⁵⁷⁶.

⁵⁷¹ См. подп. «б» п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 09.12.1999 г. № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 2.

⁵⁷² См. п. п. 2, 3, 4, 5, 6 Обзора.

⁵⁷³ См. п. 7 Обзора.

⁵⁷⁴ См. подп. «в» п. 17 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 09.12.1999 г. № 90/14, а также п. 8 Обзора, в котором напрямую о необходимости установлении вины не говорится, но с очевидностью вытекает из него, т.к. для исключения участника из ООО за систематическое уклонение от участия в общих собраниях суд потребовал доказательств извещения участника согласно процедуре созыва общего собрания. Отсутствие доказательств уведомления участника о месте и времени проведения собраний по существу означает отсутствие его вины в уклонении от участия в собрании. О необходимости наличия вины в действиях исключаемого участника свидетельствует и требование судов установления того, что действия участника были **заведомо** направлены на причинение вреда обществу, т.е. на момент совершения действий (например, голосования на общем собрании за совершение убыточной для общества сделки) участник заведомо знал, что данные действия направлены на причинение обществу вреда и сознательно шел на это (см. п. 5 и 9 Обзора).

⁵⁷⁵ Согласно п. 1 ст. 67 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ) для исключения участника из общества одной лишь возможности наступления вредных последствий недостаточно: необходимо, чтобы эти последствия наступили.

⁵⁷⁶ См. подп. «в» п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума ВАС РФ от 09.12.1999 г. № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

При рассмотрении дел об исключении участника из хозяйственного товарищества или общества суд дает оценку степени нарушения участником своих обязанностей, а также устанавливает факт совершения участником конкретных действий или уклонения от их совершения и наступления (возможности наступления) негативных для общества последствий⁵⁷⁷.

Однако даже соблюдение всех перечисленных выше условий на практике не всегда влечет за собой исключение участника из корпоративной организации. Это связано с тем, что исключение участника из юридического лица рассматривается в судебной практике не только как особая мера корпоративной ответственности, но и как *специальный корпоративный способ защиты прав, основной целью которого является не столько наказание участника, причинившего юридическому лицу вред, сколько устранение вызванных поведением одного из участников препятствий к осуществлению нормальной деятельности общества и в конечном счете – защита интересов юридического лица*. Правовая природа такого специального корпоративного способа защиты гражданских прав остается дискуссионной. Дело в том что согласно ст. 12 ГК РФ любой способ защиты гражданских прав должен быть назван в законе, однако ни ст. 12 ГК РФ, ни какой-либо иной закон не называют исключения участника из юридического лица в качестве способа защиты гражданских прав. В то же время имеются определенные основания рассматривать исключение участника из юридического лица как разновидность такого способа защиты гражданских прав, как «прекращение правоотношения», имея в виду, что в результате исключения участника из юридического лица прекращается корпоративное правоотношение между участником и юридическим лицом.

Исходя из рассмотрения исключения как специального способа защиты корпоративных прав, суды часто отказывают в исках об исключении участника из общества даже несмотря на наличие формальных оснований для

⁵⁷⁷ Абз. 3 п. 35 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25.

привлечения участника к данному виду корпоративной ответственности, в тех случаях, когда исключение участника из общества не устраняет препятствия в деятельности общества, а наоборот, приводит к невозможности или к затруднению дальнейшей его деятельности.

Впервые такой подход был продемонстрирован Президиумом ВАС РФ в 2012 г., поддержавшим позицию суда кассационной инстанции о том, что по общему правилу нельзя исключать из ООО участника, обладающего долей в размере более 50% уставного капитала, если только уставом не закреплен запрет на свободный выход участников из общества⁵⁷⁸.

В рассмотренном деле гражданин, обладающий долей в размере 10% уставного капитала ООО, обратился с требованием об исключении из общества другого участника, обладающего долей в размере 90% уставного капитала, так как действия ответчика приводили к невозможности деятельности общества.

Суд первой инстанции в удовлетворении требования отказал, поскольку, по его мнению, из смысла ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью вытекает невозможность исключения из общества участника, обладающего преобладающей долей в уставном капитале (мажоритарного участника), поскольку это может привести к прекращению деятельности общества.

Суд апелляционной инстанции исключил мажоритарного участника из общества, указав, что закон не ставит возможность исключения участника в зависимость от размера его доли в уставном капитале общества. Иное толкование ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью необоснованно ущемляло бы право на защиту миноритарных участников общества, которые были бы лишены возможности требовать исключения недобросовестного участника. Кроме того, выплата стоимости доли

⁵⁷⁸ См. п. 11 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью (утв. Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 г. № 151).

исключенному мажоритарному участнику необязательно приведет к прекращению деятельности общества, поскольку оставшийся участник может внести вклад в имущество общества.

Однако суд кассационной инстанции отменил решение суда апелляционной инстанции, указав следующее:

«Из содержания статьи 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью следует, что целью санкции в виде исключения участника из общества является устранение вызванных его действиями препятствий к осуществлению нормальной деятельности общества. Исключение участника – обладателя доли в размере 90 процентов уставного капитала (мажоритарного участника) – приведет к прекращению деятельности общества, что противоречит назначению данной нормы»⁵⁷⁹.

Суд также сформулировал правовую позицию, согласно которой с учетом справедливого баланса интересов участников исключение из общества участника, обладающего долей в размере более 50% уставного капитала, возможно только в том случае, когда участники общества в соответствии с его уставом не имеют права свободного выхода из общества. Если же право свободного выхода из общества не ограничено, то миноритарный участник, по логике суда кассационной инстанции, вместо того, чтобы требовать исключить мажоритарного участника из общества, сам должен выйти из общества, воспользовавшись своим правом свободного выхода.

На наш взгляд, такая правовая позиция вызывает несколько вопросов.

Во-первых, ничего подобного этой позиции ни в Законе об обществах с ограниченной ответственностью, ни в ГК РФ не предусмотрено. В законодательстве не содержится никаких положений о том, что целью исключения участника из общества является устранение вызванных его действиями препятствий к осуществлению нормальной деятельности

⁵⁷⁹ Там же.

общества. Целью исключения участника из общества в равной степени может являться как наказание недобросовестного участника общества, так и защита прав миноритарных участников, из чего и исходил суд апелляционной инстанции. Ряд авторов в связи с этим справедливо считают, что «предъявляя иск об исключении участника из общества... истцы преследуют цель защиты своих прав, осуществление которых возможно лишь при нормальной деятельности общества... Отдавать приоритет в данной ситуации правам и охраняемым законом интересам общества по отношению к правам и интересам участников общества неправомерно. ...Поэтому, предъявляя иск об исключении участника из общества, остальные участники защищают именно свои права и охраняемые законом интересы»⁵⁸⁰. В любом случае, для использования данной цели в правоприменении как одного из оснований для отказа в иске об исключении участника из общества эта цель прежде всего должна быть предусмотрена непосредственно в законе, а не в разъяснении судебной инстанции.

Во-вторых, совершенно непонятны причины, по которым акцент делается на 50%-ом владении долей в уставном капитале. В приведенной позиции главным, на наш взгляд, является то, что *исключение из общества в первую очередь осуществляется в целях защиты прав и интересов самого общества*, и уже во вторую очередь – остающихся участников⁵⁸¹. Логичным завершением данной позиции было бы прямое указание закона на то, что соответствующие иски могут подаваться участниками в интересах юридического лица, как это сделано в отношении требований о возмещении убытков к членам органов управления (п. 1 ст. 53.1 ГК РФ). При таком подходе решение вопроса об исключении участника из любой корпоративной

⁵⁸⁰ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 429. См. также: Добровольский В.И. Проблемы корпоративного права в арбитражной практике. М., 2006. С. 39–74.

⁵⁸¹ Заинтересованность общества следует как из необходимости устранить препятствия нормальной деятельности общества, так и из обязанности общества за свой счет выплатить исключаемому участнику часть чистых активов, соответствующих доле исключаемого участника, в случае удовлетворения требования об исключении.

организации логично было бы рассматривать предварительно на общем собрании этой организации (естественно, без предоставления права голоса участнику, которого собираются исключить), поскольку кому, как не всем участникам, должно быть предоставлено право решать вопрос о том, соответствует ли интересам юридического лица исключение конкретного участника из него, или нет. Поэтому мы солидарны с мнением А.Г. Карапетова о том, что при исключении акционера из общества должно учитываться мнение большинства других акционеров по аналогии с многосторонним договором, который при его нарушении одной из сторон расторгается по решению либо всех других сторон, либо большинства из них⁵⁸². И только после решения собрания возможен косвенный иск в суд⁵⁸³, подаваемый участником в интересах юридического лица, об исключении другого участника из общества. Возможна также модель, когда иск в суд подает само юридическое лицо на основании решения общего собрания об исключении. Однако нельзя, на наш взгляд, при этом лишать самих участников подавать косвенный иск в интересах юридического лица, поскольку в ситуации острого корпоративного конфликта может оказаться, что иск от имени общества подавать просто некому, поскольку все органы общества одновременно являются конфликтующими сторонами.

Если исключение конкретного участника не соответствует интересам общества, ведет к затруднению его деятельности еще в большей мере, чем это имело место в результате неправомерных действий исключаемого участника, то в иске об исключении участника из общества должно быть отказано. При этом не должен иметь значения размер доли участника,

⁵⁸² См.: *Карапетов А.* Исключение акционера из непубличного АО: выбор оптимальной модели регулирования // Юридический Интернет-портал «Закон.ру». 28.10.2014 г. URL: <http://zakon.ru/>.

⁵⁸³ За косвенный характер иска об исключении высказывалась, в частности, Л.В. Кузнецова (См.: *Кузнецова Л.В.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9. С. 6). Против – Д.В. Ломакин (*Ломакин Д.В.* Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008. С. 428–429).

исключаемого из общества. Могут быть ситуации, когда исключение участника, владеющего даже самой незначительной долей, может сделать невозможной или затруднительной дальнейшую деятельность общества, например, когда только этот участник обладает уникальными технологическими знаниями и умениями, на практическом применении которых основана вся хозяйственная деятельность общества или вся клиентская база хозяйственного общества основана на личных связях и знакомствах исключаемого участника.

В-третьих, нельзя согласиться с утверждением суда кассационной инстанции о том, что исключение участника с 90%-ой долей участия само по себе с неизбежностью приведет к прекращению деятельности общества. Возможно, что с учетом объемов деятельности общества и фактического экономического положения даже выплата исключенному участнику 90% чистых активов общества не повлечет за собой затруднений в деятельности общества. В случаях, когда в такой ситуации возникает риск прекращения деятельности общества, оставшийся участник (участники) имеет право внести дополнительный вклад в имущество или в уставный капитал общества, тем самым пополнив его активы и предотвратив прекращение деятельности общества, на что справедливо указал суд апелляционной инстанции.

В-четвертых, в рассматриваемой правовой позиции возможность исключения участника из общества против всех законов логики ставится в зависимость от того, имеют ли участники право свободного выхода из общества. С одной стороны, основной целью исключения участника провозглашено устранение препятствий нормальной деятельности общества. С другой стороны, в тех случаях, когда право на выход из общества ничем не ограничено, предлагается не исключать недобросовестного участника из общества и тем самым не устранять «препятствие» в нормальной деятельности общества, оставив общество на произвол такого участника. Наоборот, добросовестному участнику фактически предлагается самому себя

исключить из общества, вместо того, чтобы выдворить из общества нарушителя корпоративных обязанностей. И только в тех случаях, когда установлен запрет на свободный выход из общества, добросовестному участнику позволено бороться за интересы общества и требовать исключения из него недобросовестного партнера.

Получается, что несмотря на провозглашенную цель исключения участника из общества (устранение препятствий в нормальной деятельности общества) фактически речь идет о защите нарушенных прав добросовестного участника общества, который может это сделать либо путем исключения другого участника (если ему больше ничего не остается ввиду запрета на свободный выход из общества), либо путем «самоисключения», т.е. добровольного выхода из общества.

Яркой иллюстрацией рассматриваемых проблем применения норм об исключении участника из общества с ограниченной ответственностью как особого корпоративного способа защиты прав является дело, рассмотренное Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ⁵⁸⁴.

Данное дело наглядно демонстрирует те проблемы, которые возникают при рассмотрении судами споров об исключении участников из обществ с ограниченной ответственностью. Эти проблемы связаны не только с трудностями доказывания предусмотренных законом обстоятельств, влекущих исключение участника из организации, но и с недостатками действующего законодательства, в котором нет четкого ответа на вопросы о том, что собой представляет исключение участника из юридического лица, какова его правовая природа, в чьих интересах оно осуществляется и чьи права защищает. Эти вопросы возникают в ситуациях острого

⁵⁸⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.10.2014 г. № 306-ЭС14-14 по делу № А06-2044/2013. О данном деле подробно см.: *Гутников О.В.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью в ситуации корпоративного конфликта // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Вып. 21. М., 2015. С. 17–44.

корпоративного конфликта, когда при наличии у враждующих сторон равных долей в уставном капитале практически невозможно определить, какой из участников должен быть исключен из общества и приведет ли исключение любого из участников к реальной защите прав заинтересованных лиц.

В данном деле между двумя участниками ООО, владеющими равными долями в уставном капитале (по 50%), возник корпоративный конфликт, который развился в ситуацию дедлока⁵⁸⁵, когда два участника не могут договориться и принять какое-либо решение. Тем самым вся деятельность общества оказывается парализованной, то есть наступает последствие, предусмотренное ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью – невозможность деятельности общества. При этом участники (М. и К.) обвиняли друг друга в создании этой ситуации и предъявили друг к другу исковые требования об исключении из общества. Суд первой инстанции принял решение об исключении К. из общества, встречный иск К. об исключении М. из общества был отклонен.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда об исключении К. из общества, исходил из следующего.

Во-первых, суд посчитал, что в материалах дела отсутствуют доказательства причинения обществу убытков действиями К., что, по мнению суда, является необходимым условием для исключения участника, нарушающего свои обязанности, из общества.

Во-вторых, не доказанным суд посчитал и грубое нарушение обязанностей К., а также то, что своими действиями К. делает невозможной деятельность общества либо существенно ее затрудняет.

Сами по себе факты непроведения ежегодного аудита, нарушение порядка ведения бухгалтерского учета, приостановление действия лицензии, вызванные действиями (бездействием) К., по мнению суда апелляционной инстанции, не свидетельствуют о причинении убытков обществу.

⁵⁸⁵ Deadlock – англ.: «безвыходное положение»

Доказательств того, что нарушение финансовой дисциплины послужили основанием для привлечения Общества к ответственности, материалы дела не содержат, как и отсутствуют доказательства, что в результате этого общество понесло какие-либо расходы, убытки.

Также аргументом суда апелляционной инстанции было то, что многие действия К. совершал при выполнении им функций единоличного исполнительного органа Общества, тем самым нарушая не обязанности участника, а обязанности органа юридического лица.

Суд указал, что совершение участником Общества действий, противоречащих интересам Общества, при выполнении функций исполнительного органа – директора не является основанием для исключения из Общества, поскольку в таком случае лицо несет ответственность, предусмотренную ст. 44 Закона об обществах с ограниченной ответственностью⁵⁸⁶.

Наконец, в-третьих, апелляционный суд посчитал, что истинной причиной предъявления участниками друг к другу исков явился возникший между сторонами корпоративный конфликт, который они пытались разрешить путем исключения из общества другого участника.

По мнению суда апелляционной инстанции, по сути доводы и приведенные сторонами в их подтверждение доказательства свидетельствуют о наличии в Обществе между истцом и ответчиком ярко выраженного конфликта интересов участников в управлении Обществом, что само по себе, по смыслу ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, не является основанием для исключения одного из участников из состава Общества.

Фактической нормальной хозяйственной деятельности общества препятствует противостояние его участников. Вместе с тем возникшие

⁵⁸⁶ Аналогичная позиция изложена в определениях ВАС РФ от 25.05.2009 г. № ВАС-6605/09 по делу № А07-11337/2008, от 30.07.2009 г. № 9322/09 по делу № А55-9233/2008, от 15.07.2009 № ВАС-8134/09 по делу № А82-3112/2008 и от 17.04.2009 г. № 4101/09 по делу № А26-1648/2008.

между двумя участниками общества разногласия не являются основанием для исключения кого-либо из них из состава Общества.

Приведенная аргументация суда апелляционной инстанции является весьма спорной.

Во-первых, суд апелляционной инстанции посчитал, что не доказано причинение К. убытков Обществу, в связи с чем оснований для его исключения из общества не имеется.

Однако данный вывод суда апелляционной инстанции не основан на законе. В частности, согласно ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью участники общества, доли которых в совокупности составляют не менее чем 10% уставного капитала общества, вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, который *грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняет*.

Таким образом, в ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью для исключения участника из общества достаточно доказать хотя бы одно⁵⁸⁷ из двух обстоятельств:

- 1) грубое нарушение участником своих обязанностей;
- 2) действия (бездействия) участника общества делают невозможной деятельность общества или существенно ее затрудняют⁵⁸⁸.

При этом закон ничего не говорит о необходимости наступления и доказывания каких-либо убытков, причиненных действиями участника. Одного факта грубого нарушения обязанностей или потенциальной

⁵⁸⁷ По ст. 67 ГК РФ одного нарушения обязанностей недостаточно: по смыслу абз. 4 ст. 67 ГК РФ для исключения обязательным является наступления негативных последствий в виде причинения вреда обществу или существенного затруднения деятельности.

⁵⁸⁸ О толковании приведенных положений ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью см., например: *Кузнецова Л.В.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9. С. 7; *Тузов Н.А.* Основания исключения участника из общества с ограниченной ответственностью // Законодательство и экономика. 2004. № 8. С. 11.

возможности существенного затруднения деятельности общества из-за действий участника достаточно для того, чтобы исключить участника из общества.

Применив данную норму к обстоятельствам рассматриваемого дела, Арбитражный суд Астраханской области совершенно обоснованно признал действия (бездействия) К. грубым нарушением своих обязанностей.

Из этого исходил и суд кассационной инстанции, не согласившись с доводами апелляционного суда о необходимости доказывания конкретных убытков, причиненных действиями К. Действия К. как участника Общества и его генерального директора сами по себе объективно привели к существенному затруднению деятельности организации и тем самым причинили Обществу существенный вред.

Во-вторых, в рассмотренном деле одним из аргументов суда апелляционной инстанции против исключения К. из общества являлось утверждение о том, что К., действуя как генеральный директор Общества, нарушал обязанности единоличного исполнительного органа общества, что может являться основанием для привлечения его к ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей органа юридического лица, но не к ответственности за нарушение обязанностей участника.

Однако данная позиция не основана на законе. Участник любой корпорации может нести различные корпоративные обязанности, действуя одновременно в качестве единоличного исполнительного органа, члена совета директоров и т.п. Нарушение любой из корпоративных обязанностей, повлекшее причинение корпорации имущественного вреда, может быть самостоятельным основанием для применения к участнику ответственности в виде обязанности возместить причиненные убытки по правилам об ответственности членов органов управления юридического лица.

Однако независимо от привлечения участника к такой ответственности, он может также быть привлечен к специальной корпоративной ответственности в виде исключения из корпорации за нарушение общих

фидуциарных обязанностей участника, заключающихся в том, чтобы не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации, не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация. Данные фидуциарные обязанности участников общества с ограниченной ответственностью и ранее признавались судебной практикой⁵⁸⁹.

Поэтому для исключения участника из общества за нарушение данных обязанностей не имеет значения, в каком качестве он действовал, создавая существенные затруднения деятельности общества или заведомо причиняя вред корпорации. Как справедливо указал Верховный Суд РФ в определении от 8 октября 2014 г. по рассматриваемому делу, совершение участником ООО действий, заведомо противоречащих интересам общества, при выполнении функций единоличного исполнительного органа может являться основанием для исключения такого участника из общества, если эти действия причинили обществу значительный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили.

Соответственно, одно и то же физическое лицо при совмещении им нескольких корпоративных статусов может быть одновременно привлечено к разным видам корпоративной ответственности при наличии к тому оснований: как к ответственности участника в виде исключения из юридического лица, так и к ответственности управляющего за причинение юридическому лицу убытков. В судебной практике, однако, иногда наблюдается приоритезация иска об убытках в отношении иска об исключении: если есть основания для иска об убытках, то требование об исключении к директору-участнику не должно применяться⁵⁹⁰, что

⁵⁸⁹ См.: Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью (информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 г. № 151).

⁵⁹⁰ См. об этом и ссылки на соответствующую судебную практику: *Степанов Д.И., Михальчук Ю.С.* Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей

представляется в корне неправильным и не соответствует базовым началам дифференциации любой юридической ответственности: если есть основания для привлечения к разным видам ответственности за разные правонарушения, применению подлежат все такие виды ответственности.

Наконец, в-третьих, наличие корпоративного конфликта действительно не считается основанием для исключения участника из общества. Однако в рассмотренном деле корпоративный конфликт таковым и не является. В основе требований об исключении участника из общества с ограниченной ответственностью лежат обстоятельства, свидетельствующие о грубом нарушении одним из участников (К.) своих обязанностей, совершении им действий, существенно затрудняющих деятельность общества и направленных на причинение обществу вреда. То обстоятельство, что данные действия К. явились следствием корпоративного конфликта, не имеет никакого юридического значения для применения ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью.

Следует отметить, что на практике любое требование об исключении участника из общества всегда является прямым следствием возникшего корпоративного конфликта между участниками. Вследствие возникшего корпоративного конфликта (причем соотношение долей конфликтующих сторон не имеет никакого значения) кто-то из участников может прибегнуть к крайним средствам, становясь на путь неправомерного поведения, грубо нарушая свои обязанности и совершая действия, заведомо направленные на причинение вреда обществу. Именно в этих случаях возникают основания для исключения того из участников, который вышел за пределы дозволенного, а само исключение участника из общества как раз и является радикальным способом прекращения возникшего противостояния и устранения препятствий нормальной деятельности общества, особенно в ситуации «дедлока», когда оставление обоих участников в составе общества

действительно парализует его дальнейшую деятельность.

Задача суда при этом заключается в защите прав и интересов того участника, который соблюдает требования закона и не чинит препятствий деятельности общества, а также в защите интересов самого общества, поскольку, исключив из него одну из конфликтующих сторон, он тем самым прекратит конфликт между участниками (хотя бы потому, что один из конфликтующих участников в силу решения суда больше не будет являться участником общества) и устранит препятствия нормальной деятельности общества.

Таким образом, в рассматриваемом деле имелись все формальные основания для применения в отношении К. ответственности в виде исключения его из общества. Тем не менее Верховный Суд РФ отменил судебные акты первой и кассационной инстанции, и оставил в силе постановление апелляционного суда, в результате чего ни один из участников из общества исключен не был.

При этом Верховный Суд РФ продемонстрировал более взвешенный подход. В отличие от суда апелляционной инстанции, он принципиально допустил возможность исключения участника из общества с ограниченной ответственностью даже в условиях острого корпоративного конфликта в ситуации дедлока, если к тому имеются достаточные основания.

В определении от 08.10.2014 г. Верховный Суд РФ указал, что исключение участника представляет собой специальный корпоративный способ защиты прав, целью которого является устранение вызванных поведением одного из участников препятствий к осуществлению нормальной деятельности общества. Вместе с тем, при указанном соотношении долей названный механизм *может применяться* только в исключительных случаях при доказанности грубого нарушения участником общества своих обязанностей либо поведения участника, делающего невозможной или затрудняющей деятельность общества.

В то же время нельзя не отметить, что при любом соотношении долей

данный механизм должен применяться в исключительных случаях, на что и ранее обращалось внимание в судебной практике. Поэтому в конкретном деле вопрос стоял лишь о том, является ли доказанным факт неправомерного поведения К. с точки зрения применения ст. 10 Закона об обществах с ограниченной ответственностью или нет. Верховный Суд РФ посчитал, что из обстоятельств рассматриваемого дела такового не следует, однако не привел в обоснование этого никаких доводов, опровергающих доказательства, на которых были основаны выводы судов первой и кассационной инстанции.

Вместе с тем Верховный Суд РФ согласился с доводами суда апелляционной инстанции о том, что нормальной деятельности общества препятствуют равнозначные взаимные претензии участников, действительной причиной обращения в суд с требованиями об исключении явились не действия участников по причинению вреда обществу, а утрата участниками единой цели при осуществлении хозяйственной деятельности и желание за счет другого участника разрешить внутрикорпоративный конфликт.

В результате Верховный Суд РФ не стал исключать никого из участников из общества, оставив в силе постановление суда апелляционной инстанции. Тем самым корпоративный конфликт остался не разрешенным. В связи с этим Верховный Суд РФ по существу предложил сторонам спора подумать о ликвидации общества или о выходе из него одного из участников.

Такое решение является, на наш взгляд, недостаточно обоснованным в связи с отсутствием в нем доводов об опровержении обстоятельств, установленных судом первой инстанции, подтверждающих наличие оснований исключения К. из Общества.

В то же время Верховный Суд РФ совершенно правильно признал принципиальную возможность исключения участника из общества в условиях равного соотношения долей. При наличии доказанных оснований

для исключения одного из участников общества такое исключение одновременно стало бы эффективным правовым средством разрешения ситуации дедлока, а также специальным корпоративным способом защиты прав общества, поскольку исключение одного из участников означало бы устранение препятствий нормальной деятельности юридического лица.

Из рассматриваемого дела просматривается и еще один важный вывод: в случае, если в процессе острого корпоративного конфликта обе его стороны существенно нарушают корпоративные обязанности, что влечет причинение обществу убытков или невозможность его деятельности, то даже несмотря на наличие оснований исключать кого-либо из таких участников суд не должен.

В последующем подобный подход получил закрепление в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в котором разъяснено, что «иск об исключении участника не может быть удовлетворен в том случае, когда с таким требованием обращается лицо, в отношении которого имеются основания для исключения»⁵⁹¹.

Вместе с тем при отсутствии оснований для исключения кого-либо из участников при равном соотношении долей ситуация также является неразрешимой при действующем состоянии правового регулирования. Поэтому предложенные Верховным Судом РФ варианты добровольной ликвидации общества или выхода из него одного из участников являются в настоящее время единственно возможными и верными. На наш взгляд, одним из эффективных способов решения данной проблемы было бы принятие нормы о принудительной ликвидации юридического лица по инициативе суда в случаях, когда в ситуации корпоративного конфликта при равенстве долей участников не имеется оснований для исключения из общества ни одного из участников. Данная позиция поддерживается также Д.И.

⁵⁹¹ Абз. 3 п. 35 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Степановым⁵⁹².

Следует отметить, что возникшие при вынесении состоявшихся по рассмотренному выше делу судебных актов проблемы являются прямым следствием отсутствия в законодательстве четких положений о правовой природе исключения участников из корпоративных организаций, а также о правовых способах разрешения острых корпоративных конфликтов в ситуациях равенства долей конфликтующих сторон.

При этом данные вопросы не должны быть связаны, поскольку представляют собой совершенно разные правовые явления.

Исключение участника из ООО имеет двойственную природу. С одной стороны, это крайняя и высшая мера корпоративной ответственности, с другой стороны – специальный корпоративный способ защиты прав не только остающихся участников, но прежде всего самого юридического лица. Поэтому, рассматривая вопрос об исключении участника из организации, необходимо не только устанавливать условия применения корпоративной ответственности к конкретному участнику (противоправное поведение, вредные последствия, причинная связь, вина), но и оценивать последствия такого исключения для самого общества: устраняет ли исключение конкретного участника препятствия для нормальной деятельности общества или нет. В этом смысле в литературе не без оснований предлагают даже рассматривать иск об исключении как косвенный иск, подаваемый в интересах юридического лица, а не его участника⁵⁹³.

Кроме того, следует учитывать, имеются ли основания для исключения также того участника, который обращается с иском. Если обращающийся с иском об исключении участник грубо нарушает свои обязанности и его самого следует исключать из юридического лица, то в силу идеологии

⁵⁹² См.: *Степанов Д.И.* Что делать с дедлоком при долях 50/50 // Юридический Интернет-портал «Закон.ру» от 15.10.2014 г. URL: <https://zakon.ru/>.

⁵⁹³ См.: *Цепов Г.В.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение «корпоративного контракта» // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 10. С. 96–114.

правила эстоппель в удовлетворении иска такого участника об исключении другого участника должно быть отказано. Этот принцип в настоящее время прямо закреплен в п. 35 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25, согласно которому «иск об исключении не может быть удовлетворен в том случае, когда с таким требованием обращается лицо, в отношении которого имеются основания для исключения».

Также общим правилом, на наш взгляд, должна быть недопустимость исключения участника из корпоративной организации в тех случаях, когда такое исключение не устранил препятствия для нормальной деятельности юридического лица и не послужит защите интересов юридического лица. При этом само по себе соотношение долей исключаемого и остающихся участников для применения данного корпоративного способа защиты прав не должно иметь значения. Мы не можем в этой связи согласиться с авторами, которые считают, что судебной практике необходимо «выработать механизм ранжирования права требовать исключения в зависимости от количества акций, принадлежащих истцу»⁵⁹⁴. Требование об исключении должно основываться не на соотношении долей исключаемого участника и истца по иску об исключении, а на интересе юридического лица, предварительно подтвержденном решением большинства его участников.

Так, в ситуации дедлока исключение одного из участников при наличии к тому законных оснований в большинстве случаев может являться эффективным способом защиты интересов юридического лица, поскольку после принудительного выбытия одной из конфликтующих сторон из состава участников корпоративный конфликт объективно прекращается, а препятствия нормальной деятельности общества устраняются.

Что касается специальных правовых способов разрешения конфликтов в ситуациях дедлока, то законодательство в настоящее время таковых не

⁵⁹⁴ Филиппова С. Исключение акционера из непубличного акционерного общества: комментарий новелл Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 7. С. 103–104.

знает. Поэтому оптимальным решением было бы принятие нормы, позволяющей суду по своей инициативе принимать решение о принудительной ликвидации юридического лица, если сами участники, требующие исключения друг друга из общества, не могут договориться о ликвидации или принять решение о выходе кого-либо из них из общества. Пока же в ГК РФ содержится лишь норма о возможности принудительной ликвидации юридического лица по иску учредителя (участника) в случае невозможности достижения целей, ради которых оно создано, в т.ч. в случае, если осуществление деятельности юридического лица становится невозможным или существенно затрудняется (подп. 5) п. 3 ст. 61 ГК РФ. Однако данный способ, предполагающий подачу иска о ликвидации одним из участников, в условиях конфликта интересов и ситуации «дедлока» вряд ли может применяться, т.к. в таких случаях участники по своей воле обычно не желают прекращать деятельность юридического лица, а вытеснить из него других участников⁵⁹⁵.

Отметим также, что в указанном выше деле суды всех инстанций справедливо исходили из того, что исключение участника из ООО является наиболее серьезной мерой корпоративной ответственности. В частности, в определении Верховного Суда РФ от 08.10.2014 г. указывается, что по делам об исключении участников из ООО «суд должен дать оценку степени нарушения участником своих обязанностей, степени его вины, а также установить факт такого нарушения, то есть факт совершения участником конкретных действий или уклонения от совершения предписываемых законом действий (бездействий) и факт наступления (возможности наступления) негативных для общества последствий».

В то же время рассмотренные в настоящем параграфе вопросы наглядно показывают необходимость включения в корпоративное

⁵⁹⁵ Критику нормы о возможности ликвидации юридического лица по иску его участника см. например: *Власова А.С., Удалова Н.М.* Право учредителя (участника) на ликвидацию юридического лица в судебном порядке // Закон. 2017. № 10. С. 154–165.

законодательство, и прежде всего в ГК РФ, общих положений об исключении участников из любых корпоративных организаций, в которых отношения между участниками в той или иной степени имеют лично-доверительный характер. Представляется, что такие общие положения должны исходить из следующих принципиальных подходов:

двойственная природа исключения участника из корпоративной организации: как один из видов корпоративной ответственности и как специальный способ защиты корпоративных прав не только остающихся участников, но в первую очередь самого юридического лица;

условия применения ответственности в виде исключения участника из корпоративной организации (противоправное поведение (как общее правило, с прямо предусмотренными законом исключениями), вредные последствия, причинная связь, вина или безвиновная ответственность в случаях, указанных в законе);

решение вопроса об исключении участника из юридического лица должно приниматься на общем собрании участников и подлежать последующему судебному контролю;

иск об исключении участника из юридического лица должен подаваться *в интересах юридического лица* либо участниками (косвенный иск по аналогии с исками о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу органами управления (ст. 53.1 ГК РФ), либо самим юридическим лицом на основании предварительного решения общего собрания об исключении участника;

преимущественно судебный порядок исключения участников из корпоративных организаций;

недопустимость исключения участника из корпоративной организации в тех случаях, когда даже несмотря на наличие оснований для привлечения его к данному виду корпоративной ответственности, такое исключение не устранит препятствия в нормальной деятельности юридического лица и не послужит защите интересов юридического лица, либо если одновременно

имеются основания для исключения тех участников, которые инициировали процедуру исключения.

§ 7. Ответственность участников коммерческих корпораций

Применение всех рассмотренных выше видов корпоративной ответственности можно продемонстрировать на примере ответственности участников (учредителей) коммерческих корпораций, выступающих основными субъектами корпоративных отношений. При этом корпоративная ответственность участников, являясь одной из разновидностей корпоративной ответственности, выделяемой по субъектному критерию лиц, привлекаемых к ответственности, одновременно проявляется также и в иных видах корпоративной ответственности, выделяемых по иным критериям. Поэтому специальный анализ различных видов корпоративной ответственности участников помогает еще в большей степени выявить и наглядно показать особенности корпоративной ответственности в целом, включая действие принципа ее специалитета.

Участники коммерческих корпораций как таковые могут привлекаться к различным видам юридической ответственности, как частноправовой, так и публичной. Они могут привлекаться к этим видам юридической ответственности на общих основаниях с другими субъектами гражданского оборота. Участники обязаны возмещать вред, причиненный личности или имуществу других лиц (ст. 1064 ГК РФ), а также нести ответственность за нарушение договорных обязательств (ст. 401 ГК РФ). Помимо частноправовой, участники коммерческих корпораций могут привлекаться к публично-правовой ответственности за совершенные ими административные правонарушения и преступления. Такие общие основания юридической ответственности участников коммерческих корпораций не обладают

необходимой спецификой и не относятся к гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами (корпоративной ответственности).

В то же время особенность правового статуса участников коммерческих корпораций характеризуется также их участием в корпоративных отношениях, и в связи с этим участием они могут привлекаться к специальным видам корпоративной ответственности, обусловленных совершением корпоративных правонарушений, либо «квазикорпоративной» гарантийной ответственности, не связанной с противоправным поведением участников, построенной на началах риска и носящей обеспечительный характер.

Правовой статус участников (учредителей) и собственника имущества юридического лица нуждается, на наш взгляд, в дальнейшей конкретизации с точки зрения их корпоративных обязанностей и ответственности. С одной стороны, участники могут являться лицами, имеющими фактическую возможность определять действия юридического лица, и, как иные члены органов управления, должны нести обязанность действовать при осуществлении соответствующих функций в интересах юридического лица добросовестно и разумно, а за несоблюдение этой обязанности возмещать причиненные юридическому лицу убытки (это по существу должно относиться и к собственнику имущества юридического лица). С другой стороны, участники юридического лица (и собственник имущества) являются конечными бенефициарами юридического лица, которое создается именно для того, чтобы служить достижению интересов участников. С этих позиций обязанность участников действовать в интересах юридического лица может быть поставлена под сомнение, а на первый план выходят интересы самих участников.

Именно поэтому в п. 4 ст. 65.2 ГК РФ обязанности участника корпоративной организации заключаются в том, чтобы «не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации»; «не

совершать действия (бездействия), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация», а также «участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если его участие необходимо для принятия таких решений». О необходимости действовать *в интересах* корпорации здесь вообще не упоминается, хотя определенные фидуциарные обязанности у участников перед юридическим лицом, надо полагать, имеются. Из этого, по крайней мере, исходит Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью⁵⁹⁶.

В связи с таким «двойственным» положением участников на практике могут возникнуть сложности в случаях привлечения участников к ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу. Как минимум возникнут вопросы о статусе участника (является ли он лицом, фактически определяющим действия юридического лица, или участником как таковым, или же членом такого органа управления, как общее собрание участников); о содержании корпоративных обязанностей участника (как лица, фактически определяющего действия юридического лица или как участника, а возможно – еще как члена органа управления); о форме его вины, достаточной для привлечения к ответственности (прямой умысел как у участника, или отсутствие должной заботливости и осмотрительности как у лица, фактически определяющего действия корпорации) и т.д.

В российском гражданском праве ответственность участников юридических лиц вообще и коммерческих корпораций (хозяйственных обществ и товариществ, хозяйственных партнерств) в частности обычно обсуждается в контексте их субсидиарной ответственности перед

⁵⁹⁶ Утв. Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 г. № 151.

кредиторами по обязательствам юридического лица⁵⁹⁷. Участники коммерческих корпораций могут нести ответственность перед кредиторами и солидарную ответственность (например, солидарная ответственность основного общества по сделкам, заключенным дочерним обществом во исполнение указаний основного (ст. 67.3 ГК РФ)). Также участники привлекаются к ответственности перед юридическим лицом за причиненные ему убытки наравне с членами органов управления юридического лица по статье 53.1 ГК РФ, если участник одновременно является членом органа управления или лицом, контролирующим деятельность юридического лица (контролирующий участник, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ)⁵⁹⁸. Обычный участник при этом за убытки не отвечает. В ряде случаев участники могут нести гражданско-правовую ответственность перед другими участниками юридического лица.

В целом гражданско-правовую ответственность участников коммерческих корпораций в корпоративных отношениях можно разделить на следующие виды в зависимости от того, чьи права и законные интересы нарушены, и соответственно, в чью пользу возмещаются убытки и применяются иные меры ответственности:

- 1) ответственность участников перед кредиторами коммерческих корпораций;
- 2) ответственность участников перед самими коммерческими корпорациями;
- 3) ответственность участников перед другими участниками коммерческих корпораций;

⁵⁹⁷ Подробнее см.: *Гутников О.В.* Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2018. № 1. С. 45–77.

⁵⁹⁸ Подробнее об ответственности участников как контролирующих лиц см.: *Гутников О.В.* Контролирующие лица как субъекты корпоративной ответственности // *Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М., 2017. С. 204–221.*

4) ответственность участников перед членами органов управления коммерческих корпораций.

Наибольшее распространение, как нами было показано выше, в российском законодательстве получили первые два вида корпоративной ответственности участников: перед коммерческими корпорациями и перед кредиторами. Ответственность участников перед другими участниками встречается реже, а перед членами органов управления – и вовсе практически отсутствует. Кроме того, в наиболее распространенных видах ответственности (перед юридическим лицом и перед кредиторами) речь в первую очередь идет об ответственности *контролирующих участников*⁵⁹⁹. Оснований для привлечения миноритарных участников к какому-либо виду корпоративной ответственности почти не имеется.

Такое различие неслучайно, поскольку исходя из управленческой природы корпоративных отношений в целом те участники, которые имеют больше управленческих полномочий, несут и повышенную ответственность по сравнению с миноритарными участниками. Возложение на контролирующих участников корпоративной ответственности основано на том, что через управляющее воздействие на подконтрольное юридическое лицо контролирующий участник потенциально способен причинить убытки другим участникам гражданского оборота. Поэтому контролирующий участник, осуществляя фактически управление юридическим лицом, должен отвечать за свои недобросовестные или неразумные действия, причиняющие убытки различным субъектам в связи с деятельностью подконтрольного юридического лица. В целом также возможно построение ответственности таких контролирующих участников на началах несения риска наступления негативных последствий деятельности юридического лица, который они принимают на себя в связи с участием в управлении подконтрольным юридическим лицом. Соответствующие убытки могут быть причинены как

⁵⁹⁹ О контролирующих лицах как субъектах корпоративной ответственности см. также § 3 главы 2 настоящей работы.

самому подконтрольному юридическому лицу, так и его участникам (собственнику имущества юридического лица), а также третьим лицам - кредиторам юридического лица по договорным или внедоговорным обязательствам (в том числе деликтным). В связи с этим контролирующее лицо несет *корпоративную обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах всех участников корпоративных отношений*, в том числе юридического лица, других участников, членов органов управления коммерческой корпорации, и даже кредиторов на стадии ликвидации юридического лица в условиях недостаточности имущества. В этом смысле можно сказать, что корпоративный контроль «обязывает» субъекта корпоративного управления точно так же, как собственность «обязывает» субъекта права собственности.

В отечественном гражданском праве эта корпоративная обязанность контролирующих участников до недавнего времени вообще отсутствовала. Лишь с внесением изменений в главу 4 ГК РФ в 2014 г. такая обязанность появилась в отношении лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе – в отношении контролирующих участников (п. 3 ст. 53.1). Однако в ст. 53.1 обязанность контролирующего участника действовать добросовестно и разумно установлена лишь в интересах юридического лица. Подобной обязанности в интересах других участников корпоративных отношений данная статья ГК РФ не предусматривает. Поэтому и ответственность контролирующего участника по ст. 53.1 установлена лишь в пользу юридического лица: на основании этой нормы участник возмещает убытки, причиненные исключительно корпорации. Частным случаем данной ответственности является обязанность основного общества возмещать убытки дочернему обществу по требованию участников дочернего общества (п. 3 ст. 67.3 ГК РФ), и хотя в данном пункте содержится ссылка на статью 1064 ГК РФ, данная ссылка на наш взгляд безосновательна, поскольку рассматриваемая ответственность является корпоративной (ст. 53.1 ГК РФ), а не деликтной. Аналогичным образом не

соответствует ГК РФ и развивающая п. 3 ст. 67.3 ГК РФ норма об ответственности основного акционерного общества за убытки, причиненные дочернему обществу, согласно которой устанавливается виновная ответственность за умышленное причинение убытков дочернему обществу (абз. 4 п. 3 ст. 6 Закона об акционерных обществах).

В то же время подобную корпоративную обязанность (и ответственность) контролирующего участника можно было бы устанавливать в интересах других субъектов корпоративных отношений, в том числе других участников и членов органов управления. Это можно было бы делать в тех случаях, когда возмещение убытков в пользу самой коммерческой корпорации не приведет к восстановлению нарушенных прав и интересов участников или членов органов управления. В то же время, установление подобной обязанности (и ответственности) в интересах кредиторов коммерческой корпорации подорвало бы основополагающий принцип корпоративного права – принцип отделения личности и имущества юридического лица от личности и имущества его участников, и принцип раздельной ответственности юридического лица и его участников перед кредиторами. Лишь на стадии банкротства, когда контролирующий участник осознает недостаточность имущества коммерческой корпорации для удовлетворения требований кредиторов, может быть установлена обязанность контролирующего лица действовать в том числе в интересах кредиторов, что и было учтено в недавних изменениях законодательства о банкротстве.

Например, в законодательстве о несостоятельности основанием для привлечения к ответственности любых контролирующих лиц является не только нарушение закона или причинение убытков, но и нарушение новой фидуциарной обязанности соответствующих лиц *действовать с учетом интересов кредиторов*, в частности не допускать действия (бездействие), которые могут заведомо ухудшить финансовое положение организации-должника. Эта обязанность установлена для руководителя должника и иных

его органов, а также учредителей (участников) должника, собственника имущества должника и иных контролирующих должника лиц со дня, когда они узнали или должны были узнать о признаках банкротства⁶⁰⁰.

Соответственно, придание корпоративной обязанности контролирующих участников действовать добросовестно и разумно еще более универсального характера и установление ее не только в интересах корпорации, но в отдельных случаях – и в интересах других участников, членов органов управления, а также кредиторов (на стадии банкротства) дает возможность лицам, пострадавшим от злоупотреблений контролирующего лица (в том числе участникам, кредиторам, членам органов управления), предъявлять прямые иски против контролирующего участника о возмещении причиненных убытков.

В отличие от контролирующих участников, миноритарные участники коммерческих корпораций не обладают корпоративным контролем, не несут фидуциарных обязанностей действовать добросовестно и разумно и по общему правилу не должны отвечать за убытки, причиненные другим участникам корпоративных отношений своими неразумными или недобросовестными действиями. Поэтому универсальной обязанности по возмещению убытков корпорации или другим участникам корпоративных отношений для миноритарных участников быть не должно. Миноритарные участники несут лишь универсальную обязанность не совершать умышленных действий по причинению вреда корпорации (абз. 5 п. 4 ст. 65.2 ГК РФ). В то же время, в связи с участием в корпоративных отношениях в отдельных случаях миноритарные участники могут не исполнять иные обязанности, возложенные на них корпоративным законодательством, внутренними документами юридического лица или корпоративным договором, и тем самым нарушать субъективные права и законные интересы других лиц (корпорации, других участников, кредиторов, членов органов

⁶⁰⁰ См. п. 1 ст. 30 Закона о банкротстве (в ред. Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ).

управления), в связи с чем на них законодательством, учредительными документами или корпоративным договором в каждом таком случае может быть возложена ответственность по возмещению причиненных убытков⁶⁰¹. В этом смысле должен в полной мере действовать принцип специалитета корпоративной ответственности (ответственность наступает только за те нарушения, на тех основаниях и на тех условиях, которые прямо *expressis verbis* указаны в законе)⁶⁰².

Далее применительно к отечественному правопорядку рассмотрим такие виды корпоративной ответственности, как ответственность участников коммерческих корпораций перед кредиторами, перед самим юридическим лицом, а также перед другими участниками. Корпоративная ответственность участников коммерческих корпораций перед членами органов управления в российском законодательстве не предусмотрена.

Если вести речь об ответственности участников *перед кредиторами*, то по общему правилу здесь действует принцип отделения личности и имущества юридического лица от личности и имущества его участников: участник не отвечает по обязательствам юридического лица, кроме случаев, предусмотренных ГК РФ или другим законом. Таким образом, участник несет ответственность перед кредиторами только в силу прямого указания ГК РФ или другого закона (п. 2 ст. 56 ГК РФ). Такие случаи, как указывалось выше, не всегда связаны с противоправным поведением участника и часто обусловлены установлением своеобразного «обеспечительного» обязательства участников перед кредиторами по обязательствам коммерческой корпорации («квазикорпоративная» ответственность). Такая «квазикорпоративная» ответственность устанавливается в отношении любых участников коммерческой корпорации (как контролирующих, так и

⁶⁰¹ Обязанность возместить убытки в специально оговоренных законодательством подобных случаях касается любых участников, в том числе и контролирующих.

⁶⁰² О принципе специалитета корпоративной ответственности подробнее см.: Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 48–52.

миноритарных), и призвана гарантировать интересы кредиторов при недостаточности имущества коммерческой корпорации при ее создании, наполнении уставного капитала, или в связи с особенностями организационно-правовой формы.

Например, в силу п. 3 ст. 66.2 ГК РФ участник общества вместе с независимым оценщиком в случае недостаточности имущества общества солидарно несут субсидиарную ответственность по его обязательствам в пределах суммы, на которую завышена оценка имущества, внесенного в уставный капитал⁶⁰³, в течение пяти лет с момента государственной регистрации общества или внесения в устав соответствующих изменений. Также согласно п. 4 т. 66.2 ГК РФ в случае, если в соответствии с законом допускается государственная регистрация хозяйственного общества без предварительной оплаты трех четвертей уставного капитала, участники общества несут субсидиарную ответственность по его обязательствам, возникшим до момента полной оплаты уставного капитала. При создании общества с ограниченной ответственностью и акционерного общества его учредители несут солидарную ответственность по обязательствам, связанным с его учреждением и возникшим до его государственной регистрации (п. 2 ст. 89, п. 2 ст. 98 ГК РФ).

Еще одним примером «гарантийной» ответственности перед кредиторами является ответственность полного товарища по обязательствам товарищества перед кредиторами. Так, согласно п. 1 ст. 75 ГК РФ участники полного товарищества солидарно несут субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам товарищества. При этом участник, не являющийся учредителем, отвечает наравне с другими участниками по обязательствам, возникшим до его вступления в товарищество. А участник, выбывший из товарищества, отвечает по обязательствам товарищества, возникшим до момента его выбытия, наравне с оставшимися участниками в

⁶⁰³ При оплате уставного капитала неденежными средствами.

течение двух лет со дня утверждения отчета о деятельности товарищества за год, в котором он выбыл из товарищества. Соглашение участников товарищества об ограничении или устранении такой ответственности ничтожно (п. 3 ст. 75 ГК РФ). Аналогичным образом при преобразовании товарищества в общество полный товарищ, ставший участником (акционером) общества, в течение двух лет несет субсидиарную ответственность всем своим имуществом по обязательствам, перешедшим к обществу от товарищества (п. 2 ст. 68 ГК РФ). Субсидиарную ответственность перед кредиторами несут члены производственного кооператива в размерах и порядке, которые предусмотрены законом о производственных кооперативах и уставом кооператива (п. 2 ст. 106.1 ГК РФ).

Особым случаем «гарантийной» ответственности участника перед кредиторами является ответственность основного общества по обязательствам дочернего (п. 2 ст. 67.3 ГК), рассмотренная нами выше⁶⁰⁴.

Помимо такой «квазикорпоративной» ответственности, участник коммерческой корпорации может отвечать перед кредиторами за собственные противоправные действия в рамках подлинно корпоративной ответственности. При этом противоправные действия участника, за которые наступает корпоративная ответственность, могут быть связаны:

1) с нарушением корпоративной обязанности контролирующего участника действовать добросовестно и разумно в интересах кредиторов (как указывалось выше, подобная ответственность перед кредиторами допустима только на стадии банкротства коммерческой корпорации);

2) с грубым нарушением любыми участниками (как контролирующими, так и неконтролирующими) иных корпоративных обязанностей, предусмотренных корпоративным законодательством, влекущим причинение убытков кредиторам.

⁶⁰⁴ См. § 2 настоящей главы.

При этом ответственность участников за свое противоправное поведение перед кредиторами может приобретать форму субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, либо форму прямой ответственности перед кредиторами, понесшими убытки, в том числе за вред, причиненный имущественным правам кредиторов.

Нормы об ответственности контролирующих участников перед кредиторами на стадии банкротства юридического лица содержатся в законодательстве о банкротстве⁶⁰⁵. Кроме ответственности за неправомерное поведение участников при банкротстве коммерческих корпораций, законодательство о юридических лицах в отдельных случаях предусматривает специальные составы корпоративных правонарушений, когда участники за свои неправомерные действия должны возместить убытки непосредственно кредиторам.

Например, статья 60 ГК РФ предусматривает специальные гарантии прав кредиторов реорганизуемого юридического лица, в том числе – право при определенных условиях потребовать досрочного исполнения обязательств реорганизуемого юридического лица, а при невозможности досрочного исполнения – прекращения обязательства и возмещения связанных с этим убытков. При этом в случае, если кредитору не предоставлено требуемое им исполнение, убытки не возмещены и не предложено достаточное обеспечение исполнения обязательства, то на всех лиц, имеющих фактическую или юридическую возможность определять действия реорганизованных юридических лиц, в том числе – на контролирующих участников юридического лица, возлагается солидарная ответственность по соответствующим обязательствам перед кредитором наряду с юридическими лицами, созданными в результате реорганизации, при условии, если такие лица своими действиями (бездействием) способствовали наступлению указанных последствий для кредитора (п. 3 ст.

⁶⁰⁵ Подробнее см. § 8 настоящей главы.

60 ГК РФ). Также согласно п. 4 ст. 60.1 ГК РФ лица, недобросовестно способствовавшие принятию признанного судом недействительным решения о реорганизации (к которым относятся любые участники, голосовавшие за соответствующее решение о реорганизации), обязаны солидарно возместить убытки как кредиторам, так и другим участникам, голосовавшим против решения или не принимавшим участие в голосовании. Непосредственно кредиторам⁶⁰⁶ обязаны возместить убытки, причиненные их неразумными или недобросовестными действиями при ликвидации юридического лица, члены ликвидационной комиссии (ликвидатор) (п. 2 ст. 64.1 ГК РФ). В силу положений п. 9 и 10 ст. 67.2 ГК РФ сторонами корпоративного договора или соглашения о создании хозяйственного общества, помимо его участников, могут быть также кредиторы общества или иные третьи лица. Соответственно, участники, нарушившие свои обязательства по таким договорам, обязаны будут нести непосредственно перед соответствующими кредиторами договорную ответственность в виде возмещения убытков.

Корпоративная ответственность участников *перед самими коммерческими корпорациями* в отечественном гражданском праве прежде всего связана с обязанностью возмещать корпорации убытки и в основном сводится к двум ее разновидностям:

1) ответственность контролирующих участников за убытки, причиненные корпорации неразумными или недобросовестными действиями (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, ст. 61.20 Закона о банкротстве);

2) ответственность любых участников корпорации за виновное нарушение иных корпоративных обязанностей перед корпорацией, установленных законом или учредительными документами юридического лица.

Первая разновидность указанной корпоративной ответственности (ст. 53.1 ГК РФ) по существу основана на предъявляемых законом повышенных

⁶⁰⁶ А также учредителям (участникам) ликвидированного юридического лица.

требованиях к контролирующим участникам, несущих особые фидуциарные обязанности перед корпорацией действовать в ее интересах добросовестно и разумно в силу факта управленческого контроля. Такая ответственность наступает, если будет установлено, что контролирующий участник действовал недобросовестно и неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску. Ориентиры для установления факта неразумного или недобросовестного поведения были даны судебной практикой в постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица»⁶⁰⁷.

Иногда на практике встречаются попытки применять ответственность, предусмотренную статьей 53.1 ГК РФ, к любым участникам коммерческой корпорации, голосовавшим на общем собрании за решение, повлекшее причинение корпорации убытков. Такой подход основан на том, что любые участники коммерческой корпорации (а не только контролирующие участники) являются членами высшего органа управления – общего собрания участников (акционеров), которое должно рассматриваться как коллегиальный орган юридического лица, члены которого в силу п. 2 ст. 53.1 ГК РФ также несут соответствующую ответственность. Однако такой подход в корне неверен не только потому, что формально общее собрание по смыслу ГК РФ не является коллегиальным органом управления корпорации (таким органом считается наблюдательный или иной совет, а также коллегиальный исполнительный орган (правление и т.п.) (п. 4 ст. 65.3, п. 3 ст. 53 ГК РФ), но также потому, что миноритарные участники корпорации не несут перед корпорацией фидуциарной обязанности действовать в ее интересах добросовестно и разумно, и основания применять к ним ответственность, предусмотренную пунктом 2 статьи 53.1 ГК РФ, отсутствуют.

⁶⁰⁷ Подробнее см. § 1 настоящей главы.

Поэтому по ст. 53.1 ГК РФ за упущения при управлении корпорацией могут привлекаться к ответственности лишь контролирующие участники, обладающие в силу принадлежности им контрольного пакета акций фактической возможностью определять действия юридического лица (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ). Иногда судебная практика под тем предлогом, что общее собрание не является коллегиальным органом юридического лица, отказывает в привлечении к ответственности по ст. 53.1 ГК РФ в том числе контролирующих участников⁶⁰⁸. Однако такая практика ошибочна, т.к. контролирующий участник должен привлекаться к ответственности, но не основании п. 2, а на основании п. 3 ст. 53.1 ГК РФ как лицо, осуществляющее фактический контроль.

Следует отметить, что пока в законах об отдельных видах коммерческих корпораций⁶⁰⁹ отсутствуют нормы о корпоративной ответственности лиц, фактически контролирующих юридическое лицо, а также членов любых коллегиальных органов юридического лица (п.п. 2 и 3 ст. 53.1 ГК РФ). Несмотря на то, что приоритет в этом вопросе должен отдаваться ГК РФ (абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ), тем не менее имеются определенные основания рассматривать законы об отдельных видах юридических лиц как специальные и имеющие предпочтение перед ГК РФ (п. 3 ст. 87, п. 3 ст. 96 ГК РФ). В «Дорожной карте» Правительства РФ⁶¹⁰ предполагается совершенствование механизмов привлечения к ответственности различных лиц в законах о хозяйственных обществах. Согласно п. 14 «Дорожной карты» планируется введение в Закон об акционерных обществах ответственности контролирующего лица за убытки, причиненные по его вине подконтрольному хозяйственному обществу.

⁶⁰⁸ См. об этом: *Лиханов А.С., Согбатян А.Г.* Ответственность теневого директора за причиненные корпорации убытки // Закон. 2017. № 3. С. 140.

⁶⁰⁹ См. Закон об акционерных обществах, Закон об обществах с ограниченной ответственностью.

⁶¹⁰ См. План мероприятий («дорожная карта») «Совершенствование корпоративного управления» (утв. распоряжением Правительства РФ от 25.06.2016 г. № 1315-р).

Представляется, что скорейшие разработка и принятие таких норм и приведение специальных законов в соответствие с ГК РФ⁶¹¹ придаст большую ясность в правовое регулирование отношений, связанных с привлечением к ответственности контролирующих участников хозяйственных обществ за причиненные этим обществам убытки.

Особенностью корпоративной ответственности, предусмотренной ст. 53.1 ГК РФ, является то, что требование о возмещении убытков в пользу хозяйственного общества может предъявлять как само юридическое лицо, так и его участники. В последнем случае речь идет о так называемом косвенном иске, который подается участником (учредителем) не в своих интересах, а в интересах юридического лица. Аналогичное право в силу п. 4 ст. 65.3 ГК РФ предоставлено членам коллегиальных органов управления (наблюдательного или иного совета). Кроме того, если коммерческая корпорация находится в стадии банкротства, то требование о возмещении причиненных ей контролируемыми лицами убытков могут предъявить также кредиторы корпорации (ст. 61.20 Закона о банкротстве).

ГК РФ не связывает право на предъявление участниками косвенного иска с владением ими долей определенного размера в уставном капитале хозяйственного общества. По смыслу ст. 53.1 ГК РФ таким правом обладает *любой участник (учредитель)* хозяйственного общества. Между тем, Закон об акционерных обществах (п. 5 ст. 71) предоставляет право на обращение с соответствующим иском лишь акционеру (акционерам), владеющему в совокупности не менее чем 1 процентом размещенных обыкновенных акций

⁶¹¹ Один из таких законопроектов, принятый ранее (05.10.2010 г.) в первом чтении и посвященный ответственности членов органов управления хозяйственных обществ, был 04.07.2018 г. отклонен постановлением Государственной Думы РФ в связи с тем, что с периода его разработки (2010 г.) в законодательство РФ было внесено множество изменений, в связи с чем он утратил свою актуальность (Законопроект № 394587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ»: URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/394587-5>).

общества. Такое ограничение прав акционеров противоречит ст. 53.1 ГК РФ и должно быть устранено из Закона об акционерных обществах.

Также следует учитывать, что ГК РФ в п. 2 ст. 65.2 установил требование о необходимости уведомления всех участников корпорации о подаче иска о возмещении причиненных корпорации убытков на основании ст. 53.1 ГК РФ и о возможности присоединения к такому иску. Это правило применительно к акционерным обществам конкретизируется в ст. 93.1 Закона об акционерных обществах, и пока не отражено в Законе об обществах с ограниченной ответственностью.

Помимо ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей контролирующих участников, любые участники коммерческой корпорации могут нести перед ней гражданско-правовую ответственность в виде возмещения убытков за нарушение иных корпоративных обязанностей, предусмотренных законом или учредительными документами конкретного юридического лица. Однако в отличие от общих правил деликтной или договорной ответственности, обязанность возмещать убытки за нарушение конкретных корпоративных обязанностей должна быть прямо предусмотрена в нормах ГК РФ или специальных законов о юридических лицах в силу принципа специалитета корпоративной ответственности. Поэтому условием для привлечения участника к корпоративной ответственности должно быть прямое указание в законе или в учредительном документе соответствующих корпоративных обязанностей, а также указание на обязанность возмещать убытки, причиненные нарушением конкретной обязанности. Общие положения ГК РФ об обязательствах могут применяться к требованиям, уже возникшим из корпоративных отношений (подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ), в том числе к требованию о возмещении убытков, которое прямо должно быть предусмотрено нормами корпоративного законодательства.

Участники коммерческих корпораций несут перед ними как общие корпоративные обязанности, характерные для участников любых корпоративных организаций (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ), так и обязанности,

предусмотренные для участников конкретных видов коммерческих корпораций (например, п. 2 ст. 67 ГК РФ).

Так, участник коммерческой корпорации обязан участвовать в образовании имущества корпорации (вносить вклады в уставный или складочный капитал коммерческой корпорации); не разглашать конфиденциальную информацию; участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность; не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации; не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация. Участник полного товарищества не вправе совершать без согласия других участников сделки, однородные с теми, которые составляют предмет деятельности товарищества (п. 3 ст. 73 ГК РФ).

Требование о возмещении причиненных корпорации убытков не всегда прямо предусмотрено нормами корпоративного права. Например, за нарушение обязанности не совершать конкурирующие с товариществом сделки закон предусматривает право товарищества по своему выбору потребовать от нарушителя возмещения причиненных товариществу убытков либо передачи товариществу всей приобретенной по таким сделкам выгоды (абз. 2 п. 3 ст. 73 ГК РФ). Участник полного товарищества, не исполнивший обязанность по внесению вклада в складочный капитал товарищества, обязан уплатить товариществу десять процентов годовых с невнесенной части вклада и возместить причиненные товариществу убытки, если иные последствия не предусмотрены учредительным договором (п. 2 ст. 73 ГК РФ).

Если же право на предъявление требований о возмещении убытков закон не предусматривает в качестве последствия нарушения конкретной корпоративной обязанности, то оснований для применения соответствующей меры ответственности в виде возмещения убытков не имеется. Например, за неисполнение обязанности по оплате доли в уставном капитале общества с

ограниченной ответственностью предусмотрено специальное последствие в виде перехода такой доли (ее соответствующей части) к обществу. Также договором об учреждении общества может быть предусмотрена уплата неустойки (п. 3 ст. 16 Закона об обществах с ограниченной ответственностью). Аналогичные последствия неоплаты акций предусмотрены абз. 4 п. 1 ст. 34 Закона об акционерных обществах. Такого последствия, как взыскание убытков, законы о хозяйственных обществах в данном случае не предусматривают. Общество не может потребовать от участника внести суммы просроченной оплаты или возместить соответствующие убытки⁶¹².

Еще одним примером прямо предусмотренной законом возможности требовать в пользу общества причиненных акционером убытков является ответственность заинтересованного лица. В соответствии с п. 2 ст. 84 Закона об акционерных обществах лицо, заинтересованное в совершении обществом сделки (в том числе участник акционерного общества) по иску общества или его акционера несет перед обществом ответственность в размере убытков, причиненных им обществу, независимо от того, была ли признана соответствующая сделка недействительной. В случае, если ответственность несут несколько лиц, их ответственность перед обществом является солидарной.

Помимо ответственности в виде возмещения убытков, участники коммерческих корпораций за нарушение своих корпоративных обязанностей могут быть исключены из товарищества или хозяйственного общества (кроме участников публичных акционерных обществ). Как указывалось выше⁶¹³, правовая природа исключения участника из юридического лица остается

⁶¹² См. например: Определение ВАС РФ от 19.04.2011 г. № ВАС-4329/11 по делу № А46-2352/2010.

⁶¹³ См. § 6 настоящей главы.

спорной⁶¹⁴, она в том числе может рассматриваться и как способ защиты корпоративных прав других участников и самой коммерческой корпорации, и как мера ответственности исключаемого участника как перед корпорацией, так и перед другими участниками.

Еще менее в отечественном праве развиты положения об ответственности участников коммерческих корпораций *перед другими участниками*. Случаи, когда закон предусматривает возможность одних участников требовать возмещения в свою пользу убытков, причиненных другими участниками, крайне редки. Хотя практическая потребность в таких нормах существует, поскольку не всегда возмещение убытков в пользу корпорации способно защитить права и законные интересы участников.

Например, в литературе справедливо отмечается, что в случаях, когда контролирующие корпорацию лица (в том числе директора, контролирующие участники и т.д.) злоупотребляют своей корпоративной властью и причиняют корпорации убытки, косвенный иск других участников о возмещении этих убытков в пользу корпорации не всегда бывает эффективен: поступившие в пользу корпорации средства фактически снова оказываются в распоряжении недобросовестных директоров или контролирующих участников, которые впоследствии могут вывести эти активы на подконтрольных им лиц или реорганизовать компанию, уменьшив размер долей всех участников, а миноритарные участники лишены возможности восстановить свое имущественное положение и потребовать возмещения убытков от мажоритариев, или принятия компанией решения о выплате дивидендов⁶¹⁵. Более того, у корпорации может вообще не

⁶¹⁴ См. например: *Кузнецов А.А.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М. 2014; *Кузнецова Л.В.* Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: практика применения действующего законодательства. М. 2008; *Гутников О.В.* Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия. 2015. № 2. С. 102–127.

⁶¹⁵ См. например: *Бойко Т.С.* Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. 2017. № 3. С. 116–136.

возникнуть убытков в связи с недобросовестным поведением контролирующих участников, например, в случае принятия решения о невыплате дивидендов, в результате которого убытки в виде лишения дивидендов возникают не у корпорации, а у ее участников. В таких случаях, как справедливо полагают некоторые авторы, необходимо ставить вопрос о введении в отечественное корпоративное законодательство в качестве общего правила института ответственности участника перед другим участником, известное многим зарубежным правовым порядкам⁶¹⁶.

Причины, по которым прямые иски о возмещении убытков одних участников другим не получили широкого распространения, связаны, во-первых, с особенностью правовой природы корпоративной ответственности, а во-вторых, с отрицанием существования корпоративных фидуциарных обязанностей одних участников перед другими. Правовая природа корпоративной ответственности предопределяет принцип ее специалитета, в силу которого ответственность не подлежит применению в случаях, когда такая возможность прямо не предусмотрена законом. Данный принцип поддерживается и отечественной судебной практикой⁶¹⁷. Взыскание убытков на основании ст. 1064 ГК РФ, как отмечалось выше, при этом не может иметь места, поскольку деликтное обязательство возникает в силу самого факта причинения вреда между лицами, не состоящими между собой в каких-либо относительных правоотношениях, в то время как корпоративная ответственность основана на нарушении корпоративных обязанностей лицами, между которыми имеется относительная правовая связь. Кроме того,

⁶¹⁶ См. например: *Степанов Д.И.* Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? // *Корпоративный юрист.* 2008. № 11. С. 8–23; *Глазунов А.Ю.* Право на получение дивидендов: экономический анализ и правовое регулирование // *Закон.* 2017. № 7. С. 172.

⁶¹⁷ См., напр.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 05.12.2016 г. № 305-ЭС16-10038; постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.10.2015 г. № Ф05-6465/2014 по делу № А40-75714/13-134-707.

специальные нормы корпоративного законодательства имеют приоритет перед общими нормами о деликтах.

Также в литературе по акционерному праву давно можно встретить суждения, согласно которым между акционерами вообще не возникает никаких правовых отношений, поэтому один участник не может отвечать перед другим участником. Среди обязанностей участников корпорации нет обязанности не причинять вред другим участникам, а есть лишь обязанность не совершать действий, заведомо направленных на причинение вреда самой корпорации. Все иные обязанности участников также относятся к самой корпорации, но не к другим участникам (участник обязан участвовать в образовании имущества корпорации, не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности корпорации, участвовать в принятии корпоративных решений, без которых корпорация не может продолжать свою деятельность в соответствии с законом, если его участие необходимо для принятия таких решений, не совершать действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация). Нарушение этих обязанностей, как было показано выше, влечет ответственность перед самой корпорацией в виде возмещения убытков (ст. 53.1 ГК РФ), или в виде исключения участника из товарищества или непубличного хозяйственного общества. Другие участники, если и терпят ущерб от действий контролирующего участника, то этот ущерб является производным («отраженным») от ущерба, который причиняется самой корпорации и тем самым – опосредованно всем участникам. В таких условиях предоставление возможности одному из участников подавать прямой иск против другого участника нарушает права как самой корпорации, так и других участников, а также кредиторов корпорации, которые в результате удовлетворения такого иска лишаются возможности удовлетворять свои требования за счет имущества, взысканного в пользу одного из участников. Лишь в очень редких случаях можно доказать, что ущерб в первую очередь причинен конкретному участнику, а не

корпорации и не всем участникам. Тогда появляются основания для предоставления возможности подачи прямого иска в пользу конкретного участника, однако такие случаи, как правило, вполне укладываются в концепцию общей деликтной ответственности, и не имеют отношения к ответственности корпоративной.

Вместе с тем ряд исследователей признают, что между участниками коммерческих корпораций существуют корпоративные отношения, в том числе взаимные фидуциарные обязанности друг перед другом. Особенно это касается непубличных корпораций. Степень интенсивности таких обязанностей объективно меньше, чем фидуциарные обязанности (и ответственность) контролирующих участников перед корпорацией, но тем не менее такие обязанности существуют. При этом контролирующие участники в большей степени несут фидуциарные обязанности перед миноритарными участниками, чем миноритарные участники перед мажоритарными⁶¹⁸, однако соответствующие обязанности несут и те, и другие. Соответственно, должна существовать и ответственность одних участников перед другими по прямому иску за нарушение соответствующих обязанностей в тех случаях, когда убытки от неправомерных действий других участников терпит прежде всего не сама корпорация, а непосредственно участник или несколько конкретных участников, которые могут предъявить прямой групповой иск⁶¹⁹.

⁶¹⁸ См.: Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М. 2014. С. 34–40.

⁶¹⁹ См.: Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. 2017. № 3. С. 116–136; Она же. Права миноритариев были нарушены. Как прямое возмещение поможет эффективно защитить их интересы // Арбитражная практика. 2016. № 10. С. 102–111; Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях (глава 4) // Юридические лица в российском гражданском праве: Монография: В 3 т. / Отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М. 2015. Т. 1: Общие положения о юридических лицах. С. 280; Степанов Д.И. Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? // Корпоративный юрист. 2008. № 11. С. 21; Он же. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 10. С. 63–65.

Соответственно, все случаи корпоративной ответственности одних участников юридического лица перед другими можно разделить на две разновидности:

- 1) ответственность в виде возмещения убытков за нарушение фидуциарных обязанностей одних участников перед другими;
- 2) ответственность в виде возмещения убытков или применения иных санкций за нарушение иных корпоративных обязанностей участников перед друг другом, предусмотренных корпоративным законодательством.

Обе разновидности корпоративной ответственности участников характеризуются тем, что к ним строго должен применяться принцип специалитета: ответственность должна быть прямо предусмотрена законодательством. В противном случае произвольное универсальное применение прямых исков в пользу участников, а не компании, способно причинить ущерб как самой компании, так и другим участникам и кредиторам компании, лишаящимся возможности искать за счет того имущества, которое уходит на удовлетворение требований конкретных участников.

В настоящее время в российском корпоративном законодательстве предусмотрен ряд случаев, когда одни участники юридического лица несут ответственность перед другими участниками. Все они касаются второй из указанных разновидностей корпоративной ответственности участников друг перед другом. Ответственности за нарушение фидуциарных обязанностей участников отечественное право пока не знает, поскольку не признает существование самих этих обязанностей. В то же время, некоторые случаи, касающиеся ответственности мажоритарных участников за нарушение их фидуциарных обязанностей перед миноритариями, следовало бы предусмотреть, т.к. они являются контролирующими лицами и должны нести соответствующие фидуциарные обязанности, отвечая за их нарушение непосредственно перед другими участниками. С другой стороны, миноритарные участники также не должны злоупотреблять своими правами

и могут отвечать перед мажоритарными участниками за причиненные им убытки своими недобросовестными действиями. В законодательстве можно было бы предусмотреть конкретные основания и меры такой ответственности.

Что касается второй разновидности ответственности участников друг перед другом (за нарушение иных корпоративных обязанностей), то она крайне незначительно, но присутствует в отечественном праве. Например, согласно п. 4 ст. 60.1 ГК РФ лица, недобросовестно способствовавшие принятию признанного судом недействительным решения о реорганизации, обязаны солидарно возместить убытки участнику реорганизованного юридического лица, голосовавшему против принятия решения о реорганизации или не принимавшему участия в голосовании, а также кредиторам реорганизованного юридического лица. Если решение о реорганизации принималось коллегиальным органом, солидарная ответственность возлагается на членов этого органа, голосовавших за принятие соответствующего решения. Данная ответственность может применяться как к участникам, так и к членам органов управления (например, к членам совета директоров, правления и т.д.).

Перед участниками юридического лица или кредиторами могут отвечать и члены ликвидационной комиссии, в том числе одновременно являющиеся участником юридического лица. Согласно п. 2 ст. 64.1 ГК РФ члены ликвидационной комиссии (ликвидатор) по требованию учредителей (участников) ликвидированного юридического лица или по требованию его кредиторов обязаны возместить убытки, причиненные ими учредителям (участникам) ликвидированного юридического лица или его кредиторам, в порядке и по основаниям, которые предусмотрены ст. 53.1 ГК РФ.

Ответственность одних участников коммерческой корпорации перед другими наступает за неправомерные действия, которые привели к утрате доли участия. Согласно п. 3 ст. 65.2 ГК РФ участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных

действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом, а также возмещения убытков за счет лиц, виновных в утрате доли. При этом суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц прав участия или повлечет крайне негативные социальные и другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом.

Согласно п. 4 ст. 67.2 ГК РФ участники хозяйственного общества, заключившие корпоративный договор, обязаны уведомить общество о факте заключения такого договора. В случае неисполнения данной обязанности другие участники, не являющиеся сторонами корпоративного договора, вправе требовать возмещения причиненных им убытков. Аналогичная норма предусмотрена в п. 4.1 ст. 32.1 Закона об акционерных обществах.

Отдельно следует указать на возможность привлечения одних участников к ответственности перед другими участниками в случае несоответствия добровольного или обязательного предложения либо договора о приобретении ценных бумаг, заключенного на основании такого предложения, требованиям главы XI.1 Закона об акционерных обществах (п. 6 ст. 84.3 Закона об акционерных обществах): прежний владелец ценных бумаг вправе требовать от лица, направившего соответствующее предложение⁶²⁰, возмещения причиненных этим убытков. В этой же главе Закона об акционерных обществах содержится еще один случай, допускающий взыскание убытков одним акционером с другого: при принудительном выкупе ценных бумаг у акционера по требованию лица, которое приобрело более 95 процентов акций публичного общества,

⁶²⁰ Каковым может быть в том числе акционер общества, имеющий намерение приобрести крупный пакет акций у других участников.

акционер, не согласившийся с ценой выкупаемых ценных бумаг, вправе обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных в связи с ненадлежащим определением цены выкупаемых ценных бумаг (п. 4 ст. 84.8 Закона об акционерных обществах).

Практическое значение применения специалитета корпоративной ответственности можно наблюдать на примере ответственности за нарушение обязанности направить обязательное предложение в акционерном праве.

Возникает вопрос, может ли один акционер требовать возмещения убытков от другого акционера, который вообще не исполнил обязанность по направлению обязательного предложения?

Для определения юридической возможности в соответствии с нормами корпоративного права взыскания убытков, причиненных акционерам публичного общества лицом, не исполнившим обязанность по направлению в публичное общество обязательного предложения, необходимо прежде всего исходить из правовой природы возникающих между соответствующими субъектами отношений, характера правонарушения и установленных законом последствий неправомерного поведения лица, несущего обязанность по направлению обязательного предложения.

Обязанность по направлению обязательного предложения возложена на акционера, который приобрел более 30 % голосующих акций публичного акционерного общества (п. 1 ст. 84.2 главы XI.1 Закона об акционерных обществах).

Существо соответствующих процедур состоит в том, что сначала лицу, имеющему намерение приобрести более 30 % голосующих акций акционерного общества, предоставляется право сделать так называемое добровольное предложение остальным акционерам общества о приобретении акций публичного общества (п. 1 ст. 84.1 Закона об акционерных обществах). В случае если контролирующее лицо уже приобрело более 30 % акций, то оно должно направить обязательное предложение о покупке акций в течение

35 дней с момента приобретения такого контролирующего пакета или с момента, когда оно узнало или должно было узнать о приобретении контроля (п. 1 ст. 84.2 Закона об акционерных обществах). Эта обязанность также возникает при преодолении контролирующим акционером 50- и 75-процентного барьера владения приобретаемыми акциями (п. 7 ст. 84.2 Закона об акционерных обществах).

Закон устанавливает обязанность направления всех предложений о приобретении акций исключительно через публичное акционерное общество, а на совет директоров общества возлагает обязанность по доведению информации о поступивших предложениях до акционеров. При этом в процедурах добровольного или обязательного предложения акционеры, получившие такие предложения, не обязаны продавать соответствующие акции, а имеют право акцептовать или не акцептовать соответствующую оферту. Наконец, при превышении порогового значения в 95 % голосующих акций вступает в действие механизм «вытеснения», когда контролирующий акционер вправе в принудительном порядке выкупить оставшиеся акции у акционеров, а акционеры, в свою очередь, получают право в таком же принудительном порядке требовать выкупа у них оставшихся акций контролирующим акционером (ст. 84.8, 84.7 Закона об акционерных обществах соответственно).

Если договор на приобретение ценных бумаг, заключаемый на основании обязательного предложения, не соответствует условиям предложения, то прежний владелец ценных бумаг вправе требовать от лица, направившего предложение, возмещения причиненных *этим* (т.е. несоответствием договора условиям обязательного предложения) убытков, т.е. уплатить разницу между ценой обязательного предложения и ценой, по которой акции были фактически приобретены (п. 6 ст. 84.3 Закона об акционерных обществах).

Необходимо учитывать, что конституционный смысл императивной нормы о направлении обязательного предложения заключается в

обеспечении защиты прав миноритарных акционеров путем предоставления им возможности возратить сделанные им инвестиции посредством продажи акций по справедливой цене *в условиях, когда в акционерном обществе происходит нарастание возможностей корпоративного контроля*⁶²¹.

В связи с этим меры ответственности, установленные Законом за нарушение процедур добровольного или обязательного предложений, установлены лишь для случаев, когда такие предложения *направлены* в публичное акционерное общество. Если же контролирующий акционер не направил предложение (добровольное или обязательное) в акционерное общество и не осуществляет последующее приобретение акций у акционеров в течение срока действия предложения с нарушением условий предложения, то гражданско-правовые меры ответственности в виде возмещения убытков на этот случай Законом об акционерных обществах не предусмотрены.

Поэтому, если мажоритарный акционер не направил обязательного предложения, а миноритарный акционер продал свои акции третьему лицу по цене ниже, чем цена предполагаемого обязательного предложения, в данном случае такой миноритарий самостоятельно, своей волей, на свой риск и в своих интересах осуществляет право собственности на принадлежащие ему акции и не может считаться понесшим какие-либо убытки из-за ненаправления обязательного предложения. Продажа миноритарным акционером своих акций третьим лицам не может подтверждать нарушение контролирующим акционером порядка приобретения акций, поскольку он такого приобретения у данных акционеров вообще не осуществлял.

Иной подход привел бы к возможности злоупотреблений и неосновательного обогащения акционеров, которые, воспользовавшись фактом ненаправления обязательного предложения, могли бы реализовать свои акции третьим лицам в любой момент времени по любым ценам, в том

⁶²¹См.: Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2010 г. № 929-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Атлант-Эстейт» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 84.2 Федерального закона «Об акционерных обществах».

числе соответствующим рыночным, впоследствии требуя от контролирующего акционера возместить разницу даже несмотря на то, что в момент реализации ими акций цена приобретения не была занижена по сравнению с рынком.

Следует также отметить, что нормами корпоративного права не предусмотрена возможность взыскания убытков с акционеров, не направивших обязательное предложение, в связи с продажей миноритарными акционерами своих акций по заниженной цене или утратой стоимости акций по сравнению с ценой предполагаемого обязательного предложения. Сам факт такой продажи является обычным последствием риска утраты стоимости акций, который лежит на любом акционере (п. 1 ст. 96 ГК РФ).

Общие нормы договорного или деликтного права также не могут являться основанием для взыскания соответствующих убытков.

Так как между контролирующим акционером и другими акционерами не существует договорных отношений, то невозможно и применение договорной ответственности. Обязанность направить обязательное предложение является не обязательством, нарушение которого влечет право требовать возмещения убытков (ст. 393 ГК РФ), а публично-правовой корпоративной обязанностью мажоритарного акционера.

Применение деликтной ответственности (ст. 1064 ГК РФ) также не может иметь места, так как сам факт нарушения закона (ненаправление обязательного предложения) не является основанием деликтной ответственности. Ненаправление обязательного предложения не причиняет никакого вреда имуществу миноритарного акционера.

Таким образом, положения главы XI.1 Закона об акционерных обществах не устанавливают ответственность в виде возмещения убытков за нарушение самой обязанности направить обязательное предложение. Меры ответственности установлены лишь для случаев, когда такие предложения направлены в публичное акционерное общество. Если же контролирующий акционер не направил предложение (добровольное или обязательное) в

акционерное общество и не осуществляет последующее приобретение акций у акционеров в течение срока действия предложения с нарушением условий предложения, то гражданско-правовые меры ответственности в виде возмещения убытков на этот случай Законом об акционерных обществах не предусмотрены. Норм, позволяющих другим акционерам взыскать убытки с лица, не направившего обязательное предложение, Закон не предусматривает.

Сказанное выше, впрочем, не исключает возможности применения к лицу, нарушившему обязанность сделать обязательное предложение, иных санкций, установленных нормами корпоративного или административного права: ограничение права голоса приобретателя при голосовании на общем собрании (п. 6 ст. 84.2 Закона об акционерных обществах) и привлечение приобретателя к административной ответственности за нарушение правил о направлении обязательного предложения (ст. 15.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ)).

Так, в пункте 6 ст. 84.2 Закона об акционерных обществах установлено, что с момента приобретения более 30 % общего количества акций публичного общества и до даты направления в публичное общество обязательного предложения приобретатель и его аффилированные лица имеют право голоса только по акциям, составляющим 30 % таких акций. При этом остальные акции, принадлежащие этому лицу и его аффилированным лицам, голосующими акциями не считаются и при определении кворума не учитываются.

Тем самым в условиях отсутствия обязательного предложения наращивания корпоративного контроля в силу закона не происходит, следовательно, не может быть и речи о нарушении каких-либо прав миноритарных акционеров и взыскания убытков на основании ст. 15 ГК РФ.

Согласно ст. 15.28 КоАП РФ любое нарушение лицом, которое приобрело более 30 % акций публичного акционерного общества, правил их приобретения, влечет наложение административного штрафа на граждан в

размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц - от пяти до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц - от пятидесяти до пятисот тысяч рублей. Ненаправление обязательного предложения подпадает под действие данной административно-правовой санкции.

Поэтому несмотря на то, что гражданско-правовая ответственность в виде возмещения убытков за ненаправление обязательного предложения корпоративным законодательством не предусмотрена, за соответствующее правонарушение лицо несет корпоративную гражданско-правовую ответственность в виде ограничения права голоса, а также может быть привлечено к административной ответственности в виде значительных штрафов⁶²². Ограничение права голоса блокирует те негативные для миноритарных акционеров правовые последствия, которые связаны с наращиванием корпоративного контроля: такого наращивания просто не происходит и тем самым никаких субъективных прав миноритарных акционеров не нарушается.

Иных мер ответственности, в том числе в виде возмещения убытков, законодательство не предусматривает, что признается и в соответствующих специальных исследованиях, в которых все меры гражданско-правовой ответственности за соответствующие нарушения исчерпываются исключительно ограничениями права голоса⁶²³.

В актах российской судебной-арбитражной практики уже было четко и правильно обращено внимание на то, что само по себе ненаправление ответчиком обязательного предложения каких-либо корпоративных прав истца не нарушает, поскольку установленное законом ограничение на осуществление права голоса акционером-приобретателем 30%-го пакета акций непосредственно стабилизирует сложившееся в условиях такого

⁶²² См.: Глушецкий А.А. Степанов Д.И. «Вытеснение» и «поглощение»: практический комментарий к новой главе акционерного закона. М., 2006. С. 49.

⁶²³ См. например: Глушецкий А. Ответственность за неисполнение обязанности направить публичную оферту о приобретении ценных бумаг акционерного общества // Хозяйство и право. 2009. № 6. С. 73–80.

приобретения состояние корпоративного контроля в публичном акционерном обществе, точно также как и требования остальных акционеров о выкупе акций по соответствующей цене не могут быть отнесены к мерам восстановления какого-либо нарушенного права истца⁶²⁴. Тем самым п. 2, б ст. 84.2. Закона об акционерных обществах устанавливают ясные и не нуждающиеся в расширительном толковании правила правового регулирования на случай ненаправления обязательного предложения приобретателем 30 % и более акций публичного общества акционерам-владельцам остальных акций о выкупе принадлежащих им акций. Каких-либо иных последствий ненаправления обязательного предложения, в том числе наделения миноритариев правом требования направить обязательное предложение или выкупить у них акции на определенных условиях, закон не устанавливает, что подтверждается и имеющейся арбитражной практикой.

Так, в одном из дел суд указал: *«иных последствий неисполнения обязанности, закрепленной в пункте 1 статьи 84.2 названного Закона, в том числе возможности предъявления акционером требования об обязанности ответчика направить обязательное предложение либо выкупить принадлежащие истцу акции на определенных условиях, действующее законодательство не предусматривает.*

Императивно установленное законом ограничение количества акций, которыми уклоняющееся от направления обязательного предложения лицо и его аффилированные лица вправе голосовать до даты направления такого обязательного предложения, непосредственно направлено на защиту прав миноритарных акционеров.

В связи с этим, само по себе не направление ответчиком обязательного предложения, каких-либо корпоративных прав истца не нарушает, т.к. установленное законом ограничение непосредственно сохраняет имеющийся статус-кво, в связи с чем, требование истца об

⁶²⁴Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.07.2015 г. № Ф05-5482/2015 по делу № А40-60292/14.

обязании ответчика направить обязательное предложение равно как и требование о выкупе акций по соответствующей цене не могут быть отнесены к способам, восстанавливающим какое-либо нарушенное право истца.

Кроме того, миноритарный акционер вправе самостоятельно в любое время распорядиться принадлежащими ему акциями»⁶²⁵.

Аналогичные выводы сделаны и в другом деле, в том числе подтверждены Верховным Судом Российской Федерации⁶²⁶.

Таким образом, цели института обязательного предложения в полной мере реализуются за счет ограничения корпоративного контроля до направления обязательного предложения, в связи с чем до направления обязательного предложения наращивания корпоративного контроля не происходит, и субъективные права других акционеров не нарушаются. При таких обстоятельствах у акционеров – адресатов обязательного предложения не возникает права на возмещение убытков как в материальном, так и в процессуальном смысле.

К сожалению, не всегда такой подход получает поддержку в судебной практике. В частности, имеются случаи, когда суды признают возможность взыскания убытков с лица, не направившего обязательное предложение, в пользу акционеров, продавших свои акции третьим лицам по цене, заниженной по сравнению с предполагаемой ценой обязательного предложения⁶²⁷.

⁶²⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.08.2014 г. по делу № А40-97919/13.

⁶²⁶ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.04.2015 г. № 09АП-13882/2015 по делу № А40-147287/14. См также решение Арбитражного суда г. Москвы от 11.02.2015 г. по делу № А40-147287/14; постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.10.2015 г. по делу № № А40-147287/14; Определение Верховного Суда РФ от 04.02.2016 г. № 305-ЭС15-18649 по делу № А40-147287/2014.

⁶²⁷ См. например: решение Арбитражного суда Иркутской области от 27.02.2017 г. по делу № А19-17165/2016; постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 22.05.2017 г. по делу № А19-17165/2016; постановление Арбитражного суда

При этом в обоснование своей позиции суды по существу исходят из абстрактных рассуждений о необходимости соблюдения баланса интересов всех участников акционерных правоотношений и универсальности такого способа защиты гражданских прав, как возмещение убытков, который применяется во всех случаях неисполнения обязательств и нарушения субъективных гражданских прав. В то же время, какое субъективное гражданское право нарушается при неисполнении установленной корпоративным законом обязанности направить обязательное предложение, остается за рамками мотивировочной части соответствующих судебных постановлений.

Подобное игнорирование в правоприменительной практике отсутствия специальных законных оснований для применения норм о взыскании убытков в рассматриваемой ситуации создаст риск искажения смысла гражданско-правовой ответственности и назначения защиты нарушенных гражданских прав, поскольку признание за акционерами права на взыскание убытков до направления обязательного предложения создаст достаточные условия для привлечения лица, не направившего обязательное предложение, к неограниченной финансовой ответственности.

Допущение произвольной и ничем не ограниченной возможности взыскания убытков в случае отчуждения акций по сделке с третьим лицом в условиях свободного рыночного формирования цены отчуждения акций по иску миноритарного акционера к мажоритарному нарушает принцип равенства в осуществлении корпоративных прав и создает заведомо неосновательные экономические выгоды и преимущества у миноритарных акционеров за счет мажоритарных, что само по себе нарушает баланс прав и законных интересов в структуре управления и капитала акционерного общества.

Кроме того, при такой ситуации именно на мажоритарного акционера, не направившего обязательное предложение и не участвовавшего в сделке по отчуждению акций, будет возложен риск от действий не связанных с ним самостоятельных лиц, реализовавших свой собственный интерес в сделке по купле-продаже акций, что не может считаться соответствующим принципам и началам гражданского законодательства, закрепленным в ст. 1 ГК РФ.

Необходимо отметить, что цели и назначение института обязательного предложения состоят сугубо в правовой охране корпоративных прав и интересов миноритарных акционеров публичного акционерного общества, представляя собой проявление системы сдержек и противовесов в корпоративном праве. Корпоративной обязанности направления обязательного предложения корреспондирует право акционеров публичного акционерного общества на заключение договора об отчуждении принадлежащих им акций по справедливой и адекватной цене, складывающейся в условиях свободного рынка на момент предложения.

Данные обстоятельства позволяют утверждать, что правопритязание акционеров публичного акционерного общества на возмещение убытков по правилам п. 6 ст. 84 Закона об акционерных обществах может возникнуть только в случае направления обязательного предложения и заключения сделки миноритарием именно с мажоритарным акционером, направившим обязательное предложение, а не с любым третьим лицом – приобретателем этих акций, и только в той части, в которой права акционеров публичного общества оказываются нарушенными в связи с получением неадекватной и несправедливой цены в сравнении с требованиями закона или с условиями обязательного предложения. Данные обстоятельства сами по себе свидетельствуют об особом предмете доказывания и методике расчетов соответствующих убытков.

Таким образом, рассмотрение вопросов корпоративной ответственности участников коммерческих корпораций приводит к следующим выводам:

1. В отечественном гражданском праве отсутствуют общие нормы об ответственности контролирующих участников коммерческой корпорации перед другими участниками или членами органов управления за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно. Подобную корпоративную ответственность в отношении контролирующих участников можно было бы установить в виде возможности предъявления прямого иска в интересах других участников или членов органов управления в тех случаях, когда возмещение убытков в пользу самой коммерческой корпорации не приведет к восстановлению нарушенных прав и интересов иных участников или членов органов управления при условии, если это не нарушит интересы кредиторов юридического лица.

2. Миноритарные участники коммерческих корпораций не должны нести общую фидуциарную обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах других участников или членов органов управления и, соответственно, не могут отвечать за нарушение такой обязанности. В то же время в отдельных случаях миноритарные (а также контролирующие) участники могут нарушать субъективные права и законные интересы других лиц (корпорации, других участников, кредиторов, членов органов управления), в связи с чем на них законодательством в каждом таком случае может быть возложена ответственность по возмещению причиненных убытков (принцип специалитета корпоративной ответственности).

3. Корпоративная ответственность контролирующего участника перед кредиторами коммерческой корпорации может иметь место лишь на стадии ее банкротства. В условиях достаточности имущества коммерческой корпорации ее участники по общему правилу не должны нести обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах кредиторов и отвечать за нарушение этой обязанности. Ответственность участников коммерческих корпораций перед кредиторами за причинение убытков в результате их противоправного поведения может наступать лишь за нарушения, прямо указанные в законе.

4. Специальные законы о хозяйственных обществах необходимо привести в соответствие с ГК РФ в части норм о корпоративной ответственности контролирующих участников за убытки, причиненные коммерческой корпорации: ввести нормы об ответственности лица, фактически контролирующего корпорацию, за убытки, причиненные по его вине подконтрольному хозяйственному обществу (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ); устранить несоответствие п. 5 ст. 71 Закона об акционерных обществах ст. 53.1 ГК РФ в отношении ограничения права акционеров предъявить иск о возмещении убытков условием о необходимости владения в совокупности не менее чем 1% размещенных обыкновенных акций общества.

§ 8. Ответственность контролирующих лиц в законодательстве о несостоятельности (банкротстве)

Проблематика юридической ответственности при банкротстве является одной из наиболее актуальных в российском гражданском праве. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁶²⁸ является прокредиторским, поскольку право принятия всех ключевых решений в деле о банкротстве принадлежит собранию кредиторов. Это заставляет должников предпринимать усилия по минимизации негативных последствий введения банкротных процедур, в том числе путем распространения различных недобросовестных практик создания искусственной задолженности с аффилированными кредиторами, вывода активов в ущерб интересам реальных кредиторов. В результате фактическим итогом формальных процедур банкротства в большинстве случаев является распределение основной массы имущества в пользу конечных бенефициаров

⁶²⁸ СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190 (с последующими изменениями).

должника, в то время как кредиторы получают ничтожные остатки этого имущества из конкурсной массы. При этом количество дел о несостоятельности из года в год увеличивается⁶²⁹, что свидетельствует о выгоде банкротства для должников и тех, кто является их фактическими выгодоприобретателями.

Для защиты интересов кредиторов должника, в том числе интересов государства, являющегося кредитором по обязательным платежам в бюджет, в Закон о банкротстве были введены нормы об ответственности иных, помимо должника, лиц. Эта ответственность в первую очередь призвана восполнить недостаток имущества самого должника в случае неисполнения им любых обязательств независимо от их правовой природы (гражданской, трудовой, публично-правовой).

Нормы об ответственности в деле о банкротстве ранее были предусмотрены статьей 10 Закона о банкротстве («Ответственность должника и иных лиц в деле о банкротстве»)⁶³⁰, однако Федеральным законом от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ данная статья была признана утратившей силу с 30 июля 2017 г., а вместо нее введена новая глава III.2 «Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве», включающая 13 довольно объемных статей (ст. 61.10 – 61.22).

Это уже четвертая масштабная реформа об ответственности в деле о банкротстве после реформ 2009⁶³¹, 2013⁶³² и 2016⁶³³ годов, что само по себе

⁶²⁹ Так, по данным официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2014 г. арбитражными судами в Российской Федерации принято к производству 35 583 дел о банкротстве, в 2015 г. – 41 040 дел, в 2016 г. – 58 653 дела (URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79/>)

⁶³⁰ Помимо этого, существуют также нормы, устанавливающие особенности соответствующих видов ответственности применительно к отдельным категориям должников (страховые организации, негосударственные пенсионные фонды, кредитные кооперативы, кредитные организации (ст. 184.13, 187.12, 189.6, 189.23 Закона о банкротстве)).

⁶³¹ См.: Федеральный закон от 28.04.2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 18 (ч. I). Ст. 2153 (Закон установил, что иски о субсидиарной ответственности можно предъявлять исключительно в деле о банкротстве, а также ввел понятие контролирующего лица).

говорит, с одной стороны, о повышенном внимании государства к данной проблематике, а с другой – о существенных недостатках выбранной модели правового регулирования, в том числе носящих концептуальный характер.

Сразу после принятия ст. 10 Закона о банкротстве практика ее применения была единичной, что было вызвано как юридико-техническим несовершенством самих норм, так и неясностью соотношения, а порой и смешением в ней различных видов ответственности. Данная статья по существу предусматривала четыре группы норм, регулирующих привлечение к различным видам ответственности:

- общие нормы об ответственности за убытки, причиненные нарушением Закона о банкротстве (п. 1);
- нормы о субсидиарной ответственности перед кредиторами за неподачу должником заявления о банкротстве (п. 2);
- нормы о субсидиарной ответственности перед кредиторами за доведение до банкротства (п. 4);
- нормы об ответственности перед должником за убытки, причиненные учредителями или органами управления должника (п. 5).

⁶³² См.: Федеральный закон от 28.06.2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» // СЗ РФ. 2013. № 26. Ст. 3207 (Закон установил презумпцию вины контролирующего лица в доведении должника до банкротства).

⁶³³ См.: Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3891 (уточнено понятие контролирующего лица, добавлено еще одно обстоятельство, при котором презюмируется вина контролирующего лица в доведении до банкротства (если требования кредиторов, возникшие вследствие установленного вступившим в силу решением суда правонарушения должника или руководителя должника, превышают 50% требований остальных кредиторов)); Федеральный закон от 28.12.2016 г. № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 1 (ч. I). Ст. 29 (возвращена возможность подавать иск о субсидиарной ответственности вне рамок дела о банкротстве, более подробно урегулированы правила о составлении промежуточного судебного акта об установлении оснований для привлечения лица к субсидиарной ответственности, предусмотрена норма о рассмотрении исков о привлечении к субсидиарной ответственности по правилам о групповых исках (гл. 28.2 АПК РФ).

Однако различие всех этих видов ответственности в ст. 10 Закона о банкротстве четко проведено не было, что считалось одним из существенных ее недостатков.

Кроме того, принципиальные вопросы вызывает конструирование соответствующих норм по модели субсидиарной ответственности, поскольку речь на самом деле идет не о классической дополнительной ответственности иных лиц по обязательствам должника, а об обязанности этих лиц возместить вред, причиненный их неправомерным и виновным поведением имущественным правам кредиторов в связи с недостаточностью имущества должника.

Новая глава III.2 Закона о банкротстве каких-либо кардинальных изменений в модель правового регулирования ответственности при банкротстве не внесла. Она лишь упорядочила действующие правила и сделала их более детальными и понятными для применения, сохранив указанные виды ответственности и усилив их дифференциацию. Наиболее крупными новеллами Закона № 266-ФЗ являются уточнение понятия контролирующих лиц (ст. 61.10), а также введение дополнительного вознаграждения арбитражного управляющего за привлечение к субсидиарной ответственности (п. 3.1 ст. 20.6). В то же время новая глава не только не избавилась от многих недостатков прежней статьи 10 Закона, но и «обросла» новыми. Еще одной характерной особенностью новых правил об ответственности является продолжение сложившейся при предшествующих изменениях Закона о банкротстве тенденции расширения и упрощения возможности привлечения к ответственности по обязательствам должника иных лиц с тем, чтобы сделать соответствующий механизм понятнее и доступнее для кредиторов. При этом наблюдается явно «прокредиторский» подход, при котором новые возможности для привлечения к ответственности не уравновешены пропорциональными мерами защиты прав и интересов участников и бенефициаров должника, что в явной степени нарушает баланс интересов в пользу кредиторов.

Не в последнюю очередь это обусловлено фискальными интересами государства, выступающего кредитором по обязательным платежам в бюджет. Неслучайно сразу же после принятия Закона № 266-ФЗ Федеральная налоговая служба выпустила подробные разъяснения о порядке применения новой главы закона, в которых налоговым органам даются детальные инструкции о том, как применять вновь открывшиеся возможности при привлечении к ответственности в деле о банкротстве⁶³⁴.

Однако в стремлении законодателя облегчить жизнь кредиторам очень часто не учитывается и обратная сторона медали: чем проще привлекаются к ответственности лица, стоящие за предпринимательской корпорацией, тем меньше у участников гражданского оборота и профессиональных управляющих (менеджеров) стимулов и желания вести бизнес посредством создания юридического лица, что в конечном счете может крайне негативно сказаться на экономическом развитии страны.

По общему правилу участники (учредители) юридического лица, а также собственник его имущества или иные лица не должны отвечать по долгам юридического лица, равно как и юридическое лицо не должно отвечать по долгам своих участников (собственника имущества) (п. 2 ст. 56 ГК РФ). Любое исключение из этого правила, как отмечалось выше, является аномалией и отступлением от принципа отделения личности и имущества юридического лица от личности и имущества его участников. Каждое отступление должно быть прямо предусмотрено в законе и представляет собой проявление известной зарубежным правовым порядкам доктрины «снятия корпоративной вуали», когда в особых, исключительных случаях к ответственности привлекается не юридическое лицо, а те, кто за ним стоит. В целях поддержания оптимального баланса интересов и во избежание выхолащивания самой идеи юридического лица, призванного оградить его

⁶³⁴ См. письмо Федеральной налоговой службы от 16.08.2017 г. № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ» // СПС «Консультант Плюс».

участников от риска несения имущественной ответственности, каждый случай «прокалывания корпоративной вуали» должен быть обусловлен *особыми причинами, связанными с явно противоправным и умышленным поведением его участников с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов.*

К сожалению, в законодательстве и правоприменительной практике это все меньше принимается во внимание, а к юридическому лицу, находящемуся в состоянии банкротства, и к его участникам (бенефициарам) все больше принято относиться как к «бандитам с большой дороги», когда сама по себе недостаточность имущества для удовлетворения требований кредиторов рассматривается чуть ли не как преступление, за которое должны отвечать все, кто стоит за юридическим лицом. Характерной в связи с этим является позиция Конституционного Суда РФ по одному из дел, согласно которой ««убыточная деятельность, а равно деятельность, в результате которой акционерное общество не способно выполнять свои обязательства перед акционерами и третьими лицами, а также налоговые обязанности и реально нести имущественную ответственность в случае их невыполнения, не соответствует его предназначению как коммерческой организации, преследующей в качестве основной цели извлечение прибыли (пункт 1 статьи 50 ГК Российской Федерации)»⁶³⁵.

Однако коммерческая организация – это не машина по извлечению прибыли, за ней стоят конкретные люди, которым свойственно ошибаться, и сбои здесь не только возможны, но и представляют собой нормальные последствия риска ведения предпринимательской деятельности. О рисковом характере предпринимательской деятельности часто забывают, а он не

⁶³⁵ Постановление КС РФ от 18.07.2003 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация» // СЗ РФ. 2003. № 30. Ст. 3102.

случайно предусмотрен законом как вполне допустимый и нормальный, и даже необходимый для самого понятия предпринимательства, и если бы ограничения ответственности в законодательстве не было, никто вообще не связывался бы с ведением бизнеса посредством института юридического лица. Кроме того, риск ведения предпринимательской деятельности – это не только риск для того, кто ее осуществляет, но и риск для всех, кто вступает в отношения с предпринимателем, в том числе – и риск невыполнения предпринимателем своих обязательств перед кредиторами, который кредиторами также должен учитываться. Ни для кого не секрет, что далеко не все становятся успешными предпринимателями, наоборот, подавляющее большинство вновь создаваемых предприятий не выдерживают конкуренции и закрываются, то есть, по терминологии Конституционного Суда – не соответствуют их предназначению.

Именно поэтому так важно установление в законодательстве о банкротстве таких норм об ответственности, которые учитывают интересы всех добросовестных участников гражданского оборота, включая кредиторов, менеджеров, участников и бенефициаров юридического лица. Только при наличии сбалансированных норм об ответственности участники или бенефициары юридического лица больше будут ориентированы на получение своей доли имущества лишь после расчетов с кредиторами в ходе банкротства, а у кредиторов будет больше стимулов вступать в экономические отношения с юридическими лицами. В то же время, при любых «перекосах» в балансе интересов в ту или иную сторону участники юридического лица будут ориентироваться на получение своей части имущества вне процедур банкротства посредством предбанкротного вывода активов в свою пользу, а кредиторы все меньше будут стремиться вступать в коммерческие отношения с юридическими лицами, повышать свои транзакционные издержки на проверку надежности контрагента и избегать вступления в рисковые и высокодоходные проекты. В случае, если они в такие проекты все же вступят, при первых же признаках

неплатежеспособности своего контрагента кредиторы будут стремиться обанкротить должника и забрать все имеющиеся у него активы, хотя объективно кризис ликвидности у должника мог быть временным и компания могла бы продолжать функционировать, принося выгоду и акционерам, и кредиторам. Как отмечается в литературе, «правопорядок должен так настроить позитивное право и судебную практику, чтобы у акционеров были стимулы расплатиться с кредиторами за счет активов фирмы сполна и точно в срок, не пытаться присваивать блага, принадлежащие по сути кредиторам, а у кредиторов – не обанкротить бизнес, который имеет шансы продолжить свое существование, даже если временами он испытывает кризис ликвидности»⁶³⁶.

Поэтому при установлении и совершенствовании механизмов привлечения к ответственности субъектов, стоящих за юридическим лицом, в деле о банкротстве нужно исходить из необходимости достижения оптимального баланса интересов между всеми заинтересованными лицами: бенефициарами юридического лица, учредителями (участниками), управляющими, кредиторами (в том числе государством), а также учитывать объективные потребности в стимулировании экономического роста в стране. Лишь тонкая настройка механизмов ответственности, учитывающая все позитивные и негативные факторы, способна принести положительный эффект экономике в целом.

Новая глава III.2 Закона о банкротстве включает нормы о четырех видах ответственности при банкротстве, которые могут применяться к контролирующим лицам, включая участников юридического лица:

- 1) ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации о банкротстве (ст. 61.13);
- 2) субсидиарная ответственность за неподачу (несвоевременную подачу) заявления должника (ст. 61.12);

⁶³⁶ Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия. 2016. № 9. С. 132.

3) субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11)⁶³⁷;

4) ответственность за причинение убытков юридическому лицу – должнику (ст. 61.20)⁶³⁸.

Порядок применения соответствующих норм был разъяснен в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»⁶³⁹.

Контролирующие лица могут нести корпоративную ответственность за убытки, причиненные юридическому лицу своими неразумными или недобросовестными действиями (ст. 61.13, 61.20 Закона о банкротстве, ст. 53.1 ГК РФ), а также субсидиарную ответственность перед кредиторами юридического лица, находящегося в стадии банкротства (ст. 61.11, 61.12 Закона о банкротстве). Противоправные действия выражаются в нарушении контролирующим лицом обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица, его участников или кредиторов (п. 3 ст. 53, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, абз. 2 п. 10 ст. 61.11, абз. 2 п. 1 ст. 30 Закона о банкротстве). По существу, субсидиарная ответственность контролирующих лиц установлена за нарушение фидуциарной обязанности этих лиц действовать с учетом интересов кредиторов с момента, когда им стало известно о признаках неплатежеспособности юридического лица – должника. Кредиторы же в условиях банкротства фактически берут управление юридическим лицом в свои руки, замещая при этом его участников. Поэтому

⁶³⁷ «Бывшая» ответственность за доведение должника до банкротства, в том числе по вине основного общества или товарищества (абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ).

⁶³⁸ Несмотря на то, что по общему правилу данная ответственность изначально установлена перед юридическим лицом, она по закону может «трансформироваться» в ответственность перед кредиторами: кредиторы или уполномоченные органы могут предъявить такое требование в свою пользу, а не в пользу должника в случаях, когда из-за недостаточности у должника средств для возмещения судебных расходов на проведение процедур банкротства заявление о признании должника банкротом возвращено судом или производство по делу о банкротстве прекращено (пп. 3 и 4 ст. 61.20 Закона о банкротстве).

⁶³⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

субсидиарную ответственность контролирующих лиц в определенной мере также можно считать разновидностью корпоративной ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу и его кредиторам в условиях банкротства.

Противоправное поведение контролирующего лица в условиях «объективного банкротства» («предбанкротного состояния», когда банкротство фактически наступило) причиняет убытки как самому подконтрольному юридическому лицу, так и его участникам (собственнику имущества юридического лица), а также третьим лицам – кредиторам юридического лица по договорным или внедоговорным обязательствам (в том числе деликтным). В таких случаях вред различным субъектам причиняется контролирующим лицом не непосредственно, а через управляющее воздействие на подконтрольное юридическое лицо, которое терпит убытки, что вызывает уменьшение активов должника и невозможность удовлетворения требований кредиторов. Привлечение контролирующих лиц к ответственности по обязательствам юридического лица представляет собой также яркий пример применения в отечественном правопорядке известной за рубежом судебной доктрины «снятия корпоративной вуали»⁶⁴⁰.

Общим для всех норм об ответственности контролирующих лиц при банкротстве является то, что речь идет именно о гражданско-правовой ответственности за противоправное поведение определенных лиц. При этом основанием любой ответственности является не только нарушение норм Закона и причинение убытков кредиторам или должнику, но и нарушение новой фидуциарной обязанности соответствующих лиц действовать с учетом интересов кредиторов, в частности не допускать действия (бездействия), которые могут заведомо ухудшить финансовое положение должника. Эта обязанность установлена для руководителя должника и иных его органов, а

⁶⁴⁰ Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7. С. 80–125.

также учредителей (участников) должника, собственника имущества должника и иных контролирующих должника лиц со дня, когда они узнали или должны были узнать о признаках банкротства⁶⁴¹.

Поэтому важнейшее условие применения любых видов ответственности, предусмотренной при банкротстве, – обязательное наличие всех элементов состава гражданского правонарушения: противоправное поведение определенного лица; наличие неблагоприятных последствий; причинно-следственная связь между противоправным поведением и неблагоприятными последствиями; вина причинителя вреда.

Данное обстоятельство имеет принципиальное значение для понимания всех составов гражданских правонарушений, предусмотренных Законом о банкротстве, и применения норм об ответственности за соответствующие нарушения. Это подтверждается и судебной практикой, в том числе которая начала складываться по новой главе Закона о банкротства, которая исходит из того, что для установления той или иной ответственности, определенной Законом о банкротстве, необходимо доказывать наличие всех элементов состава гражданских правонарушений⁶⁴².

Несмотря на разнообразие соответствующих видов ответственности в Законе о банкротстве, во всех них речь идет о применении такой универсальной меры ответственности, как возмещение убытков (ст. 15 ГК РФ)⁶⁴³, причиненных одновременно организации-должнику и кредиторам неправомерными действиями контролирующих участников. Эта

⁶⁴¹ См. п. 1 ст. 30 Закона о банкротстве (в ред. Федерального закона от 29.07.2017 г. № 266-ФЗ).

⁶⁴² Практика применения новой главы об ответственности при банкротстве см.: Определение ВС РФ от 15.02.2018 г. № 302-ЭС14-1472(4,5,7) по делу № А33-1677/2013, постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.02.2018 г. № Ф05-4716/2016 по делу № А40-25661/2015; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 23.01.2018 г. № Ф09-14371/13 по делу № А07-9327/2011; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.06.2018 г. № Ф09-2247/18 по делу № А60-26913/2016; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.05.2018 г. № Ф09-9241/14 по делу № А60-43691/2013; постановление Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 09.02.2018 г. № 15АП-14732/2017 по делу № А53-513/2016.

⁶⁴³ См.: *Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М., 2009.*

ответственность делится на два вида: корпоративная ответственность за убытки, причиненные организации-должнику (ст. 53.1 ГК РФ), и ответственность контролирующих лиц за вред, причиненный имущественным правам кредиторов должника⁶⁴⁴. Соответственно, противоправность состоит либо в нарушении контролирующим лицом обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица (п. 3 ст. 53, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве), либо – в нарушении обязанности действовать добросовестно и разумно с учетом интересов кредиторов (абз. 2 п. 10 ст. 61.11, абз. 2 п. 1 ст. 30 Закона о банкротстве). При этом требование о возмещении убытков заявляется либо в пользу должника (конкурсной массы), либо – в пользу соответствующих кредиторов.

Однако законодатель вместо того, чтобы установить эти понятные правила, стал конструировать несколько разновидностей ответственности, пересекающихся друг с другом. Формально предусматривается четыре указанных выше разновидности ответственности: субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11), субсидиарная ответственность за неподачу заявления должника (ст. 61.12), ответственность за нарушение законодательства о банкротстве (ст. 61.13), взыскание убытков при банкротстве (ст. 61.20). Тем самым ответственность за причинение убытков должнику (юридическому лицу) превратилась в два самостоятельных вида ответственности, предусмотренных ст. 61.13 и 61.20 Закона, а ответственность за причинение убытков кредиторам – в два вида субсидиарной ответственности (ст. 61.11 и

⁶⁴⁴ О возможности причинения вреда относительным обязательственным правам см. § настоящей главы, а также: *Гутников О. В.* Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22–37; *Синицын С. А.* Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1; *Каранетов А. Г.* Экономический анализ права. М. 2016. С. 371–374.

61.12), давно критикуемой в юридической литературе⁶⁴⁵. При этом в «специальных» видах ответственности присутствуют совершенно разнородные элементы. Например, в нормах об ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11, 61.17 и др.) одновременно присутствуют признаки ответственности за причинение убытков должнику, ответственности за причинение вреда кредиторам, субсидиарной ответственности по обязательствам перед кредиторами⁶⁴⁶.

Большие сомнения вызывает и новелла главы III.2 Закона, согласно которой привлеченное к субсидиарной ответственности лицо всегда имеет *право обратного требования (регресса) к должнику* по делу о банкротстве в размере выплаченной суммы. Регрессные требования субсидиарного должника к основному удовлетворяются после всех других требований, включенных в реестр требований кредиторов, и требований, подлежащих удовлетворению после требований, включенных в такой реестр (п. 3 ст. 61.15 Закона). Однако данный подход совершенно не учитывает, что субсидиарный должник по существу совершает правонарушение (деликт), за которое он и несет ответственность, возмещая кредиторам (а фактически – должнику в конкурсную массу для последующего распределения между кредиторами)

⁶⁴⁵ См. об этом: *Егоров А. В., Усачева К. А.* Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12. С. 6–61; *Покровский С. С.* Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон. 2018. № 7. С. 40–49.

⁶⁴⁶ О различных видах ответственности в законодательстве о банкротстве см. также: *Гутников О. В.* Возмещение убытков в деле о банкротстве: новые виды ответственности или неудачное использование известных институтов? // Хозяйство и право. 2018. № 1. С. 18–30; *Он же.* Контролирующие лица как субъекты ответственности в деле о банкротстве // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 72–82. *Он же.* Субсидиарная ответственность за неисполнение обязанности подать заявление о банкротстве: новые правила // Хозяйство и право. 2018. № 2. С. 92–108; *Он же.* Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 48–60; *Он же.* Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов // Хозяйство и право. 2018. № 3. С. 28–49.

убытки, понесенные из-за невозможности погашения их требований. В таких условиях предоставление субсидиарному должнику права регресса против основного должника противоречит как природе гражданско-правовой ответственности, которая предполагает необходимость несения ответственным лицом дополнительных обременений, так и существу фактически складывающихся между сторонами отношений: денежные средства, выплаченные должнику в конкурсную массу, затем могут истребоваться из нее ответственным лицом обратно, что выглядит абсурдным, не говоря уже о том, что фактически у должника никаких средств к моменту предъявления регрессного требования уже не будет и возвращать будет нечего.

В целом все предусмотренные главой III.2 Закона о банкротстве нормы о различных видах ответственности контролирующих должника лиц по существу направлены на удовлетворение различных требований, возникающих из следующих оснований:

1) противоправные действия, направленные против юридического лица, причиняющие ему убытки (что охватывается ст. 53.1 ГК РФ). При этом противоправные действия выражаются в нарушении контролирующим лицом обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица (п. 3 ст. 53, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве);

2) противоправные действия, направленные против кредиторов юридического лица, причиняющие убытки кредиторам. При этом противоправные действия выражаются в нарушении обязанности действовать добросовестно и разумно с учетом интересов кредиторов (абз. 2 п. 1 ст. 30 Закона о банкротстве).

В результате соединения или модификации этих требований в различных сочетаниях получают своеобразные конструкции ответственности, возникающей из разных оснований, но направленной на достижение одного и того же экономического результата: взыскание убытков

в пользу должника в процессе банкротства по существу равнозначно взысканию убытков в пользу кредиторов. Субсидиарная ответственность, предусмотренная в ст. 61.12 Закона за неподачу заявления о банкротстве – это такая же ответственность за причинение вреда конкретным кредиторам в виде невозможности погашения их требований, как и ответственность в ст. 61.11 Закона в случае уступки кредиторам части «сводного» требования, стой лишь разницей, что в первом случае речь идет об обособленной группе кредиторов, требования которых возникли из обязательств должника, возникших в период «просрочки» подачи заявления должника в арбитражный суд, а во втором случае – о всех кредиторах должника, выбравших уступку им права требования к контролирующему лицу в соответствующей части. В остальном оба вида так называемой «субсидиарной» ответственности по сути являются прямой ответственностью перед соответствующими кредиторами, и ее размер должен определяться после подтверждения фактов несения убытков в виде невозможности удовлетворения требований соответствующего кредитора в конкурсном процессе в связи с недостаточностью имущества должника.

После завершения конкурсного производства и ликвидации юридического лица взыскание в пользу конкурсной массы невозможно, но тот же экономический результат достигается посредством взыскания убытков в пользу конкретных кредиторов. Отсюда вытекает и «взаимозаменяемость» любых требований об ответственности, предусмотренных гл. III.2 Закона, и требований о возмещении убытков, причиненных членами органов управления (ст. 61.20 Закона).

На наш взгляд, выделение в Законе о банкротстве четырех видов ответственности совершенно неоправданно и ведет к появлению избыточных и чрезмерно сложных правил о так называемой субсидиарной ответственности контролирующих лиц (причем двух ее видов, предусмотренных ст. ст. 61.11 и 61.12 Закона), к размыванию границ между корпоративной ответственностью за причинение должнику убытков его

органами, ответственностью за причинение убытков кредиторам, субсидиарной ответственностью за неподачу заявления о банкротстве.

При формулировании правил об ответственности контролирующих лиц законодатель в качестве основной выбрал ненадлежащую для этого конструкцию субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, в то время как на самом деле речь идет о прямой ответственности контролирующих должника лиц за убытки, причиненные их неправомерными действиями имущественным правам кредиторов. Можно считать, что контролирующие лица причиняют вред относительным правам кредиторов юридического лица. При таком подходе конструкция субсидиарной ответственности выглядит искусственной и совершенно не нужной. В Законе о банкротстве вполне можно было установить особые правила о возмещении вреда, причиненного неправомерными действиями, которые привели к невозможности удовлетворения требований кредиторов, не прибегая к конструкции субсидиарной ответственности.

Представляется, что основными видами ответственности должны являться ответственность контролирующих лиц за причинение убытков должнику (ст. 53.1 ГК РФ, ст. 61.13, 61.20 Закона о банкротстве), и ответственность контролирующих лиц за причинение вреда имущественным правам кредиторов (ст. 61.11, 61.12 Закона о банкротстве). При этом второй вид ответственности контролирующее лицо должно нести непосредственно перед соответствующими кредиторами независимо от дела о банкротстве. Таким образом, кредиторы по делу о банкротстве могли бы иметь право выбора: либо заявлять требования к контролируемому лицу от имени должника в деле о банкротстве, либо заявлять отдельный прямой иск от своего имени к контролируемому лицу вне рамок дела о банкротстве (как во время процесса банкротства, так и после его прекращения) по общим правилам искового производства.

В настоящее время положения Закона о банкротстве непоследовательны, логически противоречивы и не позволяют говорить об

установлении прямой корпоративной или деликтной ответственности за нарушение относительных прав. Лишь в одном случае в Законе о банкротстве прямо говорится об ответственности за причинение вреда имущественным правам кредиторов: в подп. 1 п. 2 ст. 61.11 Закона применительно к совершению контролирующим лицом или в его пользу подозрительных сделок или сделок с предпочтением должника. Однако речь в данном случае идет *не о прямой* ответственности перед кредиторами, *а о субсидиарной ответственности* контролирующего лица *по обязательствам должника перед кредиторами*.

Так, согласно ч. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве, контролирующие должника лица несут субсидиарную ответственность по обязательствам должника, если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующих лиц. При этом, пока не доказано обратное, предполагается, что полное погашение требований кредиторов невозможно из-за действий контролирующего лица, если в результате совершения этим лицом или в пользу этого лица либо одобрения этим лицом одной или нескольких сделок должника (совершения таких сделок по указанию этого лица) причинен существенный вред имущественным правам кредиторов.

При этом под вредом, причиненным имущественным правам кредиторов, понимается:

- уменьшение стоимости или размера имущества должника;
- увеличение размера имущественных требований к должнику;
- иные последствия совершенных должником сделок или юридически значимых действий либо бездействия, приводящие к полной или частичной утрате возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества (ст. 2 Закона о банкротстве).

Неудачные формулировки Закона о банкротстве создают впечатление, что под вредом, причиненным имущественному праву *кредитора*, в Законе

понимается уменьшение имущества *должника*, что выглядит абсурдно. На этом основании, например, Г.В. Цепов справедливо указывает, что «если в указанном контексте и допустимо говорить о *вреде кредитору*, то речь может идти об обесценивании его обязательственных прав (требований), но никак не о причинении ему вреда в виде уменьшения стоимости имущества должника»⁶⁴⁷. Вместе с тем представляется, что Закон о банкротстве, несмотря на неудачные формулировки, по существу из этого и исходит: под вредом кредитору в Законе в действительности понимается не уменьшение имущества должника, а *полная или частичная утрата возможности кредиторов получить удовлетворение своих требований по обязательствам должника за счет его имущества*, в том числе – наступившая из-за уменьшения имущества должника. То есть уменьшение имущества должника следует рассматривать не в качестве вреда, а в качестве одной из причин невозможности кредиторов удовлетворить свои требования. Вредом же по смыслу Закона является невозможность кредиторов удовлетворить свои требования, т.е. по существу – обесценивание обязательственных прав.

Таким образом, Закон о банкротстве не предусматривает ни деликтной, ни прямой корпоративной ответственности третьих лиц за причинение вреда имущественным правам кредиторов, хотя по существу субсидиарная ответственность контролирующих лиц преследует те же цели.

В связи с этим целесообразно вообще отказаться от конструкции субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, развивая вместо этого доктрину причинения контролируемыми лицами прямого вреда кредиторам путем нарушения их имущественных прав. Так называемая субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц есть не что иное, как ответственность третьих (контролирующих) лиц за вред, причиненный относительно имущественным правам кредиторов, и она

⁶⁴⁷ *Цепов Г.В.* Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности // Закон. 2016. № 8. С. 110.

должна регулироваться отдельно от правил о корпоративной ответственности, предусмотренных ст. 53.1 ГК РФ. Контролирующее лицо, которое вызвало невозможность погашения требований кредиторов, несет ответственность перед кредиторами за то, что своими противоправными действиями в процессе управления юридическим лицом уничтожает или существенно затрудняет осуществление чужого имущественного права и тем самым причиняет вред имущественному праву кредитора. Объект правонарушения при этом – субъективное имущественное право кредитора, которое терпит ущерб от уничтожения или затруднительности осуществления права.

Анализ главы III.2 Закона о банкротстве позволяет сделать общий вывод: предусмотренные в ней нормы хоть и содержат попытку дифференциации различных видов гражданско-правовой ответственности, но не в полной мере отвечают их правовой природе и нуждаются в дальнейшем совершенствовании с тем, чтобы механизм их применения стал более простым и понятным, логически непротиворечивым, а формулировки норм с точки зрения юридической техники более проработанными.

Например, требование к члену органа управления о возмещении убытков, причиненных должнику, может заявляться независимо от предъявления требований к тому же лицу о привлечении его к другим видам ответственности, предусмотренным ст. 61.11–61.13 Закона, при наличии на то оснований. В этом случае требования о возмещении убытков удовлетворяются в части, не покрытой размером субсидиарной ответственности (п. 6 ст. 61.20 Закона).

Данное обстоятельство подтверждает взаимозаменяемость всех видов ответственности, предусмотренных главой III.2 Закона о банкротстве, которые в экономическом смысле направлены на возмещение одних и тех же убытков, причиненных формально юридическому лицу, а фактически – его кредиторам. То есть имеет место применение доктрины «прокалывания корпоративной вуали», когда юридическая оболочка должника игнорируется,

а к ответственности привлекаются владельцы компании-банкрота, что представляет собой отступление от основополагающего принципа корпоративного права – принципа отделения юридической личности и имущества корпорации от личности и имущества ее участников.

На практике все это приводит к тому, что суды начинают путаться в правилах применения разных видов ответственности фактически за одно и то же нарушение, истцы испытывают затруднения при выборе способа защиты своих прав между иском о привлечении к субсидиарной ответственности того или иного вида и иском о возмещении убытков.

Например, привлечение руководителя должника к субсидиарной ответственности за невозможность удовлетворения требований кредиторов следует отличать от норм о привлечении руководителя юридического лица к ответственности в виде возмещения убытков, причиненных юридическому лицу. На практике сделать это не всегда просто, поскольку одни и те же действия нарушителя в зависимости от конкретных обстоятельств могут повлечь за собой привлечение его либо к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица перед кредиторами, либо к прямой ответственности перед юридическим лицом за причиненные этому лицу убытки.

Ситуация осложняется и тем, что к ответственности за причинение убытков юридическому лицу недобросовестными или неразумными действиями могут быть привлечены не только лица, входящие в состав органов юридического лица, но и любые иные лица, которые «имеют фактическую возможность определять действия юридического лица», в том числе давать указания членам органов управления юридического лица (п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, п. 1 ст. 61.20 Закона о банкротстве). То есть потенциальные субъекты субсидиарной ответственности за невозможность удовлетворения требований кредиторов и прямой ответственности за причинение юридическому лицу убытков совпадают, охватывая собой категорию контролирующих лиц.

Например, если руководитель юридического лица (иное контролирующее лицо) грубо нарушает свои обязанности действовать добросовестно и разумно, чем причиняет юридическому лицу значительные убытки, есть все основания для привлечения его к прямой ответственности перед юридическим лицом (ст. 53.1 ГК РФ, ст. 61.20 Закона о банкротстве). Причинение крупных убытков юридическому лицу из-за действий руководителя или иных лиц может повлечь за собой невозможность удовлетворения требований кредиторов и, в свою очередь, основания для привлечения руководителя (контролирующего лица) к субсидиарной ответственности перед кредиторами юридического лица (ст. 61.11 Закона о банкротстве)⁶⁴⁸.

Таким образом, конкурсный управляющий, кредитор или уполномоченный орган при предъявлении требований к бывшему руководителю должника имеет возможность предъявить требования о привлечении его как к субсидиарной ответственности по обязательствам должника, так и к ответственности перед должником за причиненные должнику убытки.

В то же время следует учитывать, что субсидиарная ответственность за непогашение требований кредиторов в том виде, как она сконструирована в Законе о банкротстве, всегда более обременительна для лица, привлекаемого к ответственности, хотя бы потому, что размер совокупности неудовлетворенных требований кредиторов по обязательствам должника может многократно превышать размер причиненных должнику убытков. Поэтому нормы о субсидиарной ответственности следует применять лишь в тех случаях, когда неправомерные действия контролирующих должника лиц не просто причинили должнику убытки, а именно привели к банкротству должника и тем самым причинили вред имущественным правам кредиторов.

⁶⁴⁸ См.: постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.01.2015 г. № Ф10-4725/14 по делу № А68-2112/2011; определение Верховного Суда РФ от 23.03.2015 г. № 310-ЭС15-988.

Сама по себе ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов (ст. 61.11 Закона о банкротстве) имеет множество особенностей. Однако в целом, несмотря на изменившееся название, она по сути продолжает оставаться ответственностью за доведение должника до банкротства, и Верховный Суд РФ по-прежнему требует устанавливать причинную связь между действиями ответственного лица и объективным банкротством – фактическим состоянием, когда должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов. При этом под действиями контролирующего лица, приведшими к невозможности погашения требований кредиторов, «следует понимать такие действия (бездействие), которые являлись *необходимой причиной* (курсив мой – О.Г.) банкротства должника, то есть те, без которых объективное банкротство не наступило бы»⁶⁴⁹.

Если же соответствующие действия хоть и причинили ущерб кредиторам или должнику, но не являлись *необходимой причиной* банкротства, то оснований для применения правил о субсидиарной ответственности не имеется. В то же время, кредиторы или должник не лишены возможности предъявить к контролирующему лицу в таких случаях требование о возмещении причиненных убытков по общим правилам о корпоративной (ст. 53.1 ГК РФ) или деликтной (ст. 1068 ГК РФ) ответственности⁶⁵⁰. Как указал Верховный Суд РФ, при решении вопроса о том, какие нормы подлежат применению – общие положения о возмещении убытков (в том числе ст. 53.1 ГК РФ) либо специальные правила о субсидиарной ответственности (ст. 61.11 Закона о банкротстве), - суд в каждом конкретном случае оценивает, насколько существенным было

⁶⁴⁹ Абз. 1 пункта 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

⁶⁵⁰ См. п. 2, абз. 3 п. 17, п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53.

негативное воздействие контролирующего лица (нескольких контролирующих лиц, действующих совместно либо отдельно) на деятельность должника, проверяя, как сильно в результате такого воздействия изменилось финансовое положение должника. Если допущенные контролирующим лицом нарушения явились необходимой причиной банкротства, применению подлежат нормы о субсидиарной ответственности. В том случае, когда причиненный контролирующими лицами вред «исходя и разумных ожиданий не должен был привести к объективному банкротству должника, такие лица обязаны компенсировать возникшие по их вине убытки в размере, определяемом по правилам статей 15, 393 ГК РФ»⁶⁵¹.

Несмотря на то что данная ответственность формально именуется субсидиарной ответственностью контролирующих лиц по обязательствам должника, фактически контролирующие лица несут ответственность не по обязательствам должника, а по своим собственным обязательствам, возникающим из причинения вреда имущественным правам кредиторов посредством совершения действий, вызвавших невозможность удовлетворения требований кредиторов. Обязательства должника здесь имеют значение лишь постольку, поскольку их размер (размер неудовлетворенных обязательств должника) определяет размер убытков, причиненных кредиторам неправомерными действиями контролирующих лиц. Это подтверждается в том числе и тем, что размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица подлежит соответствующему уменьшению, если им будет доказано, что размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по вине этого лица, значительно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за счет этого контролирующего лица (абз. 2 п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

⁶⁵¹ Пункт 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53.

Объективно существует возможность конструирования трех видов исков, связанных с противоправными действиями, повлекшими убытки из-за невозможности полного погашения требований кредиторов ввиду недостаточности имущества должника:

– иск кредиторов юридического лица к контролирующим лицам о привлечении их к прямой корпоративной или деликтной (ст. 1064 ГК РФ) ответственности за вред, причиненный имущественным правам;

– косвенный иск от имени должника к контролирующим лицам о привлечении их к корпоративной ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу (ст. 53.1 ГК РФ);

– иск кредиторов о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица.

В ст. 61.11 Закона о банкротстве законодатель использует конструкцию так называемой субсидиарной ответственности, однако фактически она представляет собой своеобразное смешение прямого иска кредиторов за вред, причиненный имущественным правам (ст. 1064 ГК РФ), иска о привлечении к субсидиарной ответственности и косвенного иска участников юридического лица к контролирующим лицам за убытки, причиненные юридическому лицу (ст. 53.1 ГК РФ).

В отличие от субсидиарной ответственности, предусмотренной ст. 61.12 Закона о банкротстве, установленной адресно в отношении обязательств должника перед конкретными кредиторами, ответственность по ст. 61.11 Закона о банкротстве является ответственностью за убытки, причиненные всем кредиторам по всем обязательствам в связи с недостаточностью имущества (конкурсной массы) должника для удовлетворения их требований. Собственно, речь в данном случае идет не о субсидиарной ответственности по конкретным обязательствам перед кредиторами, а об ответственности за вред, причиненный одновременно как всем кредиторам, так и должнику.

В частности, размер ответственности определяется не по конкретным обязательствам перед кредиторами, а по совокупному размеру требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и требований кредиторов по текущим платежам⁶⁵², оставшихся непогашенными по причине недостаточности имущества должника (абз. 1 п. 11 ст. 61.11)⁶⁵³. То есть субсидиарный должник, последствия неправомерных действий которого были ничтожно малы, будет отвечать перед кредиторами по совокупному размеру всех их неудовлетворенных требований к должнику⁶⁵⁴.

Одновременно действует презумпция вины контролирующего лица: оно не несет субсидиарной ответственности, если докажет, что его вина в невозможности полного погашения требований кредиторов отсутствует (абз. 1 п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

При этом Закон (п. 2–7 ст. 61.11) устанавливает несколько «типичных» фактических составов, когда действует презумпция того, что полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица. По сути, речь идет о презумпции наличия причинно-следственной связи между действиями контролирующего лица и объективным банкротством.

⁶⁵² В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ во внимание принимаются лишь те требования кредиторов, которые так или иначе признаны вступившим в законную силу судебным актом или иным документом, подлежащим принудительному исполнению в силу закона. Например, требования о привлечении к ответственности по неудовлетворенным требованиям по текущим платежам, заявленные после завершения конкурсного производства, могут быть предъявлены лишь при условии, если требования по текущим платежам подтверждены судебным актом или исполнительным документом (п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53).

⁶⁵³ Требования самого контролирующего лица и его заинтересованных лиц к должнику не включаются в размер субсидиарной ответственности и не удовлетворяются за счет средств, взысканных с субсидиарного должника (абз. 3 п. 11 ст. 61.11 Закона о банкротстве).

⁶⁵⁴ Этот размер может быть уменьшен (без освобождения от ответственности) судом, если контролирующее лицо докажет, что размер вреда, причиненного имущественным правам кредиторов по вине этого лица, существенно меньше размера требований, подлежащих удовлетворению за счет этого контролирующего должника лица (п. 11 ст. 61.11 Закона).

Данная презумпция в большинстве случаев устанавливается за такие действия, которые далеко не всегда причиняют кредиторам убытки в виде невозможности полного погашения их требований. Значит, «снятие корпоративной вуали» и привлечение контролирующих лиц к ответственности в силу действия соответствующей презумпции может иметь место и в тех случаях, когда поведение контролирующего лица отнюдь не связано с невозможностью погашения требований кредиторов, что, безусловно, входит в противоречие с принципом самостоятельной юридической ответственности юридического лица по своим обязательствам (принципом отделения).

При доказанности всех оснований ответственности презумпция вины контролирующего должника лица может быть опровергнута, если оно докажет, что несмотря на наличие указанных обстоятельств оно действовало согласно обычным условиям гражданского оборота, добросовестно и разумно в интересах должника, его учредителей (участников), не нарушая при этом имущественные права кредиторов, и докажет, что его действия совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов (абз. 2 п. 10 ст. 61.11 Закона). Буквальное толкование данной нормы позволяет заключить, что контролирующее лицо будет признано невиновным и освобождено от ответственности, только если будет доказана вся совокупность указанных обстоятельств, в то время как раньше по ст. 10 Закона о банкротстве достаточно было лишь доказать, что контролирующее лицо действовало добросовестно и разумно в интересах должника.

Кроме того, новые подлежащие доказыванию основания невиновности не вполне ясны: например, сомнительна необходимость доказывания того, что лицо действовало «не нарушая имущественные права кредиторов»: ведь нарушить имущественные права кредиторов, по идее, можно, лишь будучи обязанной стороной в сделках, заключенных должником с кредитором, при том что контролирующее лицо такой стороной, как правило, не является. Также неясно, почему для освобождения от ответственности недостаточно,

чтобы контролирующее лицо действовало добросовестно и разумно в интересах должника или его участников, а требуются доказательства того, что оно предотвратило еще больший ущерб интересам кредиторов. Излишне говорить, насколько в этих условиях затруднительно будет контролирующему лицу доказать одновременно все эти обстоятельства и опровергнуть презумпцию вины.

Верховный Суд РФ и здесь вынужден был дать разъяснения, направленные на смягчение стандарта доказывания отсутствия вины, ориентируя суды на практику применения «правила делового решения», сложившуюся в корпоративных отношениях⁶⁵⁵. В частности, было разъяснено, что «контролирующее должника лицо не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в случае, когда его действия (бездействие), повлекшие негативные последствия на стороне должника, не выходили за пределы обычного делового риска и не были направлены на нарушение прав и законных интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов»⁶⁵⁶. Доказывания иных обстоятельств, указанных в Законе (например, что действия контролирующего лица совершены для предотвращения еще большего ущерба интересам кредиторов) Верховный Суд РФ не требует.

Не отличается ясностью правовой конструкции и ответственность, предусмотренная п. 1 ст. 61.12 Закона о банкротстве за неподачу заявления о банкротстве. Несмотря на ее «субсидиарный» характер, она является, по существу, разновидностью прямой ответственности руководителя и иных лиц перед кредиторами: противоправные действия в первую очередь направлены непосредственно против той части конкретных кредиторов должника, обязательства перед которыми возникли в соответствующий период, а не против должника или конкурсной массы должника в целом, а

⁶⁵⁵ См. например постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

⁶⁵⁶ Пункт 18 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 г. № 53.

также не против всей совокупности кредиторов должника. При этом речь фактически идет не об ответственности по обязательствам должника, что характерно для субсидиарной ответственности, а об ответственности по собственному обязательству нарушителя, возникающему из причинения вреда конкретным кредиторам. Следует признать, что некорректное определение природы рассматриваемого вида ответственности во многом обусловлено нерешенностью в законодательстве многих вопросов, касающихся субсидиарной ответственности как таковой, на что уже обращалось внимание в литературе⁶⁵⁷.

Данная ответственность основана на идее о том, что члены органов управления должника несут перед кредиторами точно такие же обязанности действовать добросовестно и разумно, как и перед самим должником (юридическим лицом). Поэтому кредиторам, потерпевшим от соответствующего нарушения, предоставляется возможность предъявить иск о привлечении к субсидиарной ответственности непосредственно к лицам, нарушившим обязанность своевременно подать заявление о банкротстве. Этот иск может быть предъявлен не только в процессе банкротства, но и после его завершения и ликвидации должника. По сути, ответственность за неподачу заявления о банкротстве является личной ответственностью субсидиарного должника перед конкретными кредиторами по «новым» обязательствам⁶⁵⁸ в размере таких обязательств (п. 2 ст. 61.12).

⁶⁵⁷ См. например: *Прус Е. П.* Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств участников (учредителей) юридического лица // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 8 / Под ред. О. Ю. Шилохвоста. М., 2004. С. 197–242; *Покровский С. С.* Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7. С. 98–129; *Гутников О. В.* Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 45–77; *Он же.* Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: необходимость реформ // Адвокат. 2016. № 9. С. 5–13. О проблемах субсидиарной ответственности см. также § 3 настоящей главы.

⁶⁵⁸ Т.е. обязательств (в т.ч. по обязательным платежам), возникших после истечения срока на подачу заявления и до момента возбуждения дела о банкротстве

Как указано в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 г. № 309-ЭС45-16713, «руководитель хозяйственного общества обязан действовать добросовестно не только по отношению к возглавляемому им юридическому лицу, но и по отношению к такой группе лиц, как кредиторы. Это означает, что он должен учитывать права и законные интересы последних, содействовать им, в том числе в получении необходимой информации». Невыполнение руководителем требований закона об обращении в суд с заявлением о банкротстве «влечет неразумное и недобросовестное принятие дополнительных долговых обязательств в ситуации, когда не могут быть исполнены существующие, заведомую невозможность удовлетворения требований новых кредиторов и, как следствие, убытки для них» (п. 8 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016), утвержденного Президиумом ВС РФ 13.04.2016 г.). То есть субсидиарная ответственность руководителя возникает вследствие причинения вреда кредиторам. При этом «завершение конкурсного производства само по себе не влечет материальные последствия в виде освобождения руководителя от ответственности» (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 07.12.2015 г. № 307-ЭС15-5270).

Особенностью ответственности за неподачу заявления о банкротстве является законодательно установленная презумпция наличия причинно-следственной связи по соответствующим делам.

Ранее в судебной практике при привлечении к ответственности по п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве существовала непоследовательность в правилах доказывания причинно-следственной связи, а также в распределении между сторонами бремени такого доказывания. Исходя из правовой природы рассматриваемой ответственности необходимо выявить причинно-следственную связь между неисполнением обязанности по подаче заявления

должника (возврата заявления уполномоченного органа о признании должника банкротом).

о банкротстве и возникновением конкретных убытков именно у тех кредиторов, чьи обязательства возникли после истечения установленного срока для обращения в суд. Должно быть установлено, что именно просрочка подачи заявления в суд привела к тому, что кредитор, полагаясь на платежеспособность должника, вступил с ним в договорные отношения и потерпел убытки в связи с нехваткой конкурсной массы на удовлетворение его требований, в то время как при надлежащей подаче заявления в суд этих убытков не возникло бы и его требования были бы удовлетворены в составе текущих платежей, либо он и вовсе не стал бы вступать в договорные отношения с должником, будучи вовремя информированным о грядущем банкротстве.

Судебная практика не всегда придерживалась такого подхода. Иногда происходила подмена понятий: вместо доказывания того, что неподача заявления причинила убытки конкретным кредиторам по «новым» обязательствам, суды считали необходимым установить, что неподача заявления привела к банкротству юридического лица в целом. То есть происходило смешение ответственности, предусмотренной п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве, с ответственностью по п. 4 ст. 10, установленной за доведение юридического лица до банкротства.

По общему правилу бремя доказывания причинно-следственной связи по гражданским правонарушениям (в том числе предусмотренным Законом о банкротстве) должно возлагаться на истца. Из этого часто исходит и судебная практика⁶⁵⁹. Вместе с тем при применении ответственности, установленной п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве, Верховный Суд РФ разъяснил, что по таким делам необходимо исходить из презумпции наличия причинно-следственной связи между противоправным и виновным

⁶⁵⁹ См., например: постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.09.2014 г. по делу № А45-5734/2013; Федерального арбитражного суда Уральского округа от 11.04.2014 г. по делу № А50-17662/2010; от 21.01.2014 г. по делу № А07-2236/2012; Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.07.2015 г. по делу № А44-3038/2011.

бездействием руководителя в виде неподачи заявления о банкротстве и вредам, причиненным кредиторам организации из-за невозможности удовлетворения возросшей перед ними задолженности за счет конкурсной массы⁶⁶⁰. В качестве обоснования такого подхода Верховный Суд РФ сослался на п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 г. № 7. Согласно абз. 2 данного пункта если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается. Таким образом, бремя доказывания отсутствия причинно-следственной связи между неподачей заявления в арбитражный суд и возникновением у кредиторов убытков возлагается на ответчика.

Приведенное решение судебной практики и было закреплено в абз. 2 п. 2 ст. 61.12 Закона о банкротстве. Согласно новой норме бремя доказывания отсутствия причинной связи между невозможностью удовлетворения требований кредитора и нарушением обязанности своевременно подать заявление о банкротстве лежит на привлекаемом к ответственности лице (лицах). Тем самым Закон установил не только презумпцию наличия причинной связи, которую должен опровергнуть ответчик, но и четко указал на те обстоятельства, между которыми предполагается причинная связь: факт нарушения обязанности по подаче заявления в суд ответчиком, а также факт невозможности удовлетворения требований конкретного кредитора по обязательству, возникшему в период «просрочки». Бремя доказывания данных обстоятельств, в отличие от бремени опровержения причинной связи, лежит на истце, а не на ответчике.

⁶⁶⁰ См.: п. 2 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2016) (утв. Президиумом ВС РФ 06.07.2016 г.); определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.03.2016 г. № 309-ЭС15-16713; постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 11.08.2014 г. по делу № А50-20540/2011.

В целом можно заключить, что необходимо дальнейшее совершенствование правовых норм об ответственности контролирующих лиц при банкротстве в направлении их дифференциации и приведения в соответствие с правовой природой каждого из видов ответственности с одновременным разграничением и уточнением механизмов правоприменения. При этом количество видов ответственности должно быть сведено к двум: ответственность за причинение должнику убытков, и ответственность за причинение вреда имущественным правам кредиторов. Одновременно в Законе следует установить дополнительные гарантии соблюдения прав и законных интересов контролирующих должника лиц, поскольку действующая редакция Закона имеет откровенный «перекос» баланса интересов в сторону кредиторов юридического лица-должника.

Оптимального баланса, как представляется, можно достичь, одновременно принимая во внимание совокупность следующих факторов:

1) важность четкого определения оснований ответственности соответствующих лиц: ответственность должна наступать только за очевидно противоправное поведение, повлекшее наступление неблагоприятных последствий, при наличии вины и иных элементов состава гражданского правонарушения;

2) противоправность поведения контролирующего лица должна выражаться в нарушении фидуциарных обязанностей контролирующего лица при управлении юридическим лицом действовать добросовестно и разумно в интересах должника, его участников и кредиторов;

3) понимание различий и четкого установления соотношения норм об ответственности за вред, причиненный имущественным правам кредиторов, и норм об ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу-должнику;

4) дифференциация взыскания убытков в пользу юридического лица (в конкурсную массу) и взыскания убытков в пользу отдельных кредиторов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным итогом проведенного исследования является формирование нового взгляда на корпоративные отношения как на отношения, связанные с управлением любыми юридическими лицами (а не только корпоративными организациями), в том числе некоммерческими, и основанная на таком подходе система теоретических положений о новом виде гражданско-

правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами (корпоративной ответственности).

При этом обосновываемые в диссертации теоретические положения о корпоративной ответственности могут быть полезными не только при практическом применении и толковании действующих норм, но и в перспективе – при модернизации законодательства о юридических лицах вообще и о корпоративной ответственности в частности.

Основной целью законодательства о юридических лицах является обеспечение справедливого баланса интересов между всеми участниками корпоративных отношений на всех стадиях жизненного цикла юридического лица⁶⁶¹. Важную роль в достижении такого баланса интересов играют нормы о гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. При этом следует констатировать, что система правового регулирования гражданско-правовой ответственности в корпоративных отношениях имеет те же основные недостатки, которые в целом присущи всему законодательству о юридических лицах.

Принципиальное значение для всего законодательства о юридических лицах имеют несколько федеральных законов о внесении изменений в ГК РФ. Первый из них - Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶⁶², вступивший в силу с 1 марта 2013 г. Данный закон включил *корпоративные отношения* в число отношений, регулируемых гражданским законодательством, и определил их как «отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими». Тем самым на законодательном уровне было признано, во-первых, что корпоративные отношения являются по своей природе гражданско-правовыми, основанными на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, и во-вторых, что

⁶⁶¹ Включая его создание, существование, реорганизацию и ликвидацию.

⁶⁶² СЗ РФ.2012. № 53 (Часть I), ст. 7627.

корпоративное законодательство должно развиваться как подотрасль законодательства гражданского⁶⁶³. В настоящее время развитие корпоративного законодательства и значение соответствующих отношений для оборота в целом достигли такого уровня, что они постепенно стали одними из основных отношений, регулируемых гражданским правом, поэтому в современных условиях невозможно было и далее продолжать игнорировать корпоративные отношения в качестве одного из основных видов отношений, регулируемых гражданским правом.

Наиболее крупные изменения в правовое регулирование юридических лиц были внесены Федеральным законом от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»⁶⁶⁴, вступившим в силу с 1 сентября 2014 г. Данный закон по существу ввел новую редакцию главы 4 ГК РФ о юридических лицах.

Наконец, Федеральный закон от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶⁶⁵, вступивший в силу с 1 июня 2015 г. и в целом посвященный реформе общих положений об обязательствах, установил принципиальную возможность применения общих положений об обязательствах к требованиям, возникшим из корпоративных отношений (п. 3 ст. 307.1 ГК РФ).

Постоянные поправки продолжали вноситься и в специальные законы, регулирующие деятельность отдельных видов юридических лиц. Эти поправки в основном направлены на расширение диспозитивности и

⁶⁶³ См. об этом также: *Яковлев В.Ф.* Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2015. С. 14–16.

⁶⁶⁴ СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

⁶⁶⁵ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

дальнейшую либерализацию правового регулирования деятельности юридических лиц, особенно коммерческих организаций.

Однако качество многих норм о юридических лицах «порезформенного» ГК РФ таково, что уже после 2014 года возникла необходимость принятия новых поправок уже в Кодекс, исправляющих «огрехи» реформы⁶⁶⁶.

Отсутствие четких правил о соотношении ГК РФ и специальных законов о юридических лицах, несистемное внесение поправок в специальные законы, неравенство государства и иных субъектов гражданского права в корпоративных отношениях подтверждается хотя бы тем, что после 2014 г. ГК РФ продолжает наполняться нормами, устанавливающими особые правила соотношения ГК РФ и специальных законов (приоритет специальных законов перед ГК РФ)⁶⁶⁷. Попытка

⁶⁶⁶ См. Федеральный закон от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (в части уточнения порядка управления фондами); Федеральный закон от 23.05.2015 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и в Федеральный закон «О политических партиях» (выделение общественных движений, ранее являвшихся разновидностью общественных организаций, в самостоятельную организационно-правовую форму некоммерческих корпоративных организаций); Федеральный закон от 29.06.2015 г. № 210-ФЗ (из текста пункта 1 статьи 53 ГК РФ «Органы юридического лица» исключена прямая ссылка на норму о представительстве (пункт 1 статьи 182 ГК РФ); Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и статью 24 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (адвокатские палаты и адвокатские образования (коллегии адвокатов, адвокатские бюро, юридические консультации), первоначально относившиеся к ассоциациям (союзам), выделены в самостоятельные организационно-правовые формы некоммерческих корпоративных организаций); Федеральный закон от 07.02.2017 г. № 12-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации в части установления отдельной организационно-правовой формы для Федеральной нотариальной палаты и нотариальных палат субъектов Российской Федерации».

⁶⁶⁷ См. например: Федеральный закон от 06.04.2015 г. № 80-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (законом введено правило, согласно которому положения ГК РФ применяются к религиозным организациям, если иное не установлено Федеральным законом от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и другими законами); Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»

поставить заслон бессистемным поправкам в ГК была предпринята законодателем в конце 2016 г., когда было введено правило, согласно которому любые поправки в ГК могут приниматься лишь отдельным федеральным законом, и не должны приниматься одновременно с поправками в иные законодательные акты⁶⁶⁸. Однако это правило законодатель уже успел нарушить в марте 2017 г.⁶⁶⁹, и можно предположить, что и в отношении содержащихся в ГК норм о юридических лицах оно также будет нарушаться.

Пожалуй, главной проблемой законодательства о юридических лицах⁶⁷⁰ является то, что в нем не до конца последовательно учтена общая специфика отношений, присущая всем видам юридических лиц, и в связи с этим не выдержан пандектный принцип в регулировании этих отношений.

Отсутствует понимание большинства отношений в юридических лицах как идентичных по своей правовой природе для всех видов организаций (унитарных, корпоративных, коммерческих, некоммерческих). В связи с этим единообразные по своей природе правовые категории и институты, применимые в большинстве случаев к любым юридическим лицам, по-разному регулируются в специальном законодательстве. Нормы об уставном капитале, конфликте интересов, крупных сделках и сделках с заинтересованностью, ответственности управляющих, защите интересов кредиторов, регистрации, реорганизации и ликвидации организаций и т.д.,

установил приоритет перед ГК РФ отдельных законов, регулирующих статус юридических лиц, создаваемых Российской Федерацией на основании специальных федеральных законов (п. 5 ст. 49 ГК РФ).

⁶⁶⁸ См. Федеральный закон от 28.12.2016 г. № 497-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁶⁶⁹ См. Федеральный закон от 28.03.2017 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (которым внесены поправки как в ГК РФ, так и в Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»).

⁶⁷⁰ См. также: *Гутников О.В.* § 3 главы 1 «Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о юридических лицах» // *Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 1. Общие положения о юридических лицах / Отв.ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М., 2015. С. 119–162.*

применимые в большинстве случаев к любым организациям, «разбросаны» по многочисленным актам законодательства, регулирующим по-разному одни и те же по сути отношения. И в законодательстве, и в научной доктрине не получили должного внимания такие важнейшие для любых юридических лиц понятия, как акты органов управления юридических лиц (принятые поправки в ГК РФ ограничиваются лишь рассмотрением решений собраний), аффилированные лица, контролирующие и подконтрольные лица, управление юридическим лицом, независимые директора, стандарты корпоративного управления, незаконные действия в корпоративных отношениях (корпоративные захваты, недружественные поглощения, рейдерство, гринмейл, незаконная реорганизация), координация деятельности юридических лиц (различные формы объединений юридических лиц (картели, консорциумы, пулы, холдинги и т.п.) и др.

Так и не удалось сформулировать изначально проектируемые в проекте поправок в ГК РФ нормы о лицах, контролирующих юридическое лицо и о подконтрольных лицах вместо положений о дочерних и зависимых обществах (в том числе об ответственности лиц, контролирующих юридическое лицо, запрета подконтрольному лицу голосовать при принятии решений контролирующим обществом).

До настоящего времени ГК РФ не содержит общие нормы (общую часть) корпоративного права, в которых предусматриваются нормы-принципы корпоративного права, специальные правила об осуществлении и прекращении корпоративных прав, особенности гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами (корпоративной ответственности), которая отличается от деликтной или договорной ответственности (ответственности за нарушение обязательств).

Попытка исправить имеющиеся недостатки и пробелы в регулировании корпоративных отношений была предпринята законодателем⁶⁷¹ путем распространения на корпоративные отношения (понимаемые как отношения, связанные с участием в исключительно в корпоративных организациях или с управлением ими) общих положений об обязательствах⁶⁷². Однако такое «решение» проблемы вряд ли может полноценно заменить собой систему собственных правовых институтов корпоративного права, и, по сути, представляет собой признание недостаточной проработанности введения корпоративных отношений в состав гражданского права как отдельного вида гражданско-правовых отношений.

Другим способом исправить сложившуюся ситуацию стало наделение Президента Российской Федерации правом в особых случаях вводить «альтернативное» корпоративное право, которое может устанавливать существенные особенности по сравнению с общим регулированием корпоративных отношений. В частности, Президент РФ наделен полномочием «в исключительных случаях» устанавливать особенности создания, реорганизации, ликвидации и правового положения хозяйственных обществ в отдельных сферах деятельности, включая реализацию обязанности по хранению, раскрытию или предоставлению информации об их деятельности, совершения сделок, включая их нотариальное удостоверение и учет, особенности правового положения эмитентов и профессиональных участников рынка ценных бумаг, а также особенности учета информации о ценных бумагах в отдельных сферах деятельности⁶⁷³. Очевидно, что такая

⁶⁷¹ См. Федеральный закон от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

⁶⁷² Согласно п. 3 ст. 307.1 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 08.03.2015 г. № 42-ФЗ) общие положения об обязательствах применяются к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, поскольку иное не установлено ГК РФ, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений.

⁶⁷³ См.: ст. 12 Федерального закона от 04.06.2018 г. № 133-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившей силу части 15 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в

практика «ручного управления» является вынужденной мерой в условиях неудовлетворительного состояния «общего» корпоративного права, и может рассматриваться как временная мера исключительного характера, которая должна применяться лишь до тех пор, пока корпоративное законодательство не будет приведено в удовлетворительное состояние.

В законодательстве отсутствуют четкие нормы, определяющие содержание и структуру корпоративных отношений, правильное соотношение понятий «участие» и «управление» юридическими лицами. Кроме того, совершенно не раскрывается содержание и структура гражданско-правовых отношений по управлению юридическим лицом, которые имеются не только в корпоративных, но и в унитарных организациях.

Яркий пример недооценки значения отношений по управлению юридическим лицом – действующая конструкция органа юридического лица, который по-прежнему определяется через «внешние» функции органа – выступать от имени юридического лица в гражданском обороте. В современных условиях ст. 53 ГК РФ, содержащая такое ограничительное понятие органа юридического лица – это анахронизм, который не учитывает включение в предмет гражданского права корпоративных отношений, связанных с управлением юридическим лицом. Орган – это не только «представитель» с представительскими полномочиями, но он имеет «внутреннюю» компетенцию по управлению юридическим лицом.

Не определяются система источников корпоративного права, место и юридическая сила учредительных документов, внутреннего регламента, иных внутренних документов, корпоративных и иных договоров (соглашений) в системе правового регулирования корпоративных отношений. Отсутствует понимание корпоративных отношений как

Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с принятием Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3400.

идентичных по своей правовой природе для всех видов юридических лиц (как унитарных, так и корпоративных).

В настоящее время отношения, связанные с управлением юридическими лицами унитарного типа, по существу вообще выведены из системы гражданско-правового регулирования, поскольку корпоративные отношения отождествляются исключительно с корпоративными организациями.

Абсурдным в свете изложенного выглядит наделение только учредителей корпоративных организаций правом на участие в управлении их деятельностью. Учредителям унитарных организаций такого права не предоставляется. В то же время, предусмотренные ГК РФ и Законом об унитарных предприятиях правовые возможности учредителя унитарного предприятия свидетельствуют об обратном: собственник имущества унитарного предприятия обладает правом участия в управлении деятельностью юридического лица даже в большем объеме, чем участники корпоративных организаций, поскольку в отличие от последних, он единолично осуществляет многие «управленческие» полномочия в отношении юридического лица (утверждать устав, назначать руководителей, получать часть прибыли и т.д.). То же можно сказать и об учредителях иных унитарных организаций.

Подобное регулирование может создать серьезные препятствия на пути развития законодательства о юридических лицах и способно не только вызвать новые проблемы в регулировании, но и содействовать консервации старых.

Например, новелла п. 5 ст. 52 ГК РФ формально предусматривает возможность принятия внутренних документов в любых юридических лицах, однако здесь же говорится о том, что такие внутренние документы могут регулировать только корпоративные отношения, т.е. связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Следовательно, для унитарных организаций возможность принятия

внутренних документов в ГК РФ не предусмотрена, в связи с чем унитарные организации не только лишаются возможности принимать внутренние документы, но и ставятся в неравное положение по сравнению с корпоративными организациями.

Вводя деление юридических лиц на корпоративные и унитарные организации, ГК РФ вместе с тем не определяет никаких общих положений об унитарных организациях, в отличие от корпоративных организаций, которым посвящены специальные статьи ГК (ст. 65.2 «Права и обязанности участников корпорации», 65.3 «Управление в корпорации»). Представляется, что такое регулирование является непоследовательным и неполным.

В новой редакции ГК РФ сохранен раздел «Общие положения о хозяйственных обществах и товариществах», но по непонятным причинам совершенно отсутствуют общие положения о коммерческих корпоративных организациях. В результате в отношении значительного числа коммерческих корпораций (производственные кооперативы, хозяйственные партнерства и др.) по-прежнему сохраняется специальное законодательное регулирование, хотя очевидно, что основные подходы к регулированию деятельности любых коммерческих корпораций идентичны. Очень мало в обновленном ГК РФ и общих норм о некоммерческих корпорациях, которые имеют в обществе не меньшее (а может быть, и большее) значение, чем хозяйственные общества и товарищества.

В ГК РФ непоследовательно проведены признаки разграничения коммерческих и некоммерческих организаций. Совершенно не ясно, чем отличается «приносящая доход» деятельность некоммерческой организации от «предпринимательской» деятельности.

Не способствуют стабильности гражданского оборота и многие другие недостатки, являющиеся следствием обозначенных выше фундаментальных причин кризиса корпоративного законодательства.

К ним можно отнести:

1) новые нормы, которые совершенно не планировались изначально в ходе реформы гражданского законодательства и «неожиданно» появившиеся в ГК РФ (например, признание органов юридического лица его представителями⁶⁷⁴, положения об аффилированных лицах и др.);

2) противоречия в регулировании отдельных вопросов между ГК РФ и специальными законами, которые пока еще не приведены в соответствие с ГК РФ (например, требовать исключения участников из ООО может по ст. 67 ГК РФ любой участник хозяйственного общества, а по Закону об обществах с ограниченной ответственностью – только обладающий не менее 10% долей; право предъявлять требования по ст. 53.1 ГК РФ об ответственности управляющих может любой участник юридического лица, а по Закону об акционерных обществах – лишь обладающий 1% голосующих акций);

3) неясность перспектив практического применения многих новых норм (например, возможность одновременно нескольким лицам выступать в качестве единоличного исполнительного органа; восстановление корпоративного контроля и др.);

4) максимальная вседозволенность и произвол в договорном регулировании корпоративных отношений (уставы непубличных обществ, корпоративные договоры и т.д.), которая может привести к существенному нарушению прав и законных интересов множества лиц (как участников юридических лиц, так и третьих лиц, включая кредиторов).

5) пробелы и дисбаланс в логическом построении нормативного материала (упоминавшееся выше отсутствие в ГК РФ общих положений об унитарных организациях, о коммерческих корпоративных организациях, очень мало общих норм о некоммерческих корпорациях).

6) запаздывание принятия законов, приводящих в соответствие с новыми нормами ГК РФ специального законодательства об отдельных видах юридических лиц.

⁶⁷⁴ Данная ошибка, как отмечалось выше, в настоящее время законодателем исправлена.

7) некачественное правовое регулирование многих вопросов в самом ГК РФ, повлекшее за собой принятие новых поправок уже в Кодекс, исправляющих недостатки реформы.

При таком состоянии корпоративного законодательства можно прогнозировать лишь дальнейший рост числа корпоративных споров даже по сравнению с «дореформенным» состоянием. При отсутствии стабильного и понятного корпоративного законодательства российская экономика не сможет стать привлекательной как для российских участников, так и для иностранных инвесторов. Поэтому реформа законодательства о юридических лицах должна продолжаться, она до сих пор остается необходимым условием долгосрочного социально-экономического развития⁶⁷⁵.

К сожалению, в ходе реформы не претерпела практически никаких изменений система правового регулирования юридических лиц, основы которой были заложены в ГК РФ еще в 1994 г.

Основным недостатком этой системы является не оправдавшая себя на практике двухуровневая (а иногда и трехуровневая⁶⁷⁶) система корпоративного законодательства, включающая: 1) ГК РФ, содержащий общие положения о юридических лицах; 2) федеральные законы, развивающие эти положения применительно к отдельным организационно-правовым формам юридических лиц.

При этом согласно ГК РФ специальные законы любого уровня регулирования должны соответствовать ГК РФ (п. 2 ст. 3 ГК РФ).

Однако на практике требование о соответствии специальных законов ГК РФ в огромном количестве случаев игнорируется. Причина этого заключается не только в небрежности законодателя, но и в том, что никаких законных оснований для такого приоритета у ГК РФ в настоящее время не

⁶⁷⁵ См. Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

⁶⁷⁶ Имеются в виду некоторые промежуточные между ГК РФ и специальными законами акты, например, Федеральный закон «О некоммерческих организациях».

имеется. Все части кодекса (в том числе первая часть, содержащая общие положения о юридических лицах) были приняты в форме обычного федерального закона, который имеет точно такую же юридическую силу, как и другие федеральные законы, посвященные отдельным видам юридических лиц.

Данное обстоятельство было подтверждено Конституционным Судом РФ, который указал, что «ни один федеральный закон в силу статьи 76 Конституции Российской Федерации не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой»⁶⁷⁷. Что касается возможных противоречий между ГК РФ и специальными законами, то они «должны устраняться в процессе правоприменения, так как Конституцией Российской Федерации не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида»⁶⁷⁸. При этом «применению подлежат нормы закона, принятого по времени позднее, при условии, что в нем не установлено иное», а также «приоритетом над общими нормами обладают специальные нормы»⁶⁷⁹.

В итоге развитие корпоративного законодательства по «двухуровневой» модели, предполагающей развитие общих положений ГК РФ о юридических лицах в специальных законах, не привело к созданию стабильной системы корпоративного законодательства, отвечающей потребностям рыночной экономики.

Развитие законодательства о юридических лицах сопровождается бессистемным внесением поправок в специальные законы без учета общих положений ГК РФ, некритическим использованием, а порой смешением в корпоративном законодательстве институтов англо-американской и континентальной правовых систем, а также попытками принять новые

⁶⁷⁷ См. п. 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 05.11.1999 г. № 182-О // СПС «Консультант Плюс».

⁶⁷⁸ См. п. 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 03.02.2000 г. № 22-О // СПС «Консультант Плюс».

⁶⁷⁹ См. п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 05.10.2000 г. № 199-О // СПС «Консультант Плюс».

специальные законы комплексного характера «третьего» уровня регулирования по отдельным вопросам (например, по вопросу о реорганизации юридических лиц), что привело и будет приводить к принятию противоречащих друг другу норм о сходных институтах в разных организационно-правовых формах. В результате многие законы фактически не раз полностью переписывались и продолжают редактироваться до сих пор, что приводит к негативным последствиям для всего экономического оборота.

В результате наблюдается полное отсутствие или недостаточность синхронизации принимаемых в ГК РФ поправок с иными законами, регулирующими отношения в юридических лицах. Кардинальные изменения в главу 4 ГК РФ о юридических лицах «прошли» без одновременного изменения специальных законов «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью» и иных законодательных актов об юридических лицах, а соответствующие поправки в специальные законы принимаются до сих пор с существенным запозданием⁶⁸⁰. В результате мы имеем корпоративное законодательство, не определенное по содержанию и с множеством «переходных» положений: в какой части какие акты действуют, не могут разобраться даже суды и прокуратура, не говоря уже о простых гражданах и предпринимателях, на поведение которых в первую очередь и призваны воздействовать вновь принимаемые законы.

⁶⁸⁰ Так, Закон, устанавливающий порядок удостоверения нотариусами корпоративных актов (решений собраний), вступил в силу лишь с 1 января 2015 г. (Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»): в Основы законодательства РФ о нотариате была введена глава XX.3 «Удостоверение решения органа управления юридического лица». Поправки в Закон об акционерных обществах, определяющие правила приобретения и прекращения статуса публичного общества, приняты только в июне 2015 г (Федеральный закон от 29.06.2015 г. № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»).

Разработанные в разное время концепции развития корпоративного законодательства⁶⁸¹, а также последние изменения в главу 4 ГК РФ при всех их достоинствах не устраняют главной причины кризиса корпоративного законодательства, а именно – развития его в отдельных законах, дополняющих ГК РФ. Несмотря на то, что сложившаяся система законодательства критикуется в указанных документах, в них в большей или меньшей степени предлагается снова устранять противоречия и восполнять пробелы как в ГК РФ, так и в отдельных федеральных законах, посвященных соответствующим видам юридических лиц⁶⁸². Однако при этом подходе невозможно и в дальнейшем избежать различных противоречий юридико-технического характера, а также влияния различных лоббистских группировок, которые, руководствуясь мимолетными интересами, могут в значительно более упрощенном порядке менять или принимать новые специальные законы, не трогая ГК РФ⁶⁸³. При этом отсутствует понимание единой природы гражданско-правовых отношений в любых юридических лицах (корпорациях и организациях унитарного типа, коммерческих и некоммерческих) и их сложной структуры, что неизбежно повлечет за собой дублирование и противоречивое правовое регулирование одних и тех же по существу отношений различными федеральными законами.

⁶⁸¹ См.: Концепция развития корпоративного законодательства на период до 2008 г., разработанная Министерством экономического развития и торговли РФ в 2005 г. (одобрена Правительством РФ – раздел II Протокола от 18.05.2006 г. № 16) // Закон. 2006. № 9. С. 9–36; проект концепции развития законодательства о юридических лицах, разработанный Исследовательским центром частного права при Президенте РФ // Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 9–73.

⁶⁸² В проекте концепции развития законодательства о юридических лицах, разработанной Исследовательским центром частного права при Президенте РФ, идея полной кодификации всех норм о юридических лицах присутствует, однако ее реализацию авторы проекта относят на более отдаленную перспективу (см. подробнее: Вестник гражданского права. 2009. № 2. С. 39–40).

⁶⁸³ Ярким примером того, к чему приводят такие «половинчатые» предложения, является недавнее принятие под предлогом «либерализации» отечественного корпоративного права не выдерживающих никакой критики законов о хозяйственных партнерствах и инвестиционных товариществах.

Выявление особенностей корпоративных отношений как отношений, связанных с управлением юридическими лицами, построенных на методе частно-правовой субординации, требует проведения детального анализа и проработки всех правовых институтов, возникающих в связи с управлением юридическими лицами с тем, чтобы выделить непосредственно в ГК РФ многоступенчатую группу общих норм различной сферы действия (применяемых ко всем юридическим лицам или к отдельным их разновидностям, например к коммерческим и некоммерческим организациям, к корпорациям и юридическим лицам унитарного типа) и особую часть, касающуюся отдельных организационно-правовых форм юридических лиц. Одновременно следует признать утратившими силу нормы или законы, регулирующие гражданско-правовой статус отдельных видов юридических лиц.

Представляется, что существующие в корпоративном праве проблемы могут быть решены только путем *полной кодификации законодательства о юридических лицах*, а именно:

- 1) унификации норм о юридических лицах;
- 2) включения унифицированного массива таких норм непосредственно в ГК РФ⁶⁸⁴.

Необходимо исчерпывающим образом урегулировать в ГК РФ все вопросы корпоративного права, предусмотрев в нем большой раздел, а возможно – специальную часть, о юридических лицах. Только в этом случае можно будет выделить и сформулировать не противоречащие друг другу общие положения о юридических лицах, об отдельных институтах корпоративного права (об органах юридических лиц, об их компетенции и ответственности, о правовой природе корпоративных актов, о правах учредителей и участников юридических лиц, о конфликте интересов, о

⁶⁸⁴ См. также: Гутников О.В. Корпоративное право в Российской Федерации // Новое в гражданском законодательстве: баланс публичных и частных интересов: материалы для VII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина. М., 2012. С. 77–92.

реорганизации, ликвидации, крупных сделках, сделках с заинтересованностью, корпоративном управлении, корпоративной ответственности и т.д.), а также специальные положения об отдельных видах юридических лиц.

Особо следует подчеркнуть, что требуется именно кодификация корпоративного законодательства, выделение в нем общих и специальных положений, а не механическая инкорпорация норм действующих законов в ГК РФ.

Опасения противников подобной кодификации, связанные с укрупнением ГК РФ, должны быть отвергнуты, поскольку отсутствие общих концептуальных положений корпоративного законодательства является значительно большей издержкой для участников гражданского оборота, нежели крупный по объему ГК РФ. В связи с этим стоит также учесть позитивный вектор, заданный частью четвертой ГК РФ об интеллектуальных правах, значительно укрупнившей корпус гражданского законодательства.

Следует также принимать во внимание положительный зарубежный опыт кодификации законодательства о юридических лицах. Например, в Нидерландах, во Франции и в Швейцарии нормы о хозяйственных обществах кодифицированы. В пользу кодификации положений о юридических лицах в российском законодательстве высказывается также ряд зарубежных специалистов⁶⁸⁵.

Исходя из этого, система корпоративного законодательства должна последовательно строиться по пандектному принципу, основанному на понимании единой управленческой природы, структуры и содержания корпоративных отношений в любых юридических лицах, который в настоящее время в недостаточной степени реализован в ГК РФ и специальных законах о юридических лицах.

⁶⁸⁵ См. например: *Michel de Guillenchmidt* Экономические споры в современной Российской Федерации и механизмы их разрешения // Закон. 2009. № 5. С. 177.

В целях усиления пандектных начал в регулировании корпоративных отношений необходимо не только обозначить эти отношения как отношения, связанные с управлением любыми юридическими лицами (корпоративными и унитарными) и обеспечивающими их выступление в гражданском обороте, как составную часть предмета гражданско-правового регулирования, занимающую свое место рядом с вещными, обязательственными отношениями и отношениями в сфере «интеллектуальной собственности», но также определить их структуру, содержание и юридические признаки.

Как было отмечено выше, общий процесс реформирования законодательства о юридических лицах, а также его недостатки не могли не коснуться и норм об ответственности в корпоративных отношениях, которые также нуждаются в унификации для всех видов юридических лиц. Наглядным примером такой унификации является новая ст. 53.1 ГК РФ, одинаково регулирующая вопросы ответственности членом органов управления и фактически контролирующими лиц для всех организаций вне зависимости от их организационно-правовой формы, вида, типа и т.д. (коммерческих и некоммерческих, корпоративных и унитарных). Представляется, однако, что последние изменения ГК РФ решили далеко не все проблемы, связанные с необходимостью унификации ответственности в корпоративных отношениях для всех видов юридических лиц.

Следует поддержать наметившуюся в последнее время в судебно-арбитражной практике и законотворчестве тенденцию унификации и единообразного применения норм о корпоративной ответственности ко всем юридическим лицам независимо от их организационно-правовой формы и вида. Одновременно наметилась тенденция расширения круга лиц, несущих корпоративную ответственность, и оснований привлечения к ней.

Данные тенденции должны быть последовательно доведены до конца путем полной кодификации норм о гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, непосредственно в ГК РФ. Нормы о корпоративной ответственности для всех

видов юридических лиц должны быть систематизированы и перенесены из специальных законов непосредственно в ГК РФ.

Например, новая редакция ГК РФ по существу ввела общую норму об ответственности участника любой корпорации (как коммерческой, так и некоммерческой) в виде исключения участника из юридического лица (ч. 2 ст. 65.3 ГК РФ). По своей сути любое исключение участника из корпоративной организации представляет собой санкцию в виде лишения участника корпоративных прав против его воли. Такая санкция может рассматриваться лишь в порядке применения мер ответственности за допущенные участником самые серьезные нарушения своих корпоративных обязанностей. В связи с этим логичной и правильной была бы общая для всех корпораций норма ГК РФ, устанавливающая возможность исключения участника из корпорации лишь за наиболее существенные нарушения и только в судебном порядке. Однако такая норма в ГК есть лишь применительно к хозяйственным обществам и товариществам. Порядок исключения участников из любых других корпораций (как коммерческих, так и некоммерческих) допустимо определять в специальных законах или в решениях высшего органа корпорации, что делает возможным решениями органов корпорации или специальными законами устанавливать совершенно произвольный порядок исключения участников из корпоративных организаций, в том числе безотносительно к каким-либо правонарушениям с их стороны и во внесудебном порядке.

В результате принудительное исключение участников из юридических лиц, ставшее возможным для любых корпоративных организаций, в части оснований и порядка такого исключения в настоящее время продолжает регулироваться разрозненными нормами ГК РФ и специальных законов об отдельных видах юридических лиц и не отличается единообразием. Кроме того, если таких специальных законов нет или они оставляют решение соответствующих вопросов на усмотрение органов юридического лица, основания и порядок исключения из корпоративных организаций

совершенно произвольно могут быть установлены решениями органов юридических лиц и их учредительным документом.

Нормы об ответственности управляющих и иных лиц за причиненные убытки должны быть более четко структурированы и унифицированы на основании того, что такая ответственность является разновидностью корпоративной ответственности, возникающей в связи с виновным нарушением управляющими и иными лицами своих корпоративных обязанностей, установленных законом и учредительными документами юридического лица. При этом должны быть обозначены и систематизированы корпоративные обязанности, установленные не только в интересах юридического лица, но и в интересах его участников, кредиторов и иных лиц, а убытки должны возмещаться соответственно не только юридическому лицу, но иным лицам (участникам, кредиторам и др.). Только имея четкие представления о круге корпоративных обязанностей членов органов юридического лица и иных лиц можно делать выводы о правомерности (неправомерности) их поведения и систематизировать нормы о юридической ответственности.

Также должны быть четко отграничены случаи ответственности управляющих перед акционерами, кредиторами и иными третьими лицами в рамках корпоративных отношений (корпоративной ответственности) от деликтной ответственности управляющих перед теми же лицами, не связанной с нарушением ими корпоративных обязанностей, а также от ответственности перед теми же лицами самого юридического лица.

В целом необходимо исходить из того, что ответственность в корпоративных отношениях (корпоративная ответственность) является особым видом гражданско-правовой ответственности, отличающейся от деликтной или договорной (ответственности за нарушение обязательств).

Расширяя основания корпоративной ответственности и круг привлекаемых к ней субъектов, следует формулировать как общие положения о разных видах такой ответственности, так и учитывать

специфику корпоративных отношений и дифференцировать эти нормы по видам ответственности (ответственность управляющих и иных лиц перед юридическим лицом и его участниками за причинение убытков; субсидиарная ответственность юридического лица и иных лиц перед его кредиторами по обязательствам юридического лица; ответственность участников юридического лица перед юридическим лицом и другими участниками и т.д.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Литературные источники (монографии, учебники, диссертации, статьи, комментарии, сборники)

1. Абакумова Е.Б. Перспективы применения корпоративного договора в России // Современное право. 2016. № 5.
2. Авилов Г.Е., Суханов Е.А. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 1.
3. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940.
4. Агарков М.М. Основы банковского права: Курс лекций. 2-е изд. Учение о ценных бумагах: Научное исследование. 2-е изд. М., 1994.
5. Алейникова В.В. Ответственность руководителей и страховые механизмы их защиты. М., 2018.
6. Александров А.Ю., Красноштанов Д.С. Гражданско-правовая ответственность контролирующих лиц в банкротстве // Закон. 2015. № 7.
7. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 2. Свердловск, 1964.
8. Алиев Т.Т. О сущности правовой природы корпоративного договора // Гражданское право. 2015. № 1.
9. Ананьева А.А. Договор на оказание операторских услуг по управлению // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 37.
10. Ананьева А.А. Целевая общность как основа построения системы договоров оперативного управления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 32.
11. Андреев В. Защита прав участников (акционеров) хозяйственного общества от недобросовестных и неразумных действий его органов // Хозяйство и право. 2013. № 8.
12. Андреев В.К. Корпоративное управление как один из способов координации экономической деятельности // Гражданское право. 2015. № 4.
13. Андреев В.К. Корпорация как самостоятельный субъект права // Гражданское право. 2015. № 1.
14. Андреев В.К. О подотрасли гражданского законодательства, регулирующей корпоративные отношения // Журнал российского права. 2017. № 7.
15. Андреев В.К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. № 3.
16. Андреев В.К. Права, обязанности и ответственность участников хозяйственного общества // Гражданское право. 2016. № 1.
17. Андреев В. К. Применение норм ГК РФ об органе корпорации в судебной практике // Российское правосудие. 2018. № 10.
18. Андреев В.К., Кирпичев А.Е. Юридические лица. Введение в корпоративное право: лекция. М., 2014.

19. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. М., 2015.
20. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. М., 2018.
21. Андреев Ю. Понятие корпоративных отношений в гражданском праве России // Хозяйство и право. 2008. № 6.
22. Андреев Ю.Н. Обязательственные и корпоративные правоотношения: общее и особенное // Обязательства в гражданском праве России: теория и законодательство: монография. М., 2016.
23. Андреев Ю.Н. Юридические лица в гражданском праве России: монография. М., 2018.
24. Андреева Е.М. Административный договор в теории и практике государственного управления // Новый юридический журнал. 2013. № 1.
25. Андриюшова Е. Конфликт интересов в корпоративных правоотношениях в акционерном обществе // Хозяйство и право. 2016. № 2.
26. Аракелов С.А., Чекмышев К.Н., Солдатенков Ю.В. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 4.
27. Аристова Е.А. Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. М., 2014.
28. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М., 2008.
29. Асосков А.В. Коллизионное регулирование вопросов правоспособности юридического лица и полномочий его органов: как найти баланс между интересами участников юридического лица и потребностями гражданского оборота? // Вестник гражданского права. 2014. № 4.
30. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договоров об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров) // Закон. 2014. № 8.
31. Асосков А.В. Коллизионное регулирование снятия корпоративных покровов // Вестник гражданского права. 2013. № 5.
32. Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М., 2003.
33. Асташкина А.В. Особенности корпоративного договора // Юрист. 2015. № 9.
34. Бабаев А.Б. Методологические предпосылки исследования корпоративных правоотношений // Вестник гражданского права. 2007. № 4.
35. Бабаев А.Б. Очерк 20. Проблема корпоративных правоотношений // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / Под ред. В.А. Белова. М., 2007.
36. Бакин А.С. Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве РФ // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 239.
37. Барсукова Л.И. Гражданско-правовая характеристика учредительных документов. Петропавловск-Камчатский, 2014.
38. Батлер У.Э., Гаши-Батлер М.Е. Корпорации и ценные бумаги в России и США. М., 1997.

39. Батыршина К.А. Применение доктрины «снятия корпоративной вуали» в условиях российского права // Юрист. 2015. № 24.
40. Бевзенко Р.С. Новеллы судебной практики в сфере поручительства. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12.
41. Белов В.А. Гражданское право: Общая и Особенная части: Учебник. М., 2003.
42. Белов В.А. Еще раз о проблемах «критики научности», «научности критики» и юридической природы корпоративных отношений // Закон. 2017.т № 2.
43. Белов В.А. К проблеме гражданско-правовой формы корпоративных отношений // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.
44. Белов В. А. Поручительство. Опыт теоретической конструкции и обобщения арбитражной практики. М., 1998.
45. Белоусов К.Ю. Корпоративная социальная ответственность как социально-экономический институт // Проблемы современной экономики. 2015. № 4 (56).
46. Беспалов Ю.Ф. К вопросу о понятии, субъектном составе и особенностях корпоративного договора // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 2.
47. Бинда О.А. Операция «захват». Рейдерство XXI в.: юридические и р-инструменты // Закон. 2015. № 5.
48. Бирюков Д. Квазикорпоративные договоры: новелла российского законодательства // Хозяйство и право. 2015. № 5.
49. Бирюков Д. Корпоративный договор как механизм регулирования корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2016. № 11.
50. Блэк Б., Чеффинс Б., Гелтер М. и др. Правовое регулирование ответственности членов органов управления: анализ мировой практики. М., 2010.
51. Богатырев Ф.О. Ответственность директора за убытки, причиненные хозяйственному обществу // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006.
52. Богданов Е.В. Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7.
53. Богданов Е.В. Место корпоративного права в российской правовой системе // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 3.
54. Богданов Е.В. Правовое положение арбитражного управляющего юридическим лицом // Гражданское право. 2015. № 1.
55. Богданов Е.В. Социальные и гуманитарные аспекты российского корпоративного права // Современное право. 2015. № 4.
56. Богданова Е.Е. Правовое регулирование субсидиарной ответственности: Дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001.
57. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2017.

58. Бойко Т.С. Защита миноритариев от притеснения со стороны мажоритария в непубличных обществах // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 7.
59. Бойко Т.С. Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. 2017. № 3.
60. Бойко Т.С. Права миноритариев были нарушены. Как прямое возмещение поможет эффективно защитить их интересы // Арбитражная практика. 2016. № 10.
61. Бойко Т.С. Что осталось за скобками реформы Гражданского кодекса в части регулирования юридических лиц // Закон. 2014.
62. Бойко Т.С., Буркатовский А.А. Критерии ответственности членов органов управления хозяйственных обществ в свете готовящихся изменений корпоративного законодательства и зарубежного опыта // Закон. 2011. № 5.
63. Борисов Д. Субсидиарная ответственность в правоотношениях основного и дочернего общества // Хозяйство и право. 2009. № 6.
64. Борисова Л.В. О принципах корпоративного права как подотрасли гражданского права // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. 2015. Т. 3. № 63.
65. Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора: Дис... канд. юрид. наук. М., 2016.
66. Бородкин В.Г. Корпоративный договор в период реформирования Гражданского кодекса РФ // Закон. 2014. № 3.
67. Бородкин В.Г. Корпоративный договор как механизм разрешения тупиковых ситуаций в хозяйственном обществе // Закон. 2015. № 10.
68. Бородкин В.Г. Преимущественное право покупки в хозяйственных обществах: изменения в ГК РФ и корпоративный договор // Закон. 2014. № 7.
69. Бочкарев Ю.А., Шаповалов С.И. Нотариальная форма защиты прав участников корпоративных отношений // Государство и право: история и современность: монография. Волгоград, 2015.
70. Брагинский М. Непоименованные (безымянные) и смешанные договоры // Хозяйство и право. 2007. № 10.
71. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М., 1997.
72. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 2001.
73. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
74. Будылин С. Является ли акционер фидуциарием? Американский путь // Первая социальная сеть для юристов «Закон.ру», размещено 03.10.2014 г. URL: <http://zakon.ru/>.
75. Будылин С.Л. Разум и добрая совесть: обязанности директора в США, Великобритании и России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 2.
76. Будылин С. Л. Штрафные убытки. Теперь и в России? // Вестник гражданского права. 2013. № 4.

77. Будылин С. Л., Иванец Ю. Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7.
78. Бурганова Л.А. Теория управления: Учеб. пособие. М., 2005.
79. Бушев А.Ю., Скворцов О.Ю. Акционерное право. Вопросы теории и судебно-арбитражной практики. М., 1997.
80. Быканов Д.Д. Квалификация проникающей ответственности с точки зрения российского права // Закон. 2014. № 8.
81. Быканов Д.Д. «Проникающая ответственность» в зарубежном и российском корпоративном праве: Дис... канд. юрид. наук. М., 2018.
82. Быканов Д.Д. Снятие корпоративной вуали по праву США, Нидерландов и России // Закон. 2014. № 7.
83. Валеева А.А. К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении // Юрист. 2015. № 13.
84. Валеева А.А. О некоторых аспектах развития гражданского законодательства, регулирующего отношения с участием дочерних и зависимых хозяйственных обществ, в Российской Федерации // Юрист. 2014. № 18.
85. Валеева А.А. Юридическая характеристика дочернего хозяйственного общества как участника отношений связанности по гражданскому праву России // Юрист. 2015. № 12.
86. Варюшин М.С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2015.
87. Варюшин М.С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: монография. М., 2016.
88. Варюшин М.С. Основные способы защиты, применяемые при нарушении условий корпоративного договора // Законодательство и экономика. 2013. № 7.
89. Варюшин М.С. Устав и корпоративный договор в системе регулирования корпоративных отношений: сравнительно-правовой аспект // Юрист. 2014. № 21.
90. Василевская Л.Ю. Правовая квалификация договора управления залогом // Закон. 2016. № 3.
91. Вебер, Хансйорг. Обеспечение обязательств. М., 2009.
92. Вербицкая Ю.В. Система некоммерческих организаций в проекте ГК РФ. Закон. 2011. № 4.
93. Верещагин А.Н. Фактор недостаточной капитализации в корпоративном праве Англии и США // Закон. 2010. № 4.
94. Вилкин С.С. О нормативной теории решения органа юридического лица // Вестник гражданского права. 2008. № 2.
95. Вилкин С.С. О процессе принятия решения коллегиальным органом юридического лица // Вестник гражданского права. 2009. № 1.
96. Витрянский В.В. Поручительство / Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М., 1997.
97. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016.

98. Власова А.С. Самозащита в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2016. № 1.
99. Власова А.С., Лошкарева М.Е., Удалова Н.М. Юридическое лицо и его ответственность: от фикции к реальному субъекту правоотношений // Закон. 2018. № 4.
100. Власова А.С., Удалова Н.М. Номинальный руководитель в деятельности юридического лица // Закон. 2016. № 6.
101. Власова А.С., Удалова Н.М. Право учредителя (участника) на ликвидацию юридического лица в судебном порядке // Закон. 2017. № 10.
102. Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / Отв. ред. И.О. Хлестова. М., 2018.
103. Габов А.В. О субъекте, правомочном предъявлять требования о возмещении убытков членам органов управления корпораций после вступления в силу изменений в ГК РФ // Гражданское право. 2014. № 4.
104. Габов А.В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7.
105. Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М., 2010.
106. Габов А.В. Подведомственность корпоративных споров третейским судам (к дискуссии о проектах законов, направленных на реформирование законодательства о третейских судах) // Журнал российского права. 2015. № 3.
107. Габов А.В. Принудительное прекращение юридического лица в российском законодательстве // Вестник гражданского права. 2010. № 3.
108. Габов А.В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2015.
109. Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М., 2005.
110. Габов А.В. Солидарная ответственность как следствие реорганизации // Гражданское право. 2016. № 5.
111. Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М., 2014.
112. Габов А.В., Забитов К.С. Роль конституционного суда в защите прав миноритарных акционеров // Закон. 2012. № 1.
113. Габов А.В., Молотников А.Е. Проблемы правового регулирования страхования ответственности руководителей хозяйственных обществ // Закон. 2012. № 9.
114. Гаджиев Г.А. Легитимация идей «права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. 2017. № 6.
115. Галазова З.В. Реорганизация юридического лица: теоретико-правовое обоснование: монография. М., 2017.
116. Галкова Е.В. Соотношение принципа сохранности капитала акционерного общества и ответственности эмитента за проспект ценных бумаг // Закон. 2015. № 11.

117. Ганижев А.Я. Акты органов управления юридических лиц по российскому гражданскому праву: на примере хозяйственных обществ. Дисс. ... канд.юрид.наук. М. 2012.
118. Гатаулина Л.Ф. Понятие и общие принципы осуществления корпоративных прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4 (105).
119. Гладнева Е.П., Праслов Ю.П. Особенности предмета и содержания корпоративных соглашений // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3.
120. Глазунов А.Ю. Право на получение дивидендов: экономический анализ и правовое регулирование // Закон. 2017. № 7.
121. Гландин С.В. Принудительная ликвидация компании Британских Виргинских островов по инициативе кредиторов. Закон. 2015. № 7.
122. Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия. М., 2017.
123. Глушецкий А. Диспозитивность в регулировании корпоративных отношений в свете реформы гражданского законодательства // Хозяйство и право. 2014. № 8.
124. Глушецкий А. Корпоративный договор – новые возможности структурирования корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2014. № 11.
125. Глушецкий А. Корпоративный контроль участников хозяйственного общества // Хозяйство и право. 2013. № 12 (Приложение).
126. Глушецкий А. Ответственность за неисполнение обязанности направить публичную оферту о приобретении ценных бумаг акционерного общества // Хозяйство и право. 2009. № 6.
127. Глушецкий А.А. Уставный капитал: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. М., 2017.
128. Глушецкий А.А., Степанов Д.И. «Вытеснение» и «поглощение»: практический комментарий к новой главе акционерного закона. М., 2006.
129. Глянцева Д.Ю. Правовая природа уставного капитала акционерного общества: дис... канд. юрид. наук. М., 2016.
130. Гольцблат А.А., Трусова Е.А. Снятие корпоративной вуали в судебной и арбитражной практике России // Закон. 2013. № 10.
131. Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М., 2002.
132. Горбунов Е.Ю. К вопросу о правовой природе договора хозяйственного общества с юридическим лицом, осуществляющим полномочия единоличного исполнительного органа // Закон. 2012. № 4.
133. Горбунов Е.Ю. О договорах «продажи голосов» третьим лицам // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9.
134. Горбунов Е.Ю. О лицах, действующих без доверенности: к реформе законодательства о хозяйственных обществах // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 4.
135. Горбунов Е.Ю. О природе исполнительного органа в контексте теорий юридического лица // Вестник гражданского права. 2013. № 2.
136. Грабовец А.С. Корпоративные отношения в современном российском праве: монография / Под ред. Ю.А. Свирина. М., 2015.

137. Гражданский кодекс Российской Федерации. Юридические лица: Постатейный комментарий к главе 4 / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2014.
138. Гражданское право и современность: Сборник статей, посвященный памяти М.И. Брагинского / Под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко. М., 2013.
139. Гражданское право России. Общая часть. Курс лекций / Отв. ред. О.Н. Садилов. М., 2001.
140. Гражданское право: Учебник. Т. II / Под ред. О.Н. Садилова. М., 2007.
141. Гражданское право. Учебник. Часть I / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998.
142. Гражданское право. Учебник. Часть II / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М. 1997.
143. Грибанов В.П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей. М., 1973.
144. Грибкова Т.В. Акционерные соглашения как средство правового регулирования корпоративных отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
145. Гританс Я.М. Корпоративные отношения: правовое регулирование организационных форм. М., 2005.
146. Грищенко О.И. Участие государства в акционерных обществах: правовые проблемы. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2014.
147. Громов А.А. Переход от исполнения обязательства в натуре к возмещению убытков: российское и германское регулирование // Вестник гражданского права. 2016. № 1.
148. Громов В.В. Правовой статус основного хозяйственного общества как субъекта гражданско-правовой ответственности по обязательствам дочернего общества: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2005.
149. Груздев В.В. Внутриорганизационный договор об осуществлении управленческих полномочий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 10.
150. Гурьев В.С. Акционерные соглашения как группа корпоративных договоров: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2011.
151. Гутников О.В. Виды юридических лиц в российском гражданском праве // Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х томах. Том II. Виды юридических лиц в российском законодательстве / Отв. ред. А.В. Габов. М. 2015.
152. Гутников О.В. Возмещение убытков в деле о банкротстве: новые виды ответственности или неудачное использование известных институтов? // Хозяйство и право. 2018. № 1.
153. Гутников О.В. Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: замена ограниченных вещных прав корпоративными правами государства и совершенствование ответственности государства и государственных юридических лиц // Адвокат. 2016. № 12.
154. Гутников О.В. Государственные организации как субъекты корпоративных отношений: о допустимости участия в корпоративных отношениях унитарных юридических лиц // Журнал российского права. 2016. № 7.
155. Гутников О.В. Деление сделок на ничтожные и оспоримые в гражданском праве: основные идеи и результаты реформирования Гражданского

кодекса Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 2.

156. Гутников О.В. Деление юридических лиц на корпоративные и унитарные // Юридические лица в гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 2. Виды юридических лиц в российском законодательстве / отв. ред. А.В. Габов. М., 2015.

157. Гутников О.В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве» // Закон. 2017. № 1.

158. Гутников О.В. Законодательство Российской Федерации о юридических лицах и проблемы его совершенствования // Юридические лица в российском гражданском праве (коммерческие и некоммерческие организации) / отв. ред. В. Н. Литовкин, О.В. Гутников. М., 2011.

159. Гутников О.В. Защита гражданских прав в Концепции развития гражданского законодательства // Материалы IV Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся (Москва, 28 октября 2009 г.) / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Отв. Ред. В. М. Жуйков. М., 2010.

160. Гутников О.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью в ситуации корпоративного конфликта // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 21. М., 2015.

161. Гутников О.В. Исключение участника юридического лица: мера ответственности и способ защиты корпоративных прав // Вестник экономического правосудия. 2015. № 2.

162. Гутников О.В. К вопросу о правах поручителя, исполнившего обязательство // Гражданское право и современность: Сборник статей, посвященных памяти М. И. Брагинского / Под ред. В. Н. Литовкина и К.Б. Ярошенко. М., 2013.

163. Гутников О.В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. 2017. № 3.

164. Гутников О.В. Кодификация норм корпоративного законодательства об ответственности управляющих за убытки, причиненные юридическим лицам // Журнал российского права. 2014. № 1.

165. Гутников О.В. Контролирующие лица как субъекты корпоративной ответственности // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М., 2017.

166. Гутников О.В. Контролирующие лица как субъекты ответственности в деле о банкротстве // Хозяйство и право. 2017. № 12.

167. Гутников О.В. Концепция развития корпоративного законодательства // Концепции развития российского законодательства. М., 2010.

168. Гутников О.В. Концепция совершенствования гражданского законодательства Республики Казахстан и нерешенные вопросы российского корпоративного права // Теоретические проблемы развития системы законодательства Республики Казахстан: тенденции и перспективы: Сборник

материалов международной научно-практической конференции 12 апреля 2007 г. Астана, 2007.

169. Гутников О.В. Концепция совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ: основные идеи // Закон. 2009. № 5.

170. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве России» // Журнал российского права. 2018. № 3.

171. Гутников О.В. Корпоративное право в Российской Федерации // Новое в гражданском законодательстве: материалы для VII Ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся / отв. ред. Н. Г. Доронина. М., 2012.

172. Гутников О.В. Модернизация законодательства о юридических лицах // Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография / Отв. редактор д.ю.н. А.В. Габов. М., 2015.

173. Гутников О.В. Недопустимость оспаривания решений общего собрания акционеров лицами, не обладающими на это правом и по основаниям, не предусмотренным законом // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 19. /Под ред. В. Ф. Яковлева. М., 2013.

174. Гутников О.В. Оптимизация видов юридических лиц в соответствии с потребностями гражданского оборота // Журнал российского права. 2011. № 1.

175. Гутников О.В. Оптимизация видов юридических лиц в соответствии с потребностями гражданского оборота // Институты гражданского права и модернизация экономики. Материалы V ежегодных научных чтений памяти профессора С. Н. Братуся (Москва, 25 октября 2010 г.) / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / Отв. ред. Н.Г. Доронина. М., 2011.

176. Гутников О.В. Особенности правового статуса организаций, созданных на основании федеральных законов, и организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами // Журнал российского права. 2015. № 2.

177. Гутников О.В. Особенности правового статуса Пенсионного фонда Российской Федерации // Адвокат. 2014. № 11.

178. Гутников О.В. Оспаривание в суде отзыва у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций в связи с нарушением действующего законодательства // Цивилист. 2006. № 4.

179. Гутников О.В. Ответственность перед кредиторами в корпоративных отношениях: тенденции и перспективы развития правовых норм // Журнал российского права. 2014. № 7.

180. Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 1.

181. Гутников О.В. Отношения, связанные с управлением юридическими лицами, как составная часть предмета гражданского права // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: Сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова. М., 2018.

182. Гутников О.В. Подведомственность корпоративных споров арбитражным судам // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 16 / Под ред. В. Ф. Яковлева. М., 2009.

183. Гутников О.В. Правовое положение фондов как юридических лиц // Корпорации и учреждения. Сборник статей / Отв. ред М. А. Рожкова. М., 2007.

184. Гутников О.В. Предмет и система корпоративного законодательства // Юрист. 2013. № 10 (Казахстан) / URL: <http://www.zakon.kz/4583752-predmet-i-sistema-korporativnogo.html>.

185. Гутников О.В. Привлечение единственного участника коммерческой корпорации к ответственности за убытки, причиненные юридическому лицу вследствие незаконного увольнения генерального директора // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 24 /отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., 2018.

186. Гутников О.В. Привлечение к субсидиарной ответственности руководителя юридического лица в деле о банкротстве // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 22 / Отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., 2017.

187. Гутников О.В. Привлечение к субсидиарной ответственности участника коммандитного товарищества // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной пратики). Выпуск 23 / Отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., 2017.

188. Гутников О.В. Признание недействительной сделки с заинтересованностью возможно лишь при наличии неблагоприятных последствий // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 18. /Под ред. В. Ф. Яковлева. М., 2012.

189. Гутников О.В. Приобретение или отчуждение акционерным обществом акций третьих лиц при отсутствии предварительного решения совета директоров о совершении таких сделок не во всех случаях влечет их ничтожность // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 17 // Под ред. В. Ф. Яковлева. М., 2010.

190. Гутников О.В. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о юридических лицах // Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х томах. Том I. Общие положения о юридических лицах / Отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М, 2015.

191. Гутников О.В. Развитие законодательства Российской Федерации о юридических лицах в современный период // Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х томах. Том I. Общие положения о юридических лицах / Отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М, 2015.

192. Гутников О.В. Развитие корпоративного законодательства // Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова и др.; отв.ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015.

193. Гутников О.В. Содержание корпоративных отношений // Журнал российского права. 2013. № 1.

194. Гутников О.В. Состояние и перспективы развития корпоративного законодательства в Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 2.

195. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: вопросы правового регулирования и юридическая природа // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1.

196. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в законодательстве о юридических лицах: необходимость реформ // Адвокат. 2016. № 9.
197. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность за неисполнение обязанности подать заявление о банкротстве: новые правила // Хозяйство и право. 2018. № 2.
198. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц за невозможность полного погашения требований кредиторов // Хозяйство и право. 2018. № 3.
199. Гутников О.В. Управленческие договоры в гражданском праве // Договор как общеправовая ценность: монография. М., 2018.
200. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Вестник гражданского права. 2014. № 6.
201. Гутников О.В. Юридическая ответственность в корпоративных отношениях // Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х томах. Том I. Общие положения о юридических лицах / Отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М. 2015.
202. Гутников О.В. Юридические лица социальной сферы // Правовое регулирование деятельности организаций, оказывающих услуги в сфере здравоохранения, образования и культуры: научно-практическое пособие (отв. ред. Н.В. Путило). М., 2012.
203. Гутников О.В., Забитов К.С. О допустимости привлечения страховой организации к административной ответственности по части 3 статьи 14.1 КоАП РФ за нарушение гражданско-правовых обязанностей // Журнал российского права. 2013. № 2.
204. Гутников О.В., Сеницын С.А. Глава 18 «Гражданское законодательство: некоторые проблемы развития» // Отрасли законодательства и отрасли права Российской Федерации: общетеоретический, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты: монография / под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. М., 2017.
205. Гутников О.В., Сеницын С.А. Убытки как мера ответственности за ненаправление обязательного предложения акционерам публичного общества // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2018. № 1.
206. Гуцин В.В., Порошкина Ю.О., Сердюк Е.Б. Корпоративное право: учебник для юридических вузов. М., 2006.
207. Дедов Д.И. Конфликт интересов. М., 2004.
208. Демин А.В. Административные договоры: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1996.
209. Демин А.В. Общие вопросы теории административного договора. Красноярск, 1998.
210. Дж. Келли. «Английское право содержит четкий набор принципов, регулирующих снятие корпоративной вуали» // Закон. 2013. № 10.
211. Дзугева Д.М., Кабалоева А.Т. Особенности корпоративной ответственности // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 1.
212. Добрачев Д.В. Принцип формализации права требования возмещения убытков // Вестник гражданского права. 2014. № 4.

213. Добровольский В.И. Проблемы корпоративного права в арбитражной практике. М., 2006.
214. Добровольский В.С., Добровольская М.К., Дубаренко К.А. Возникновение, эволюция и современное состояние корпоративного права. СПб., 2015.
215. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография. М., 2006.
216. Долинская В.В. Корпоративные отношения в предмете гражданского права // Вопросы правоведения. 2015. № 5.
217. Дубовицкая Е.А. Европейское корпоративное право. М., 2008.
218. Евстигнеев Э.А. Принцип генерального деликта: современное состояние и перспективы применения // Вестник гражданского права. 2017. № 4, № 5.
219. Егоров А.В., Усачева К.А. Доктрина «снятия корпоративного покрова» как инструмент распределения рисков между участниками корпорации и иными субъектами оборота // Вестник гражданского права. 2014. № 1.
220. Егоров А.В., Усачева К. А. Субсидиарная ответственность за доведение до банкротства – неудачный эквивалент западной доктрины снятия корпоративного покрова // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.
221. Егорова М. А. Категория «контроль юридического лица» как основной критерий формирования группы лиц // Конкурентное право. 2014. № 1.
222. Егорова М.А. Корпоративное управление как основа координации экономической деятельности своих членов саморегулируемой организацией // Юрист. 2014. № 20.
223. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие / отв. ред. М.А. Егорова. М., 2017.
224. Ем В.С. О критериях ничтожности сделок в новейшем гражданском законодательстве России // Вестник гражданского права. 2014. № 6.
225. Жукова Ю.Д. Ответственность руководителя хозяйственного общества по российскому праву. М., 2016.
226. Загайнова С.К. Особенности законной силы судебных решений по косвенным искам // Закон. 2009. № 6.
227. Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. М., 2007.
228. Захаров А.Н. Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 10.
229. Захаров А.Н. Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества: Дис... канд. юрид. наук. М., 2015.
230. Захаров А.Н. Проблемы применения «иных» оснований корпоративного контроля // Закон. 2015. № 4.
231. Зинченко С.А. К вопросу о содержании корпоративных правомочий // Гражданское право. 2014. № 4.

232. Зинченко С.А. Хозяйственное общество как юридическое лицо и его органы: природа, взаимосвязь, взаимодействия // Гражданское право. 2016. № 1.
233. Золотарева А., Киреева А. Корпоративный договор: второе издание // Хозяйство и право. 2014. № 10.
234. Зурабян А.А. Корпоративные правоотношения как вид гражданских правоотношений. Дисс... канд. юрид. наук. М., 2007.
235. Ибрагимов Р. Исполнение акционерных соглашений в свете планируемых изменений в законодательстве // Корпоративный юрист. 2008. № 9.
236. Иванов И., Теселкин Ф. Юридическая ответственность руководителей российских компаний // Корпоративный юрист. 2005. № 4.
237. Иванов И.Л. Гражданско-правовая ответственность лиц, участвующих в управлении акционерным обществом, в праве России и Германии: Дис... канд. юрид. наук. М., 1999.
238. Иванова Г.Н., Шевченко А.С. Субсидиарная ответственность // Правоведение. 1998. № 2.
239. Инеджан Н., Де Монмолин Ж., Пенцов Д. Договоры акционеров по швейцарскому праву // Корпоративный юрист. 2007. № 10.
240. Иноземцев М.И. Ответственность сторон за нарушение акционерного соглашения по праву России и зарубежных государств: Дис... канд. юрид. наук. М., 2017.
241. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб., 2004.
242. Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975.
243. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955.
244. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. I. СПб., 2003.
245. Иофе О.С. Правовые проблемы народного хозяйства СССР // Государство и право развитого социализма в СССР. Л., 1977.
246. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000.
247. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I) // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2000.
248. Использование оценок регулирующего воздействия для совершенствования корпоративного законодательства. М., 2006.
249. Ифраимов В.Ю. Правовое регулирование внутрикорпоративных отношений в Российской Федерации и Азербайджанской Республике (на примере акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью): Дис... канд. юрид. наук. М., 2015.
250. Кабатова Е.В. Соглашения акционеров: вопросы применения российского и иностранного права // Вестник гражданского права. 2009. № 2.
251. Казакова Н.А. Гражданско-правовая ответственность членов органов хозяйственных обществ: проблемы теории и практики // Юрист. 2015. № 7.
252. Каминка А. И. Акционерные компании: Юридическое исследование. Т. 1. СПб., 1902.

253. Каминка А.И. Очерки торгового права. М., 2002.
254. Камышанский В.П. Корпоративный договор и договор об осуществлении прав участников общества: некоторые проблемы соотношения // Журнал российского права. 2016. № 1.
255. Карабельников Б.Р. Трудовые отношения в хозяйственных обществах. М., 2003.
256. Карагусов Ф.С. Основы корпоративного права и корпоративное законодательство Республики Казахстан. Алматы, 2011.
257. Карагусов Ф.С. Правовое положение коммерческих организаций по законодательству Республики Казахстан. Алматы, 2012.
258. Карапетов А. Исключение акционера из непубличного АО: выбор оптимальной модели регулирования // Первая социальная сеть для юристов «Закон.ру», размещено 28.10.2014 г. URL: <http://zakon.ru/>.
259. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016.
260. Карапетов А.Г., Тузов Д.О. Сделки, совершенные в противоречии с императивными нормами закона, в контексте новой редакции ст. 168 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2016. № 5.
261. Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб.-практ.пособие. М., 2006.
262. Карнаков Я.В. Косвенный иск в корпоративном праве США // Закон. 2009. № 6.
263. Карнаков Я.В. Некоторые вопросы законодательства об акционерных соглашениях // Закон. 2009. № 8.
264. Карташов М.А. Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству России и Германии: Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
265. Кархалев Д.Н. Охранительное гражданское правоотношение. М., 2009.
266. Касаев И.Г. Ответственность лиц, имеющих возможность определять действия юридического лица: на примере хозяйственных обществ: Дис... канд. юрид. наук. М., 2005.
267. Кашанина Т.В. Корпоративное (внутрифирменное) право. М., 2005.
268. Кашанина Т.В. Корпоративное право: учебное пособие. М., 2015.
269. Кашанина Т.В. Корпоративное право: учеб. пособие для академического бакалавриата. М., 2017.
270. Кашанина Т.В. Хозяйственные товарищества и общества: правовое регулирование внутрифирменной деятельности. Учебник для вузов. М., 1995.
271. Кашников Н.Б. Теоретические конструкции поручительства в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. № 6.
272. Киракосян С.А., Бежан А.В. Множественность единоличного исполнительного органа: новые возможности и новые риски // Юрист. 2016. № 6.
273. Кириллова О.Ю. Реорганизация как инструмент рынка корпоративного контроля в РФ: монография. М., 2015.
274. Кирилова Н. Субсидиарная ответственность публично-правовых образований за деятельность учреждений // Хозяйство и право. 2008. № 7.

275. Кицай Ю.А. Корпоративные правоотношения и особенности их защиты в российском гражданском праве // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11-2.

276. Кицай Ю.А. Социализация корпоративных организаций по российскому и зарубежному законодательству: общие закономерности, тенденции и перспективы развития: монография / Под ред. О.А. Серовой. М., 2015.

277. Клеандров М.И. Право собственности государственных корпораций: некоторые вопросы // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сб. науч. тр. в честь проф. В.Б. Хаскельберга. М., 2008.

278. Ключарева Е.М. Запрет на конкуренцию директора с обществом: опыт Великобритании, штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. 2018. № 6.

279. Ключарева Е.М. Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. 2015. № 11.

280. Клячин А.А. Решение собрания как юридический факт в корпоративном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4 (30).

281. Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: Учебное пособие. М., 2003.

282. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица. М., 2005.

283. Козлова Н.В. Учредительный договор о создании коммерческих обществ и товариществ. М., 1994.

284. Колокольцев А.Н. Административный договор как правовая форма управления // Право и политика. 2007. № 9.

285. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой / Под ред. О. Н. Садикова. М., 2005.

286. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. Т.Е. Абовой и А. Ю. Кабалкина. М., 2004.

287. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» / Под общ. ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1996.

288. Комментарий к Федеральному закону «Об акционерных обществах» / Под ред. Г.С. Шапкиной. М., 1996.

289. Кондратенко Е.О. Обзор практики арбитражных судов кассационной инстанции по привлечению контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам ООО в случае его банкротства по вине этих лиц // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 1.

290. Кононов В.С. Корпоративные правоотношения: понятие, признаки, сущность // Актуальные проблемы гражданского права: сб. статей. Вып. 9 / Под ред. О. Шиловых. М., 2005.

291. Коньков А. Акционерные соглашения в России: последствия нарушения // Актуальные проблемы предпринимательского права. Сборник статей. Вып. III / По ред. А.Е. Молотникова. М., 2013.

292. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: монография / Отв. ред. М.А. Егорова. М., 2015.

293. Коренев А.П., Абдурахманов А.А. Административные договоры: понятие и виды // Журнал российского права. 1998. № 7.
294. Корпоративное право: актуальные проблемы / Под ред. Д.В. Ломакина. М., 2015.
295. Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / Под общ.ред. В.А. Белова. М., 2009.
296. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / Под общ. ред. В.А. Белова. М., 2015.
297. Корпоративное право: Учебник / Отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2019.
298. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017.
299. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М., 2018.
300. Корпоративное право: Учебный курс: Учебник / Отв. ред. И. С. Шиткина. М., 2011.
301. Корпоративное право: учебный курс: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2015.
302. Корпоративные конфликты (споры): учебно-практическое пособие / Е.Н. Ефименко, В.А. Лаптев. М., 2014.
303. Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования: монография / Под ред. Е.Д. Тягай. М., 2014.
304. Коршунова Е.Е. Особенности рассмотрения споров о привлечении к субсидиарной ответственности на основании положений Закона о банкротстве // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2010. № 4.
305. Костырко А.Б. Акционерные соглашения: проблемы и перспективы // Закон. 2007. № 12.
306. Коциоль Хельмут. Гармонизация и фундаментальные вопросы европейского деликтного права // Вестник гражданского права. 2017. № 5; 2018. № 1.
307. Кравец В. Д. Гражданско-правовой статус публичных юридических лиц: монография. М., 2016.
308. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. Т. 1. М., 2005.
309. Красавчиков О.А. Сущность юридического лица // Советское государство и право. 1976. № 1.
310. Крашенинников Е.А. Понятие гражданско-правовой ответственности // Вестник ВАС РФ. 2012. № 5.
311. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. К понятию полномочия // Вестник гражданского права. 2012. № 2.
312. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Право членства // Вестник ВАС РФ. 2013. № 12.
313. Кривцов А.С. Общее учение об убытках // Вестник гражданского права. 2015. № 5, № 6; 2016. № 1.

314. Крюкова Ю.Я. Понятие субсидиарного обязательства в гражданском праве России // Проблемы права. 2012. № 7 (38).
315. Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М., 2014.
316. Кузнецов А.А. Комментарий к постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10.
317. Кузнецов А.А. Обязательное предложение: вопросы защиты прав акционеров // Вестник ВАС РФ. 2010. № 12.
318. Кузнецов А.А. Орган юридического лица как его представитель // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 10.
319. Кузнецов А.А. Оспаривание крупных сделок и сделок с заинтересованностью: общие замечания // Вестник ВАС РФ. 2014. № 2.
320. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М., 2017.
321. Кузнецов А.А. Предоставление информации по требованию акционера: сравнительно-правовой анализ // Закон. 2010. № 8.
322. Кузнецов А.А., Новак Д.В. Вопросы корпоративного права в постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 12.
323. Кузнецова Л.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.
324. Кузнецова Л.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: практика применения действующего законодательства. М., 2008.
325. Кузьмин А.И. Возникновение, изменение и прекращение права участия в хозяйственных обществах на основании актов корпорации и ее участников: Дис... канд. юрид. наук. М., 2014.
326. Кузьмин П.В. Соглашение акционеров в системе корпоративного управления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7.
327. Кулинская А.В. Гражданско-правовая ответственность единоличного исполнительного органа акционерного общества // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 11 / Под ред. О.Ю. Шиловцова. М., 2007.
328. Курбатов А. Субсидиарная ответственность учредителей (участников) кредитной организации при ее банкротстве // Хозяйство и право. 2006. № 2.
329. Куренной А.М. Правовое регулирование трудовых отношений с руководителем организации // Закон. 2004. № 1.
330. Курчевская С.В. Административный договор: формирование современной теории и основные проблемы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002.
331. Кущенко А.А. Корпоративные отношения как предмет правового регулирования: монография. Астрахань, 2015.
332. Лаптев В.А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений // Предпринимательское право. 2016. № 1.

333. Лаптев В.А. Совершенствование законодательства о корпорациях в России на современном этапе // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 1.
334. Лаптев В.В. Акционерное право. М., 1999.
335. Латурнери М.-Э. О юридических лицах // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.
336. Лебедев А.М. Анализ изменений законодательства о банкротстве, касающихся возложения субсидиарной ответственности на лиц, виновных в доведении организации до банкротства // Закон. 2009. № 10.
337. Левинский Е.Н. Использование модели соглашения акционеров в России // Закон. 2006. № 10.
338. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981.
339. Литовцева Ю.В. Применимость правовой позиции КС РФ по взысканию ущерба, причиненного налоговым преступлением, к спорам, связанным с привлечением к субсидиарной и иной ответственности контролирующих лиц // Закон. 2018. № 7.
340. Лиханов А.С., Согбатьян А.Г. Ответственность теневого директора за причиненные корпорации убытки // Закон. 2017. № 3.
341. Ло Пуки Л.М. Смерть ответственности // Закон. 2008. №№ 11,12; 2009. №№ 1–8.
342. Логинова Е.В. Понятие и правовая природа корпоративных отношений с позиций современной гражданско-правовой науки // Юридическая наука. 2016. № 1.
343. Ломакин Д. Дивиденды акционерного общества // Хозяйство и право. 2014. № 9.
344. Ломакин Д. Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. № 2.
345. Ломакин Д. Реформирование корпоративного законодательства. Как выбрать правильный вектор? // Хозяйство и право. 2015. № 11.
346. Ломакин Д., Гентовт О. Ответственность контролирующих лиц: правовая природа и механизм привлечения к ней // Хозяйство и право. 2016. № 1.
347. Ломакин Д.В. Акционерное правоотношение. М., 1997.
348. Ломакин Д.В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства // Вестник ВАС РФ. 2009. № 8.
349. Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник ВАС РФ. 2012. № 9.
350. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ. Дисс... докт. юрид. наук. М., 2009.
351. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М., 2008.
352. Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М., 2005.

353. Ломакин Д.В. Правовые проблемы определения субъектов ответственности за необоснованное списание акций // Вестник ВАС РФ. 2007. № 9.
354. Лопатенкова Н.Г. Квазинекоммерческие организации. Закон. 2011. № 4.
355. Лордкипанидзе А.Г. Имущественная ответственность в капиталистической акционерной компании (Франция, Англия, США). М., 1981.
356. Лоренц Д. Восстановление корпоративного контроля: возвращение доли участия или признание права на долю в уставном капитале? // Хозяйство и право. 2015. № 8.
357. Мадатов А.А. Правовое положение ПФР // Законодательство. 2002. № 12.
358. Мазо М.А. Конфликт интересов в акционерном обществе (гражданско-правовой аспект): Автореф. дис.. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.
359. Макарова О.А. Акционерные общества с государственным участием. Проблемы корпоративного управления: монография. М., 2017.
360. Макарова О.А. Договор с профессиональным директором в АО с государственным участием: некоторые проблемы // Гражданское право. 2014. № 4.
361. Макарова О.А. Корпоративное право: учебник и практикум. М., 2015.
362. Макарова О.А. Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М., 2017.
363. Макарова О.А. Правовое обеспечение корпоративного управления в акционерных обществах с участием государства: Дис... д-ра юрид. наук. СПб., 2015.
364. Маковская А. Ospаривание решений общего собрания акционеров // Хозяйство и право. 2006. № 9 (Приложение).
365. Маковская А.А. Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты корпоративных прав // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1.
366. Маковская А.А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2006.
367. Мартиросян А.Г. Соотношение вины и риска в гражданском праве // Вестник ВАС РФ. 2010. № 7.
368. Медведев А.Ю. Неограниченная ответственность юридического лица как принцип: история вопроса в английском праве // Закон. 2011. № 11.
369. Мейер Д.И. Русское гражданское право (по изд. 1902 г.). Ч. 1. М., 1997.
370. Мельникова Т.В. Корпоративное право и защита корпорации от недружественного поглощения: учебное пособие. Красноярск, 2015.
371. Метелева Ю.А. Правовое положение акционера в акционерном обществе: М., 1999.
372. Мильков А.В. К вопросу о соотношении понятий «защита права» и «охрана права» // Закон. 2010. № 11.
373. Мильков А.В. К вопросу о трактовке юридической ответственности как обязанности претерпевания // Закон. 2017. № 4. С. 158–164.

374. Мильков А.В. К вопросу о характеристике гражданско-правовой ответственности // Закон. 2016. № 9.
375. Мильков А.В. К теории охранительных гражданских правоотношений: учебное пособие. М., 2018.
376. Мильков А.В. О несостоятельности концепции двухаспектной юридической ответственности // Закон. 2016. № 6.
377. Мильков А.В. О подходах к разграничению понятий «гражданско-правовая защита» и «гражданско-правовая ответственность» // Закон. 2013. № 7.
378. Мильков А.В. Очерки теории гражданско-правовой ответственности: учебное пособие. М., 2018.
379. Минина И.А. Корпоративная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Законодательство и экономика. 2009. № 12.
380. Минина И.А. Частноправовое регулирование корпоративной ответственности // Адвокат. 2009. № 11.
381. Мифтахутдинов Р.Т. Эволюция института субсидиарной ответственности при банкротстве: причины и последствия правовой реформы // Закон. 2018. № 5.
382. Михайлов В.С. Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения // Вестник гражданского права. 2018. № 3.
383. Михалев К.А. Защита прав кредиторов хозяйственного общества от использования конструкции общества в противоречии с ее назначением: Дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015.
384. Михеева Л. Несколько слов к дискуссии о корпоративном договоре: проблема исполнения обязательств, возникших из него // Хозяйство и право. 2015. № 3.
385. Могилевский С. Права участников общества с ограниченной ответственностью: классификация, виды, характеристика // Хозяйство и право. 2007. № 10 (Приложение).
386. Могилевский С.Д. Органы управления хозяйственными обществами: Правовой аспект: Монография. М., 2001.
387. Модельные правила европейского частного права / Пер. с англ.; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М., 2013.
388. Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М., 2008.
389. Молотников А.Е. Ответственность в акционерных обществах. М., 2006.
390. Молотников А. Ответственность лиц, осуществляющих управление акционерным обществом // Корпоративный юрист. 2006. № 5
391. Монастырский Ю.Э. О значении советского периода для современной гражданско-правовой теории убытков // Закон. 2018. № 3.
392. Монастырский Ю.Э. Природа требований об убытках // Закон. 2017. № 9.
393. Монастырский Ю.Э. Противоправность как основание присуждения убытков // Закон. 2017. № 11/

394. Монастырский Ю.Э. Роль вины кредитора в установлении объема ответственности и непредвидимости убытков // Закон. 2018. № 6.
395. Монастырский Ю.Э. Современный сравнительный смысл понятия «убытки» (частные размышления) // Закон. 2018. № 1.
396. Монастырский Ю.Э. Убытки вследствие умаления корпоративных прав // Закон. 2017. № 7.
397. Морозов С.Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. № 2.
398. Назарова Е.Н. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: Дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015.
399. Назимов И.А. Восстановление положения, существовавшего до нарушения прав участников юридических лиц корпоративного типа: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014.
400. Назыков А.Л. Resulting trust v. Piercing the corporate veil: в каких случаях активы компании следует считать принадлежащими контролирующему лицу // Закон. 2013. № 10.
401. Нанаева Э.А. Гражданско-правовая ответственность основного общества (товарищества) по обязательствам дочернего общества в праве России и Германии: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2008.
402. Насиров Х.Т. Субсидиарные обязательства в гражданском праве: проблемы теории и практики // Вестник Пермского университета. 2010. № 3 (9).
403. Насиров Х.Т. Содержание субсидиарных обязательств // Вестник Пермского университета. 2012. № 1 (15).
404. Настин П.С. Корпоративные отношения в гражданском праве: теоретический и практический аспекты // Российский юридический журнал. 2014. № 3 (96).
405. Настин П.С. Корпоративный договор как новая юридическая конструкция в ГК России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 7.
406. Научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» / Под ред. проф., докт. юрид. наук В.В. Витрянского. М., 2003.
407. Научно-практический комментарий к части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. 2-е изд. М., 1999.
408. Нефедов Б.И., Кожейкин С.И. Общетеоретические проблемы административного договора // Правоведение. 2007. № 6.
409. Никифоров И., Булгаков И. Соглашение между акционерами в российском праве: есть ли альтернатива? // Корпоративный юрист. 2006. № 11.
410. Николаев А. Р. Правовое положение контролирующих должника лиц в процедурах несостоятельности (банкротства): дис... канд. юрид. наук. М., 2013.
411. Новицкий И. Б. Общее учение об обязательстве // Новицкий И. Б. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2. М., 2006.
412. Новоселов В.И. К вопросу об административных договорах // Правоведение. 1969. № 3.
413. Новоселова Л. А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. М., 2003.

414. Ногина О.А. Государственные внебюджетные фонды в составе бюджетной системы России: проблемы правового регулирования: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2013.
415. Норин А.В. Квалификация договора между хозяйственным обществом и лицом, исполняющим функции его единоличного исполнительного органа // Юрист. 2016. № 3.
416. Носова Д.В. Соглашения участников ООО. Акционерные соглашения. Новеллы российского законодательства и некоторые вопросы их реализации // Закон. 2009. № 10.
417. Нуртдинов Р.Г. Акционерные соглашения // Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М., 2016.
418. Овсянников С.В. О казусе снятия корпоративной вуали с налогоплательщика // Вестник экономического правосудия в РФ. 2015. № 5.
419. Огородов Д.В., Челышев М.Ю. Смешанные договоры в частном праве: отдельные вопросы теории и практики // Законодательство и экономика. 2005. № 10.
420. Ода Хироши. Акционерные соглашения: осторожный шаг вперед // Вестник гражданского права. 2010. № 1.
421. Ойгензихт В. А. Категория «риска» в советском гражданском праве // Правоведение. 1971. № 5.
422. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. Душанбе, 1972.
423. Олейник О.М. Договор о передаче полномочий исполнительного органа общества: проблемы квалификации и применения // Закон. 2015. № 12.
424. Орловский Ю. Особенности правового статуса руководителя организации // Хозяйство и право. 2015. № 7.
425. Осипенко К.О. Договор об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве: Дис... канд. юрид. наук. М., 2015.
426. Осипенко К.О. Предмет договора об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве // Вестник гражданского права. 2012. № 6.
427. Остапенко И.А. Административный акт и административный договор как правовые формы государственного управления: Монография. Волгоград, 2010.
428. Очерки конституционной экономики. 10 декабря 2010 года: госкорпорации – юридические лица публичного права / Отв. ред. Г.А. Гаджиев. М., 2010.
429. Пассек Е.В. Неимущественный интерес в обязательстве // Пассек Е.В. Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. М., 2003.
430. Пахомова Н.Н. Основы теории корпоративных отношений (правовой аспект): Монография. Екб., 2004.
431. Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екатеринбург, 2005.
432. Петражицкий Л.И. Акции. Биржевая игра и теория экономических кризисов. Т. 1. СПб., 1911.

433. Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2010. № 5, № 6.
434. Планиоль М. Курс французского гражданского права. Часть первая. Теория об обязательствах / Перевод с фр. В. Ю. Гартмана. М., 1911.
435. Плеханов В.В. Договоры участников общества с ограниченной ответственностью // Корпоративный юрист. 2009. № 6.
436. Плешанова О.П. Принцип добросовестности в корпоративном праве: реализация в делах о возмещении убытков // Вестник гражданского права. 2017. № 2.
437. Поваров Ю.С. Последствия нарушения акционерного соглашения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5.
438. Поваров Ю.С. Правовое положение акционера. Самара, 2009.
439. Подшивалов Т. Основания применения доктрины снятия корпоративной вуали в российской судебной практике // Хозяйство и право. 2015. № 2.
440. Подшивалов Т.П. Злоупотребление корпоративными правами: участие в гражданском обороте номинальных и операционных юридических лиц // Российская юстиция. 2014. № 12.
441. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
442. Покровский С.С. Субсидиарная ответственность: проблемы правового регулирования и правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 7.
443. Покровский С.С. Эволюция и проблемы правового регулирования гражданской ответственности за банкротство // Закон. 2018. № 7.
444. Пономарева Т.Н. Правовой статус коммерческой организации как корпорации: учебное пособие. Вологда, 2014.
445. Попондопуло В. Ф. Конкурсное право: Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): Учеб. Пособие. М., 2001.
446. Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: понятие и природа // Юрист. 2014. № 20.
447. Потапов Н.А. К вопросу об ответственности юридического лица // Юрист. 2015. № 22.
448. Право и экономическая деятельность: современные вызовы: монография (гл. 2. Субъекты экономических отношений: статус и деятельность) / Отв. ред. А.В. Габов. М., 2015.
449. Праслов Ю.П. О некоторых вопросах ответственности за нарушение корпоративных соглашений // Безопасность бизнеса. 2013. № 1.
450. Прокопьев А.Ю. Корпоративные правоотношения // Гражданские правоотношения: понятие, элементы, виды: монография. М., 2016.
451. Прус Е.П. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств учредителей (участников) юридического лица: Дисс... канд. юрид. наук. М., 2006.
452. Прус Е. П. Проблемы правового регулирования субсидиарных обязательств участников (учредителей) юридического лица // Актуальные проблемы гражданского права: Сборник статей. Вып. 8 / Под ред. О. Ю. Шиловцова. М., 2004.

453. Райхер В.К. Абсолютные и относительные права // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Вып. XXV.
454. Ракитина Л.Н. Определение процессуального положения хозяйственного общества и арбитражного управляющего при предъявлении последним косвенных исков // Закон. 2009. № 6.
455. Рахмилович В.А. О противоправности как основании гражданской ответственности // Советское государство и право. 1964. № 3.
456. Рожкова М.А. И вновь о групповых и косвенных исках // Вестник ВАС РФ. 2007. № 5.
457. Рожкова М.А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестник ВАС РФ. 2005. № 9.
458. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011.
459. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2011.
460. Рубеко Г. Исполнительные органы акционерных обществ: особенности правового статуса // Хозяйство и право. 2005. № 12.
461. Рубеко Г.Л. Правовой статус органов управления акционерных обществ. М., 2007.
462. Рублев В. Понятие и правовая характеристика акционерного соглашения как гражданско-правового договора, регулируемого гражданским законодательством России // Юрист. 2010. № 7.
463. Рудакова В.Д. Гражданско-правовой статус публичных юридических лиц: Дис... канд. юрид. наук. М., 2014.
464. Савиных В. А. Субсидиарная ответственность: экономическое содержание и правовая сущность // Вестник ВАС РФ. 2012. № 12.
465. Савиных В.А. Феномен надзорной ответственности государства как разновидность субсидиарной ответственности // Вестник гражданского права. 2014. № 5.
466. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. II / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М., Одесса, 2012.
467. Савостин А.А. Административные договоры и их реализация в сфере публичного управления // Административное и муниципальное право. 2008. № 1.
468. Садиков О.Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М., 2009.
469. Сайфуллин Р.И. Субсидиарное поручительство: проблемы осуществления кредитором прав после завершения банкротства основного должника // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.
470. Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. № 4.
471. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М., 2005.
472. Семивеличенко Е.А. Гражданско-правовые договоры, обеспечивающие создание, управление и прекращение юридических лиц: системный подход: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 2015.

473. Семилютина Н.Г. Корпоративные споры и развитие альтернативных механизмов разрешения споров // Журнал российского права. 2015. № 2.
474. Сенюк Г.В. Интересы в акционерном обществе и их защита // Закон. 2012. № 10.
475. Синдеева И.Ю. Передача государственного и муниципального имущества в хозяйственное ведение и оперативное управление как особый вид административного договора // Административное и муниципальное право. 2013. № 2.
476. Сеницын С.А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1.
477. Сеницын С.А. Абсолютные и относительные субъективные права. Общее учение и проблемы теории гражданского права. Сравнительно-правовое исследование: монография. М., 2015.
478. Сеницын С.А. К понятию корпоративных правоотношений: особенности содержания и регулирования (сравнительно-правовой аспект) // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: Сборник статей к юбилею проф. Е.А. Суханова. М., 2018.
479. Сеницын С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6.
480. Сеницын С.А. Место корпоративного права в системе частного права // Законодательство. 2015. № 3.
481. Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах. Автореф. дис... докт. юрид. наук. М., 2017.
482. Скворцов Д.И. Совершение сделок по слияниям и поглощениям публичных акционерных обществ по законодательству Российской Федерации: Дис... канд. юрид. наук. М., 2014.
483. Слоневская А.И. Институт субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника-банкрота // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 1.
484. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л., 1983.
485. Смородин Я. О. Несколько мыслей о корпоративном договоре в свете реформирования гражданского законодательства // Опыты цивилистического исследования: Сборник статей / отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков. М., 2016.
486. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. В.А. Рясенцева, Н.П. Волошина. М., 1987.
487. Советское гражданское право. Учебник для юридических школ / Под ред. С. Н. Братуся. М., 1950.
488. Сойфер Т.В. Фонды // Юридические лица в гражданском праве (коммерческие и некоммерческие организации) / Отв. ред. В.Н. Литовкин, О.В. Гутников. М., 2011.
489. Соколов Р.А. Место Пенсионного фонда Российской Федерации в системе федеральных органов исполнительной власти // Законодательство. 2014. № 3.

490. Соловьева С.В. Правовая природа корпоративного договора в праве США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2.
491. Спесивов В.В. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при привлечении к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве // Закон. 2018. № 7.
492. Спиринов Д.А. Реформа законодательства о юридических лицах: неудавшаяся попытка регулирования ответственности контролирующего лица // Закон. 2014. № 7.
493. Стариков Ю.Н., Давыдов К.В. Административный договор в системе государственного управления: назначение, правовые условия, виды // Административное право и процесс. 2013. № 5.
494. Стасюк И.В. Взыскание имущественного вреда, причиненного преступным уклонением от уплаты налогов юридических лиц // Закон. 2018. № 3.
495. Степанов В.В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. М., 1999.
496. Степанов Д. Компания, управляемая хозяйственным обществом // Хозяйство и право. 2000. № 10.
497. Степанов Д. Поглощение, осуществляемое путем приобретения крупного пакета акций, и вытеснение миноритарных акционеров // Хозяйство и право. 2006. №№ 5–7.
498. Степанов Д. Соглашения акционеров в российской судебной практике // Корпоративный юрист. 2008. № 9.
499. Степанов Д. Что делать с дедлоком при долях 50/50 // Первая социальная сеть для юристов «Закон.ру», размещено 15.10.2014 г. (<http://zakon.ru/>).
500. Степанов Д.И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 9, № 10.
501. Степанов Д.И. Договор об осуществлении прав участников ООО. Научно-практический комментарий ключевых положений новейшего законодательства // Вестник ВАС РФ. 2010. № 12.
502. Степанов Д.И. Еще раз о природе полномочий исполнительного органа и управляющего хозяйственным обществом // Вестник ВАС РФ. 2006. № 8.
503. Степанов Д.И. Интересы юридического лица и его участников // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 1.
504. Степанов Д.И. Кого из двух участников ООО, обладающих равными долями, исключать из такого общества при наличии дедлока? // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 12.
505. Степанов Д.И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7.
506. Степанов Д.И. Новый режим оспаривания крупных сделок: реформа ради реформы? // Закон. 2015. № 9.
507. Степанов Д.И. От субъекта ответственности к природе корпоративных отношений // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1.

508. Степанов Д.И. Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? // Корпоративный юрист. 2008. № 11.
509. Степанов Д.И. Ответственность эмитента и регистратора за необоснованное списание акций // Вестник ВАС РФ. 2007. № 3.
510. Степанов Д.И. Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность: Сборник статей, посвященный памяти М.И. Брагинского. М., 2013.
511. Степанов Д.И. Следует ли допускать аннулирование обязательного предложения при поглощениях? // Закон. 2009. № 10.
512. Степанов Д.И. Судебная практика по обязательному предложению и вытеснению миноритарных акционеров // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 2.
513. Степанов Д.И. Убытки акционера из-за утраты акциями стоимости не могут быть взысканы с самого акционерного общества // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 1.
514. Степанов Д.И. Устав как форма сделки // Вестник гражданского права. 2009. № 1.
515. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. № 3.
516. Степанов Д.И. Что делать с дедлоком при долях 50/50 // Юридический Интернет-портал «Закон.ру» от 15.10.2014 г. URL: <https://zakon.ru/>.
517. Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия. 2016. № 9.
518. Степанов Д.И., Михальчук Ю.С. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 4 (Приложение).
519. Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.-И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник ВАС РФ. 2012. № 10.
520. Степанов П. Правовая квалификация отношений, возникающих между единоличным исполнительным органом и акционерным обществом // Хозяйство и право. 2002. № 12.
521. Степанов П.В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: Дис... канд. юрид. наук. М., 1999.
522. Степкин С.П. Гражданско-правовой институт акционерных соглашений: монография. М., 2011.
523. Суворов Е.Д. Субсидиарная ответственность по обязательствам должника в процессе банкротства: вопросы правоприменения // Закон. 2013. № 12.
524. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., 2000.
525. Сулейменов М.К. Гражданское право и корпоративные отношения: проблемы теории и практики // Вестник гражданского права. 2016. № 3.
526. Сулягин А.Л., Мартвель И.А. Российская судебная практика по косвенным искам акционеров // Закон. 2009. № 6.
527. Суханов Е.А. Американские корпорации в российском праве (о новой редакции гл. 4 ГК РФ) // Вестник гражданского права. 2014. № 5.

528. Суханов Е.А. Комментарий к ст. 65.1-65.3 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ) // Вестник гражданского права. 2014. № 3.

529. Суханов Е.А. Корпоративное соглашение — это бомба под весь наш оборот // Закон. 2014. № 7.

530. Суханов Е.А. Корпоративные соглашения в современном российском и зарубежном праве // Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды. М. 2018.

531. Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы современной цивилистики: сборник статей, посвященных памяти профессора С.М. Корнеева. М., 2013.

532. Суханов Е.А. О достоинствах и недостатках новой редакции главы 4 Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 9.

533. Суханов Е.А. Очерк сравнительного корпоративного права // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема. М., 2011.

534. Суханов Е.А. Понятие и виды корпораций в зарубежном и российском праве // Хозяйство и право. 2013. № 11.

535. Суханов Е.А. Предпринимательские корпорации в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 1.

536. Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: Избранные труды. М., 2018.

537. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М., 2014.

538. Суханов Е.А. Тенденции развития корпоративного права в противостоянии англо-американского и континентального европейского подходов // Право и государство. 2015. № 3 (68).

539. Сыродова О.Н. Акционерное право США и России (сравнительный анализ). М., 1996.

540. Тай Ю.В., Арабова Т.Ф. Неподъемная вуаль // Закон. 2013. № 10.

541. Тарасенко Ю.А. Правовая природа договора хозяйственного общества с единоличным исполнительным органом // Вестник ВАС РФ. 2010. № 11.

542. Тариканов Д.В. Юридическая личность коммерческих организаций в гражданском праве России. М., 2006.

543. Татлыбаев Б.В. Иск инвестора о взыскании убытков, причиненных инсайдерской торговлей: зарубежный опыт регулирования и российские перспективы // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 11.

544. Татлыбаев Б.В. Методики расчетов убытков, причиненных в результате неправомерного использования инсайдерской информации, в праве России и США: сравнительно-правовой анализ // Закон. 2016. № 10.

545. Татлыбаев Б.В. Правовая природа убытков, причиненных в результате неправомерного использования инсайдерской информации // Закон. 2015. № 6.

546. Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М., 2017.

547. Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления хозяйственных сообществ: Дис... канд. юрид. наук. М., 2015.
548. Телюкина М.В. Конкурсное право: Теория и практика несостоятельности (банкротства). М., 2002.
549. Терновая О.А., Соловьева С.В. Теоретико-правовое сравнительное исследование правовой природы корпоративного договора по праву Франции и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5.
550. Ткачева Н.Н., Семененко Н.В. Проблемы определения правового положения истца по косвенным искам в арбитражном судопроизводстве // Закон. 2009. № 6.
551. Толстой Ю.К. Проблемы совершенствования гражданского законодательства и пути их решения // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 5.
552. Трубина М.В. Гражданско-правовое регулирование акционерных соглашений в России и странах континентальной Европы: Дис... канд. юрид. наук. М., 2016.
553. Тузов Д.О. Lex “quasi” perfecta? О новой редакции статьи 168 Гражданского кодекса РФ и фундаментальных цивилистических понятиях // Закон. 2015. № 9.
554. Тузов Н.А. Основания исключения участника из общества с ограниченной ответственностью // Законодательство и экономика. 2004. № 8.
555. Туктаров Ю.Е., Семикова Л.Е. Сколько стоит банкротство для кредиторов? // Закон. 2009. № 9.
556. Тульчинский Г.Л. Корпоративная социальная ответственность: технологии и оценка эффективности. М., 2013.
557. Турбина И.А. Гражданско-правовая ответственность исполнительных органов хозяйственных обществ в РФ, ЕС и США: Дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 2016.
558. Тычинская Е.В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. М., 2012.
559. Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2006.
560. Усачева К.А. Расторжение нарушенного договора и взыскание убытков: некоторые проблемы соотношения. Сравнительно-правовой аспект // Вестник гражданского права. 2014. № 4.
561. Ушницкий Р.Р. О гражданско-правовой форме корпоративного отношения // Вестник гражданского права. 2011. № 5.
562. Ушницкий Р.Р. О наиболее актуальных проблемах современной теории корпоративного права России // Юрист. 2015. № 14.
563. Ушницкий Р.Р. Теория корпоративного права и новелла статьи 2 ГК РФ // Журнал российского права. 2015. № 12.
564. Федоров С.И. Правовое регулирование корпоративных договоров и модернизация гражданского права России // Вестник гражданского права. 2013. № 1.

565. Федотов И. Соглашения акционеров в отечественной юридической практике // Корпоративный юрист. 2007. № 5.
566. Филипенко Н.В. Органы, работники и представители юридического лица // Вестник экономического правосудия РФ. 2015. № 3.
567. Филиппов В.Г. Прекращение коммерческих организаций: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.
568. Филиппова О.С. Крупные сделки хозяйственных обществ по законодательству Российской Федерации: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Томск, 2014.
569. Филиппова С. Восстановление корпоративного контроля: общий риск через общего контрагента // Хозяйство и право. 2013. № 4.
570. Филиппова С. Исключение акционера из непубличного акционерного общества: комментарий новелл Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 7.
571. Филиппова С. Охрана и защита прав участников коммерческих корпораций // Хозяйство и право. 2016. № 5 (Приложение).
572. Филиппова С. Сделки, направленные на управление правом голоса участника корпорации: природа, применение, новеллы правового регулирования // Хозяйство и право. 2017. № 12.
573. Филиппова С., Шиткина И. Особенности недействительности сделок, совершаемых с участием корпораций // Хозяйство и право. 2014. № 11.
574. Филиппова С.Ю. Внутренние правоотношения в хозяйственном обществе: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Томск, 2001.
575. Филиппова С.Ю. Исключение участника из хозяйственного товарищества или общества как правовое средство: оценка правовых целей использования // Предпринимательское право. 2015. № 1.
576. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения // Флейшиц Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. М., 2015.
577. Фомина О. Гражданско-правовая ответственность участников корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2015. № 4.
578. Фомина О.Н. Правовое положение предпринимательской корпорации в США и акционерного общества в Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ: Монография. М., 2016.
579. Фрадкин К.Б. Возмещение убытков акционера, связанных с хищением у него акций регистратором и эмитентом // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.
580. Хабриева Т.Я. Современные подходы к классификации юридических лиц // Журнал российского права. 2014. № 10.
581. Хаванова И. А. Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал российского права. 2014. № 12.
582. Хаддад Мажд Рияд Махамад. Ответственность членов Совета директоров акционерного общества: сравнительный анализ законодательства Сирии и России: Дис... канд. юрид. наук. М., 2015.
583. Харитонов Ю.С. Управление в гражданском праве: проблемы теории и практики. М., 2011.

584. Хвостов В.М. Система римского права: Учебник. М., 1996.
585. Храпунова Е.А. Субсидиарная ответственность в гражданском праве: Дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001.
586. Цепов Г.В. Акционерные общества: теория и практика: учеб. пособие. М., 2006.
587. Цепов Г.В. Бьют не по паспорту, или понятия фиктивной организации, подставного лица и фактического руководителя в российской судебной практике // Закон. 2017. № 7.
588. Цепов Г.В. Выйти из тумана метафор, или ответственность контролирующего лица перед кредиторами компании // Закон. 2015. № 4.
589. Цепов Г.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение «корпоративного контракта» // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 10. С. 96–113.
590. Цепов Г.В. Можно ли судить за алчность? Ответственность контролирующих лиц коммерческой корпорации перед кредиторами за принятие чрезмерного предпринимательского риска при угрозе несостоятельности // Закон. 2016. № 8.
591. Цепов Г.В. Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка // Закон. 2015. № 12.
592. Чепус А.В. Теория позитивной юридической ответственности: монография. М., 2016.
593. Чернышев А. Акционерные соглашения: желания и возможности // Корпоративный юрист. 2008. № 9.
594. Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: учеб. пособие. М., 2018.
595. Чиканова Л. Правовая природа отношений, возникающих у руководителя организации в связи с исполнением им возложенных на него обязанностей по руководству этой организацией // Хозяйство и право. 2015. № 9.
596. Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007.
597. Чуча С.Ю. Необходимо ужесточать ответственность тех, кто стоит за компанией // Закон. 2011. № 8.
598. Шапкина Г.С. Применение акционерного законодательства. М., 2009.
599. Шашков Ю.В. Фидуциарные обязанности директора: от англо-американской доктрины к российской корпоративной практике // Закон. 2009. № 12.
600. Ширвиндт А.М. Соглашения об ответственности за нарушение обязательства во французском праве // Вестник гражданского права. 2013. № 3.
601. Шиткин А. Злоупотребление правом контролирующим лицом // Хозяйство и право. 2015. № 7.
602. Шиткина И. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: классическая доктрина и современные тенденции правоприменения // Хозяйство и право. 2013. № 3.
603. Шиткина И. Договор передачи полномочий единоличного исполнительного органа акционерного общества управляющей организации // Хозяйство и право. 2006. № 3.

604. Шиткина И. О проблеме «обязательных указаний» основного общества дочернему // Хозяйство и право. 2006. № 6.
605. Шиткина И. Организация управления холдингом посредством управляющей организации, действующей как единоличный исполнительный орган дочерних обществ // Хозяйство и право. 2005. № 9.
606. Шиткина И. Ответственность в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. 2015. № 6.
607. Шиткина И. Правовое регулирование экономической зависимости // Хозяйство и право. 2017. № 6 (Приложение).
608. Шиткина И. Правовой режим экстраординарных сделок // Хозяйство и право. 2016. № 4.
609. Шиткина И. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. 2013. № 2.
610. Шиткина И. Соглашения акционеров (договоры об осуществлении прав участников) как источник регламентации корпоративных отношений // Хозяйство и право. 2011. № 2.
611. Шиткина И.С. Имущественная ответственность в корпоративных правоотношениях (на примере хозяйственных обществ) (лекция в рамках учебного курса «Предпринимательское право» // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2015. № 2.
612. Шиткина И.С. Имущественная ответственность государства в корпоративных правоотношениях // Закон. 2017. № 5.
613. Шиткина И.С. Имущественная ответственность государства как акционера // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. М., 2017.
614. Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7.
615. Шиткина И. С. и др. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц: новые возможности (Событие. Комментарии экспертов) // Закон. 2017. № 8.
616. Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление: научно-практ. издание. М., 2006.
617. Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 2014.
618. Юридические лица в гражданском праве / отв. ред. В.Н. Литовкин, О.В. Гутников. М., 2011.
619. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 1. Общие положения о юридических лицах / Отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М., 2015.
620. Юридические лица в гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 2. Виды юридических лиц в российском законодательстве / отв. ред. А.В. Габов. М., 2015.

621. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3-х т. Т. 3. Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / отв. ред. А.В. Габов. М., 2015.

622. Юрчак Е.В. Теория вины в праве: монография / Отв. ред. Т.В. Кашанина. М., 2017.

623. Юрьева Л.А. Договор управления многоквартирным домом: монография / Под ред. И.Д. Кузьминой. М., 2011.

624. Юрьева Л.А. К вопросу о правовой сущности договоров об оказании услуг управления // Бюллетень нотариальной практики. 2008. № 4.

625. Яковлев В.Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2015.

626. Ямпольская Ц.А. О теории административного договора // Советское государство и право. 1966. № 10.

627. Ярков В.В. Как «вписать» косвенные иски в процессуальное право России? // Закон. 2009. № 6.

628. Michel de Guillenchmidt. Экономические споры в современной Российской Федерации и механизмы их разрешения // Закон. 2009. № 5.

II. Концепции, проекты федеральных законов, программные документы, документы стратегического планирования

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р).

2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. ст. А.Л. Маковского. М., 2009.

3. Концепция развития законодательства о юридических лицах (проект) // Вестник гражданского права. 2009. № 2.

4. Концепция развития корпоративного законодательства на период до 2008 года // Закон. 2006. № 9.

5. Концепция совершенствования общих положений обязательственного права России (проект рекомендован Советом к опубликованию в целях обсуждения, протокол № 66 от 26 января 2009 г.) // Хозяйство и право. 2009. № 3. Приложение.

6. Проект концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации (рекомендован Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (протокол № 2 от 11 марта 2009 г.) // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4.

7. План мероприятий («дорожная карта») «Совершенствование корпоративного управления» (утв. распоряжением Правительства РФ от 25 июня 2016 г. № 1315-р).

8. Рекомендации круглого стола Совета Федерации Федерального Собрания РФ «Совершенствование корпоративного законодательства». Состоялся 23 мая 2017 г. в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, организованный

Комитетом СФ по конституционному законодательству и государственному строительству совместно с Комитетом СФ по экономической политике // URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/80498/>

9. Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части приведения в соответствие с главой 4 Гражданского кодекса Российской Федерации)» // URL: <http://www.regulation.gov.ru>.

10. Проект федерального закона № 394587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» // URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/394587-5>.

11. Проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://www.gosduma.net/systems/law/>

12. Проект Федерального закона «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части определения контролирующих и подконтрольных лиц и их ответственности)» // URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=79694>.